Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

О. А. МАКУШНИКОВ

ГОМЕЛЬСКОЕ ПОДНЕПРОВЬЕ В V-СЕРЕДИНЕ XIII ВВ.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ

Монография

Гомель
УО «ГГУ им. Ф. Скорины»
2009

УДК 94 (476.2 - 37 Гомель : 282. 247. 32) : 902. 2 "5/1250"
ББК 63. 3 (4БЕИ - 4 Гом, 21 Днепр)2 : 63. 3(4БЕИ - 4 Гом, 21 Днепр)41 : 63. 442. 7
М 178

Рецензенты:
А. А. Егорейченко, д-р истор. наук, зав. каф. археологии и специальных исторических дисциплин УО «Белорусский государственный университет»$
А. М. Медведев, канд. истор. наук, доцент, зав. отделом археологии средневекового периода ГНУ «Институт истории НАН Беларуси»

Макушников, О. А.
Гомельское Поднепровье в V - середине XIII вв. : Социально -
М 178 экономическое и этнокультурное развитие [Текст] : монография
О. А. Макушников; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. - Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. - 218 с.
ISBN 978-985-439-438-1

Монография посвящена историко-археологическому изучению Гомельского Поднепровья в периоды раннеславянской и древнерусской истории. Автором предложены новые взгляды на характер исторических процессов, протекавших в регионе накануне и во время сложения государства Древняя Русь. В научный оборот вводится обширный материал, связанный с раскопками памятников археологии и их осмыслением. Первоочередное внимание уделяется исследованию летописного Гомеля и Моховского археологического комплекса, которые выступают объектами многолетних полевых работ автора.

Монография адресована ученым, преподавателям вузов и средней школы, краеведам. студентам и всем заинтересованным.

УДК 94 (476.2 - 37 Гомель : 282. 247. 32) : 902. 2 "5/1250"
ББК 63. 3 (4БЕИ - 4 Гом, 21 Днепр)2 : 63. 3(4БЕИ - 4 Гом, 21 Днепр)41 : 63. 442. 7

ISBN 978-985-439-438-1

СОДЕРЖАНИЕ

Не все истина, что лежит на поверхности

Кто-то из классиков

ВВЕДЕНИЕ

Гомельское Поднепровье - компактный историко-географический регион на юго-востоке Беларуси. В физико-географическом отношении он соответствует Приднепровской низменности, охватывающей гомельское течение Днепра с притоками. Естественно-географическая восточная граница территории совпадает с началом Брянских равнин и современной границей с Россией, южная - с Украиной. На севере Приднепровская низменность доходит до окрестностей Рогачева (по Днепру), Чечерска и Славгорода (по Сожу), т.е. в основном ее очертание соответствует современной границе Гомельской и Могилевской областей. На севере (со стороны Могилевщины) рассматриваемый регион ограничен Оршанско-Могилевской и Березинской равнинами. На западе Приднепровская низменность соседствует с Полесской [1]. Объект исследования не является произвольным, ибо соответствует естественно-географическим условиям территории (рисунок 1).

Гомельское Поднепровье представлялось «глубинным» районом расселения славян, отдаленным от «генеральных» направлений становления государственности в Восточной Европе в конце I - начале II тыс. н. э. Высказывалось мнение о позднем появлении здесь славянских группировок, говорилось о заметном отставании уровня социально-экономического развития радимичей (основной части населения изучаемого региона) от соседних славянских «племен». При этом главной посылкой служило достаточно позднее упоминание городов Посожья (середина XII в.) в летописях и предположение об отсутствии у радимичей зачатков собственной государственности (по летописи - «княжения») в канун формирования Руси. Новые исследования представляют историю Гомельского Поднепровья в ином свете. Ученые уделили немалое внимание историко-археологическому изучению Гомельского Поднепровья периодов раннего и зрелого средневековья. Вместе с тем, результаты исследования уровня социально-экономического развития и характера этнокультурных процессов в V—XIII вв. в регионе нельзя признать достаточными для реконструкции истории данной области, соответствующей требованиям современной науки.

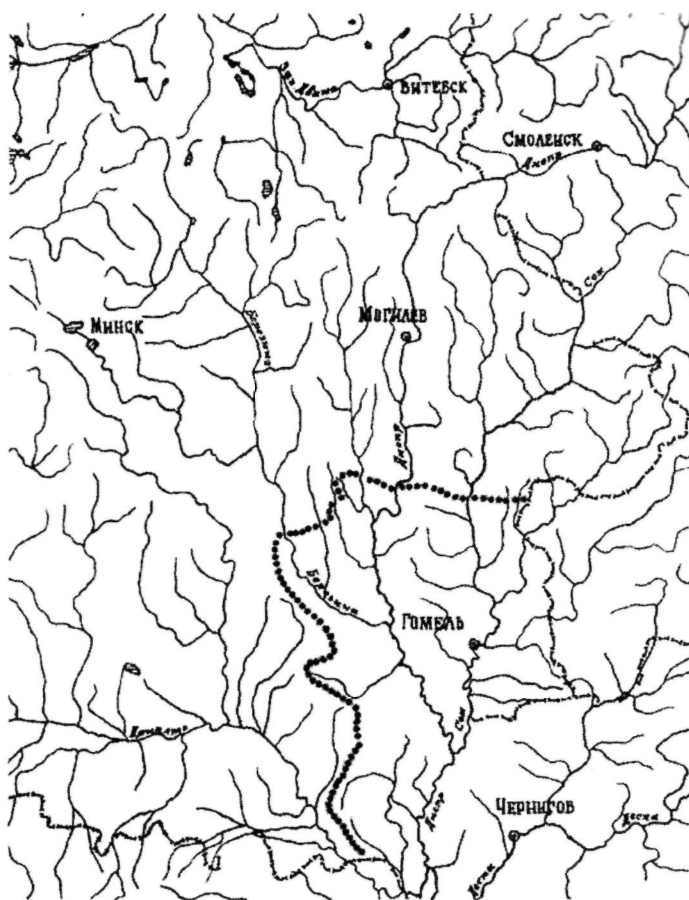

Рисунок 1 - Гомельское Поднепровье. Регион исследований

В монографии прошлое Гомельского Поднепровья V - середины XIII вв. рассматривается на основании комплексного анализа письменных, археологических, нумизматических, картографических и прочих источников. Большинство документальных свидетельств (сообщения древнерусских летописей, византийских и др. документов) ограничено по информационному объему и не удовлетворяет исследовательский запрос. В то же время, археологические памятники (остатки селищ, городищ, городов, захоронений и пр.) выступают наиболее значимыми в решении поставленных задач, поскольку они самые многочисленные и постоянно пополняющиеся. Их изучение в последние годы заметно активизировалось и принесло важные результаты.

Главная их возможность - отражать свидетельства об уровне развития материальной культуры, хозяйственной деятельности населения, то есть характеризовать, в первую очередь, социально-экономический уровень развития исследуемых общественных структур прошлого. Возможности археологии в решении проблем политической истории, этапов развития духовно-конфессиональной истории и других вопросов ограничены. Вместе с тем, и здесь наука может представить «на суд» ученых определенные материалы и заключения, порою - весьма значимые.

Изучение истоков, закономерностей, особенностей формирования региональных составляющих феодального древнерусского государства требует внимания к предшествующей раннесредневековой эпохе и поисков именно там «начал» генеральных направлений общественного, экономического и культурного развития будущей Руси. Поэтому в работе уделено внимание изучению раннесредневекового и восточнославянского периодов истории местного населения (V-X вв.). Главная часть исследования посвящена археологии древнерусского периода (конец X - середина XIII вв.). Верхняя хронологическая рамка работы ограничивается XIII в. В серелине этого столетия древнерусские земли переживают катастрофический период монгольского вторжения, от которого пострадало и Гомельское Поднепровье.

Требует дальнейшей разработки с учетом новых открытий и результатов аналитических наблюдений ученых Беларуси и других стран проблема расселения в Посожье радимичей. Новые материалы обследований и раскопок позволяют не только поддержать отдельные положения прежних концепций, но и откорректировать вопросы, связанные с данной проблемой.

В литературе второй половины XX в. явно преувеличено значение балтского субстрата в формировании средневекового населения Беларуси, в том числе и Гомельского Поднепровья. Развивая гипотезу В.В. Седова, некоторые его последователи гиперболизировали ее положения. Появление балтских по происхождению элементов в духовной и материальной культуре средневековых жителей Гомельского Поднепровья и соседних регионов может объясняться разными причинами, в том числе не имеющими прямого отношения к проблеме субстрата.

В ранней историографии неизученными остаются вопросы, связанные со средневековыми системами расселения. Причина - отсутствие конкретного археологического материала. Это обстоятельство обедняет представления о характере социально-экономического развития региона. Материалы последних работ позволяют во многом ликвидировать и этот пробел: недавно проведено сплошное изучение микрорегионов с фиксацией всех видов памятников, составлением их планов, сбором подъемного материала и шурфовкой.

Нуждается в пересмотре традиционная точка зрения о сравнительно позднем появлении городов в Гомельском Поднепровье. Возникновение города - это длительный процесс, уходящий корнями в раннесредневековую эпоху. Принципиальной разницы в исторических путях развития крупных центров Руси - Киева, Полоцка, Чернигова и др., с одной стороны, и «пригородов», вроде Гомеля, не было. Были разными лишь масштабы проявления конкретных исторических процессов.

Исходя из сообщений письменных и данных археологических источников, средневековое прошлое Гомельского Поднепровья можно разделить на несколько этапов, каждый из которых наполнен своим содержанием. Хронологические рамки этапов, предложенные в работе, несколько условны, что определяется как состоянием источниковедческой базы, степенью ее осмысления, так и достаточно «плавным» перетеканием исторических явлений одного этапа в другой. Обоснование возможности предложенной периодизации содержится в основных разделах монографии.

1-й этап (V-VII вв.) можно назвать раннесредневековым или раннеславянским. В этнокультурном отношении - это период пражской (пражско-корчакской) и колочинской культур. Пражская культура оставлена славянами, колочинская, скорее всего, также славянская культура. В их недрах следует искать прадреговичей и прарадимичей. История части предков радимичей и дреговичей связана с Подунавьем, Балканами и Поднестровьем.

2-й этап (конец VII—IX вв.) - восточнославянский. В это время в Гомельском Поднепровье распространяются памятники круга Лука Райковецкая-Волынцево-Сахновка и, при его завершении, роменские. На рубеже VII—VIII вв. к востоку от Днепра наблюдается угасание колочинской культуры и появление восточнославянских памятников. Их распространение идет с запада и с юго-запада. К этому времени следует отнести свидетельства ПВЛ об «исходе» славян с Дуная и со стороны «ляхов». В данный отрезок времени радимичи и дреговичи «прозвались своими именами».

3-й этап (конец IX-X в.) - раннедревнерусский, период «княжений» (автономий) дреговичей и радимичей, находившихся в даннической зависимости от Киева (радимичи с 885 г., дреговичи со времени не позднее середины X в.), эпоха интенсивного распространения в Гомельском Поднепровье основных элементов древнерусской культуры.

4-й этап (конец X - середина XIII вв.) - древнерусский. В это время происходит окончательное присоединение дреговичских и радимичских земель к Руси. Одним из инструментов великокняжеской политики принуждения населения выступают военизированные многофункциональные поселения типа Моховского. На дреговичской территории во времена Владимира Святославича и его наследников формируется Туровское княжество, радимичская - оказывается к первой половине XII в. «разорванной» между княжествами Черниговским и Смоленским. Этап связан с расцветом экономики и культуры. Он прерывается монгольским нашествием.

Предложенная читателю монография во многом состоялась благодаря поддержке ученых Института истории НАН Беларуси и Белорусского государственного университета, а именно - докторов исторических наук Л.Д. Поболя, В.Н. Рябцевича, П.Ф. Лысенко, Э.М. Загорульского, О.Н. Левко, Г.В. Штыхова, Е.Г. Калечиц, известных археологов А.Г. Митрофанова, М.А. Ткачева, В.В. Богомольникова, Т.Н. Коробушкиной, А.М. Медведева, А.А. Метельского, О.В. Иова. Полезные советы и рекомендации я получил от ведущих российских специалистов в области раннеславянской археологии А.М. Обломского, Н.В. Лопатина, И.О. Гавритухина, украинских коллег - докторов исторических наук А.П. Моци, Р.В. Терпиловского, кандидата исторических наук В.П. Коваленко.

Хочется искренне поблагодарить бывших руководителей и работников управления культуры Гомельского облисполкома О.Р. Моисеенко, А.К. Прусова, главного специалиста управления культуры С.В. Рязанова, которые неизменно помогали в организации экспедиций. Не забывается всесторонняя поддержка, которая оказывалась бывшим директором Гомельского областного краеведческого музея И.И. Козловым. Предлагаемая работа не могла состояться без активного участия в полевых исследованиях сотрудников музея и краеведов В.А. Литвинова, А.В. Курчицкого, А.М. Писаренко, Д.В. Ющенко и др. Монография выходит в свет благодаря всесторонней помощи Гомельского госуниверситета им. Ф. Скорины, лично - проректора по научной работе О.М. Демиденко, моих коллег по историческому факультету - Н.Н. Мезги, Г.А. Алексейченко, В.П. Пичукова, Г.Г. Лазько, В.А. Михедько и др. Неоценимый вклад в организацию и проведение археологических исследований внес старший преподаватель кафедры истории Беларуси ГГУ им. Ф. Скорины В.И. Сычев. Данная работа во многом основана на результатах кропотливого физического труда ряда поколений гомельских студентов.

Хочется отметить понимание важности научных исследований в гомельском регионе со стороны городских и областных властей Гомельщины. Неизменной поддержкой проведение историко-археологических исследований пользовалось со стороны Председателя Гомельского областного Совета депутатов В.С. Селицкого.

РАЗДЕЛ 1 ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ. ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Письменные данные о Гомельском Поднепровье V—XIII вв. фрагментарны. Но ранние сообщения, нередко косвенные, исключительно важны для раскрытия поставленной в работе проблемы. Согласно Повести Временных Лет, юго-восток Беларуси в канун сложения государства был заселен дреговичами и радимичами. По летописи дреговичи пришли из Подунавья, а радимичи - с запада, «из ляхов» [2, с. 11, 14]. Первые упоминания этих «племен» не имеют точных дат. Дреговичей, после их «исхода» из бассейна Дуная летописец размещает «межю Припетью и Двиною» [3, стб. 5]. В славянском их происхождении автор Повести не сомневается. Дреговичи относятся им к разряду развитых в социально-политическом отношении славянских группировок, поскольку они накануне объединения вокруг Киева имели «свое княжение» [3. стб. 5, 8]. Первое датированное сообщение о дреговичах находим в труде византийского кесаря К.Багрянородного «Об управлении государством» (948-952 гг.), где дреговичи названы среди данников Киева [4, с. 75]. Следовательно, к середине X в. дреговичи, не утратив автономии, попали в зависимость от Киева. Летописец показывает расселение радимичей по Сожу. Он подчеркивает сохранение ими обычаев, одиозных с христианской точки зрения [2, с. 14-15]. Первое сообщение о радимичах относится к 885 г., когда Олег Вещий освободил их от хазарской дани [2, с. 20]. Следующее упоминание (907 г.) связано с их участием в походе Олега на Константинополь [2, с. 23-25]. Из статьи 984 г., описывающей поход Владимира Святославича на радимичей и его победу на Песчане (Пищане) [2, с. 59], можно составить представление о времени окончательного вхождения Посожья в состав Руси. Последний раз радимичи (точнее, «путь в радимичи») упоминаются под 1169 г. [5, с. 538].

Летописные памятники дают отрывочную картину истории Гомельского Поднепровья XII-XIII вв. Специфика летописей, призванных описывать деяния князей и церкви, не способствовала упоминанию в них провинций. Некоторые известия об изучаемом регионе попадали в летописи в неординарных случаях (военные конфликты, споры князей за обладание волостями и пр.). Но даже ограниченный характер источников дает возможность намечать проходившие здесь рубежи Черниговского, Туровского, Киевского, Смоленского княжеств. Большое значение летописи имеют для определения начала истории городов. Но ни один памятник не называет даты «основания» того или иного пункта. Да и вряд ли источник мог сообщать информацию такого рода: большая часть городов не «основывалась», а органично вырастала из среды ранних поселений. Обычно, когда в летописях речь идет о городах, это подтверждают и материалы археологии. Пока ограничимся констатацией факта упоминания городов и крепостей Гомельского Поднепровья в летописях: Гомий-Гомель и Рогачев (1142 г.), Брягин-Брагин (1147 г.), Чичерск-Чечерск (1159 г.), Речица (1213-14 гг.), Вищин-Воищина? (1258 г.). Летописи дают основания относить Гомель, Чечерск и Речицу к Черниговскому княжеству, Рогачев - к спорным владениям Турова и Чернигова, Брагин - к Киевской земле [3, стб. 311, 312, 498; 6, с. 82, 310].

Особую группу памятников составляют сведения византийцев. Отношение к теме имеют сообщения VII—IX вв. о балканских драгувитах (дреговичах). Они имели развитую военную организацию, знали инженерное дело, управлялись вождями [7, с. 56; 8, с. 10].

История Гомельского Поднепровья исследуется в значительной степени на основании материалов раскопок и обследований археологических памятников - селищ, городищ, могильников и пр. Привлекательная для ученых категория древностей - курганы, изучение которых началось около 200 лет назад. К настоящему времени раскопкам подвергнуто не менее полутысячи курганных насыпей. В последние десятилетия начались целенаправленные раскопки остатков сел, замков и городов. Накопленные материалы позволяют создать надежную базу для интерпретации узловых проблем социально-экономической и этнокультурной истории населения во второй половине I - начале II тыс. н. э. Значимость археологии тем весомее, чем лаконичнее письменные документы.

В конце XIX - начале XX вв. была опубликована серия работ, посвященных исследованию отдельных памятников Гомельского Поднепровья. Внимание ученых традиционно уделялось курганам конца X-XII вв. Следует отметить, что курганные раскопки, даже те, которые имели вполне серьезный для своего времени характер, вплоть до начала XX в. ставили в основном цель добывания предметов коллекционного значения. Ведь и сама археология в лучшем

случае претендовала на роль вспомогательной исторической дисциплины, носила вещеведческий и описательный характер.

Основные данные по истории изучения курганов юго-востока Беларуси раннего периода накопления информации подведены уже в советское время в монографиях Б.А. Рыбакова, А.В. Успенской, В.В. Седова, П.Ф. Лысенко, В.В. Богомольникова и работе Г.Ф. Соловьевой [9; 10; 11; 12; 8; 13]. Необходимо остановиться на важных достижениях. Первые крупные раскопки курганов в Гомельском Поднепровье были предприняты в начале XIX в. Так, в 1810 г. Ф.Е. Нарбут вскрыл несколько курганов под Рогачевом. Плодотворные результаты исследований могильников получены в конце XIX - начале XX вв. В.Б. Антоновичем, Е.Р. Романовым, М.В. Фурсовым и С.Ю. Чоловским [14, с. 316-318; 15, с. 14-15; 16; 17; 18; 19]. В Гомельском Поднепровье ими и их современниками изучено несколько сотен курганов. В.З. Завитневич в середине 1880-х - 1890-х гг. раскопал в современных Брагинском, Лоевском и Речицком р-нах свыше 250 насыпей. Он поставил вопрос о возможностях археологии по проверке письменных сведений в определении ареала расселения дреговичей, обратил внимание на присущее женскому убору украшение - зерненые металлические бусы [20]. Е.Р. Романов составил сводку курганов Гомельского Посожья. включающую информацию об их местонахождении, сохранности, степени изученности [21].

Первая успешная попытка осмысления курганного материала широкой территории (включая Поднепровье) принадлежит А.А. Спицыну. Работы этого выдающегося исследователя носят и описательный, и глубоко аналитический характер. А.А. Спицын впервые выделил этноопределяющие украшения летописных славянских объединений, обратил внимание на семилучевые кольца радимичей и на возможность их использования для очерчивания границ расселения этой группировки [22, с. 334-340].

В послереволюционные годы белорусские археологи А.Н. Лявданский, С.А. Дубинский, А.Д. Коваленя и др. продолжили изучение курганов, провели широкие разведки, впервые обратились к раскопкам всех видов памятников. Следует обратить внимание на первые разведочные раскопки городищ летописных Чечерска, Рогачева, Гомеля [23, с. 59-60]. Масштабы изысканий предвоенных лет были ограниченными. Их задача - составление карты и предварительная атрибуция памятников. В 1941-44 гг. погибли отчеты и значительная часть коллекций. Результаты исследований не успели в должной мере войти в научный оборот.

Заметным событием советской историографии начала 1930-х гг. был выход в свет монографии Б.А. Рыбакова «Радимичи», которая подводила итоги изучения древностей радимичей [9]. В плане исследования курганов Посожья и смежных территорий она была существенным шагом вперед. Исследователь впервые очертил ареал расселения радимичей на основе археологических данных, изучил особенности и пути эволюции погребальной обрядности и вещевого комплекса захоронений. Б.А. Рыбаков обозначил основные вехи политической и социально-экономической истории радимичей, дал характеристику их духовной культуры. Ряд положений монографии представляет интерес и для современных исследователей. Но многие выводы требуют пересмотра. В распоряжении Б.А. Рыбакова не было материалов раскопок поселений. Важную роль в изучении истории Древней Руси сыграли и последующие работы Б.А. Рыбакова. Интерес для темы настоящего исследования представляют его монография «Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв.» [24], статья, посвященная погребальным обычаям радимичей [25, с. 40-44].

Вторая мировая война наносит огромный урон памятникам археологии. Окопами взрыты кромки террас Сожа, Днепра и их притоков. В послевоенные годы продолжается как накопление археологических источников, так и обозначается задача их углубленного осмысления. Крупным вкладом в археологию дреговичей явилось исследование А.В. Успенской «Курганы Южной Белоруссии X-XIII вв.». В нем впервые обобщен материал из раскопок курганов Белорусского Полесья, накопленный в XIX - начале XX вв. [10].

В послевоенное время активизировались раскопки городищ. В 1966 г. П.Ф. Лысенко провел обследование остатков летописных Рогачева, Чечерска, Речицы, Брагина, городищ Стрешина и Лучина. На Рогачевском детинце П.Ф. Лысенко вскрыл 112 кв. м, что позволило подтвердить городской статус этого поселения и несколько «удревнить» время его возникновения [8, с. 17].

Заметный вклад в археологию радимичей в 1960-х - начале 1970-х гг. внесла Г.Ф. Соловьева, которая раскопала около 200 курганов на востоке Гомельской обл. (Демьянки, Студеная Гута, Веточка, Гадиловичи и др.). Получен огромный материал, который в значительной степени опубликован. Раскопки Г.Ф. Соловьевой и А.В. Кузы в Ходосовичах под Рогачевом

привели к открытию святилища рубежа I-II тыс. н. э. Результативные материалы исследований в Демьянках стимулировали интерес к древностям второй половины I тыс. н. э., предшествующим «классическим» памятникам IX-XII вв. Немалое значение представляют раскопки Г.Ф. Соловьевой Збаровского городища под Рогачевом. Ее внимание привлекли вопросы интерпретации ряда черт погребального ритуала, уточнения границ расселения радимичей, проблема их происхождения и др. Г.Ф. Соловьева попыталась выделить локальные группы курганов, которые могли бы соответствовать существовавшим в прошлом «малым племенам» [26; 11, с. 50-73; 27, с. 10-13; 28, с. 353-356].

Ученые советского и постсоветского времени сделали немало важных открытий в области исследования средневековых древностей Гомельского Поднепровья V - середины XIII вв. Раскопки Колочинского городища (Э.А. Сымонович) позволили выделить раннесредневековую культуру третьей четверти I тыс. н. э. Успехами отмечено исследование курганов X-XIII вв., городов и замков - Рогачева, Чечерска, Вищина, Стрешина, Збарова и др. В 1976-85 гг. крупные раскопки феодальной усадьбы конца XI - первой половины XIII вв. у д. Вищин Рогачевского р-на провел Э.М. Загорульский. Интересные материалы принесли раскопки Рогачева [29; 30, с. 371-372]. Раскопки курганов у Рогачева предприняли В.Н. Рябцевич и А.Н. Плавинский [31, с. 34-36]. Весомый вклад в изучение курганов (в первую очередь, радимичских) Гомельского Поднепровья и в их научное осмысление внес В.В. Богомольников. В 1970-х - начале 1980-х гг. он вскрыл более полусотни курганов (Денисковичи, Курганье, Нисимковичи и др.), уточнил границу расселения радимичей и дреговичей в районе Жлобина, исследовал вопросы хронологии погребальных памятников X-XII вв., проследил динамику и изучил причины изменения погребального ритуала [32, с. 88-96; 33, с. 17-20; 34, с. 66-72; 13].

Разведочные раскопки остатков летописных Гомеля и Чечерска предпринял в середине 1970-х гг. М.А. Ткачев [35, с. 427]. Интересные заключения М.А. Ткачева о ранней истории посожских городов оказались построенными на ограниченном материале, и не все его выводы выдержали испытание временем. Раскопки на Чечерском замчище в начале 1980-х гг. провели В.В. Богомольников и И.М. Чернявский. Основные результаты исследования городов Посожья, полученные к середине 1980-х гг., подведены в работе А.А. Метельского [36]. Посадам городов Чернигово-Северской земли, включая города на юго-востоке Беларуси, посвящено диссертационное исследование черниговского археолога А.Л. Казакова [37]. Отдельные аспекты этнокультурной истории раннесредневекового населения Гомельского Поднепровья, связанные в первую очередь с изучением проблемы лучевых и лопастных колец, нашли отражение в работах Н. Т. Недошивиной, Н.П. Милонова и В.П. Фролова [38, с. 141-148; 39, с. 130-135].

Крупные исследования в области раннеславянской и восточнославянской истории предпринял в 1960-80-х гг. В.В. Седов. Он глубоко осмыслил и обобщил накопленный предшественниками материал, касающийся, в первую очередь, погребальных памятников Древней Руси. Им были высказаны новые суждения о границах расселения дреговичей, о характере этноопределяющих украшений радимичей и др. Вовлечение в исследовательский процесс, наряду с общеисторическим и археологическим материалом, данных лингвистики, палеоантропологии и др. позволило В.В. Седову поставить вопрос о роли балтского, финно-угорского и иных субстратов в культуре населения Руси. Особое внимание исследователем уделено балтским элементам в культуре радимичей и дреговичей [40, с. 103-121; 41, с. 138-189; 12, с. 151-157]. Работы В.В. Седова стимулировали пересмотр сложившихся представлений о характере восточнославянского этногенеза. Впрочем, многие положения его концепции продолжают оставаться дискуссионными, и уже сами требуют пересмотра.

Осмысление региональной тематики белорусской наукой было продуктивным на рубеже 1960-1970-х гг. Оно нашло выражение в разделах академической монографии «Очерки по археологии Белоруссии» [42, с. 36—42]. Следует отметить публикацию карты средневековых памятников всей Беларуси, составленную Г.В. Штыховым [43]. Большую работу по созданию карты памятников эпохи железа и начала средневековья проделал Л.Д. Поболь [44]. На рубеже веков стараниями белорусских ученых публикуются энциклопедии [45; 46; 47]. Значимыми достижениями стали выход в свет 4-томного издания «Археалогія Беларусі» и 6-томного - «Гісторыя Беларусі». На их страницах намечается тенденция к переосмысления археологических материалов средневекового периода, в том числе связанных с территорией Юго-Восточной Беларуси, а также обозначается подход к их комплексному изучению с привлечением разноплановых документов [48; 49; 50]. А.А. Метельский рассмотрел основные аспекты истории земель Гомельского Поднепровья (в первую очередь, касающиеся политической исто-

рии), которые в древнерусское время могли входить в состав Смоленского княжества [51, с. 201-210]. В последние годы памятники X-XIII вв. междуречья Березины и Днепра исследует В.И. Кошман [52].

Ряд проблем, связанных с историей средневекового населения Гомельского Поднепровья, носит дискуссионный характер. Обширную литературу породили попытки разобраться в вопросах происхождения радимичей. Ранняя историография рассмотрена Б.А. Рыбаковым, который выдвинул гипотезу об автохтонности радимичей [9, с. 127-136]. Позднее было высказано несколько точек зрения о локализации их «прародины»: ее ищут в Польше, Поднестровье [28, с. 353-356; 41, с. 142-143], Среднем Поднепровье [24, с. 239]. Недостаток всех точек зрения на происхождение радимичей - отсутствие опоры на археологические материалы.

Нет единого мнения по вопросу о роли балтского наследия в формировании этнокультурных особенностей населения Гомельского Поднепровья X-XII вв. Б.А. Рыбаков объяснял наличие балтских элементов в радимичских курганах «скрещиванием северной части славянского племени радимичей с одним из островов литовско-латышского происхождения» [9, с. 138]. В.В. Седов отстаивал взгляд, согласно которому ряд элементов их культуры является наследием балтского субстрата [40, с. 103-121; 41, с. 138-141]. Г.Ф. Соловьева полагает, что наличие вещей балтского облика в радимичских курганах объясняется экономическими связями Посожья с Прибалтикой, а значительное количество ингумаций с восточной ориентировкой - специфической особенностью славянского обряда [53, с. 124-132]. Проблема вклада балтов в культуру восточных славян (в т.ч. радимичей и дреговичей), несмотря на то, что она активно обсуждается учеными с конца 1960-х - начала 1970-х гг. [54, с. 1 12-129; 55, с. 105-120; 41, с. 177-186; 56, с. 110-118; 57, с. 107-113; 58, с. 79-82], продолжает дискутироваться.

Различные точки зрения высказаны по поводу этнокультурных процессов на землях Гомельского Поднепровья в предгосударственный период. Б.А. Рыбаков полагал, что радимичи жили в Посожье еще во времена Древнего Рима [25, с. 40]. В.В. Седов относил время их расселения по Сожу к кануну сложения Киевской Руси [41, с. 141]. А.П. Пьянков выдвинул гипотезу об образовании в первые века н. э. некоего «Кривского союза», в состав которого радимичи и дреговичи могли якобы входить [59, с. 157-164]. Предположение не подкреплено источниками. Спорные вопросы остались и в определении границ расселения радимичей и дреговичей. Значимым событием была публикация монографии П.Ф. Лысенко «Дреговичи», в которой обобщен обширный (в первую очередь, «курганный») материал Южной Беларуси IX-XII вв. В отличие от своих предшественников, П.Ф. Лысенко историю и археологию дреговичей рассматривает на фоне широкого привлечения материалов раскопок городов Туровской земли [8].

Повышенное внимание к историко-археологическим процессам в Днепровском регионе на переломе римского и раннесредневекового периодов обозначилось в начале 2000-х гг. [60]. Историко-археологические достижения в области исследования древностей Белорусского Подвинья и Верхнего Поднепровья показали концептуальные изменения в современной историографии, связанные с новыми открытиями археологов [61, с. 280-291].

Остается много проблем, связанных с недостаточной полевой изученностью как отдельных категорий памятников, так и микрорегионов. Известные пробелы в историко-археологической исследованности Гомельского Поднепровья в последние десятилетия отчасти компенсированы. В конце 1970-х - начале 1990-х гг. экспедициями Института истории НАН Беларуси, Гомельского областного краеведческого музея, Гомельского областного археологического центра и Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины под руководством автора проведены крупные археологические исследования. Впервые осуществлены сплошные разведки средневековых памятников южных и центральных районов Гомельского Посожья (Буда-Кошелевский, Ветковский, Гомельский, Добрушский, Кормянский, Чечерский р-ны). На карту нанесено свыше 200 памятников. Каталогизация открытых в последние годы и учтенных ранее объектов позволила обозначить в Гомельском Поднепровье более 700 памятников V - середины XIII вв. Новые исследования показали особенную их значимость для реконструкции систем средневекового расселения и понимания закономерностей хода исторического процесса в регионе. Автором предприняты масштабные раскопки средневековых селищ (Нисимковичское гнездо поселений под Чечерском, Носовичское селище в Добрушском р-не, Гомельское поселение в ур. Ильинский Спуск), которые позволили сформировать представление о конкретно-историческом содержании памятников сельского круга и их особенностях. Раскопки могильников древнерусского времени (Абакумы, Нисимковичи, Шарпиловка) были направлены на изу-

чение погребального ритуала сельских кладбищ центральных и окраинных районов расселения радимичей, а также на поиск «межплеменных» рубежей конца X-XII вв.

К числу значимых открытий последних десятилетий следует отнести результаты раскопок остатков летописных Гомеля и Речицы, а также военизированного многофункционального поселения Мохов под Лоевом. Изучение памятников Гомеля привело к открытию картины крупного и раннего своими корнями города с яркой материальной культурой. Их исследование впервые дало обстоятельную информацию о путях формирования первых городов на юго-востоке Беларуси и во многом изменило представления об уровне развития радимичского региона в период Киевской Руси. Раскопки остатков ранее неизученной Речицы позволили получить представление об этапах развития этого города, формировании его территории, занятиях населения и т.д. Изучение Мохова дало возможность поднять вопрос о наличии на юго-востоке Беларуси памятника круга т. н. открытых торгово-ремесленных поселений IX-XI вв. Образования подобного рода сыграли едва ли не решающую роль в истории становления государственности. Всего на памятниках Гомельского Поднепровья экспедициями под руководством автора в период 1980-2005 гг. вскрыто около девяти тысяч кв. м площади, в т.ч. в Гомеле - свыше пяти с половиной тысяч. Новый материал представил обильную пищу для размышлений на предмет роли Гомельского Поднепровья в процессе становления древнерусской государственности. В исследовании памятников Гомельского Поднепровья V—XIII вв. получены заметные результаты. Однако ученый интерес к региону не ослабевает, отдельные аспекты его историко-археологической характеристики продолжают оставаться дискуссионными.

Дальнейшая разработка проблемы связана с реализацией ряда направлений поиска. Изучение истории Гомельского Поднепровья не может основываться только на базе письменных источников и раскопок курганов. Раскрытие узловых вопросов возможно при вовлечении в исследовательский процесс материалов раскопок всех видов памятников. Неправомерно рассматривать погребальный обряд населения в отрыве от характеристики поселений, домостроительства, равно как изучать могильники только в плане выяснения «племенных» особенностей населения, а города - при разработке темы становления феодальных отношений и т.д. Малоисследованным остаются происхождение древнерусского города изучаемой территории, его атрибуция как особого исторического явления, выяснения признаков отличия города от иных разновидностей поселений.

Новые историко-археологические исследования позволяют:

- показать картину расселения раннеславянских группировок в Гомельском Поднепровье в третьей четверти I тыс. н. э., дать характеристику материальной культуры местного населения, поставить вопрос о раннем проникновении носителей пражской культуры в исследуемый регион;
- проследить этапы формирования общностей радимичей и дреговичей, становление их материальной культуры, основных черт социально-политической организации;
- провести анализ систем расселения средневекового человека в Гомельском Поднепровье, выяснить динамику и причины их изменений;
- дать обзорную характеристику планировки, материальной культуры селищ и хозяйственной деятельности сельского населения;
- исследовать основные аспекты духовно-конфессиональной культуры городских и сельских жителей в V—XIII вв.; охарактеризовать как историко-культурный феномен языческие культовые места славян - святилища;
- проследить особенности обряда погребений с учетом хронологических, этнографических и пр. факторов;
- выделить в регионе особую разновидность поселения X-XI вв. - военизированное многофункциональное (Моховское - аналог известных открытых торгово-ремесленных поселений Древней Руси);
- поставить вопрос о наличии древнерусских воинских застав;
- на основании масштабных раскопок в Гомеле и Речице получить представление о главных сторонах жизни древнерусского города рассматриваемого региона, об этапах его становления и развития;
- проследить на основании археологических данных процесс формирования раннефеодальных отношений на юго-востоке современной Беларуси;
- ввести в научный оборот новые памятники материальной культуры и результаты последних аналитических изысканий.

РАЗДЕЛ 2 РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ V-VII ВВ.

Третья четверть I тыс. н. э. - важный период в истории населения Юго-Восточной Беларуси. В это время формировались предпосылки развития феодальных отношений, а этнокультурные изменения вели к формированию объединений радимичей и дреговичей. Наука достигла значимых результатов в изучении раннесредневековых памятников Гомельского Поднепровья. Важные открытия дали изыскания А.Н. Лявданского, П.Н. Третьякова, Ю.В. Кухаренко, Э.А. Сымоновича, Л.Д. Поболя, Г.Ф. Соловьевой 1930-70-х гг. [62-69; 44]. Материалы памятников третьей четверти I тыс. н. э. юго-восточной Беларуси использовались в работах П.Н. Третьякова, В.В.Седова, И.П. Русановой, В.Б. Перхавко, А.М. Обломского и др. [70-77; 41; 69].

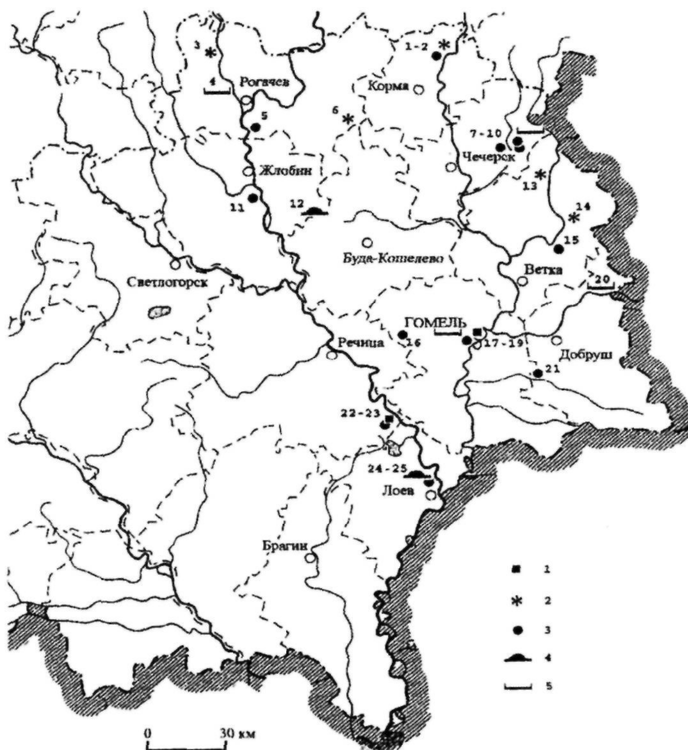

Рисунок 2 - Гомельское Поднепровье. Исследованные памятники третьей четверти I тыс. н. э. Гомельского Поднепровья. Условные обозначения: 1 - городища; 2 - городища-святилища; 3 - селища; 4 - курганные могильники; 5 - грунтовые могильники. 1-2 - Золотомино; 3 - Озераны; 4 - Колосы; 5 -Ходосовичи; 6 - Каменка; 7-10 - Нисимковичи; 11 - Проскурни; 12 — Колос; 13 - Чемерня; 14 - Столбун; 15 - Новые Громыки; 16 - Калиновка; 17-19 - Гомель; 20 - Демьянки; 21 - Носовичи; 22-23 - Колочин; 24-25 - Мохов

Итоги изучения древностей Нижнего Посожья второй половины I тыс. н. э. по состоянию на середину 1980-х гг. подведены в диссертации автора [78]. Пополнение базы источников, появление новых разработок требует корректировки сделанных выводов. Значительные раскопки памятников Гомельского Поднепровья третьей четверти I тыс. н. э. в середине XX в. были проведены в Колочине, разведочные - в Ходосовичах [67; 79, с. 146-153]. Недостаточное количество источников, неравномерная изученность территории, объективно сложный характер протекавших исторических процессов определяют необходимость решения ряда проблем. К ним относится культурно-хронологическая периодизация, изучение соотношения культур третьей и последней четвертей I тыс., определение этнокультурного облика населения второй половины I тыс. н. э. и др. В 1980-х - начале 2000-х гг. автором выполнены целенаправленные работы по выявлению, раскопкам и картографированию памятников третьей четверти I тыс. н. э. Гомельского Поднепровья. В 1983-85 гг. проведены раскопки 5-ти селищ второй половины 1 тыс. н. э. в Нижнем Посожье (Нисимковичи I—III, Носовичи), получены значимые материалы на детинце и окольном городе летописного Гомеля, в Мохове. Изучено св. 3000 кв. м площади культурных отложений, исследовано более 10-ти построек, несколько ремесленных комплексов и др. В Гомеле открыта грунтовая кремация, в Мохове - подкурганная. Обосновано выделение особой категории памятников, возникшей в третьей четверти I тыс. н. э. - святилищ. Собрана коллекция керамики, изделий из металлов, камня, стекла, характеризующая культуру V-VII вв. На карту изученных памятников раннесредневекового времени можно нанести 25 пунктов (рисунок 2).

Характер этнокультурной ситуации и динамики ее изменений рассмотрен в заключительном разделе монографии. На этих страницах предлагается общий обзор материальной культуры третьей четверти I тыс. н. э. региона. Часть материалов изысканий автора введена в научный оборот [см. напр.: 80, с. 64-72; 74, с. 348-359; 81, с. 63-65; 82, с. 161-189; 83, с. 227-237]. Недавно представлялось, что Гомельское Поднепровье третьей четверти I тыс. н. э. - регион

распространения группировок, по своей культуре единых с эпонимным городищем Колочин. Однако последние исследования определенно показывают, что на правобережье Днепра могут быть выделены и памятники пражской культуры (поселение Проскурни, селище и курганы в Мохове), а пражское культурное воздействие может усматриваться в характере домостроительства и некоторых особенностях керамических форм даже в глубинных районах «колочинского» Посожья (Гомель, Нисимковичи II, Демьянки и др.). Из исследований последних десятилетий, касающихся темы, следует отметить раскопки селища Проскурни II у Жлобина [84, с. 18-32].

Древности Гомельского Поднепровья V-VII вв., ввиду своей специфики (часто - недолговременные поселения) и ограниченности раскопок, картографируются фрагментарно. Памятники представлены городищами - общинно-племенными центрами (Колочин, Гомель), городищами-святилищами (Городок-Столбун, Золотомино, Каменка, Озераны), селищами (Гомель, Колочин, Мохов, Нисимковичи I-III, V, Новые Громыки, Носовичи, Проскурни II, Ходосовичи), курганами Бердыж, Колос, Мохов), грунтовыми могильниками (Демьянки, Колосы, Чистые Лужи).

Раннесредневековые городища имели незначительную площадь. Городище Колочин располагалось на мысу правого берега Днепра. Площадка занимала 42х36 м. ее защищали два вала. По периметру размещалась деревянная постройка, состоявшая из приставленных друг к другу клетей. Среди находок - много раздавленных сосудов, железные серпы, коса, пешня, наконечники стрел и копья, ножи, шилья и пр. Раннесредневековое селище и могильник с сожжением отмечены у городища. Исследовано два углубленных жилища. Жилище 1 относится к третьей четверти I тыс. н. э. Конструкция стен столбовая, возле центрального столба - очаг. В заполнении найдена керамика, аналогичная городищенской. Колочин являлся одним из узловых центров организации раннесредневекового населения Гомельского Поднепровья. История городища завершилась во время вторжения славянских племен и кочевников в конце VII - начале VIII вв. [67]. Гомельское городище имело площадь 0,4-0,5 га. Слой переработан в ходе позднего строительства, поэтому индикатором памятника служит оценка общей топоситуации и находки керамики. К городищу примыкало поселение размерами не менее 4 га. Открыты жилища-полуземлянки (рисунок 3), остатки мастерских, связанных с металлургией железа и цветного металла, кузнечным делом, а также погребение. Находки представлены ножами, пряслицами, фибулой, тиглем и др. (рисунки 4; 5) [80, с. 64-72].

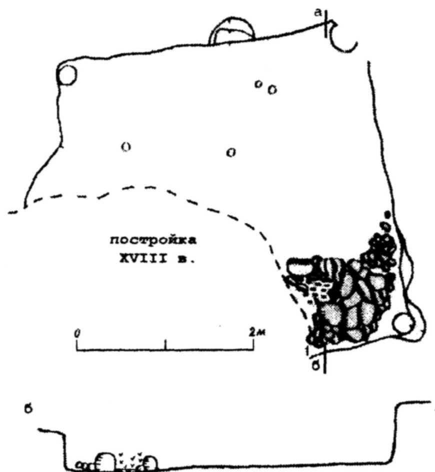

Рисунок 3 - Гомель, окольный город. Остатки жилища третьей четверти I тыс. н. э.

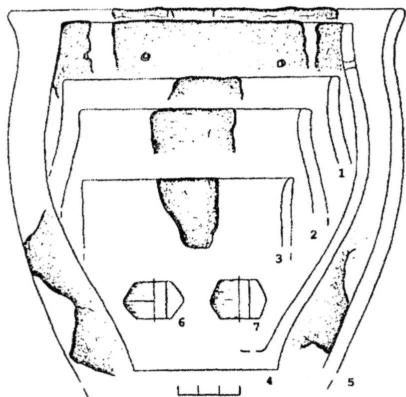

Рисунок 4 - Гомель. Лепная керамика V- VII вв. из поселения (1-3) и грунтового сожжения (4-5); глиняные пряслица (6-7)

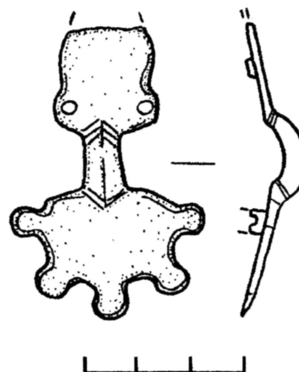

Рисунок 5 - Гомель, окольный город. Фибула бронзовая

Раскопки городищ-святилищ, наиболее информативными из которых были исследования в Золотомино [85, с. 75-79], показали, что они начали сооружаться в третьей четверти I тыс. н. э., но функционировали и в эпоху Древней Руси [81, с. 63-66]. Картографирование святилищ показывает, что они находятся в сгустках поселений второй половины I - начала II тыс. н. э. Размещение сакральных центров может маркировать земли общинно-территориальных образований того времени.

Селища, не являющиеся спутниками городищ, занимают невысокие места вблизи водоемов (рисунки 6; 7). Мощность слоя не превышает 0,2-0,4 м. Площадь большинства открытых поселений составляет 0,5-1,5 га, более крупные памятники редки. Часть селищ группируется «гнездами» по 3-4, в которых поселения располагаются на расстоянии 0,1-2,0 км друг от друга. Примером «гнездового» размещения поселений служит Нисимковичский комплекс (4 селища). Видимо, входившие в его состав (и аналогичных памятников) поселения не одновременны, и отражают «внутренние» миграции населения в пределах небольших микрорегионов.

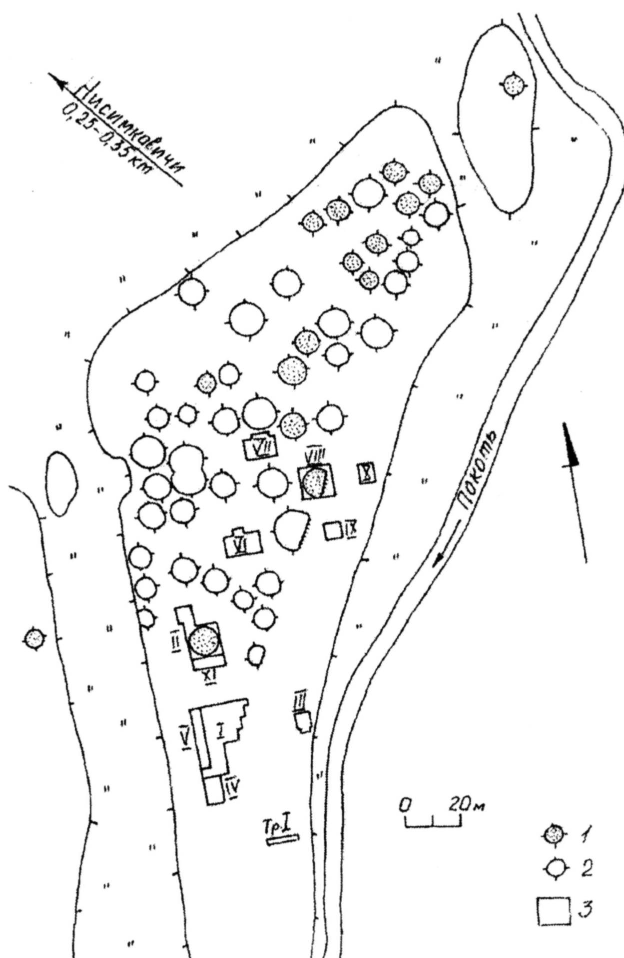

Рисунок 6 - Нисимковичи II. План селища второй половины I тыс. н. э. и перекрывающего курганного могильника. Съемка О.А. Макушникова, 1985 г. Условные обозначения: 1 - курган раскопанный; 2 - курган; 3 - раскоп

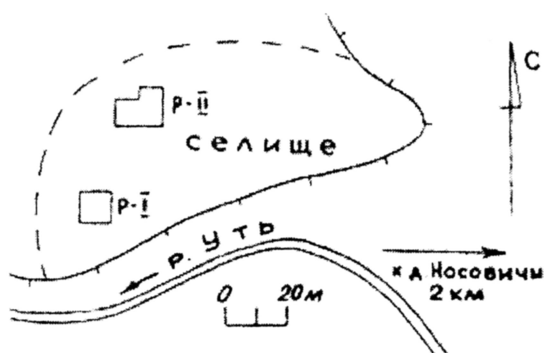

Рисунок 7 - Носовичи, селище. Съемка О. Л. Макушникова, 1983 г.

Домостроительство третьей четверти I тыс. н. э. Гомельского Поднепровья представлено постройками поселений Колочин, Гомель, Новые Громыки, Мохов, Нисимковичи I—III, Носовичи, Проскурни II (рисунки 8; 9). Всего их исследовано около полутора десятка. Нижние части жилищ углублены в материк на 0,25-0,60 м. Котлованы имеют прямоугольную форму площадью 10-24 кв. м. Материковые полы ровные, в одном случае (Носовичи) отмечена подмазка пола слоем глины. Стены были цельнодеревянными, а не плетневыми (завалы обмазки не отмечаются). Можно предполагать применение как срубной, так и столбовой техники возведения стен при преобладании первой. Примером срубной техники служат жилища Нисимковичей II (постройка 1), Нисимковичей III (постройка 1) и Проскурней II (постройки 1, 4, 8), в которых сохранились следы сгоревшей деревянной обшивки или отсутствуют системно расположенные столбовые ямы.

Столбовая техника отчетливо прослеживается в жилище селища Колонии I. К устройству крыш жилых домов, вероятно, имеют отношение ямы от центральных опорных столбов, открытые в жилищах Колочина I, Носовичей, Нисимковичей II (постройка 2) и III, Поскурней II (постройка 4). Возможно, они поддерживали двускатную кровлю. Отопительными сооружениями «полуземлянок» служили очаги и печи-каменки. Очаги устраивались на полу или слегка заглублялись в него. Место расположения очага не являлось строго установленным: он мог быть в центре жилища или рядом с центром, иногда - в углу. Печи-каменки открыты в жилых сооружениях поселений Нисимковичи II (постройка 1), Проскурни II (постройки 1, 2, 4, 8), Мохова, Гомеля. Печи всегда занимают угловое положение [84, с. 8-32; 74, с. 348-359]. Хозяйственные постройки из Нисимковичей II отличаются отсутствием отопительных сооружений, формой котлованов (неправильная, близкая овалу) и, в одном случае, размерами (постройка 4 имела площадь почти 50 кв. м).

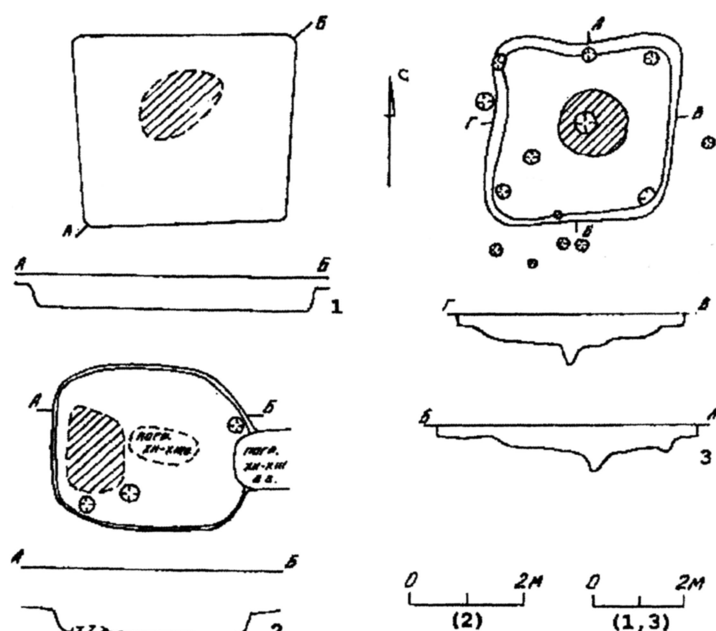

Рисунок 8 - Постройки третьей четверти I тыс н. э.: 1 - Новые Громыки; 2 - Нисимковичи I, постройка 3; 3 - Колочинское селище

Традиция сооружения «полуземлянок» в Белорусском Поднепровье уходит в железный век. Уже в милоградских жилищах появляется центральный опорный столб. Четырехугольные полуземлянки с очагами характерны для селища II—V вв. Абидня в Могилевском Поднепровье. II-III вв. н. э. можно датировать «полуземлянку» с хорошо сохранившейся печью-каменкой, которая исследована автором на селище Гудок в Чечерском р-не. Особенность жилища заключается в том, что печь стояла не в углу, а посередине одной из стен. Возможно, полуземлянки с печами, появившиеся в Гомельском Поднепровье в первой половине I тыс. н. э. повлияли на расцвет этой традиции в раннесредневековое время. Однако единичность раннего памятника такого рода, хронологический разрыв между наблюдаемыми явлениями, заставляет воздержаться от окончательных суждений. Жилища третьей четверти I тыс. н. э. Гомельского Поднепровья («полуземлянки» с очагами и опорными столбами) находят прямые аналогии в памятниках киевской культуры, ранней стадии пеньковской, а также в древностях колочинской культуры соседних с юго-востоком Беларуси территорий (Подесенье, Курское Посеймье, Могилевское Поднепровье). Жилища с каменками изучаемого региона имеют полные аналогии в пражской культуре [77; 75; 72; 12; 86-87; 74].

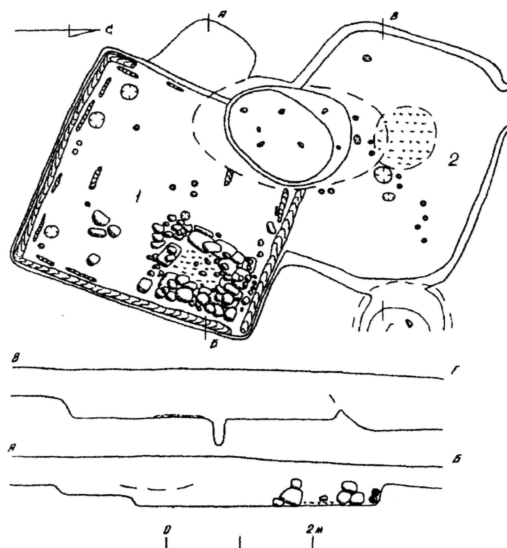

Рисунок 9 - Нисимковичи II Постройки I, 2

Сложно проследить, какие типы жилищ были более ранними или какие традиции домостроительства сосуществовали. В Нисимковичах II жилище с каменкой перекрывает постройку с очагом и центральным столбом. Керамика раннего дома имеет позднекиевский или раннеколочинский облик, более позднего - колочинский. Но в позднем объекте сосуды

более профилированные и не относятся к основным формам керамики типа Колочина (рисунки 10; 11: 1-15). Автором предложен вариант реконструкции жилища с каменкой (рисунок 12). Жилища с печами, открытые на правом берегу Днепра (Мохов, Проскурни II) имеют керамический комплекс пражского или смешанного пражско-колочинского облика. Постройка из Мохова содержит раннепражские формы (консультация И.О. Гавритухина) (рисунок 13). Сооружения из Проскурней II дают пражские (вытянутые с расширением выше середины высоты) и колочинские (слабопрофилированные и ребристые) формы керамики [84, с. 18-32].

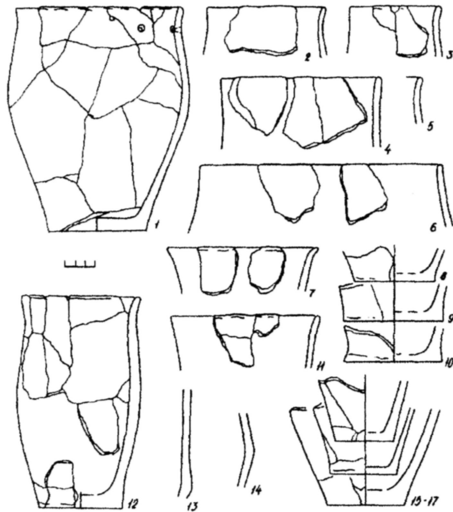

Рисунок 10 - Нисимковичи II. Постройка 2. Лепная керамика (1-17)

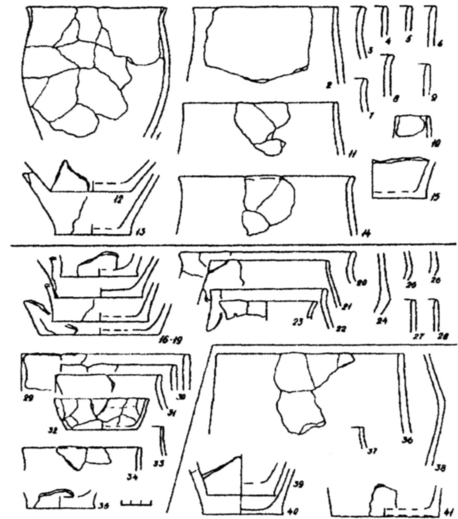

Рисунок 11- Лепная керамика селищ Нисимковичи II, постройка 1 (1-15) и Нисимковичи I, постройка 3 (6-35) и постройка 1 (36-41)

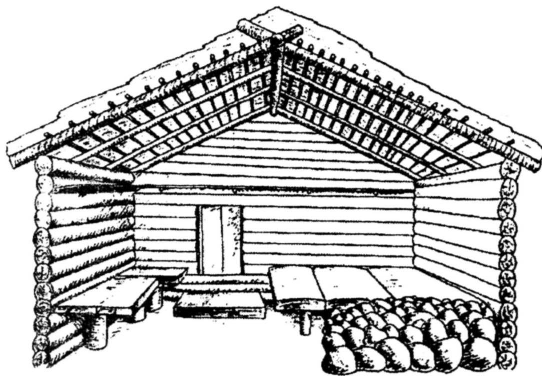

Рисунок 12 - Нисимковичи II Реконструкция жилища третьей четверти I тыс. н. э.

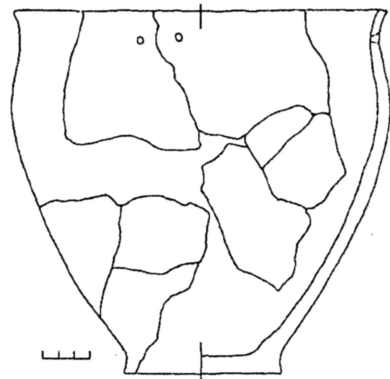

Рисунок 13 - Мохов, поселение. Пражский сосуд из жилища

Погребальный обряд раннесредневекового населения Гомельского Поднепровья представлен материалами грунтовых и курганных могильников. Изучение могильника Демьянки (раскопки Г.Ф. Соловьевой) [66, с. 187-198] позволяет высказаться в пользу интерпретации его как грунтового, о чем говорят данные стратиграфии. Аналогичный могильник, перекрытый древнерусскими курганами, расположен близ д. Колосы Рогачевского р-на [88, с. 369]. Грунтовой могильник колочинской культуры находился близ д. Чистые Лужи в ур. Хатки. Суммируя

данные о грунтовых могильниках региона, можно сделать следующие выводы. Все погребения совершены по обряду сожжения на стороне. Они бывают ямными (Демьянки) и урновыми (Демьянки, Колос, Хатки-Чистые Лужи). Урна может стоять горлом вверх, перевернута вверх дном или же накрыта более крупным сосудом. В ямном погребении кости покойного не очищены от остатков погребального костра, в урновых - встречены как очищенные, так и неочищенные кости. Погребальный инвентарь сгорал при сожжении; найдены только железная пряжка, наконечник стрелы, оплавленные бронзовые украшения, а также фрагменты керамики. Бескурганные могильники характеризуются колочинской керамикой, но часть ее форм имеет аналогии в пражской культуре (Демьянки).

В третьей четверти I тыс. н. э. в Гомельском Поднепровье распространяются курганы с сожжениями. Таковы насыпи из Колоса Жлобинского р-на (рисунок 14) и Мохова Лоевского р-на Кремация происходила вне места захоронения останков, захоронения безурновые. Кальцинированные кости, смешанные с углей и золой, высыпаны на горизонте. Особенностью кургана из Колоса является сожженная столбовая кольцевая оградка, устроенная вокруг погребения. Типично колочинский сосуд найден в насыпи (рисунок 15) [89, с. 382]. В Мохове захоронение сопровождалось металлической В-образной пряжкой с рифлением. Близлежащее селище дает пражскую керамику (рисунок 16). Грунтовые погребении аналогичны погребениям колочинских могильников Подесенья, Курского Посеймья и Могилевского Поднепровья, а также тушемлинских и банцеровских могильников [73, с. 10-17]. Курган с кольцевой оградкой по своему устройству обнаруживает близкое сходство с ранними курганами Кветуни, а также с курганами мощинской и пражской культур.

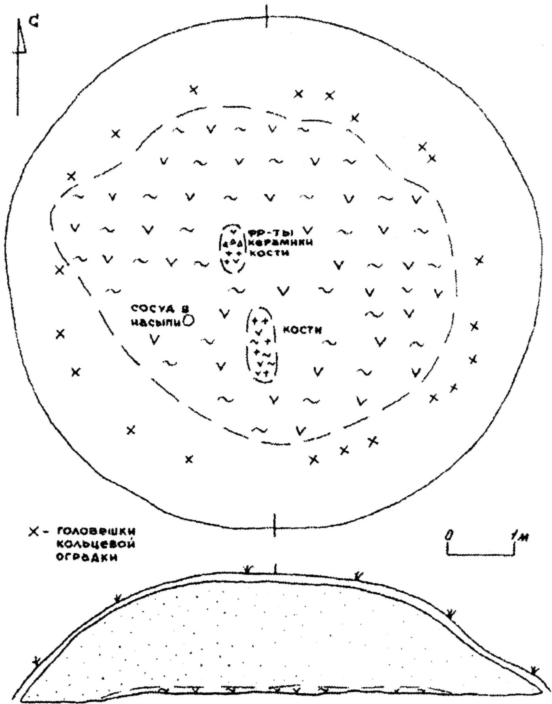

Рисунок 14 - Колос. Курган колочинской культуры (по В. В. Богомольникову)

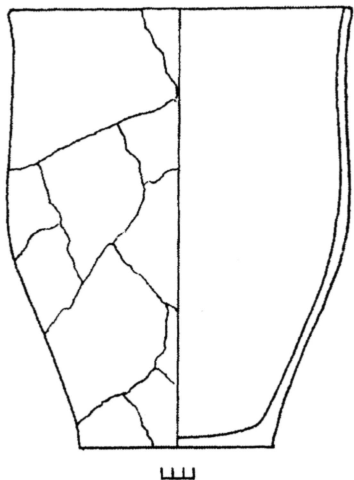

Рисунок 15 - Колос. Лепной сосуд из кургана третьей четверти I тыс. н. э. (по В. В. Богомольникову)

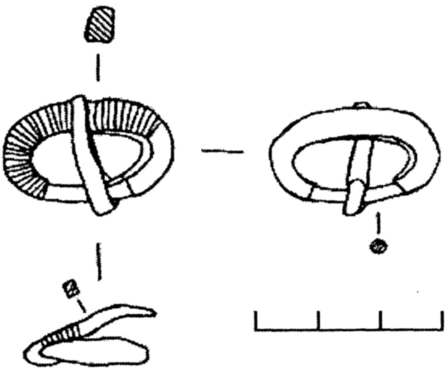

Рисунок 16 - Мохов. Курганный могильник в ур. Могильцы. Пряжка из трупосожжения

Основной категорией находок памятников третьей четверти I тыс. н. э. Гомельского Поднепровья является лепная керамика. Исследователи 1956-70-х гг. оперировали опубликованными формами сосудов из Колочина и Демьянок. Недостаток публикации материалов Колочина [67] заключается в том, что большинство сосудов отображено не в горизонтальной проекции. Это искажает восприятие их формы. Повторное изучение коллекции Колочина I показало, что она насчитывает 12 полных сосудов, более 3000 фрагментов, в том числе около 60 обломков, отражающих форму сосудов полностью или до уровня середины высоты. Результаты последних исследований колочинской коллекции опубликованы [90, с. 217-233]. Наши раскопки 1980-х гг. позволили откорректировать представление о колочинской посуде в целом [91, с. 91-98; 74, с. 348-359]. Интересная серия керамики происходит из постройки селища Калиновка (рисунок 17).

Рисунок 17 - Калиновка. Лепная керамика третьей четверти I тыс. н. э. из разрушенной постройки (1-15)

Раннесредневековая керамика лепная, почти вся - неорнаментированная, со следами грубого сглаживания поверхности и, редко - слегка подлощеная. В глине содержатся крупные примеси (дресва, шамот, песок или их сочетания). По назначению сосуды разделены на 4 категории: преобладающие в комплексе кухонные горшки и корчаги, а также встречаемые в небольшом количестве миски, сковороды и диски. Выделено 6 типов горшков и корчаг (рисунок 18). К I типу отнесены баночно-округлобокие горшки с максимальным расширением тулова на середине высоты и суженной горловиной; диаметр дна близок, но уступает диаметру горловины. II тип составляют горшки и корчаги тюльпановидной формы. Они имеют широкую горловину и плавно сужающиеся от середины высоты ко дну стенки. Диаметры расширений горловины и тулова (на середине высоты) таких сосудов приблизительно равны. К III типу принадлежат ребристые горшки и корчаги. Они имеют максимальное расширение тулова на уровне середины высоты, иногда несколько выше, оформленное в виде ребристого изгиба стенок, и невыделенную шейку. Единичные сосуды этого типа

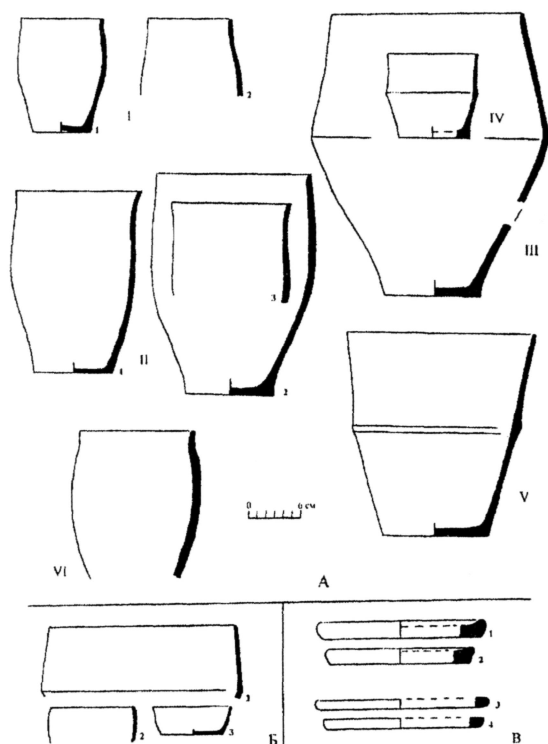

Рисунок 18 - Классификация колочинской керамики памятников Гомельского Поднепровья: А - горшки и корчаги; Б - мисковидные сосуды; В - сковороды и диски

украшены под венчиком налепным валиком с косой насечкой. IV тип представлен цилиндро-коническими горшками. Шейка у них не выделена, изгиб стенок на тулове сосуда оформлен в виде плавного или угловатого ребра. К V типу относятся горшки усеченно-конической формы с невыделенной или едва намеченной шейкой. Встречается валик на уровне середины высоты сосуда, а также валик под венчиком, орнаментированный косыми насечками. К VI типу отнесены вытянутые горшки с максимальным расширением на уровне верхней трети высоты, намеченными плечиками, короткой шейкой и узким дном. Миски представлены ребристыми формами, приближающимися по деталям оформления к горшкам и корчагам III типа. Единичны находки мисок иных форм. Незначительное место в комплексе занимают диски и сковороды с низким (до 1 см высоты) бортиком (рисунок 18).

Коллекция Колочинского I городища позволяет проиллюстрировать распределение типов горшков и корчаг на памятниках третьей четверти I тыс. н. э. изучаемого региона. В порядке убывания типы сосудов располагаются следующим образом: I, II, III, VI, V, IV. Миски и диски-сковороды занимают в комплексе не более 1-3%. Анализ комплекса Колочина I и сходных с ним памятников показывает преобладание горшков баночно-округлобоких форм. Тюльпановидные формы отнюдь не преобладают, а цилиндро-конические, усеченно-конические и близкие пражским (тип VI) встречаются редко. Ребристые сосуды распространены довольно широко, занимая в комплексе третье место после баночно-округлобоких и тюльпановидных.

Исследования селища Проскруни II показали сочетание в жилых постройках колочинских и пражских керамических форм, Моховского поселения - наличие ранних пражских форм. Отсутствие датирующего материала затрудняет интерпретацию этого явления. Имеем ли мы дело с инфильтрацией пражского населения в Гомельское Поднепровье или с естественным процессом развития местной культуры? Ответ на поставленный вопрос надо связывать с дальнейшими полевыми изысканиями.

На раннесредневековых поселениях встречены глиняные пряслица усеченно-биконической формы с ребристым переходом на середине высоты. Диаметр максимального расширения, составляющий 2,2-3,7 см, несколько превышает высоту (2,0-3,0 см). Почти половина изделий украшена мелкими наколами. Аналогичные пряслица широко распространены на колочинских, банцеровских, пражских памятниках. Их ближайшие прототипы имеются в древностях киевской культуры.

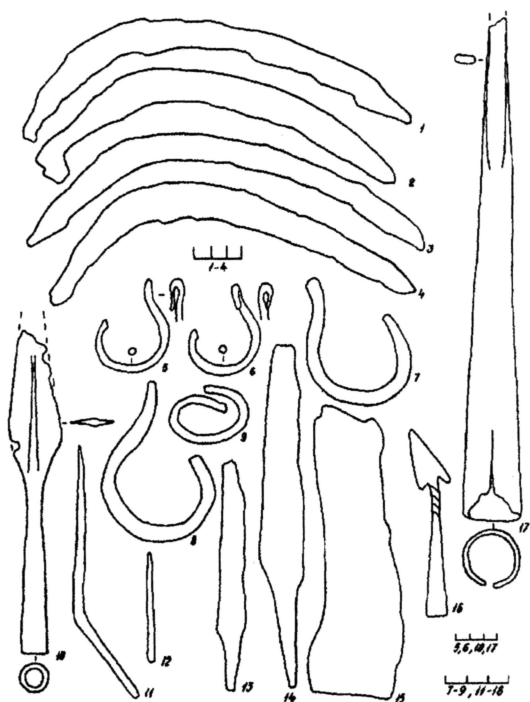

Рисунок 19 - Колочинский комплекс. Предметы из черного металла (1-17) (по Э. А. Симоновичу)

Признаки железообработки и кузнечного дела (шлак, стенки глинобитных домниц) отмечены на большинстве поселений. На окольном городе Гомеля исследована постройка, заполненная рудой. В ином участке памятника открыта часть углубленного сооружения, связанного с обработкой металлов (в заполнении - много шлака). Представительная серия железных предметов собрана на Колочинском городище (рисунок 19). Распространенной категорией железных изделий являются ножи. Металлографический анализ ножей из Нисимковичей II (выполнил М.Ф. Турин), показал, что они цельножелезные. Следующую категорию железных орудий составляют шилья. К деревообрабатывающим инструментам относится долото, найденное на Колочине I. Орудия уборки урожая представлены обломком косы-горбуши и серпами (Колочин I). О развитии рыболовства говорят находки на том же памятнике железных крючков и пешни. Из предметов вооружения известно несколько наконечников стрел и наконечник копья (Колочин I, Демьянки, Бердыж). Наконечники стрел принадлежали двум типам - втульчатым двушипным (Колочин I, Бердыж) и черешковым трехлопастным (Демьянки, Гомель). Количество бронзовых предметов невелико. Это проволочное височное кольцо (Бердыж),

П-образная пластина-накладка (Носовичи), фрагмент поделки в виде трубки и обломок перстня (Нисимковичи II). Наибольший интерес представляют находки двух бронзовых пальчатых фибул. Одна из них происходит из заполнения жилища с каменкой в Гомеле, вторая - является случайной находкой близ д. Однополье Ветковского р-на на Соже (рисунок 20). По аналогиям эти предметы могут быть отнесены к VI—VII вв. Каменные орудия представлены зернотерками, шлифовальной плиткой, оселками.

Нужно сказать о специализации металлообрабатывающего ремесла. На Гомельском окольном городе открыты остатки мастерской, в которой осуществлялись работы, связанные с черной и цветной металлургией (крупные куски железного шлака, тигель с оплавленными стенками и др.). Удивляться соединению в руках одного мастера нескольких ремесел не следует. Такие случаи широко известны на разнокультурных памятниках Восточной Европы. Так, в Ладоге открыта мастерская VIII в., в которой проводились кузнечные и ювелирные работы. Возможно, ладожский мастер занимался и деревообработкой [92, с. 56-63]. О том, что кузнечное и ювелирное ремесло могло быть сосредоточено в одной мастерской, убедительно говорят материалы роменского Новотроицкого городища [93, с. 146-147]. Б.А. Рыбаков отмечал, что даже в позднем средневековье русский мастер-профессионал мог выполнять круг операций, связанных с несколькими родственными ремеслами [94, с. 507].

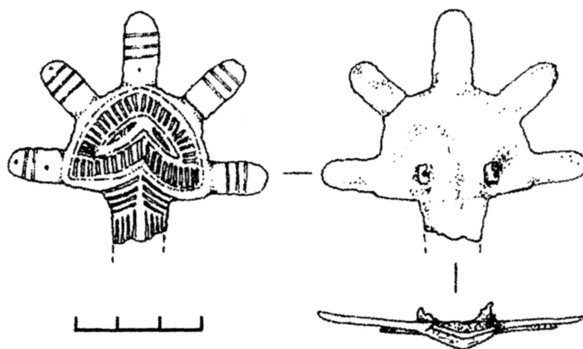

Рисунок 20 - Однополье, фибула бронзовая. Случайная находка

Основным занятием населения Гомельского Поднепровья было подсечно-огневое земледелие. Но уже с рубежа эр здесь было известно и земледелие пашенное [95, с. 57]. Прямым подтверждением занятий земледелием служат находки обгоревших зерен проса и чечевицы (Колонии I), опечатки зерен на керамике, находки орудий уборки и переработки урожая. В последние годы много орудий труда, скоплений обгоревшего зерна и прочих свидетельств развитого земледелия сделано на Никодимовском городище на Могилевщине. Постоянные находки, связанные с земледелием, встречаются на памятниках пражской и колочинской культур соседних с Гомельским Поднепровьем регионов [70, с. 317-348]. Топография раннесредневековых селищ Гомельского Поднепровья и смежных районов, расположенных на невысоких террасах и дюнах близ водоемов и лугов, удобных для выпаса скота и заготовки трав, свидетельствует о существовании необходимых условий для занятия скотоводством. В Поднепровье, судя по анализу костного материала, в состав домашнего стада входили животные, характерные для всей лесной полосы Восточной Европы: крупный и мелкий рогатый скот, свиньи и лошади.

В третьей четверти I тыс. н. э. были развиты промыслы. Важное значение имели добыча, обработка железной руды, изготовление железных предметов. Болотная руда имеется в Белорусском Поднепровье почти повсеместно. Ее активная разработка велась с древности до XVIII в. Разнообразие кузнечной продукции иллюстрируется набором железных предметов. Большое распространение имели лепка посуды, прядение и ткачество. С ювелирно-литейным делом связаны находки тигля в Гомеле и тиглеобразных сосудиков в Проскурнях II. Успешное развитие этого ремесла документировано материалами колочинского и пражского ареалов в целом (к примеру, об этом достаточно уверенно говорят находки Никодимовского городища).

Датировка колочинских и пражских памятников определена V - концом VII вв. Она, с незначительными сдвигами, корректируется в работах Е. А. Горюнова, Р. В.Терпиловского, А. М. Обломского, И.О. Гавритухина, В.С. Вергей и др. [72, с. 63; 96, с. 93-98; 97; 70, с. 333-334]. В Гомельском Поднепровье узко датируемые предметы редки, но единичные их находки указывают на рамки V-VII вв. (пальчатые фибулы, В-образная пряжка).

Прямая генетическая связь между колочинскими и памятниками традиции Лука Райковецкая - Волынцево - Сахновка в Гомельском Поднепровье (как и по всей территории распространения носителей данных традиций) не прослеживается. Это указывает на смену населения или, скорее, на значительный приток новых групп населения извне.

Таким образом, изучая раннесредневековые памятники, можно сделать следующие выводы. Основным населением региона в V—VII вв. были носители колочинской культуры, памятники которой известны в Верхнем Поднепровье, на Среднеднепровском Левобережье, в Нижнем и Среднем Подесенье. Их культура близка культурам населения лесной полосы Восточной Европы - пражской, банцеровской, тушемлинской, мощинской. В начале раннего средневековья в изучаемом регионе появляются носители славянской пражской культуры. Они создают поселения на правом берегу Днепра, но элементы пражской культуры проявляются и в глубинных районах Посожья. Хозяйство населения V-VII вв. носит земледельческо-скотоводческий характер, предусматривающий охоту, рыбную ловлю, обработку болотной руды. кузнечное ремесло и пр.

В конце VII - начале VIII вв. в Гомельском Поднепровье распространяются восточнославянские культурные традиции круга Лука Райковецкая-Сахновка-Волынцево, которые диагностируются единичными памятниками и отдельными находками. Генетическая связь между тими древностями и предшествующими колочинскими не прослеживается. Более поздний пласт восточнославянских памятников региона связан с роменской и раннедревнерусской культурами.

РАЗДЕЛ 3 ПАМЯТНИКИ VIII-X ВВ.

Наименее изученными древностями Гомельского Поднепровья остаются памятники VIII—IX вв. Материалы исследований последних десятилетий, пусть и небольших по объему, убедительно показывают, что в это время получили распространение восточнославянские традиции (рисунок 21), генетически связанные с древностями конца IX-X вв. и более поздними. Четкой типологической и хронологической границы (учитывая известную условность предложенной в работе периодизации) между памятниками VIII—IX и конца IX-X вв. объективно не существует.

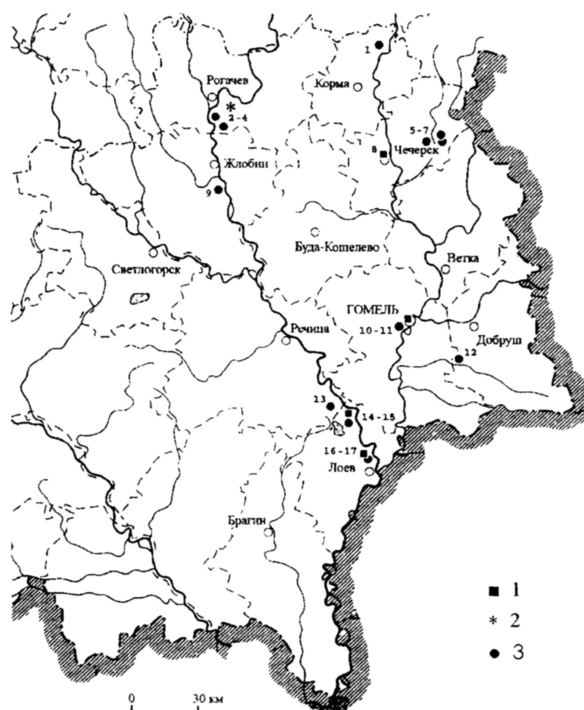

Рисунок 21 - Гомельское Поднепровье. Исследованные памятники VIII-X вв. Городища (1), культовые площадки-святилища (2); 3 - селища (3). 1 - Золотомино; 2-4 - Ходосовичи; 5-7 - Нисимковичи; 8 - Чечерск; 9 - Проскурни; 10-11 - Гомель; 12 - Носовичи; 13 - Колочин; 14-15 - Чаплин; 16-17 - Мохов

Древности VIII—IX вв. представлены двумя культурными традициями. Более ранняя характеризуется памятниками с керамикой круга Лука Райковецкая-Волынцево-Сахновка, вторая - с посудой роменского типа. Материалы первой традиции выявлены на городищах Гомеля и Чечерска, на поселении при городище Колочин I, на селище Проскурни II. Лепная керамика роменского типа открыта на тех же городищах, в постройке на окольном городе Гомеля, на селищах Носовичи, Нисимковичи II и Хизы (Старые Громыки), на городище и поселении Чаплин, на поселениях I—II и в могильнике у д. Ходосовичи. Эти памятники исследовались путем раскопок. Фрагменты роменской керамики встречались при обследовании ряда селищ (Шерстин, Дубовица и др.) (рисунки 22-25).

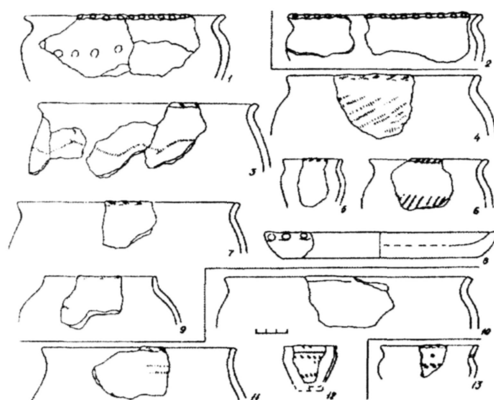

Рисунок 22 - Образцы лепной керамики типа Лука Райковецкая-Сахновка-Волынцево и роменской культуры. 1, 3-9 - Чечерское городище (раскопки И.М. Чернявского, В.В. Богомольникова); 2 - Гомель (раскопки М.А. Ткачева); 10-12 - Ходосовичи (раскопки Г.Ф. Соловьевой); 13 - Дубовица (сборы А.И. Дробушевского)

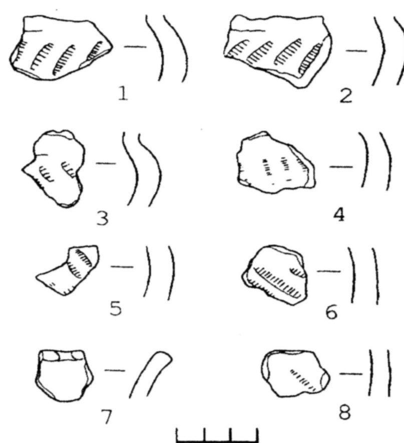

Рисунок 23 - Нисимковичи II, культурный слой. Лепная керамика конца I тыс. н. э. (1-8)

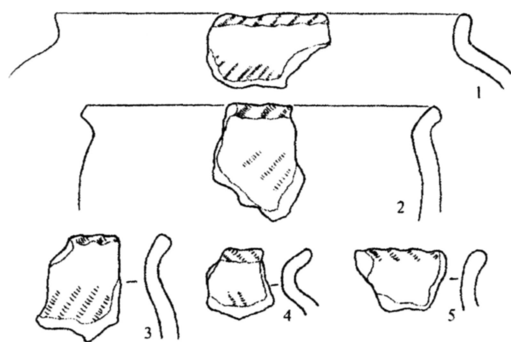

Рисунок 24 - Гомель, детинец. Образцы роменской лепной керамики (1-5) (раскопки автора, 1988 г.)

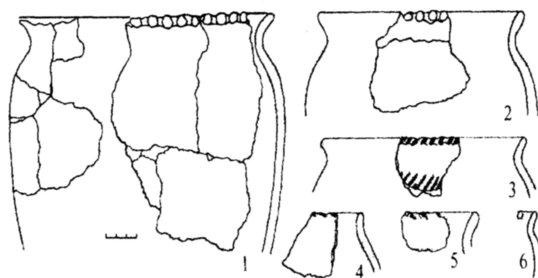

Рисунок 25 - Гомель, детинец. Образцы лепной керамики конца I тыс. н. э. (1-6) (раскопки автора, 1988 г.)

Древности конца IX-X вв. характеризуются господством полулепной (слегка подправленной на круге) и раннекруговой керамики. В ранних комплексах она сочетается с роменской лепной посудой. Такими памятниками являются Гомельское, Чечерское, Чаплинское городища, Гомельское, Чаплинское, Ходосовичское I и II, Нисимковичские I-III, Носовичское селища, подвергнутые раскопкам (рисунок 26). Материалы конца IX-X вв. открыты на многих памятниках, подвергнутых обследованию и шурфовке. Исследования в разные годы проводились А.Н. Лявданским, С.А. Дубинским, П.Н. Третьяковым, Э.А. Сымоновичем, Л.Д. Поболем, Г.Ф. Соловьевой, автором и др. [98, с. 200-209; 80, с. 64-72; 99, с. 168-187; 100, с. 67-73; 101, с. 56-62; 83, с. 227-237; 74, с. 139-46; 102, с. 165-174].

В настоящем разделе не рассматривается памятники Мохова, часть которых, без- ---овно, относится к концу IX-X вв. Они представляют этнокультурную традицию, «выпадающую» из общего для региона контекста.

Восточнославянские городища занимают места площадок городищ раннего железного века (Гомель, Чечерск, Чаплин). Их отложения или разрушены, или плохо выделяются стратиграфически. Площадь цитадели близка 0,5-0,6 га. В Гомеле не исключено наличие второго участка поселения, имевшего собственные укрепления [80, с. 64-72]. Уникальным является комплекс культовых площадок, вошедших в литературу как Ходосовичское святилище [79, с. 146-153].

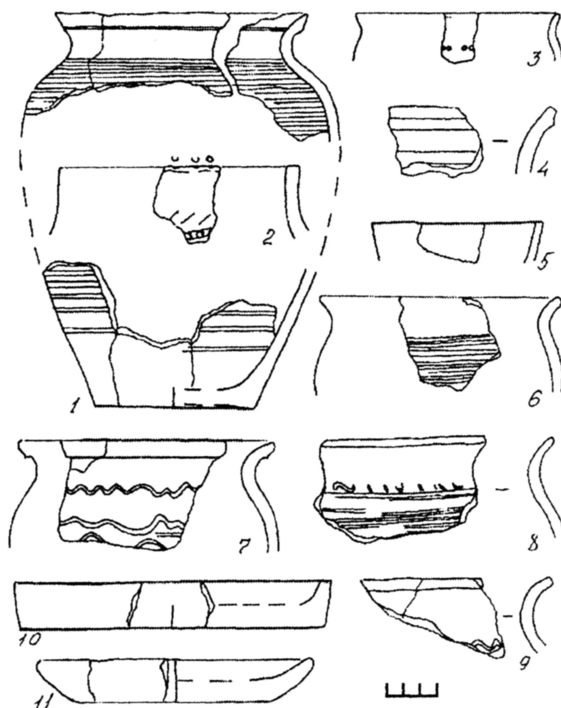

Рисунок 26 - Нисимковичи II. Раннекруговая (1-10) и лепная (11) керамика Х в.

Селища располагаются в условиях, аналогичных местоположению открытых по- --лений третьей четверти I тыс. н. э. Площадь составляет 0,5-4,0 га, преобладают памятники малых и средних размеров (рисунок 27: 1). Получили распространение жилища с углубленным в материк прямоугольным основанием. Исследованы остатки 8 жилищ Колочин I, Ходосовичи, Чаплин, Проскурни II). Площадь выемок составляет 9-20 кв. м. Котлованы опущены в материк на 0,2-1,05 м. Зафиксированы как следы столбовых конструкций, так и, вероятно, срубных (Проскурни II, жилища 6, 7). Печи (каменки, каменно-глинобитные и глинобитные) располагались в углу жилища, чаще всего, в северном или северо-восточном. В ряде жилищ исследователи допускают наличие двускатной кровли, фиксируют подмазку материкового основания слоем глины [67, с. 95-137; 79, с. 146-153; 84, с. 18-32; 98, с. 200-209]. Домостроительная традиция населения Гомельского Поднепровья VIII—X вв. имеет выраженный восточнославянский характер. В конце

I тыс. н. э. здесь получило распространение и наземное домостроительство. В Носовичах открыта овальная в плане яма. Она впущена в колочинскую постройку. Размеры ямы значительны: длина 6,6 м, ширина 2,4 м, глубина до 0,45 м. Ее заполняет слой, насыщенный углем, золой, глиняной и каменной крошкой, большим количеством обожженных камней. В комплексе сочетается лепная роменская и раннекруговая керамика (рисунок 28) [83, с. 227-237]. Аналогии сооружение находит на славянских памятниках Польши второй половины I тыс. н. э., где они трактуются как подполья под наземными домами [103, с. 169-173]. В Нисимковичах II, где вскрыто 1208 кв. м, не найдено ни одной «полуземлянки». Но с отложениями конца I тыс. н. э. здесь связаны 22 ямы преимущественно округлого и овального плана. Судя по заполнениям, включающим предметы быта и украшения, какая-то часть из них могла служить подпольями и предпечьями наземных жилищ [102, с. 165]. Сходная картина прослежена Я.Г. Риером в Чаусах на Могилевщине [104, с. 204-212]. Т. о. можно сделать вывод о заметном распространении наземного домостроительства на восточнославянских поселениях левобережных районов Верхнего Поднепровья. Такое заключение соответствует наблюдениям В.В.Седова, сделанным при изучении селищ IX—XIII вв. центральных районов Смоленской земли [105, с. 17-142].

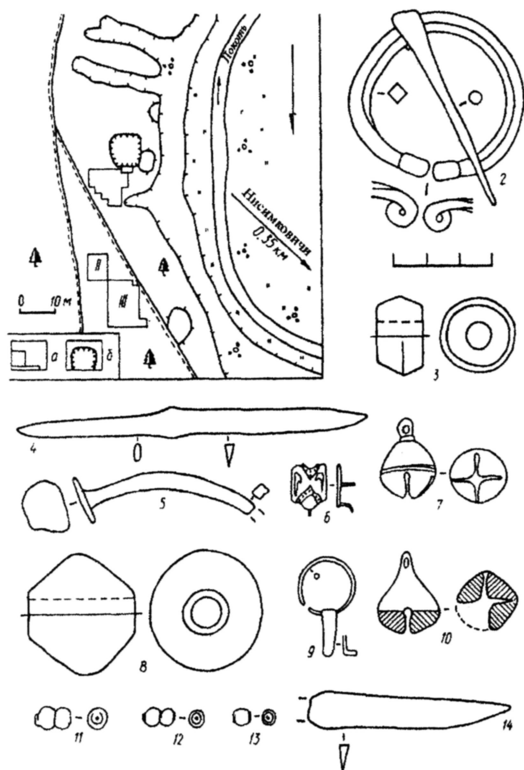

Рисунок 27 - Нисимковичи I. План памятника с указанием раскопов (1). Вещевой комплекс: изделия из железа (2, 4, 5, 9, 14), камня (3), бронзы (6, 7, 10), глины (8), стекла (11-13). 2-9, 14 - могильник; 10-13 - селище

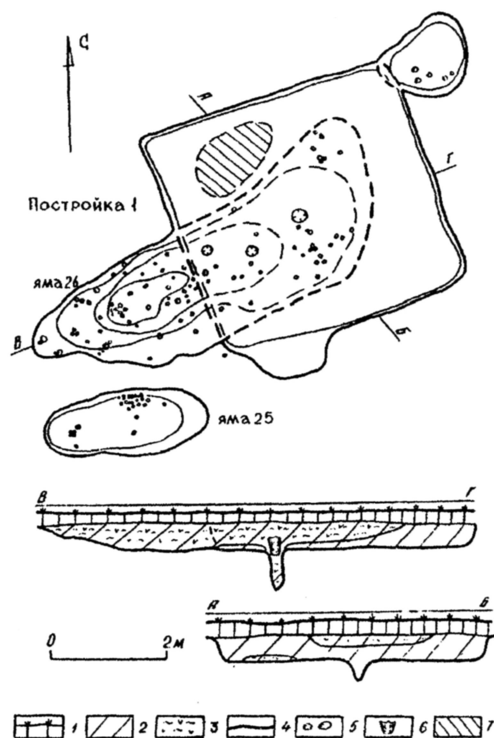

Рисунок 28 - Носовичи. Постройка 1 третьей четверти I тыс. н. э. и ямы 25, 26 IX-X вв. Условные обозначения: 1 - дерново-почвенный горизонт; 2 - культурный слой; 3 - зола и уголь; 4 - уровень материка; 5 - камни; 6 - остатки древесины

В Гомельском Поднепровье известны как курганные, так и грунтовой могильники с сожжениями VIII—X вв. Имеются погребения, совершенные на месте и на стороне, включая урновые. Захоронения совершены в ямках, на горизонте, в насыпи. Инвентарь обычно отсутствует. Иногда остатки кремации помещены в домовины (Демьянки, Веточка). В захоронениях встречена лепная и раннекруговая керамика, серп, проволочные височные кольца, стеклянные бусы, поясные бляшки.

Особенный интерес представляют бескурганные погребения X в. Нисимковичей I. Здесь исследованы захоронения в грунтовых ямках и остатки погребений наземного типа (рисунки

31-34). Последние не имеют аналогий в изучаемом регионе и на сопредельных территориях [99, с. 168-187].

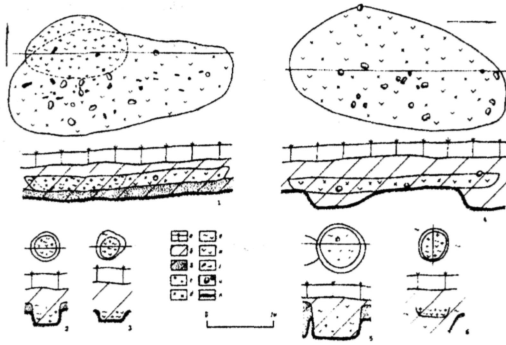

Рисунок 29 - Нисимковичи I. Планы и разрезы захоронений. Погребение 5, кострище 1 (1); погребение 6 (2); погребение 4 (3); кострище 2 (4), погребение 2 (5), погребение 9 (6). Условные обозначения: а - пахотный горизонт; б - темно-серый с коричневатым оттенком песок; в - светло-серый с коричневатым оттенком песок; г - кальцинированные кости; д - фрагменты керамики; е — зола; ж - уголь; з - крупные куски обожженной древесины; и - камни; к - материк

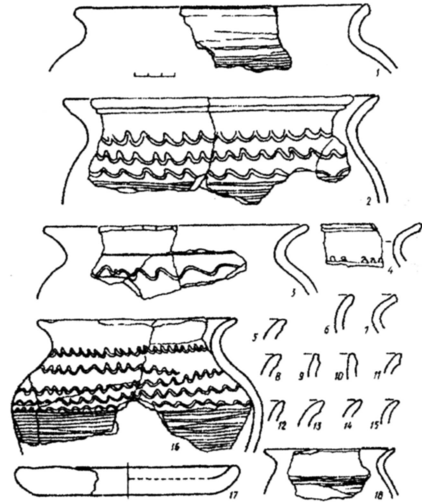

Рисунок 30 - Нисимковичи I. Круговая (1-16, 18) и лепная (17) керамика. 1,17- яма 14а; 2, 3, 6, 7, 11, 13, 18 - кострище 1; 4 - погребение 5; 5, 8-10, 12, 14-16 - кострище 2

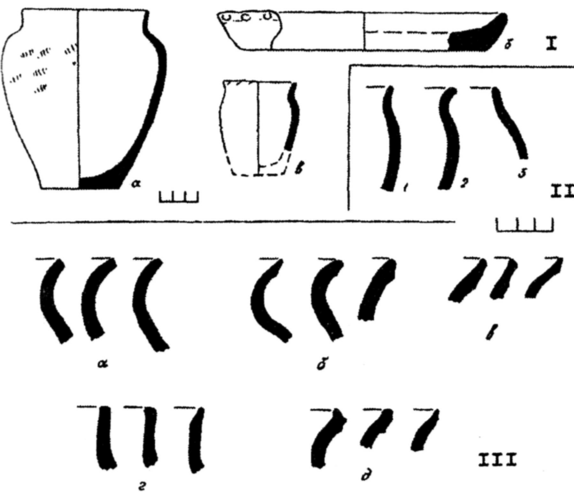

Рисунок 31 - Лепная и раннекруговая керамика VIII-X вв. I - типовые формы лепной керамики (а-в); II - основные виды профилировки лепных сосудов (1-3); III - основные виды профилировки раннекруговых сосудов (а-д)

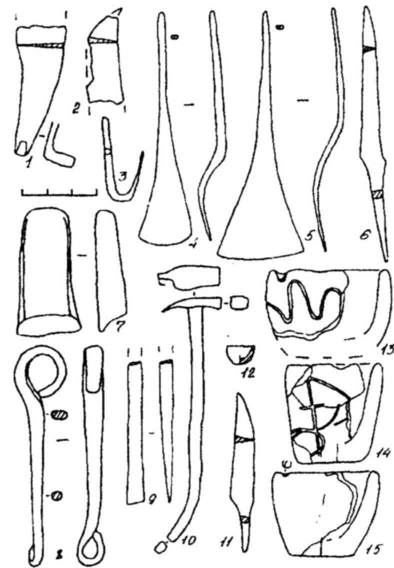

Рисунок 32 - Нисимковичи II Вещевой комплекс. 1-11 - железо; 12 - керамический тигель; 13-15 - миниатюрные лепные сосуды

Описание древнейшей формы погребального обряда радимичей дано в ПВЛ: «И аще кто умряше, творяху тризну над ним, и по сем творяху кладу велику, и взложахуть и на кладу, мертвеца сожжаху, и по сем собравше кости, вложаху в судину малу, и поставляху на столпе на путех...» [2, с. 15]. Содержание терминов «тризна» (обрядовая военная игра), «клада (крада)» большой костер, огненное кольцо), «столп» (деревянное сооружение в виде домика, домовина) рассмотрено Б.А. Рыбаковым [25, с. 40-44]. Ученый проследил элементы данного обряда в радимичских курганах конца X-XI вв. и боршевских конца I тыс. н. э., где в тех или иных сочетаниях (но не в комплексе, описанном ПВЛ), выступают «клада-крада», «столп», «судина мала». Ни один подкурганный объект не является адекватным отражением погребального обряда

ПВЛ, поскольку в летописи речь идет о бескурганном погребении. Б.А. Рыбаков предположил, что в «докурганное» время «столпы» сооружались над грунтовыми могилами [25, с. 40-42]. Примеров последних в материале земли радимичей не было. Исследователь признал, что между курганами и «древним обрядом погребения, зафиксированным для радимичей летописцем, ощущается некоторый пробел» [9, с. 84]. Наличие домовин (бдынов) над грунтовыми могилами представляется реальностью при учете этнографических параллелей и свидетельств Козьмы Пражского о домиках над погребениями славян, где могли «отдыхать» души умерших [106, с. 119-120]. Но автор ПВЛ подразумевал иной вариант погребения, поскольку вел речь не о надмогильных сооружениях: сами «столпы» выступали вместилищем останков (урна «на столпе»). Раскопки Нисимковичей I позволяют поставить вопрос о двух вариантах древнейшей формы погребального обряда в земле радимичей, первый из которых полнее соответствует летописному рассказу.

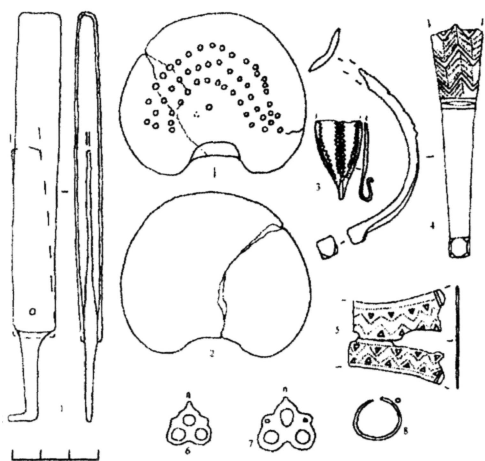

Рисунок 33 - Нисимковичи II. Вещевой комплекс: 1— железо; 2 - глина; 3-8 - цветной металл

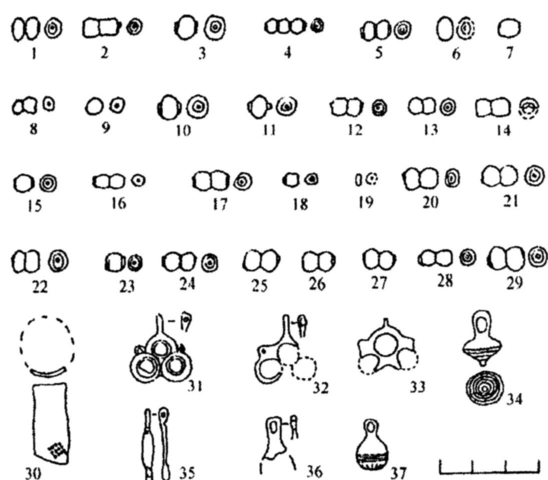

Рисунок 34 - Нисимковичи II Стеклянные бусы (1-29), бронзовые изделия (30-37)

В Нисимковичах I мы имеем дело с погребальными сооружениями типа наземной деревянной домовины (3 случая). Вид погребения - кремация на стороне с помещением остатков в саму домовину. Она, в отличие от грунтовой могилы или кургана, недолговечна. Ее остатки при раскопках выступают в виде аморфных скоплений жженных костей и иных следов на уровне дневной поверхности. В Нисимковичах I они представлены погребением 3, комплексом «погребение 5 - кострище 1» и кострищем 2 (сохранена полевая терминология). Погребения 3 и 5 - в плане образуют овальные линзы (соответственно 1,7x1,1 и 1,57x0,94 м при мощности до 0,4 м) пережженных костей, угля и золы. В пятнах погребений собрано по 150-200 кальцинированных костей. Здесь же были обломки раннекруговых сосудов, два черепка из погребения 3, возможно, лепные. «Кострище 1» планиграфически сливается с погребением 5 и его выделение в качестве отдельного объекта условное. Это - овальное в плане пятно размером 3,3x1,8 м, мощностью до 0,25 м. Содержит куски сгоревшего дерева, обожженные валуны, золу, фракции пережженных костей в виде «костной пыли». В пределах пятна - фрагменты нескольких раннекруговых горшков и глиняное пряслице. «Кострище 2» также овальное (3,3x1,7 м при мощности 0,2 м. Заполнение аналогично вышеописанному. Найдены фрагменты раннекруговых горшков, бронзовая накладка-бляшка, железные нож, изделие в форме кольца с язычком (рисунок 29: 6, 9, 14; 30). Результаты сожжения (погребения 3, 5) первоначально были помещены в наземных «столпах», после разрушения которых (гниение, преднамеренное уничтожение) рассыпались. «Кострища» могут быть имитациями отопительных сооружений и прочих деталей интерьера домовин. Это вполне вероятно, поскольку «столп» ПВЛ - это реализация идеи культового аналога жилища. В фольклоре достаточно примеров, когда могила рассматривается в качестве посмертного жилища. Пристанище умершего именуется «домовиной», «домовьем», «домком», «домом», «хатой», «хоромным строеньицем», «хороминкой», «горницей» и т.п. [107, с. 139-145; 108, с. 57]. «Слитное» размещение остатков погребения 5 и «кострища» 1 следует объяснять их принадлежностью одному комплексу - «столпу». «Кострище» 2 также, вероятно,

содержит результаты слабо диагностируемой кремации и может рассматриваться в качестве погребения. Значительное количество разбитых сосудов в «кострищах» говорит об использовании в интерьерах домовин наборов посуды или о хранении в «столпах» погребений в урнах - «судинах малых». Вторая разновидность нисимковичских захоронений X в. представлена 4-мя грунтовыми кремациями (№ 2, 4, 6, 9). Совершены они в округлых ямках с плоским дном (диаметром 0,44-0,75 м, глубиной до 0,5 м). Остатки представлены незначительным количеством костей, углем и золой. Форма ям допускает предположение о помещении кремаций в урны из дерева или коры. Погребения в грунтовых ямках в условиях полного или почти полного отсутствия инвентаря имеют общеславянский облик и находят параллели в разных группах древностей Восточной и Центральной Европы. Они зафиксированы в культурах третьей четверти I тыс. н. э. - пражской, пеньковской, колочинской, банцеровской, длинных курганов, известны в древностях Луки Райковецкой, западнославянских и др. [76, с. 186, 218; 77, с. 133, 150, 186-187; 12, с. 32,37].

Незначительное количество курганов с кремацией в ареале радимичей, которые в своем большинстве не поддаются точной датировке, может подтверждать существование иных форм погребального обряда: наземной («на столпе») и грунтовой. Причем на определенном временном отрезке три формы могли сосуществовать.

Итак, черты погребального ритуала (наземные захоронения), отмеченного в Нисимковичах I, соответствуют описанию языческих обычаев, помещенному в ПВЛ. Происхождение данного обряда не установлено. Он не имеет аналогов ни в колочинской культуре, памятники которой «подстилают» древности радимичей, ни в иных культурах второй половины I тыс. н. э. Восточной Европы. Вместе с тем, близкие параллели погребениям Нисимковичей I есть на западнославянских памятниках междуречья Эльбы и Вислы. Здесь открыто несколько погребений в виде пятен из пережженных костей и черепков на уровне древней дневной поверхности [109, с. 175]. Слабый уровень изученности материальной культуры ранних радимичей пока не позволяет дать развернутый комментарий данному наблюдению, однако уже сейчас намечается вектор для его последующего объяснения.

Основную роль в жизни сельских жителей играло земледелие. В Гомеле обнаружен железный наральник [110, с. 19-25]. Он ошибочно датирован М.А. Ткачевым XIII в. Наральник найден не в культурных отложениях, а в обнажении слоя. Его ближайшие аналоги есть в памятниках круга Волынцево и Сахновка [110, с. 19-25]. Обломок косы открыт в Нисимковичах II, здесь же встречены обломки жерновов [102, с. 167; рисунок 4: 1-2].

Судя по раскопкам в Чаплине, в состав домашнего стада входили свинья, крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, использовалась собака. Охота велась на благородного оленя, кабана, лося, зубра, медведя, бобра, косулю [98, с. 200]. По определению Н.П. Александрович, в Нисимковичах I встречены кости крупного рогатого скота, в Нисимковичах II представлены свинья, крупный и мелкий рогатый скот, в Нисимковичах III - крупный и мелкий рогатый скот, свинья, лошадь. Домашние животные Носовичей представлены свиньей и крупным рогатым скотом. В Нисимковичах II открыты кости зайца, Нисимковичах III - бобра, Носовичах - бобра и косули. Рыболовство служило подсобным промыслом. Рыбья чешуя, кости рыб и железный крючок открыты в Нисимковичах II [102, с. 167; рисунок 4: 3].

В обиходе восточнославянского населения была лепная и, постепенно ее вытесняющая, полулепная (примитивнокруговая) и раннекруговая керамика. По функциональному назначению лепная посуда делится на три категории: кухонные горшки, сковороды и миниатюрные сосуды. Горшки представлены сосудами вытянутых пропорций, суживающимися у дна и горла, с максимальным расширением в верхней части тулова, иногда - у середины высоты. Часть горшков без орнамента. Сосуды круга Лука Райковецкая-Сахновка-Волынцево нередко украшены ямочными вдавленнями или насечками по венчику, роменского круга - отпечатками веревочного штампа по обрезу и по плечикам. Есть и иные типы орнаментации по плечикам - ямочные (пальцевые) вдавлення или мелкие наколы. Раннекруговая керамика формовалась на ручном круге. Выделяются горшки, сковороды и миски. Горшки представлены сосудами с высоко поднятыми плечиками, прямой или отогнутой наружу шейкой и конически суживающейся нижней частью. По общим характеристикам они напоминают лепные горшки. Характерная орнаментация - многорядная линейная или линейно-волнистая. Встречаются отпечатки гребенки, округлые вдавлення, наколы и др. (рисунок 31).

Показательная коллекция предметов из глины, камня, металлов, стекла собрана в Нисимковичах II (рисунки 32-34). Свидетельства о развитии прядения и ткачества - глиняные пряслица

усеченно-биконической или зонной формы. В X в. появляются пряслица из серого, розового и фиолетового сланца-пирофилита.

В Гомельском Поднепровье в X в. существовали специализированные поселения, основной функцией которых была добыча болотной руды и ее переработка. К числу таковых относятся Нисимковичи II. Выявлено свыше тысячи кусков железного шлака. Сохранившиеся в форме лепешек конкреции, обогащенные железом, имеют в поперечнике 11-15 см. Собраны обломки ошлакованных стенок глинобитных печей. Исследован производственный комплекс, состоявший из глинобитной домницы и примыкавшей к ней ямы. Остатками домницы является округлое в плане пятно прокаленного песка (0,9 х 0,7 м), над которым залегало скопление шлака и древесного угля. Здесь же были ошлакованные стенки печи, часть - с отпечатками прутьев. Рядом обнаружена стенка домницы с отверстием для сопла. Очевидно, домница была наземной на деревянном каркасе. Яма, примыкавшая к печи, заполнена углистым, насыщенным обожженными камнями и шлаком слоем. Это углубление могло служить предпечным выемом. Вместе с домницей оно относилось к комплексу наземной мастерской. Залежи руды имеются в непосредственной близи к памятнику. К югу от него находится д. Рудня Нисимковичская, в названии которой отразились традиционные занятия населения добычей и выработкой железа [102, с. 167].

В Нисимковичах II существовало развитое кузнечное производство. К инструментам по обработке металла относится зубило (рисунок 32: 9) [102, с. 168, рисунок 4: 9]. Интересна находка кузнечной заготовки (определена М.Ф.Гуриным как обработанная крица) - железного предмета подпрямоугольной формы размером 5,9х2,0х1,0 см (рисунок 32: 7) [102, с. 169, рисунок 4: 7]. Такие изделия являются связующим звеном между необработанным металлом и готовыми изделиями [111, с. 44]. Интересно, что найденная в Нисимковичах часть удил, изученная спектрально, показала состав металла, идентичный описанной выше заготовке (рисунок 32: 8) [102, с. 168]. Определенная часть обнаруженных в Нисимковичах предметов из черного металла несомненно, относится к продукции местных кузнецов. Металлографическое исследование косы (рисунок 32: 1) показало, что она изготовлена из трех полос железа. Половина ножей изготовлена по схеме трехслойного пакета, большинство прочих - из железа. Два железных ножа имеют подобие цементации, еще два - стальные, причем один из них прошел закалку [102, с. 167-169].

Интересен вопрос о месте производства ножей, найденных в Нисимковичах П. Есть мнение, что навыками изготовления качественной продукции (ножи, косы, серпы, топоры и пр.) в Древней Руси владели кузнецы-горожане, деревенские же мастера не знали сложных технологических приемов, в т.ч. способов сварки железа и стали. Поэтому деревня получала качественные орудия путем обмена с городскими ремесленниками. Однако технология трехслойного пакета в ножах, открытая на сельских поселениях X-XII вв., встречается не реже, чем в городах. Учитывая натуральный характер сельской экономики и вотчинную принадлежность городского ремесла, предположение о том, что качественные изделия попадали в села только путем обмена, не выглядит бесспорным [112, с. 78-79]. Сельские мастера сами владели сложной техникой (в т.ч. трехслойного пакета) и создавали такую продукцию на заказ. Материал Нисимковичей - тому яркое подтверждение.

Ювелирно-литейное дело развивалось не только в формирующихся городах, но и на рядовых поселениях. В Нисимковичах II найден миниатюрный тигель в виде круглодонной чаши с ошлакованной поверхностью, железный гвоздевидный предмет, который с некоторой долей уверенности может интерпретироваться как легкий молоток для ювелирных работ (рисунок 32: 10). Интересные находки из цветного металла сделаны в Нисимковичах II. Здесь обнаружена литая бубенчиковидная пуговица, лицевая часть которой украшена орнаментом в виде линий с насечками (рисунок 34: 34). Похожие по форме и стилю исполнения пуговицы широко распространены на памятниках X - начала XI вв. Среднего Поднепровья. Существует мнение, что значительная часть среднеднепровских литых пуговиц могла производиться в Киеве [113, с. 61-76, рисунок 6, 7]. В Нисимковичах II выявлено 5 петлистых подвесок и держателей, язычковая подвеска (рисунок 33: 6-7; 34: 31-33, 35). Многочисленные аналогии им есть в радимичских курганах конца X - начала XII вв. [9, с. 94, таблица VI: 29-30]. В слое открыта и часть полой бубенчиковидной подвески (рисунок 38: 37). В курганах радимичей они встречаются до 20-30 шт. в составе одного ожерелья. Нередко такие подвески обнаруживаются и в погребениях северянок [9, с. 93, таблица VI: 24]. Найден бронзовый грушевидный бубенчик с крестообразной прорезью. Височные украшения представлены перстнеобразным круглопроволочным колечком

с разомкнутыми концами (рисунок 33: 8), нагрудные - пластинчатым наконечником с крючком от гривны, украшенным чеканными треугольниками и насечками (рисунок 33: 3). Обломок пластинчатого браслета орнаментирован «волчьим зубом» и чеканными черточками, образующими композицию прямых и ломаных линий (рисунок 33: 5). Из ямы X в. происходит обломок браслета с врезными и чеканными линиями на поверхности (рисунок 33: 4).

Из цветных металлов в конце I тыс. н. э. изготавливались преимущественно украшения и принадлежности одежды. Это серьги, проволочные височные кольца, подвески, перстни, накладки, пуговицы, подковообразные фибулы и др. В состав украшений входили сердоликовые и стеклянные (лимоновидные, цилиндрические, глазчатые, бисер) бусы. В Нисимковичах II собрано 36 бусин. Только одна из них представляет голубой рубленый бисер, остальные - разновидности лимоновидных желтых (т.е. собственно «лимонок»), синих и голубых. Доминируют двойные пронизки, за которыми следуют одинарные; одна бусина тройная. Особенностью некоторых экземпляров является оплавленность поверхности (рисунок 34: 1-29) [102, с. 169, рисунки 16-26]. О развитии косторезного дела свидетельствуют находки костяных и роговых рукояток ножей, шильев, проколки.

С языческими верованиями связаны амулеты. В Нисимковичах II в слое X в. выявлен клык домашней свиньи с отверстием для подвешивания [114, с. 16-17]. На том же селище в слое X в. открыт достаточно необычный оберег, представленный поделкой в форме хлебца-полумесяца (рисунок 33: 2). Остановимся на общем описании находки. Ее особенность - 52 накола (в три серповидных ряда), нанесенных до обжига тонким острым предметом. Некоторое сходство находка обнаруживает с т.н. глиняными «кружками» из Саркела-Белой Вежи. Исследовательница этого памятника С.А. Плетнева определяет их как воспроизведения хлебных лепешек, которые у саркельцев были охранными домашними оберегами [115, с. 166-172]. Саркельские амулеты круглые. Кроме точечных, на них имеются и прочерченные вдавлення, связанные с солнечной символикой. Саркельские обереги датируются серединой X - началом XI вв. Подобные изделия были распространены на поселениях Волжской Булгарии, встречаются на памятниках конца X-XI вв. марийцев, их находки известны в Дунайской Болгарии (X в.) и на роменском городище Опошня. Такие предметы обнаруживаются в жилищах или рядом с ними [115, с. 171]. Нисимковичская находка также могла служить оберегом. Но особенность в том, что она несла не солнечную, а лунную символику. Охранительная функция луны у славян хорошо известна и, в частности, прослеживается по широкому распространению в конце I - начале II тыс. н. э. подвесок в виде лунниц [116, с. 61]. Последние характерны и для женского убора радимичей [12, с. 156].

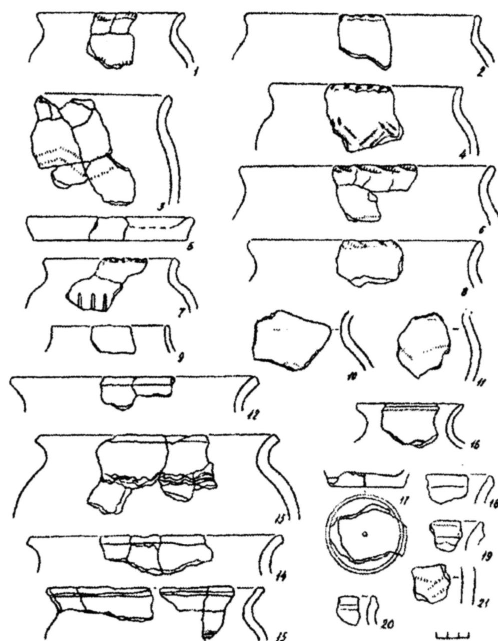

Рисунок 35 - Носовичи. Лепная (1-11, 19) и раннекруговая (12-18, 20, 21) керамика

Датировка памятников во многом определяется сопоставлением наборов керамики. В комплексах с лепной посудой круга Лука Райковецкая-Сахновка-Волынцево отсутствует примитивно-круговая и раннекруговая керамика (поселение у городища Колочин I, жилище 2; селище Проскурни II, жилища 6,7) [67, с. 97-137; 84, с. 18-32]. Напротив, лепная керамика роменского типа, как показали исследования автора, сочетается с раннекруговой древнерусской (Хизы, Гомель, Носовичи) (рисунок 35). Это свидетельствует о том, что культура традиций Лука Райковецкая-Волынцево-Сахновка существовала ранее роменской, а роменская - перерастает в древнерусскую. Судя по набору, включающему только лепную керамику, к VIII—IX вв. следует отнести памятники круга Лука Райковецкая-Сахновка-Волынцево. В Проскурнях II узко датированных предметов нет. Жилище 2 селища Колочин дало сердоликовую бусину,

отнесенную Э.А.Сымоновичем к VIII в. [67, с. 95-137]. Датирующие находки Чаплина показали, что первые восточнославянские поселенцы появились здесь в VIII - первой половине IX вв. К их культуре относится серьга «аварского» типа. Прочие предметы имеют начальной датой начало, первую половину или середину X в. (дирхам 903 г., подковообразная фибула, крестопрорезной бубенчик, шиферные пряслица и др.) [67, с. 200-209]. На поселении нет предметов, вошедших в обиход в XI в. и позднее. По сочетанию датирующих предметов с находками роменской лепной и раннекруговой керамики, Чаплин может быть отнесен к IX-X вв.

Значительное количество датирующих находок выявлено в Нисимковичах II. Здесь господствует (до 99 %) раннекруговая керамика, многочисленны лимоновидные бусы, встречены бубенчиковидные подвески X-XI вв., пуговица X-XI вв., крестопрорезной бубенчик первой четверти - середины XII в. и др. В слое найдено всего несколько черепков лепной посуды роменского типа. Дата перекрывающих селище курганов с трупоположением на горизонте - конец X - начало XII вв. Решающее значение при определении верхней хронологической границы горизонта Нисимковичей II имеет отсутствие вещей, вошедших в обиход с XI в. Время верхнего слоя селища определяется X в. [102, с. 165-174]. Восточнославянский горизонт Нисимковичей I датирован второй половиной X в. Здесь нет лепной роменской керамики, но отсутствуют и предметы XI в. Из датирующих вещей встречен крестопрорезной бубенчик, подковообразная фибула второй четверти X - первой четверти XI вв., перстень последней четверти X - третьей четверти XIII вв. [117, с. 8-11]. Восточнославянский горизонт Нисимковичей III относится ко второй половине (концу) X - началу XI вв. Найдены лимоновидная стеклянная бусина, крестопрорезные бубенчики, подковообразная фибула, наконечник пояса (рисунок 36) и пр. Особенностью керамического комплекса является сочетание раннекруговой посуды с небольшим количеством обломков сосудов развитых круговых форм [117, с. 13].

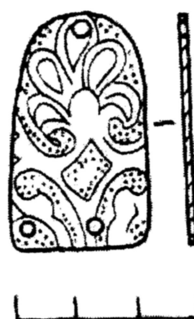

Рисунок 36 - Нисимковичи III. Бронзовый наконечник пояса из постройки конца X - начала XI вв.

Верхний слой Носовичей датирован IX-X вв. Здесь собрана лепная роменская и раннекруговая керамика, а также круговая посуда, близкая шестовицкой. Встречены лимоновидные бусы, калачевидное кресало, сердоликовая бусина IX - первой четверти XII вв. и др. [83, с. 227-237]. В Гомеле также есть предметы рассматриваемого периода. Это обломок височного лучевого кольца раннего типа (случайная находка) и железные наконечники стрел из заполнения рва на окологрworld (рисунок 37).

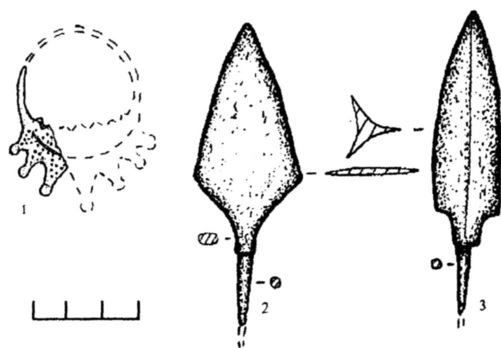

Рисунок 37 - Гомель. Предметы VIII-X вв.: 1 - височное кольцо из белого металла (случайная находка); 2-3 - железные наконечники стрел (ров на окольном городе)

В IX-X вв. население Гомельского Поднепровья активно включается в древнерусскую и международную торговлю. Экономическому развитию региона способствовало его расположение на южном участке верхнеднепровского отрезка пути «из варяг в греки». Внутренний для Руси путь («в радимичи») проходил из Киева и Чернигова в сторону Смоленска через Гомий и Чичерск. О торговых связях говорят многочисленные находки, рассмотренные в соответствующем разделе настоящей работы.

Итак, в конце VII - начале VIII вв. в Гомельском Поднепровье распространяются восточнославянские культурные традиции круга Лука Райковецкая-Сахновка-Волынцево, которые диагностируются единичными памятниками и отдельными находками. Генетическая связь между этими древностями и предшествующими колочинскими не прослеживается. Более поздний пласт восточнославянских памятников региона связан с роменской и раннедревнерусской культурами. Распространение на рубеже третьей и последней четвертей I тыс. н. э. в Гомельском Поднепровье восточнославянских традиций сопряжено с культурными трансформациями.

Различные типы жилищ с углубленным в материк основанием вытесняются четырехугольной полуземлянкой» с печью в углу и наземными домами с подпольями. Претерпевает изменения керамический комплекс, в котором господствующее положение занимают профилированные сосуды с расширением на уровне верхней трети высоты и скромной орнаментаций. В погребальном обряде, как будто, устанавливается приоритет подкурганного обряда захоронения. Существенные отличия элементов культуры V-VII (именно колочинской традиции) и VIII—X вв. едва ли могут объясняться эволюционным развитием местной культуры. В любом случае, трансформации раннесредневековых древностей изучаемого региона в значительной степени связаны с притоком населения - носителей раннеславянских (пражских) традиций. Основной вектор этого продвижения - западный, то есть с территории белорусско-украинского Полесья. Хозяйственная деятельность населения Гомельского Поднепровья в VIII—X вв. продолжает носить выраженный земледельческо-скотоводческий характер. Возрастает роль пашенного земледелия, сохраняют свое значение лесные, речные и домашние промыслы. Заметными темпами развиваются ремесла, в первую очередь, металлургия железа, кузнечное и гончарное дела.

В VIII—X вв. в Гомельском Поднепровье обитали восточные славяне, культура которых не имела выраженных отличий от культуры населения сопредельных регионов Верхнего, Среднего Поднепровья и белорусско-украинского Полесья.

РАЗДЕЛ 4 СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ КОНЦА IX-XIII ВВ. ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ

К сельским поселениям восточных славян относят собственно остатки сел (селища) и укрепленные поселения «не-городского» типа (феодальные замки, крепости, убежища). В настоящем разделе будут рассматриваться преимущественно селища. Сельские поселения и могильники - самая многочисленная категория памятников любого славянского региона. Гомельское Поднепровье не является исключением. Русь была аграрной страной с абсолютным преобладанием сельского населения. Степень изученности сел еще явно отстает от изученности курганов и поселений городского типа.

Исследования средневекового аграрного мира проводит Я.Г. Риер. В основу его работ положены материалы археологических изысканий, в т. ч. территории Восточной Беларуси [118, с. 107-118; 119; 120]. В 1950-х гг. Ю.В. Кухаренко, П.Н. Третьяков и Л.Д. Поболь исследовали остатки общинного центра в Чаплине на Днепре. Он существовал в роменское и древнерусское время на месте раннего городища [63, с. 9-62]. Как отмечалось, в 1980-90-х гг. раскопки предприняты автором на селищах Носовичи (IX-X вв.), Шарпиловка (XI-XIII вв.), Нисимковичи III (вторая половина X - начало XI вв.). Значительная площадь вскрыта в Нисимковичах II (X в.) [117; 83, с. 227-237; 102, с. 165-174]. В предместье Гомия исследован участок села конца X-XII вв. [121, с. 163-188]. Материал XII в. выявлен А.И. Дробушевским на селище Проскурни II у Жлобина [84, с. 18-32]. Наиболее изученным в археологическом отношении районом является Нижнее Посожье, большая часть которого охвачена сплошными разведками 1977-93 гг. Ставилась задача точной топографической привязки памятников, определения их площади, сохранности, хронологии, особенностей топографии, ландшафтной приуроченности, территориального соотношения с иными памятниками и др. Объектом детального обследования выступил участок течения Сожа с его левыми притоками Покотью, Беседью, Ипутью, Утью, Терюхой, Немыльней, отчасти - правыми притоками - Липой, Узой и пр. Таким образом, у границ Гомельщины с Брянской обл. России и Черниговской обл. Украины сплошному осмотру подвергнуто ок. 4100 кв. км (рисунок 38) [122, с. 45-49; 123, с. 105-109].

Топография и планировка селищ. Проблема рассматривается на основании детально обследованного Нижнего Посожья с привлечением данных иных исследований [52]. Топография и размеры - важные количественные характеристики неукрепленных поселений. На карту Нижнего Посожья нанесено 86 селищ (по состоянию на начало 1990-х гг.). 77 из них ранжированы по топографии и размерам, 73 - датированы с точностью до одного хронологического периода. В соответствии с предложенной схемой рассматриваются памятники 3 периода (конец IX-X вв.; раннедревнерусский этап, время радимичской автономии) и 4 (конец X—XIII вв., древнерусский этап). 4 период можно разделить с известной степенью условности на подпериод 4а (конец X-XI вв.; киеворусский) и 4б (XII-XIII вв.; эпохи Черниговского княжества). Селища располагаются в речных долинах, занимая площадки террас и пойменных всхолмлений. Большинство памятников находится у воды, некоторые удалены от водоема на расстояние до 100 м. Аналогичная картина топоположения средневековых сел (до XIII в. включительно) наблюдается по всей лесной полосе Восточной Европы. Устойчивая приуроченность селищ к долинам рек объясняется несколькими причинами: 1) водные артерии были главными путями сообщения, по которым шло расселение; 2) в речных долинах располагались удобные для сельскохозяйственных занятий пойменные почвы; от берегов рек было легче начинать сведение леса под пашню; 3) население предпочитало пользоваться открытыми источниками воды, избегая сооружения колодцев [124, с. 98-99].

---

[1] Сплошные обследования проводились под руководством автора отрядами и группами ИИ НАН Беларуси, ГОКМ, ГОАЦ, ГГУ им. Ф.Скорины. В разные годы в работах принимали участие А.А.Башилов, А.И.Дробушевский, Л.П.Изотов, С.В.Кабишев, Ю.В.Ободенко, А.Г.Пильник, А.В.Потапов и др. школьники. студенты, краеведы, музейные сотрудники. Многие из них стали первооткрывателями памятников. Активное участие в организации и полевых исследованиях принял преподаватель ГГУ им. Ф. Скорины В.И.Сычев.

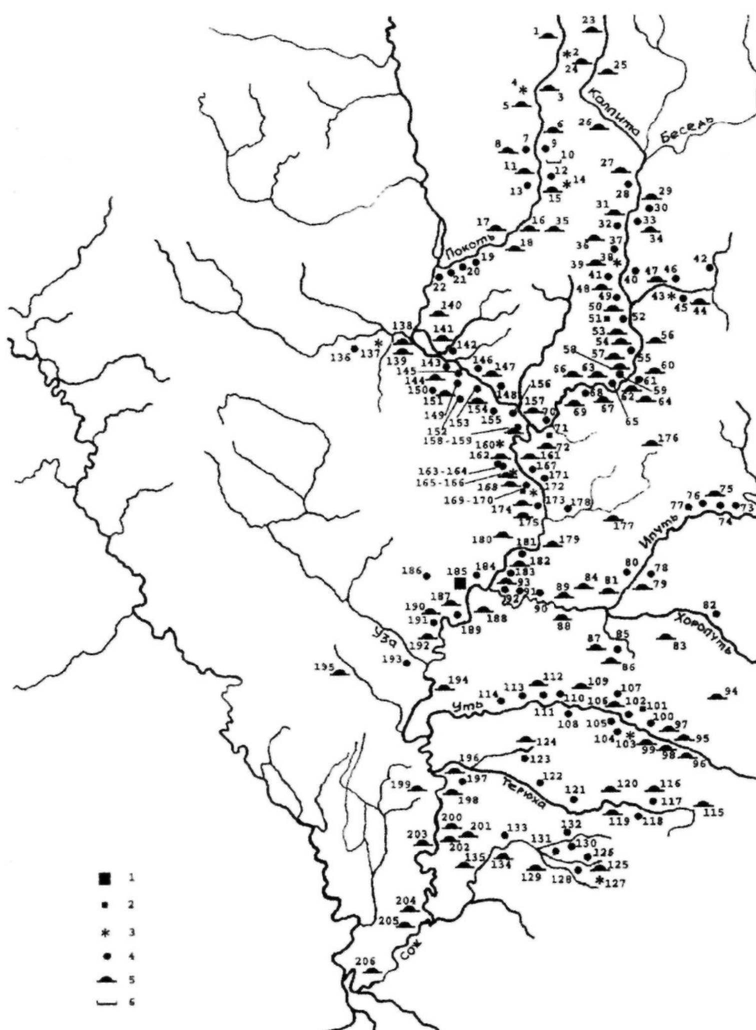

Рисунок 38 - Памятники Нижнего Посожья (по итогам сплошного археологического обследования, проведенного автором, и картографирования ранних данных): 1 - город; 2 - городище; 3 - святилище; 4 - селище; 5 - курганный могильник; 6 - грунтовой могильник.

1 - Осиновка; 2 - Полесье; 3 - Бартоломеевская Рудня; 4-5 - Сидоровичи; 6 - Ключевой; 7 - Гаек; 8 - Волосовичи; 9-10 - Нисимковичи I; 11 - Нисимковичи (Гаек); 12 - Нисимковичи IV; 13 - Нисимковичи II; 14 - Нисимковичи; 15 - Нисимковичи III; 16 - Нисимковичская Рудня; 17 - Покоть; 18 - Новиловка; 19-22, 140 - Петрополье; 23 - Заручье; 24 - Полесье; 25-26 - Будище; 27 - Казацкие Болсуны; 28 - Победа; 29 - Перелевка; 30-32, 39 - Великие Немки; 33-34 - Малые Немки; 35 — Бабичи; 36-37 - Даринполье; 38, 40, 41 - Чемерня; 42 - Яново; 43, 45 - Городок; 44, 46 - Колбовка; 47 - Столбун; 48-49 - Светиловичи; 50-53 - Железники; 54-55 - Некрасово; 56 - Глыбовка; 57-59 - Старые Громыки; 60-62 - Новые Громыки; 63, 65 - Хизы; 64 - Шейка; 66 - Быковец; 67 - Осово; 68-69 - Воробьевка; 70-72 - Беседь; 73 - Березки; 74-77 - Демьянки; 78-81, 84 - Добруш; 82 - Зайцев; 83 - Жиржа; 85 - Петровск; 36-87 - Жгунь; 88 - Ларищево; 89-90 - Романовичи; 91-93 - Красный Маяк; 94 - Васильевка; 95 - Тереховка; 96 - Лукьяновка; 97 - Екатериновск; 98 -Дубровка; 99, 103-105 - Уть; 100-102 - Гордуны; 106-107 - Иваки; 108 - Запрудовка; 109-110 - Носовичи; 111 - Прибытковская Рудня; 112-113 - Прибытки; 114 - Будилка; 115 - Борщевка; 116-117 - Нивки; 118 - Прокоповка; 119 - Черетянка; 120-Маковье; 121 - Водопой; 122 - Грабовка; 123, 124 - песочная Буда; 125-127 - Глыбоцкое; 128-129 - Поддобрянка; 130 - Марковичи; 131-132 - Гадичев; 133 - Лядцы, 134 - Диколовка; 135 - Семеновка; 136 - Присенщина; 137 - Дудичи; 138-139 - Андреевка; 141-142 - Ухово; 143-145 - Однополье; 146-148 - Пролетарский; 149-151 - Присно; 152-156 - Шерстин; 157, 161-166 - Радуга; 158-160 - Новоселки; 167, 171 -Ветка; 168-170, 172, 174 — Хальч; 173, 175 - Старое Село; 176-Борьба; 177 - Левочтево; 178 - Тарасовка; 179 - Чистые Лужи; 180 - Калинино; 181-182 - Романовичи; 183 - Ильич; 184 - Поколюбичи; 185, 188, 189, 191 - Гомель; 186 - Зеленые Луки; 187, 190 - Любны; 192 -Давыдовка; 193 - Бобовичи; 194 - Скиток; 195 - Цыкуны; 196-198 - Терюха; 199 - Новые Дятловичи; 200-202 - Студеная Гута; 203 - Шарпиловка; 204 - Хоминка; 205 - Карповка; 206 - Абакумы

Данные о топографии селищ обобщает их формальная классификация, учитывающая использование рельефа для выбора места поселения. Простой, но емкий способ классификации сельских поселений, был предложен в 1950-х гг. М.В. Битовым [125, с. 34]. С известными оговорками он применяется в работе археологов, а также используется в трудах по истории древнерусского села [124, с. 98]. Разработки М.В. Витова положены и в основу предложенной ниже классификации селищ Нижнего Посожья.

77 ранжированных по площади поселений распределяются по трем типам заселения: I - приречный; II - мысовой; III - пойменный.

К I типу относится 37 памятников (47,4 %). Протяженность селищ чаще составляет 100-350 м при ширине 40-80 м. Селища вытянуты вдоль речных террас или «высоких» пойм. Этой характеристике отвечают поселения подтипа IА (17 наблюдений). Примером может служить селище конца X - середины XIII вв. Романовичи (ур. Боровая) (рисунок 39). Его площадка размещается на излучине левого берега Сожа. Высота над поймой - 8 м, длина вдоль берега - до 330 м, ширина - 40-50 м. К подтипу IБ (10 наблюдений) отнесены памятники, одной из границ которых выступает резкий изгиб террасы, образованный направлением водотока или оврага.

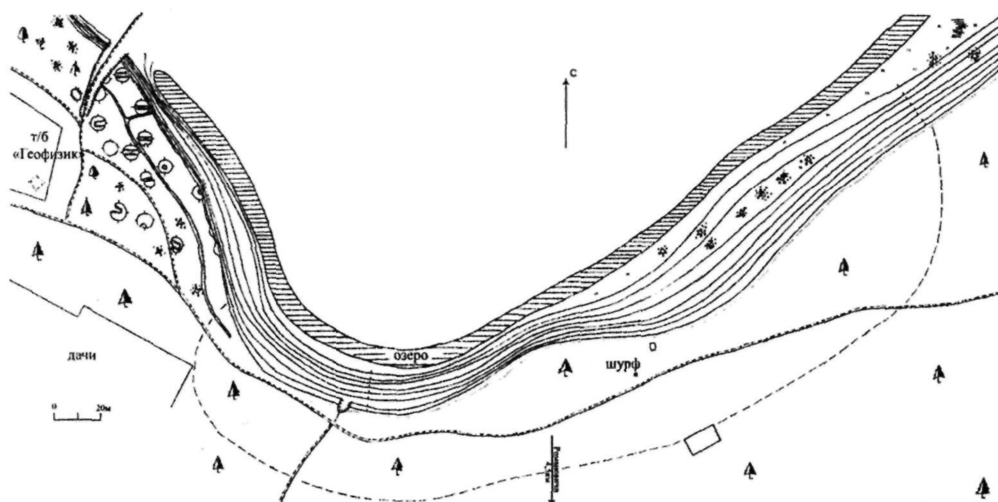

Рисунок 39 - Романовичи, селище и курганы, ур. Боровая. Съемка автора, 1991 г.

К этой разновидности принадлежит селище Носовичи на берегу Ути (рисунок 7). Памятник находится участке 2-3-метровой надпойменной террасы на площади 100-125х40-50 м. Памятник многослойный, основные напластования относятся к IX-X вв. В подтип IВ объединены селища, площадки которых расчленены оврагами или ручьями (9 наблюдений). Примером выступает селище Терюха конца X - середины XIII вв. в левобережье Сожа (рисунок 40). Ровная площадка примыкает к озеру, занимая участок «высокой» поймы (3 м над водой). Она вытянута вдоль водотока на 200 м при ширине 50 м. Поверхность рассечена двумя овражками. Памятник приречного типа, вытянутый по борту оврага перпендикулярно направлению основного водотока, отнесен к подтипу IГ (1 наблюдение). Его представляет селище конца X - середины XIII вв. Хальч (ур. Селецкий Ров) на коренном берегу Сожа (рисунок 41). К II типу заселения - мысовому - относится 27 памятников (34,6 %). Поселения располагаются на мысах террас, их форма полностью или в значительной степени подчиняется конфигурации площадок. Их поперечник колеблется от 20-50 до 400 м.

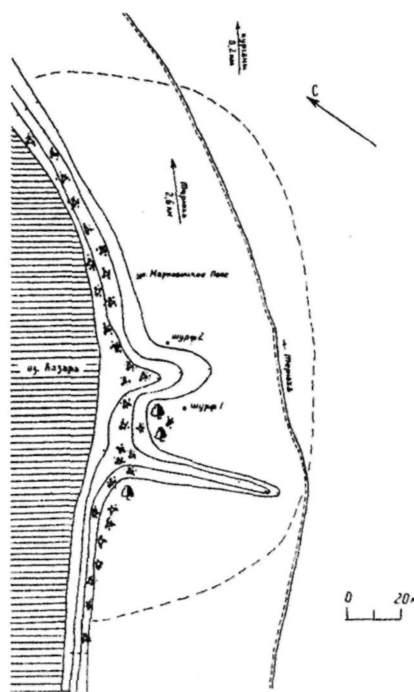

Рисунок 40 - Терюха, селище. Съемка автора, 1991 г.

К подтипу ПА отнесены селища на мысах, образованных изгибом террасы, а также устьем малого водотока или оврага (24 наблюдения). Такой памятник, к примеру, открыт на правом ко- -енном берегу Терюхи близ д. Нивки Добрушского р-на. Селище занимает пологий склон мыса на отметках 6-8 м над поймой. Площадь составляет ок. 0,5 га, в шурфах - слой с керамикой XII-XIII вв. Подтип ПБ представлен поселениями на площадках, выделенных с двух сторон малыми водотоками или оврагами (3 наблюдения). Наиболее изученным памятником является поселение в Гомеле (ур. Ильинский Спуск). Раскопки проведены автором в 1989 г. Селище возникло не позднее конца X в. и существовало в качестве топографически обособленного от города села до середины XII в. Площадь составляла ок. 4 га, форма его площадки определялась направлением двух оврагов - Ильинского Спуска и безымянного, прорезающих террасу Сожа высота над водой ок. 20 м). III топографический тип поселений - пойменный (14 наблюдений, 18 %). Селища размещены на всхолмлениях в поймах или на останцах. Поселения подтипа III А (7 наблюдений) занимают всю площадь всхолмления. Таково, например, селище XII—XIII вв. близ д. Чемерня Ветковского р-на (в устье р. Чемернянки) (рисунок 42). Бугор размером 40х60 м возвышается над поймой на 2-3 м. Подтип ШБ (7 наблюдений) образуют селища, занимающие часть всхолмления. Примером выступает открытое в 1976 г. Е.Г.Калечиц селище XII-XV вв. Демьянки (ур. Асавца). Оно находится на участке 3-5-метровой надпойменной террасы Ипути.

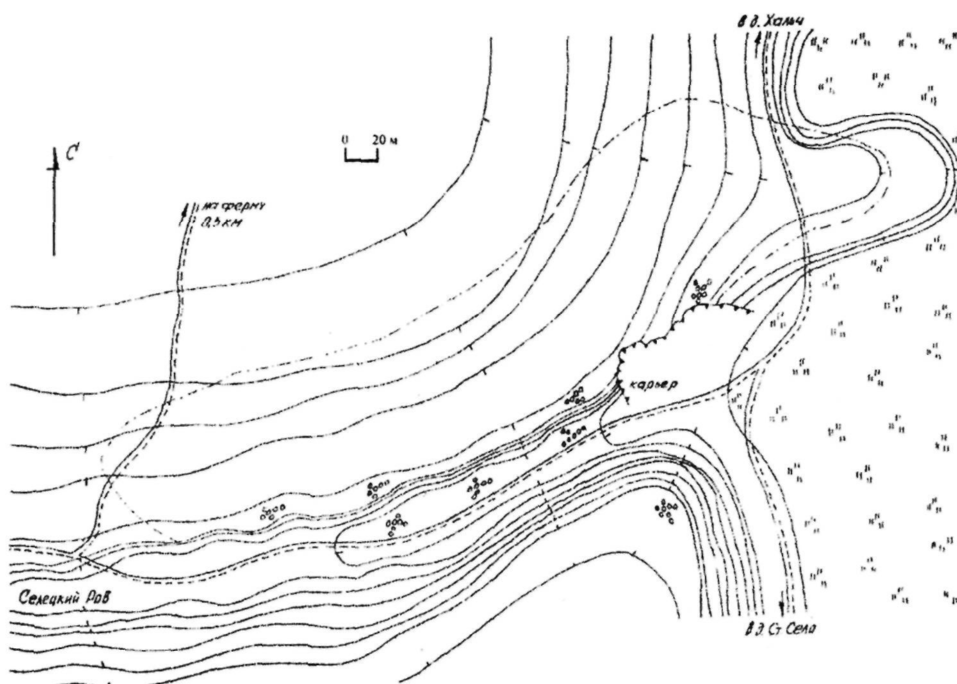

Рисунок 41 -Хальч, селище, ур. Селецкий Ров. Съемка автора, 1992 г.

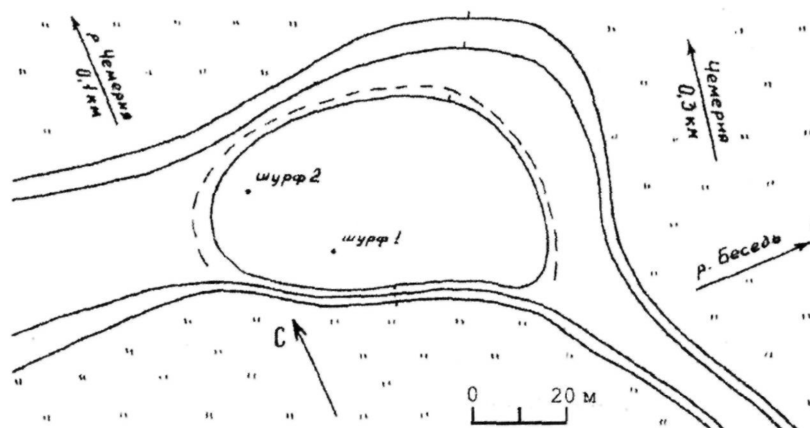

Рисунок 42 - Чемерня, селище, устье р. Чемернянка. Съемка автора, 1991 г.

Таким образом, в Нижнем Посожье господствует приречный тип заселения. К нему относится половина ранжированных по типу заселения памятников. Мысовых поселений несколько меньше, еще реже встречаются пойменные. В.И. Кошман выделил в междуречье Березины и Днепра те же три топографических типа селищ. И здесь преобладает первый тип, а самый малочисленный - третий [52]. Близкая картина распределения открытых поселений по типам заселения наблюдается в большей части лесных и лесостепных районов Руси [124, с. 99]. Она характерна для смежных с Гомельским Поднепровьем регионов [118, с. 107-118; 126, с. 25-30]. Преобладание приречного типа объясняется его преимуществами хозяйственно-экологического плана. Вытянутые вдоль водотоков площадки и пологие склоны удобны для рационального размещения застройки. Они приближены как к сухопутным, так и водным дорогам. Расположенные на границе возвышенного и пойменного рельефов (где сочетаются лес, луг и водоем), селища I типа являются оптимальными поселенческими единицами для ведения комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, дополненного лесными и речными промыслами. Постоянные поля оказываются в непосредственной близости от крестьянских дворов и пастбищ, что важно при развитом пашенном земледелии: облегчается доставка удобрений на поля. Такими же преимуществами обладали и поселения мысового типа, однако их жители испытывали затруднения при выборе мест для строительства дворохозяйств. Пойменные селища, окруженные заболоченными низинами, нередко удалены от потенциальных полевых и лесных угодий, а также от постоянных сухопутных дорог. Неудобства для жителей пойменных поселков создавали разливы рек. По-видимому, и эти обстоятельства предопределили меньшую распространенность поселений III типа по сравнению с поселениями типов I и II.

Необходимо сопоставить хронологию селищ Нижнего Посожья и их распределение по типам заселения. В 3 периоде (конец IX-X вв.) существуют преимущественно поселения приречного типа (80,8 %). Доля мысовых селищ невелика (15,4 %), а пойменных - ничтожна (3,8 %). В 4а периоде (конец X-XI вв.) наблюдается заметное снижение доли приречного типа (65,9 %), возрастание - мысового (25 %) и пойменного (9,1 %). Еще ярче эта тенденция прослеживается в 4б периоде (XII - середина XIII вв.). Доля селищ приречного типа падает до 45,5 %, а мысового и пойменного - возрастает соответственно до 30,9 % и 23,6 %. Аналогичные процессы фиксируются в нижней части междуречья Днепра и Десны, где в XII в. также отмечается значительный рост количества пойменных селищ [126, с. 28]. Наблюдаемую в Нижнем Посожье картину эволюции типов заселения дополняет корреляция топографии селищ с динамикой их возникновения. Из числа вновь возникших в 3 периоде поселений 50 % относятся к приречному, 36,4 % - к мысовому, 13,6 % - к пойменному типу. Тенденция к перераспределению господствующих типов заселения нарастает в 4 периоде, когда появляется лишь 16 % новых приречных селищ, в то время как мысовых и пойменных - соответственно 44 % и 40 %.

Господствующий в Нижнем Посожье на протяжении рассматриваемого отрезка времени приречный тип заселения имеет тенденцию к уменьшению доли представляющих его поселений, а мысовой и пойменный - к увеличению. В конце IX-X вв. радимичи активно используют преимущества приречного типа, отдавая предпочтение селищам I типа. Незначительная плотность населения еще позволяла сводить к минимуму практику устройства поселений в менее выгодных топографических условиях. Сходная картина наблюдается и в других регионах лесной полосы Восточной Европы. В нижней части междуречья Днепра и Десны в IX-X вв. господствуют поселения приречного и сходного с ним приозерного типов (62,8 %), на втором месте находится мысовой тип (25,6 %), а пойменный - составляет лишь 11,6 % общего числа селищ [126, с. 28]. Рост населения Посожья в условиях отсутствия социально-экономических предпосылок для перераспределения его излишков на водоразделы подтолкнул активизацию основания селищ на свободных мысовых площадках и на пойменных всхолмлениях. К XII - середине XIII вв. фонд удобных, но неосвоенных приречных урочищ почти исчерпался. Новые селища закладываются на мысах и в пойме. В последнем случае это происходит с некоторым ущербом для земледельческих занятий на сухих береговых участках. Следует предположить, что будущие раскопки пойменных поселков выявят среди них специализированные промысловые (железоделательные, рыболовецкие и пр.) поселения, включая селища сезонные. Впрочем, нельзя забывать и о том, что первая половина - середина XIII в. в геологической истории Европы соответствует пику малого климатического оптимума, когда потепление вызвало понижение уровня грунтовых вод, высыхание болот и пойменных низин [127, с. 190-192; 128]. Интерес земледельцев мог быть обращен к оказавшимся доступными для обработки плодородным поймам.

Размеры селищ Посожья колеблются в пределах 0,1-10,9 га. Резко преобладают поселения площадью до 1 га (56,4 %), затем следуют поселения площадью 1,1-2 га (23,1 %), 2,1-3 га 9 %) и 3,1-4 га (5,1 %). Поселения размерами 4,1-10,9 га немногочисленны, их совокупная доля составляет 6,4 % от числа ранжированных по площади селищ. Таким образом, самыми распространенными являются поселения площадью 0,1-2,0 га. Более крупные поселения часто существовали достаточно долго - в рамках 3-4-го периодов. Сходная картина (в плане разме--ов поселений) наблюдается в междуречье Березины и Днепра [52, с. 18]. Анализируя размеры поселений Посожья конца IX - середины XIII вв., можно отметить, что на протяжении изучаемого времени налицо процесс уменьшения размеров основной части поселений и рост доли малых селищ внутри своих хронологических групп. Так, если в 3 периоде селища площадью до 1 га составляют 42,3 % неукрепленных поселений, то в 4а подпериоде этот показатель равен 43,2 %, а в 4б - уже 45,6 %. Еще рельефнее процесс уменьшения площади поселений выступает при корреляции их размеров и динамики возникновения. Вновь основанные в 4а подпериоде селища размером до 1 га составляют 50 % в своей хронологической группе вновь возникших поселений (т.е. на 7,7 % больше, чем в 3 периоде), в 4б - уже 68 %. Следует вывод, что небольшие поселения характерны для XII - середины XIII вв.

Тенденция к уменьшению размеров сельских поселений XII-XIII вв. прослеживается по всей лесной полосе Восточной Европы. Такая картина, в частности, констатирована для центральных районов Смоленской земли, земли вятичей, нижней части междуречья Днепра и Десны, окрестностей Стародуба на Брянщине и др. [105, с. 23-25; 129, с. 64-65; 130, с. 61; 125, с. 30]. Сокращение площади поселений обусловлено, прежде всего, нарастанием хозяйственной самостоятельности отдельных крестьянских семей, связанной с последствиями совершенствования систем земледелия [124, с. 100]. Кроме того, следует учитывать и заметный рост народонаселения, который неизбежно «выталкивал» часть крестьян за пределы основного родового поселения, а также политику феодалов по перераспределению трудовых ресурсов [131].

Изучение систем расселения прошлого открывает широкие перспективы для оценки уровня развития общества, его демографического потенциала, динамики социальных изменений, сложения традиционного природопользования и др. Система расселения - это обусловленное действием исторических и природно-географических факторов распределение и перераспределение населения на территории проживания. С другой стороны, это и совокупность населенных пунктов, существовавших одновременно и связанных между собой экономическими, административными, культурными и прочими отношениями. Материальными свидетельствами (остатками) населенных пунктов прошлого выступают археологические памятники.

Перспективность изучения систем расселения восточнославянского средневековья на базе археологических материалов лесной полосы Восточной Европы одной из первых показала работа А.В. Успенской и М.В. Фехнер, выполненная в середине 1950-х гг. [132]. Плодотворные результаты дало рассмотрение систем расселения конкретных регионов и микрорегионов, поскольку каждая область имела свои исторические и природно-географические особенности. Эту мысль в свое время реализовал В.В. Седов изысканиями на памятниках IX-XV вв. центральных районов Смоленщины [105]. Успешные работы в данном направлении проведены в 1960-80-х гг. Л.В. Алексеевым (Полоцкая и Смоленская земли), Т.Н.Никольской (земля вятичей), Б.А. Тимощуком (Северная Буковина), А.А. Юшко (Московская земля) и др. [133-134; 129; 135-136]. В последние десятилетия внимание археологов к изучению характера размещения древнерусского населения на уровне конкретных регионов возрастает. Значимые результаты в данном направлении приносят исследования А.В. Шекуна и Е.М. Веремейчик (низовья междуречья Днепра и Десны на Черниговщине), А.П. Томашевского (Волынь), В.В. Приймака (бассейны Сейма, Псла,Сулы, Ворсклы)и др. [137, с. 93-110; 138; 139, с. 46-59; 140, с. 1-18; 141, с. 62-68].

Начало целенаправленному изучению системы расселения в земле радимичей IX—XIII вв. положено работой Я.Г. Риера в Могилевском Поднепровье [118, с. 107-118]. Особенности расселения в северянско-радимичском пограничье привлекли внимание Е.А. Шинакова и В.Н. Гурьянова [142, с. 236-255; 143, с. 248-273]. Микрорегиональные исследования системы расселения на землях дреговичей до последнего времени не проводились. Удачная попытка частично восполнить этот пробел предпринята В.И. Кошманом, который уделил внимание изучению системы расселения X-XIII вв. в междуречье Днепра и Березины [144; 52]. Итоги нашей сплошной разведки в Нижнем Посожье позволяют достаточно глубоко изучить характер системы расселения конца IX - середины XIII вв. и, в сопоставлении с выводами иных исследователей, дают возможность составить представление о системе расселения в Гомельском Поднепровье в целом.

Нижнее Посожье выступает самым изученным микрорегионом Гомельского Поднепровья. По состоянию на 1993 г. здесь картографировано 206 памятников конца IX - середины XIII вв.: остатки города (Гомель), 4 городища, 11 городищ-святилищ, 86 селищ, 103 курганных и 1 грунтовой могильники. Раскопкам подвергнуты остатки города, 4 селища, более 17-ти курганных и 1 грунтовой могильники (раскопки Е.Р. Романова, И.И. Артеменко, Г.Ф. Соловьевой, М.А. Ткачева, В.В. Богомольникова, автора и др.) (рисунок 38).

Рассматривать развитие системы расселения Нижнего Посожья целесообразно в рамках указанных выше периодов истории земли радимичей: 3 (конец IX-X вв.), 4а (конец X-XI вв.), 4б (XII - середина XIII вв.). Средневековая система расселения, в первую очередь, обусловлена природно-географическим фактором. Южная часть Нижнего Посожья относится к Полесской провинции с преобладанием широколиственных лесов, северная - к Предполесской с господством смешанных. Здесь распространены равнинные и пойменные ландшафты с дерново-подзолистыми (в т.ч. заболоченными), аллювиальными и торфяно-болотными почвами - песчаными и супесчаными по механическому составу. Несколько столетий назад регион был покрыт лесом. Основу гидросети образует Сож с притоками. В рассматриваемый отрезок времени население освоило исключительно речные долины.

Рассмотрим системы расселения каждого периода.

3 период (47 памятников - 33 населенных пункта). Отмечены: остатки «племенного» града (Гомель); комплексы, включающие селища и городища (2+1 комплекс со святилищем); комплексы из селища и святилища (5+1 комплекс с грунтовым могильником); отдельные святилища (4); комплекс из селища и курганного могильника (1); отдельные селища (15); отдельные курганные могильники (2)[2]. В 3 периоде освоен почти весь регион, за исключением тех районов, где преобладают бедные песчаные почвы. В это время обжиты участки правобережья Сожа близ устьев Беседи и Ипути, бассейны Покоти, Беседи, Ипути, Ути, верховья Немыльни. Почти безлюдным остается участок течения Сожа между Гомелем и устьем реки, не отмечено поселений на берегах Терюхи. Расстояние между ближайшими населенными пунктами колебалось в пределах от 0,5 до 21 км, составляя в среднем 7,7 км. Плотность размещения поселений составляла одно на 125 кв. км территории. Т. о., для периода радимичского княжения в период зависимости от Киевской Руси характерна невысокая плотность населения при значительных размерах зон хозяйственного освоения. Интересно сравнить расстояния между населенными пунктами Нижнего Посожья с ситуацией, сложившейся в смежном районе междуречья Десны и Днепра (Черниговская обл., Украина). В IX в. оно составляло там 8-10 км, в X в. - 2-5 км [138, с. 6].

Центром системы расселения радимичского периода является Гомель. Только он имеет сложносоставное (детинец + окольный град) городище площадью не менее 4-5 га (в т.ч. детинец - 0,7 га). Гомель играет главную роль в Нижнем Посожье, выступает средоточием экономических, военно-оборонительных, административных и иных функций южной группировки радимичей. Локальными центрами выступают комплексы, состоящие из городищ и селищ (Железники, Гордуны, Хальч), которые сформировались в местах концентрации поселений открытого типа. В Хальче отмечается и городище-святилище. Локальные поселенческие комплексы могли служить микрорегиональными центрами - местами пребывания радимичской аристократии. Они выполняли разные, в первую очередь, военно-административные функции, а при наличии святилищ - и культовые.

Культовые городища-святилища распространены по всей территории Посожья и, как правило, сопровождаются селищами-спутниками [81, с. 63-66]. Основная функция таких центров - сакральная, причем к святилищам явно «тянули» не только селища, выросшие у их площадок, но и удаленные на несколько км. По-видимому, населенные пункты с культовыми городищами могли быть центрами системы расселения на общинном уровне. Низовым элементом системы расселения 3 периода выступают селища (16). Вместе с селищами-спутниками городищ и городищ-святилищ их 26, а совокупная площадь составляет 49,8 га. Размеры селищ - от 0,1 до 9 га, резко преобладают памятники площадью до 3 га (23 - 88,5 %).[3] Крупнейшие селища являются спутниками городищ (Гордуны) и городищ-святилищ (Глыбоцкое). Средняя площадь

[2] Большинство комплексов (здесь и далее) выделено на основании топографического единства или непосредственной топографической близости составляющих их памятников.

[3] Автор не склонен абсолютизировать цифровые значения площадей многослойных селищ, поскольку их территории иногда определялись по совокупности распространения разновременного материала.

селища в регионе составляет ок. 1,9 га, а селища, развивающегося обособленно от городища или святилища - ок. 1,3 га.

К киеворусскому подпериоду 4а отнесено 162 памятника (120 предполагаемых населенных пунктов). Зафиксированы: город (1); комплексы, включающие городища, селища, курганные могильники (2+1 со святилищем); комплексы, включающие селища, святилища, курганные могильники (7); отдельные святилища (3); комплексы из селищ и курганных могильников (24); обособленные селища (12); курганные могильники (70). Поскольку материалы радимичских курганов не обнаруживают заметных следов глобальных инфильтраций инородного населения, есть основания трактовать значительный рост количества местных жителей как отражение процесса внутренней колонизации. Увеличение численности населения объективно отражает динамика роста общей площади селищ: 82,7 в конце X-XI вв. против 49,8 га в конце IX-X вв. (рост в 1,7 раза), а также увеличении числа селищ: 44 против 26 (т. е. вновь в 1,7 раза). Растет плотность населения в ранее обжитых местах и начинается активная колонизация малозаселенных (поречье Терюхи, самые низовья Сожа). В киеворусском подпериоде резко (в 3-3,8 раза) вырастает площадь Гомеля, которая составляет более 15 га. Распределение населенных пунктов становится более равномерным, плотность их размещения достигает одного на 34 кв. км, среднее расстояние между ними - 4,2 км. Есть основания говорить о демографическом взрыве в Нижнем Посожье, который произошел в конце X-XI вв. Сходная картина наблюдается и в соседних регионах. Так, в центральных районах Смоленской земли и Могилевском Поднепровье резкий рост количества поселений приходится на XI-XIII вв., в Черниговском Задесенье демографический взрыв имеет место в XI в., в земле вятичей - в XI-XII вв. [105, с. 28-30; 118, с. 138-139; 145, с. 111; 129, с. 62-64]. В низовьях междуречья Десны и Днепра максимальный рост численности населенных пунктов отмечается ранее - в X в. [138, с. 6], что является следствием его ускоренного социально-экономического развития и более раннего «огосударствливания».

В конце X-XI вв. заметно возрастает количество поселений в бассейнах Покоти, Ипути, Беседи, Ути, Немыльни, начинается активная колонизация бассейна Терюхи, заметно усиливается освоенность участка течения Сожа между устьями Липы и Узы, население продвигается к устью Сожа. Расстояние между населенными пунктами заметно сокращается и равно 0,5-19 км (в среднем 4,2 км). Сохраняется сложносоставная структура ряда населенных пунктов, которая характеризуется территориальной совокупностью разнофункциональных памятников. Размеры селищ киеворусского времени колеблются от 0,3 до 9 га (в среднем 1,9 га), причем преобладают памятники площадью до 3,4 га (38 - 86,4 %). Заслуживает внимания факт преемственности систем расселения радимичского и киеворусского периодов. Прежним центром поселенческой структуры остается Гомель, ставший после 984 г. великокняжеским городом. Функционируют все возникшие в конце I тыс. н. э. сложносоставные комплексы («племенные» и общинные центры). Из 26-ти селищ 3 периода жизнь продолжается на 22-х (84,6 %). Наибольшая плотность населения в конце X-XI вв. наблюдается в микрорегионах, которые были освоены в предшествующее время.

Итак, в киеворусское время места обитания и формы поселений остались традиционными. Включение радимичей в Киевскую Русь не повлекло немедленного уничтожения докиевских институтов политико-территориальной организации местного населения. Радимичская аристократия (в отличие от древлянской) не оказала активного противодействия Киеву в конце X в. и перешла на службу к новой власти. Объективным отражением политических реалий первого века киевского господства в земле радимичей является указание Нестора на покорность радимичей: они «повоз» везут в Киев «и до сего дне», т.е. и в начале XII в. [2, с. 59]. Соседи радимичей - древляне - еще в середине X в. оказывали упорное сопротивление Киеву. Эти события нашли отражение в археологическом материале Западной Волыни. Исследователи отмечают разрушение древлянских городищ в середине - второй половине X в. или угасание их жизни, а для XI в. - фиксируют дезинтеграцию древлянских группировок [139, с. 8]. Уничтожение северянских «племенных» центров в бассейне Псла имело место во второй половине X в. [146, с. 6-98].

После битвы на Песчане 984 г. (рисунок 43) на землях радимичей великие князья поначалу пошли на временный компромисс, отложив ведение решительной борьбы с местными «племенными» порядками на будущее. Поэтому городища - основные опорные пункты радимичской аристократии и общинной самообороны - продолжали функционировать. Но в регионе уже шло становление феодальной земельной собственности, эксплуатировавшейся государством посредством податей. Растущим феодальным нажимом на местное население правомерно

объяснять активное протекание внутренней колонизации в киеворусском периоде. По мнению М.Б. Свердлова, «лично свободные земледельцы уходили от государственных податей и княжеского суда, стремясь к собственности на землю, не связанной с системой феодальных отношений» [147, с. 82-83].

В черниговском подпериоде (4б) истории региона отмечается 173 памятника, приблизительно соответствующих 137 населенным пунктам (против 120 киевского периода). Наблюдается замедление темпов роста сельского населения, ибо все пригодные для колонизации участки речных долин были уже освоены, а излишки населения устремились в город. Весьма незначительно вырастает совокупная площадь селищ, которая составляет 96,3 га против 82,7 га (рост всего в 1,2 раза). Плотность размещения населенных пунктов равняется одному на 30 кв. км площади. Одновременно резко увеличивается площадь Гомеля, которая составляет не менее 45-50 га, то есть вырастает в 3-3,3 раза. Известные населенные пункты черниговского подпериода (4б) представлены остатками города (1), городищем (1), комплексами «селище - 2 курганных могильника - городище» (1), «селище - курганный могильник - городище-святилище» (3), «селище - городище-святилище» (1), «курганный могильник - городище-святилище» (3), городищами-святилищами (3), комплексами «2 селища - курганный могильник» (1), «селище - курганный могильник» (19), селищами (29), курганными могильниками (73).

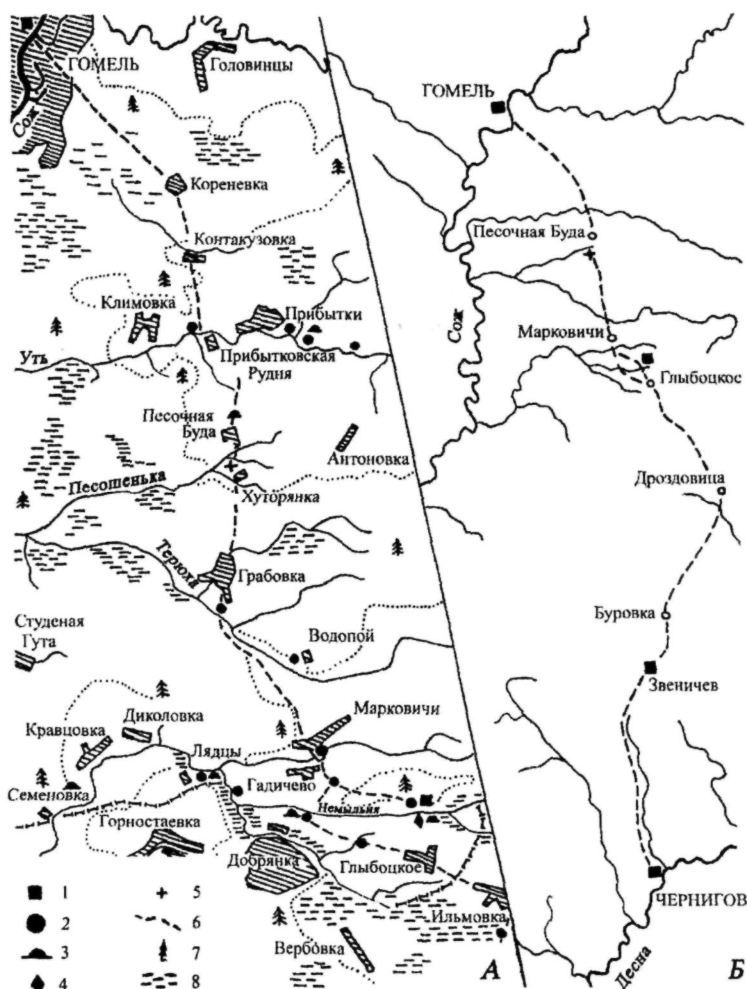

Рисунок 43 - Летописный путь «в радимичи», реконструкция автора А - «Гомельский» участок пути; Б - участок пути от Чернигова до Гомеля. Условные обозначения: 1 - городища и городища-святилища; 2 - селища; 3 - курганные могильники; 4 - монетно-вещевой клад; 5 - предполагаемое место Песчанской битвы 984 г.; 6 - трасса пути; 7 - сохранившиеся участки лесных массивов; 8 - болота и низменности

Итак, в XII-XIII вв. заметно снижаются темпы внутренней колонизации, население концентрируется в местах традиционного расселения. Расстояние между населенными пунктами мало меняется по сравнению с предшествующим (киеворусским) подпериодом: оно колеблется в пределах 0,3-19 км, составляя в среднем 3,8 км. Размеры селищ варьируют от 0,1 до 10,9 га. но преобладает группа площадью до 2,6 га (47 - 85,5 %). Средние размеры сельских поселений - 1,8 га - оказываются меньшими, чем в конце X-XI вв. Самые крупные поселения черниговского времени располагаются на дорогах и речных переправах. Это можно объяснить действием факторов экономического, географического и административно-политического порядка. Так селища Поддобрянка, Марковичи и Глыбоцкое располагаются на границе земли радимичей с собственно Черниговской землей («Русью» в узком смысле). Скорее всего, граница проходила

здесь и в период дробления Черниговской земли на уделы (XII в.). Именно в этих местах пролегала старая дорога из Киева «в радимичи», трасса которой реконструирована украинскими археологами и автором (рисунок 43) [148, с. 202-213; 149, с. 52-56]. Здесь могли размещаться таможни, где взимались пошлины за провоз товаров. Самое крупное селище Нижнего Посожья изучаемого времени - Ветковское - возникло при переправе через Сож у дороги из Гомеля в густонаселенный Беседский микрорегион. Рядом с селищем и сейчас находится мост, возникший у старой переправы. Крупные размеры Гомельского селища определялись как ближайшим соседством с городом, так и наличием здесь феодальной усадьбы [121, с. 175-178]. И некоторые иные крупные поселения могли быть княжескими, боярскими и церковными селами.

Особенностью системы расселения XII - середины XIII вв. является то, что она лишь отчасти наследует старую поселенческую традицию и претерпевает серьезные изменения, которые отражают активизацию новых социально-экономических процессов. Показательно прекращение функционирования старых «племенных» центров (крепостей) с сопутствующими селищами к концу XI - началу XII вв. (Хальч, Гордуны) и продолжение малоинтенсивной жизни лишь на одном из них (Железники). В конце XI—XII в. функционирует новое городище (Беседь) с круговой планировкой - вероятная княжеская крепость, расположенная в стратегически важном пункте - устье р. Беседь. В XII в. угасают языческие сакральные центры. В первой трети этого столетия (согласно В.В.Богомольникову) совершаются последние захоронения в языческих по своей сути радимичских курганах. Примерно в это же время появляются сельские грунтовые могильники с более или менее выраженной христианской обрядностью (Нисимковичи I). В первой половине - середине XII в. в княжеском Гомеле ведется каменное храмовое строительство [150], отражающее создание в регионе сильной церковной организации и ее успехи в распространении христианства. Наблюдаемые изменения в системе расселения жителей Нижнего Посожья свидетельствуют, что в XII в. здесь ускоряются процессы феодализации и христианизации. Княжеская власть ведет успешную борьбу с остатками радимичской племенной знати (интегрируя одних ее представителей в состав господствующего сословия и уничтожая других) за земли и иные доходы, экономическими и военными методами разрушает ее последние опорные пункты, а церковь - добивается изгнания волхвов и оставления верующими языческих культовых мест.

Возвращаясь к характеристике систем расселения, следует заметить, что из 44 селищ конца X-XI вв. в XII - середине XIII вв. в изучаемом периоде продолжают функционировать 30 (или около 68 %). Это обстоятельство может объясняться по-разному. Часть поселений могла запустеть в ходе насильственного переселения крестьян на новые места при перераспределении феодальной собственности на землю. Не последнюю роль в гибели некоторых поселений изучаемого региона в XII - середине XIII вв. могли сыграть и внутренние усобицы. Достаточно вспомнить о том, что в ходе упорной борьбы княжеских группировок за киевский стол Ростислав Мстиславич смоленский взял в 1142 г. около Гомия всю волость черниговских Ольговичей, т.е. разорил многие селения. Впрочем, в черниговском подпериоде определенное воздействие на систему расселения могли оказывать и другие процессы, содержание которых еще предстоит выяснить.

Сложившаяся система расселения распадается в середине - второй половине XIII в. Во второй половине XIII—XIV вв. жизнь продолжается лишь на 8-ми поселениях (14,6 %), т.е. большинство деревень последнего хронологического периода прекращает существование. Гомель заметно сокращает свою территорию. Изучение конкретных причин распада системы расселения древнерусского периода выходит за рамки настоящей работы. Предположим, что этому процессу содействовал комплекс факторов социально-экономического характера. Он был связан с развитием систем земледелия и форм феодального принуждения населения [118, с. 141-142]. Вполне возможно, свою роль сыграли и природно-климатические изменения. Решающее значение для крушения системы расселения в южных районах земли радимичей имели военно-политические события середины XIII в., связанные с монгольским вторжением в Черниговское княжество и его последующим разорением ордынщиной. Разрушительные последствия монгольских походов, серьезно изменившие характер систем расселения, отмечаются в широкой полосе от Прикарпатья до Московской земли [137, с. 106-110; 136, с. 23].

Система расселения конца IX - середины XIII вв. Посожья - сложное, динамично развивающееся явление, порожденное действием комплекса экологических, хозяйственных и социальных факторов. Территория отличается высокой степенью поселенческой освоенности в киеворусском и черниговском подпериодах (в более раннее время демографический потенциал

региона был слабым) и характеризуется постоянно возрастающей плотностью населения. Наибольшее количество населенных пунктов существует в XII-XIII вв. Характер системы расселения во многом зависит от особенностей природно-географической среды, на которую направлено хозяйственное воздействие. Заселены долинные участки полесских и предполесских ландшафтов. Наименее освоенными выступают микрорегионы, где господствуют пески и болота. Водоразделы практически безлюдны. Слабая заселенность районов с преобладанием песков свидетельствует о том, что основу аграрных занятий большей части местного населения составляло не подсечно-огневое, а пашенное земледелие. В конце IX - середине XIII вв. идет процесс внутренней колонизации Посожья, пик которого (демографический взрыв) приходится на конец X-XI вв. Система расселения имеет вид иерархической лестницы населенных пунктов. Низовым элементом выступает топографически обособленное от других памятников селище с могильником, поселенческими единицами более высоких уровней последовательно - сложносоставные пункты, включающие городища-святилища (общинные центры с выраженной сакральной функцией), а также включающие городища («общинно-племенные» центры, места пребывания аристократии). «Племенные» и общинные центры активно функционируют и после присоединения земли радимичей к Киевской Руси, их угасание в основном относится к концу XI - началу (первой половине) XII вв. Иерархию системы расселения возглавляет Гомель, эволюционирующий по пути превращения «племенного» града - раннего города - в феодальный город. Населенные пункты разных рангов отличаются внутренней структурой, топографией, размерами и набором выполняемых социально-экономических, культурно-религиозных и прочих функций.

Система расселения «племенного» периода не только сохраняется, но и развивается на киеворусском этапе государственного освоения Посожья. Становление феодальной собственности на землю способствует внутренней колонизации региона. Деструктивные изменения системы расселения начинаются в XII в., когда старые образования «племенного» периода приходят в упадок. Заметно снижаются темпы сельской колонизации. Одна из причин - исчерпание удобных для земледельческого освоения участков речных долин. В это же время стремительно растет экономический и людской потенциал княжеского Гомеля. Эти процессы были связаны с активной феодализацией и христианизацией, завершением «огосударствливания» бывшей «племенной» территории, формированием светских и церковных феодальных вотчин и держаний. Распад традиционной системы расселения отмечается около середины XIII в. Он был вызван действием разных факторов, среди которых определяющую роль сыграло монгольское нашествие.

Увеличение количества селищ в поймах рек (XII—XIII вв.) едва ли является следствием серьезных изменений в характере традиционных земледельческих и скотоводческих занятий населения. Эта тенденция отражает возрастающее значение промыслов, в первую очередь, рыболовства. Часть «пойменных» селищ является сезонными поселениями, о чем свидетельствует слабо выраженный культурный слой.

РАЗДЕЛ 5 РАДИМИЧИ И ДРЕГОВИЧИ (ПО МАТЕРИАЛАМ X-XII ВВ.)

Согласно Несторовой летописи, в рассматриваемом нами регионе в канун сложения государственности обитали радимичи и дреговичи [2, с. 14]. После накопления курганного материала и его анализа, выполненного в конце XIX в. А.А. Спицыным [22, с. 334-340], археология показала возможности «идентификации» культуры летописных «племен» на основании картографирования украшений из погребений. Совпадение летописных и археологических данных решительно говорит в пользу мнения о том, что восточнославянская «племенная» этнография X-XIII вв. является исторической реальностью.

История исследований курганов Гомельского Поднепровья опубликована, картографированы памятники дреговичей и радимичей, очерчены границы их расселения (рисунок 44), изучены направления и динамика развития погребальной обрядности, определена хронология курганов, классифицированы основные категории инвентаря могил. Остановлюсь на обобщающей характеристике погребальных памятников сельского населения X-XIII вв. и на тех моментах, которые могут служить предметом дискуссий. Исследования Б.А. Рыбакова, А.В. Успенской, Г.Ф. Соловьевой, В.В. Седова, П.Ф. Лысенко, В.В. Богомольникова и др. позволили выделить этноопределяющие украшения X-XII вв. (рисунок 45) [9; 10; 151-152; 12; 8; 13]. Курганы дреговичей диагностируются находками зерненых пустотелых (на проволочном каркасе) металлических бус и проволочных височных колец с такими бусами [10; 13]. Радимичские захоронения характеризуются семилучевыми височными кольцами [152; 13; 153]. «Стержнем», разделяющим зоны распространения крупнозерненых бус и семилучевых колец, является Днепр. Первый тип украшений господствует на его правобережье, второй - на левобережье. Инвентарь захоронений позволил выделить дополнительный ряд этноопределяющих украшений. Б.А. Рыбаков показал, что радимичскими должны быть признаны пластинчатые гривны, биэллипсоидные, гроздевидные, язычковые и петлистые подвески [9, с. 99]. В.В. Седов связал с радимичским костюмом гривны с розеткообразными бляхами на заходящих концах [12, с. 140]. Для дреговичских захоронений характерны проволочные перстнеобразные полутораоборотные височные кольца [22, с. 325—327; 10, с. 97-124; 12, с. 116].

Рисунок 44 - Гомельское Поднепровье. Участок границы расселения радимичей в Гомельском Поднепровье X—XII вв. (по В.В. Богомольникову с уточнением О.А. Макушникова). На карту нанесены курганные могильники, изучавшиеся автором: 1 - Нисимковичи; 2 - Шарпиловка; 3 - Мохов; 4 - Абакумы

Инвентарь погребений радимичей и дреговичей X-XII вв. близок. Кроме височных колец, он предполагает ожерелья из бус, иногда - гривны (чаще в радимичском уборе), бубенчики, металлические подвески, браслеты, перстни. Мужские погребения содержат поясные пряжки, разделительные кольца, кресала, редко - орудия труда и др. Общим для женских и мужских захоронений является присутствие в могилах ножей, целых и битых керамических сосудов. Основным видом погребальных памятников конца I - начала II тыс. н. э. Гомельского Поднепровья выступают полусферические курганы, которые содержат кремации и ингумации. По неполным данным в Рогачевском, Светлогорском, Жлобинском, Кормянском, Чечерском, Речицком,

Буда-Кошелевском, Ветковском, Добрушском, Гомельском, Лоевском и Брагинском р-нах Гомельской обл. отмечено около 300 могильников с количеством не менее 11000 насыпей. В правобережной «дреговичской» части Днепра на изучаемой территории локализовано около 100 могильников с количеством не менее 4000 курганов, в левобережной «радимичской» - соответственно - около 200 и 7000. За основу подсчетов взята информация из книги Г.В. Штыхова [43] с дополнениями из разных источников, в т.ч. полученных автором в Посожье.

Одновременные селам кладбища находятся на их окраинах или на расстоянии до 0,5-1,0 км от них, в сухих возвышенных местах. Такая картина соотношения селищ и некрополей отмечается и на соседних территориях Могилевского Поднепровья, междуречья Днепра и Десны на Черниговщине, южнорусских земель в целом [118, с. 107-118; 137, с. 93-110; 154, с. 8]. Высота насыпей составляет 0,4-1,5 м, диаметр - 6-12 м. Встречаются едва заметные курганы высотой 0,1-0,2 м (Абакумы, Шарпиловка и др.), изредка - «гиганты» до 3,5-4,0 м высоты (Староград и др.). Принято считать, что самые малые курганы могильника содержат погребения с ингумациями в ямах, самые высокие - кремации. Эти наблюдения отчасти согласуются с выводами П.Ф. Лысенко, построенными на дреговичском материале [8, с. 18-19]. Из правила есть исключения, которые, в основном, связаны с сохранностью памятников. Количество курганов в могильнике от 1-10 (Малые Немки, Покоть и др.) до 200-400 (Азделин, Старая Белица, Гадиловичи I и др.). Уникальным выглядит Моховское кладбище, которое в конце XIX в. насчитывало более 600 насыпей. Оно не является могильником ни местного, ни сельского населения, и потому рассмотрено отдельно.

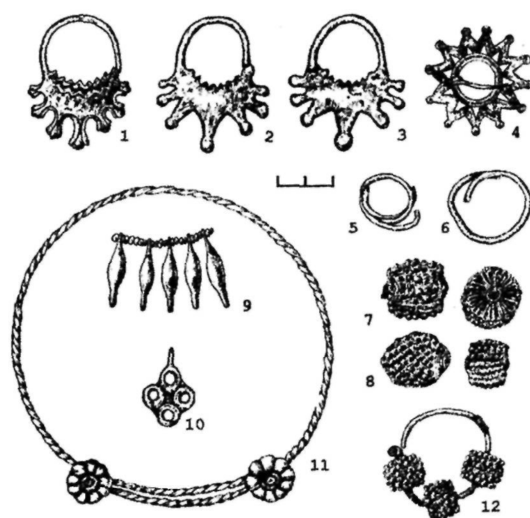

Рисунок 45 - Типовой набор «этноопределяющих» украшений из курганов радимичей (1-4, 9-11) и дреговичей (5-8, 12) конца X-XII вв. (по ВВ. Седову)

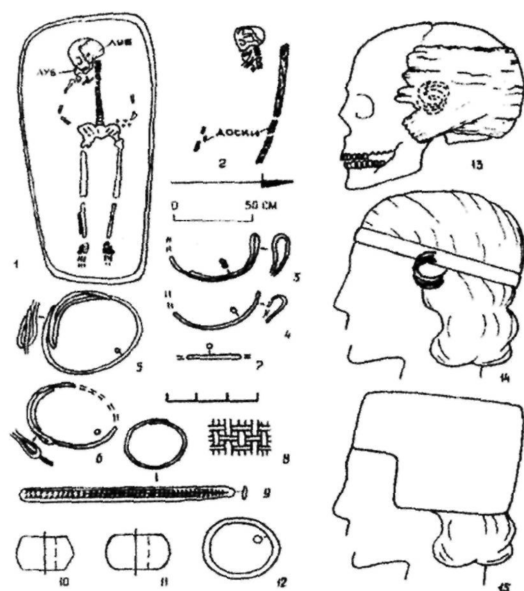

Рисунок 46 - Нисимковичи I. Планы погребений I (1) и 10 (2). Инвентарь погребения 1 (3-8, 10-12): 3-6 - бронзовые височные кольца, 7 - железная игла, 8 - схема структуры обрывка льняной ткани, 10-11 - шиферные пряслица, 12 - железное кольцо. Слой: 9 - бронзовый перстень. Остатки головного убора из погребения 1: 13 - схема расположения остатков луба и колец, 14 - головная повязка (реконструкция), 15 - головной убор (реконструкция)

Погребальный обряд средневекового общества является важным источником для реконструкции этнокультурных, демографических, социально-экономических, иных процессов [154, с. 6-46]. Рассмотрим его основные проявления. присущие Гомельскому Поднепровью. Под одной насыпью размещается одно погребение, реже - два, очень редко - более. Одновременные захоронения нескольких умерших объясняются экстраординарными обстоятельствами. «Пустые» курганы встречаются редко. Часть из них - «мнимые кенотафы», т.е. многие «пустые» курганы «появились» из-за несовершенной методики исследований. Курганы с кремациями относятся к X - началу XI вв., ингумациями - к концу X-XII вв. Ингумации могли быть совершены и в начале - первой половине XIII в. В X в. господствует обряд сожжения на стороне и на месте. Захоронения безурновые на горизонте или подсыпке. Урновые погребения в лепных и круговых сосудах редки, инвентарь беден. Поздние кремации могли совершаться и в первой половине XI в. С конца X в. получают распространение ингумации на горизонте и подсыпке. На радимичском материале Б.А. Рыбаков показал, что такие захоронения характерны для XI в., но существуют и в XII в. В XI в. появляются ямные

ингумации, получившие широкое распространение в XII в. [9, с. 83, рисунок 46, 47]. Эволюция дреговичского обряда имеет те же тенденции [10, с. 10-11; 8, с. 21-46]. Датированные XII в. комплексы Шарпиловки и Абакумов дают ямные захоронения. Вскрытые здесь ингумации на горизонте единичны и должны быть отнесены ко времени не позднее начала XII в.

Погребения по обряду кремации обычно не составляют отдельных могильников. Кладбища, содержащие только сожжения, редки. Это - Синск (или Сенское, ур. Козлово Курганье), Малейки (ур. Курганье), Пожарки (ур. Горки у Пашковки, могильник I), Леваши (ур. Казаков Сад). Однако эти памятники не были изучены полностью. В Синске раскопано 9 из 25 курганов, в Малейках - 6 из 30 и т.д. К началу исследования мо--ильники были распаханы [8, с. 21-22]. Отсутствие ингумаций может объясняться недостаточной полнотой исследований и плохой сохранностью памятников. На большинстве кладбищ, которые характеризу--тся этноопределяющими украшениями радимичей и дреговичей и где обнаружены сожжения, кремированные захоронения встречаются в небольшом количестве на фоне резко преобладающих ингумаций. Это, скорее всего, говорит о малодворности рядовых сельских поселений на ранних этапах их истории.

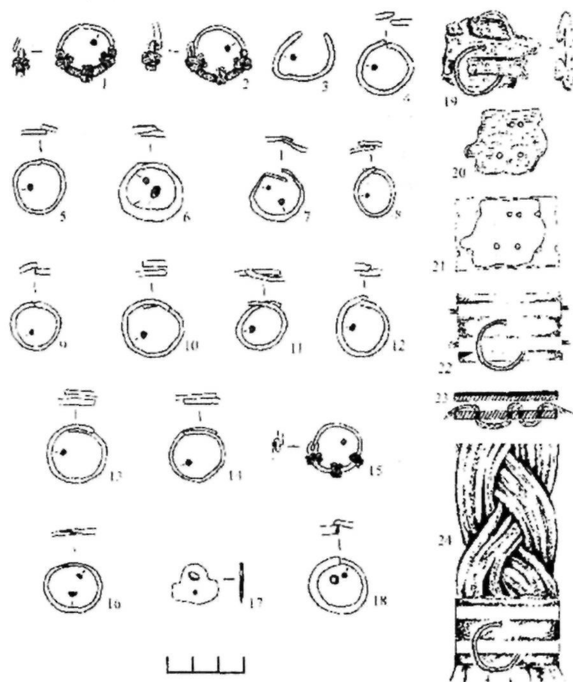

Рисунок 47 - Абакумы. Курганы 9 (2-4, 6-8, 11-12, 15, 19-24), 11 (10, 14), 12 (1, 5, 9), 13 (13, 16-18). 1-16, 18- височные кольца и перстень из цветного металла; 17 - пластина свинцовая; 19-21 - остатки лубяной основы с височным кольцом; 22-24 - реконструкция расположения кольца на женской косе

В.В. Богомольников указывал на то, что ямные подкурганные ингумации для радимичей характерны уже со второй половины X в. [13, с. 93]. Однако он использовал в своих построениях материалы Кветуни (Подесенье). Памятник не являлся ни рядовым сельским (поскольку насчитывал несколько тысяч насыпей), ни радимичским. Уже на основании факта территориальной «оторванности» от радимичской территории на многие десятки километров Кветунь не может рассматриваться как памятник радимичей. Могильник лишен серийных этноопределящих радимичских украшений. Единичные находки семилучевых колец в Кветуни (на фоне многих десятков раскопанных погребений) не являются основанием для его атрибуции в качестве радимичского. Семилучевые кольца Кветуни представляют особую разновидность, которая не проявляется в сельских могильниках «коренного» радимичского ареала, т.е. в Посожье [152, с. 173-174]. Такие кольца распространены на северянских землях и потому могут интерпретироваться как одно из украшений северян или в качестве украшения интернациональных жителей поселений городского (?) типа [153, с. 110-127]. Е.А. Шинаков отметил, что в Кветуни (в почти двухстах раскопанных курганах) можно выделить только одно радимичское и одно - дреговичское захоронение [155, с. 85]. Действительно, среди жителей Кветуни могли быть колонисты из земли радимичей (единичные находки петлистых подвесок). Но это обстоятельство не меняет общей картины. Погребальный обряд населения Посожья резко отличается от обряда Кветуни. Это объясняется не только предположительно городским характером Кветуни. Курганы радимичского Посожья X - первой половины XI вв. не содержат ямных ингумаций. Напротив, в Кветуни ямные трупоположения появляются еще в X в.

Согласно В.В. Богомольникову, поздние курганы радимичей относятся к первой трети XII в. [13, с. 92]. Полагаю, что большинство радимичских (как и дреговичских) курганов насыпано до середины XII в. Вместе с тем, не исключено, что в некоторых микрорегионах (особенно, удаленных от центров феодализации и христианизации) курганный обряд погребения мог дожить до XIII в. Так, в Абакумах в ямном трупоположении выявлен пластинчатый двустворчатый браслет-наруч из оловянисто-свинцового сплава, выступающий дешевым подражанием

серебряным городским украшениям подобного рода. Аналогичные браслеты, согласно новгородской хронологии, появляются в конце XII - начале XIII вв. [156, с. 116-119]. В окрестностях Орши у д. Крапивно О.Н. Левко выявлены подкурганные захоронения XII-XVI вв. [157, с. 36-38]. Единичные случаи «всплеска» («доживання») старой погребальной традиции могли иметь место и в Гомельском Поднепровье.

Ингумации радимичей и дреговичей ориентированы на запад, редко встречается восточная ориентировка. Такие особенности обряда традиционны. В порядке исключения встречается меридиональная ориентировка, погребения в сидячем и скорченном (на боку) положении. Часть таких захоронений должна быть связана с инфильтрацией иноэтничного населения. «Скорченники» могут отражать обособленные социальные группы. Выше рассматривался вопрос о наличии в земле радимичей грунтовых погребений X в. с сожжением наземного типа, которые являются отражением летописного рассказа. С началом угасания курганного обряда в Гомельском Поднепровье начинают распространяться грунтовые могилы. Они стали известны в последние десятилетия. В Нисимковичах I обнаружены грунтовые захоронения, ориентированные на запад. Только в одном из них имелся скромный инвентарь (рисунок 46) [158; с. 139-146, рисунок 3]. Учитывая то, что в Гомельском Поднепровье исчезновение подкурганных захоронений наблюдается около середины XII в., логично предположить: именно с этого времени начинается распространение грунтовых могильников, обрядность которых приближается к христианской. Таким образом, схема развития погребальной обрядности радимичей, предложенная Б.А. Рыбаковым и видоизмененная В.В. Богомольниковым, может быть уточнена.

В Шарпиловке и Абакумах есть датированные комплексы, содержащие ингумации в ямах. Оба памятника находятся на стыке границ дреговичей, радимичей, полян и северян. Их материал показывает эволюцию пышного убора радимичанок и дреговичанок конца X - начала XII вв. в скромный убор XII-XIII вв. «Полянского» типа. Погребальный женский убор радимичей конца X - начала XII вв. описан В.В. Богомольниковым. Он предполагал сочетание височных колец (семилучевых и перстнеобразных), мелкий бисер, золотостеклянные бусы, подвески, мог дополняться иными элементами. Для убора дреговичанок того же времени характерно сочетание перстнеобразных (чаще полутораоборотных) и трехбусинных (бусы крупнозерненые) височных колец, стеклянных и металлических (крупнозерненых) бус [13, с. 94-96]. Графические реконструкции уборов дреговичанок и радимичанок предложены Л.В. Дучиц [159, мал. 3: 1; 10: 2, 3]. В Шарпиловке и Абакумах в ямных ингумациях отсутствуют этноопределяющие предметы радимичей и дреговичей. В то же время, погребения содержат инвентарь, который характерен для курганов полян X-XII вв. В Полянский убор входили перстнеобразные височные кольца (иногда «узелковые»), металлические пуговицы, бусы (не составляющие большие ожерелья), перстни [160, с. 10—45]. Височные кольца Абакумов и Шарпиловки представлены перстнеобразными проволочными (несомкнутыми, с несколько заходящими концами, полутараоборотными, одно-трехбусинными «узелковыми»). Встречены металлические перстни витые и пластинчатые, бусы - стеклянные (преимущественно пастовые), пуговицы - стеклянные с железными ушками или бронзовые, металлические браслеты (рисунок 47). Учитывая наличие в Абакумах раннего погребения дреговичского типа, можно говорить о том, что женский убор местного населения под влиянием территориально-демографического, экономического и культурного факторов постепенно приобретает облик, характерный для населения Среднего Поднепровья и смежных районов Южной Руси. Эти наблюдения могут являться овеществленным отражением процессов формирования единого для Южной Руси и Верхнего Поднепровья (во всяком случае, для его Гомельского региона) облика женского убора. Консолидационные процессы в области погребальной обрядности говорят о размывании к XII в. «племенной» разобщенности и объективных успехах сложения древнерусской народности.

Размещение курганов в Гомельском Поднепровье объективно отражает закономерности расселения. Большая часть могильников насчитывает 10-60 насыпей, что соответствует кладбищам малодворных сел X-XIII вв. лесной полосы. Количество курганов в некрополе зависело от степени населенности и продолжительности существования сопутствовавшего ему поселения [41, с. 109]. Крупные могильники (ок. 100 и более насыпей), отмечены преимущественно на востоке дреговичской территории и в разных частях - радимичской (рисунок 48). Интерпретация таких памятников должна проводиться осторожно, поскольку обрядность и характер инвентаря в ряде случаев (особенно при проведении масштабных раскопок) указывают на их существенные отличия от рядовых могильников. Полагаю, что в Гомельском Поднепровье крупнейшие могильники (условно - ок. и свыше 100 насыпей) могут являться кладбищами особых

групп населения (социальных и этносоциальных), как местных по происхождению, так и пришлых. Примечательно, что таких памятников, несмотря на многолетнюю, иногда многовековую распашку и застройку, более всего зарегистрировано на берегах Днепра. Сюда, на отрезок крупнейшей восточноевропейской торговой дороги эпохи становления и ранних этапов развития государственности, устремлялось разноплеменное население (купцы, воины и пр.). По мнению А.В. Шекуна, изучавшего соседнюю с Гомельским Поднепровьем округу Любеча, могильники с числом насыпей, превышающим 100, нельзя причислить к памятникам исключительно местного сельского населения IX-XII вв. [161, с. 164-169]. Могильники нашего региона неоднородны и по размерам, и по инвентарю. При достаточной изученности крупных могильников они демонстрируют разнообразие обряда. В могилах представлены вещи, характерные как для сельских могильников (включая украшения радимичей и дреговичей), так и предметы воинского быта и вооружения (Гадиловичи 1, Демьянки, Холмечь). В Лучине выявлены нехарактерные для региона кривичские кольца [19, с. 41-44]. В крупных могильниках встречены дирхамы и брактеаты (Гадиловичи II, Леваши, Уваровичи), в Холмече - чаши из черепах и человеческого черепа. Заслуживает внимания находка фибулы, вероятно, скандинавского типа из Нисимковичей (рассмотрена ниже).

Исследователи единодушны в том, что «жестких» границ между восточнославянскими группировками в конце X-XIII вв. не было. К этому времени большинство из них вовлекается в процессы феодализации и христианизации. Как политические образования они прекращают существование еще в X в. Но летописные «племена» долго остаются этнографическими реалиями, что прослеживается по региональным особенностям женских уборов. Их картографирование с привлечением некоторых иных наблюдений позволяет очерчивать «межплеменные» рубежи, искать контактные зоны и выяснять причины их формирования [155, с. 84]. Проблема определения ареалов расселения радимичей, дреговичей и иных групп восточных славян X-XII вв. в целом решена. Однако этнокультурная ситуация на порубежьях оставляет вопросы. В этом плане низовья Сожа - привлекательный для изучения район, поскольку здесь находился «стык» расселения северян, полян, радимичей, дреговичей. Реки не выступали разделяющими» средневековые общности географическими барьерами. Напротив, они служили объединяющими в экономическом и культурном отношении зонами. Поречья главных магистралей служили «торными» дорогами, а основанные на их берегах крупные поселения - торгово-экономическими центрами. Именно к ним стягивались купцы, крестьяне, ибо здесь создавались торжища. Этническая принадлежность основного населения торжища не имела значения, поскольку торговые связи объективно и решительно ломали старую «племенную» замкнутость, «размывали» ранние политические и этнографические границы. Вместе с тем, природно-географический фактор должен был оказывать и воздействие на сохранение или формирование неких рубежей между сложившимися исторически этнографическими и территориальными образованиями. По-видимому,

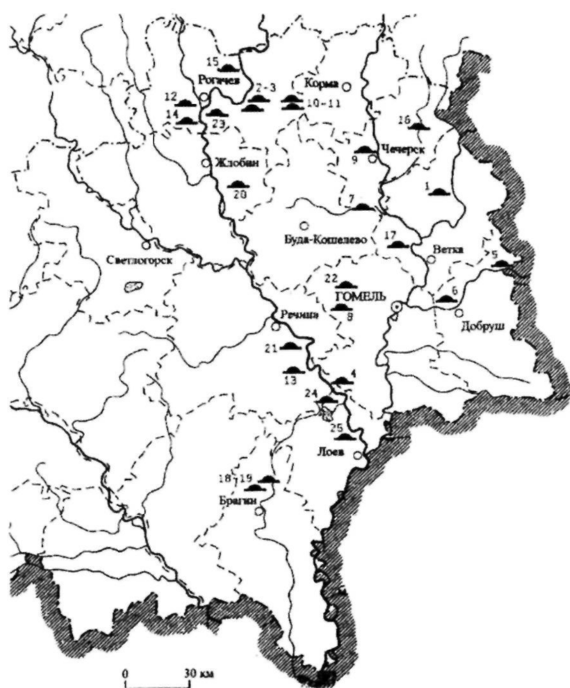

Рисунок 48 - Крупные (около 100 и более насыпей) курганные могильники Гомельского Поднепровья, подвергнутые раскопкам или давшие случайные находки при разрушении. 1 - Великие Немки; 2-3 - Гадиловичи I-II; 4 - Губичский Кордон (Кордон); 5 -Демьянки; 6 - Добруш; 7 - Дудичи; 8 - Ивольск; 9 - Ипполитовка; 10-11 - Каменка Рысковская 1-11; 12 - Колосы; 13 - Леваши; 14 - Лучин; 15 - Мадора; 16 - Нисимковичи; 17 - Новоселки; 18-19 - Пожарки; 20 - Старая Рудня; 21 - Степановка; 22 - Уваровичи; 23 - Ходосовичи; 24 - Холмечь; 25 - Мохов

«ограничительными» факторами выступали естественные преграды - болота, малопригодные для освоения почвы, леса.

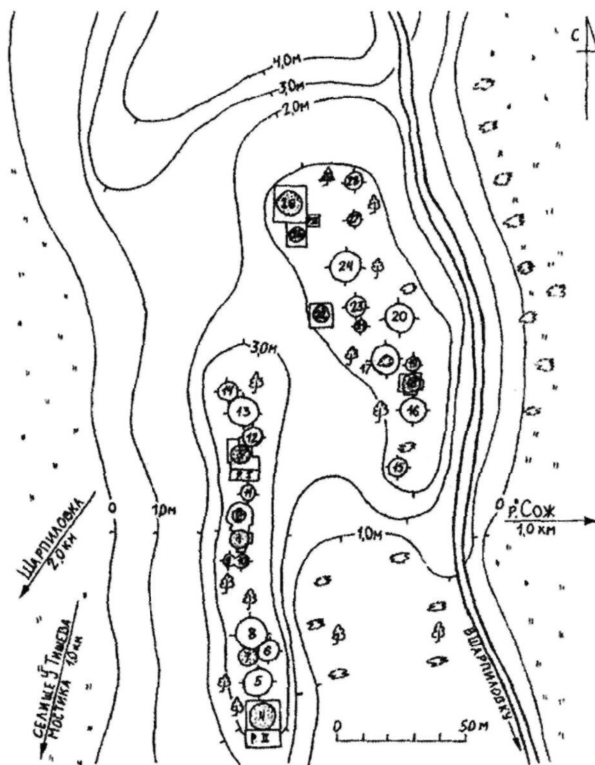

Рисунок 49 - Шарпиловка, курганный могильник. Съемка автора, 2003 г.

На рубеже XIX-XX вв. А.А. Спицын увязал археологический и летописный материал в вопросе идентификации восточнославянских группировок времен Киевской Руси. Он указал на ряд «племенных» особенностей женских украшений из курганов X-XII вв. Его выводы в целом приняты и современной наукой. «Жестких» рубежей между восточнославянскими группировками нет. Напротив, археология отмечает факты взаимопроникновения элементов этнографии соседних групп населения. Но выяснение этого обстоятельства не снимает с повестки дня необходимость исследования характера «межплеменных» границ на уровне малых регионов, ибо не всегда понятно их соотношение не только с историческими и экономическими, но и с географическими условиями расселения той или иной группировки. Еще в конце XIX в. раскопками Е.Р. Романова курганов в низовьях Сожа были обнаружены типичные для радимичей семилучевые височные кольца (Студеная Гута, Терюха) [21, с. 31]. В то же время на территории радимичей, определенной как летописцем, так и современными исследователями, к востоку от Днепра, несколько раз обнаружены дреговичские украшения - крупнозерненые бусы. В рассматриваемом нами регионе они открыты, в частности, в Терюхе [21, с. 31]. Интересный материал принесло исследование рядовых могильников X-XII вв. Абакумы и Шарпиловка в устье Сожа (рисунок 49). Памятники являются кладбищами жителей небольших деревень. Первый могильник насчитывает 26, второй - 28 курганов (изучено соответственно 17 и 9 насыпей). Памятники разделены расстоянием в полтора десятка км, но дают почти идентичную картину и погребального обряда, и вещевого комплекса. В Абакумах открыты преимущественно погребения по обряду ингумации в ямах. Только в 4-х курганах отмечены захоронения в основании насыпи: кремация, неполная кремация и ингумация (2 случая). Близкая картина наблюдается в Шарпиловке, где открыты ингумации в ямах и одна кремация на горизонте. Все погребенные помещены в могилы вытянуто, на спине, головой на запад. Большинство захоронений одиночные, есть двойные и тройные. Характерны зольно-угольные пятна в основаниях курганов, которые перекрывают захоронения («выжженный горизонт»), а также внешние зольно-угольные «кольца», связанные с заполнением околокурганных ровиков. Интересной особенностью ритуала является наличие вокруг ряда погребений (в основаниях насыпей) сгоревших прямоугольных конструкций - «домовин». Они преимущественно бревенчатые, в один-два венца. Почти все погребения сопровождаются отдельными фрагментами разбитых горшков или их развалами. Для женских захоронений характерны проволочные перстнеобразные височные кольца (с заходящими концами, полутораоборотные). Встречаются металлические перстни, пуговицы, браслеты, стеклянные бусы. В кургане 14 Абакумов (одно из ранних погребений, совершенное на подошве кургана) встречена крупнозерненая бусина дреговичского типа. Особенностью Шарпиловки является наличие в курганах утолщений в виде «колец» вокруг центра погребения. Эта черта ритуала в свое время была определена Г.Ф. Соловьевой в качестве индикатора культуры радимичей X-XII вв. [27, с. 10-13].

Новые исследования показывают: в устье Сожа изначальными поселенцами (по крайней мере, в конце XI - начале XII вв.) были дреговичи, а не радимичи, как было принято считать В XII в. «племенные» особенности в погребальном женском уборе населения низовий Сожа активно «растворяются» в общедревнерусской традиции, исходной точкой распространения

которой является Киевское Поднепровье. В это время костюм жительниц радимичско-дреговичского порубежья уже принципиально не отличался от убора населения Среднего Поднепровья, сложившегося в X в. Это указывает на глубину этнокультурного взаимодействия, которое было характерно в изучаемый период для всей Руси, особенно для Среднего и Верхнего Поднепровья (смежных районов современных Беларуси и Украины). «Племенные» порубежья в низовьях Сожа имели «размытый» пространственный контур. С XII в. здесь наблюдается уже не просто смешение элементов этнографии радимичей, дреговичей и их соседей. К этому времени здесь сформировался женский убор, который не отличался от полянского. Последний приобрел все основные составляющие, как отмечалось И.П. Русановой, еще в X в. и без значительных изменений дожил до XII в. [160]. В ближайших к Киевскому Поднепровью областях дреговичей и радимичей шло активное распространение полянской моды. Местная этнография стирались тесными экономическими и культурными контактами с соседями и, в первую очередь, с населением Киевщины и Черниговщины. Нельзя исключать и прямого притока части среднеднепровского населения в Гомельское Поднепровье.

На основании курганов с украшениями конца X-XIII вв. можно с известной степенью точности реконструировать этнографические рубежи древнерусского периода, которые отчасти совпадали и с политико-административными границами. А какие зоны размежевания населения можно наблюдать в более раннее время? Отсутствие вплоть до конца X в. устойчивых, специфичных для местных жителей, особенностей женского убо--а лишает исследователей возможности поиска решения поставленной проблемы по материалам раскопок погребений. Следует искать иные виды источников. В Гомельском Поднепровье клады серебра IX - начала XI вв. в основном приурочены к окраинам «племенной» территории, намечаемой на основании поздних курганных находок (рисунок 50). А.А. Метельский посвятил картографированию и интерпретации кладов земли радимичей специальную работу [162, с. 60-63]. Не говорит ли картография монет о том, что она может быть источником для поиска рубежей периодов автономных княжений и становления государственности? Есть некая преемственность границ докиевского и последующего времени. Выпадение серебра в землю должно было быть не случайным как в социально-экономическом, так и в топографическом измерении.

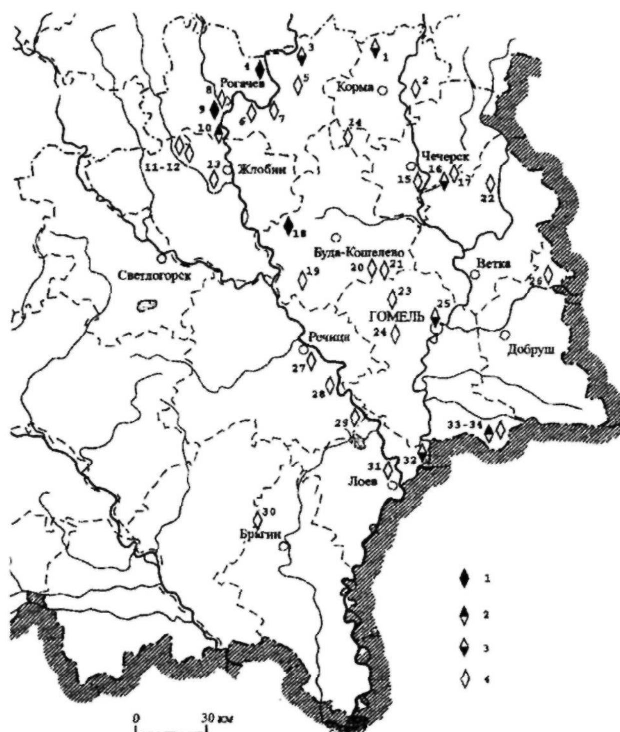

Рисунок 50 - Гомельское Поднепровье. Находки вещевых (1), денежно-вещевых (2), монетных (3) кладов, отдельных монет (4). 1 - Косаль (Литвиновичи); 2 - Струмень; 3 - Шапчицы; 4 - Вищин; 5 - Юдичи; 6 - Гадиловичи; 7 - Зборов; 8 - Рогачев; 9 - Задрутье; 10 — Лучин; 11-12 - Курганье; 13 - Солоное; 14 - Ботвиновка; 15 - Бердыж; 16-17 - Покоть; 18 - Козий Рог; 19 - Чеботовичи; 20-21 - Буда-Кошелевский р-н; 22 - Великие Немки; 23-24 - бывш. Гомельский уезд; 25 - Гомель; 26 - Демьянки; 27 - Речица; 28 - Левами; 29 - Холмечь; 30 - Микуличи; 31 - Мохов; 32 - Хоминка; 33-34 - Глубоцкое

Итак, схема развития погребального обряда радимичей должна корректироваться. Нужно отказаться от мнения о том, что ямные подкурганные погребения появляются в X в. (В.В. Богомольников) и вернуться к положению об их появлении в XI в. и распространении в XII в. (Б.А. Рыбаков). В X в. наряду с курганами в Гомельском Посожье бытовали грунтовые и наземные кремации. Последние соответствуют летописному описанию обряда захоронения «на столпе». Новые исследования в низовьях Сожа показывают, что устье реки было заселено дреговичами, а не радимичами. Северная

граница расселения радимичей и дреговичей может быть намечена примерно в 20 км выше устья Сожа. «Межплеменные» границы складываются не позднее IX в. и продолжают существовать в качестве этнографических рубежей в эпоху государственности.

Ко второй половине XII в. «племенные» особенности в погребальном женском уборе Гомельского Поднепровья начинают угасать и приобретать общедревнерусский облик. Особенно быстро этот процесс идет на пограничье радимичей и дреговичей с полянами. Это указывает на глубину этнокультурного взаимодействия, которое было характерно для широкого региона Древней Руси, в т.ч. для смежных районов Беларуси и Украины. Элементы этнографии жителей Гомельского Поднепровья стирались в результате тесных экономических и культурных контактов с южными соседями и, в первую очередь, с «поляно-русским» населением Киево-Черниговщины.

РАЗДЕЛ 6 ГОРОДИЩА И ГОРОДА

В Гомельском Поднепровье учтено 35 укрепленных поселений второй половины I - на---ла II тыс. н. э. (рисунок 51).

Брагинский р-н. 1) Бра---- г. (летописный Брягин). Расположен на юго-востоке Гомельской обл. Первое упоминание датировано 1147 г., когда Брягин - город Киеввской земли, разоряли отряды черниговских князей. Второе сообщение датировано 1187 г. [3, стб. 311]. Остатки Брягина осмотрены в 1966 г. П.Ф. Лысенко. М.А. Ткачев отметил расположение замчища на правом берегу Брагинки на возвышенности среди поймы, о чем говорили его раскопки (40 кв. м) 1977 г. Перестроенная в позднем средневековье площадка имеет прямоугольную форму (90х70 м). Сохранились остатки вала шириной в основании до 10 м и высотой до 5-6 м. По данным М.А. Ткачева, городище было обнесено валом еще в XI в.; он перестраивался не менее трех раз в XII-XIII вв. Зафиксированы следы оборонительного частокола и прочих сгоревших конструкций, связанных с первоначальной крепостью. Слой детинца (мощность до 3-4 м) в верхней части нарушен перепланировками. Над материком имеются каменные орудия и керамика зарубинецкой культуры. Кроме круговой посу--ы встречены обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, костяной гребень, наконечники стрел и пр. К детинцу примыкали два посада. Часть посада имела укрепления. Керамика здесь аналогична городищенской, но есть фрагменты сосудов X в. Возможно, с этого времени и началось развитие города [8, с. 17]. 2) Гдень, д. Городище «Городок» на северо-западной окраине д., на останце (высота над поймой 6-8 м) правого берега р. Брагинки. Площадка округлая диаметром 45 м. Слой до 0,5 м, содержит керамику раннего железного века и Киевской Руси. Открыл в 1929 г. И.Х. Ющенко, обследовали О.Н. Мельниковская, Л.Д. Поболь и В.Е. Соболь. При городище - селища железного века и Киевской Руси [163, с. 10-12; 45, с. 96, № 242]. 3) Городище, д. Городище расположено на всхолмлении террасы правого берега р. Брагинки. Оно круглое, диаметром 110 м, по периметру укреплено валом высотой до 4 м. Сохранился участок второго вала. В слое - керамика Древней Руси и более поздняя. В 1930 г. обследовал И.Х. Ющенко, в 1975 г. В.Е. Соболь [45, с. 95, 96, № 240]. 4) Чикаловичи, д. В 6 км юго-западнее д. на террасе Брагинки в ур. Высокое (Городок) - городище

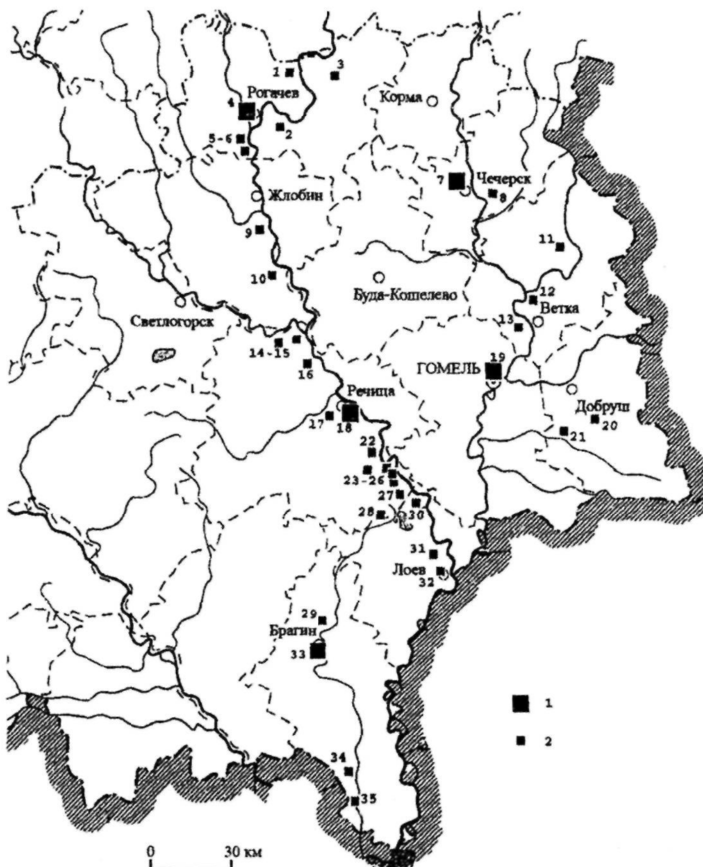

Рисунок 51 - Гомельское Поднепровье. Летописные города (1) и городища (2) Гомельского Поднепровья. 1 - Вищин; 2 - Збаров; 3 - Юдичи; 4 - Рогачев; 5-6 - Лучин; 7 - Чечерск; 8 - Залесье; 9 - Проскурни; 10 - Стрешин; 11 - Железники; 12 - Беседь; 13 - Хальч; 14-15 - Горволь; 16 - Глыбов; 17 -Озерщина; 18 - Речица; 19 - Гомель; 20 - Новый Крупец; 21 - Гордуны; 22 - Заспа; 23-26 - Красный Мост, Леваши, Завужалъ, Луначарск; 27 - Колочин; 28 - Теребеевка; 29 - Городище; 30 - Чаплин; 31 - Мохов; 32 - Лоев; 33 - Брагин; 34 - Чикаловичи; 35 - Гдень

раннего железного века и Древней Руси. В плане эллипсообразное, имеет 3 укрепленные площадки размером 260x150 м. Обследовали Л.Д. Поболь и М.И. Лошенков [44, с. 233, № 74].

Ветковский р-н. 5) Беседь, д. Городище на мысу останца террасы левого берега Беседи. Площадка округлая 72x66 м, возвышается над поймой на 4 м. С напольной стороны - остатки вала высотой ок. 1,5 м над полем (рисунок 52). Открыл А.И. Дробушевский в 1983 г. Выявлена керамика конца XI—XIII вв. 6) Железники, д. Мысовое городище расположено на участке правобережной террасы р. Беседь (высота над водой 6 м). С напольной стороны - остатки полукольцевого вала высотой до 1,0-1,5 м. С юго-восточной стороны - остатки рва. Первоначальная форма площадки близка кругу диаметром 37 м (с валом - 45 м) (рисунок 53). Слой насыщен керамикой раннего железного века, раннекруговой и круговой IX-XI вв. Рядом находится селище с лепной керамикой I тыс. н. э., раннекруговой и круговой посудой IX-XI вв., XVI-XVIII вв. Разновременные остатки зафиксированы на участке 250x50-70 м. С другой стороны от городища размещается второе селище (ок. 180x50 м). Собрана лепная керамика I тыс. н. э., раннекруговая и круговая посуда IX-XI вв., поднята синяя стеклянная бусина-пронизка [45, с. 122, № 430а]. 7) Хальч, д. Остатки городища на мысу (высота 19-20 м над водой) террасы правого берега Сожа. Памятник видоизменен при строительстве XIX в. Площадка удлиненно-полуовальная (100-110x80-90 м) (рисунок 54). В шурфах 1991 г. зафиксирован слой мощностью 1,3-1,6 м. Содержит милоградскую, зарубинецкую керамику, раннекруговую и круговую посуду IX-XI вв., поздние материалы. Памятник открыт В.А. Литвиновым и С.Е. Рассадиным в 1981 г., обследован в 1991 г. О.А. Макушниковым. К городищу примыкает многослойное поселение на площадке низкой (высота над поймой 4-6 м) террасы Сожа [45, с. 129, № 480].

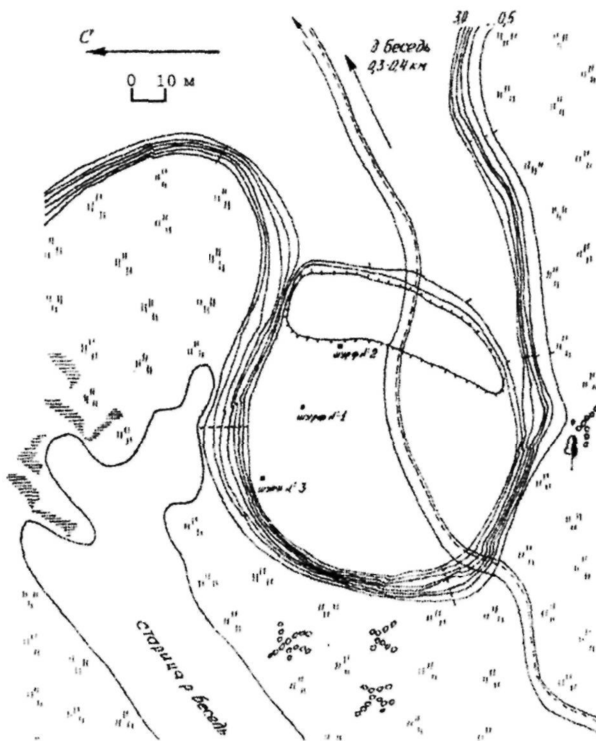

Рисунок 52 - Беседь, городище. Съемка ГОАЦ, 1992 г.

Гомель, г. 8) В историческом центре сохраняются остатки летописного Гомия (городище-детинец, окольный город, посады). Исследования проводились в 1926 г. И.Х. Ющенко, в 1975 г. М.А. Ткачевым, в 1986-2009 гг. О.А. Макушниковым. Вскрыто свыше 5000 кв. м площади. Собран материал, характеризующий зарождение и развитие города.

Добрушский р-н. 9) Гордуны, д. Городище расположено на мысу правобережной террасы р. Уть. Площадка подтреугольная, возвышается на 6-7 м над поймой. С севера и юга ограничена оврагами. С напольной стороны - вал шириной до 15 м и высотой до 1 м от площадки, а также заплывший ров. Внутренний размер площадки ок. 73x75x87x58 м. В шурфах - слой с керамикой раннего железного века, раннекруговой и круговой посудой IX-XI вв. Городище обследовали О.Н. Левко в 1976 г., О.А. Макушников в 1980-81 гг. и др. Поселение-посад отмечено у городища на площадках правобережной террасы р. Уть. [45, с. 152].

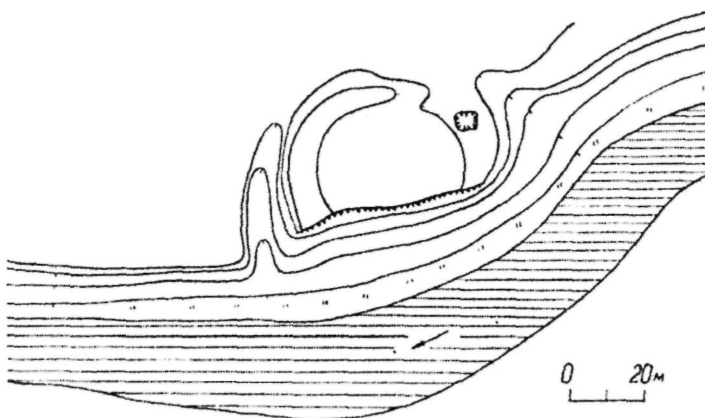
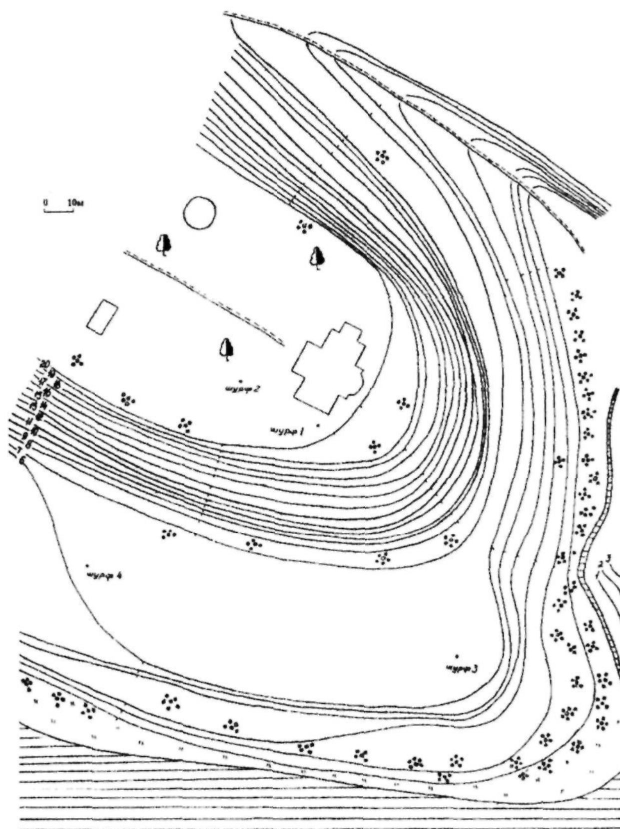

Рисунок 53 - Железники, городище. Съемка автора, 1992 г.

10) Новый Крупец, д., Крупецкий с/с. Городище в центре д. на берегу р. Крупки. Площадка круглая, ок. 120 м в диаметре, ее высота 11,5 м. С севера - остатки двух валов. В 1976 г. памятник обследовала О.Н. Левко. В шурфах и обнажениях отмечен слой мощностью до 0,6 м. Ранний железный век, Киевская Русь [164, с. 34; 21, с. 16; 45, с. 156, № 656].

Жлобинский р-н. 11) Проскурни, д. Мысовое городище раннего железного века и конца XI—XIII вв. площадью 0,8 га в 2 км севернее д. Площадка подпрямоугольной формы, защищена двумя валами. Известно с начала XX в. К городищу примыкает селище второй половины I тыс. н. э. и XII-XIII вв., раскопки которого провел А.И. Дробушевский [84, с. 18-32]. 12) Стре--н, г. п. Мысовое городище (75x30 м) в ур. Старый Городок на коренном берегу Днепра. Высота - до 10-12 м над поймой. Ров отделяет его от Нового Городка. Э.М. Загорульский раскопал 100 кв. м. Слой мощностью до 1,6 м содержит керамику раннего железного века, посуду конца XI-XVIII вв., шиферные пряслица, стеклянные браслеты и др. Вал сооружен поверх культурного слоя с керамикой конца XI в. За валами - посад. Его топографическое положение не исключает наличия укреплений [46, с. 592].

Рисунок 54 - Хальч, городище. Съемка автора, 1992 г.

Лоев, г.п. 13) Остатки городища большая часть срыта в 1950-х гг.) находится в центре Лоева на высоком (ок. 20 м) правом берегу Днепра (рисунок 55). Шурфовкой М.А. Ткачева 1980 г. установлено, что городище существовало в раннем железном веке и XI-XIII вв. В XIV-XVIII вв. здесь находился замок с деревоземляными укреплениями. Городище имело форму полукруга диаметром около 125 м, было защищено валом и рвом. Археологический материал представлен керамикой, обломками стеклянных браслетов, шиферными пряслицами. «Летописная» история Лоева (Лоевой Горы) начинается с 1505 г. [165, с. 113-114]. К югу от городища (район ул. Чапаева и соседних улиц при устье р. Витач) находится крупное (не менее 3 га) поселение XI—XIII вв. Можно допускать, что это - часть посада поселения городского типа.

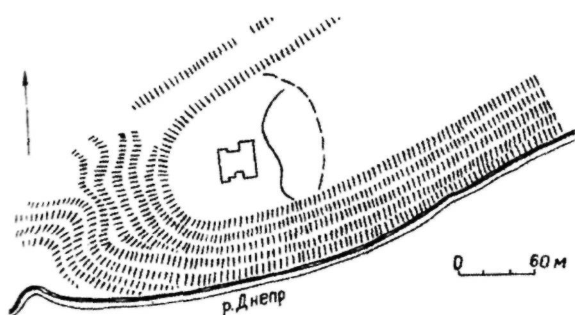

Рисунок 55 - Лоев, городище. План (по М.А. Ткачеву)

Лоевский р-н. 14) Мохов, д. На окраине д. комплекс памятников, основная часть которых относится к X-XI вв. Здесь расположены остатки могильника (насчитывал свыше 600 курганов), городища и селищ. Исследования проводились в конце XIX в. В.З. Завитневичем, в 2001-2009 гг. - экспедицией под руководством автора. 15) Чаплин, д. Мысовое городище (ур. Городок) расположено на южной окраине д. на правобережной террасе Днепра (высота до 16 м). Площадка с восточной и южной сторон защищена оврагами, с западной - укреплена валом и рвом. Вал имел высоту до 4 м. Размеры площадки около 0,6 га. В 1951-53 гг. раскопки велись Ю.В. Кухаренко и П.Н. Третьяковым (1120 кв. м), в 1956-57 гг. - Л.Д. Побо--ем (624 кв. м). Основной слой относится к раннему железному веку. В верхних отложениях в значительном количестве представлена раннекруговая и круговая керамика X-XI вв., встречена лепная посуда роменского типа, шиферное пряслице, бронзовый бубенчик и др. Селище раннего железного века, роменского и раннедревнерусского (X-XI вв.) периодов примыкает к городищу.

Площадь около 90х300 м. В 1951-56 гг. Л.Д. Поболем вскрыто около 800 кв. м. Обнаружено несколько хозяйственных ям. К средневековью относится бронзовая серьга аварского типа (VII—VIII вв.), железная шпора, наконечник стрелы, ножи, шиферное пряслице и др. [166, с. 130-138; 64, с. 9-62].

Речица, г. 16) Первое упоминание о Речице, как о городе Черниговского княжества, датировано 1213 г. (Густынская летопись). В 1214 г. ее упоминает Первая Новгородская летопись. Тогда Речица была взята «на щит» новгородским князем Мстиславом [167, с. 130]. В центре города сохраняется мысовое городище (ур. Городок или Старая Крепость). Расположено на правом коренном берегу Днепра. Городище (первоначально его форма была, ориентируясь на план XVII в., овальной) разрушена оползанием со стороны реки. Сохранившаяся площадь - менее 0,5 га (включая остатки оборонительных сооружений). Прослеживаются фрагменты периметрального вала. С напольной стороны заметен ров, переходящий в овраги (рисунки 56-58).

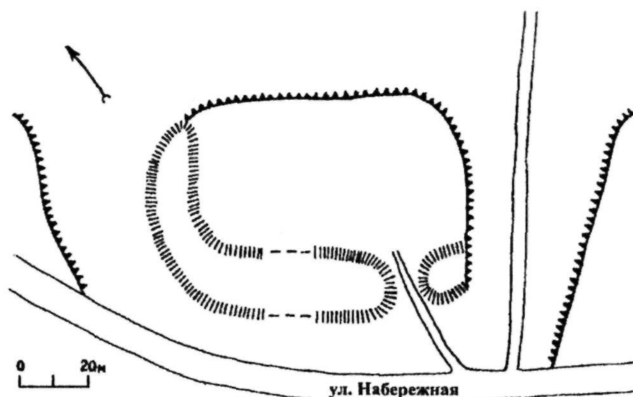

Рисунок 56 - Речица, городище. Глазомерный план. Съемка автора, 1982 г.

Топография летописного города включала не только детинец, но и укрепленное окологрperiod. Оно подковообразно охватывало детинец с напольной стороны, имело вал и занимало площадь около 4 га. Раскопки 1990 г., выявившие в Речице усадебно-уличную планировку середины XII в. (рисунок 57), показали, что конфигурации улиц и усадеб полностью соответствуют очертаниям подковообразного вала, отмеченного на плане XVII в. Возникновение вала окольного города и сложение усадебно-уличной планировки - единый исторический процесс. В XII в. Речица имела и открытый посад (подол) на сниженной террасе у подножия детинца, иные городские элементы (торг, пристань). В 1989 г. на территории окольного города была заложена серия шурфов, в основании которых отмечен культурный слой с материалами XII—XIII вв. Раскопы 1990 г. разработаны автором в зоне строительства. Эта территория относится к топоструктуре окольного города. Всего в 1989-90 гг. вскрыто 1183 кв. м. Мощность культурных отложений достигала 1,5 м. Первый период заселения относится к третьей четверти I тыс. н. э., о чем говорят находки грубой лепной керамики. Обнаружен клад из неопределенного железного предмета и крученой железной гривны со следами скани (рисунок 59). Подобные гривны традиционно считаются предметами скандинавского происхождения, в Восточной Европе обычно встречаются в комплексах X-XI вв. В основании отложений, непосредственно над материком и погребенной почвой, залегает слой с материалами середины XII - первой половины XIII вв. Прослеживаются канавки межусадебных оград. Исследованы углубленные подклеты наземных жилых деревянных построек и хозяйственные ямы. Инвентарь характерен для домонгольских городов: стеклянные браслеты и бусы, шиферные пряслица, железные ножи, наконечники стрел, обломки железных кос, каменных жерновов, бронзовые украшения и др. В комплексах и культурном слое много болотной руды и железного шлака.

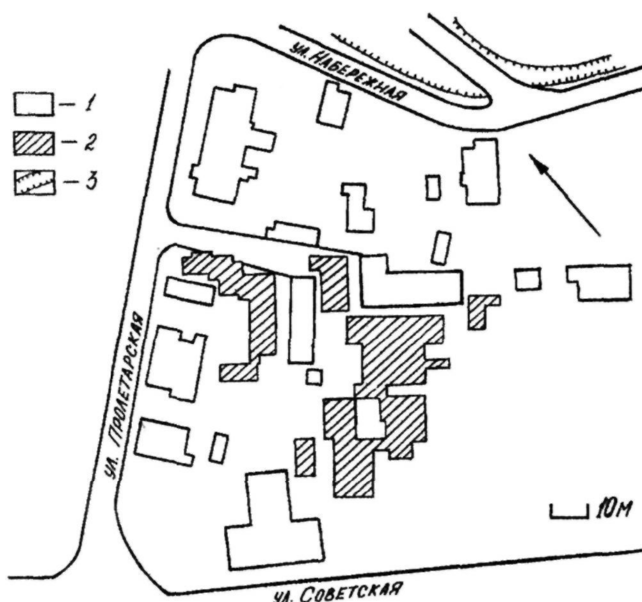

Рисунок 57 - Речица. План расположения раскопов 1990 г. 1 - современные постройки; 2 - раскопы; 3 - крутые откосы

В середине XII в. Речица выступает в качестве «состоявшегося» феодального города (примерно на половину столетия раньше упоминания в летописи).

Но истоки Речицы, скорее всего, относятся к еще более раннему времени. Особый интерес представляет застройка школьного города. На площади ок. 1100 кв. м частично вскрыто пять усадебно-дворовых участков XII - первой половины XIII вв. (№ 1 - исследованная территория 237 кв. м, № 2 - 210 кв. м, № 3 - 118 кв. м, № 4 - 132 кв. м, № 5 - 176 кв. м) с подклетами жилых домов, ямами, канавками оград и участком проулка. Реконструируемые размеры усадьбы составляют 250-350 кв. м. Исследованная площадка занимает наиболее удаленную от детинца часть древнерусского окологрworld, которое, вероятно, было ограничено двумя улицами радиального и полукольцевого направления, повторявшими контур подковообразного напольного пояса фортификаций. Усадьбы сходятся тыловыми участками и в центре квартала разделены 2-метровым проходом-проулком. Последний прослеживается на протяжении 20-30 м в виде контура двух параллельных канавок с элементами столбовых конструкций (остатки частокольных заборов) и датируется XII - первой половиной XIII вв. Проулок повторяет направление трассы оборонительных сооружений Речицы, отмеченных на плане города XVII в. Разбивка 4-х (наиболее полно изученных) усадеб по отношению к проулку выполнена под угломчелочкой». Это объясняется радиальным направлением улиц окольного города, стремлением сохранить сложившуюся ориентировку усадеб при заметном изгибе кольцевых улиц, а также более поздним освоением напольной территории, удаленной от водотоков. Почти полностью вскрытая усадьба № 1 по контуру канавок-оград имеет размеры ок. 12х30 м. Жилищно-хозяйственные сооружения (2 подклета, ямы, участки внутреннего размежевания) расположены ближе к тыловой части (проулку). Другие усадьбы, исследованные фрагментарно, также демонстрируют тяготение построек к границам дворохозяйств. Во второй половине XIII-XIV вв. на месте древнерусских усадеб функционируют новые постройки. При этом границы дворохозяйств остаются почти неизменными. Сохраняется плотность застройки, новые сооружения возводятся рядом с предшествующими или в противоположных частях усадеб. В XV в. усадебная застройка временно прекращается. Поздняя планировка (XVI-XVIII вв.) уже не связана с древнерусской и подчинена градостроительным принципам, элементы которых прослеживаются в историческом центре Речицы и по сей день. Преемственность застройки XII - первой половины XIII вв. и второй половины XIII-XIV вв., отсутствие следов разорения, позволяет предполагать, что Речица избежала основных последствий вторжения монголов. Основы института частного землевладения, заложенные в городе в середине XII в., просуществовали без изменений до XIV в.

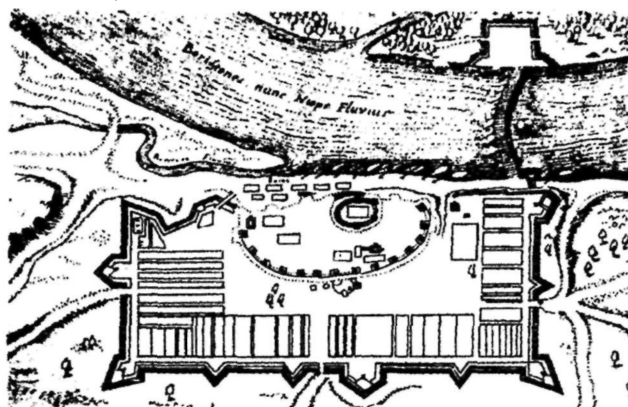

Рисунок 58 - Речица. Гравюра XVII в.

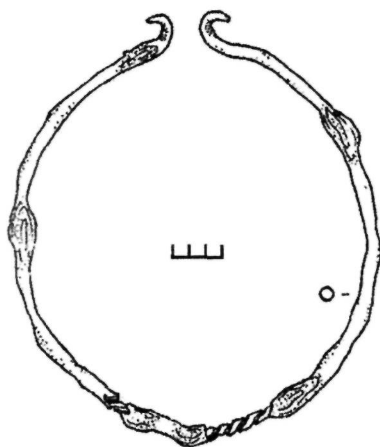

Рисунок 59 - Речица, окольный город. Железная гривна

Речицкий р-н. 17) Глыбов, д. На юго-восточной окраине д. находится городище раннего железного века и Древней Руси. Расположено на мысу правого берега Днепра в ур. Городок. Площадка 160х110 м, слой до 0,5 м. Укреплено дугообразным валом высотой до 2 м. В 1955 и 1961 гг. О.Н. Мельниковская вскрыла 200 кв. м. При городище - селище раннего железного века и периода Древней Руси [64, с. 140, № 35]. 18-19) Горваль, д. На правом берегу Березины есть два городища мысового типа. В описания городищ закралась путаница. По-видимому, самая верная информация о них опубликована В.И. Кошманом, который ссылается на новые полевые исследования. В 1998 г. А.И. Дробушевский повторно обследовал памятники. Городища локализованы на коренном берегу реки, имеют овальные площадки и с напольной стороны имеют по одному валу. Площадь городищ - 0,07-1,0 га. Каждое имеет отложения железного века. На одном из них

отмечены слои XI—XIII вв., на втором - XI-XVII вв. [52, с. 154]. 20) Завужаль (Заужелье), д. Городище мысового типа расположено на правом берегу Днепра. Площадка подтреугольная размером около 75x75 м. С напольной стороны защищена валом высотой до 3,0 м. Высота над поймой около 15 м. Площадка и ров распаханы. Слой содержит материалы раннего железного века и Древней Руси [64, с. 140, № 36; 45, с. 327, № 1751]. 21) Заспа, д. Городище мысового типа в центре д., на коренном правом берегу Днепра. Площадка была укреплена дугообразным валом высотой до 2 м. Застроена, оборонительные сооружения снесены. При обследовании Ю.В.Кухаренко найдена керамика раннего железного века и Древней Руси [64, с. 141, № 38]. 22) Колонии, д. Мысовое городище раннего железного века и третьей четверти I тыс. н. э. в 0,5 км севернее д. в ур. Городок. Размеры прямоугольной площадки - 42x36 м, культурный слой - 0,25-1,50 м. Два подковообразных вала защищают площадку с напольной стороны. В 1955-1960 гг. Э.А. Сымоновичем раскопано почти полностью (1332 кв. м). Внутренний вал сооружен в железном веке и подсыпан в третьей четверти I тыс. н. э. По краям площадки имеются хозяйственные ямы и сгоревшая деревянная постройка, которая по периметру окружает площадку (относится к третьей четверти I тыс. н. э.). Среди находок раннесредневекового периода большое количество раздавленных сосудов, 4 железных серпа, коса, пешня, наконечники стрелы и копья, ножи, шилья и пр. Раннесредневековое селище и фунтовой могильник с сожжениями расположены западнее городища. Размеры поселения 500x120-130 м. В 1958-1960 гг. Э.А. Сымоновичем исследовано два углубленных жилища третьей и последней четверти I тыс. н. э. [67, с. 97-137]. 23) Красный Мост (Брагибор), д. Мысовое городище на южной окраине д. в ур. Городок при ручье, прорезающем коренную террасу Днепра. Площадка (2,5 га) застроена, оборонительные сооружения разрушены. Сохранился участок вала высотой до 3 м и фрагмент рва. Ранний железный век и Древняя Русь. Обследовал Л.Д. Поболь в 1957 г. [64, с. 142-143, № 45]. 24) Леваши, д. Мысовое городище расположено на коренном правом берегу Днепра в центре д. в ур. Городок. Остатки валов сохранились со стороны Днепра и оврага. Площадь ок. 0,5-0,6 га. Застроено. В обрывах - слой раннего железного века и Киевской Руси. В 1935 г. А.Д. Коваленя заложил несколько траншей. Найдена керамика конца XI—XIII вв., раннего железного века, обломки амфор, шиферные пряслица, много обломков стеклянных браслетов и стеклянные бусы, костяной гребень, серпы, ножи и пр. Материал характерен для феодальных замков и городов конца XI-XIII вв. К городищу примыкает селище. Оно содержит материал, аналогичный городищенскому [64, с. 143, № 46]. 25) Луначарск (бывш. Бригидов), д. Мысовое городище раннего железного века и Древней Руси на правом берегу Днепра находится в ур. Городок, в 0,5 км к югу от д. Отмечен вал высотой до 3 м, ров глубиной до 1,5 м и шириной до 7 м. Рядом с городищем - селище железного века и Древней Руси [64, с. 143, № 48]. 26) Теребеевка (Малая Теребеевка), д. На р. Волкошанке городище X-XII вв. Культурный слой до 0,5 м. В 1930 г. небольшие раскопки провел И.Х. Ющенко [43, с. 93, № 23]. 27) Озерщина, д. У судоверфи при впадении Ведричи в Днепр в ур. Городок было мысовое городище раннего железного века и Киевской Руси. Обследовалось в 1951 г. Ю.В. Кухаренко, в 1958 г. О.Н. Мельниковской и др. Разрушено [64, с. 144, № 52]. 28) Холмечь, д. Городище мысового типа располагалось на правом берегу Днепра в ур. Сининникова Гора. Ранний железный век и Древняя Русь. Разрушено в XIX в. [64, с. 140-145].

Рогачев, г. 29) Упомянут летописью под 1142 г. в числе городов, которые великий князь Всеволод Ольгович передал своим братьям [3, стб. 312]. Городище-детинец расположено в центре Рогачева на правом берегу Днепра при впадении Друти (ур. Замковая Гора). С напольной стороны площадки - остатки полукольцевого вала и рва. Планировка городища соответствует рельефу, площадка имеет подтреугольную форму, возвышается над поймой на 11-12 м. Ее размер 125x90 м. Замчище перестраивалось в средневековье. В 1967 г. П.Ф. Лысенко раскопал 112 кв. м. Слой мощностью 1,3-1,7 м, в его основании имеются материалы бронзового и раннего железного века. С древнерусским периодом связаны обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, железные топор, шпоры, рыболовный крючок и др. Согласно П.Ф. Лысенко, город возник в XI в. В 1973, 75-76 гг. раскопки городища проводил Э.М. Загорульский. Вскрыто 1280 кв. м. Согласно А.Н. Вагановой, поселение на месте замчища существовало еще в конце I - начале II тыс. н. э. К древнерусскому периоду относятся железные серпы, резцы, ножницы. топоры, зубила, замки, ключи, кресала, писало, наконечники стрел, шпоры, удила, бронзовые перстни, костяные изделия (в т.ч. обломок шахматной фигуры), стеклянная посуда, браслеты и др. Признаки посада в 50-150 м к северу от городища. Его слой мощностью до 1 м содержит материалы раннего железного века и XI-XIII вв. По данным краеведа А.Н. Рыкунова посадская

территория намного более значительна. Ориентируясь на топографию памятника, можно предполагать и наличие ныне снивелированных посадских укреплений [168, с. 166-171; 45, с. 287, № 1509; 46, с. 529].

Рогачевский р-н. 30) Вищин, д. Мысовое городище на правом берегу Днепра. Площадка полуовальная (около 0,63 га), обнесена с напольной стороны тремя валами. В 1976-1985 гг. Э. М. Загорульским вскрыто около двух третей площади. Памятник датируется концом XI-XIII вв. Получен обстоятельный вещественно-документальный материал, который характеризует жизнь феодального замка эпохи Древней Руси. За валами городища отмечено селище с древнерусской керамикой. 31) Збаров, д. Мысовое городище находится на коренном левом берегу Днепра, высота его овальной площадки над рекой - 17-18 м. С напольной стороны сохранился подковообразный вал высотой до 4-5 м и ров глубиной до 0,3 м. Размеры площадки около 70x60 м. В 1967-68 гг. Г.Ф.Соловьева исследовала 473 кв. м. Культурный слой достигает мощности 1,6 м. Городище сооружено на месте стоянки эпохи бронзы. Нижний горизонт относится к раннему железному веку, верхний - к концу XI-XIII в. С периодом Древней Руси связаны остатки деревянных наземных жилищ и хозяйственные ямы. Собраны круговая керамика, литейная форма, обломки бронзовых и стеклянных браслетов, обломок бронзовой романской чаши с изображением и латинской надписью, бронзовый энколпион, шиферные пряслица, фрагменты стеклянной посуды, железные ножи, замки, ключи. В 1998 г. раскопки городища продолжил А.И. Дробушевский, который вскрыл 60 кв. м. Рядом отмечено селище железного века и Древней Руси. 32-33) Лучин, д. Селение расположено примерно в 6 км южнее исторического центра Рогачева на правом берегу Днепра. Некий Лучин упоминается в уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича 1136 г. [169, с. 143]. Согласно Ипатьевской летописи, в 1173 г. по дороге из Новгорода и Смоленска в Киев в местности Лучин у семьи Рюрика Ростиславича родился сын [3, стб. 567]. Вопрос заключается в том, о каком Лучине идет речь в летописи и где он находился. В разделе настоящей работы, посвященном политической истории Гомельского Поднепровья, показана сомнительность принадлежности днепровского Лучина Смоленску. По данным Е.Р. Романова, у Лучина был выявлен клад из гривен, браслетов, серег и т.п. В Лучине отмечено два мысовых городища, оба сооружены в раннем железном веке и повторно использовались в конце XI—XIII вв. Они были осмотрены в 1890-х гг. Е.Р. Романовым, в конце 1920-х гг. А.Д. Коваленей. Во второй половине XX в. городище обследовали О.Н. Мельниковская, П.Ф. Лысенко, Л.Д. Поболь и др. Городище Лучин I (ур. Попова Гора на северной окраине д.) имеет полукруглую площадку (0,47 га). Защищено подковообразным валом и рвом, разрушается со стороны Днепра. Вал сохранился на высоту до 2,5 м. Прослеживается ров. Открыты напластования мощностью до 1,6 м. Выявлена керамика раннего железного века, конца XI-XIII вв., фрагменты стеклянных браслетов, шиферные пряслица, обломок железного сошника, железные наконечники стрел, копий, топоры, железный шлак. Городище Лучин II имеет круглую площадку (0,6 га), защищенную с напольной стороны двумя валами. Селище железного века и Древней Руси при городище. Его площадь около 1 га. 34) Юдичи, д. Мысовое городище с площадкой овальной формы (около 0,2 га). Ранний железный век и XI—XIII вв. В 1980-х гг. В.Н. Рябцевич и А.Н. Плавинский вскрыли 8 кв. м. [46, с. 529; 29; 144; 170].

Чечерск, г. 35) Расположен на правом берегу Сожа при впадении р. Чечеры. В XII в. принадлежал Черниговскому княжеству. Первое упоминание о Чичерске относится к 1159 г., когда великий князь Изяслав Давидович возвращает его черниговскому князю Святославу Ольговичу. Оно связано с событиями противостояния Ярослава Галицкого и Ивана Берладника. Изяслав становится на сторону Берладника и, желая заручиться поддержкой Святослава, отдает ему Мозырь и Чичерск [3, стб. 498]. Под 1168 г. Чичерск упоминается той же летописью в качестве черниговского пункта, расположенного по дороге из Киева в Смоленск. В это время здесь отдыхал великий князь Ростислав Мстиславич с зятем Олегом Святославичем [3, стб. 528]. Городище находится на мысу правобережной террасы Сожа высотой около 14-16 м. Площадка отделена от плато глубоким рвом. Вал сохранился на высоту до 5 м. Городище округлое, площадью ок. 1 га. Мощность слоя достигает 4 м. В 1928 г. небольшие раскопки на площадке проводились А.Н. Лявданским и С.А. Дубинским. В 1974-75 гг. раскопки продолжал М.А. Ткачев (220 кв. м.), в 1981 г. В.В. Богомольников (108 кв. м.), в 1981-82 г. И.М. Чернявский (св. 112 кв. м). М.А. Ткачев отметил, что напольный вал городища был построен еще в X в. В основании отложений - слои эпохи бронзы и раннего железа. В средневековых слоях - материалы круга Лука Райковецкая-Сахновка-Волынцево, роменского, древнерусского и более поздние. Находки: бронзовая иконка-змеевик, обломки стеклянных браслетов, стеклянные и

каменные бусы, каменный крестик, два железных сошника, серп, косы-горбуши, глиняные грузила, шиферные пряслица, железные ножи, рыболовные крючки, наконечники стрел, наконечник сулицы и др. Рядом с детинцем - остатки окольного города площадью до 2 га. Уже в XI в., согласно М.А. Ткачеву, он имел укрепления. Данные шурфовки и подъемный материал показали, что посад возник в XI в. Слой содержит материал XI-XVIII вв., обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица [46, с. 644-655; 35, с. 427; 167, с. 130].

Местоположение, планировка и размеры городищ второй половины I - начала II тыс. н. э., характер находок и слоя, их датировка, наличие (отсутствие) упоминаний в летописях и др. делает возможным распределение их по группам. Последние объективно отражают историко-типологическое содержание городищ. Памятники имеют разную сохранность и степень изученности. Вместе с тем, есть основания для выделения 4-х групп укрепленных поселений: 1) общинно-племенные центры, 2) военизированные многофункциональные поселения, 3) феодальные замки и 4) города. Конкретное укрепленное поселение на разных этапах своего развития могло представлять разную группу.

Группа 1. **Общинно-племенные центры второй половины I - начала II тыс. н.** э. В третьей четверти I тыс. н. э. в среде носителей пражской культуры и их ближайших северных и северо-восточных соседей (в т.ч. населения культур круга Колочина, Банцеровщины и Тушемли) наблюдается появление укрепленных поселений - городищ. В данном разделе рассматриваются собственно городища, а не городища-святилища, которые образуют самостоятельную группу памятников. Из числа наиболее полно раскопанных городищ пражского ареала широкую известность получили Зимно на Волыни, Хотомель в Белорусском Полесье, колочинского - эпонимное городище Колочин I в Гомельском Поднепровье, Никодимово - в Могилевском и др. Их материалы сделались достоянием десятков исследований [171; 172; 67; 173]. На карте раннесредневекового расселения городища выступают в качестве редкого «вкрапления» на фоне десятков неукрепленных поселений - селищ. Возникновение городищ связано, конечно, не только с внешними угрозами (как иногда считается), но и с закономерностями внутреннего развития. Появление укрепленных поселений было обусловлено сложными политическими и социально-экономическими процессами, протекавшими в раннесредневековых обществах в период слома первобытных отношений и завязывания государственных. На первых страницах ПВЛ встречаем замечание о том, что после смерти Кия его потомки начинают «княжение» в земле полян. Свое же княжение имеют древляне, дреговичи, словене новгородские, полочане [2, с. 13]. Не следует сомневаться, что самостоятельные политические объединения-княжения имели во второй половине I тыс. н. э. и иные славяне - северяне, радимичи (независимо от вопроса, какую территорию радимичи занимали и когда появились в Посожье) и др. Уровень развития их материальной культуры принципиально не отличался от уровня иных славянских объединений.

Характер материалов раннесредневековых городищ и примыкающих к ним селищ-посадов (предметы вооружения, снаряжения боевого коня, престижные украшения, признаки ремесленной деятельности и др.) заметно отличает памятники подобного рода от селищ. Он указывает на пребывание здесь «племенной» аристократии, воинов и ремесленников. Именно процесс сложения и оформления социальной верхушки, связанный с военными походами на Византию, и вызвал к жизни новую для третьей четверти I тыс. н. э. форму поселений. Добытые на юге (в Византии) ценности послужили фундаментом экономической самостоятельности вождей-князей и их воинского окружения. Городища являют собой пример выделения из массы общинников, занятых сельскохозяйственным трудом, правящей элиты, а вместе с ней - и прослойки обслуживающих ее ремесленников (оружейников, ювелиров-литейщиков, строителей и пр.). Типологически сходные с Зимно, Колочином, Никодимово и пр. раннесредневековые поселения хорошо известны в западнославянском мире (Шелиги, Микульчицы и пр.) [174, с. 26-28]. Напрашивается вывод о том, что одна из важнейших функций ранних городищ - военно-оборонительная.

Картографирование памятников полезно в любом исследовательском процессе, связанном с изучением исторических явлений. Тем более, оно актуально при работе с археологическими источниками. К сожалению, иногда информативные возможности картографирования учеными не замечаются. Городища третьей четверти I тыс. н. э. Гомельского Поднепровья единичны. Они находятся примерно в 40-60 км друг от друга (пример: Колочинское и Гомельское). Восточнославянские города, известные в регионе, разделены такими же расстояниями. Не говорит ли это обстоятельство о некотором сходстве выполняемых функций поселениями разных эпох?

В.Д. Королюк замечал: «Многие государственные институты раннефеодального общества при всем их качественном отличии генетически связаны с институтами эпохи военной демократии. Это и становящаяся наследственной княжеская власть, и дружина как политическая сила, ее поддерживающая, это и наличие народного ополчения свободных мужей-общинников, это, наконец, и общинные повинности как средство укрепления экономического и политического положения знати, и дань как форма экономической эксплуатации общества князем и знатью, и патриархальное рабство и т.д.» [175, с. 29].

Судя по размещению ранних городищ в гуще поселенческих агломераций третьей четверти I тыс. н. э., можно предполагать выполнение укрепленными пунктами организующих для прилегающей округи функций. Именно в раннесредневековых городищах и следует искать истоки городов. Между городищами «пражцев», «колочинцев», «банцеровцев» и «тушемлинцев» с одной стороны, и «настоящими» восточнославянскими городами периода феодализма нет историко-типологической пропасти. Многие города раннефеодального времени органически вырастают из «градов» или «цивитас» (термины летописцев Руси и западных хронистов) периода «военной демократии» и «вождизма» (Киев, Полоцк, Чернигов, Псков и др.). Дело в том, что поселения до- и государственного времени (уже само это деление весьма условно, поскольку произрастает из жестких рамок формационного взгляда на историю) выполняли функции близкие, хотя и не всегда идентичные. Ранние городища были, в первую очередь, административно-политическими центрами, а учитывая находки из Никодимова, - и культовыми. О функциях ремесленной и торговой забывать также нельзя, но и не следует преувеличивать их значение. Начало городской истории едва ли уловимо с точностью до десятилетий. Методы археологии в этом вопросе пока еще более чем несовершенны. Вместе с тем никакой населенный пункт изначально не мог иметь полный набор городских функций, поскольку для их обретения требовалось время. Ранние княжения восточных славян выступают свидетельствами нарастания процессов становления государственности. В судебно-административном и военно-оборонительном отношениях они должны были опираться на разветвленную систему укрепленных поселений-градов, которые имели своей главнейшей функцией функцию властвования. Надо отметить, что во всех случаях, когда проводятся широкие раскопки остатков «летописных» городов Гомельского Поднепровья, в основании их культурных отложений обнаруживаются материалы раннего средневековья. Наверное, не случайно такая же картина наблюдается в стольном Киеве и многих других городах Древней Руси. Скорее всего, это - проявление определенной исторической закономерности.

Нельзя присваивать городищам типа Колочина-Никодимово только одну функцию - убежищ для окрестного населения на случай военной опасности. В таком качестве они могли использоваться только отчасти. Основное их назначение было иным. Рассмотрим пример «эталонного» городища Колочин I. К площадке крохотной цитадели (всего 0,13 га!) примыкает крупное синхронное селище (свыше 5 га). Даже не учитывая то обстоятельство, что в окрестностях Колочина имеются и прочие селища V-VII вв., трудно представить, как в случае военной опасности это небольшое «убежище» могло вместить даже часть местных жителей с их скарбом. К тому же одно из главных богатств той эпохи - скот - требовал значительно большей территории для размещения. Городища скифов отличались огромными размерами именно ввиду необходимости укрытия табунов лошадей и прочих животных. Цитадель Колочин I явно служила опорным пунктом небольшого отряда ратников, т.е. была крепостью. Вероятно, такую же функцию выполняли и прочие родственные Колочину в историко-типологическом отношении укрепленные центры. Но, конечно, как отмечалось, эта функция не была единственной.

Раннесредневековые отложения в Гомеле сохранились плохо. Но и здесь открыта лепная посуда того времени, металлические предметы V-VII вв. и др. Есть остатки погребения-сожжения, жилищ и металлообрабатывающих мастерских. Чечерск исследован недостаточно. Раскопки проводились только на городище. Но и здесь встречено пряслице, характерное для третьей четверти I тыс. н. э. Речицкое городище не изучено. Но в раскопах 1990 г. на Речицком окологрnative выявлен участок слоя третьей четверти I тыс. н. э., который указывает на наличие раннесредневекового поселения.

Итак, ранние общинно-племенные центры в Гомельском Поднепровье возникают в третьей четверти I тыс. н. э. Типологически близкие поселения, но уже с материалами круга Лука Райковецкая-Сахновка-Волынцево, роменскими и раннедревнерусскими существуют в VIII-XI (начале XII) вв. Они соответствуют историческому периоду, когда радимичи и дреговичи находятся в состоянии относительной политической самостоятельности (до конца X в.)

и позднее - сохраняют остатки «племенных» структур в условиях киеворусской государственности (XI - начало XII вв.). Примечательна финальная дата поселений, отнесенных к общинно-племенным центрам. Именно в конце XI - начале XII вв. по всей Руси (и в изучаемом регионе в частности) разворачивается массовое строительство феодальных замков. Значение этого события нельзя недооценивать. Можно предположить, что оно означало победу государства в борьбе за основное богатство - землю.

К поздним общинно-племенным центрам, которые имеют отложения круга Лука Райковецкая-Сахновка-Волынцево, роменского и раннедревнерусского отнесены городища Гомель, Гордуны, Железники, Хальч, Чаплин, Чечерск. Материал конца I - начала II тыс., как будто, встречен и в Рогачеве [46, с. 528-529].

Не только хронология тех или иных памятников подсказывает исследователю возможное наличие общинно-племенных центров рубежа I—II тыс. н. э. Дело в том, что площадки городищ этой группы подчинены рельефу местности. Чаще всего они имеют в плане подтреугольную или близкую к таковой форму. Городища радимичей и дреговичей рассматриваемой категории создавались на основе существовавших ранее укреплений (преимущественно милоградско-зарубинецкого времени), иначе говоря, повторно заселялись места давно заброшенных поселений.

Группа 2. **Военизированные многофункциональные поселения (ВМФП).** К данной группе отнесен комплекс памятников X-XI вв. (включающий городище) у д. Мохов Лоевского р-на. В исследуемом регионе он демонстрирует уникальную форму поселений, которые в литературе чаще фигурируют под названием открытых торгово-ремесленных (ОТРП). Моховские древности рассмотрены в отдельном разделе настоящей работы.

Группа 3. **Феодальные замки (крепости) конца XI - середины XIII вв.** Тема древнерусского замка привлекала внимание многих ученых советского времени, в т.ч. Б.А. Рыбакова, В.И. Довженка, П.А. Раппопорта, В.В. Седова, А.В. Кузы и др. В советской историографии наработки по данному вопросу обобщены в одном из томов серии «Археология СССР» [176, с. 39-135]. В белорусской историографии этой проблеме посвящены специальные исследования А.Н. Вагановой, которые опираются в значительной степени на результаты раскопок Э.М. Загорульского Вищина под Рогачевом [177, с. 85-86; 178]. В Гомельском Поднепровье исследовано и Збаровское городище [170, с. 11-113].

Согласно Б.А. Рыбакову, «замок - это владельческое феодальное поселение, обычно укрепленное и являющееся центром вотчинных владений» [176, с. 94]. По мнению А.Н. Вагановой, одним из основных признаков замка является большое количество оружия и предметов военного быта [177, с. 85]. А.П. Моця отметил: «социологически замок - это феодальное поселение его владельца (иначе говоря, резиденция), которое обычно укреплялось и было центром вотчинного землевладения... К характерным чертам планировки таких пунктов, которые были предназначены для проживания самого феодала, его челяди, представителей вотчинной администрации, дружинников, населения, которое обрабатывало землю местного господина и постоянно находилось на феодальном дворе, обычно относят жилища самого феодала и его окружения, различные производственные и хозяйственные помещения. Сама площадь замка достигала 1 га» [179, с. 127].

Феодальные замки (крепости), несмотря на сложную проблему их владельческой атрибуции в каждом случае (княжеские? боярские?), являлись, неотъемлемой частью территориальной и военно-политической структуры раннефеодальных княжеств. Почти всегда они находятся не только в клиньях плодородных земель, но, в первую очередь, на ответственных участках княжеских пограничий (рисунок 55). Государственное начало в организации этих укрепленных поселений очевидно. Боярство «домонгольского» времени оставалось более чем тесно «привязанным» к государству и, эксплуатируя те или иные районы, продолжало служить своему сюзерену - князю, выполняя воинские обязанности (вариант вассально-ленных отношений). В иерархированном феодальном обществе иной ситуации и не могло быть.

Замки Гомельского Поднепровья не отличаются от аналогичных памятников, известных на Руси. В качестве сравнения можно привести хорошо исследованные феодальные усадьбы земли вятичей [129, с. 72-96]. Замки Гомельского Поднепровья не похожи на общинно-племенные центры. Крепости конца XI—XIII вв. возводились по новым инженерным правилам, и их планировка не была жестко «привязана» к особенностям рельефа. Для замков, в первую очередь, характерна «круговая» планировка. Площадка городища имела обычно округлую форму, небольшие размеры и внушительные укрепления. Чаще всего, такие же параметры имели и аналогичные памятники других древнерусских территорий. Обстоятельно исследованный Вищин

сохранился на площади 0,63 га [29]. Учитывая разрушения, его первоначальная территория могла достигать 0,7-0,8 га. Збаровское городище, также частично разрушенное, занимает территорию около 0,42 га [170]. Городище Беседь имеет площадку в 0,5 га. Вероятно, к категории городищ-замков следует отнести неисследованные памятники: Городище (в Брагинском р-не) с площадкой в 1,0 га, Горваль I (0,07 га), Горваль II (1 га), Завужаль (0,4 га), Леваши (0,5-0,6 га). Лучин I (0,5 га), Лучин II (0,6 га), Проскурни (0,8 га), Гдень (0,16 га), Юдичи (0,2 га). Замки возникают в конце XI - начале XII вв., что говорит об усилении феодализации региона и организующем начале государства в создании крепостей.

Группа 4. Города. Возникновение укрепленных центров (городищ, а позднее и городов) Гомельского Поднепровья органично связано со многими историческими явлениями и «контекстами», но, в первую очередь, с их сельским окружением, а также с темпами «огосударствливания», феодализации региона. Немалую роль играли демографический потенциал, географическое положение и наличие иных факторов (общее экономическое развитие, степень внешней опасности, этническая специфика и др.).

В Гомельском Поднепровье летописями упомянуты Гомий (1142 г.), Рогачев (1142 г.), Брягин (1147 г.), Чичерск (1159 г.), Речица (1213 г.). Они надежно локализованы в современных одноименных городах Гомельской обл. и в разной степени изучены археологами. Городской статус этих поселений на древнерусском этапе их истории сомнений не вызывает, хотя ряд памятников требует дополнительных исследований. Общими внешними чертами являются их многосоставная структура (небольшой детинец и обширные посады, часть территории которых имела собственные укрепления). По-видимому, к числу городских поселений следует причислить Стрешин и Лоев, хотя летописное упоминание о полоцком Стрежеве, скорее всего, относится к иному населенному пункту.

Карта расположения раннефеодальных центров в Гомельском Поднепровье выявляет крайнюю неравномерность размещения такого рода памятников. Повышенной концентрацией городищ отличается правый берег Днепра, максимальной - оба берега Днепра в районе Рогачева. В то же время, течение Нижнего и Среднего Сожа при наличии двух летописных городов - Гомия и Чичерска, расположенных на расстоянии около 50 км друг от друга, характеризуется почти полным отсутствием городищ. Так, к группе не-городских укрепленных поселений Посожья конца X-XI вв. можно уверенно отнести только городища Гордуны, Хальч, Железники, конца XI - середины XIII вв. - городище Беседь. Первые три представляют общинно-племенные центры радимичей. Беседь, скорее всего, является феодальной крепостью. Города, в известной степени, феодальные замки и, отчасти, городища иных категорий (вместе с посадами-спутниками) полностью или частично выполняли функции центров ремесла и торговли определенной аграрной округи. Но они были и средоточиями политической власти (разного уровня), которая распространялась на окрестное сельское население.

Государство Русь, подчинившее радимичские и дреговичские земли к концу X - первой половине XI вв., вело строительство поначалу городов-крепостей, а позднее, опираясь на землевладельцев-бояр, - феодальных замков. Они создавались, в первую очередь там, где было необходимо противостоять внешнему врагу, но и где требовалась защита внутренних торгово-экономических интересов. Этой же практике позднее следовали феодальные княжества, выросшие из недр Киевской Руси. Если принять во внимание военно-оборонительный и политический факторы, то картина размещения укрепленных центров не выглядит произвольной.

Главным отличием городов от других видов поселений раннефеодального времени было выполнение первыми большего количества и объема разнохарактерных экономических, административно-фискальных, военных, культурных и иных функций. Любой город - это, в первую очередь, центр платежеспособного сельскохозяйственного района. Без сельского окружения, которое было связано с городом экономически, политически и т. д., существование города маловероятно [174, с. 79-99]. Иными словами - без округи городов не бывает. И чем богаче район вокруг городского организма - тем крупнее город, который его представляет.

В белорусской историографии одна из наиболее полных характеристик археологических признаков города принадлежит Г.В. Штыхову. «Для древнерусского города в социально-экономическом понимании мы предлагаем следующие основные критерии: 1) упоминание о нем в письменных источниках как о важном населенном пункте, центре определенной округи. 2) наличие детинца («града») и посада, площадь которого в несколько раз превосходит площадь детинца, 3) проживание значительной части населения, которое занималось торгово-ремесленной деятельностью и в, какой-то мере, было оторвано от земледелия, 4) наличие городской общины.

Архитектурно-археологические признаки города: специфический (городской) культурный слой, содержащий большое количество стеклянных браслетов, привозных амфор, шиферных пряслиц, бус и наличие в нем других характерных изделий - писал, энколпионов, браслетов-наручей и т.п.; вторая линия укреплений; монументальные культовые сооружения; устойчивая тенденция роста детинца или посада» [180, с. 55]. Э.М. Загорульский полагает, что городскому поселению должен быть присущ комплекс следующих признаков: 1) свидетельства существования местного ремесла и развитой торговли; 2) «городской» характер бытовых находок; 3) достаточно большая площадь укрепленной части поселения; 4) мощь оборонительных сооружений; 5) сложный внутригородской план с элементами благоустроенности; 6) наличие посада; 7) монументальные сооружения [181, с. 155].

В 1980-х гг. А.В. Куза выработал «жесткие» археологические критерии раннефеодального города, которые должны подтверждать его основные функции. Он предложил шкалу признаков, наличие или отсутствие которых «диагностирует» город или поселения иного типа. Признаки города исследователь сгруппировал в следующие рубрики.

«I. Экономика: 1) ремесло (производственные комплексы, орудия труда, полуфабрикаты); 2) торговля (привозные вещи, детали весов, монеты и денежные слитки); 3) промыслы. II. Административное управление (печати и пломбы). III. Военное дело: 1) оружие; 2) доспехи; 3) снаряжение коня и всадника. IV. Монументальное зодчество: 1) каменные храмы; 2) каменные дворцовые и оборонительные сооружения. V. Письменность: 1) памятники эпиграфики; 2) орудия письма; 3) книжные застежки и накладки. VI. Быт феодалов: 1) украшения из драгоценных металлов; 2) металлическая и стеклянная посуда, прочая дорогая утварь. VII. Внутренняя топография: 1) усадебно-дворовая застройка; 2) дифференциация жилых построек по местоположению, размерам и устройству» [176, с. 46].

Перечень «городских индикаторов», предложенный А.В. Кузой привлекает тем, что им удобно пользоваться именно археологам. Он остается одним из самых лучших и приемлемых (с известными оговорками). Но обозначенные выше признаки, скорее, пригодны для характеристики городов XI, а в основном, - XII-XIII вв. Возьмем вторую рубрику, предложенную А.В. Кузой («Административное управление»). Вислые печати и пломбы на Руси распространяются под византийским влиянием не ранее середины -третьей четверти X в. и до конца этого столетия они уникальны. Но ведь Киев и Новгород - «стольные грады» явно существовали ранее появления печатей и были международно-признанными центрами цветущей восточноевропейской государственности. Аналогична ситуация и с рубрикой, где речь идет о монументальном строительстве. Каменное церковное строительство связано с византийским христианством, светское и военно-оборонительное - с наличием или отсутствием в конкретных регионах строительного материала или навыков выжигания кирпича. Неужели акт крещения мог означать создание первых городов на Руси? Разумеется, нет. Скорее, он засвидетельствовал уже существующее явление, органически выросшее из ранней истории. И еще одно обстоятельство, которое следует не забывать в случае применения шкалы индикаторов А.В. Кузы к тому или иному поселению. В каждом случае необходимо оценивать степень археологической изученности памятника, иначе некоторые его признаки будут «выпадать» не объективно, а ввиду недостаточной базы источников.

Если спроецировать перечень «городских» признаков на предполагаемые города Гомельского Поднепровья, то только Гомель «сумеет подтверждать» свой «городской» статус в полном объеме. И это не удивительно - за десятилетия раскопок здесь вскрыта значительная площадь отложений в разных частях его историко-топографической структуры. Что же говорить с других памятниках, где изученная площадь исчисляется, в лучшем случае, несколькими сотнями кв. м? Именно на примере Гомеля можно рассмотреть соответствие материалов памятника шкале «городских» признаков, предложенных А.В. Кузой. Речь идет о характеристике города XII-XIП вв.

С точки зрения экономической Гомель предстает значительным производящим центром. в хозяйственной жизни которого заметную роль играло не одно, а десятки разнообразных (в т.ч. узкоспециализированных) ремесел и промыслов. Находками вещей, инструментов, полуфабрикатов и пр. подтверждается развитие гончарного дела, деревообработки, железоделательного. кузнечного, слесарно-оружейного, ювелирно-литейного производства, резьбы по кости, прядения и ткачества и др. Торговые связи Гомеля отражены в находках привозных вещей (стеклянной посуды, бус, браслетов, византийских амфор, изделий из горного хрусталя, сердолика, янтаря, цветного металла и пр.). С деятельностью купцов связаны детали весов. Из промысловых занятий горожан лучше прослеживаются охота и рыболовство. Наличие в Гомеле государственной

администрации подтверждается находками вислых княжеских печатей конца XI—XII вв., наконечником стрелы со знаками Рюриковичей. Военное дело представлено почти всеми известными видами наступательного и защитного вооружения, а также предметами экипировки всадника и коня (наконечники стрел, копий, детали мечей и сабель, обрывки кольчуг, панцирные пластины, шпоры, удила, псалии и пр.). С XII в. в Гомеле ведется каменное строительство. Плинфа выявлена на детинце и окологрnative. Развитие культуры и грамотности в городе демонстрируют пред--еты с кириллическими буквами, в т.ч. остатки благопожелательной надписи на деревянном сосуде. В коллекции находок - несколько писал, книжная застежка. Быт феодалов представлен на--дками дорогих предметов вооружения, указанным выше «именным» наконечником стрелы, обломками привозного стекла и др. В Гомеле отчетливо прослеживается усадебно-дворовая застройка. Заметна дифференциация усадеб по размерам и социальной принадлежности.

К какой группе памятников можно отнести известные по описаниям городища Глыбов, Заспа, Красный Мост, Луначарск, Малая Теребеевка, Новый Крупец, Озерщина, Холмечь, Чикаловичи? Все они имеют древнерусские отложения, но или разрушены, или не исследовались. Поэтому определенного ответа на предмет их функциональной принадлежности и социально-исторического содержания нет. Но имеющийся материал не позволяет ни один из этих памятников относить к группе городов.

Итак, в Гомельском Поднепровье выделяется четыре группы укрепленных поселений, которые объективно отражают состояние и процесс эволюции общества в V - середине XIII вв. В V-VII вв. появляются небольшие крепости - общинно-племенные центры. Они относятся к той группе памятников, которую в раннем средневековье представляют известные городища («грады-цивитас») Зимно, Хотомель, Никодимово. Состав находок показывает, что крепости подобного рода были, в первую очередь, резиденциями вождей, аристократии и воинства. Они были и военно-оборонительными центрами сельских округ, а также центрами административными. Из иных функций можно предполагать культовую. Это - прообразы замков и городов феодальной поры. Их появление означало, что распад «родового» строя зашел далеко. Часть «градов-цивитас» погибает в ходе военных катаклизмов в конце VII - начале VIII вв. Вероятно, они были связаны с передвижениями раннеславянских группировок и набегами кочевников.

В конце VII - начале VIII вв. в Гомельском Поднепровье распространяются восточнославянские древности. Население продолжает использовать старые и возводит новые укрепленные общинно-племенные центры. Они сохраняют функции своих предшественников - «градов-цивитас» V-VII вв. Городища существовали до XI - начала XII в. Можно полагать, что они до конца IX в. могли быть оплотами противостояния хазарской экспансии и, в то же время, гарантами регулярного сбора «хазарской» дани. Со времен Олега Вещего и до конца X в. городища были очагами местной автономии. Они существовали и позднее - в рамках государственности под эгидой киевских правителей. Их крушение связано с окончательным становлением феодального землевладения в конце XI - начале XII вв. и возникновением новых типов поселений, в частности, феодальных замков-крепостей. Планируя захват земель радимичей и дреговичей, государство нуждалось в создании форпостов для целенаправленной агрессии. Функционально-типологическим аналогом известных «открытых торогово-ремесленных поселений», которые и были такими форпостами, в Гомельском Поднепровье выступает Моховское поселение. Мохов контролировал стратегически важные для Киева территории радимичей и дреговичей. Время расцвета Мохова - вторая половина X - первая половина XI вв., т.е. период наиболее активного противостояния Киева и «племенных» объединений. В этнокультурном отношении Мохов выглядит чужеродным «анклавом» на фоне поселений с радимичской и дреговичской этнографией. Выполнив свои исторические задачи, Мохов угасает. К концу XI - началу XII вв. он превращается в одно из рядовых селений. Историческая роль Мохова выходит далеко за рамки прошлого Гомельского Поднепровья и должна учитываться при изучении восточнославянских земель в целом.

Феодальные замки (крепости) диагностируют начало массового оседания бывших дружинников на землю в конце XI - начале XII вв. Процесс был вызван превращением воинов в бояр-землевладельцев. Власть направляла феодалов на создание военно-оборонительных пунктов в тех местах, где это диктовалось угрозами. В Гомельском Поднепровье районом повышенной «напряженности», в частности, были окрестности Рогачева. Именно здесь, согласно летописям, сходились границы Черниговского, Туровского и Смоленского княжеств. В этом узле мы видим и Рогачев, и замки Вищин, Збаров, Лучинские городища. А в Посожье, напротив, замков нет (за исключением городища Беседь). Последнее обстоятельство можно было бы

отнести на счет бедных почв, но по своей плодородности они мало отличаются от собственно поднепровских. В Гомельском Посожье не было стабильных «пограничных» зон, а реальное порубежье между Смоленском и Черниговом на севере изучаемой территории непосредственно контролировалось смоленским Прупоем и черниговским Чичерском.

Заслуживает специального рассмотрения факт бинарного расположения замков. Менее десятка километров разделяют Вищин и Збаров, всего несколько километров - Лучинские городища. Сходная ситуация наблюдается в устье Березины, где в поле видимости расположены Горвольские городища. Думается, это явление маркирует границы, которые отчетливее проявляются в эпоху распада Киевской Руси в конце XI—XII вв. Можно предположить, что Вищин и Збаров показывают участок черниговско-смоленского пограничья, Лучинские и Горвольские городища - участки черниговско-туровских рубежей.

Процесс градообразования в Гомельском Поднепровье, как и в соседних землях, был исторически продолжительным. Истоки его уходят в эпоху общинно-племенных центров. Однако «настоящие» города феодального времени, которые соответствуют «жестким» критериям, выработанным исследователями конца XX в., появляются в регионе только в конце XI - начале XII вв., т.е. незадолго до их первых упоминаний в летописях. Письменной традиции известны только Гомель, Чечерск, Рогачев, Речица. Интересно отметить, что время появления городов совпадает со временем завершения процесса становления феодальной собственности на землю - не только государственной, но и домениальной, частновладельческой, церковной.

К числу поселений предположительно городского типа следует относить Стрешин и Лоев, однако здесь есть проблемы. Скорее всего, летописные упоминания о полоцком Стрежеве не имеют отношения к днепровскому Стрешину и «настоящий» Стрежев следует искать в ином месте. В ранних летописях Лоев вообще не упоминается, но повышенная концентрация в нем археологических памятников, остатки большого двухсоставного городища (детинец - окольный город), посадов, военизированного поселения-спутника и пр. заставляет предполагать наличие и здесь древнерусского города. Картографирование памятников городского типа показывает, что они равномерно охватывают все Гомельское Поднепровье. Следовательно, они органически вырастают из сельскохозяйственных округ, имеющих поперечник порядка 100 км.

РАЗДЕЛ 7 АРХЕОЛОГИЯ ГОМЕЛЯ

Еще недавно ученые обходили молчанием раннюю историю Гомеля, впервые названного летописцем под 1142 г. В летописях XII в. имеется всего три упоминания о нем. Лаконичных сообщений недостаточно для создания представления о его первоначальной истории. До середины 1980-х гг. в городе не велись крупные исследования. Но сейчас Гомель уже можно отнести к числу наиболее полно изученных ранних городов Беларуси. Его древности заслуживают отдельного рассмотрения, поскольку их фонд достаточно велик. На страницах данной монографии не использована и третья часть накопленных материалов. Здесь дана их сжатая, предварительная характеристика. Частичной компенсацией являются авторские публикации, посвященные отдельным аспектам археологии Гомеля [напр.: 80, с. 64-72; 182, с. 3-8; 183; 184, с. 44-48; 122, с. 46-49; 185, с. 32-34; 82, с. 161-189; 121, с. 163-188; 186, с. 73-75; 187].

Гомель - самый южный город Посожья. Он находится в 60 км севернее устья Сожа. Оценивая расположение города, можно предполагать, что в древнерусское время он локализовался на пересечении дорог: Южная Русь (Киев, Чернигов) - Гомий - Чичерск - Прупой - Смоленск; Туровская земля - Речица - Гомий - Стародуб, Брянск, Новгород-Северский; Черная Русь - р. Березина - Гомий - Юго-Восточная Русь. Если посмотреть на Гомий с точки зрения географии земли радимичей, нетрудно заметить, что на нем «замыкаются» крупные водные артерии региона - Сож, Ипуть и Беседь, что может указывать на его выгодное расположение по отношению к «племенной» территории в плане организации вокруг себя обширной округи. Гомий возник на возвышенной части плато правого берега р. Сож. В этом месте уступ плато подходит к руслу Со--а. Южнее же и севернее берег понижается, отступает от реки и оставляет широкую пойму.

Первое упоминание о Гомии связано с распрями черниговских Ольговичей и Мономаховичей. Когда черниговцы сражались с Мономаховичами на степном пограничье, Ростислав Мстиславич смоленский поддержал своих родственников погромом окрестностей Гомия. «...И слышав оже билися Ольговичи у Переяславля с стрыем его с Вячеславом, и с братом его Изяславом, и поиде на волость их, и взя около Гомия волость их всю» [3, стб. 312]. Таким образом, в середине XII в. Гомий принадлежал Черниговскому княжеству и имел крепость (о взятии города летопись не говорит). Второе упоминание о Гомии датировано 1158 г. Потерпев поражение от Изяслава Мстиславича, великий князь Изяслав Давидович (бывший князь черниговский) бежит в Гомий, где собирает дружину и продолжает борьбу за киевский стол. «Князь же великий киевский Изяслав Давидович, видев беду и напасть на себя, устрашися и вострепета зело. И восплакав, побеже скоро з братаничем своим со князем Святославом Владимиричем на Вышеград в Гомью, а по княгиню свою посла гонцев зело скоро в Киев. Она же бежа из Киева к зятю своему ко князю Глебу Юрьевичу сыну Долгорукага во град Переяславль Руский, он же проводи ея до Гомья» [3, стб. 498, 500]. Третье сообщение летописи датировано 1164 г. После смерти Святослава Ольговича черниговский стол занял Святослав Всеволодович. Опережая претендентов на власть, он «посла сын свои в Гомии, а посадники посла по городом» [3, стб. 523]. Следовательно, во второй половине XII в. Гомий не только по-прежнему пребывал в составе Черниговского княжества, но и, скорее всего, стал столицей удельного княжества [188, с. 104]. Гомель не упоминается в письменных документах вплоть до конца XIV в., когда он уже входил в состав Великого княжества Литовского.

Для исследования полезны старейшие из дошедших до наших дней планы города 1783 и 1799 гг. [189, с. 138; 190, форзац]. Материалы ценны тем, что составлены накануне перепланировки города, осуществленной в начале XIX в., в ходе которой рельеф претерпел кардинальные изменения. На планах XVIII в. видны очертания замка, рвы, иные элементы ранней планировки. Часть этих топографических особенностей может восходить к эпохе Древней Руси. В.Ф. Морозов, изучивший план 1799 г., отметил, что он выполнен подробно и что его создателями «были военные специалисты - топографы и геодезисты, которые обычно привлекались для снятия планов тех городов Российской империи, планировка которых осуществлялась в связи с губернской реформой 1775 года» [191, с. 47].

Первым исследователем памятников Гомеля был Е.Р. Романов. Он определил место расположения городища железного века на месте усадьбы Паскевичей. Е.Р. Романов указал и территорию укрепленной части города в средневековый период [2, с. 14]. Первые работы были предприняты в 1926 г. И.Х. Ющенко, который шурфовал юго-восточную оконечность замчища и выявил отложения с лепной и круговой керамикой [192]. В 1975 г. М.А. Ткачев заложил

на южной оконечности замчища шурф (24 кв. м) и раскоп (154 кв. м). Отложения мощностью до 1,6 м делились на горизонты - раннего железа, древнерусский XI—XIII вв., балласт. Итог этих работ - открытие остатков укреплений, что позволило локализовать детинец. В 1975 г. М.А. Ткачев провел разведочные исследования и к югу от замчища (90 кв. м), где им открыты остатки посада [35, с. 427].

В 1986-2005 гг. во всех частях исторического центра Гомеля проведены раскопки на площади свыше 5000 кв. м. В 1988 г. вскрыты два раскопа (204 кв. м) на восточной оконечности замчища. Выявлены отложения железного века, раннесредневекового периода, культуры Лука Райковецкая-Сахновка-Волынцево, роменские, древнерусские X—XIII вв. и позднейшие. остатки вала и рвов [82, с. 161-189]. В 2001 и 2003 гг. работы продолжены в западной и северо-западной частях замчища. В траншеях площадью 465 кв. м изучены участки слоя, элементы валов и рвов.

На окольном городе Гомеля, расположенном к западу от детинца, раскопки проводились в 1986-87, 1991, 1995 гг. Вскрыто свыше 2000 кв. м. Исследования подтвердили, что раннесредневековое поселение занимало значительную территорию уже во второй половине I тыс. н. э. и имело напольный оборонительный пояс. Недалеко от замчища на левом борту оврага Гомеюк в XII-XIII вв. существовала феодальная усадьба. Получены обстоятельные данные о развитии ремесел, торговли и др. Важное открытие - остатки оружейной мастерской начала XIII в. На «южном» посаде Гомеля в 1986, 1989-90, 1999, 2001-02, 2005 гг. исследовано около 2500 кв. м. Кроме комплекса вещей X-XIII вв. и позднейшего периода получены данные о характере усадебно-уличной застройки. В 1997-98 гг. А.И. Штеменко провел наблюдения за строительством и вскрыл раскоп площадью 48 кв. м [193, с. 78-94]. В итоге последних работ удалось составить схему расположения остатков Гомия (рисунок 60).

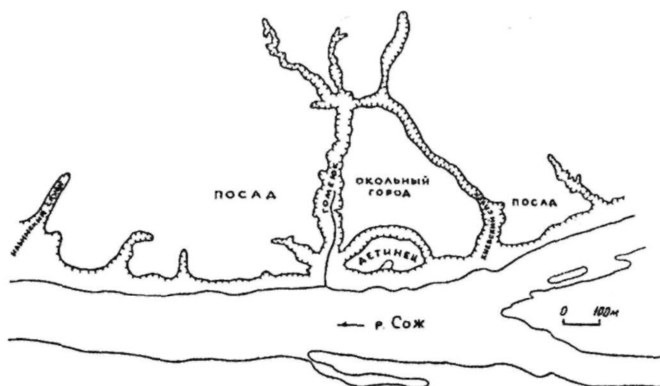

Рисунок 60 - План-схема остатков Гомеля XII в. Реконструкция автора

Гомельское городище (детинец). Городище обозначено на планах города XVIII в., которые локализуют его на мысу коренного берега, образованном Сожем и левым бортом Гомеюка. На плане 1799 г. его площадка имеет форму сегмента и площадь около 1,4-1,5 га. С севера и запада замчище отрезано от поля дугообразным рвом шириной до 35-40 м. О Гомельском замке, укрепления которого последний раз возобновлялись в конце 1730-х гг., сообщают источники XVI-XVIII вв. Сведения о нем восходят к концу XV в. Тогда здесь располагался деревянный собор св. Николая Чудотворца и двор князей Можайских [194, с. 9; 195, с. 309]. В начале 1770-х гг. по периметру замка сохранялся вал и деревянная стена. Сейчас на месте замка - дворец Румянцевых и Паскевичей, строительство которого было начато в 1777 г. (рисунок 61).

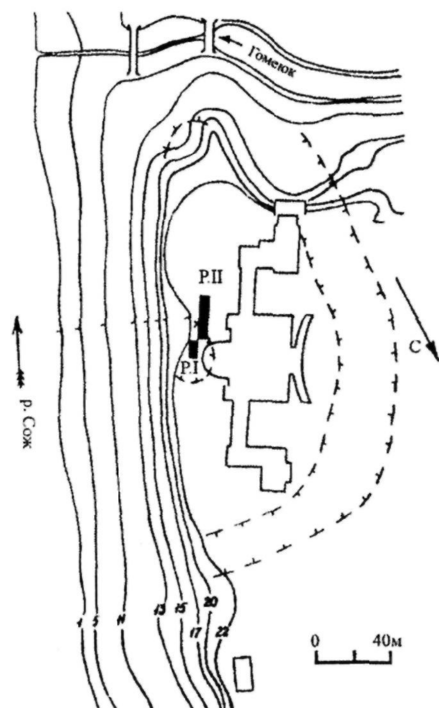
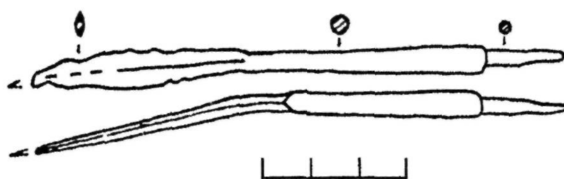

Рисунок 61 - Гомель. Детинец. План с указанием мест основных раскопок и участками рвов плана города 1799 г.

Работы М.А. Ткачева и автора подтвердили, что городище железного века, раннего средневековья и древнерусский детинец располагались на месте замка [35, с. 427; 82, с. 161-189]. В результате позднего строительства ранние напластования сильно пострадали. Вместе с тем, раскопки позволяют определить несколько периодов заселения. Первые поселенцы появились в бронзовом веке. В раннем железном веке здесь существовало городище. Выше милоградско-

зарубинецкого слоя залегает горизонт с материалами преимущественно X-XIII вв., хотя он содержит и предметы второй половины I тыс. н. э. Часть наслоений при строительстве дворца Румянцевых была сброшена в средневековые рвы. Подошва вала открыта на краю площадки, обращенном к Сожу. Согласно М.А. Ткачеву, здесь стоял частокол, а вал был насыпан в XII—XIII вв. и дважды подсыпался [35, с. 427]. Этими данными до недавнего времени исчерпывались представления о детинце Гомия.

При выборе места раскопок 1988 г. было принято во внимание предположение о том, что первоначальная площадь городища была меньше указанной на плане 1799 г. Эта версия подтвердилась. Материалы исследований изложены в публикации 1994 г. [82, с. 161-189], поэтому можно осветить их итог конспективно. Раскопы I и II (204 кв. м) заложены между обрывом к Сожу и центральной частью дворца. Они разбиты в одном створе, благодаря чему удалось получить стратиграфический разрез длиной 34 м. Материк достигнут на отметке около 6,5 м от современной дневной поверхности. Зарегистрировано несколько десятков горизонтов.

Рисунок 62 - Гомель, детинец. Железный наконечник стрелы

Материк, измененный в ходе первоначальных фортификационных работ, открыт в раскопе II. Здесь исследованы остатки оборонительного рва № 1. В разрезе он имеет форму опрокинутого треугольника. Его дно образует площадка шириной ок. 2 м. Стенки рва тщательно утрамбованы и обожжены. Глубина рва от уровня напольной материковой площадки составляет 3,4-3,5 м, от бермы - 1,4-1,5 м. Ширина рва (без бермы) - 6-7 м. На дне рва № 1, по его откосам и на берме отложился грунт размывов, почти лишенный вещевого компонента. Материал представлен фрагментами керамики раннего железного века, раннекруговой и круговой X-XI вв., предметами из камня, кости и металлов. Интересна находка железного ланцетовидного наконечника стрелы IX - первой половины XI вв. (рисунок 62) [196, с. 74-75; 197, с. 164]. Слой размыва на дне рва № 1 диагностирует финальный период его функционирования в качестве оборонительного сооружения, что подтверждается и характером перекрывающих отложений. Замыв перекрыт сло-- серой супеси с древесным тленом. Он имеет мощность до 0,6 м и не содержит артефактов. Далее следуют несколько засыпок разной степени гумусированности (явно - сброшенные с площадки городища культурные отложения), насыщенные разновременным материалом, при--ем первый этап засыпки (судя по отсутствию стеклянных браслетов) можно датировать концом XI - началом XII вв. Окончательную нивелировку рва следует отнести к XII в. Вновь полу--енная поверхность подверглась тщательной трамбовке (для предотвращения осадки засыпан--й трассы рва). Датирующим материалом служат обломки стеклянных браслетов. Наличие кубков на поддонах, датируемых 1130-ми гг. - 1240 г. [198, с. 58-64], позволяет относить время образования этой части засыпки рва ко времени после первой четверти XII в. В этом же горизонте встречены обломки желтой плинфы. Выровненная площадка на месте рва № 1 послужила основанием для отложения слоя поселения с большим количеством гумуса, угольков. Интерпретацию горизонта в качестве культурного напластования подтверждает однородный материал, представленный керамикой XII - начала XIII вв. Для датировки значение имеют находки двух овальных кресал и шпоры с пирамидальным шипом. Овальные кресала бытуют в Новгороде Великом преимущественно в начале XIII - начале XV вв. [199, рисунок 3], но первые появляются после 1116 г. [200, табл. I, 63]. Шпоры, аналогичные найденной в Гомеле, бытуют в XII-XIII вв. [201, табл. 147: 5]. Набор материалов датирует рассматриваемые отложения не ранее середины XII в.

Следующий период в строительной истории городища связан с работами по возведению нового оборонительного пояса, состоявшего из вала и рва № 2. Второй ров был отнесен в на--ольную сторону на расстояние около 5 м от засыпанного рва № 1. Заполнение рва № 1 и пере--ывающие его отложения погребаются под насыпью вновь возведенного вала. Ров № 2 не удалось исследовать на полную глубину его заложения по техническим причинам. Неизвестна и его ширина. Ориентируясь на стратиграфический разрез, она превышала 20 м. Утверждать, что ров был столь значительным уже в момент своего сооружения, без проведения дальнейших раскопок нельзя. Возведению рва № 2 предшествовало устройство перед ним горизонтальной площадки шириной около 5 м. Для этого до уровня материка срезали широкую полосу отложений

и подстилавшего заполнения рва № 1, что фиксируется по борту раскопа II. Материковая площадка перед рвом № 2 предназначалась для опоры откоса вновь сооружаемого вала. Вал сложен грунтом из перемешанных материковых и гумусированных выбросов. Наружный откос насыпи вала нарушен размывами. Отсюда происходит лепная керамика железного века, конца I тыс. н. э., круговая посуда X-XIII вв., более 20-ти обломков стеклянных браслетов, донце стеклянного кубка и др. Для датировки финала существования рассматриваемой части вала значение имеют находки, сделанные на его внешнем откосе и в размывах. Это - два наконечника стрел-срез ней. Они датируются XIII-XIV вв. Вторая находка - фрагмент кольчуги из плоских колец. Такие кольчуги появляются на Руси около 1200 г. [201]. Насыпь вала имеет следы пожара, остатки которого оползли по склону ко рву № 2. Они представлены прослойкой угля и кусками сгоревшей древесины. Расчищено три горелых бревна и доска от рухнувших фортификаций. Пожар имел место в XIII в.

Есть основания предполагать наличие деревянных внутривальных конструкций-клетей. В их заполнении - кости животных, обломки сосудов XII-XIII вв., каменный крест-«корсунчик». обломок плинфы, фрагменты стеклянных браслетов, обломок железных щипцов и др. В перекопе найден монгольский наконечник-срезень. Восстановление укреплений вала отражает подсыпка из материкового грунта с включением культурных остатков, проложенная по наружному откосу вала. Собраны единичные кости животных, несколько фрагментов керамики X-XIII вв.. стенка амфоры, калачевидное кресало и др. Для датировки важны обломки сосудов XIII-XIV вв.

Период запустения оборонительного пояса и образования мусорного сброса толщиной до 0,5 м по откосу вала маркируется вышележащим обычным «поселенческим» культурным слоем. Набор артефактов однородный. Горизонт насыщен кухонно-хозяйственными отходами, залегающими в интенсивно гумусированной супеси с включением кусков обожженной глины, обожженных камней. Здесь много тонких прослоек древесного тлена и ярко-желтой супеси. О происхождении сброса свидетельствует большое количество остеологических образцов, множество крупных фрагментов керамики, характерной преимущественно для второй половины XIII-XIV вв. Найдены обломки стеклянных браслетов. Для датировки сброса интерес представляют два бронзовых пластинчатых браслета - тупоконечный с сужающимися концами и загнутоконечный со спирально закрученными концами. В Новгороде Великом тупоконечные браслеты бытовали с конца X до конца XIV вв., а пластинчатые загнутоконечные - в конце XI - середине XIV вв. [156, с. 103, 112-113]. Для датировки слоя значение имеют четыре ключа, которые по классификации Б.А.Колчина следует отнести к типам А, В, В-II, Г, хронологические рамки бытования которых в Новгороде Великом лежат соответственно в пределах X - второй четверти XIII вв., середины XII - начала XV вв., конца XII - начала XV вв., второй четверти XIII - начала XV вв. [199, рисунок 3]. Обнаружена плоская сапожная подковка; время появления таких вещей относят к XIV в. [202]. Здесь же встречено два черешковых с упорами наконечника стрел, относящихся к типам 66 и 44, вид 2 по классификации А.Ф. Медведева и датирующихся XIII-XIV вв. [197]. Таким образом, время отложения мусорного сброса по откосу вала следует определять в рамках середины XIII - начала (середины) XIV вв. Сброс перекрыт насыпью отстроенного в середине - второй половине XIV в. вала. Рассмотрение позднейшей строительной истории городища выходит за рамки настоящей работы. В поздние горизонты в процессе многочисленных перекопов и нивелировок попало немало древнерусских предметов. К их числу относятся обломок желтой керамической плитки от пола здания с коричневой поливой, наконечник стрелы, близкий наконечникам типа 80 по классификации А.Ф. Медведева (X в.). Здесь обнаружен железный стиль. Любопытно шиферное пряслице, на котором просматриваются знаки рунообразной формы (рисунок 63).

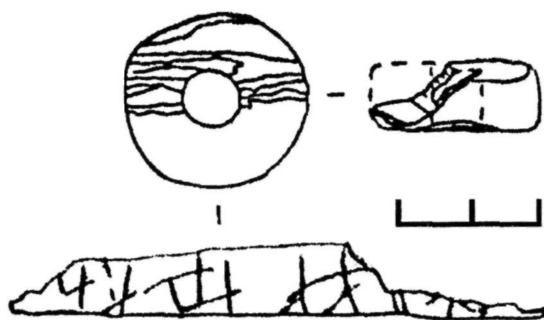

Рисунок 63 - Гомель, детинец. Шиферное пряслице со знаками

Материал детинца характеризует основные черты материальной и духовной культуры города, показывает занятия жителей, отражает их социальный состав. Он позволяет проследить

этапы становления городской цитадели и сделать заключения о возникновении и направленности развития Гомеля.

Археология раннесредневекового селища и древнерусского окольного города. Проблема наличия окольного города Гомия была поставлена автором в 1986 г. Располагался он к западу и северу от детинца. Сейчас здесь находится центральная часть парка им. Луначарского, площадь, усадьбы драмтеатра, узла связи, дворца спорта, жилые дома по пр. Ленина и пр. До половины территории окольного города занята современной застройкой.

На плане 1799 г. участок к западу и северу от замка ограничен Гомеюком и Киевским спуском. С напольной стороны просматривается застроенный ров, соединяющий овраги. Наличие городских укреплений фиксируется документами XVI в. [190, с. 68]. По данным Л.А. Виноградова, который пользовался ранними источниками, место имело укрепления уже в конце XV в. [194, с. 9]. Согласно инвентарю 1681 г., место «вокруг палами дубовыми обставлено», «около того же места ров копанный», «брам три из дерева сделанных, с воротами». В пределах места в конце XVII в. располагаются усадьбы, рынок, Пречистенская, Троицкая и Спасская церкви, костел Пресвятой Девы Марии [203, л. 2,14; 183, с. 10-18].

Остатки городских укреплений недоступны для изучения, поэтому время их сооружения остается неясным. Тем не менее, есть основания предполагать, что фортификации плана 1799 г. могут иметь в своей основе древнерусское происхождение. На ранний возраст городских укреплений может указывать их план, подчиненный рельефу местности. Максимальное использование защитных свойств рельефа характерно для зодчества эпохи Древней Руси [176, с. 40]. Показательно отсутствие бастионов - элемента позднесредневекового оборонного зодчества [190, с. 79-80]. На значительной части городской территории, ограниченной рвом плана 1799 г., зафиксированы отложения и объекты XII-XIII вв. Выразительные остатки указанного периода, включающие элементы застройки и вещевой материал, отмечены на левой площадке Гомеюка и правой - Киевского Спуска, т.е. на усадьбах молодежного центра и Петропавловского собора (раскопки автора 1986-87, 1994-95 гг.). Случайные находки предметов древнерусского времени происходят с территории, непосредственно примыкающей к напольному рву плана 1799 г. К ним относятся предметы вооружения из котлована под дом № 4 по пр. Ленина и из котлована под драмтеатр. В центре исторического ядра Гомеля (пл. Ленина и прилегающий к ней участок парка) культурные отложения на огромной территории снивелированы. Это произошло при планировке бывшей Базарной площади в 1825 г. [191, с. 138-147]. Следы нивелировки культурных слоев зафиксированы в ходе стратиграфических наблюдений в траншеях 1990-91 гг. к северо-западу от Петропавловского собора и в парке у центрального входа.

Таким образом, есть данные для предположения о том, что окольный город летописного Гомия размещался там, где позднее развивалось место. Его площадь составляла более 10 га. Наши работы показали, что окольному городу древнерусского периода предшествовало крупное поселение второй половины I тыс. н. э. Но его размеры были значительно скромнее.

Археология средневековых посадов (предградий) и феодального села-слободы. Вопрос о наличии посада древнерусского времени на правом берегу Гомеюка впервые был поставлен М.А. Ткачевым [35, с. 427]. В ходе наших исследований выяснилось, что город имел обширный посад (предградье), получивший условное наименование южного. Предградье отделяется от укрепленного городского ядра оврагом Гомеюком и локализуется на участке плато высотой 20-25 м над уровнем Сожа. Оно рассечено тремя оврагами (один из них засыпан). Протяженность предградья в XII-XIII вв. вдоль Сожа составляет не менее 0,8 км, с юга его ограничивает Ильинский Спуск. Ширина посада - до 0,3-0,6 км. Его площадь по предварительной оценке - не менее 30 га.

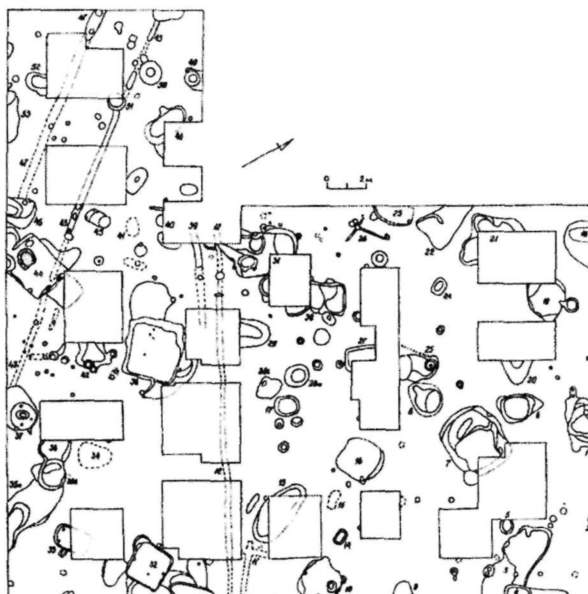

Рисунок 64 - Гомель, посад. План раскопов 1988 г.

Крупные раскопки на южном посаде

были начаты в 1989 г. [121, с. 163-188]. Объектом исследований послужила посадская окраина в 0,6-0,7 км южнее детинца. Раскопки проводились на усадьбах 18 (раскопы I, III) и 20 (II, IV—VIII) по ул. Пролетарской (639 кв. м) (рисунок 64). В раскопах I и III мощность отложений достигала 1,2-1,3 м, но они оказались строительным мусором и перекопами. Из них происходят единичные находки керамики второй половины XI—XIII вв. и обломок стеклянного браслета. В раскопе I исследован участок рва. Он имеет ширину до 2,5 м, опущен в материк на 1,1-1,2 м. В заполнении - черепки горшков XII - начала XIII вв., обломок стеклянного браслета, стенка амфоры и др. Ров прорезает основание постройки второй половины XI - начала XII вв. Ров существовал в XII-XIII вв. Он мог выполнять дренажные функции. В то же время, в комплексе с деревянной стеной ров мог составлять оборонительное сооружение.

В саду школы-интерната вскрыто 527 кв. м. Мощность слоя - до 1,25 м. Материал нижней части отложений представлен керамикой X-XI вв., предметами из металлов и камня. Для датировки имеют значение шиферные пряслица и проволочный плетеный браслет из белого сплава, который находит аналогии в курганах конца X-XII вв. [204, с. 226-228, табл. 5, рисунок 29: 7]. С первоначальным периодом заселения связано 5 объектов. Они представлены остатками наземной столбовой постройки и углубленных сооружений. Часть из них может быть подпольями наземных домов. Керамика датирует остатки концом X - первой половиной XI вв.

В основной части слоя много керамики XI—XIII вв., печины, железного шлака, предметов хозяйственно-бытовой культуры. Для датировки важны обломки стеклянных браслетов, указывающие на его формирование не ранее первой половины XII в. К данному периоду относятся остатки более 40 углубленных объектов, часть которых связана с жилыми и производственными (гончарная мастерская, дегтярни-смолокурни, вероятно, железоделательные комплексы) постройками. Открыты длинные канавки глубиной 0,2-0,3 м и шириной до 0,6 м с элементами кольевых ямок. Одна из них прослежена в длину на 21,5 м и уходит в борта раскопов. Есть основания для реконструкции участков деревянных ограждений, разделявших усадьбы.

Анализ материалов участка южного предградья позволяет представить его историю следующим образом. Освоение удаленной от детинца местности начинается в конце X - первой половине XI вв. Застройка тяготеет к южной оконечности раскопанной площадки. Исследованиями затронут окраинный участок, приуроченный к левому склону Ильинского спуска. По-видимому, территория к северу и северо-востоку от раскопов 1989 г. сплошной застройкой в конце X - первой половине XI вв. освоена не была. Ограниченный материал не дает возможности охарактеризовать занятия ранних поселенцев. Интенсивное освоение участка начинается во второй половине XI - начале XII вв. Датирующие материалы - керамика и глиняная писанка. железный ключ типа А. В мусорных заполнениях сооружений этого периода встречены вещи. входившие в обиход в XII в.: бронзовый крест-складень, стеклянные браслеты и др. Застройка изучаемого периода не коррелируется с частокольными оградами. Между тем, объекты второй половины XI - начала XII вв. отмечены на всей раскопанной площади. Это позволяет предполагать, что вскрытая территория входила в состав одной крупной усадьбы, площадь которой составляла не менее 1000 кв. м. Приблизительно на рубеже XI—XII вв. в западной части исследованной площадки была проложена улица, обрамленная частоколом. После ее прокладки планировка участка не изменилась, здесь стояли дома и хозяйственные сооружения. Занятия поселенцев рассматриваемого периода определяются отчетливо. Во-первых, это хлебопашество и переработка урожая (наральники и обломки жерновов); во-вторых - лесохимический промысел - получение дегтя или смолы (это производство существовало до прокладки улицы). С последним связаны две круглые в плане, диаметром 1,0-1,2 м усеченно-конусовидные ямы XI в. Нижние их части приближались к цилиндрическим, плоские основания имели диаметр 0,40-0,45 м Объекты опущены в материк на 1,3-1,4 м. Стенки ям обожжены и пропитаны смолистым веществом. Аналогичные ямы для выгонки смолы и дегтя открыты на селищах XI—XIII вв. северной Черниговщины [205, с. 65, рисунок 3]. Шлак и ошлакованные глиняные стенки горнов свидетельствуют о наличии печей по варке металла. Керамический брак указывает на работу гончарной мастерской. Прочие материалы говорят о развитии животноводства, охоты, прядения, ткачества, деревообработки. Занятия населения во второй половине XI - первой половине XII вв. носят «сельский» характер. Материал свидетельствует о низком имущественном и социальном статусе проживавших здесь людей. На первый взгляд эти наблюдения находятся в противоречии со значительными размерами усадьбы. Исследователями Новгорода Великого, Киева и Минска установлено, что дворы рядового населения имеют площадь соответственно 400-465. 250-300 и 220-250 кв. м [176, с. 63-65,80; 206, с. 72 ; 207, с. 348]. Вскрытые в 1990 г. усадьбы

XII-XIV вв. окольного города Речицы достигали 250-350 кв. м. На рядовых усадьбах располагается обычно одна жилая и несколько хозяйственно-производственных построек. С другой стороны, новгородские дворы размерами 750-1400 кв. м интерпретируются как боярские [176, с. 72]. Феодальный характер предполагается для усадьбы Г площадью свыше 900 кв. м (конец XI - первая половина XIII вв.), обнаруженной на предградье Чернигова [208, с. 25-27]. На феодальных усадьбах исследователи отмечают по несколько одновременно существовавших домов (в Новгороде Великом - до 4-5) и около десятка других строений, указывают на проживание здесь как самих феодалов, так и зависимых людей. На гомельской усадьбе видим несколько рядовых жилищ в комплексе с иными постройками. Дома предполагаемого владельца или его представителя не находим, но двор изучен не полностью. Интерпретировать рассматриваемый комплекс помогает сосуд с признаками гончарного брака. Его особенность - наличие княжеского трезубца. Значит, он изготовлен здесь же, в княжеской мастерской. Есть основания определять данный двор как княжеский, населенный вотчинными земледельцами и ремесленниками.

В середине XII в. планировочная структура изученного участка поселения меняется. Застройка середины XII - середины XIII вв. подчиняется направлению вновь возведенного частокола. К данному периоду относится около двух десятков сооружений. Канавка от частокола делит участок на «северную» и «южную» усадьбы, изученные частично. Площадь первой превышает 400 кв. м, второй - более 300 кв. м. Из занятий жителей «северной» усадьбы определяются сельскохозяйственные, ткачество. Куски шлака и ошлакованных стенок печей указывают на металлургию железа. Они выявлены на двух дворовладениях. Обращает внимание единичное присутствие стеклянных браслетов (в одновременных слоях окольного города они исчисляются сотнями). Следует предполагать, что здесь проживало малоимущее население. Жизнь на исследованном участке поселения затухала на протяжении первой половины XIII в. Отсутствие следов пожара может говорить о том, что к моменту монгольского нашествия сплошная застройка на периферии посада не существовала. В XIII в. на изученной территории использовалось несколько хозяйственных ям.

Итак, формирование южной околицы Гомия, приуроченной к левому склону Ильинского Спуска, начинается не позднее конца X в. Является ли она продолжением городской территории или же выступает в качестве топографически обособленного поселения, неясно. Уверенно можно говорить о том, что первоначальное поселение еще не распространялось на удаленные от речной долины площадки коренного плато, а тяготело к овражно-балочной сети. Бурный его рост наблюдается во второй половине XI в., когда здесь существует крупный двор, населенный земледельцами, металлургами, лесопромысловиками и гончарами. Усадьба наверняка находилась вне юрисдикции городской общины, не несла «тягловой» повинности, а жившие на ней люди горожанами не являлись. Данный участок поселения правомерно интерпретировать в качестве феодального села (слободы). Вместе с тем, в территориально-топографическом плане оно составляло часть городского посада. Остается неясной причина перепланировки рассматриваемого района около середины XII в. Не исключено, что она могла быть связана с изменением юридического статуса данной земли, с переходом ее в собственность иных владельцев. Можно предположить, что прекращение жизни усадьбы было связано с последствиями событий 1142 г., когда окрестности города, его волость (т.е. села) «повоевал» Ростислав смоленский. Усадьба могла быть перенесена под защиту укреплений окольного города, где по северному борту Гомеюка прослеживается еще одна феодальная усадьба XII—XIII вв. Земли изученного нами участка посада могли быть переданы в ведение городской администрации и начали заселяться малоимущими группами пришлого населения (беглыми крестьянами и пр.).

В 1990 г. изучалась окраинная западная часть южного посада Гомеля возле сельхозтехникума. Раскопки проведены сплошной площадью в 943 кв. м. Собственно культурный слой имеет толщину всего 0,1-0,2 м (редко до 0,4 м). Он относится ко второй половине XII - началу XIII вв. К начальному периоду освоения относятся следы распашки - длинные, прерывистые, узкие (до 6 см), неглубокие (2-5 см) бороздки. Они выступили на поверхности сохранившихся линз погребенной почвы и материка, представлены параллельными полосами, расположенными на расстоянии от 0,4-0,8 до 1,1-1,3 м друг от друга. В канавках - фрагменты древнерусской керамики. Такие же борозды обнаружены на материке ниже основных средневековых отложений на окольном городе. Аналогичные борозды выявлены на ряде памятников Восточной Европы. Они интерпретированы как следы распашки. Такие остатки, например, отмечены под каменным кругом» конца I тыс. н. э. у д. Коломно в Юго-Западном Приильменье [209, с. 41, рисунок 2]. Средневековый возраст объектов из Гомеля сомнений не вызывает. На посаде

остатки пашни перекрыты объектами второй половины XII - начала XIII вв. Обработка земли велась здесь не позднее середины XII в.

Объекты исследований 1990 г. относятся к единому хронологическому и, вероятно, - к одному строительному периоду. Внутреннюю топографию определяют остатки деревянных построек и ограждений, расположение которых позволяет говорить об усадебной застройке. Площадка была размежевана оградами, горбыли которых вкапывались в канавки. Их прослеженная длина составляет 5-21 м, реконструируемая - свыше 25-35 м. Ограды указывают на 8 дворов (А - 3), Усадьбы А, Б, Е, Ж, 3 вскрыты малыми участками соответственно по 25, 70, 40, 70 и 70 кв. м, усадьбы В, Г, Д - изучены на площадях 100, 340 и 225 кв. м. Двор Г, раскопанный почти целиком, позволяет предполагать, что для усадеб посада был характерен четырехугольный план. Площадь этого двора составляла около 360 кв. м. С жилыми сооружениями может быть связана глубокая прямоугольная выемка в углу двора А, которая содержит остатки сгоревшей конструкции с завалом глинобитной печи. Для усадеб характерно расположение сооружений по периметру дворовладений. Обычно центр двора оставался «свободным». Такая же картина характерна и для усадеб Речицы.

Вещевой инвентарь исследованного в 1990 г. участка посада носит преимущественно рядовой характер. Это - керамика, куски железного шлака (в основном они сосредоточены на «внутреннем» дворике усадьбы Д, где можно предполагать наличие производственного участка), фрагменты глиняной обмазки и печины. Из черного металла изготовлены гвозди, крюк-«кошка», плоский черешковый наконечник стрелы, большой нож. Прочие находки представлены бронзовым перстнем, обломками стеклянных браслетов и пр.

В 1990 г. вскрыт окраинный участок посада, удаленный от детинца. Примерно до середины XII в. более чем в полукилометре к западу-юго-западу от цитадели располагались пахотные поля. Впервые полученные археологические сведения о локализации сельскохозяйственных угодий гомиян летописной эпохи тем более ценны, поскольку никаких иных источников по данному вопросу не было. Во второй половине XII - начале XIII вв. рассматриваемый участок входит в застройку южного посада. Важнейший результат раскопок - открытие остатков восьми дворов, существовавших в это же время. Итак, разные участки посада имели усадебно-дворовую планировку. Площадь дворов западной окраины «южного» посада составляла 240-360 кв. м. В социальном плане местное население можно определить как рядовое, чему не противоречит как вещевой материал, так и небольшие размеры усадеб. Слабая выраженность слоя, почти полное отсутствие случаев взаимного перекрытия объектов, позволяет считать, что застройка существовала недолго. В комплексе отсутствуют предметы, входящие в обиход с середины XIII в. Следы пожара (прослежен в жилой постройке), отсутствие выраженных мусорных заполнений в ряде объектов позволяет полагать, что жизнь данного участка посада замирает в середине XIII в. Это может быть следствием катастрофических изменений в жизни города. связанных с монгольским нашествием.

Дворы рядового населения восточнославянских городов X-XIV вв. имели площадь 220-465 кв. м. Открытия в Гомеле согласуются с данными по иным памятникам о площади дворовладений и еще раз подтверждают предположение об общих закономерностях градостроительной политики и практики древнерусского времени. Изучение окраин Гомия конца X-XIII вв. помогает приблизиться к пониманию специфики социально-экономического содержания периферийных районов восточнославянского города, демонстрирует неоднозначность проблемы формирования его территории. Город представляется сложной совокупностью разных по происхождению, путям развития и статусу составных частей.

Второй посад Гомеля, названный северным, находится северо-восточнее окольного города по левой стороне Киевского Спуска. Здесь располагается фабрика «Полеспечать», сквер, застройка ул. Баумана. В ходе наблюдений за строительством прослежены отложения и остатки объектов XII-XIII вв. Посад ограничивается площадкой (или ее частью) между Киевским и Боярским спусками. Прямых подтверждений наличия древнерусских слоев в ее северо-восточной части нет, однако предметы XII-XIII вв. вымывались рекой у подножия террасы. С запада и северо-запада граница посада, не выходила за пределы трассы современной ул. Билецкого Площадь северного предградья XII-XIII вв. составляла не менее 2-2,5 га. Не исключено, что город летописного периода имел и «нижний» посад (подол), который располагался на первой надпойменной террасе берега Сожа. При строительстве набережной (1986 г.) в устье Гомеюка вскрывался грунт, содержащий щепу, обработанную древесину, обрывки кожи. Разрез не документирован, возраст отложений не определен. Разновременный материал (в т.ч. керамика

IX—XIII вв.) регулярно встречался рядом, на отмели между Гомеюком и Киевским спуском, иногда - к югу и северу от этого места.

Средневековые предметы обнаруживаются на отмели левого берега Сожа напротив детинца (обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица и др.). Культурные отложения отсутствуют. Здесь могла быть старая речная переправа.

Некоторые данные о домостроительстве Гомеля конца X - середины XIII вв. Конструктивные особенности жилых, хозяйственных и производственных сооружений древнерусских городов Гомельского Поднепровья долгое время не были известны. Раскопки последних десятилетий в Гомеле и Речице дали значимый материал для исследования данных вопросов. Проблемой является попытка дать хотя бы приблизительную реконструкцию облика жилых, хозяйственных и производственных сооружений древнерусского времени. Слои поселений имеют структуру, плохо сохраняющую органику. Некоторое представление о плане того или иного сооружения дают сгоревшие остатки, контуры материковых выемок, развалы печей и пр. Основным материалом для строительства в эпоху Древней Руси служило дерево. В этом плане Гомель исключением не является. Остатки деревянных конструкций, чаще не поддающихся однозначной трактовке, вскрыты во всех частях города. Раскопками отмечались следы интенсивной поселенческой освоенности его территории. Это остатки печей, завалы обожженной глины, полосы древесного тлена, дверные замки, ключи и все прочее, что может быть связано с существованием деревянной застройки. К сожалению, данные, пригодные для ее реконструкции, более чем ограничены.

Раскопки южного посада и окольного города дают некоторый материал для рассуждений на предмет характера массовой застройки. Большинство остатков сооружений выделяется, в основном, по ямам различной конфигурации и степени углубленности. Они разнохарактерны по своим метрическим параметрам, содержанию вещевого наполнителя и, за редким исключением, не могут быть достоверно связаны с определенным типом конструкций конкретного функционального назначения. Однако, попытки интерпретации хотя бы части открытых остатков уместны.

Раскопки, как отмечалось, неоднократно фиксировали на посадах и окологрaдье Гомеля фрагменты длинных материковых канавок шириной преимущественно 0,1-0,3 м и глубиной 0,2-0,4 м, которые уверенно связываются с заборами межусадебного и внутридворового размежевания. Такие канавки показали наличие улицы, существовавшей на южном посаде в конце XI - первой половине XII вв.

На посаде, окологрaдье Гомия и на площади пригородного села неоднократно встречались остатки производственных сооружений. Они могут быть связаны со следами гончарного, железоделательного, кузнечного, косторезного, дегтярно-смолокуренного и иных производств. Их свидетельствами выступают материковые выемки, скопления отходов производства, сырья, полуфабрикатов и пр. О конструкции производственных сооружений судить весьма сложно ввиду их фрагментарности. Некоторые наблюдения по данному вопросу изложены в разделе, посвященном экономической жизни.

Самую большую группу объектов составляют ямы разной в плане формы и разных размеров. В большинстве случаев археология вынуждена ограничиться лишь констатацией факта их вскрытия и не более. В этой категории памятников можно искать остатки погребов, мусорных ям, иных сооружений хозяйственно-бытового назначения. Не исключено, что часть из них может диагностировать и нижние элементы жилищных комплексов. Но в большинстве случаев последнее предположение почти всегда оказывается только предположением. Так, в заполнении многих ям встречается жженый камень, куски и завалы обожженной глины. Их можно объяснять как остатки предгорновых выемов, предпечных (подпечных) сооружений или как мусорных свалок. Ям различного и малопонятного назначения только на южном посаде в раскопах 1989-90 г. зафиксировано более двух десятков.

Сложным представляется вопрос о характере массового жилого домостроительства. Археологи, изучающие памятники, не сохраняющие остатки дерева, традиционно связывают с жилищами углубленные в материк выемки четырехугольной формы. Их, по традиции, называют «полуземлянками» и «землянками». Они известны по всей территории Руси там, где слой имеет сухой характер и аморфную консистенцию. Бытует мнение, что объем вскрытой раскопками выемки четырехугольной формы с остатками печи - это достаточно полное отражение реального объема древнерусского дома. Но такое впечатление обманчиво. Не все понятно и в вопросе о высотности домов. П.П. Толочко обратил внимание на то, что древнерусские жилища

Киева и прочих южнорусских городов далеко не всегда имели те размеры и архитектурное решение, которые отразились в характере фиксируемых при раскопках выемок-«полуземлянок» [210, с. 79-140]. Следует заметить, что остатки жилых (или предположительно жилых) построек Гомеля, как и иных городов Гомельского Поднепровья, не имеют заметных отличий от южнорусских. Остатки жилых сооружений Гомеля углублены в материк обычно на 0,2-1,5 м. Материковые основания чаще ровные, иногда в них впущены ямы. Материковые стенки (если они не нарушались) обычно отвесные. К основному объему углубленной части дома в ряде случаев ведут уступчатые входы-коридорчики. Нередко вдоль материковых стенок котлованов просматриваются элементы деревянных конструкций в виде столбовых ямок и канавок. Иногда эти канавки выходят за пределы основного объема углубленной части сооружения и демонстрируют остатки срубной конструкции, сложенной «в обло». Размещение этих элементов, как и сохранившаяся в ряде случаев сгоревшая древесина, позволяют полагать, что большинство выемок имело внутреннюю обшивку столбовой (фахверковой) или срубной конструкции. Почти все дома имели по одной углубленной камере. Площадь большинства материковых выемок. якобы отражающих размеры дома, не позволяет даже условно разместить в каждом конкретном из них «среднестатистическую» (для эпохи средневековья) семью из 5-7 человек. Объем выемок, как правило, составляет от 3,5 до 18 кв. м. А, учитывая необходимость деревянных конструкций и наличие печи, площадь проживания уменьшается еще больше. Соответственно. немалая семья должна была обитать на площади 2-12 кв. м и при этом - в яме (!). Абсурдность ситуации комментариев не требует.

Сомнения в том, что люди эпохи Древней Руси пребывали в неких «полуземлянках» более чем основательные. Зачем русичам было «зарываться» в землю (ради «утепления дома» - это явный историографический нонсенс; ни один человек не стремится к освоению «полуземляночного» образа жизни и прибегает к таковому только в экстремальных ситуациях). Жизнь Е «землянках-полуземлянках» (в условиях постоянной сырости) ведет к скорому развитию серьезных заболеваний суставов и мышц. Неужели наши предки были настолько ограничены в своем знании об окружающем мире? Думается, наоборот: археология «не научилась» отличать ямы в материке от предполагаемого образа настоящего дома. В раскопках Гомеля и Речицы неоднократно встречены материковые выемки периода Великого княжества Литовского и Речи Посполитой (XIV-XVIII вв.). Они определенно связаны с жилыми домами и по своим признакам мало отличаются от аналогичных элементов домов периода Древней Руси. Сложно предположить, что горожане-белорусы позднего средневековья и нового времени обитали в «полуземлянках».

На южном посаде Гомеля открыто (1989 г.) сооружение второй половины XI—XII вв., которое состояло из квадратного углубления с плоским дном, к которому примыкали ямы с завалом печи. Наземная часть сооружения должна была превышать 20 кв. м. Отмечено следующее Там, где отложения имеют удовлетворительную сохранность, над выемками залегают пятна более гумусированного (по сравнению с окружающим) слоя, стратиграфически связанные с заполнениями самих выемок. При этом они имеют чаще близкие к прямоугольным очертания и ориентированы так, как и сама выемка. Интересно, что такие пятна (обычно насыщенные бытовыми остатками и пр.) превышают по площади перекрытые ими углубленные объемы в 1,5-2 раза, а иногда и более. То есть, их размеры составляют в большинстве случаев 18-36 кв. м. Полагаю, что эти метрические параметры объективнее отражают площадь наземной части постройки (причем только ее основной наземной камеры без учета возможных пристроек типа сеней и галерей). Складывается представление, что углубленная выемка служила не более, чем подклетом-подвалом, «голбцем», размеры которого значительно меньшие основного объема наземного здания.

В Гомеле открыто более десятка углубленных выемок четырехугольной формы, которые могут быть связаны с остатками жилищ. Рассмотрим объекты «южного» посада (раскопки 1989 г.). Примечательно, что только в некоторых случаях печи (каменки и глинобитные) находились на материковом основании выемки. При этом они занимали до четверти - трети и так незначительного объема углубленной камеры. В большинстве случаев, печные развалы находятся во «взвешенном» состоянии в заполнении выемок. Их стратиграфическое положение говорит о том, что печи рухнули в углубленные части сооружений сверху. Это - свидетельство наземного характера жилищ. Печи, чаще всего, устанавливались в большем наземном объеме, реже - в малом, углубленном нижнем. Расположение печи в нижнем объеме не должно смущать. При наличии деревянного короба-дымохода нижний объем не только не представлял

опасности (угарный газ) для обитателей наземной части жилого дома, но и имел определенные достоинства в его отоплении. Впрочем, из этого правила могли быть исключения.

Остатки объекта 1, частично срезанного рвом, свидетельствуют о том, что наземная часть сооружения превосходила площадь выемки. Основание постройки углублено в материк на 0,4м. В плане котлован прямоугольный 4,0х3,9 м. Материковый пол ровный, вдоль стены - три столбовых ямки. К внешней стенке котлована примыкает вынесенная за его пределы глинобитная печь (сохранился обожженный под). Расположение печи свидетельствует о том, что стены дома охватывали намного большую площадь, чем показывает выемка. Жилища XI-XIII вв. сходной конструкции хорошо известны в Южной Руси. Они открыты и в Киеве. Такие сооружения определяются как наземные срубные [210, с. 110-111].

Остатки объекта 32 второй половины XI - начала XII вв. имеют сложные очертания. Западную его часть составляет квадратная яма размерами 2х2 м с плоским дном, опущенным в материк на 0,8 м. Часть объекта образует комплекс ям с разными уровнями залегания полов. В заполнении расчищен развал глинобитной печи во «взвешенном» состоянии. Площадь на--емной части объекта превышала 20 кв. м. Примером остатков жилых домов, от которых уцелели ямы и некоторые иные следы, служит объект 7 конца XI - первой половины XII вв. На уровне верхней зачистки он имеет размеры 3,4х3,0 м, по дну - 2,0х1,8 м. Глубина закладки в материк составляет 1,3 м. В заполнении - завал обожженной глины печи, рухнувшей сверху (рисунок 69). Объект 38 на уровне зачистки материка имеет прямоугольную форму (3,3х2,6 м). Материковый пол (2,7х2,2 м) углублен на 1,0-1,2 м. Прослежены следы впущенной в яму конструкции, представленной тленом деревянной обшивки в виде узких (до 10 см) полос, ограничивающих в плане прямоугольник размером 1,6-1,8х2,0-2,1 м. Обшивка имела характер легкого сруба с выступающими на 0,3-0,4 м угловыми остатками. В заполнении - много обожженных камней и кусков глины от сброшенной сверху печи. Остатки объекта, судя по плану верхнего пятна культурного слоя, занимали площадь не менее 4,0х4,5 м (рисунок 64). Сооружение датируется второй половиной XI - началом XII вв.

Объект 44 имеет на уровне зачистки форму прямоугольника размером 2,9х2,0 м, отвесные стенки и плоское дно. Опущен в материк на 0,6-0,7 м. Котлован заполнен остатками сгоревшей конструкции. На материке вскрыто основание глинобитно-каменной печи подковообразной формы. Ниже пода - 13 кольевых ямок, свидетельствующих о применении каркаса из прутьев. В заполнении имеется скопление из обожженных камней. Последнее может свидетельствовать о двухъярусности сооружения и наличии в наземной его части дополнительного отопления. Объект является остатками наземного дома на отапливаемом подполье, причем его наземная часть также имела печь. Дата сооружения - вторая половина XI - начало XII вв. (рисунок 64). При реконструкции гомельских домов древнерусского периода отмечается обилие на местах остатков жилых сооружений кусков обмазки, которая имеет побелку. Гомияне уже во второй половине XI в. белили печи и комнаты домов. Жилища горожан были далеко не примитивными «курными» избами.

К вопросу о локализации ранних кладбищ. Проблема местонахождения гомельских могильников остается открытой. Можно предполагать наличие грунтового могильника с сожжением третьей четверти I тыс. н. э. в юго-западной части позднейшего окольного города, в районе здания молодежного центра, где раскопками 1986 г. выявлены остатки погребения. Прочие обнаруженные работами на южном посаде и окольном городе безинвентарные ингумации в ямах и гробах относятся к XIV-XVIII вв. или не имеют четкой датировки.

В ходе раскопок 2006-07 гг. у северо-восточной оконечности окольного города открыт грунтовой могильник, который служил приходским кладбищем церкви Рождества Пресвятой Богородицы, впервые упомянутой документами XVI в. Ранние захоронения по находкам подковообразной фибулы и стратиграфическим наблюдениям могут быть отнесены к XII в.

По данным 1873 г. на низком месте за Спасовой Слободой, т.е. в 2-2,5 верстах южнее-юго-западнее детинца, находилось 50 курганов [164, с. 36]. Остатки этого некрополя, располага--авшегося на огородах бывшей д. Любны и распаханного к 1888 г., осматривал в конце XIX в. Е.Р. Романов [17, с. 134]. Связь этого памятника с летописным городом сомнительна ввиду удаленности объектов и наличия рядом с курганами селища X-XIII вв. (обследовано автором в 1981 г.). Мала вероятность связи с городом и могильника, находившегося еще ниже по Сожу в версте западнее Любен и в 2 верстах восточнее д. Давыдовки. Остатки памятника (в конце прошлого века было 60 насыпей) уничтожены накануне Великой Отечественной войны. Е.Р. Романов исследовал здесь 2 кургана с ингумацией и кремацией [17, с. 132-133]. И.Х. Ющенко раскопал

в 1926 г. 3 насыпи с древнерусскими трупоположениями [211, с. 364]. Оба могильника оставлены сельским населением X-XII вв. По недоразумению к памятникам Гомеля приписываются материалы курганных раскопок В.Б. Антоновича 1893 г. [43, с. 99, № 126].

Основные итоги исследований в Гомеле. Исторический центр Гомеля, расположенный на плато правого берега Сожа, издревле был привлекательным для человека, о чем свидетельствуют находки предметов бронзового века. Уникальной выглядит обработанная кость шерстистого носорога, найденная в 2001 г. и явно имеющая палеолитический облик [212, с. 242]. В раннем железном веке на стрелке мыса правого берега реки при впадении ручья Гомеюк возникает городище милоградской и зарубинецкой культур. Памятник занимал мысовой участок площадью до 0,7 га - в пределах, ограниченных рвом № 1. По-видимому, он был выкопан в раннем железном веке. Укрепленный характер поселения сомнений не вызывает. Об этом говорит сам выбор места для него - стрелка мыса при слиянии двух водотоков, обрамленная с двух сторон обрывами более чем 20-метровой высоты.

Факт укрепленного характера поселения железного века дает основания рассматривать в качестве укрепленного и возникшее на его месте поселение третьей четверти I тыс. н. э. Начало организации прото-Гомия как значительной поселенческой структуры восходит к V-VII вв. В это время возникает городище (ок. 0,7 га) с прилегающим к нему селищем (общая площадь - не менее 4,5-5 га). Комплекс имеет как колочинские, так и пражские черты. В хозяйстве поселенцев заметную роль играет металлургия железа и кузнечное дело. На определенном этапе существования поселения оно получает внешний оборонительный пояс из неглубокого рва и деревянной стены. Дата его возведения нуждается в уточнении, но подмечено, что с напольной стороны материалы раннесредневекового времени не встречаются. Прото-Гомий выступает по отношению к окружающим его селищам V-VII вв. организующим центром. Основные функции - административно-военная и ремесленная. Прото-Гомий сопоставим с функционально-типологическими аналогами - прото-городами V-VII вв. (Киевом, Полоцком, Черниговом, Зимно. Шелигами, Хотомелем и др.). Он не является чем-то исключительным в ряду памятников Гомельского Поднепровья и соседних районов. К числу его региональных аналогов принадлежат Колочин I и Мощенка. П.П.Толочко считает возможным включить Колочин I (и типологически сходные памятники) в состав раннесредневековых славянских градов [174, с. 19-34].

Развитие Гомельского поселения и его округи продолжается в VIII—X вв. Смена археологических культур в конце VII - начале VIII вв., распространение в Гомельском Поднепровье восточнославянских традиций не привели к угасанию прото-Гомия, как это случилось с Колочином I и Мощенкой. Дальнейший его рост выразился, в частности, в функционировании упомянутой выше второй линии обороны, опоясывавшей селище-посад. В это время (если не раньше) складывается топоструктура типа «детинец - окольный град» (характерная для ранних городов). Это говорит о значительном экономическом потенциале поселения. А это, в свою очередь, косвенно означает: ранний Гомий по-прежнему объединяет вокруг себя сельскую округу, выступает в качестве одного из общинно-племенных центров радимичского объединения. соседствующего с «Русской землей». Согласно летописной традиции, радимичи, в южной части ареала расселения которых локализовался Гомель, сохраняли свою автономию от Киева вплоть до конца X в. и долгое время их взаимоотношения со столицей Руси ограничивались выплатой дани и участием радимичских отрядов в военных предприятиях великих князей. Отсутствие упоминаний о радимичах в летописях с начала до конца X в. может означать, что они вышли из-под киевского подчинения по смерти великого князя Олега Вещего в 912 г. После победы Киева над радимичами в битве на р. Песчане (984 г.) земли Белорусского Посожья отходят к Киевской Руси. Присоединение Гомеля и его округи к державе Владимира Святославича дало им новый импульс развития.

Стратиграфия нижнего заполнения рва № 1 показывает, что вплоть до конца XI - начала XII вв. площадка первоначального городища используется в качестве цитадели, территория которой охватывает ок. 0,7 га. Городище было укреплено валом и рвом. Размеры города в XI в. составили, согласно уточненным раскопками последних лет данным, не менее 20 га В конце X-XI вв. вокруг него существовали десятки селищ и курганных могильников. Основная функция города в этот период - управление сельской округой. Гомий, бывшее общинно-племенное средоточие, постепенно превращается в региональный центр «окняжения» «племенной» территории. До середины XI в. великокняжеская власть управляла Гомием через наместников. Со второй половины столетия город и волость переходят к Черниговскому княжеству, в конце XI - первой половине XII вв. они находятся в составе отчины Давидовичей. В середине

XII в. в городе, вероятно, появляется удельный княжеский стол. Материал XII - начала XIII вв. характеризует Гомий как крупный феодальный город. На рубеже XI—XII в. на детинце ведутся большие земляные работы. Старая крепость уже не соответствует роли военно-оборонительного, административного и культурно-религиозного центра раннефеодального города. Оборонительные сооружения детинца выносят в напольную сторону и теперь площадка составляет порядка 1,4-1,5 га. Одной из причин, побудивших к значительному расширению городища, было начало каменного строительства на его площадке (первая половина - середина XII в.). Вероятно, первым монументальным сооружением был храм. Площадь города в XII-XIII вв. составляла не менее 45-50 га. Населенный пункт имел развитую топоструктуру (детинец, окологрáдье, посады-предградья). Не позднее второй половины XI в. в Гомии складывается усадебно-уличная планировка. Дворы рядового населения размером 240-360 кв. м (вторая половина XII - начало XIII вв.) располагаются на посаде и окольном городе рядом с крупными феодальными дворами. Ранняя феодальная усадьба (площадью свыше 1000 кв. м) существовала во второй половине XI - начале XII вв. на южном посаде и, по-видимому, имела особый статус (пригородного села, слободы). Она была заселена земледельцами, лесопромысловиками, металлургами, гончарами. Материал свидетельствует о социальной, имущественной дифференциации горожан. Предметы быта феодалов, вооружения и снаряжения дружинников встречаются преимущественно на детинце и в юго-западной части окольного города. С органами феодального управления и местами пребывания крупных землевладельцев связаны вислые княжеские печати конца XI—XII вв. Начало каменного храмового строительства в первой половине - середине XII в. отражает создание зрелой церковной организации. Фундаменты церквей пока не найдены, но плинфа есть в первую очередь там, где с конца XV-XVI вв. письменные источники показывают наличие церквей. Находки культовых вещей говорят о долгом сосуществовании православия и язычества, о православно-языческом синкретизме в жизни горожан. Гомий XII-XIII вв. выступал административным, хозяйственным, военным и культовым центром сельской округи, охватывавшей территорию Нижнего Посожья. На севере Гомийская волость (и предполагаемый удел) граничила с Чичерской волостью, на западе и юго-западе - с поднепровскими Речицкой и Брягинской, на юге - с собственно черниговскими владениями, на юго-востоке и востоке - волостями «Сновской тысячи». В состав волости входило нижнее течение Сожа (от Липы до места впадения Сожа в Днепр) с притоками Узой, Терюхой, Утью, отчасти - Беседью и Ипутью. С юга Гомийская волость ограничивалась заболоченными долинами левобережных притоков Сожа, с востока - в значительной мере совпадала с водоразделом Сожа и Снова, с запада - Сожа и Днепра. Предполагаемая территория округи - ок. 5000 кв. км. Ее памятники представлены селищами и курганами с преимущественно радимичским инвентарем.

Гомий прошел путь от общинно-племенного центра до крупной территориально-политической и экономической единицы Черниговского княжества. Сложение древнейшего в Посожье города и оформление «тянувшей» к нему округи - проявления единого исторического процесса. Гомий XII-XIII вв. - значительный центр Черниговского княжества в Нижнем Посожье. Он относится к числу крупнейших «пригородов» стольного Чернигова. Археологические данные согласуются с предположением о том, что Гомий мог обладать удельным столом. Около 1239 г. Гомий разделил участь Чернигова и был разрушен монголами. Его возрождение затянулось на столетия.

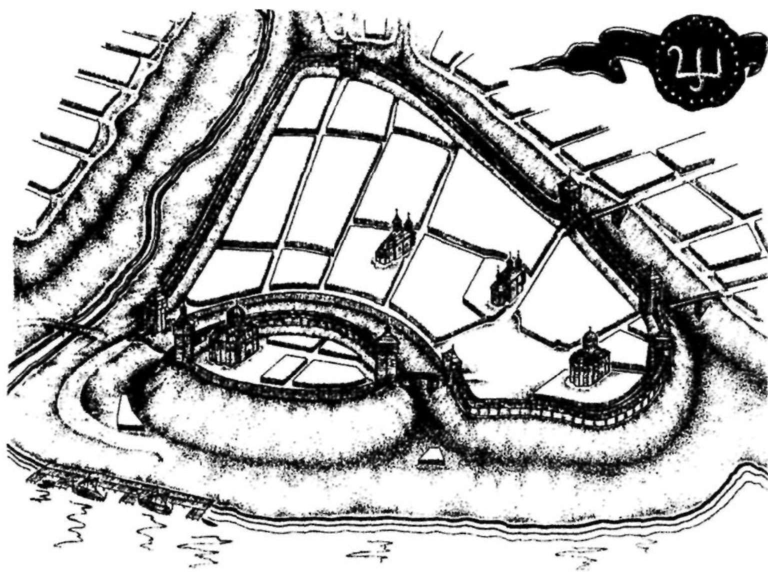

Рисунок 65 - Гомель. Центральная часть города в XII в. Реконструкция автора. Рисунок Ю.М. Лупиненко

План-реконструкция центральной части Гомеля приведен на рисунке 65.

РАЗДЕЛ 8 МОХОВСКОЕ ВОЕНИЗИРОВАННОЕ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ И ВОИНСКИЕ ЗАСТАВЫ X-XI ВВ.

Социально-типологическая картина древнерусских памятников Гомельского Поднепровья будет неполной, если оставить вне рассмотрения особую их категорию, представленную в регионе Моховским комплексом. Этот уникальный памятник должен быть отнесен (следуя устоявшейся в литературе терминологии) к разряду «открытых торгово-ремесленных поселений» (ОТРП) Древней Руси, которые иногда именуются «торговыми факториями» или «военно-дружинными лагерями». До недавнего времени вопрос о наличии ОТРП на юго-востоке Беларуси не ставился [213, с. 131-134]. В данном разделе вносится предложение именовать памятники подобного рода «военизированными многофункциональными поселениями» (ВМФП).

Моховские древности расположены к северу от исторического центра Лоева. Последний находится прямо напротив устья Сожа [214, с. 373]. Первые исследования в Мохове провел в 1890 г. В.З. Завитневич. Он зафиксировал свыше 600 курганов - крупнейший в Беларуси могильник [20, с. 11-72; 43, с. ИЗ, № 307]. Раскопки 26-ти курганов выявили необычную для сельских поселений региона картину. В 9-ти курганах были представлены кремации (для рядовых могильников радимичей и дреговичей значительное (почти 35 %) количество сожжений не характерно). В остальных курганах вскрыты ингумации на горизонте (15) и в яме (1). Костяки ориентированы на запад. В ямном трупоположении отмечена ориентировка головой на север. Один курган оказался кенотафом. В трех курганах с трупоположением на горизонте выявлены остатки деревянных наземных камерных гробниц столбовой конструкции прямоугольной формы. Одна из них (самая крупная) описана В.З. Завитневичем как сооружение размером 3,38x2,83 м и высотой 0,8 м, имевшее признаки бревенчатой крыши [20, с. 15]. Камерные гробницы столбовой и срубной конструкции, как углубленные в материк, так и наземные (в «теле» курганов; последние в ранней историографии метко именуются «склепами») признаны элементом «дружинной культуры» Руси X-XI вв. Они широко известны по материалам Гнездово, Шестовицы, Киева, памятников Брянского Подесенья и др. Собственно «склепы» (т.е. сооруженные выше горизонта подкурганные камеры) характерны для Волыни где открыто 10 таких погребений в восьми могильниках (Пересопница, Белев, Басов Кут, Старожуков и др.) [215, с. 99-107]. Единичные сооружения такого рода известны в Гнездово, Курском Посеймье, Гочеве [216, с. 197]. Значительное распространение «склепов» на Волыни дает основания предполагать в Мохове наличие захоронений людей, имевших связи с Волынью

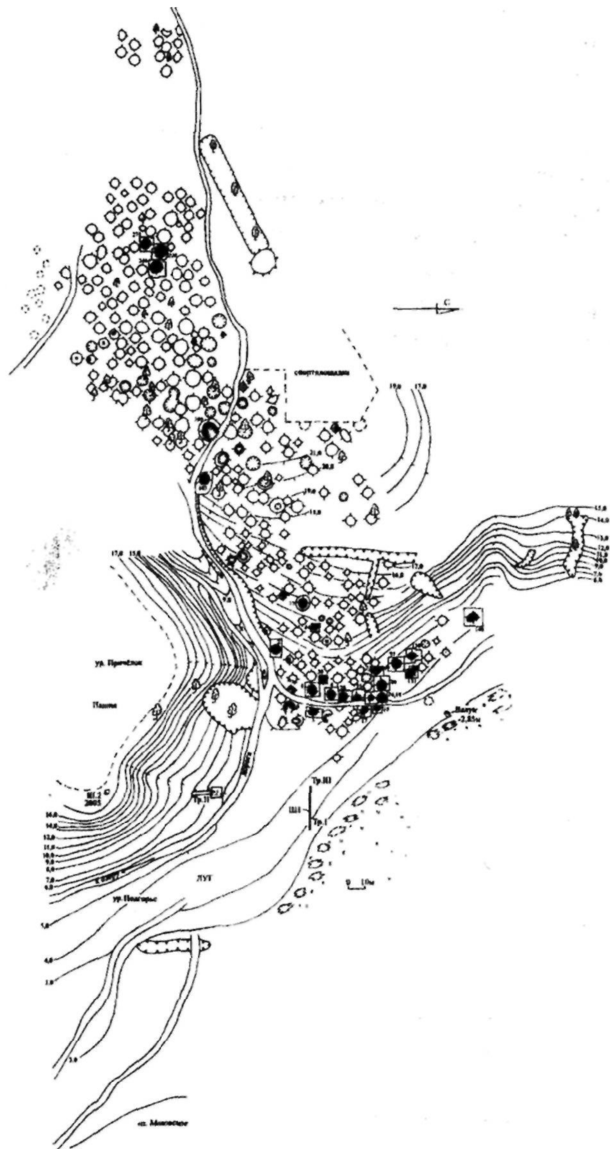

Рисунок 66 - Мохов. План курганного могильника и участка поселения. Съемка экспедиции ГГУ им. Ф. Скорины

Учитывая оценку обряда камерных гробниц (традиция скандинавского происхождения, измененная в интернациональной дружинной среде Руси), мигранты не обязательно были волынянами и, тем более, скандинавами.

В Мохове, кроме керамики, встречены железные ножи, ножницы, стеклянные бусы, бронзовые пряжка, браслеты, шейные гривны и др. Обращает внимание наличие вещей, не свойственных сельским могильникам: в 4-х курганах были предметы вооружения (3 железных топора и копье) [20, с. 13-16; 8, с. табл. 17, рисунок 26].

В 1990 г. Моховские памятники были осмотрены отрядом Гомельского областного археологического центра [184, с. 48]. С 2003 г. их изучение продолжается экспедицией ГГУ им. Ф. Скорины. Зафиксировано свыше 300 насыпей (включая раскопанные и разрушенные). Курганы «спускаются» с высокой террасы к берегу Моховского озера. Насыпи имеют полусферическую и блинообразную форму, высоту преимущественно 0,3-1,8 м, диаметр - 3-10 м. В плане курганы круглые, есть 7 удлиненных (рисунок 66). В 2003-07 гг. исследовано 25 курганов. Характер обряда и инвентаря позволяет датировать памятник X-XI вв., отнеся большинство его комплексов ко второй половине X - первой половине XI вв. и допуская наличие единичных захоронений конца IX в. Материалы исследований демонстрируют разнообразие погребального обряда (ингумации на горизонте и на подсыпке - 21, ингумации в яме - 2, кремации - 8. неполная кремация - 1). Кроме западной ориентировки умерших (15 - в кургане 19 (погребения 1,2), 20 (погребения 1,2), 21,24, 25, 30, 97 (погребения 1, 2), 140 (погребения 1, 2), 220, 246, 278), отмечена северо-западная (4 - в кургане 17 (погребение 1), 105 (погребение 2), 109, 131), юго-западная (в кургане 28), восточная (в кургане 1), северная (в кургане 105, погребение 1), южная (в кургане 138). Погребение в кургане 278 совершено по обряду неполной кремации, костяк ориентирован на запад. Возможно, в случаях северной и южной ориентировки костяков имеют место захоронения выходцев из финно-угорских областей. Еще Л. Нидерле показал, что северная ориентировка умерших присуща финскому ритуалу [217, с. 220]. Меридиональный обряд характерен для средневековых эстов, суми, ижоры, корелы, ливов, веси, мордвы, мари, прикамских финно-угров. У мордвы он дожил до XVII—XVIII вв. [12, с. 172-174, карта 28]. На территории радимичей погребения с северной ориентировкой приурочены к ее окраинам. Они единичны и встречены в Радомле, Влазовичах (2 случая), Костюковичах, погребения с южной - в Ботвиновке Гомельской обл. (2 случая), Влазовичах, Смяличах [13, с. 37]. В земле дреговичей такие захоронения встречаются редко. Они открываются в зоне дреговичско-кривичского пограничья. Здесь погребения с северной и южной ориентировкой есть в Черниковщине, Заславле, с северной - в Видогоще и Свидино. В низовьях Березины северное направление тел умерших открыто в Любоничах и Волосовичах, на берегу Днепра - в Гориводах. В глубинных районах земли дреговичей южная ориентировка есть в Макаричах [12, карта 28].

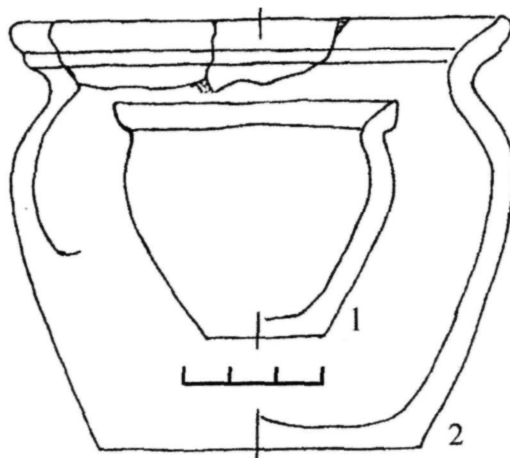

Рисунок 67 - Мохов, курганный могильник. Круговые сосуды (1, 2)

Погребение 1 в кургане 105 Мохова необычно «разбросанным» состоянием костей. Такое их нахождение может говорить о т.н. «сидячем» захоронении. Погребения тел умерших в сидячей позе характерны для курганов Северной Руси, причем максимальная их концентрация наблюдается на Ижорском плато (Ю.М. Лесманом здесь учтено более 545 погребений в 35 могильниках; вне этого региона сидячие погребения единичны) [218, с. 52-58]. В.В.Седов считал этот обряд типично финским, а единичные захоронения такого рода в коренных славянских землях объяснял как результат миграций северного населения на юг [12, карта 29]. На землях радимичей такие погребения выявлены в Деребуже, Новом Быхове, Пеклино, Чешуйках, Старгороде. Все они находятся на окраинах «племенной» территории [13, с. 37]. В ареале расселения дреговичей сидячие погребения редки. Они встречены в Эсьмонах, Борисове, Леневке, Буховке, Чуфарах [12, карта 29]. В южнорусских землях на многие сотни славянских погребальных комплексов отмечено только 12 случаев сидячих захоронений [154, с. 137]. Основная масса северорусских «сидячих»

захоронений датируется XII-XIII вв. [218, с. 52-58]. Однако данный обряд широко распространен в более ранее время в Скандинавии, известен в камерных могилах Шестовицы, что позволяет искать его истоки именно в Скандинавии. Хронология моховского погребения с сидячим погребением (не позднее первой половины XI в.) также позволяет предполагать его скандинавские истоки. «Неместные» черты прослеживаются и в иных элементах погребальной обрядности. Необычным для низовий Верхнего Днепра выглядит использование камней для обустройства околомогильного пространства (курганы 3,4,77,109,278). В кургане 4 отмечена каменная выкладка, в кургане 278 камни в плане образуют квадрат 4х4 м.

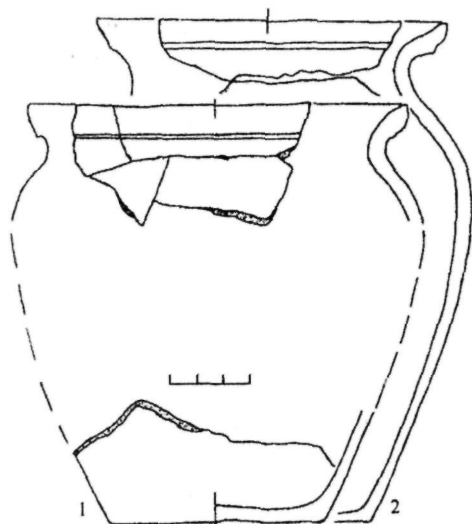

Рисунок 68 - Мохов, курганный могильник. Круговые сосуды (1, 2)

В Мохове широко представлены типично восточнославянские круговые горшки (рисунки 67-68). Часть образцов посуды относится к «шестовицкому» типу, характерному для ряда памятников Руси X - начала XI вв. Впрочем, широко присутствует и «общерусская» керамика XI в. Шестовицкая керамика охарактеризована Д. И. Блифельдом [219, с. 87-89] и учтена М.П. Кучерой в классификации древнерусской посуды Среднего Поднепровья [220, с. 9-12, рисунок 1]. Важно заметить, что в Мохове представлена как керамика «с манжетом», так и «доманжетная». Последняя по материалам Шестовицы датируется концом IX - первой половиной X вв. или первой половиной X в.

Раскопки Мохова показывают распространение предметов кривичского, балтского, прибалтийско-финского происхождения. Данная картині наблюдается на фоне отсутствия этноопределяющих украшений местного населения (крупнозерненых бус, семилучевых колец и пр.) [13, с. 99].

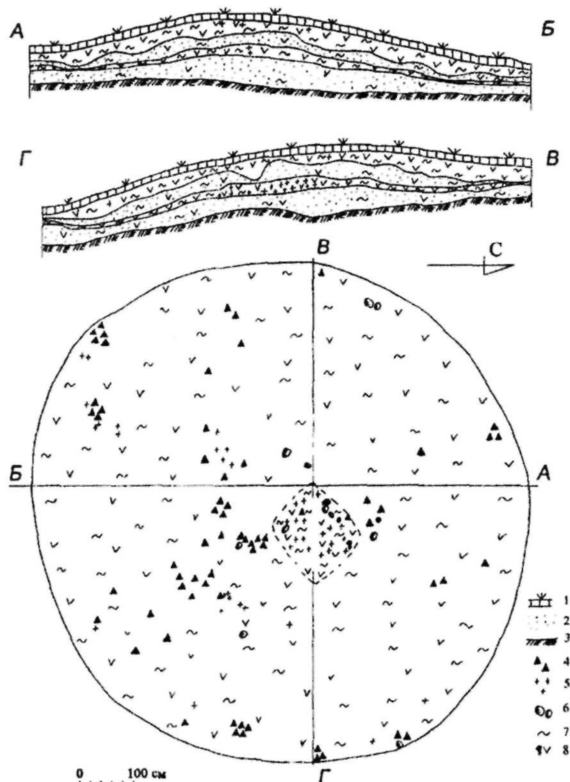

Рисунок 69 - Мохов, курган 77. Разрезы и план. Условные обозначения: 1 - дерново-почвенный горизонт; 2 - песок; 3 - материк; 4 - обломки керамики; 5 - кости жженные; б - камни; 7 - зола; 8 - куски угля, вкрапления угля

Учитывая количество изученных в Мохове погребений, наши наблюдения являются корректными. Отсутствие элементов дреговичского и радимичского женского убора тем более примечательно, что дреговичское захоронение XI-XII вв. выявлено всего в 6 км восточнее Мохова в кургане у д. Абакумы. В 18-20 км к северу от Мохова на берегу Днепра в могильнике Холмечь (Заужельская группа) крупнозерненые бусы дреговичского типа в 1890 г. нашел В.З. Завитневич [12, карта 15]. Ближайший к Мохову пункт с находками семилучевых колец радимичского типа - могильник возле д. Студеная Гута Гомельского р-на - расположен примерно в 20 км северо-восточнее Мохова [13, с. 148].

Набор женских украшений из кремации моховского кургана 77 (рисунок 69) заключает крупные орнаментированные подвески трапециевидной формы, литые петлевидные трехдырчатые держатели, «ромбовидные» подвески, проволочные спиральки и плетеные звенья-цепочки (рисунок 70). Он имеет ближайшие аналогии в кривичских курганах конца I тыс. н. э., которые выделены рядом исследователей в культуру смоленско-полоцких длинных курганов. В кургане у д. Устье (север Беларуси) обнаружены украшения, состоявшие из крупной спиральки, трехдырчатого держателя, на котором были закреплены две крупные трапециевидные подвески, весьма схожие с моховской [221, мал. 24: 1]. В.В. Енуков отмечает, что трапецевидные подвески являются одной из распространенных находок в смоленско-полоцких длинных курганах. Вместе с тем, они широко представлены в прибалтийских древностях конца I тыс. н. э. [222, с. 58]. По мнению И.О. Гавритухина, в Прибалтике среди достоверно балтских древностей третьей четверти I тыс. н. э. трапециевидные подвески не встречаются. В то же время, они широко представлены в культурах от Подунавья до Верхнего Поднепровья, которые могут быть связаны со славянами [223, с. 43-58].

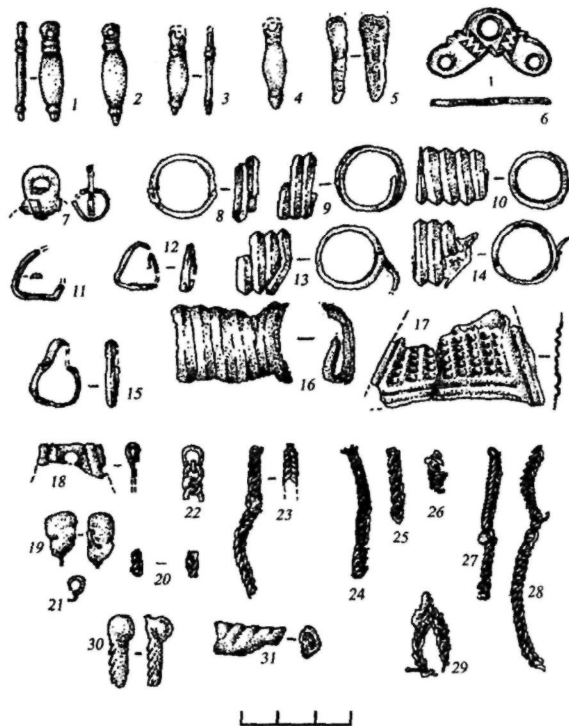

Рисунок 70 - Мохов, курган 77. Бронзовые (1-4, 6-30), костяной (5) и стеклянный (31) предметы из пятна кремации

Ареал распространения «ромбовидных» подвесок совпадает с территорией расселения ранних кривичей (Заозерье и Шугайлово в Смоленском Поднепровье, Городок на Ловати и др.); есть находки такого рода и в захоронениях латгалов [222, с. 60]. Примечательно, что в ряде случаев они сочетаются в виде цельного украшения с плетеными цепочками. Таковые встречены в Гнездово, где изготовление «ромбовидных» подвесок представляется установленным. Техника, примененная гнездовскими мастерами, характерна для моравской и скандинавской традиций [224, с. 214-215, рисунок 2: 4-8]. В кургане 14 с кремацией могильника Вышадки в Витебской обл., исследованном Г.В. Штыховым (датирован автором раскопок IX - началом X вв.), обнаружен комплекс украшений, аналогичный комплексу моховского кургана 77 (рисунок 71) [221, с. 46, 139-141, мал. 30, 75]. Набор украшений из Вышадок и Устья, по мнению Г.В. Штыхова, демонстрирует особенности

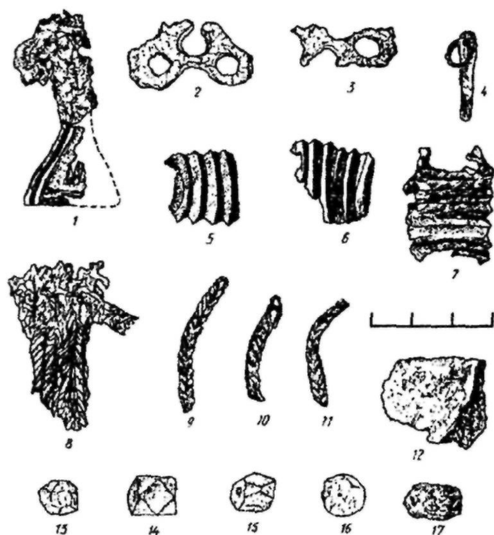

Рисунок 71 - Вышадки, Витебская обл., курган N. Вещевой комплекс. 1-11 - бронза; 12 - керамика; 13, 16 - хрусталь; 14, 15 - сердолик; 17- стеклянная паста (по Г.В. Штыхову)

раннего кривичского женского костюма [221, с. 47-53, рисунок 30: 2]. Сходство находок из Мохова и Вышадок, разделенных многими сотнями километров, поразительно.

В.В. Енуков и Г.В. Штыхов обратили внимание на трехдырчатые держатели, прообразом которых, по их мнению, были проволочные биэсовидные держатели, широко распространенные у латгалов и неоднократно найденные в курганах с сожжением запада и севера Беларуси, а также на городище Язно Миорского р-на (в последнем случае держатель был соединен с двумя трапециевидными подвесками и датирован VII-IX вв.) [225; 226, с. 45, рисунок 20: 6-8; 222, с. 50; 221, с. 53]. Литые держатели с тремя отверстиями найдены на Менском поселении [227, с. 70, рисунок 28, 2; 61, рисунок 7: 17,18]. Такие подвески известны в Гнездово, где и производились [224, с. 207-219, рисунок 2]. На городище Городок возле Великих Лук найдены формы для отливки держателей, аналогичных находкам в Устье, Вышадках, Менском поселении [228. с. 144] и в Мохове. Таким образом, изделия такого рода создавались на славянских землях, хотя их прототипы (проволочные держатели), скорее всего, имеют балтское происхождение.

В слое первой половины X в. на Рюриковом городище под Новгородом выявлен еще один трехдырчатый литой держатель [229, с. 78, рисунок 32: 1]. Он, как и его аналог из городища Олинькалнс в Латвии [230, с. 88], несколько отличается по форме от описанных выше и являет собой более развитую форму изделий. К этой же группе примыкает находка из сожжения длинного кургана в Заозерье на Смоленщине [231, с. 114, рисунок 1: 21]. Находки из Рюрикова Городища, Олинькалнса, Заозерья сближают раннюю форму держателей (типа Гнездово, Вышадок и др.) с позднейшими трехдырчатыми литыми подвесками (важно подчеркнуть - «не-держателями») из более поздних радимичских древностей (второй половины X - первой половины XII вв.).

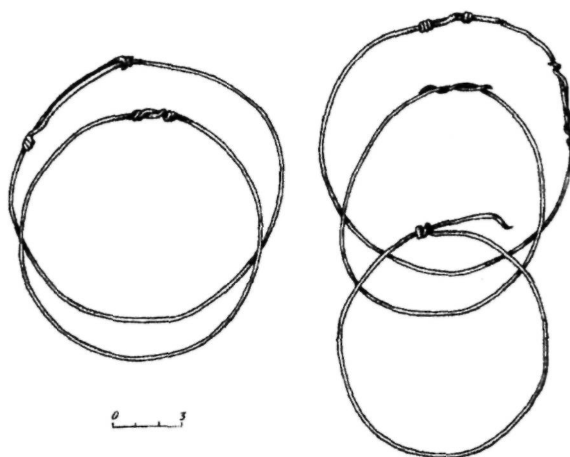

Рисунок 72 - Мохов, курган 97. Бронзовые браслетообразные завязанные височные кольца кривичского типа

«Северные» элементы культуры Мохова представлены кривичскими завязанными браслетообразными височными кольцами (11 экз. в 3-х захоронениях) (рисунок 72), проволочными спиральками (курганы 1, 4, 77), остатками накидки-виллайне, расшитой бисером (курган 1). Последняя находка может быть связана с латгальско-земгальским кругом древностей [232, с. 361].

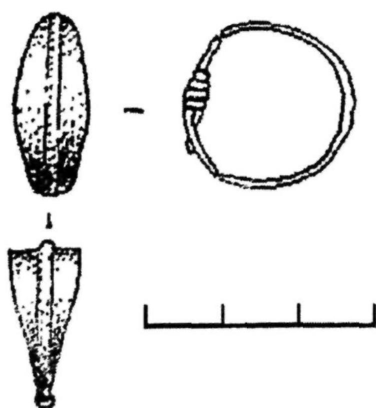

Рисунок 73 - Мохов, курган 105, погребение 2. Бронзовый перстень

К числу предметов, распространенных в Швеции, Финляндии, Восточной Прибалтике, ряде областей северо-запада России, относятся аналоги широкосрединному перстню с завязанными концами из погребения 2 кургана 105 (рисунок 73). Такие перстни встречаются и в Беларуси, но их немного. Они представлены и в курганах радимичей. В.В. Богомольников отмечает (исключаю из приведенного им списка Кветунь и Мериновку - памятники не радимичские) находки пластинчатых широкосрединных завязанных перстней из Веточки IV, Влазовичей, Гетманской Буды, Голубовки, Деребужа, Новой Новицкой, Петуховки, Поповой Горы, Чертовичей, Юдичей II [13, с. 82]. По сведениям жителей Мохова, при уничтожении курганов найдены горшки с косими, перетянутые железными кручеными обручами. По-видимому, были разрушены погребения скандинавской традиции. Урны, перетянутые гривнами, известны в Гнездове [233, с. 77]. В Беларуси они встречаются исключительно редко. Такое погребение зафиксировано под Браславом [234, с. 113-114].

В Мохове встречены оружие и воинские принадлежности (топоры, наконечники копий, сулицы, детали воинских поясов, фрагменты тордированных железных гривен и др.)

(рисунки 74, 77). По сведениям местных жителей при уничтожении курганов находили и клин- -овое оружие. В могилах радимичей и дреговичей предметы вооружения и воинского снаряжения встречаются редко. Большинство находок сосредоточено на «племенных» пограничьях и отнесение многих комплексов с оружием к радимичам и дреговичам спорное. Показательно, что оружие редко встречается с этноопределяющими вещами радимичей и дреговичей. Рассмотрим соотношение предметов вооружения и этноопределяющих предметов в могильниках, относимых к радимичам и дреговичам Гомельского Поднепровья (рисунок 75) и всему радимичско-дреговичскому ареалу.

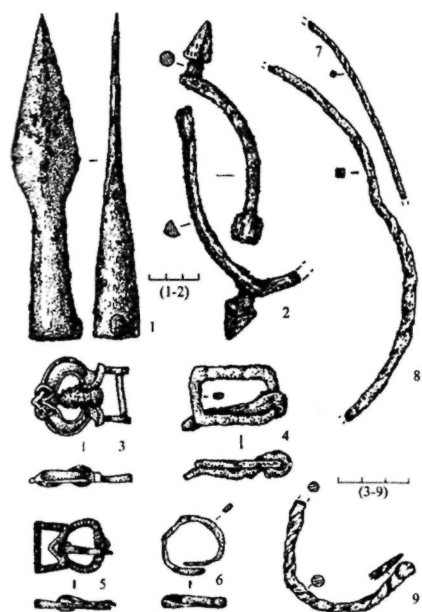

Рисунок 74 - Мохов. Предметы вооружения и воинского быта. Наконечник копья (1), шпора (2), пряжки (3-5), перстень (6), обломки крученых гривен и браслетов (7-9)

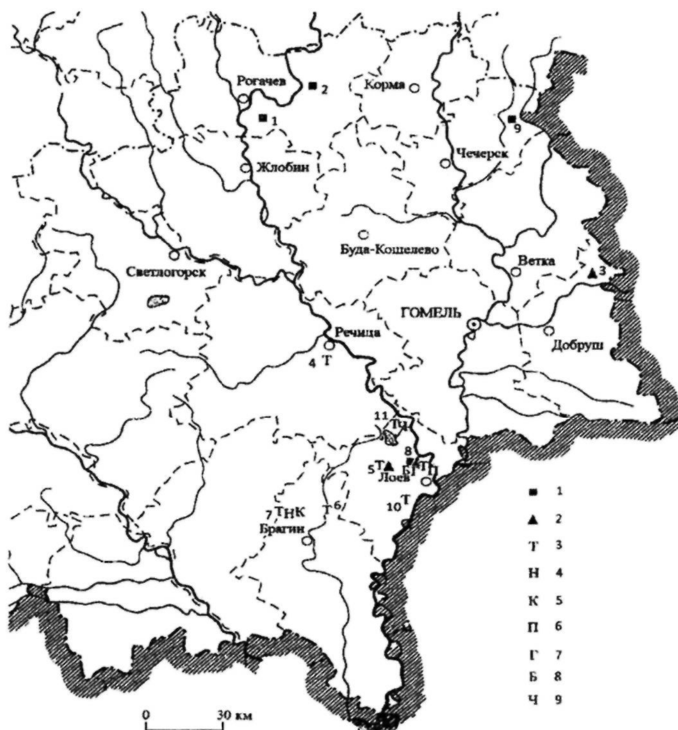

Рисунок 75 - Гомельское Поднепровье. Предметы вооружения в могильниках X-XII вв. Условные обозначения: 1 - бляшки (накладки) поясного набора; 2 — наконечник копья; 3 - топор; 4 - нож боевой или универсальный; 5 - костяные детали обустройства лука; 6 - пряжки воинского типа; 7 - железные тордированные гривны; 8 - железные тордированные браслеты; 9 - костяные чаши из черепов животного и человека. Перечень памятников: 1 - Веточка V; 2 - Гадиловичи I; 3 - Демьянки; 4 - Казазаевка; 5 - Колпень; 6 - Малейки; 7 - Микуличи; 8 - Мохов; 9 - Нисимковичи 1; 10 - Синск (Сенское); 11 - Холмечь

По неполным данным [см. монографии Б.А. Рыбакова, В.В. Седова, В.В. Богомольникова, П.Ф. Лысенко: 8; 9; 12; 13], 22 курганных и 1 бескурганный могильники, относимые исследователями к радимичам и дреговичам, дают остатки доспехов (1), наконечники копий (около 20), топоры универсальные и боевые (51), боевые (может быть, универсальные) ножи (3), сулицы (2), элементы воинских поясов (5). Сомнительным представляется определение в качестве дреговичских могильников с оружием Колпень, Малейки, Микуличи, Сенское, Устье, Ясенец, Ясень, Холмечь (Дубовицкая группа), Казазаевка (ур. Дивий Луг), радимичского - Корма Пайка, в комплексах которых этноплеменные украшения отсутствуют.

В Гадиловичах немало семилучевых колец, встречена дреговичская зерненая бусина. Однако поясные бляшки воинского типа в Гадиловичах открыты в обособленной группе I (явно отдельном могильнике), где этноопределяющие украшения не выявлены (а здесь вскрыто более 20 насыпей). В Нисимковичах I ситуация с нахождением поясной бляшки в бескурганном погребении (X в.) неясная, хотя позднее, в конце X - начале XII вв. рядом находятся курганы с радимичским инвентарем. Большинство отмеченных памятников располагается в пограничных зонах с полянами, древлянами, кривичами и на радимичско-дреговичском пограничье. Абсолютное

большинство находок предметов вооружения в Заславле связано с кривичскими курганами. Но в Заславле наука имеет дело, скорее, с городским могильником (могильниками). Только в 10-ти из 23-х рассматриваемых кладбищ наблюдается корреляция предметов вооружения и воинского снаряжения с этноопределяющими предметами радимичей и дреговичей. Так, с семилучевыми кольцами радимичей предметы воинского круга встречены во Влазовичах, Демьянках, Новой Новицкой, Строкайлах, Веточке V. С дреговичскими бусами оружие встречалось в Городиловке, Заславле, Кострицкой Слободе, Рыловщине. В Смяличах боевой (универсальный) нож найден в могильнике, в котором открыто и семилучевое кольцо, и крупнозерненая бусина. Впрочем, такая категория, как боевые ножи, скорее относится не только к сфере воинского быта, но и охотничьего промысла. Таким образом, с этноопределяющими украшениями радимичей и дреговичей, уверенно коррелируются находки только 2-х ножей, 8-ми топоров и детали воинского пояса. При этом основные памятники с такими находками локализуется на порубежьях. Городиловка под Новогрудком расположена близ границы с балтами, Заславль и Рыловщина - в чересполосице кривичских и дреговичских поселений (в зоне столкновения интересов Киева и полоцких князей), Веточка V - на пограничье радимичей и дреговичей.

Единичные находки предметов воинского круга в захоронениях X-XI вв. не являются сколь-нибудь заметной чертой этнографии радимичей и дреговичей. Их появление на землях Белорусского Поднепровья было связано с социально-политическими «перестройками» и военными конфликтами, сопровождавшими бурные процессы государственного формирования Руси. В какой-то степени могло сказаться (особенно на землях кривичей) и влияние балтской обрядности, предусматривавшей помещение предметов вооружения в могилы. Что касается немногочисленных находок предметов вооружения и воинского быта в могильниках с радимичскими и дреговичскими захоронениями, то они, скорее, отражают распространение военизированных групп в среде местного населения и выступают индикатором пребывания представителей таких групп как в «глухих» районах, так и в зонах повышенной военно-политической напряженности.

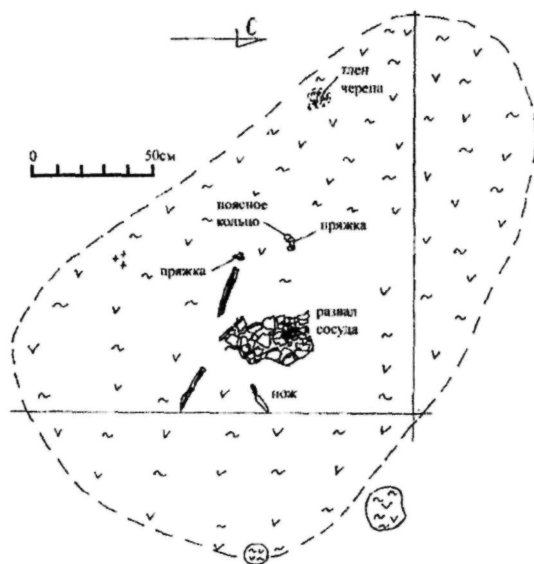

Рисунок 76 - Мохов, курган 17. План погребения

Рисунок 77 - Мохов, курган 24. Железный топор

Вооруженные радимичи и дреговичи могли быть обычными крестьянами, которые в случае войны по призыву князя превращались в земское воинство («воев») - ополчение, усиливавшее мощь дружинного войска и во многих случаях ценой своей жизни решавшее исход той или иной «сечи лютой». Вспомним слова Мстислава Владимировича, сокрушившего силами северянского ополчения (воями) отборных варягов брата Ярослава в Любечской битве 1016 г.: «И рече кто сему не радъ. се лежить северянин, а се варягь, а дружина своя цела» [2, с. 100]. Наличие ополченцев. погибавших в сражениях, подтверждает антропологический анализ захоронений южнорусских могильников X-XII вв. [235, с. 36].

Нетипичными (для рядовых могильников) находками Мохова выглядят деревянное ведро, коромысло карманных весов (рисунок 78), «шишечные» бусы (рисунок 79) и др. Некоторые замечания можно сделать по повод>

находки ведра, перетянутого железными обручами и стоявшего в ногах мужского захоронения. Ведра редко встречаются в могилах славян X-XII вв. Анализ таких находок в Беларуси привел Л.В.Дучиц к выводу о том, что почти все ведра «найдены в богатых погребениях XI в.» [236, с. 53]. «Шишечные» бусы выявлены в женском захоронении кургана 105. Они пустотелые, украшены мелкой зернью, снабжены выступами-шишками. Ближайшие аналогии дают погребения Киева X-XI вв. Похожие бусы происходят из погребения 142 (подкурганная ингумация; раскопки 1998 г.), датированного концом X - первой половиной XI вв. [237, с. 38-50, рисунок 1, 5]. Бусы, близкие по форме и орнаментации моховским, встречены в одной из грунтовых ингумаций в яме у киевских Золотых ворот (X в.). [238, с. 206-208, мал. 1]. Аналогичные бусы встречались в Киеве и ранее [239, с. 26, 210, табл. 26, 28]. Они же известны в кладах Древней Руси [240, с. 130, 141, 144, 146, 147], в Прибалтике и Скандинавии. Близкие изделия выявлены на широкой территории Центральной и Западной Европы. Они открыты на грунтовом могильнике Данилово Малое (бассейн Нарева) в Польше (XI в.). [241, s. 99-113], на поселении Люблин-Чехов в междуречье Одера и Вислы в комплексе VIII—IX вв. [242, abb. 12 : 6].

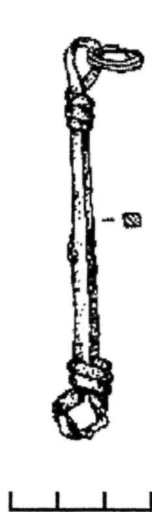

Рисунок 78 - Мохов, курган 17, погребение 2. Коромысло карманных весов

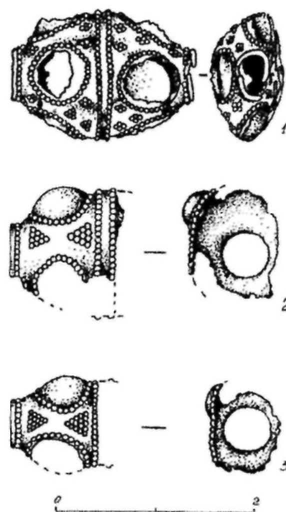

Рисунок 79 - Мохов, курган 105, погребение 2. Бусы, белый металл (1-3)

Необычным для Гомельского Поднепровья представляется обнаружение в 3-х моховских курганах с ингумацией монет. Они определены В.Н. Рябцевичем [243, с. 93-94]. В кургане 1 найден денарий с ушком. Он принадлежит чеканке чешского короля Болеслава II 972/3 - 999 гг. и является единственной находкой такого рода в погребальных памятниках Древней Руси (рисунок 80). В древнерусском кладовом материале этот денарий встречается редко зафиксировано 19 экз.). В кургане 24 в мужском погребении открыты 2 обломка сребреников Владимира Святославича, которые представляют II и IV тип его эмиссий. В Беларуси было известно два места находок сребреников Владимира (типов I и III): 4 монеты из кургана в Вотне на Могилевщине (1873 г.) и 1 монета из клада в д. Поречье Витебской обл. (1886 г.) [244, с. 91-102; 245, с. 37, № 40; 246, с. 121-122; 13, с. 71]. В погребении кургана 105 выявлены остатки брактеата с бронзовым ушком (X-XI вв.). В Беларуси по состоянию на 2004 г. наукой учтено 30 брактеатов [246, с. 94].

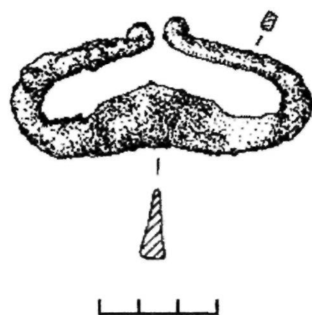

Рисунок 80 - Мохов, курган 1. Монета-подвеска короля Болеслава II, Чехия (972/3 - 999 гг.)

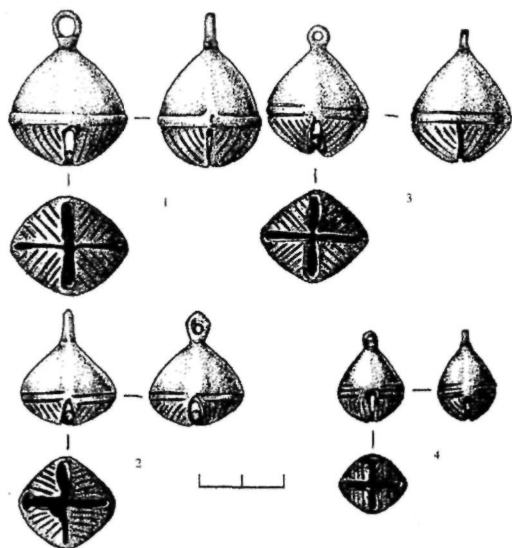
При определении хронологии курганов Мохова важно заметить, что в их инвентаре отсутствуют предметы, вошедшие в обиход после середины XI в. и вышедшие из обихода в IX в. Следует учесть, что инвентарь некоторых захоронений невыразителен или содержит вещи с широкой датой бытования. Однако эти обстоятельства вряд ли меняют представление о хронологии

основной части курганов. Раскопки велись преимущественно в восточной и северо-восточной части могильника. В.З.Завитневич копал во всех частях памятника.

Можно выделить датирующие предметы из сожжений. Указанные выше аналогии держателям, подвескам, спиралькам из кургана 77 датируются VIII - первой половиной X в., хотя большинство комплексов с изделиями такого круга и отдельные предметы относят к IX - началу X вв. Учитывая, что в кургане 77 встречен типичный для шестовицкой керамики круговой сосуд, дату комплекса следует определить первой половиной X в. или концом IX - первой половиной X вв. Пряжка из кургана 2 (рисунок 74: 5) может быть отнесена ко второй половине X в. Курганы с ингумацией дают более поздние вещи. Денарий и сребреники указывают, что содержащие их комплексы не могли сформироваться ранее конца X в. в первом случае и второго десятилетия XI в. - во втором. К датирующим предметам из курганов можно отнести следующие. Топор из кургана 24 относится к типу IV по классификации А.Н. Кирпичникова (рисунок 77), который имел широкое распространение на Руси в X-XII вв. [201, с. 310]. Копье из кургана 19 относится к редкому типу II по схеме А.Н. Кирпичникова (IX - начало XI вв.) (рисунок 74: 1) [201, с. 308, табл. 125, 3]. В кургане 17 (погребение 1) найдено калачевидное кресало (рисунок 81). В Новгороде Великом такие кресала датируются X -третьей четвертью XII вв. [199, рисунок 4]. Моховское кресало следует отнести к раннему варианту изделий подобного рода, датируемому в Новгороде Великом X в. [202, с. 100]. В Заславле-Изяславле под Минском такие вещи найдены в погребениях X - начала XI вв. [247, с. 60, рисунок 34: 7].

Рисунок 81 — Мохов, курган Г Кресало железное

Погребение 2 моховского кургана 105 дало грушевидные крестопрорезные бубенчики (рисунки 82-83). По новгородским аналогиям они датируются серединой X-XI вв. [199, рисунок 8]. Из того же комплекса происходит отмеченный выше пластинчатый завязанный перстень. Он имеет широкий круг аналогов на Руси и за ее пределами. Полное соответствие ему имеется в кургане 43 конца X - начала XI вв. могильника Избище на севере Беларуси [221, мал. 46]. В Новгороде такие перстни выявлены в ярусах конца X-XI вв. [156, с. 129-130, рисунок 45: 24, 25; 46: 12]. «Шишечные» бусы (курган 105) по большинству аналогий относятся к X-XI вв. Коллекция бус Мохова продолжает исследоваться. Присутствие в ней стеклянных желтых лимоновидных, бочкообразных и цилиндрических золотостеклянных бус, синих пронизок и др. указывает на X-XI вв. Поздних бус в погребениях нет. Можно утверждать, что Мохов функционировал в конце IX-XI вв., причем большинство захоронений было совершено во второй половине X - первой половине XI вв. Это не означает, что дальнейшие работы на памятнике не выявят как более поздние, так и более ранние погребения.

Рисунок 82 - Мохов, курган 105. Бронзовые бубенчики (1-4)

К Моховским курганам примыкает крупное поселение. Расцвет его жизни можно датировать второй половиной X-XI вв. Оно расположено на «высокой» пойме правого берега Днепра, а также на мысовых площадках коренной террасы (высота 15-20 и более м). Площадь памятника составляла не менее 25 га. Экспедицией ГГУ им. Ф.Скорины вскрыты 2 траншеи и шурф площадью 41 кв. м. Исследования в северо-восточной части памятника показали, что древнерусские напластования перекрывают собой остатки стоянок неолита - бронзы, селищ позднезарубинецкой и пражской культур. Древнерусские объекты X-XI вв. представлены остатками глинобитного гончарного горна и углубленных в материк сооружений. Они открыты в «нижней» части поселения (ур. Подгорье). Вещевой материал представлен круговой керамикой (преимущественно второй половины X-XI вв.), единичными обломками плинфы (желтой и

красноватой), шпорой XII-XIII вв. и др. Керамика XII—XIII вв. встречается не на всех участках поселения и, вообще, редка. Плинфа - находка более чем примечательная. Технологический анализ плинфы, обломков керамики X-XI вв., а также сырой глины из естественного обнажения на южной окраине Моховского комплекса показал их идентичный минералогический состав. Значит, в Мохове существовало производство кирпича - «плинфотворение». Дальнейшие исследования должны разъяснить вопрос о том, куда поступала выжженная в Мохове плинфа: для строительства в ближайшие города или для сооружения местного храма?

Часть поселения являлась городищем (ур. Причелок). Из-за многолетней распашки следы укреплений выявить сложно. На городище может указывать само расположение части памятника на отрогах коренной террасы, имеющих следы эскарпирования. Площадь 50x150—200 м (2,3-3,0 га). В обнажениях зафиксирован слой мощностью 0,4-0,5 м, который содержит круговую посуду X-XI вв. (редко попадается керамика XII—XIII вв., встречены обломки керамических сопел и др.). Интересно отметить, что с напольной стороны Причелка прослеживаются остатки трех дугообразных всхолмлений, отделяющих мыс от напольной стороны. Вероятно, это - следы оборонительных валов.

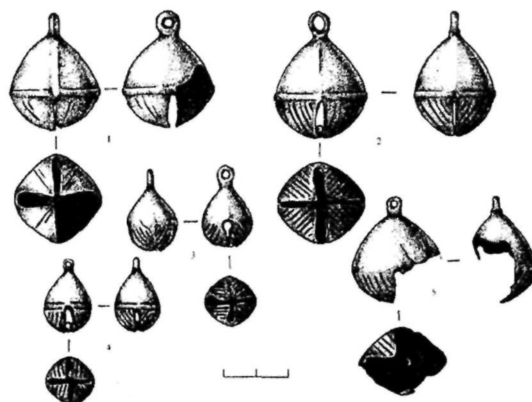

Рисунок 83 - Мохов, курган 105. Бронзовые бубенчики (1—5)

Мохов заметно выделяется из массива селищ и могильников радимичско-дреговичского пограничья. Мы имеем дело не только с крупнейшим поселением Руси на землях Верхнего Поднепровья, но и с достаточно ранним. По размерам, топографическим и иным особенностям Мохов сопоставим с известными ОТРП IX-XI вв. (Гнездово, Шестовица, Тимерево и пр.). Иноэтничный (по отношению к местным дреговичам и радимичам) и разноэтничный (кривичи, балты, финно-угры, возможно, волыняне и потомки выходцев из Скандинавии) состав моховского населения, его выраженный социально-обособленный и вооруженный характер, крупные размеры памятника, позволяют предполагать, что в X-XI вв. на берегу Днепра недалеко от устья Сожа размещалось обширное поселение, значительную часть жителей которого составляли воины и члены их семей. Следует отбросить мысль о том, что Мохов в это время контролировали отряды бродячих викингов-варягов или ватаги местных «ушкуйников». В условиях древнерусской действительности второй половины X - первой половины XI вв. (а это - время наиболее активной жизни Мохова), когда исторической реальностью стала мощная держава Ольги, Святослава Игоревича, Владимира Святого и Ярослава Мудрого, расположение на северных подступах к Киеву неподвластного им многолюдного военного лагеря представляется сомнительным. Только великие князья могли быть инициаторами создания и гарантами последующей жизнедеятельности столь крупного поселения. Вопрос заключается в том, с какой целью оно создавалось, и почему оно было основано именно в этой местности. Судя по дате основного материала, Мохов активно функционировал как во времена Владимира Святославича, так и в период противостояния братьев Ярослава и Мстислава Владимировичей, которые временно расчленили Русь на две части по Городецкому соглашению 1026 г. [2, с. 100]. В 1020-х гг. Мохов оказался во владениях Ярослава. Однако первые погребения появились здесь раньше конфликта сыновей Владимира. Так, курган 77 датируется первой половиной X или концом IX в. Следовательно, проблему возникновения Моховского лагеря следует искать вне плоскости только внутрирусских межкняжеских проблем.

Мохов находится весьма удобно - почти в устье Сожа, на берегу озера, которое могло служить гаванью и местом верфей. Главная причина возникновения здесь крупного военизированного поселения должна лежать в сферах военно-политической и социально-экономической. Если говорить о первой, то таковой могла быть необходимость для Киева подчинения дреговичей (дата их «первого» - на условиях данничества - вхождения в состав Руси по летописям неясна; судя по сообщению К. Багрянородного, она должна быть определена временем не позднее середины X в.) и радимичей (последний поход на них, сокрушивший местный сепаратизм, завершился победоносной для Киева битвой на р. Песчане 984 г.). Мохов был крупным военным лагерем на днепровском отрезке пути «Большого полюдья», который поэтапно создавался и

укреплялся Киевом в X - первой половине XI вв. (возможно, и с конца IX в.), т.е. в период «собирания» и окончательной консолидации восточнославянских земель вокруг Киева. Е.А. Шинаков образно отметил, что к 984 г. земля радимичей «оказалась окруженной как стальными клещами опорными пунктами русов», при покорении радимичей «русские применяли прием стратегического окружения их территории, как обычно поступали и с другими племенными союзами и княжествами». Затем они нападали на противника из нескольких военных лагерей (например, из Гнездово под Смоленском, Шестовицы под Черниговом и Левенки под Стародубом) [248, с. 73]. Исследователь обозначил возможные северные, южные и восточные векторы экспансии Киева на радимичей. Полагаю, что материалы Мохова могут указывать и на юго-западное направление нанесения ударов. Понятно присутствие в Мохове воинов-кривичей (с семьями), прочих выходцев из северных и иных территорий. Именно они, не связанные напрямую с местной этнической средой (особенно, с радимичской и дреговичской аристократией) и в силу обстоятельств инкорпорированные в нее, выступали инструментом подчинения Киеву аборигенного населения. «Северные» воины были основным населением военных лагерей Руси второй половины X - первой половины XI вв. и в Брянском Подесенье (скандинавы, славяне. балты, финны) [249, с. 20]

Обычай Владимира Святославича использовать «северные» отряды для решения собственно южнорусских (и в целом русских) военно-политических проблем хорошо известен. В X в. для Руси стала реальной печенежская угроза. Тюрки-печенеги заняли северопричерноморские степи еще в конце IX в. Пик их агрессивности приходится на вторую половину X - начало XI вв. Они убили великого князя Святослава, возвращавшегося с балканской войны (972 г.). Печенежский натиск на Русь усилился в конце X в. Владимир Святославич был вынужден принять меры по усилению обороноспособности Руси. Он мобилизует силы молодого государства и в конце 980-х гг. предпринимает грандиозные работы по возведению южнорусской оборонительной линии. Она была призвана защищать киевские владения от степняков. Согласно летописи, Владимир в 988 г. переселил в зону строительства крепостей из подвластных ему северных территорий «лучших мужей» (надо полагать, бояр и прочее воинство). Среди «нарубленных» воинов-строителей находим кривичей, словен, вятичей, чудь (финнов). Летописец свидетельствует: «И нача (Владимир - О.М.) ставити городы по Десне, и по Востри, и по Трубежеви. и по Суле, и по Стугне. И поча нарубати муже лучшие от словен, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сих насели грады; бе бо рать от печенег. И бе воюяся с ними и одолая им» [2, с. 83]. Летописец, описывая действия Владимира по укреплению границ, обозначил основные направления его военно-строительной политики на юге Руси. Полностью перекрыть границу огромной державы крепостями и «Змиевыми валами» [250] было невозможно. Учитывая тактику и стратегию кочевников, порубежные районы приходилось защищать способом «глубоко эшелонированной обороны». Отряды степняков обходили пограничные крепости и уже Б глубоком тылу киево-русских владений творили разбой и грабеж. В 997 г. (спустя годы после начала создания южнорусской оборонительной линии) Владимир отправился из Киева в Новгород за воинским подкреплением. Печенеги, обойдя южнорусские заставы, стремительно подошли к Белгороду Киевскому (расположенному рядом с Киевом) и взяли его в осаду [3, стб. 112]. В условиях ожесточенной борьбы за киевский престол князей-братьев Святополка и Ярослава первый не раз призывал печенегов на Русь. Но оба раза степняки были разгромлены Ярославом (в 1016 и 1019 гг.) у Переяславля и, что примечательно, у Любеча, который находится рядом с Моховом [3, стб. 129, 131].

Расположение Моховского лагеря, присутствие в его составе «северных» воинов в конце X - начале XI вв. соответствуют исторической ситуации, описанной летописцем. Поэтом) вправе полагать: в условиях печенежской опасности для Руси требовалось постоянное поддержание обороноспособности даже удаленных от южного рубежа градов и военных лагерей. К числу последних могло относиться и Моховское поселение, которое «запирало» Гомельское Поднепровье с юга. Необходимо заметить, что примерно в 10 км к югу от Мохова, под стенами Лоевского замчища находится известный «Татарский брод» - мелководный участок русла Днепра. В XVI в. он неоднократно использовался в качестве переправы крымскими татарами. которые постоянно вторгались в пределы Великого княжества Литовского. Как свидетельствуют источники, особенно разорительными были набеги 1505, 1506, 1536, 1538 гг. Форсировав Днепр в этом месте, татары не раз доходили до глубинных земель Белорусского Полесья и даже Центральной Беларуси (в 1530-х гг. они прорывались на Лоеву Гору, на Петриков и на Слуцк) [250, с. 390; 251, с. 389]. Данное направление для нападения на восточнославянские земли было

славна известно степнякам. Этой «наезженной» дорогой, вероятно, стремились пройти и исторические предшественники татар - печенеги, торки, половцы. Одной из стратегических задач Мохова в X-XI вв. мог быть контроль за передвижением степняков и оказание им отпора. Разноплеменное воинство, помещенное киевскими правителями в Мохове, было призвано исключать просачивание отрядов кочевников в глубинные районы Поднепровья.

Родина оказавшихся в Мохове воинов-кривичей - Смоленщина или Полотчина. Если принять второе предположение, то полочане могли быть наняты или выведены («нарублены») Владимиром Святославичем после разгрома княжества Рогволода в начале 980-х гг. Именно в конце X - первых десятилетиях XI вв., в Мохове начинают распространяться кривичские браслетообразные кольца. Впрочем, судя по материалам кургана 77, ранние кривичи присутствова-- здесь еще в конце IX - первой половине X вв. Обряд захоронения и инвентарь многих погребений Мохова конца X - первой половины XI вв. аналогичны кривичским курганам Заславля-Изяславля под Минском [247, с. 42-53]. Это обстоятельство заслуживает специального исследования.

Мохов уже в конце IX - первой половине X вв. функционировал в качестве одного из опорных пунктов киевского полюдья, организованного Олегом Вещим или Игорем Рюрикови--м и контролировавшегося гарнизоном княжеских дружинников, союзников и наемников. Одной из главных задач Мохова могло быть противостояние радимичам, сохранявшим (несмотря на даннические, т.е. в известной степени, временные отношения с Киевом) свою «племенную» автономию до битвы 984 г. Северо-восточнее Мохова проходит южная граница курганов конца X-XI вв. (вероятно, отражающая и более ранние реалии) с этноопределяющими вещами радичичей. Мохов (вместе с Лоевом) как бы «запирает» главную водную артерию радимичей (Сож). Он мог являться очагом государственной экспансии в северном и северо-восточном направлениях. По мере ликвидации автономии, «окняжения» и христианизации радимичских земель, возрастания роли княжеских городов (Гомия, Речицы и др.) - значение Мохова падает. В конце XI-XII вв. он превращается в одно из рядовых селений. Дружинные лагеря Руси (аналоги Мохова) прекращают свое существование в связи с тем, что в начале-первой половине XI вв. они выполнили свою историческую задачу по захвату «племенных» регионов и присоединению их к Киеву.

В советской и постсоветской историографии обращено внимание на особую категорию памятников Руси, за которой закрепилось наименование «открытые торгово-ремесленные поселения» (ОТРП). Нередко их называют «военными» или «дружинными лагерями» [252, с. 139; 248, с. 73-79]. Их изучением занимались И.В. Дубов, В.А. Булкин, Г.С. Лебедев, А.Е. Леонтьев, В.Я. Петрухин, Т.А. Пушкина, П.П. Толочко, В.П. Коваленко, Е.А. Шинаков и многие другие. «Классическими» примерами ОТРП в историографии представлены Ладога, Гнездово, Шестовица, Тимерево и др. [см.: 253, с. 11-17; 254; 174, с. 50-59; 255, с. 51-83]. Параметрам ОТРП соответствует и Менское поселение под Минском, более известное как «городище (или поселение) на р. Менке». С категорией ОТРП, вероятно, связано и Городищенское поселение в Западном Полесье, расположенное в 12 км от летописного Пинска. Оно исследовалось О.В. Иовом [256, с. 117-134]. А.П. Моця полагает, что к категории ОТРП может быть причислен ряд крупных поселений Среднеднепровского Левобережья, располагавшихся на средневековом торговом пути из Булгара в Киев. Но расцвет жизни этих поселений приходится на более поздний период - XI-XII вв. [154, с. 69-70]. ОТРП, на первый взгляд, как-будто занимают историко-типологическую нишу между сельскими поселениями и раннефеодальными городами Древней Руси. Общими признаками ОТРП выступают: 1) расположение на важнейших торговых артериях, в т.ч. на их волоковых участках; 2) значительный процент социально-обособленного военизированного населения; 3) крупные размеры поселений (Ладога - около 18 га, Гнездово - около 16 га, Тимерево - не менее 10 га, Менское - не менее 30 га) и сопутствующих им могильников (Гнездово - около 6000 курганов); 4) высокий уровень развития ремесел, в т.ч. узкоспециализированных (металлургического, кузнечного, ювелирно-литейного, иногда - стеклодельного, кораблестроительного и пр.); 5) свидетельства развитой международной торговли - наличие кладов и отдельных находок монет, весов, гирек-разновесов, предметов ближневосточного, среднеазиатского, европейского импорта и пр.; 6) наличие в топоструктуре многих памятников городищ (Гнездово, Шестовица, Менское и др.); 7) полиэтничный состав населения с присутствием в разных соотношениях славянского, балтского, финно-угорского, скандинавского и др. элементов; 8) общая хронология (возникновение во второй половине VIII—IX вв. и полнокровное функционирование в X - начале (первой половине) XI вв., постепенное затухание активной

жизни на протяжении XI в. Можно выделить и иные моменты, связывающие известные ОТРП в единую категорию памятников, но они требуют отдельного рассмотрения.

Проблематичной выглядит интерпретация социально-экономической и политической сущности ОТРП, которую определяют по-разному. Можно попытаться выделить функции данной категории населенных пунктов, которые убедительно документированы раскопками. К ним следует причислить военную, торговую, ремесленную, аграрную. Можно предполагать и наличие фискально-административной функции. Все эти моменты решительно отмежевывают ОТРП от рядовых сельских поселений и тесно сближают их с городами. Наличие аграрной функции не должно смущать - даже крупные феодальные города Руси носили «полуаграрный» характер [174, с. 79-99]. И.В.Дубов квалифицировал аналогичные поселения Верхнего Поволжья (Тимерево, Петровское и пр.) как «протогородские» [257, с. 70-72]. В.Я. Петрухин и Т.А. Пушкина трактуют такие памятники в качестве опорных пунктов великокняжеской власти [254, с. 109]. В целом с последним мнением согласны (во всяком случае, относительно Шестовицы) В.П. Коваленко, А.П. Моця и Ю.Н. Сытый, которые рассматривают Шестовицкий комплекс в качестве военного лагеря киевских князей [255, с. 53].

П.П. Толочко, анализируя раннюю историографию, пришел к выводу, что исследователи ОТРП усматривают в них «практически полный набор признаков раннефеодального города», хотя данного рода поселения не являются «стадией в жизни восточнославянского города», а только - «одним из путей его образования». Оценка представляется справедливой. Однако ученый сделал заключение, что данный путь является «тупиковым», поскольку он «был обусловлен преимущественно факторами внешнего социально-экономического развития» [174, с. 59]. Почти все исследователи, затрагивавшие вопросы истории ОТРП, косвенно или напрямую связывают эту категорию поселений с городами. Но назвать Гнездово, Шестовицу или Тимерево - социально-обособленную категорию поселений «городами» - почти никто не решился. И главная тому причина - раннее угасание жизни на большинстве из них (XI в.). В письменных источниках не встречаются (кроме, может быть, Ладоги, Менска и некоторых иных) упоминания об этих пунктах. Это выглядит странным: молчанием обойдены как раз те самые крупные поселения, которые имеют явные признаки ранней урбанизации. А ведь именно эти центры должны были сыграть прямо или косвенно определяющую роль в становлении государства. В летописях есть Смоленск, но нет Гнездова, есть Чернигов, но нет Шестовицы, есть Ярославль, но нет Тимерево или Петровского. В чем же дело?

Следует определиться с наименованием рассматриваемой категории поселений. Соглашусь с П.П. Толочко в том, что широко бытующее название этих памятников «открытыми торгово-ремесленными поселениями» (ОТРП) не совсем удачно отражает историческое содержание данной разновидности поселений [174, с. 50-51]. Впрочем, в дальнейшем изложении сохраню это наименование, отдавая дань историографической традиции. Сомнение вызывает правильность определения ОТРП в качестве «открытых». В Гнездове сохранились два городища, в Шестовице тоже два (правда, одно существовало позднее времени расцвета поселения), Е Тимереве обнаружены следы укреплений, Менское поселение стало известным именно благодаря своему городищу. В Ладоге для древнейшего периода ее существования ситуация непонятная, но сама топография памятника не исключает, а скорее подчеркивает укрепленный характер первоначального поселения. Примеров достаточно, чтобы усомниться в «открытом» характере памятников (хотя бы значительной их части). Определение изучаемых поселений в качестве «торгово-ремесленных» не представляется достаточным. Огромное значение торговли и ремесла в жизни ОТРП несомненно. Но если вспомнить о немалом количестве находок сельскохозяйственных орудий труда, то следует признать и значительный удельный вес аграрных занятий. Особенно ярко эта картина проявилась на Менском поселении [258, с. 30-63]. В Шестовице под Черниговом серпы, косы, наконечники пахотных орудий, жернова являются распространенной находкой [255, с. 61]. Значит, определять данную категорию поселений только в качестве «торогово-ремесленных» нельзя. И нельзя эти функции ставить на первый план, поскольку никаких реальных подсчетов соотношения торгового, ремесленного, аграрного и прочих элементов в экономике и социальном составе населения ОТРП на сегодняшний день нет.

Не только экономические параметры деятельности определяли сущность ОТРП. В.Я. Петрухин и Т.А. Пушкина обоснованно усмотрели в них функции «опорных пунктов великокняжеской власти» [254, с. 109]. Следовательно, в определении ОТРП не отражена функция политико-административная. Почти все исследователи отмечают высокий процент среди жителей ОТРП военизированного населения. Думается, что именно этот фактор во многом и

представляет историческое «лицо» рассматриваемых памятников. Не следует забывать, что в этих поселениях воинский компонент представлен повсеместно. Тому подтверждения - боль--ое количество предметов вооружения (мечи, копья, топоры, наконечники стрел, части доспехов), воинского снаряжения (в том числе наборных поясов) в могилах. Немалое количество предметов, связанных с воинским бытом, выявлено и при раскопках самих городищ и селищ-посадов (особенно в Шестовице, Менском поселении). Анализ историко-археологического материала позволяет именовать рассматриваемые поселения «военизированными многофункциональными» (ВМФП). При всех недостатках любого определения предложенное будет точнее соответствовать историческому содержанию данной категории памятников.

Остается дискуссионным вопрос о топографическом и хронологическом соотношении ОТРП-ВМФП с «настоящими» феодальными городами. На расстоянии примерно 7-20 км (исключения есть, но они подтверждают правило) от рассматриваемых памятников обычно находятся остатки городов, известных летописям. Бинарное их расположение давно замечено: Гнездово - Смоленск, Тимерево - Ярославль, Сарский городок - Ростов, Шестовица - Чернигов, Левенка - Стародуб, Менское поселение - Минск на Свислочи. Этот перечень можно продолжить. Отсутствие в Смоленске разведанных отложений X в. способствовало развитию гипотезы о «переносе городов» [257, с. 70-72]. О «переносе» Менского поселения с р. Менки на р. Свислочь говорит Г.В. Штыхов [227, с. 63-72]. Действительно, археологи не нашли выраженных отложений X в. ни в Смоленске, ни в Минске на Свислочи. Однако это не означает, что ранних слоев здесь не было. Раскопки велись не во всех частях исторических зон данных городов многие участки застроены и недоступны для исследователей), во-вторых, в этих городах многовековыми строительными работами срезаны гектары наслоений. Впрочем, по некоторым косвенным данным, «не-гнездовский» Смоленск в X в. действительно существовал и мог разви--ться параллельно с Гнездовом [259, с. 6-8]. В большинстве случаев бинарного расположения собственно города и ОТРП-ВМФП мы видим их синхронное (хотя бы на определенном отрезке времени) существование (с постепенным возвышением первого и медленным угасанием второго). После исследований Н.Н. Воронина и А.Е. Леонтьева бесспорным представляется параллельная жизнедеятельность Ростова и Сарского городка [260, с. 22]. Аналогична история летописного Листвена и поселения Лесковое на Черниговщине [261, с. 71-73]. Чем более тщательно исследованы «бинарные» памятники, тем больше оснований говорить об их одновременном существовании. В этом плане внимания заслуживают новейшие материалы исследования Шестовицы. Параллельное развитие Шестовицы и Чернигова представляется установленным фактом [255, с. 51-83].

Давно обращено внимание на типологическое родство ОТРП Руси и приморских «виков» Балтийского региона [253, с. 11-17]. П.П.Толочко пишет о сосуществовании немецких «виков» Хайтхабу и города Шлезвига, шведских Бирки и города Адельзо. Он приходит к выводу о том, что парное существование этих и подобных им центров в доказательстве не нуждается [174, с. 54]. Так в чем же причина параллельного существования ОТРП и феодальных городов? И почему практически все ОТРП угасают в XI в.? Ответ на первый вопрос сводится обычно к тому, что ОТРП выполняли преимущественно торгово-ремесленные функции, а раннефеодальные города - административно-политические. Наверное, это так и есть (на стадии их сосуществования). Но остается непонятным, почему эти средоточия ремесла и торговли были в X-XI вв. территориально отнесены от городов (на час-три пешего хода) и почему княжеской власти в XII—XIII вв. (когда ОТРП прекратили существование) не мешало размещение в городах ремесленников и купцов. Видимо, дело не в них. Исследователи обнаруживают в составе населения ОТРП «военный, дружинный» (по терминологии данной работы - «военизированный») элемент, но лидирующая военная функция таких поселений обычно «тонет» на фоне ремесленной и торговой. И напрасно, поскольку процент воинских захоронений в могильниках (так или иначе связанных с ОТРП) более чем высок.

Анализ историко-археологического материала подводит к выводу о том, что многие (если не все) военизированные многофункциональные поселения Руси IX-XI вв. являлись ни чем иным, как топографически обособленными частями городов - своеобразными поселениями-спутниками. ВМФП объективно выполняли (дополняли, отчасти дублировали), вероятно, не все, но значительную часть спектра «городских» функций. Они действительно были отдельными поселениями, но преимущественно в географическом измерении. Превалирующее военное (военно-полицейское) направление жизнедеятельности во многом предопределило их «выносной» (за пределы «основной» части города) характер размещения. И здесь может скрываться

часть разгадки этой, на первый взгляд, парадоксальной ситуации парного существования городов и их спутников. Воинские контингенты киевских князей во второй половине IX-X вв. (а потом, ближе к концу X в. - и их вассалов) были предназначены для решения внешнеполитических проблем (походы на Византию, Волжскую Булгарию, Хазарию, Польшу). Вторая, не менее важная, задача - «собирание» местных земель с ликвидацией власти «племенной» аристократии. В условиях становления государственности киевские князья объективно не могли создать «общенациональную» регулярную армию и пошли по пути формирования армии из наемников, союзников и данников-ополченцев (при наличии у князей относительно небольших профессиональных дружин). Летописец, повествуя о событиях истории Руси IX-X вв., не раз подчеркивает «полиэтничный» состав войск великих князей. Олег, направляясь в 882 г. из Новгорода на завоевание славянских земель и самого Киева, собрал армию из варягов, чуди, словен, веси и кривичей [2, с. 38]. В 907 г., угрожая Византии, он ведет на нее огромное войско, состоявшее из варягов, словен, чуди, кривичей, радимичей, мери, древлян, полян, северян, вятичей, хорватов, дулебов и тиверцев [2, с. 44]. Но уже в летописных статьях, посвященных событиям второй половины XI-XIII вв., на этническую принадлежность великокняжеских и княжеских ратников особенного внимания не обращается. Войско указанного периода формировалось не по этническому признаку. Правда, летописи содержат сообщения о подразделениях, состоявших из торков, черных клобуков. Но здесь речь идет об особых формированиях федератов Руси, а не о ее «регулярной» армии. Последнее обстоятельство не меняет общей картины. Данные наблюдения указывают на временный и, в значительной степени, наемный характер военизированных формирований великих князей в X - начале XI вв. Примеров найма иностранных воинов предостаточно. Такие сообщения имеются и в северных сагах, и в летописях [262, с. 100, 110; 263. с. 133-134; 2, с. 142, 144, 162].

Летопись указывает на проблемы, возникавшие при квартировании наемников. Показателен рассказ о конфликте Владимира Святославича с варягами, который имел место в Киеве около 980 г. Тогда выходцы с севера затребовали высокую плату за наемничий труд (по 2 гривны от жителя), объявив столицу Руси захваченной («се град наш»). Не без труда Владимир сумел отказать им и справиться с жадными устремлениями пришельцев. Некоторым их «мужам добрым, смысленым и храбрым» он раздал некие «грады» (возможно, крепости во временное управление). Основная же масса наемников, учитывая их желание стать высокооплачиваемыми гвардейцами, была умело направлена ко двору византийского императора. При этом Владимир. не желая портить отношения с Византией, послал ему предупреждение: «Се идут к тебе варязи, не мози их держати в граде, оли то створять зло, яко и сде, но расточи я разно, а семо не единого» [2, с. 92]. Владимир не раз сталкивался с бесчинствами наемников (они «створять зло»). будучи размещенными в городах, поэтому эту стихию следует рассредоточить и не допустить ее единения. В 1015 г. жители Новгорода Великого восстали против произвола размещенных в городе наемников Ярослава и их перебили: «Варязи бяху мнозии у Ярослава. И насилие творяху новгородцем и женамъ ихъ. Всташе новгородци, избиша варягы во дворе Поромони» [2. с. 154]. Таких конфликтов, вероятно, было больше тех эпизодов, которые отразились в летописи. Древнерусские князья вынуждены были держать наемное воинство вне городских стен и создавать для них отдельные поселения - спутники.

Большая часть ОТРП исчезает к середине XI в. П.П. Толочко полагает, что это было связано с изменением направлений международных торговых путей и активной деятельностью власти по созданию городов [174, с. 58-59]. Видимо, это так. Но были и другие факторы, которые способствовали затуханию жизни ОТРП. В конце IX - первой половине XI вв. идет процесс «огосударствливания» «племенных» территорий. Главным инструментом этой политики были ОТРП-ВМФП. В XI в. они выполнили свои задачи и постепенно сошли с исторической сцены. Во второй половине (конце) XI - начале XII вв. по всей Руси появляется масса феодальных замков, что свидетельствует о процессе оседания дружинного сословия на землю. Широкие экономические возможности окрепшего государства, далеко зашедший процесс феодализации позволил правителям перейти от практики «одаривания» дружины и наемников деньгами. «оружием и портами» («вассалитет без ленов») к практике раздачи в держание или собственность земельных угодий с селами и крестьянами. Энергия беспокойной разноплеменной массы воинов была направлена в русло обустройства феодальных хозяйств, эксплуатация которых по сравнению с непредсказуемыми результатами военными походами, приносила их владельцам устойчивый доход и обеспечивала содержание постоянно разраставшегося окружения. Вопрос о времени начала оседания на землю дружинного сословия остается открытым, но общие

хронологические рамки этого процесса понятны. Б.А. Рыбаков, указывая на высокую степень концентрации и рассредоточенную топографию дружинных погребений возле Чернигова, полагал, что эта картина является отражением процесса оседания на землю уже в IX-X вв. Л.В. Черепнин вполне убедительно показывал, что этот процесс был исторически продолжительным, но применительно ко второй половине XI в. он выступает свершившимся фактом [264, с. 126—251]. Исследователь принял во внимание материалы Смоленщины, которые свидетельствуют о массовом появлении в конце XI - начале XII вв. феодальных замков [105, с. 124]. Именно процесс развития феодальных отношений на Руси и оказался главным «могильщиком» ОТРП-ВМФП. Расцвет Ладоги и Гнездова-Смоленска, упомянутых на первых страницах летописи, приходится на IX-X вв., «звездный» час Шестовицы - X в., «взлет» Мохова - вторая половина X - первая половина XI вв. Эти даты, построенные на материалах археологии, отражают историческую реальность поэтапной феодализации регионов Руси. Историю Мохова правомерно рассматривать на фоне событий окончательного присоединения к Киеву радимичей и создания на землях дреговичей Туровского стола.

Был ли Мохов чем-то исключительным в Гомельском Поднепровье? Иных таких памятников не зафиксировано. Вправе предполагать наличие здесь менее значительных военизированных поселений. Их поиск предлагаю вести возле городов, в первую очередь, близ Лоева, Брагина, Речицы и Рогачева. У Лоева, кроме Мохова, видим иные памятники X-XI вв., которые могут отражать наличие на ближайших подступах к Лоевскому городищу воинских застав. Они не были связаны напрямую с местной этнокультурной средой и были вызваны к жизни необходимостью контроля над подходами к киевским опорным пунктам. Памятники, выпадающие из контекста сельской культуры, отмечены у дд. Колпень и Сенское. Колпень находится в 7-8 км к западу от Лоевского городища на развилке старых дорог в Лоев и Мохов. На площади могильника, в котором В.З. Завитневич исследовал 18 курганов с ингумациями на горизонте, местные жители собрали много предметов, в т.ч. железные топор и 2 наконечника копий. При раскопках найдены бронзовые бляшки и пр. Автор работ замечал, что «Колпеньский могильник, со стороны погребального обряда, представляет явление, совершенно аналогичное с Моховским могильником», но без кремаций [20, с. 16-17]. Итак, в Колпени мы видим воинские погребения на фоне отсутствия этноопределяющих украшений. Распаханный могильник у д. Сенское (Синск) насчитывал 25 насыпей. Он располагался в 12-13 км юго-западнее Лоевского городища по старой дороге в Брагин. В.З. Завитневич раскопал 9 курганов. Встречены только кремации. Найден железный топор. Могильник отличается обрядностью и находкой предмета вооружения.

Сходная ситуация с расположением «необычных» могильников X-XI вв. прослеживается и возле Брагина. Раскопками В.З.Завитневича открыты предметы вооружения и воинского быта. В курганах найдены боевые и универсальные топоры [20, с. 8-72]. В 4-5 км от Брагина у д. Малейки по старой дороге на Лоев в конце XIX в. находились остатки двух могильников. Раскопки в ур. Курганье дали такой результат: в каждом из них отмечены остатки вертикально вкопанных столбов, поднимавшихся на поверхность насыпей. В основании курганов - зольно-угольный горизонт. Только один курган содержал в этом горизонте кремированные кости. В могильнике, расположенном в ур. Горки Под Котловицами в 1 версте от первого, раскопан 1 курган. На подошве - зольно-угольный слой, на котором лежал железный топор. Особенность Малейковских курганов - обряд захоронения и наличие топора. Примерно в 8-10 км км к северо-западу от Брагина находится д. Микуличи. В конце XIX в. среди пахотных полей в ур. Горки Возле Микуличского Двора сохранялись остатки крупного могильника (оставалось до 60 насыпей). В.З. Завитневич исследовал 13 курганов. В 10-ти из них- ингумации в необычно крупных ямах, названных автором раскопок «склепами». Есть основания предположить, что речь идет о т.н. камерных гробницах, характерных для древнерусской воинской среды X-XI вв. Стенки могил обмазаны известью или обложены берестой. В 4-х курганах найдено по одному топору (как минимум, три из них боевые) и «засапожный» нож. Прочие находки из Микуличей также связаны с военно-дружинными традициями. Это конские удила с мундштуком, небольшие весы и весовая гирька с рисунком, костяные рукоятка, части накладок на лук и др. Сразу в нескольких курганах оказались остатки ведер, причем в одном случае ведро было украшено серебряными бляшками. Все указывает на неординарный характер памятника. Он имеет мало общего с крестьянской культурой. Рядом с Микуличами в могильнике у д. Пожарки (может быть, оставленном местным населением) выявлено кольцо с крупнозернеными бусами дреговичского типа [8, рисунок 26: 18]. На подступах к летописному Брагину имелись как обычные поселения, так и

заставы, контролировавшие дороги. Слабая изученность Брагина пока не позволяет говорить о его существовании уже в X в.

Раскопки курганов близ Речицы (В.З. Завитневич) также выявили наличие воинских застав древнерусского периода. Близ Казазаевки, расположенной в 4-5 км от Речицкого городища по старой дороге на Лоев, в конце XIX в. отмечалось не менее 4-х могильников. В могильнике в ур. Дивий Луг найден железный топор. Вблизи д. Холмеч в т.н. «Дубовицкой группе» насчитывалось 113 курганов. В.З. Завитневич раскопал 13 насыпей. В 1 кургане открыто сожжение на горизонте, в 2-х - груды костей животных (бык, лошадь, коза, овца, свинья), в остальных - ингумации на горизонте. В двух курганах выявлены железные топоры, в двух - чашки из местной черепахи (3 экз.), в одном - из человеческого черепа. В Верхнем Поднепровье аналогов таким находкам нет. Обычай изготовления костяных чаш, особенно, из человеческих черепов, ведет свое происхождение из элитной военной среды кочевников. Из летописи известно, что из черепа убитого в 972 г. князя Святослава печенежский хан изготовил питейную чашу. По-видимому, в ряде курганов близ Холмеча были погребены кочевники. Учитывая, что их хоронили на общих кладбищах со славянами, можно предположить о том, что сюда они могли попасть в составе интернациональных отрядов киевских князей. Расположение на подступах к Речице воинских застав повторяет картину, которая наблюдается у Брагина и Лоева: особенности обряда, находки предметов воинского быта, отсутствие этноопределяющих предметов коренного населения. Возле Рогачева, в 16-18 км от него можно предполагать наличие заставы конца X-XI вв., которая располагалась к югу от д. Гадиловичи по дороге на д. Городец. В раскопках Г.Ф. Соловьевой встречены только мужские ингумации на горизонте. В составе инвентаря - поясные накладки гнездовского типа. Этноопределяющие предметы отсутствуют.

Подведем выводы. В период становления Руси князья при поддержке активной в военном и предпринимательском отношении части населения инициируют создание поселений, которые в литературе получили наименование открытых торгово-ремесленных. Они были многофункциональными организмами с богатым спектром занятий населения, однако превалирующей была военная функция. Она определялась самой целью создания таких поселений - захват и контроль над местными «племенами», защита торгово-экономических интересов государства на крупнейших артериях международного значения.

Большая часть памятников Мохова датируется концом IX-XI вв. Комплекс состоит из городища, селища-посада и сохраняет остатки крупнейшего в Беларуси могильника. Раскопки выявили признаки развитой ремесленной деятельности, захоронения разноплеменного, социально-обособленного вооруженного населения. По основным признакам Мохов должен быть отнесен к категории ОТРП-ВМФП.

Курганы Мохова показывают, что его население было иноэтничным по отношению к местным радимичам и дреговичам. Его жителями были выходцы из северных, северо-западных районов Восточной Европы, вероятно, Северной Европы и иных регионов. Чуждые для Гомельского Поднепровья традиции представлены как в погребальном обряде, так и в вещевом наборе. В строении курганов отмечено применение камней, часть ингумаций ориентирована по финскому «меридиональному» обряду. «Северный» вектор отчетливо прослеживается уже Б инвентаре наиболее ранних сожжений. Несомненно присутствие в Мохове кривичей и носителей латгало-земгальских традиций. Предметы вооружения и воинского быта определенно показывают, что среди жителей Мохова воинство составляло более чем заметную часть. Ведь главной задачей было окончательное подчинение земель радимичей и дреговичей. С ней оно успешно справилось. В связи с началом массовой раздачи земель в феодальную собственность. формированием сословия бояр-землевладельцев, Мохов ближе к концу XI в. сходит с исторической сцены как сколь-нибудь заметное явление.

Поселения, типологически родственные Мохову, сыграли огромную роль в становлении древнерусских феодальных городов. Бинарное расположение Гнездово и Смоленска, Шестовицы и Чернигова, Менского поселения и Минска на Свислочи и т.д. явно отражает историческую закономерность и не может быть случайностью. Полагаю, что ОТРП-ВМФП были составными частями раннегородской историко-топографической структуры. Их географическое расположение примерно в 7-20 км от «настоящих» феодальных центров не имеет принципиального значения для определения исторической природы первых. Мохов, как показано выше. демонстрирует яркий пример ОТРП-ВМФП. Но рядом с ним как будто нет древнерусского города, упомянутого в летописи. В этой связи, а также в свете последних археологических наблюдений, можно утверждать: историческим спутником Мохова был Лоев, в котором имеются

остатки городища и обширного укрепленного поселения. Изучение Мохова поднимает вопрос о неравномерности процессов «огосударствливания», т.е. феодализации и последующей христианизации территории Руси.

В Гомельском Поднепровье в X-XI вв. и, возможно, позднее существовали и небольшие военизированные поселения типа застав, которые устраивались на подходах к городам или крепостям. Наиболее рельефно они прослеживаются на основании курганного материала в окрестностях Брагина, Лоева и Речицы. Судя по инвентарю захоронений и погребальному обряду, некоторые заставы могли быть сформированы из пришлого населения (в т.ч. и кочевнического происхождения). Пребывание в «глухих» районах региона простых «воев» - земских ополченцев - маркируют единичные захоронения на сельских могильниках радимичей и дреговичей. Археологический материал отражает социально-политические изменения в обществе, связанные с его феодализацией.

РАЗДЕЛ 9 МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, ХОЗЯЙСТВО, ТОРГОВЛЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ПЕРИОДА (КОНЕЦ XXIII вв.)

Экономика Древней Руси зиждилась на аграрной основе. Состояние сельского хозяйства земли радимичей проанализировано еще в первой половине XX в. Б. А. Рыбаковым [9]. Работа. посвященная развитию земледелия периода Древней Руси на белорусских землях, принадлежит Т.Н. Коробушкиной [265]. Развитие земледелия, животноводства и промыслов на землях дреговичей показано П.Ф. Лысенко [8, с. 103-114]. Характеристику особенностей сельскохозяйственных занятий древнерусского замка ввел в оборот Э.М. Загорульский [29, с. 74-79]. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы эпохи становления государственности рассмотрен Я.Г. Риером [119]. Автором настоящей работы собран материал, связанный с развитием земледелия, животноводства, промыслов в регионе. Сельскохозяйственные и промысловые занятия играли важную роль в жизни и сельского, и городского населения [266, с. 129]. Аграрные занятия горожан прослеживаются по материалам Гомеля. Города Руси носили полуаграрный характер. Значительная часть населения в условиях слабого развития рыночных отношений, была втянута в сельскохозяйственные занятия. Население городов «подпитывалось» за счет выходцев из сел. Бывшие крестьяне, не владеющие навыками ремесла и торговли, старались (или были вынуждены) на новых местах заниматься привычными видами аграрной деятельности.

Данные о развитии земледелия. Основным свидетельством развития земледелия в Гомельском Поднепровье выступают орудия обработки почвы, сбора урожая, косвенным - орудия переработки урожая. Все они представлены в археологическом материале. Ниже приводится неполный перечень основных находок. Часть важнейшего железного приспособления для обработки почвы - наральника - найдена в Збарове [170, с. 111-113; 267, с. 98-114]. Сошники встречены в Стрешине и Вищине [29, с. 75, рисунок 45; 52, с. 79-84], обломки сошников или наральников - на окольном городе Речицы. Не только сельские поселения, но и города изучаемого региона были окружены массивами старопахотных земель, о чем свидетельствуют находки наконечников пашущих орудий в Гомеле (рисунок 84), Чечерске, Рогачеве. На Чечерском городище в слое XII-XIII вв. выявлен наральник типа IA3 по классификации Ю.А. Краснова. Такие изделия встречаются на памятниках VII—XIII вв. лесостепной и лесной зоны Восточной Европы [265, с. 28, рисунок 2: 6; 268, с. 37, 63, 203-204; 121, рисунок 8: 3,4]. В последние годы появился еще один источник по истории развития земледелия в Гомельском Поднепровье. Как уже отмечалось, при раскопках в Гомеле отмечены следы древнерусских пахотных полей.

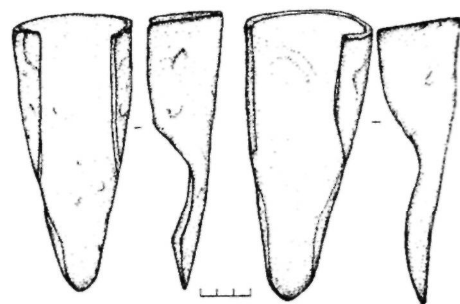

Рисунок 84 - Гомель, посад. Железные наконечники пашущих орудий

Орудием сбора зерновых культур служил серп. Серпы открыты на городищах Рогачева и Вищина [30, с. 171-172; 29, с. 75, рисунок 47], в курганах X-XII вв. могильников Студенка, Терюха, Демьянки, Курганье под Жлобином [13, с. 49], в Гомеле и Речице. Косы могли использоваться для заготовки сена и для сбора урожая зерновых культур [265, с. 53-54]. Они найдены в Рогачеве, Вищине [30, с. 171-172; 29, с. 75, рисунок 47], в курганах [13, с. 49; 52, с. 79-84], в Гомеле, на Речицком окольном городе и др. Обработка земли на лесных гарях, а также огородах требовала применения ручных орудий - мотыг и лопат. Мотыги известны в Вищине [29, с. 75, рисунок 23, 46]. Железные оковки деревянных лопат открыты в Гомеле (рисунок 85: 2). Переработка зерна в Древней Руси осуществлялась

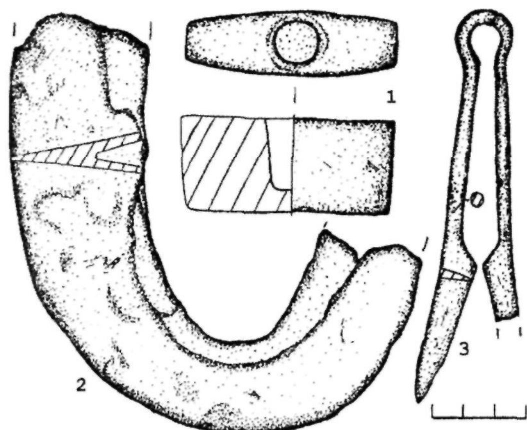

Рисунок 85 - Гомель, окольный город. Железные порхлица (1), оковка лопаты (2), пружинные ножницы (3)

посредством ручной мельницы, основу которой составляли жерновые камни. Они - постоянная находка на поселениях. Размолом зерна занимались жители сел, замков, городов. Изготавлива--сь они из камня - гранита, песчаника, туфа и овручского сланца. Жернова (чаще обломки) встречены в Рогачеве и Вищине [30, с. 171-172; 29, с. 75, 79], Гомеле, Чечерске, на поселении Демьянки (ур. Асавца), на Речицком окольном городе и др. Железные порхлицы для регулирования зазора между жерновыми камнями выявлены в Рогачеве, Вищине [30, с. 171-172; 29, с. 79, рисунок 47: 4], Гомеле (рисунок 85: 1). Обожженные зерна сельскохозяйственных культур встречены в Рогачеве (ячмень, бобовые) [30, с. 171-172], Вищине (на месте остатков сгоревшего амбара - скопления зерен ржи, ячменя, проса, остатки бобовых культур) [29, с. 75], Гомеле. О развитии садоводства свидетельствуют находки косточек сливы в Вищине и вишни - в кургане XI в. могильника Юдичи под Рогачевом [269, с. 18-22].

Данные о развитии животноводства. Органичной составляющей сельскохозяйственных занятий населения Гомельского Поднепровья древнерусского периода было животноводство. Скот служил источником мясной, молочной пищи, давал сырье для изготовления одежды и обуви, использовался в качестве тягловой силы и пр. Хозяйство предусматривало наличие крупного рогатого скота, лошадей, овец, коз, свиней. На памятниках Гомельского Поднепровья кости животных сохраняются плохо. В процентном отношении кости домашних животных в слоях, как правило, преобладают над костями животных диких. В пищу употреблялось, главным образом, мясо крупного рогатого скота, свиньи, мелкого рогатого скота. Материалы раскопок Стрешинского городища показали, что по количеству остатков особей здесь преобладает свинья, далее следуют крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, лошадь, собака. Доля домашних животных составляет 67,5 % остеологической коллекции [52, с. 188, табл. 9]. В Вищине 87,75 % костей принадлежит домашним животным. Среди них крупный рогатый скот составляет 38,1 % особей, свиньи - 23,81 %, мелкий рогатый скот и лошади - по 19,05 % [29, с. 79].

Исследуя коллекцию костей животных из раскопок Гомельского детинца (М.А. Ткачев, 1975 г.), которая насчитывает 485 экз. (96 особей), В.В. Щеглова установила, что останки особей домашних животных составили 60,4 %. [270, с. 74-82]. Домашние животные по количеству особей в Гомеле (по материалам тех же исследований) распределились следующим образом: крупный рогатый скот - 15, мелкий рогатый скот - 11, свинья домашняя - 20, лошадь - 9, собака - 1 [270, с. 74, табл. 1, 2]. А.В. Потапов исследовал две коллекции из наших раскопок в Гомеле. Костные остатки детинца (1988 г.) хорошо стратифицированы и датированы второй половиной XII - началом XIII вв. По количеству особей первое место разделяют крупный рогатый скот и свинья, далее следуют овца или коза, овца, коза, собака, лошадь. Костные остатки посада (1990 г.) второй половины XII - начала XIII вв. связаны с дворовладениями рядового населения. В коллекции оказались только кости домашних животных (крупного рогатого скота, свиньи, лошади, овцы или козы). На Чечерском детинце (раскопки М.А. Ткачева, 1974 г.) останки особей домашних животных достигли 73 % [270, с. 74, табл. 1]. По количеству особей они распределились так: крупный рогатый скот - 41, мелкий рогатый скот - 28, свинья домашняя - 40, лошадь - 12, собака - 1 [270, с. 74, табл. 1, 2].

Лесные промыслы (охота, смолокурение, бортничество). Население Гомельского Поднепровья обрабатывало преимущественно бедные песчаные и супесчаные (нередко сильно увлажненные) почвы, которые не всегда могли обеспечивать производителей достаточным объемом продуктов земледелия. Земли «полесий» не гарантировали крестьянам необходимого прожиточного минимума (зона «рискованного земледелия»). Часть урожая уходила в виде натуральных налогов в пользу государства и феодалов. Поэтому сельские жители придавали немалое значение развитию промыслов. Письменные известия по данной теме, касающиеся именно Гомельского Поднепровья древнерусского времени, отсутствуют. Но едва ли характер промыслов, особенно крестьянских, существенно менялся на протяжении средневековья. В этом плане интерес представляет инвентарь Гомельской волости 1560 г., где перечислены налоги крестьян в пользу государства. Кроме платежей деньгами, зерном, отмечены дани медом, указаны «ловы звериные, яко великого, так и малого звера, а теж куничные, беличные и инные всякие и пташие» (т.е. охотничьи угодья), упоминаются «ловы рыбные и гоны бобровые», «езовщина» (плата за устройство специальных ловушек на рыбу - «ез»). Крестьяне заготавливали дрова для государственных нужд [187, с. 100-102]. Часть промысловых занятий населения древнерусского периода можно проследить археологически.

Значительную роль в обеспечении жителей Гомельского Поднепровья продуктами питания, шкурами, мехом, костью, рогом играла охота. Кости диких животных встречены на всех

поселениях, где велись раскопки. На городище Стрешина остатки диких животных составляют 32,5 % коллекции (кости лося, бобра, единичны кости косули, кабана, лисицы, барсука) [52. с. 188, табл. 9]. В Вищине открыты останки не менее 11-ти особей диких животных: благородного оленя, трех лосей, трех бобров, двух кабанов, двух косуль [29, с. 79]. На городище Гомеля (раскопки М.А. Ткачева) количество особей диких животных составляет 39,6 %. Представлены зубр, лось, косуля, кабан дикий, медведь, лисица, куница, выдра, бобр, заяц [270, табл. 1, 2]. Согласно В.В. Щегловой, в рационе жителей Гомеля древнерусского времени мясо диких копытных животных (по сравнению с домашними) составляло в среднем 60 %. В охотничьей добыче первое место занимал лось, второе - кабан, меньше добывали косуль и зубров. Жители Чечерского городища потребляли диких копытных меньше. Добытые в Чечерске дикие животные распределяются по нисходящей следующим образом: лось, кабан, зубр, косуля. Коллекция костных остатков Гомельского детинца из наших раскопок, датированная второй половиной XII в. и исследованная А.В. Потаповым, дала следующую картину. По количеству особей преобладает лось, равные позиции занимают благородный олень, косуля, бобр и медведь. На Чечерском городище (раскопки М.А. Ткачева) количество особей диких животных составляет 27,9 %. Представлены зубр, лось, косуля, кабан дикий, медведь, лисица, куница, выдра, бобр. заяц [270, с. табл. 1, 2]. Добытые в Чечерске дикие животные распределяются по нисходящей следующим образом: лось, кабан, зубр, косуля. Около 60 % мяса в рационе населения составляло мясо диких копытных [270, с. 81, табл. 1, 2]. В.В.Щеглова пришла к выводу о том, что от 30 до 90 % мяса, потреблявшегося обитателями городов и поселений на территории Беларуси древнерусского периода, давали охотничьи копытные. Это говорит о том, что охота выступала важнейшей отраслью хозяйства по снабжению горожан мясной пищей и сырьем [270, с. 82].

На территории Гомельского феодального села-слободы раскопаны смолокуренно-дегтярные ямы XI в. Распространенным промыслом было бортничество. Его специфика оставляет мало археологических свидетельств. Бортничество предполагало получение двух основных продуктов - меда и воска. Прямым свидетельством наличия этого промысла на изучаемой территории являются достаточно редкие находки специализированных инструментов бортника - медорезок. По своей форме и размерам они практически не отличаются от медорезок современных пчеловодов. Они представляют собой коленчатые лопаточки-ножи с черенковой основой рукояти. Медорезка найдена в кургане XI—XII вв. у д. Хизов в Кормянском р-не [13, с. 49], два изделия такого рода - на селище Нисимковичи II в слое X в. [102, с. 167, рисунок 4: 4 - 5].

Речной промысел. Полноводные Днепр и Сож с притоками изобиловали рыбой. Это привлекало средневекового человека, в т.ч. горожанина. Рыбная ловля служила подспорьем в поддержании жизнедеятельности людей разного уровня достатка. Свидетельством рыбной ловли являются крючки из металлов. Серия крючков, острог, глиняных грузил и железная блесна происходят из Вищина [29, с. 88-92, рисунок 50]. В слое Рогачева имеются останки осетра, окуня, карпа [52, с. 86-87]. Аналогичные находки есть во всех изученных частях Гомеля. В отложениях детинца и окологрядья открыты залежи рыбьих костей и чешуи. На детинце найден обломок железной блесны (XII - первой половины XIII вв.). Повсеместно в Гомеле встречаются глиняные грузила, предназначенные для сетей. На посаде найдено свинцовое грузило, вероятно, имеющее отношение к рыбной ловле. Во всех частях города в отложениях XI—XIII вв. встречены железные трехзубые крюки-кошки, которые могли использоваться для вытаскивания сетей, а также для копчения рыбы и мяса (рисунок 86).

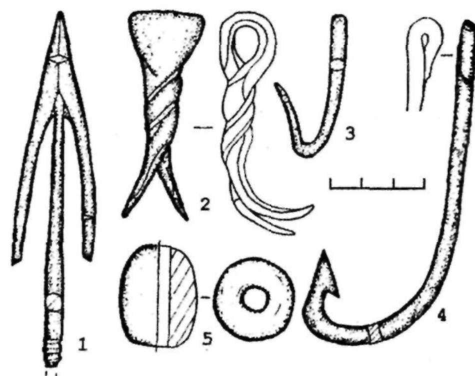

Рисунок 86 - Гомель. Принадлежности рыболовов: 1 - гарпун; 2 — крюк-«кошка»; 3, 4 - крючки; 5 - грузило (1-4 - железо, 5 - глина

Косторезное дело. Костяные изделия. Прядение и ткачество. Слои поднепровских поселений плохо сохраняют органические материалы. Но отдельные костяные предметы встречаются. Двухсторонние гребни, расчески, рукоятки ножей, накладки, пуговицы и пр. обнаружены в Рогачеве, Вищине, Збарове, Чечерске, Речице, Брагине, Гадиловичских курганах и др. Остановимся на материалах Гомеля. Опиленные рога оленя и лося неоднократно встречались на окологрядье и посаде в отложениях XI—XIII вв. В углубленной части постройки XII-XIII вв. (посад) расчищено скопление таких артефактов, что позволяет говорить о косторезной мастерской

Основные находки из кости и рога, сделанные на детинце, следующие. К числу ранних (не позднее XI в.), относится рукоятка ножа. Она украшена орнаментом в редкой технике «точечной» запрессовки в костяную основу тонких штифтов из цветного металла (рисунок 87). Этот дорогой предмет явно имеет отношение к феодально-дружинному быту. В Гомеле обнаружены втульчатые наконечники стрел и гребни.

Городское и сельское население занималось прядением, ткачеством, шитьем одежды. Подтверждением тому являются находки пряслиц. В слоях X-XI вв. встречаются пряслица из глины, но в основной массе — это сланцевые, овручского происхождения, изделия. Судя по материалам раскопок хорошо датированного селища Нисимковичи II, шиферные пряслица входят в обиход населения Гомельского Поднепровья в X в., ближе к середине столетия [102, с. 167]. Цвет каменных пряслиц чаще всего розовый или фиолетовый с оттенками, изредка встречаются изделия из темно-серого или серого сланца. Большая часть пряслиц имеет гладкую поверхность, но находятся и веретенные насадки с орнаментом (точки, нарезные треугольники, черточки и пр.). Материалы гомельских раскопок показывают, что шиферные пряслица продолжают бытовать в XIV в. В Гомеле найдены железные швейные иголки. Аналогичные находки происходят из Вищина [29, с. 88-92, рисунок 51: 3-6]. В Гомеле и Вищине найдены железные шарнирные ножницы [29, с. 88-92, рисунок 51: 2]. В Гомеле и Вищине [29, с. 88-92, рисунок 51:1] выявлены пружинные ножницы, предназначенные для стрижки овец (рисунок 93: 3). Они являются свидетельством развития овцеводства и производства шерстяных тканей в городах и феодальных замках.

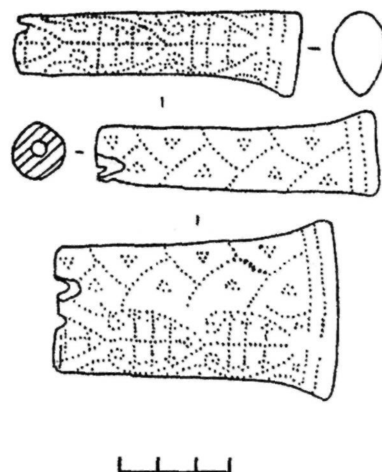

Рисунок 87 — Гомель. Детинец. Костяная рукоять

Железоделательное и кузнечное производства играли большую роль в экономике Руси. Высокий технологический уровень развития этих ремесел показан Б.А. Рыбаковым, Б.А. Колчиным и другими исследователями [94; 271; 202]. Вклад в изучение металлургии и кузнечного дела внес М.Ф. Гурин, который показал региональные особенности развития этих ремесел на землях Западной Руси в до- и государственный периоды [111; 272].

Почти на всех поселениях Гомельского Поднепровья конца I — начала II тыс. н. э., на которых проводились раскопки или широкие разведки, обнаруживается шлак, обогащенный железом и, как правило, ошлакованные стенки глинобитных производственных печей. Обилие находок, указывающих на повсеместное производство железа на большинстве поселений, свидетельствует о том, что основные потребности в черном металле регион удовлетворял за счет собственных ресурсов. В Гомельском Поднепровье имеются богатейшие и легкодоступные для разработки залежи болотной руды. По заключению Б.А. Колчина металлургия эпохи Древней Руси была связана почти исключительно с крестьянскими промыслами, поскольку именно в сельской местности находились в достаточном количестве требуемые для металлургического процесса сырье и топливо. Действительно, именно вне городов разрабатывались залежи железной руды и производились крупные заготовки леса, необходимого для получения древесного угля [271, с. 197-201]. Такая ситуация сложилась в окрестностях Новгорода Великого, на материалах которого Б.А.Колчин строил свою концепцию. М.Ф. Гурин, изучив памятники Полоцкой земли, настаивает на том, что в средневековых городах Беларуси имелось собственное металлургическое производство [272]. Археологические материалы Гомельского Поднепровья однозначно указывают на то, что черная металлургия была традиционным занятием не только сельского, но и городского населения на протяжении всего древнерусского периода. В Гомеле артефакты, связанные с черной металлургией (скопления шлака, пережженных стенок глинобитных домниц) и следы кузнечного производства повсеместны, отмечаются во всех частях города. Складывается картина: варка железа, несмотря на пожароопасность, велась в жилых кварталах на всем протяжении древнерусского периода. Особенно много находок железного шлака и остатков горнов выявлено в отложениях конца IX-X вв. Гомельского окологрnative и XI—XII вв. — южного посада. Аналогичная картина наблюдается на Речицком окологрnative в отложениях XII-XIII вв. О развитии металлообработки свидетельствует ряд иных находок. В Вищине Э.М. Загорульский открыл около полусотни глиняных сопел, которые, вероятно, связаны

с обустройством печей по обработке металла [29, с. 81, рисунок 20]. Инструмент мастеров-кузнецов встречается редко. В Вищине [29, с. 79-80, рисунок 48: 1, 2] и Гомеле выявлены зубила. На городище Проскурни, основной слой которого древнерусский, при случайных обстоятельствах найден клад инструментов. В него входили железные наковальни, молотки, клещи [19, с. 15].

В Речице получена коллекция железных предметов XII-XIV вв. 15 ножей, ножницы, обломок копья, фрагменты лезвия топора, косы и двух наконечников пашущих орудий (сошников или наральников) исследованы М.Ф. Гуриным [273, с. 100-105]. Металлографический анализ показал разнообразие технологических схем, использованных при изготовлении ножей. Большинство из них изготовлено по технологии наварки стальной рабочей части на железную основу. М.Ф. Гурин отметил: «За небольшим исключением мастера должным образом справлялись с выполнением всего комплекса сварочных приемов и операций, что обеспечивало изделия качественными сварочными соединениями как при пакетировании исходного металла, так и при наварке лезвия в комбинированных железно-стальных орудиях труда». Наконечник копья изготовлен из полос железа и стали. Сварные соединения качественные. Серп изготовлен из кричного железа с использованием приемов пакетирования. Коса и предполагаемые сошники изготовлены из кричного железа [273, с. 102]. Речицкие кузнецы древнерусской поры владели всеми распространенными тогда приемами и операциями горячей свободной ковки [273, с. 104-105].

О вещевом комплексе изделий из черного металла. Ассортимент и перечень предметов из черного металла, найденных на древнерусских памятниках Гомельского Поднепровья велик. Он достоин отдельного исследования. На страницах настоящей работы автор попытался дать характеристику основных находок подобного рода. Она не может быть исчерпывающей. В Гомельском Поднепровье известны почти все виды орудий труда, предметов быта и вооружения, присущие древнерусской культуре. Это — ножи, ключи, замки, дверные личины, скобы, гвозди, ножницы, кресала, шилья, топоры, проколки, напильники, пробойники, зубила, молотки, наковальни, наконечники пашущих орудий, серпы, косы, мотыги, долота, стамески, детали оружия и пр. Остановлюсь на характеристике некоторых изделий из черного металла.

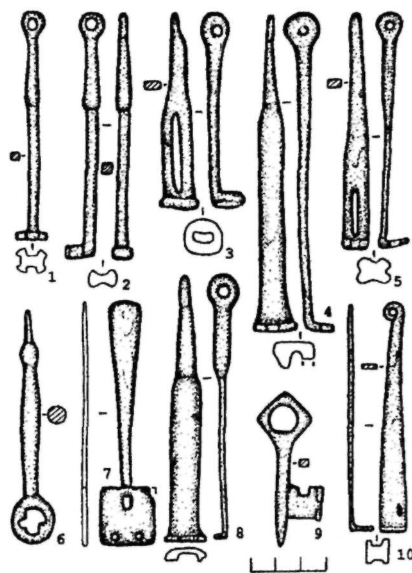

Рисунок 88 — Гомель. Типовые формы железных ключей (1-10)

Частой находкой являются железные ножи. Обычно они бытовые — с коротким черенком для насада на деревянную рукоять, с прямой спинкой и длиной клинка, чаще всего, в 5-10 см. Ножу и прочему лезвийному инструменту сопутствует точильный брусок. Находки оселков (изготовленных преимущественно из сланца и песчаника) исчисляются сотнями. Некоторые оселки снабжены отверстиями, назначенными для крепления на поясе. Железные крученые ручки ведер в обломках выявлены Е Вищине [29, рисунок 52: 1-3]. В Гомеле встречаются остатки ведер, гвозди, различные скобяные изделия (пробои, клямки и пр.). Постоянной находкой являются навесные замки, ключи. дверные личины. Формы замков и ключей отражают полный спектр изделий такого рода, бытовавших в Древней Руси. Основная масса находок в Гомельском Поднепровье датируется не ранее конца X — начала XI в. В слое Нисимковичей II (X в.) замки и ключи отсутствуют. На южном посаде Гомеля найдена пластинчатая личина от нутряного замка. В разных частях города обнаружено около полусотни железных замков и ключей (рисунки 88; 89). Самых простых дверных отмычек для нутряных замков немного, что связано с трудностью их идентификации по обломкам. Сохранившиеся навесные замки обычно имеют следы лужения и инкрустации цветным металлом. Замки и ключи для них соответствуют типам А-Г новгородской классификации Б.А. Колчина (рисунки 88-89) [199, рисунок 3]. Представительная коллекция замков. ключей и иных предметов, с ними связанных, открыта Э.М. Загорульским в Вищине [29, с. 106-113, рисунок 58: 1-8, 59: 1-8, 60: 1-20]. Частой находкой являются кресала. Они, как и новгородские, относятся к разновидностям калачевидных и овальных [199, рисунок 3]. В гомельском материале представлены все известные типы кресал периода Древней Руси. Калачевидные кресала выявлены разными исследователями в курганах X-XII вв. Веточка IV.

Гадиловичи, Курганье Жлобинского р-на, Студеная Гута, Шапчицы, овальные — в Курганье Жлобинского р-на [13, с. 49-50], на селище Демьянки (ур. Асавца) и др.

Из Гомеля (слой XII — первой половины XIII вв.) происходит достаточно редкая находка для рассматриваемой эпохи — конская подкова. Из широко распространенных универсальных орудий труда надо отметить шилья.

Ювелирно-литейное дело. Предметы из цветных металлов. Беларусь лишена месторождений цветного металла, доступных для разработки. Ввоз необходимых для производства меди, олова, свинца, цинка и пр. осуществ- --лся из зарубежной Европы и с Востока. Развитие ювелирно-литейного производства фиксируется в городах и феодальных замках, хотя его признаки есть и на рядовых селениях.

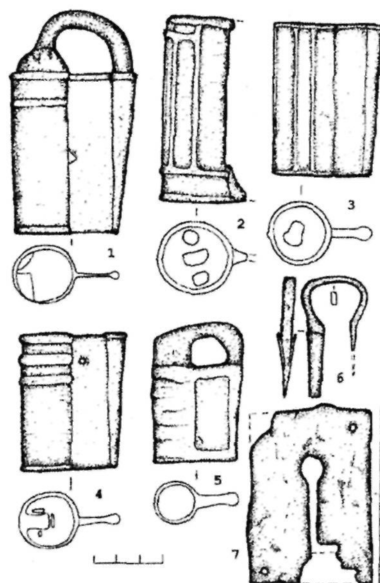

Рисунок 89 — Гомель. Типовые формы железных замков (1-6), дверная личина (7)

В Вищине выявлены тигли и льячки, наковальни, железный пинцет с Г-образными губами, медная проволока, куски цветного металла, матрицы для изготовления колтов [29, с. 81-85]. В кургане у д. Юдичи найдена глиняная льячка [46, с. 699]. В Збарове выявлена литейная форма [170, с. 111-113]. В Гомеле свидетельства ювелирно-литейного дела отмечаются во всех частях города: обломки тиглей, льячек, пинцеты, щипцы и др. Остановимся на некоторых находках готовой продукции. На южном посаде в отложениях второй половины XII — первой половины XIII вв. найдено несколько перстней. Один из них бронзовый литой щитковосерединный с разомкнутой дужкой. В Новгороде Великом подобные перстни встречены в ярусах второй по- ----ны XII — начала XIV вв. [156, с. 132-135]. В слое XII — середины XIII вв. выявлен бронзовый литой узкопластинчатый перстень с разомкнутыми концами и выпуклой средней частью. В Новгороде такие изделия бытовали в конце X — середине XIII вв. [156, с. 131-132]. В горизонте первой половины XIII в. встречен бронзовый витой тройной перстень с петлями на концах. Аналогичные изделия есть в слоях 30-х гг. XII — конца XIII вв. Новгорода Великого [156, с. 125, рисунок 45: 13]. Местные мастера ювелирно-литейного дела владели всеми необходимыми для производства навыками. Так, очень сложные по способам изготовления крупнозерненые бусы дреговичского типа изготавливались в городских мастерских. В Слуцке найдена форма для отливки таких украшений [52, с. 90], но (учитывая огромную территорию распространения таких предметов) едва ли этот город был единственным центром, где умели получать такие бусы. Набор предметов из цветного металла, выявленных в Гомельском Поднепровье, не уступает по разнообразию предметам из металла черного. Материал настолько велик, что не может быть охарактеризован в настоящем исследовании. Отчасти этот пробел компенсируется ранними публикациями [9, с. 81-153; 274, с. 65-68; 275, с. 50-53; 276, с. 75-80; 8; 13; 29, с. 93-101].

Нельзя не вспомнить о находках дорогих ювелирных изделий древнерусского времени. В 1979 г. в Вищине Э.М. Загорульским найден клад из 40 серебряных и золотых предметов (колты, подвески, браслеты, бусины, денежные гривны новгородского, киевского и литовского типов). Он подробно изучен и опубликован [29, с. 130-140]. Находки в Вищине матриц для изготовления колтов дают основания полагать, что даже в небольших замках при дворах феодалов могли трудиться мастера «по злату и сребру». Следы такого производства нужно искать и в городах Гомельского Поднепровья.

В 1960-х гг. в пос. Козий Рог Буда-Кошелевского р-на был найден клад шейных гривен, из состава которого сохранилась одна. В 1980 г. при распашке поля выявлено еще 7 гривен. Предметы изготовлены из серебра, плетеные (со сканью и ее следами), имеют наконечники в виде пластин или крючков. Наконечники орнаментированы. Гривны характерны для древнерусских кладов XI-XIII вв. «княжеско-боярского» круга [277, с. 263-266].

Стеклянные изделия. К числу распространенных предметов, отражающих древнерусскую моду, относятся стеклянные браслеты. Они характерны для городов и феодальных усадеб. На хорошо исследованных памятниках их количество составляет сотни (Вищин, Рогачев, Чечерск, Збаров) и даже тысячи экземпляров (Гомель). Браслеты встречаются и на сельских поселениях. Так, например, они выявлены на селищах Демьянки (ур. Асавца), Проскурни, в кургане

у д. Ходосовичи и др. Укоренившееся мнение о том, что сельские жители не пользовались (или редко пользовались) стеклянными браслетами, ошибочно. Оно построено на почти полном отсутствии изделий такого рода в курганах. Но верхняя дата большинства сельских курганов Гомельского Поднепровья не выходит за рамки середины XII в. (мнение автора) или же первой трети этого столетия [13, с. 89-93]. Согласно основанным на новгородской стратиграфии исследованиям Ю.Л. Щаповой, браслеты из стекла в Древней Руси получают широкое распространение только с 1130-х гг. (киевского производства), а иные центры по их изготовлению начинают работать итого на 20-30 лет позже (Новгород Великий, Полоцк и др.). Более ранние экземпляры привозных изделий (византийские) единичны и не меняют общей картины распространения браслетов [198, с. 190-194]. Широких раскопок селищ XII—XIII вв. в Гомельском Поднепровье не проводилось. Обратимся к материалам соседней Черниговщины. Украинские исследователи изучили путем широких обследований и раскопок десятки древнерусских селищ. На всех поселениях стеклянные браслеты выступают рядовой находкой. Так, на селище Лесковое найдено 373 обломка браслетов, а некоторые материалы даже позволяют предполагать наличие местного стеклоделия [278, с. 58-60].

Вопрос о месте производства браслетов, находимых в Гомельском Поднепровье, остается открытым. Основными центрами их изготовления на Руси, как показала Ю.Л. Щапова, были Киев, Новгород Великий, Полоцк, ряд иных городов и замков [198]. Т.С. Скрипченко пришла к выводу, что на землях Беларуси кроме Полоцка существовали центры стеклоделательного производства в окрестностях Витебска, в Свислочи и Вищине [279, с. 66-71; 280]. Это положение оспаривает О.М. Олейников [281, с. 281-291; 282, с. 314-320]. Работы в Гомеле не решают вопросы о наличии местного стеклоделия, но дают пищу для размышлений. В раскопах 1986-87 гг. на западе окологрядья найдены оплавленные фрагменты стеклянных браслетов, а также конкреция стекловидной массы, в структуре которой отчетливо прослеживаются фрагменты стеклянных браслетов. Складывается впечатление, что здесь мог работать мастер, который использовал стеклянный лом для получения иных стеклянных изделий или же эмали. Слой залегания находок датируется первой половиной XIII в. К тому же времени относятся остатки производственного помещения, в котором работали с цветным металлом и, вероятно, со стеклом. Это" объект упоминался в связи с изучением развития ювелирно-литейного дела. В заполнении постройки и рядом — обломки тиглей и льячек, фрагмент щипцов, обломок глиняного сосудика : натеками поливы, кусочки янтаря, незаконченные, обрубленные и оплавленные изделия из цветного металла и пр. Здесь же — сотни обломков стеклянных браслетов, часть которых деформирована огнем. Рядом с мастерской — яма-колодец, заполненная керамикой XII—XIII вв. и сотнями обломков стеклянных браслетов. Представлены практически все формы и вся цветовая гамма, присущая браслетам древнерусского периода. Ю.Л. Щапова полагает, что базой для производства стеклянных бус, эмалей, ремонта стеклянных браслетов в Древней Руси могла быть не только специализированная стеклоделательная, но и мастерская ювелирно-литейной направленности [283, с. 137-143]. Гомельские материалы не противоречат такому мнению, но специальный технологический анализ стекла пока не проводился.

Стеклянные браслеты — массовая находка на детинце и окольном городе. На посадах их значительно меньше, а на посадских окраинах находки такого рода единичны. В Гомеле собрано несколько десятков обломков стеклянных перстней. В небольшом количестве они встречены в Вищине [29, с. 101-104]. Перстни из стекла являются редкими находками [198, с. 97—102] Стеклянные бусы из курганов радимичей и дреговичей, коллекции которых насчитывает тысячи экземпляров, рассмотрены П.Ф. Лысенко и В.В. Богомольниковым [8, с. 68-85; 13, с. 62-67], а также в публикациях авторов раскопок конкретных памятников. Бусы регулярно встречаются в отложениях поселений разного ранга.

Быт феодалов и зажиточных городских семей характеризуют обломки стеклянной посуды, изготовленной из желтого стекла. Основные находки (несколько десятков экз.) происходят из отложений XII-XIII вв. Гомельского детинца и окологрядья. На посаде фрагменты таких изделий редки. Обломки стеклянной посуды встречаются и на иных памятниках городского и замкового типа (Вищин, Збаров и др.). В Гомеле найдены фрагменты желтого оконного стекла. Его бытование на Руси начинается с XI в. и связано, по мнению Ю.Л. Щаповой с развитием каменного храмового строительства [198, с. 65-72].

Деревообработка и строительное дело. Дерево, как известно, было основным материалом не только в строительстве. В средневековье оно широко применялось во всех сферах хозяйственной, бытовой и производственной деятельности. Из дерева изготавливалась мебель,

транспортные средства (телеги, сани, лыжи, лодки, корабли), лопаты, рукояти орудий труда и предметов вооружения, бондарная посуда, ступы и др. Одним из основных инструментов в деревообработке является железный топор. Находок такого рода оказывается достаточно мало. Кроме ценности, рабочий топор был к тому же достаточно массивным орудием. Потерять его было сложно. Целый топор и два обломка выявлены Э.М. Загорульским в Вищине [29, с. 86, рисунок 49:1]. Во всех частях Гомеля выявляются обломки массивных лезвий, которые могли принадлежать топорам. В Вищине [29, с. 86, рисунки 49-58] и Гомеле найдены железные долота. Здесь же выявлены перовидные сверла [29, с. 86, рисунки 49-58], которые могли использоваться как в деревообработке, так и косторезном деле. Сверло происходит из Рогачева, гвоздодер — из Вищина [29, с. 86, рисунок 49:3]. Ложкорезы известны по материалам Рогачева и Гомеля. В Гомеле выявлено проушное тесло. Распространенной категорией находок на поселениях являются гвозди. Большая их часть, судя по размерам, находила применение в строительстве и столярном деле. Впрочем, их употребление для обустройства деревянных домов было ограниченным: даже в закрытых комплексах (сгоревшие дома и прочие помещения) находки гвоздей единичны.

Гончарное дело в Гомельском Поднепровье имело повсеместный характер. Регион изобилует месторождениями глин, пригодных для керамического производства. В Гомеле оно осуществлялось на окраинах и поблизости от источников воды. Можно полагать, что гончарная мастерская работала на «южном» посаде города, вероятно, на княжеском подворье. В 1989 г. открыто углубленное в материк сооружение, имеющее близкий квадрату план, плоское дно и отвесные стенки (объект 10). Глубина в материке — 0,4-0,6 м, площадь — около 4 кв. м. На дне имеются ямки столбовых элементов конструкции. Заполнение содержит керамику второй половины XI — первой половины XII вв. Интересная находка — круговой горшок, распавшийся под давлением грунта. Сосуд имеет явные признаки брака — он слабообожженный, ассиметричный, со складками на корпусе. Он был извлечен из горна еще на раннем этапе обжига. На дне сосуда — рельефное изображение княжеской тамги-трезубца, вписанного в круг. Вне всякого сомнения, сосуд изготовлен на месте и не реализовывался заказчику (покупателю). Заполнение, в котором найден сосуд, отнесено к XII в. Следует заметить, что в слое южного посада часто встречались деформированные обломки сосудов XI—XII вв. На детинце и окольном городе в отложениях XII—XIII вв. встречены обломки поливных сосудов. В небольшом количестве они встречаются и на посаде.

В историографии наработан опыт типо-хронологической классификации древнерусской керамики. Комментарии и ссылки могут занять десятки страниц. Каждый исследователь, осуществляющий масштабные раскопки, старается построить подобные классификации. Одной из удачных следует признать схему, разработанную для средневековой керамики Заславля Ю.А. Зайцем [284, с. 107-118]. Ниже предлагается классификация круговой неполивной керамики (горшков) памятников Гомельского Поднепровья, основанная на материалах исследований автора Нисимковичских селищ, Гомельского и Моховского комплекса, Абакумовских и Шарпиловских курганов. Иные керамические формы редки и едва ли могут претендовать на создание надежной базы для их типо-хронологического рассмотрения. В классификации учтены только самые распространенные формы верхних частей горшков, которые образуют серии в сотни и тысячи фрагментов и могут являться массовым датирующим материалом. Каждый вид хронологически определен на основании взаимовстречаемости в узкодатированных культурных отложениях (Нисимковичи), «закрытых» комплексах (Гомель), могилах (Мохов, Абакумы, Шарпиловка) и др. Классификация носит предварительный характер и не претендует на универсальность. Вместе с тем, ее сопоставление с материалами Вищина, Чаплина, памятников «курганного» круга Гомельского Поднепровья, а также соседних территорий, которые изучались учеными разных поколений, не обнаруживает видимых противоречий. Предложенная классификация может использоваться как «рабочая».

Древнерусский горшок имеет выпуклое тулово усеченно-конической формы с максимальным расширением в верхней части или на середине высоты сосуда, плоское дно, отогнутую наружу шейку и венчик. Редко встречаются сосуды с цилиндрической горловиной, напоминающие западнославянские или местные по происхождению («волынцевской традиции»). Визуальное изучение обширных коллекций позволило разделить керамику на раннекруговую (виды I—IV) и собственно круговую (виды V-VI) (рисунок 90). Особенности горшков видов I—IV — утолщенная стенка, грубая фактура поверхности и неровная проекция нанесения орнамента, крупные примеси в тесте (дресва, крупнозернистый песок). Наиболее ранние формы

можно назвать «архаично-круговыми» или «полулепными». Часть сосудов обтачивалась на круге только в верхней части. Характерно вертикальное заглаживание внутренней поверхности. Клейма встречаются редко. Горшки обычно украшены сплошным линейным орнаментом от шейки или плечиков до нижней части корпуса. Иногда орнаментация занимает только верхнюю часть вертикальной проекции сосуда. Нередко в области шейки и плечиков сплошные горизонтальные линии сочетаются с 1-4 рядами «волн». Иные виды орнаментации (штампованные вдавлення, насечки, наколы и др.) редки. Отличительной особенностью венчика выступает округлый простой, кососрезанный либо моделированный под карнизик обрез. Внутренняя закраина у венчика встречается редко или выступает в едва намеченной форме. Наиболее отчетливо раннекруговая серия (виды I—IV) представлена в материалах Нисимковичей I-III. По оформлению венчика раннекруговые горшки с отогнутым наружу краем можно разделить на три вида. К виду I относятся сосуды с простым округленным краем (вариант 1), иногда — слегка утолщенным (вариант 2). Такой вид, наверное, является универсальным и потому продолжает бытовать и на стадии развитой круговой технологии (фактически на протяжении всех последующих веков). II вид образуют сосуды со срезанным краем. Широко распространен вариант 1. у которого имеется косой срез. У горшков варианта 2 срез профилирован неглубокой ложбинкой, у варианта 3 ложбинка дает незначительное утолщение нижней части среза. Срез венчика варианта 4 имеет раструбовидные очертания, варианта 5 — сложнопрофилированные. Горшки вида III характеризуются оформлением обреза венчика в виде манжета-карнизика. У варианта 1 манжет едва намечен, у варианта 2 — выражен. Вариант 3 отличается выраженным манжетом и косой подрезкой края. Небольшая часть раннекруговых горшков имеет цилиндрическое горло (вид IV). У варианта 1 — горизонтально срезанный венчик, у варианта 2 венчик срезан и профилирован ложбинкой.

Раннекруговая посуда обнаруживает широкий круг аналогий. Ближайшее сходство она имеет с керамическими комплексами Среднего Поднепровья и белорусско-украинского Полесья. Моделировка венчиков из Нисимковичей, Гомеля, Чечерска, Носовичей, Чаплина не отличается (в массовых сериях) от моделировки венчиков горшков Южной Руси. Так, горшки вида II типичны для поселений территории Украины IX — первой половины X вв., а со слабо выраженным манжетом (вид III) — для X — первой половины XI вв. [207, с. 448-449, рисунок 106]. Сосуды, близкие горшкам видов I и И, широко распространены на Волыни, известны на поселениях Хотомель в Брестском Полесье, в нижнем горизонте Новогрудка, на других памятниках. В целом они датируются IX-X вв. [285, с. 18-19, рисунок 5: 1]. Круговая керамика (виды V-VI) отличается мелкими примесями в тесте, гладкой поверхностью, относительной тонкостенностью, симметрией пропорций. Для сосудов этих видов характерно отсутствие орнамента, либо его скромность. Распространен прием украшения венчика сосуда по его обрезу косой насечкой (он присущ для круговых горшков ранней группы). Основная масса посуды украшается по шейке, плечикам и верхней части тулова. Характерен линейный, волнистый, комбинированный линейно-волнистый орнамент. Реже встречается «прерванная» волна, штамповка и пр. Для круговых горшков характерно клеймение донных частей. Наблюдается тенденция упрощения геометрии клейм. Сложносоставные изображения (свастики, кресты в кругах, решетки, розетки и пр.) более характерны для ранних сосудов. Из Вищина и Гомеля происходят единичные находки клейм в виде родовых знаков Рюриковичей — двузубцев и трезубцев [29, с. 66]. На стадии бытования сосудов видов V-VI преобладают клейма в виде одной-трех вписанных окружностей.

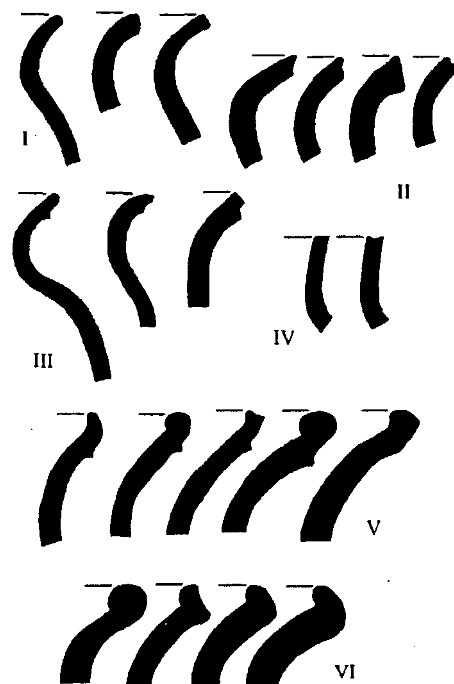

Рисунок 90 — Гомельское Поднепровье. Типовые формы венчиков раннекруговых (I-IV) и круговых (V-VI) горшков конца IX-XIII вв.

На памятниках Гомельского Поднепровья, где есть массовые серии раннекруговой керамики, в том или ином количестве присутствует роменская лепная посуда. В одних комплексах лепная и раннекруговая керамика встречены в Гомеле, Носовичах, на селище Хизы под Веткой (раскопки автора) [83, с. 227-237], в культурных слоях — в Чечерске, Нисимковичах II, на Чаплинском городище и селище (раскопки А.Н. Лявданского, И.М. Чернявского, В.В. Богомольникова, автора, П.Н. Третьякова и др.) [100, с. 67-73; 102, с. 165-174]. В то же время, в остатках углубленных объектов Нисимковичей II почти во всех случаях раннекруговая и лепная посуда не коррелируются [102, с. 165-174].

Наиболее обоснованную датировку периода бытования раннекруговой керамики представляют материалы Нисимковичей II, древнерусский горизонт которых дает единообразный керамический материал. Селище перекрыто курганами конца X — первой трети XII вв. (раскопки и определения дат В.В. Богомольникова). Обстоятельно вопросы хронологии Нисимковичей II обоснованы в отдельной статье автора [102, с. 165-174].

В Гомельском Поднепровье первые массовые серии раннекруговой («архаичной, полулепной») керамики появляются в конце IX — начале X вв. Не исключено удревнение времени появления посуды, обточенной на круге, но это входит в задачи будущих исследований. В конце X в. раннекруговая технология уступает место собственно круговой. Круговая керамика появляется в регионе в первой половине X в. Следует отметить специфику ее распространения. Круговая посуда шестовицкого типа присуща курганам с кремацией и ингумацией Мохова. Ее можно датировать X — началом XI вв. В самых ранних комплексах эту посуду сопровождает инвентарь, характерный для круга поздних (VIII — начало X вв.) длинных курганов Северной Беларуси и Смоленщины. В кургане 77 вместе с круговой керамикой обнаружены остатки бронзовых трехдырчатых цепедержателей, крупных трапециевидных подвесок, спиралек и пр. В ингумациях Мохова с такой керамикой отмечен типовой набор вещей, характерных для второй половины X — начала XI вв. Он включает находки монет рубежа X-XI вв. великого князя киевского Владимира Святославича и чешского короля Болеслава II. По-видимому, керамика шестовицкого типа была присуща только отдельным памятникам, в то время как на большинстве поселений вплоть до конца X в. господствовала раннекруговая традиция (в датированных Нисимковичах II фрагменты круговой посуды единичны).

Керамика Гомельского Поднепровья XI—XIII вв. соответствует типо-хронологической шкале посуды Южной Руси [220, с. 8-12, рисунок 1]. Ее датировка опирается на обширный материал курганов и поселений юго-востока Беларуси. Керамика с развитым «манжетом» характерна для погребений по обряду ингумации на горизонте, широко представлена на поселениях. Ее можно отнести к XI — началу XII вв. Интересно, что такой посуды нет в Вищине, убедительно датированном XII-XIII вв. [29, с. 104-106, рисунок 56]. Она не коррелируется с находками стеклянных браслетов, которые становятся массовым материалом с 1130-х гг. Виды V-VI бытуют в конце XI—XIII вв. и, возможно, позднее. Обрез венчика снабжен внутренней закраиной. Он имеет валикообразную, клювовидную, грибовидную, граненую и пр. форму. Горшки такой разновидности характерны для поздних курганов региона (в наших раскопках — в Абакумах, Шарпиловке). В Гомеле и Вищине эта посуда сочетается с набором вещей, присущих XII-XIII вв. (в первую очередь — со стеклянными браслетами). В Мохове ее нет, но изученные здесь погребения датируются не позднее конца XI в.

Таким образом, изучение керамики Гомельского Поднепровья показывает, что развитие уровня темпов и характера гончарного ремесла здесь соответствовало общедревнерусским. В культурно-типологическом отношение керамика не отличалась от посуды соседних регионов. Керамика может и должна выступать датирующим материалом. В ряде случаев она представляет памятники, известные только по подъемному материалу.

Изучение развития ***торговых связей и денежного обращения*** в Гомельском Поднепровье позволяет проследить динамику его экономического и культурного потенциала на протяжении древнерусского времени. Гомельское Поднепровье — это регион, крупные реки которого (Днепр, Сож, Березина) служили не только главными объединяющими звеньями во внутренней торговле, но и важными международными путями. Днепр связывал Причерноморье, славянские, балтские, финские регионы, Скандинавию. Учитывая то обстоятельство, что Днепр впадает в Черное море, можно определенно говорить о его важнейшем значении в становлении торговых отношений народов Восточной Европы с Византией. Системой притоков и волоков Днепр был связан в западном направлении с Западной Двиной и Балтийским морем, в восточном — с Волжской речной системой и Каспийским морем. Тем самым, изучаемый регион

оказался на перекрестке главнейших торгово-транспортных артерий, связывавших в экономическое целое Западную, Северную, Восточную Европу с народами Поволжья и странами Востока. Важнейшее значение Днепра как организующего «стержня» в отношениях между европейским Севером и византийским Югом обозначено уже на первых страницах ПВЛ, где великая водная дорога названа «путем из варяг в греки» [3, стб. 7]. Важно отметить, что в понятие пути «из варяг в греки» входило и его западнодвинское ответвление, проходившее по землям кривичей и балтов.

И Днепр, и Сож, имеют истоки возле Смоленска. Поэтому Сож был дублем верхней части течения Днепра. А таковой был очень важен, когда у Днепра происходили боевые действия или (уже в эпоху государственности) создавались дополнительные таможенные заставы. Пути, проходившие по Днепру, Сожу и их притокам по археологическим, нумизматическим и прочим материалам проследил Л.В. Алексеев [134, с. 64-93]. Интересную работу в этом направлении проделал В.И. Кошман, изучающий памятники междуречья Днепра и Березины. Он остановился на вопросе о важности березинского пути [52, с. 100-111]. Березина уходит истоками на Минскую возвышенность, где можно было через волоки попасть в Неманскую речную систему. Для славян южных районов Верхнего Поднепровья и жителей Среднего Поднепровья это был прямой путь в балтские земли, а также к народам Западной и Северной Европы [286, с. 117-123; 287. с. 104-106]. Гомельское Поднепровье расположено исключительно выгодно с точки зрения торгово-транспортной.

Заблуждением является положение о том, что в Гомельском Поднепровье пользовались только водными артериями. Утвердился постулат о том, что население Древней Руси ради торгово-экономических нужд использовало почти исключительно водные магистрали. Оспаривать значение рек в качестве транспортных, торговых и военно-стратегических артерий в эпоху средневековья не разумно. Связующе-организационное значение гидросистемы для реалий того времени очевидно, о чем определенно свидетельствует приуроченность большинства памятников археологии к рекам. Но это обстоятельство не снимает постановки вопроса о наличии иных путей сообщения. Такими, несмотря на залесенность и заболоченность значительной территории, выступали сухопутные дороги. Они не только дублировали водные, но в ряде случаев, выполняли вполне самостоятельные экономические и другие функции. В этом убеждает анализ карты размещения древнерусских памятников в детально обследованном левобережье Нижнего Сожа.

Картографирование памятников Гомельского Поднепровья показывает, что цепочки древнерусских поселений, расстояние между которыми обычно не превышает 7-10 км (примерно 1,5-2 часа пешего перехода) тянутся по правым берегам Днепра и Сожа. При этом серьезных препятствий (в виде болот или иных преград) почти нет. Следовательно, нет и оснований сомневаться в том, что здесь не было сухопутных дорог. Противоположное мнение «архаизирует» нашу историю. Только на ряде участков левобережья Днепра и Сожа расстояние между памятниками достигает 20 и более км. Рельеф низинный, болотистый. Но, вероятно и здесь существовали сухопутные дороги. Некоторые из них сезонно могли дублироваться дорогами водными. Не вызывает сомнений прохождение дорог вдоль берегов Березины, Ведрича, Брагинки, Ути, Терюхи, Ипути, Беседи, Покоти и прочих притоков Днепра и Сожа. Можно утверждать, что в Гомельском Поднепровье издревле существовали дороги совсем не связанные с направлением прибрежных участков крупных и малых водотоков. В киевской летописи под 1169 г. упоминается путь «в радимичи». Анализ комплекса письменных, археологических, картографических и топонимических материалов позволил автору наметить «белорусский» участок этой сухопутной дороги, которая проходила со стороны Киева и Чернигова по левобережью Сожа в сторону Гомеля. И до сих пор она именуется местным населением «киевским» или «екатерининским» шляхом. На белорусской стороне стоит селение Глыбоцкое, возле которого имеется древнерусское селище. В подъемном материале здесь встречена торговая свинцовая пломба. Проблема детальной локализации пути «в радимичи» должна решаться в контексте поиска места знаменитой Песчанской битвы 984 г. [148, с. 202-213].

Денежное обращение и монеты. Сообщений письменных источников по развитию товарно-денежных отношений в Гомельском Поднепровье нет. Исключение — летописное свидетельство о том, что радимичи в IX в. платили хазарам дань «по шелягу от рала», т.е. по серебряной монете от дворохозяйства. Если за понятием «шеляг» не скрывается некий эквивалент серебра (например, разновидности натуральной дани), то следует предполагать, что земли радимичей в канун первого этапа вхождения в состав Киевской Руси были буквально наполнены монетами. Более определенно судить о степени развития торговых отношений в Гомельском

Поднепровье позволяют археология и нумизматика. Рассмотрение торговых связей и денежного обращения целесообразно провести в рамках периодизации истории региона, предложенной в литературе.

В Гомельском Поднепровье известно несколько десятков местонахождений монетных и монетно-вещевых кладов, монет, связанных с восточнославянской историей. Большое значение для развития торгового оборота (ввиду отсутствия собственных источников ценных металлов) играли так называемые «меховые» деньги, т.е. шкурки пушных животных (белок, куниц и пр.). Но набирающее мощь раннефеодальное государство уже в конце VIII — начале IX вв. начинает требовать все большее количество серебра, в первую очередь, дирхамов Халифата и стран, возникших на его обломках.

На территории Беларуси, согласно В.Н. Рябцевичу, обращение арабского дирхама делится на четыре этапа: I) начало IX в. — 833 г. (в кладовом материале господствуют монеты династий Умайадов и Аббасидов, преимущественно африканской чеканки); II) 833-900 гг. (династический состав монет остается прежним, но возрастает доля дирхамов азиатской чеканки); III) 900-938 гг. (преобладают монеты среднеазиатских эмиров Саманидов); IV) 938-980-е гг. саманидские монеты господствуют почти безраздельно) [246, с. 109-112]. В Гомельском Поднепровье известны десятки кладов дирхамов и единичные их находки. Большинство курганных находок монет показывает их использование в качестве подвесок: они снабжены ушками или отверстиями. Исключительно редко встречаются византийские и западноевропейские монеты, которые чеканены не позднее X в.

В конце X в., в связи с кризисом арабо-мусульманского государственного единства, истощением восточных серебряных рудников и иными причинами, поступление серебра на Русь резко сокращается. Место дирхама в денежном обращении отчасти замещает западноевропейский денарий. Импорт европейской монеты на земли Беларуси прекращается около 1060-х гг., что, как и в случае с дирхамом, было вызвано внешними причинами [246, с. 119]. Нехватка монеты подтолкнула Русь провести в последней четверти X — начале XI вв. выпуск собственных серебряных и даже золотых монет. Их эмиссии оказались небольшими и мало отразились в кладовом и курганном материале Древней Руси. Обломки сребреников Владимира Святославича, как отмечалось выше, выявлены в Мохове (курган 24, 2004 г.). В основании кургана на зольно-угольном слое — мужской костяк, ориентированный на запад. Инвентарь составляют железные нож и топор. У пояса умершего — два фрагмента сребреников Владимира, битых между 1011 и 1015 гг. Они относятся к типам II и IV. После прекращения широкого хождения иноземной монеты в конце XI в. начинается т. н. «безмонетный» период в истории денежного обращения Руси. В это время и позднее распространяются специфические денежные единицы — крупные слитки серебра — гривны.

Археологические данные о развитии торговли. В связи с отсутствием письменных источников по рассматриваемой проблеме обратимся к данными археологии. Но при работе с археологическим материалом всегда возникает вопрос: насколько та или иная «яркая» находка не-местного происхождения может являться предметом импорта? Если она не образует серии, то едва ли на ее основе можно говорить о существовании в рассматриваемое время торговых связей, тем более устойчивых, с тем или иным внешнеэкономическим партнером. Отдельные предметы «импорта» оказываются вещами, попавшими в Гомельское Поднепровье случайно (военные трофеи, дары и т.п.). Исследование проблемы характера торговых связей населения Юго-Восточной Беларуси должно опираться, в первую очередь, на массовые находки. Свидетельства такого рода представительны. Они встречены, в частности, в Гомеле. О совершении денежно-торговых сделок говорят находки весов (держатели коромысла, весовая чашечка XII в.). Детали весов и весовая гирька происходят из Мохова.

Данные о развитии внутреннего торгового обмена ограничены. Они нашли определенное отражение в археологическом материале Гомельского Поднепровья. Массовыми находками из раскопок поселений и погребений являются овручские пряслица. Б.А. Рыбаков заметил: «Научное значение шиферных пряслиц заключается в редкой для древнерусского ремесла возможности точного установления ограниченного района производства и широкого района сбыта» [94, с. 189]. Распространение овручских пряслиц исследовала З.М. Сергеева, которая констатировала их повсеместное распространение. Она обратила внимание на наличие в отложениях ряда поселений кусков и обломков овручского шифера [288, с. 121-123]. В раскопках Гомеля неоднократно встречалась крошка овручского шифера, попадались мелкие куски шифера с признаками обработки. Шиферная крошка есть и в Мохове. Более выразительными представляются

находки шиферных жерновов, обломки которых встречены во всех частях Гомеля. Шиферные пряслица распространяются в Гомельском Поднепровье в X в. В раскопках городов и феодальных усадеб их количество исчисляется десятками и сотнями. Шиферные изделия постепенно выходят из употребления около середины XIII в., но отдельные пряслица еще встречаются в более поздних отложениях (Гомель). Хронология бытования овручских пряслиц в хорошо датированных материалах Новгорода Великого [199, с. 174, рисунок 9] соответствует результатам исследований памятников Гомельского Поднепровья. Эти наблюдения могут указывать на общие закономерности распространения пряслиц в разных регионах восточнославянского мира. В радимичских и дреговичских курганах также попадаются мелкие шиферные предметы — пряслица, крестики, бусы. Есть основания полагать, что изделия из шифера свидетельствуют об устойчивых торгово-экономических связях Поднепровья с землями северной Украины.

Свидетельством торгово-экономических связей с Киевом служат обломки сосудов из желтого стекла, а также оконного стекла XII — середины XIII вв. [29, с. 103-104; 198, с. 65-72]. Киевскими по происхождению являются энколпионы, найденные в Курганье Жлобинского р-на, Рогачеве, Гомеле и др. В постройках Гомеля и Речицы обнаружены окатыши мела, использовавшегося для побелки печей. Ближайшие месторождения мела известны под Веткой, Чечерском, Кормой, Быховом.

Свидетельства развития внешнеторговых связей представительны. Археология выявляет три основных вектора развития внешней торговли. «Восточный» вектор отражает контакты с исламским миром, а также с такими регионами как Индия, Цейлон и Мальдивские острова. С Востоком, в первую очередь, связаны многочисленные находки арабских дирхамов. До конца X в. именно восточная торговля была основным источником поступления серебра на древнерусские земли. Даже без проведения специальных анализов широкое распространение восточного серебра в кладовом и курганном материалах позволяет предполагать его использование не только в качестве денег, но и в качестве сырья для производства местных украшений.

В курганах и на поселениях встречаются бусы из полудрагоценных камней (сердолика, хрусталя и др.), которые поступали в регион извне. Сводки курганных находок такого рода приведены в монографиях П.Ф. Лысенко и В.В. Богомольникова [8, с. 67, рисунок 9; 13, с. 67-68]. Они показывают широкое распространение бус из полудрагоценных камней в могилах радимичей и дреговичей. Серия таких бус выявлена в Гомеле. Каменные бусы представлены и в «разноплеменных» захоронениях Мохова. По сообщениям Аль-Бируни и геологическим данным, каменные бусы восточноевропейских памятников происходят из Индии, Цейлона, Аравии, где есть местонахождения сердолика и хрусталя [289, с. 346-356]. М.В. Фехнер показывала, что сердоликовые и хрустальные бусы, находимые в древнерусских памятниках, имеют индийское. среднеазиатское и иракское происхождение [290, с. 154]. В Гомеле найдена просверленная ракушка каури, родиной которой являются Мальдивы. Она могла выступать и как платежное средство, и как украшение. Каури встречаются и на иных средневековых памятниках Беларуси [291, с. 56].

«Византийский» вектор представлен находками монет и иных предметов. В рассматриваемом регионе монеты Византии редки (как и по всей Восточной Европе). В то же время, целый ряд предметов материальной культуры указывает на тесные связи с Византией. Памятники конца X-XIII вв. дают огромную коллекцию стеклянных бус. Большая их часть происходит из курганов. Производство стеклянных бус на Руси началось не ранее середины XI в. [198, с. 96]. Ранние бусинные серии (рубленый бисер, многочастные пронизки, лимоновидные и пр.) имеют средиземноморское и, в частности, византийское происхождение [292, с. 89]. Бусы с золоченой прокладкой конца X — начала XII вв. имеют в основном средиземноморско-византийское происхождение. Впрочем, в Киеве уже в середине XI в. было налажено производство таких украшений [198, с. 91]. В Гомельском Поднепровье стеклянные бусы с золочеными и серебреными прокладками характерны для курганов [8, табл. 11; 13, с. 62-63]. В городах и замках часто встречаются обломки византийских амфор. В Гомеле они исчисляются многими десятками и связаны, в основном, с детинцем и околоградьем. Около 50 крупных фрагментов амфор найдено в Вищине [29, с. 106, рисунок 57]. Остатки амфорной тары встречены в Збарове, Рогачеве и др. В Гомельском Поднепровье амфоры получили распространение в XI — начале XIII вв. В амфорах поставлялось вино и оливковое масло [293, с. 27-30]. Последние, будучи дорогими иноземными товарами, попадали в основном на столы зажиточных слоев населения.

«Западный» вектор торгово-экономических и культурных связей прослеживается слабо Но имеются находки яркого, индивидуального облика. К ним, в первую очередь, относится

обломок бронзовой романской чаши XII-XIII вв. с изображением женщины и латинской надписью из Збарова. Ее западноевропейское происхождение бесспорно [170, с. 111-113; 294, с. 150-153]. Германия или Венгрия являются родиной бронзового водолея, выполненного в виде конного рыцаря. Его фрагменты выявлены в слое XII — первой половины XIII вв. детинца Гомеля. В конце X в. в связи с кризисом поставок восточного серебра на Русь его экспортерами становятся Центральная и Западная Европа. Вероятными поставщиками на Русь меди были Швеция и Венгрия, олова — Англия, свинца — Испания, Венгрия, Англия. Поставщиками серебра и цветного металла также выступали Силезия, Чехия, Саксония [293, с. 72-73]. Из Восточной Балтии в Гомельское Поднепровье поступал янтарь. Кусочки янтаря и мелкие янтарные изделия встречены в Гомеле (XII—XIII вв.). Янтарные бусы встречаются в курганах [13, с. 68]. Е.А. Рыбина, изучая новгородский материал, предполагает распространение в Восточной Европе и поднепровского янтаря, особенно в XIII в., когда торговые пути Руси с Прибалтикой были перекрыты крестоносцами [293, с. 38-45].

Итак, в Гомельском Поднепровье в конце X — середине XIII вв. развивалось комплексное хозяйство, сочетавшее земледелие, животноводство, промыслы, ремесла и торговлю. Земледелие и животноводство были занятием не только жителей сел, населения феодальных замков, но и городов. В регионе почти повсеместно и на всех видах поселенческих единиц (от сел до городов) прослеживается развитие черной металлургии и кузнечного дела. Крупнейшими производителями металла и железных предметов всего необходимого спектра были Гомель и Речица. Выявлены практически все предметы хозяйственно-бытового назначения, инструменты, предметы вооружения, характерные для древнерусской культуры. Ювелирно-литейное дело развивалось преимущественно в городах и замках. Подтверждений наличия этого ремесла достаточно (остатки мастерских, литейные формы, пинцеты, щипцы, зубила, матрицы, брак, тигли, льячки и др.). Мастера работали с медью и ее сплавами, реже — с серебром и золотом. Ювелирная продукция (часть ее, конечно, могла быть привозной) представлена украшениями и деталями костюма (височные кольца, шейные гривны, подвески, браслеты, перстни, пряжки, поясные кольца, пуговицы и пр.). Выдающиеся находки — Вищинский и Козерожские клады ювелирной продукции, соответствующие высоким требованиям искусства и запросам верхушки феодального общества.

Составной частью хозяйства были деревообработка, косторезное и гончарное дело. Уже в конце IX в. получает распространение обточенная на круге посуда, которая в следующем столетии полностью вытесняет посуду лепную. Разработка схемы развития керамики показала, что ее производство и «вкусы» на оформление посуды мало отличались от южнорусских традиций. Распространение в регионе получили изделия из стекла. Большая их часть привозная (Киев, иные центры стеклоделия Руси, а также «дальнее» зарубежье). Браслеты были украшением жительниц феодальных усадеб и городов, но их носили и крестьянки. Редкие предметы — стеклянная посуда и оконное стекло — связаны с феодальным бытом княжеско-боярских усадеб и городов. Остается открытым вопрос о наличии местного стеклоделия. Материалы исследований в Гомеле не исключают его постановку.

Важнейшими торговыми дорогами международного значения были Днепр и Сож. Есть основания ставить вопрос о наличии в регионе не только водных, но и важных сухопутных дорог. Картографирование памятников с привлечением данных письменных документов, устной народной традиции и др. позволяет говорить о развитой региональной сети сухопутных коммуникаций. Так, удается реконструировать трассу дороги, связывавшей Южную Русь с Гомельским Поднепровьем. В летописи она названа «путь в радимичи». Формирование государства требовало поступления на рынки благородного металла. Клады и отдельные находки денежных единиц представлены дирхамами, денариями, византийскими монетами, сребрениками Владимира Святославича, слитками-гривнами. Узость рынка, господство натуральных отношений в организации хозяйства крестьянина, горожанина и феодальных усадеб не исключает возможности «внешних» контактов. Древнерусский рынок давал региону приток шиферных пряслиц, жерновов, культовых предметов и изделий из стекла (Киев и Южная Русь в целом) и др. Внешнеэкономические связи представлены большими сериями предметов восточного, византийского и западноевропейского происхождения. Восток предоставлял Руси и, Гомельскому Поднепровью в частности, хрустальные и сердоликовые бусы, раковины каури и др. Византия предлагала стеклянные изделия и амфоры с вином и маслом. С Запада поступало серебро, цветные металлы, предметы художественного значения, церковная утварь и пр.

РАЗДЕЛ 10 ОРУЖИЕ X-XIII ВВ.: ПРОИЗВОДСТВО И ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС

Оружие и военное дело Руси вызывают постоянный интерес. Значение предметов вооружения и боевой экипировки IX—XIII вв. как важнейших источников по древнерусской истории раскрыто А.В. Арциховским, Г.Ф. Корзухиной, В.И. Довженком, А.Ф. Медведевым и др., а основные итоги исследования древнерусского оружия подведены в трудах А.Н. Кирпичникова [94; 196; 295-298]. Предметы вооружения, воинской экипировки, снаряжения коня — постоянные находки в Гомельском Поднепровье. В последние десятилетия, благодаря широким раскопкам Вищина, Гомеля и иных памятников, база по исследованию проблем, связанных с военным делом, выросла на несколько порядков. Еще недавно в распоряжении науки было всего несколько десятков предметов вооружения. Сейчас их количество исчисляется сотнями. Получены конкретные данные по «привязке» артефактов к стратифицированным культурным отложениям и объектам. Самая крупная коллекция предметов вооружения и воинского быта происходит из Гомеля. В основу предложенного ниже рассмотрения узловых вопросов обозначенной проблемы положены совместные исследования автора и Ю.М. Лупиненко, выполненные по материалам Гомеля с привлечением новых находок из Гомельского Поднепровья и смежных регионов Руси. Результаты работы в основном опубликованы [299, с. 121-130; 300, с. 107-113: 301, с. 213-225; 302, с. 204-217; 303, с. 162-173; 304, с. 140-154; 305, с. 115-122].

Одно из самых замечательных открытий на юго-востоке Беларуси — Гомельская оружейная мастерская первой половины XIII в. [299, с. 121-130]. Ее материалы, наряду с находками из других комплексов и культурного слоя, изменили научные представления о характере и местах производства древнерусского наступательного и защитного вооружения.

Русь являлась крупнейшим производителем оружия в Европе. Вместе с тем, решительным подтверждением данного положения могут служить лишь остатки самого производства, выявленные в комплексе, — ремесленные помещения, заготовки изделий, брак, инструментарий. готовая продукция и пр. Долгое время такие комплексы не были известны, а разрозненные находки, касающиеся оружейного дела, — не поддавались однозначной трактовке. В этой связи открытие в Гомеле достоверно атрибутированной оружейной мастерской нельзя недооценить.

Оружейная мастерская (далее — «мастерская 1») найдена в западной части окольного города и подробнее описана несколькими страницами ниже. Сооружение сгорело. На полу подклета I расчищено более 1600 предметов, преимущественно железных. Значительная часть изделий фрагментирована, спеклась под действием огня и коррозии в «монолиты». Инструмент представлен большим набором каменных шлифующих орудий: целыми (7 экз.) и фрагментированными (около 17 экз.) брусками, плиткой и разбитым камнем-кругом. Железные орудия: спиральное сверло длиной 29,5 см, двуручный скобель, лезвие топора, напильники (круглый шиловидной формы и рашпиль прямоугольного сечения), нож. В состав деталей предметов вооружения входят перекрестия и навершия мечей и сабель, сгоревшие ножны меча, панцирные пластины ламеллярного и чешуйчатого строя (около 1500 шт.), обрывки кольчужного полотна. обломки шарнирного трубчатого наруча (наручей) и пр. В подклете II выявлен обычный хозяйственно-бытовой инвентарь.

Мастерская 1 и соседний подклет, будучи «закрытыми» комплексами, датируются первой половиной XIII в. Гибель дома-мастерской нужно связать с монгольским погромом 1239 г К датирующим материалам относятся навесные замки типа В новгородской классификации (середина XII — начало XV вв.) [199, рисунок 3]. Для определения нижней даты комплекса важны фрагменты кольчужного полотна с плоским сечением колец. На Руси подобные изделия появляются около 1200 г. Из мастерской 1 происходит серия перекрестий клинкового оружия, одно из которых имеет предельно узкую дату 1150-1250 гг. (см. ниже). Отсутствие в мастерской и вблизи нее заготовок, обрубков металла и пр., не дает оснований для определения ее в качестве кузнечной. Детали вооружения поступали сюда из других мастерских. На месте производились подгоночные, сборочные и ремонтные работы. Многие изделия являются полуфабрикатами или браком. Так, например, ряд панцирных пластин имеет отверстия с заусенцами, а некоторые пластины треснули при пробивке, иные — вообще не пробиты. Слесарную доводку деталей и брак иллюстрируют незаконченные навершия мечей, перекрестия мечей и сабель.

Внимания заслуживают заготовки перекрестий мечей и сабель. Интерес вызывает заготовка прямого перекрестия меча романского типа (рисунок 91: 6). Отверстие в нем отсутствует, однако рассматриваемому предмету уже придана форма перекрестия. Вероятно, слесарь получил эту и подобные ей заготовки от кузнеца. Задачей кузнеца была очистка сырого железа от шлака и отковка полуфабриката, по форме и размерам лишь приблизительно соответствующего будущему изделию. Слесарь-сборщик из мастерской 1 (отчетливых следов горна нет, но есть пятно очага с сильно прокаленным основанием) вначале разогревал заготовку, придавал ей нужную форму, пробивал в ней отверстие под черешок клинка, напильником выравнивал поверхность и затем полировал готовое изделие на наждачном круге. Оружейник работал и с заготовками сабельных перекрестий. Подтверждением является незаконченное изделие (рисунок 92: 5). В полуфабрикате нет т. н. «усов» — небольших боковых выступов в центральной части перекрестия, присущих готовым изделиям. Сходную картину заготовок сабельных перекрестий демонстрируют и прочие изделия.

Рисунок 91 — Гомель, Оружейная мастерская—1. Перекрестия и их заготовки для мечей и сабель, черный металл (1-6)

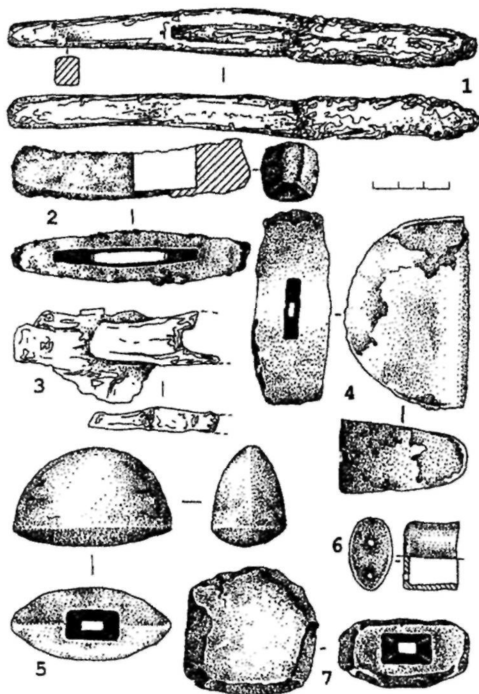

Рисунок 92 — Гомель. Оружейная мастерская-1 (1, 3-7), слой детинца (2). Перекрестия (1-3), навершия и га заготовки (4-7). Черный металл

Навершие меча имеет признаки незавершенности (рисунок 92: 7). При его доработке могло получиться навершие типа IV или VI по схеме А.Н.Кирпичникова. Отверстие под черешок рукояти меча в рассматриваемом предмете обработано тщательно. Изделие было подогнано под клинок, но с его внешним видом мастер определиться не успел. Одно из наверший меча имеет вид пустотелой «коробки», сложенной из листового металла. В таком виде оно не могло быть полноценной частью оружия и для использования по назначению должно было быть залито «утяжеляющим» материалом, например, свинцом. В этом навершии признаки «заливки» отсутствуют, что позволяет и данный предмет рассматривать в качестве заготовки (рисунок 92: 4).

Надо полагать, что в мастерской не случайно отсутствуют те виды вооружения, которые не требовали квалифицированных сборочных работ: копья, булавы, кистени, стремена, стрелы и пр. Напротив, здесь представлены исключительно «комбинированные» виды оружия, для которых нужно было подогнать и соединить от нескольких до тысяч деталей. Состав находок из мастерской говорит о слесарно-сборочном направлении производства. Узкая специализация мастерской подтверждает тезис о высоком уровне развития древнерусского ремесла в XII-XIII вв. [94, с. 505-507]. Этот вывод представляется важным для понимания глубины дифференциации не только ремесла в целом, но и оружейного дела. Опираясь на гомельский материал, можно предположить, что в оружейном производстве к первой половине XIII в. обозначается разделение труда между кузнецами, занимавшимися преимущественно горячей обработкой черного металла, и слесарями, употреблявшими главным образом холодные способы доводки изделий.

Гомельский материал подтверждает и положение А.Н. Кирпичникова о том, что потребность в оружии на Руси удовлетворялась на внутреннем рынке [297, с. 73]. Новые исследования показывают, что производство оружия сосредотачивалось не только в крупнейших центрах, но и в небольших «пригородах». Экономика «младших» городов Черниговской земли (надо полагать, и иных земель), реализовывавшая в XII-XIII вв. потребности возникающих уделов, настолько окрепла в предмонгольское время, что и здесь получают развитие технически сложные ремесла. В этом плане Гомель демонстрирует яркий пример экономического «отрыва» периферии от метрополии, связанный с углублением процесса феодальной раздробленности. Узкая специализация Гомийской оружейной (слесарно-сборочной) мастерской свидетельствует о серийном выпуске доступной и востребованной продукции. Данное обстоятельство способствовало насыщению воинских формирований русских княжеств доспехами в необходимых количествах, способствуя повышению степени их боеспособности.

Древнерусский город чутко реагировал на военные изобретения, быстро воспринимал оружейные новинки не только отечественного, но и международного масштаба, а в ряде случаев сам мог являться очагом создания новых образцов военной техники. Гомельские наручи наряду с сахновским принадлежат к числу древнейших в Европе деталей защитного вооружения подобного рода. В зарубежной Европе появление трубчатых наручей относится к 1250-1260 гг. [297, с. 20], а у монголов они появляются, вероятно, еще позднее — не ранее второй четверти XIV в. [306, с. 196].

По-видимому, в Гомеле созданием и ремонтом оружия в XII — начале XIII вв. занимались не только в описанной выше мастерской. Очевидные следы работы с кольчатым полотном отмечаются и на детинце. Есть и признаки изготовления деталей предметов вооружения из цветного металла. В 1987 г. в западной части околоградья вскрыты остатки сооружения с углубленной в материк частью (мастерская 2). Находки позволяют датировать его концом XII — началом XIII в., а гибель — связывать с теми же событиями, которые привели к прекращению работы мастерской 1. Комплекс находок указывает на то, что здесь проводились работы ювелирно-литейного характера, связанные, в первую очередь, с отливкой металлических предметов Здесь выявлен бронзовый наконечник ножен меча, имеющий признаки бракованного или незаконченного изделия [302, с. 209-210; рисунок 9].

Пятно мастерской 2 на уровне верхней зачистки имело размер 7,8х4,2 м. На уровне зачистки материка ее основная камера приобрела форму прямоугольника размером 4,8х4,2 м. Плоский материковый пол постройки углублен в материк на 1 м. Основание сооружения изрезан: ямами, связанными с деревянными элементами конструкции постройки. В восточном углу на полу открыта яма, в заполнении которой расчищен развал крупной корчаги, обломок стеклянного браслета и рассматриваемый наконечник ножен. К западной стене основной камеры примыкает углубленный в материк «тамбур-вход». Мастерская 2 сгорела, о чем свидетельствуют обугленные бревна срубной конструкции и перекрывающий нижнее заполнение объекта мощный слой угля, сгоревших бревен и досок. В южном углу основной камеры — завал глины от рухнувшей сверху печи. В нижнем заполнении постройки собрана керамика XII — начала XIII вв. Изделия из черного металла представлены ножами, цилиндром навесного замка типа Б (по классификации Б.А. Колчина), обломком ручки железных щипцов и др. Найдены каменный оселок 13 обломков стеклянных браслетов, обломок стеклянного перстня, раскрошенные фрагменты сосудов из тонкого желтоватого стекла, обломки костяного гребня. В среднем заполнении постройки, отражающем период ее гибели в момент пожара, содержалось много обломков керамики XII — первой половины XIII вв., около 40 железных гвоздей, свыше 150-ти обломков стеклянных браслетов, 2 фрагмента стеклянных перстней, обломки сосудов из желтого стекла, шиферные пряслица, обломки туфовых жерновов, амфор, ошлакованный обломок глиняной льячки и др. Представительна коллекция изделий из цветного металла: 2 куска проволоки, литая пуговица с ушком, обрубок пластинчатого орнаментированного браслета, обломки пластинчатого перстня, ложновитой перстень. Здесь же были изделия из черного металла: обломок псалия, ножи, обух топора, 2 шпоры с пирамидальными шипами и др. Характер находок, включающий обломок щипцов, фрагмент льячки, заготовки и бракованные изделия из цветного металла позволяет предполагать выполнение в постройке ювелирно-литейных работ. Наконечник ножен меча интересен тем, что с него не сняты заусенцы. Дефект препятствовал его набиванию на ножны. В таком состоянии дорогая вещь едва ли могла быть приобретена заказчиком или реализована на рынке покупателю оружия.

Клинковое вооружение. Мечи и сабли выступают одной из основных категорий оружия ближнего боя средневекового воина. В Гомельском Поднепровье выявлен значительный комплекс деталей оружия данного рода. Крупнейшая серия составляющих частей клинкового вооружения происходит из Гомеля (рисунки 91-94). Клинковое вооружение древнерусской поры на землях Беларуси с привлечением гомельских материалов рассматривается Н.А. Плавинским [307].

В комплексе Гомельской мастерской 1 определено 14 перекрестий клинкового оружия — 13 железных и 1 бронзовое, в т.ч. заготовками являются 6 изделий. 7 перекрестий (в т.ч. 2 заготов- --- следует отнести к оснастке мечей, 6 (в т.ч. 4 заготовки) — сабель. Определение одного из предметов спорная. Большая часть перекрестий атрибутирована в соответствии с типохронологией А.Н. Кирпичникова [295]. Метрические параметры артефактов опубликованы [302, с. 204-217].

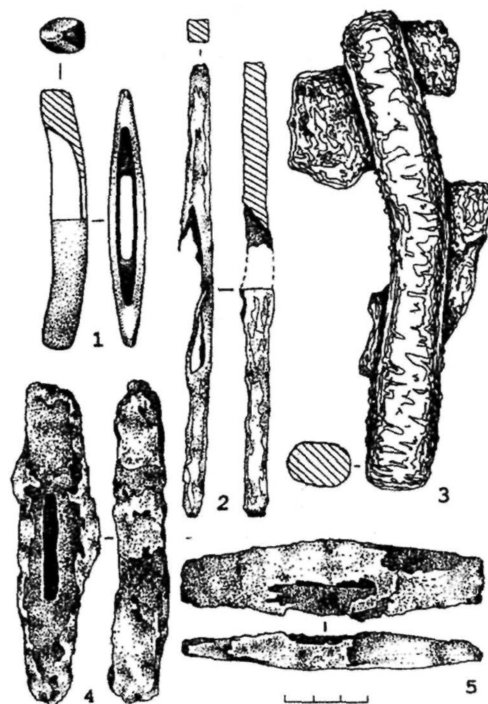

Рисунок 93 — Гомель. Оружейная мастерская-1. Перекрестия и их заготовки для мечей и сабель (1-5): 1 — бронза; 2-5 — черный металл

Большая часть перекрестий мечей и сабель из мастерской 1 характеризует типовое оружие Руси второй половины XI-XIV вв., но более характерное для XII—XIII вв. Впрочем, в мастерской выявлено и раннее перекрестие сабли, отнесенное А.Н. Кирпичниковым к типу IA (вторая половина X-XI вв.). Наличие в оружейном комплексе, сформировавшемся в конце XII — начале XIII вв., перекрестия архаичной для рассматриваемого периода сабли заставляет предполагать переживание и, возможно, длительное использование данной вещи. Это обстоятельство могло быть связано со спецификой накопления предметов в мастерской, где хранились образцы не только современного для той эпохи, но и устаревшего вооружения.

Материал мастерской 1 свидетельствует о том, что здесь производились изготовление и сборка клинкового вооружения всех типов, известных Европе, но в своем ассортименте имеющих специфику региона Древней Руси, приближенного к Великой Степи.

На Гомельском детинце найдено железное почти прямое перекрестие меча. Ширина прорези под клинок составляет 5,5 см (рисунок 92: 2) [82, с. 169, рисунок 4: 11]. Метрические параметры изделия сближают его с перекрестиями типа II по схеме А.Н. Кирпичникова.

С клинковым вооружением связаны также найденные в мастерской 1 железные навершия мечей и сабель. В настоящее время в комплексе материалов мастерской 1 можно выделить 4 навершия мечей и сабель, 2 из которых, несомненно, являются ремесленными заготовками. Материал опубликован [302, с. 204-217].

Мастерская 1 выпускала и ремонтировала ножны мечей, сабель, боевых ножей. Здесь выявлен железный наконечник ножен сабли с шляпками гвоздей (рисунок 92: 4). Значит, в свое время мастер уже успел набить его на ножны. Это — характерный образец подобного рода изделий, бытовавших на Руси с X по XIV вв. [295, табл. XXXV, рисунок 7]. Интерес представляет обломок сгоревших деревянных ножен меча, прикипевший к панцирным пластинам (рисунок 94: 1).

Находки деталей клинкового вооружения на иных памятниках Гомельского Поднепровья редки. В Вищине найдено бронзовое перекрестие меча, которое отнесено Н.А.Плавинским к «куршскому» типу [29, с. 114, рисунок 27: 1; 307, табл. II: 14]. Здесь же выявлена сабельная обоймица [307, табл. IV: 5].

В Гомеле сборка оружия велась не только на окологрядье, но и на детинце. Речь идет о полуфабрикатах кольчатого плетения, выявленных в отложениях XII—XIII вв. (см. ниже).

Великолепный бронзовый литой наконечник ножен меча происходит, как отмечалось, из мастерской 2. Он имеет высокие боковые штанги, ромбовидный выступ в средней части, линзовидный выступ — на нижнем окончании корпуса. Поверхность покрыта рельефным орнаментом. На основной части корпуса изделия имеется стилизованное изображение дерева или цветка в окружении двух змееподобных существ (?) (рисунок 95). Наконечник мог быть отлит

Рисунок 94 — Гомель. Оружейная мастерская 1 (1-4, 6). 1 — фрагмент сгоревших деревянных ножен меча в скоплении железных панцирных пластин; 2 — петля для подвешивания боевого ножа; 3 — обломки железных ножен боевого ножа; 4 — железный наконечник ножен сабли; 6 — обломок железного боевого ножа. Новгородское Недельное Евангелие 1353 г. (5): книжная миниатюра-заставка (по М.Г. Рабиновичу). Гомель, посад, вторая половина XII — первая половина XIII вв. (7): железный нож

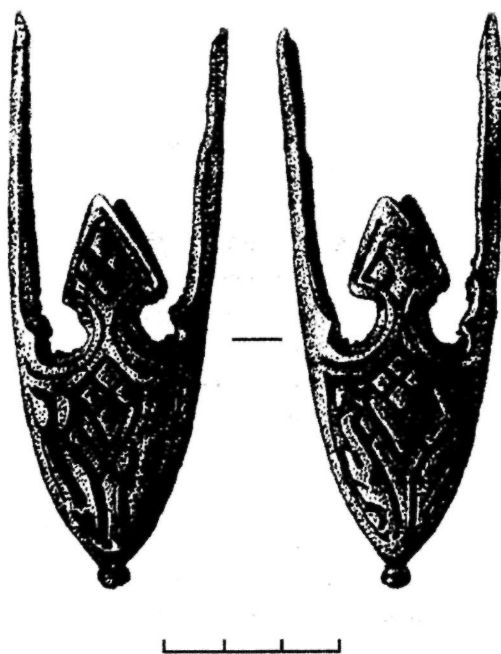

Рисунок 95 — Гомель. Бронзовый литой наконечник ножен меча из мастерской 2

двумя способами: по восковой модели в глиняной одноразовой форме или в двухчастной многоразовой форме со стержнем. Наконечник, очень напоминающий гомельский по форме, изображен на ножнах меча святого на фреске собора Спаса на Нередице в Новгороде Великом (около 1199 г.) [297, табл. VII, рисунок 1]. Наконечники ножен, близкие гомельскому, широко распространены у пруссов. Прусские наконечники, как и гомельский, отличаются длинными штангами, наличием элементов растительного (плетеного) орнамента. Правда, они в своей верхней части обычно имеют выступ в виде трилистника или креста. В.И. Кулаков относит прусские наконечники данной разновидности ко второй половине XI — началу XIII вв. [308, с. 31, рисунок 16]. Встречаются подобные изделия и у восточных балтов, где они датируются XII в. [230, табл. VI: 6]. Интересно отметить, что близкий рассматриваемому наконечник выявлен в хорошо датированных слоях Полоцкого Верхнего замка, где он относится к 30-м гг. XIII в. [309, с. 71, рисунок 33: 17]. Похожий наконечник происходит из раскопок на Княжей Горе в Среднем Поднепровье (XII — первая половина XIII вв.) [295, с. 25, рисунок 3 : 2]. Два аналогичных гомельскому наконечника ножен (но с центральным выступом в виде трилистника) обнаружены в руинах Изяславля (Украина), разрушенного монголами в 1241 г. Хронология последнего совпадает с датировкой находки из Гомеля, а потому такая, на первый взгляд, поздняя дата этих вещей не должна смущать исследователей.

С середины XX в., вслед за публикацией Г.Ф. Корзухиной, повелось считать местом изготовления наконечников ножен мечей рассматриваемого типа восточноприбалтийские земли [310, с. 25]. Основанием для такого заключения послужило обилие находок подобного рода в Пруссии и соседних балтских землях с одной стороны, и их малочисленность за пределами Восточной Прибалтики — с другой. Действительно, на территории Древней Руси такие наконечники выявлены буквально в единичных экземплярах. Но можно ли, исходя только из статистики, определять место изготовления тех или иных вещей? Необходимо также обратить

внимание на следующее. Обилие таких наконечников в землях балтских племен может объясняться особенностями мировоззрения и погребального обряда местного населения, которые и способствовали массовому «выпадению» в землю предметов вооружения. На Руси же почти все наконечники ножен рассматриваемого круга — либо утерянные, либо являющиеся свидетельствами военных потрясений. Отсюда может вытекать их сравнительная редкость. Гомельская находка из мастерской 2 ставит под сомнение безоговорочный вывод о восточноприбалтийском происхождении всех древнерусских литых наконечников с высокими штангами и растительным (плетеным) орнаментом, поскольку Гомель являлся одним из центров производства подобных изделий. Конечно, первые образцы такой оружейной фурнитуры действительно могли появиться в Прибалтике и оттуда распространяться на Русь. Но теперь все найденные на Руси предметы данного круга уже не могут без оговорок причисляться к прибалтийскому импорту.

Еще один бронзовый литой наконечник ножен меча случайно выявлен находчиком на огородах д. Литвиновичи Кормянского р-на. Связь изделия с конкретным памятником археологии не установлена. Наконечник хорошо сохранился (рисунок 96). С одной стороны его поверхность гладкая, с другой — покрыта сложным бороздчатым орнаментом, залитым чернью. Рельеф узора получен еще в процессе отливки изделия и свидетельствует о достаточно высоком профессионализме мастера. Боковые штанги наконечника короткие, выполненные в форме стилизованных ветвей. Центральный выступ приподнят, имеет навершие в виде трилистника усложненной формы. С одной стороны (над орнаментальной композицией) этот выступ обломан. Характер поверхностей боковых штанг и центрального выступа указывает на их тщательную обработку напильником. Сам корпус наконечника (толщина стенок составляет около 1,5 мм) также тонко обработан абразивами. В нижней части наконечника имеется выступ, видимо оставшийся от литника. Он тоже дополнительно обработан. Орнамент на «лицевой» поверхности изделия состоит в верхней части композиции из равностороннего креста с вписанным в него кругом. Крест имеет раздваивающиеся концы, обрамлен декоративными завитками и точками.

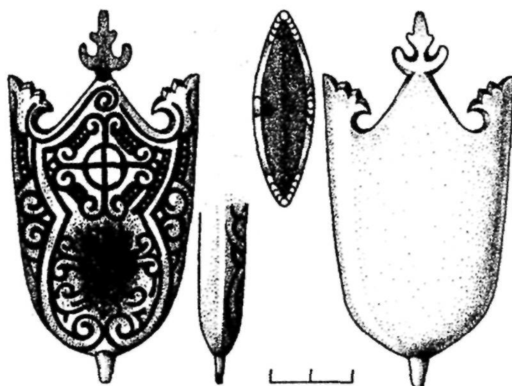

Рисунок 96 — Литвиновичи. Бронзовый наконечник ножен меча (случайная находка)

На Руси можно найти многочисленные аналогии находке из Литвиновичей. Сходный по форме наконечник имеется в Лукомле (Северная Беларусь) [310, рисунок 2: 11]. В Новгороде Великом похожий наконечник найден на Михайловском раскопе [311, рисунок 22: 6]. Типологически сходный наконечник, также с углубленным рельефным орнаментом происходит из Старой Рязани (XI в.) [312]. Большинство аналогий литвиновичскому наконечнику датируется широко (X-XI вв.), но в тех случаях, когда дату удается установить с большей точностью, можно говорить о первой половине XI в. Скорее всего, первая половина XI или конец X — первая половина XI вв. — и есть время бытования наконечника из Литвиновичей. Вне сомнения, он украшал ножны меча представителя княжеской дружины. Обращает внимание, что рассматриваемый предмет найден на значительном расстоянии от формировавшихся в это время городов. Ближайший — Чечерск — расположен более чем в 30-ти км южнее. Литвиновичи находятся в правобережье Сожа при устье ручья Коселянка. Крупных археологических исследований в Литвиновичах и окрестностях не проводилось. Но в данном микрорегионе отмечается скопление поселений и курганов эпохи Руси. Примечательной является находка (1954 г.) клада арабских дирхамов с младшей монетой 823/24 гг. В литературу клад вошел как Литвиновичский или Косоляцкий [313, с. 90; 314, с. 35-38, № 18]. Он относится к числу самых ранних кладов арабских дирхамов, сокрытых в Юго-Восточной Беларуси. Расположенные в центре Посожья, Литвиновичи могут маркировать место княжеского погоста, основной задачей которого в X-XI вв. был сбор дани в глубинных районах земли радимичей. Эта цель требовала пребывания здесь дружинного гарнизона.

Среди элементов фурнитуры клинкового оружия мастерской 1 есть железная оковка ножен боевого ножа. Сохранность изделия плохая. Однако форма и размеры (реконструированная длина — до 25 см, ширина — до 2,0-2,5 см) этого редкого в восточнославянских древностях предмета прослеживаются определенно (рисунок 94: 3). Вероятно, с боевым ножом связано

также железное изделие в форме петли, которая могла крепиться для подвешивания оружия к поясу (рисунок 94: 2). Есть в мастерской и обломок самого ножа (рисунок 94: 6), который мог входить в комплект с описанными ножнами. Хорошо расчищенные экземпляры предположительно боевых ножей демонстрируют вдоль спинки характерный желобок и малую сточенность лезвий. Эти признаки обычно не сопутствуют клинкам хозяйственно-бытового назначения.

Один из таких ножей выявлен в 1990 г. на южном посаде Гомеля (вторая половина XII — начало XIII вв.) (рисунок 103: 7). Длина его сохранившейся части — 18 см (в т. ч. лезвия — 15). ширина лезвия - до 1,6, а реконструируемая длина всего изделия — около 21 см. Информация с находках крупных (иногда используется термин «засапожных») ножей имеется применительно к курганам Гомельского Поднепровья. Так, такой нож встречен в могильнике Микуличи под Брагином (исследования В.З. Завитневича, 1890 г.).

Копья и сулицы. В Руси копье выступало основным средством ближнего боя. Оно было более распространенным оружием, нежели клинковое, следовательно, более доступным не только для дружинников, но и ополченцев, использовалось как пехотинцами, так и всадниками [201, с. 308]. С выдвижением конницы в качестве основного рода раннефеодального войска оно стало важнейшим наступательным средством. Находки копий неоднократно сделаны на могильниках и поселениях Гомельского Поднепровья. Остановимся на некоторых находках. Два наконечника копий выявлены в курганах с ингумациями Мохова в раскопках В.З. Завитневича [20, с. 13-16] и автора (курган 19). Последняя находка имеет перо ромбической формы и относится к редкому типу II по схеме А.Н. Кирпичникова (IX — начало XI вв.) (рисунок 83: 2) [201, с. 308, табл. 125: 3]. Два наконечника копий открыл В.З. Завитневич в могильнике Казазаевка под Речицей. Вероятно, втулка копья найдена Г.Ф. Соловьевой в кургане с кремацией в Демьянках. Два наконечника копий втульчатого типа с плоским пером хранятся в фондах Музея при ГИКУ «Гомельский дворцово-парковый ансамбль». В Вищине Э.М. Загорульский отмечает 5 наконечников копий XII — первой половиной XIII вв. [29, с. 114-115, рисунок 63]. Разновидностью копья, которая сближает его со стрелой, являются сулицы-дротики. Обломки такого оружия встречались в Гомеле и Мохове. Сулицы использовались в качестве вспомогательного средства поражения в бою и на охотничьем промысле. В зрелом средневековье популярность сулиц возросла, что объяснялось удобством их использования в условиях пересеченной местности и в момент сближения ратей, а также в рукопашной схватке и в преследовании.

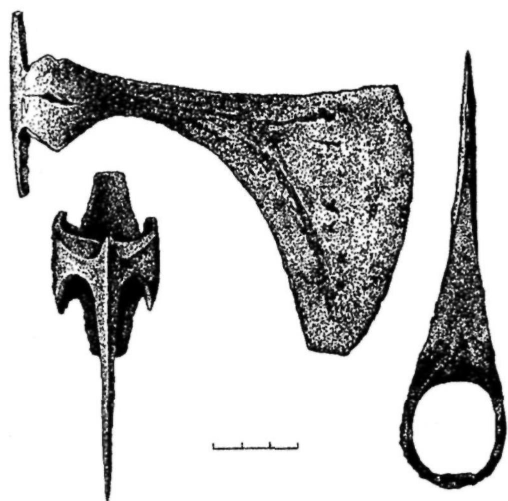

Рисунок 97 — Прибытковская Рудня. Железный топор. Случайная находка 1980-х гг.

Топоры. Боевые топоры относятся к оружию рубяще-дробящего действия и связаны. главным образом, с историей пехоты. В Гомеле неоднократно встречались обломки топоров, но в тех случаях, когда удавалось определить их функциональное назначение, они относились к топорам рабочим.

В Мохове В.З. Завитневич обнаружил 3 топора [20, с. 13-16]. П.Ф. Лысенко опубликовал 2 топора из находок В.З. Завитневича [8, рисунок 26: 42, 43]. Оба они относятся, соответственно, к типам I и IV по классификации А.Н. Кирпичникова. Топоры типа I датируются X-XIV вв., типа IV — X-XII вв. [201, с. 310-311, табл. 127: 6, 16]. Скорее всего, их можно отнести к боевым образцам. Нашими раскопками в Мохове открыты два топора. Оба они относятся к типу IV [201, с. 310]. Раскопками В.З. Завитневича топоры встречены в могильниках Казазаевка (1), Колпень (1), Малейки (1), Сенское (1). Холмечь (2). В Микуличах (ур. Горки Возле Микуличского Двора) в ингумациях В.З. Завитневичем собрано 4 топора [8, рисунок 27: 22, 26, 28]. Они относятся к типам Ш-IV боевого оружия такого рода (классификация А.Н. Кирпичникова), которое датировано X-XII вв. [201, с. 311, табл. 127: 15, 16]. Топор IV типа случайно выявлен в р. Уть, левом притоке Сожа, у д. Прибытковская Рудня под Гомелем (рисунок 97) [300, с. 107-113]. Топор найден в том месте, где Уть пересекалась средневековой дорогой Киев-Чернигов-Гомель, которая в летописях именовалась как «путь в радимичи». По нашему предположению, всего в 6-7 км от этого места состоялась знаменитая Песчанская битва 984 г., положившая конец автономии радимичей [148,

с. 202-213; 149, с. 52-56]. Незначительное расстояние между полем сражения (на берегу нынешней речушки Песошеньки, притока Терюхи) и утьским бродом, где была сделана находка, делает возможным предположение, что оружие было потеряно одним из воинов, шедшим после разгрома радимичей в сторону Гомеля.

Булавы и кистени. Данная категория оружия может быть названа ударно-дробящей. Два навершия булав (бронзовое и свинцовое) найдены в Вищине, здесь же открыт кистень из цветного металла [29, с. 115, 117, рисунок 27, цветная вклейка].

Лук и стрелы. Самострел. Остатки лука редки в археологическом материале. Костяные летали лука известны в могильнике Микуличи ур. Горки у Микуличского двора) [8, рисунок 27: 1, 2]. Стрелы были одним из распространенных видов поражающего оружия дальнего боя. В Гомеле обнаружено более 70 железных наконечников стрел (раскопки 1987-2005 гг.). Их расчистка продолжается, поэтому обобщающие выводы делать рано. Доминируют плоские черешковые наконечники, втульчатые единичны. По составу находок наконечников Гомель не выделяется из числа большинства восточнославянских городов. Интерес вызывает ланцетовидный наконечник, аналогии которому широко представлены в Северной Европе (рисунок 62). Он относится к типу 62 по классификации А.Ф. Медведева и датируется IX - первой половиной XI вв. [197, с. 164]. Его появление может быть связано с деятельностью «скандинавского» воинского элемента.

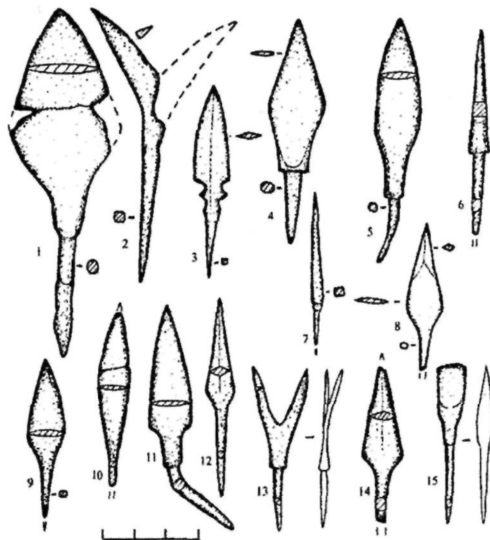

Рисунок 98 - Гомель, детинец и окольный город. Некоторые типы железных наконечников стрел (1-15)

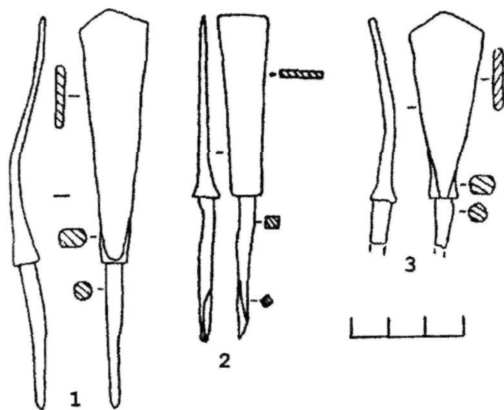

Рисунок 99 - Гомель, детинец. Железные наконечники стрел - срезни (1-3)

На страницах этой работы нет возможности описать стрелы, найденные в регионе. Это - задача отдельного исследования. Здесь же следует отметить следующее. Почти все наконечники относятся к разряду черешковых, втульчатые - исключительная редкость. Большинство наконечников, судя по плоскому или слабо выделенному ромбовидному сечению пера, предназначались для поражения незащищенной или слабозащищенной цели (в том числе промысловых животных и боевых коней). Однако есть и специализированные боевые стрелы. Это шиловидные, способные проникать даже в самые компактно выстроенные кольчатые покрытия воина, и бронебойные, назначенные для пробивания доспехов различных конструкций. В этом плане показательна гомельская коллекция (рисунок 98). В Гомеле найдено несколько наконечников, относящихся к самострелу, т.е. арбалетных болтов. В Вищине собрано 15 наконечников стрел, в т.ч. два из них втульчатые двушипные, остальные - черешковые. Среди последних имеется типичный монгольский срезень и 5 наконечников бронебойного типа [29, с. 117-119, рисунок 30, цв. вклейка]. В Гомеле, как отмечалось, найдены монгольские срезни (рисунок 99). Хронология и типология наконечников стрел и болтов, выявленных в регионе, соответствует разработкам А.Ф. Медведева [197].

Кольчатый доспех. Кольчуга относится к одному из самых популярных на Руси видов защитного вооружения. В Гомельском Поднепровье целых кольчуг не найдено, но имеются их многочисленные фрагменты (Вищин, Гомель), которые приносят интересную научную информацию. Древнерусский кольчатый доспех стал объектом серьезного научного изучения в середине XX в. Большие исследования по кольчатому доспеху были проведены А.Ф. Медведевым, Н.В. Гордеевым, А.Н. Кирпичниковым [297, с. 7-15]. Вопросам технологии и производства

кольчуг уделил внимание Б.А. Рыбаков [94, с. 231-232]. Остатки кольчатых панцирей в археологическом материале XII—XIII вв. — находка сравнительно редкая, но регулярная. В Беларуси фрагменты кольчужного полотна встречены в Минске, Бресте, Волковыске, Мстиславле, Гродно и др. Работа по обобщению белорусского материала, касающегося кольчуг, проведена Н.А. Плавинским [316, с. 144-145].

Гомельские находки заслуживают отдельного рассмотрения. Они отличаются репрезентативностью, разнообразием и способны пролить свет на некоторые вопросы производства кольчуг [303, с. 162-173]. Значительное количество отдельных колец, цепочек из колец, фрагментов полотен обнаружено при раскопках мастерской 1. Находки подобного рода есть на окольном городе и вне мастерской, а также на детинце. Кольца имеют различные характеристики. Их диаметр составляет 7-16 мм. Часть колец имеет круглое сечение, часть — плоское (рисунок 100). Крепление стыков колец осуществлено двумя способами: сваркой и склепкой «на гвоздь», т.е. заклепка имеет шляпки с двух сторон. Ряды сваренных и склепанных колец чередуются. Это типичная для средневековья технология, распространённая в Европе и Азии. На Руси применялась и технология изготовления кольчатых доспехов, где все кольца были скреплены «на гвоздь» [297, с. 7-15].

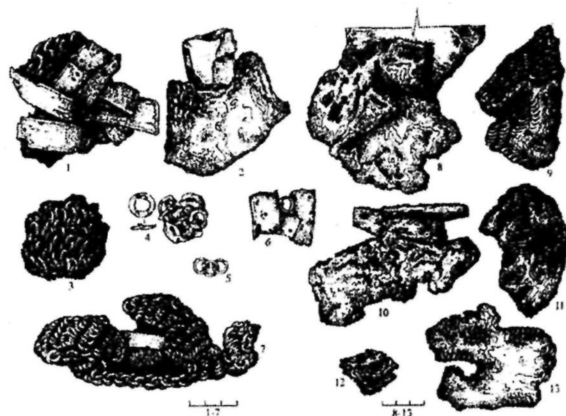

Рисунок 100 — Гомель. Фрагменты кольчатого полотна (1-13)

Наличие разнообразных по размерам и составу кольчужных фрагментов при отсутствии проволоки и разомкнутых колец не дает полной уверенности о присутствии следов кольчужного производства, хотя следы производства пластинчатых доспехов и фурнитуры клинкового оружия есть. В мастерской могли производиться ремонтные работы. Кольчужные фрагменты относились к различным гарнитурам. Порывы и иные повреждения доспеха мастер ликвидировал вставкой отдельных колечек и фрагментов полотна (причем, часто из колечек нестандартного размера), содержащих десятки и сотни колечек. Кроме кольчужных рубашек и чулок в мастерской могли ремонтироваться дополнения к иным средствам защиты: шлемам и наручам Кольчатая бармица — характерный элемент шлема [297, с. 22-32].

В слое XII—XIII вв. Гомельского детинца обнаружено скопление разомкнутых колечек плоского сечения с внешним диаметром 16 мм и одно склепанное «на гвоздь» такое же колечко (рисунок 100: 4). Следует отметить, что плоские в сечении кольца столь внушительных размеров — находка довольно редкая. Временем их появления А.Н. Кирпичников считает рубеж XII-XIII вв. [297, с. 14], так что мы имеем дело с новинкой военного дела. На территории детинца также обнаружен фрагмент полотна из 25 колечек (включая фрагменты) с внешним диаметром 9 мм при толщине проволоки 1,3 мм (рисунок 100: 5). Эти находки, содержащие как полуфабрикаты, так и готовые изделия, позволяют утверждать о наличии ремонта кольчатых доспехов и предполагать их изготовление на детинце. В Гомеле работала не одна, а несколько доспешных мастерских.

В Вищине выявлены два обрывка кольчуг и кольчужные колечки [29, с. 119, рисунок 64].

Ламеллярный и чешуйчатый доспехи. Углубленное исследование доспехов Руси XI-XIV вв. ведется более полувека [196; 297 и др.]. Считалось, что пластинчатый доспех был нехарактерным для Руси. Это мнение было опровергнуто в середине XX в. А.Ф. Медведевым, который показал на археологическом материале широкое распространение такого вида защиты [196, с. 119-134].

В Беларуси сделаны интересные находки предметов средневекового защитного вооружения, к которым, в первую очередь, относятся железные пластины. Они свидетельствуют, что не позднее второй половины — конца VII в. население земель Беларуси (одним из первых среди славян Восточной Европы) познакомилось с наборным доспехом. К этому времени, согласно датировке И.О. Гавритухина, относятся железные пластины из Хотомеля [97, с. 137-139].

Широкое распространение доспехов на белорусских землях в XI—XIII вв. документировано репрезентативным материалом. Доспешные пластины обнаружены при исследованиях летописных Полоцка, Новогрудка, Минска, Бреста, Слуцка, городищ Прудники, Гольшаны,

Кульбачино и др. [309, с. 60; 317, рисунок 73; 258, с. 220, табл. XI и др.]. Однако, несмотря на достаточно широкую географию таких находок, они единичны, «некомплектны», а потому не дают оружиеведам исчерпывающих оснований для создания обоснованных реконструкций тяжелого защитного вооружения рассматриваемого периода.

В Гомельской мастерской 1 открыто самое крупное на Руси собрание доспешных пластин (рисунок 101). Их часть относится к ламеллярному строю. Удалось идентифицировать более 200 пластин, хотя их в нерасчищенной части коллекции намного больше [301, с. 213-215]. Пластины ламеллярного строя посредством продевания шнура через парные отверстия, связывались между собой в ряды. Ряды соединялись друг с другом на шнурах-подвесках, либо с помощью прижатого к двум рядам посредника из ткани или мягкой кожи. Тем самым достигался эффект свисания», что обеспечивало доспеху чрезвычайную гибкость (рисунок 102: 1). Эту особенность ламеллярного доспеха при изучении его восточных образцов отметил М.В. Горелик 306, с. 186-187]. Она констатирована и в ходе экспериментальных наблюдений Ю.М. Лупиненко.

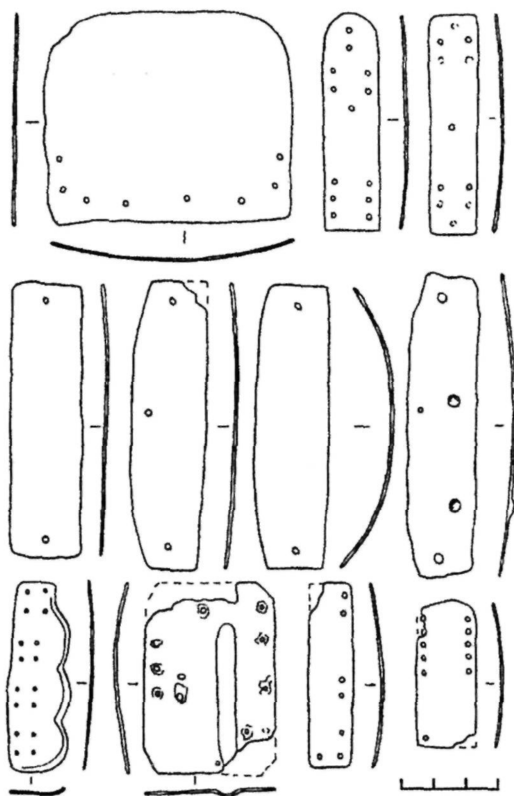

Рисунок 101 — Гомель, оружейная мастерская 1. Образцы доспешных пластин ламеллярного и чешуйчатого строя (1-11)

Близкие аналоги пластинам из Гомеля встречены в Южной Сибири и Центральной Азии (XI-XII вв.) [318]. Именно с Востока проникли на Русь ламеллярные доспехи. Скорее всего, аварские корни имеют пластины VII в. из Хотомеля. Видимо, восточными по происхождению являются и детали доспешных наборов X в. из Плиснеска и Алчедара [196, с. 119]. Славяне Поднепровья и Поднестровья имели во второй половине I тыс. н. э. прямые военно-политические и этнокультурные контакты с аварами, хазарами и мадьярами. В Центральной, Восточной и Средней Азии ламеллярные доспехи были излюбленным видом снаряжения воина не только в эпоху развитого, но и раннего средневековья [318].

Если учитывать высокий уровень развития ремесла Руси XII-XIII вв., то можно утверждать, что дружинники располагали полным комплексом доспехов. Мастерская в Гомеле — тому яркое подтверждение. Именно ламеллярная конструкция доспеха названа в древнерусской летописи «бронью дощатой», т.е. отдельные пластины доспеха именовались «досками».

Варианты реконструкции ламеллярных доспехов восточнославянского ратника XII-XIII вв. предложены Ю.М. Лупиненко [301, с. 213-215]. Уникальные материалы Гомельской оружейной мастерской с привлечением археологических, изобразительных, письменных источников евразийского происхождения позволяют предложить обоснованную реконструкцию ламеллярного доспеха восточнославянского воина. Впервые в практике белорусской науки оружиеведческие реалии рассматриваемого периода обосновываются практическими результатами исторического экспериментального моделирования.

Гомельская мастерская 1 дала в распоряжение науки и огромный материал по изучению древнерусского чешуйчатого доспеха XII-XIII вв. [304, с. 140-154]. Археологическим материалом, связанным с чешуйчатым доспехом, выступают многочисленные находки пластин, которые по некоторым признакам можно отличать от пластин ламеллярного крепления. Удалось идентифицировать более 150-ти пластин, которые относятся к чешуйчатой системе. Вдоль длинных сторон таковых отсутствуют симметричные пары отверстий, через которые они связываются в ряды. Особенностью чешуйчатого панциря является наличие мягкой основы (кожа, ткань) для нашивания бронирующих элементов. Отпечатки мешковины зафиксированы на десятках пластин.

Доспешная (?) пластина выявлена в Вищине [29, с. 121, рисунок 64: 2].

Пластины из Гомеля отличаются от северо- и центральноазиатских, болгаро-дунайских. византийских пластин чешуйчатого строя. Вместе с тем, значительная их часть находит аналоги в материалах Руси (Белая Вежа, Брест, Гольшаны, Новгород Великий, Новогрудок, Полоцк, Суздаль и др.). Они датируются X-XIV вв., но в большинстве случаев — XII-XIП вв. Древнерусский чешуйчатый доспех имел свою специфику [304, с. 140-154].

Наручи и поножи. Кроме деталей пластинчатого доспеха, в Гомельской мастерской имеются остатки исключительно редких железных предметов защиты рук и ног воина. Здесь присутствует более десятка обломков наручей трубчатого типа (включая фрагменты незаконченных экземпляров) [301, с. 213-225]. Они аналогичны по конструкции широко известному наручу из городища Сахновка в Среднем Поднепровье. Сахновский наруч происходит из слоя монгольского погрома 1240 г. и долгое время был уникальным [297, с. 20, рисунок 23]. На обломках наруча из Гомеля есть остатки пряжки и шарнира. Нижний его край имеет выгнутый кант, который предназначен для более комфортного положения руки воина. Он снабжен рядом малых отверстий (рисунок 102: 2). Можно утверждать, что отверстия предназначались для крепления на наруче кольчужной перчатки. Аналогичное соединение защитной перчатки и наруча можно видеть на персидских миниатюрах XIV в. Несколько обломков второго трубчатого наруча выявлено в центральной части окольного города (рисунок 103). Они датируются не позднее XIII в.

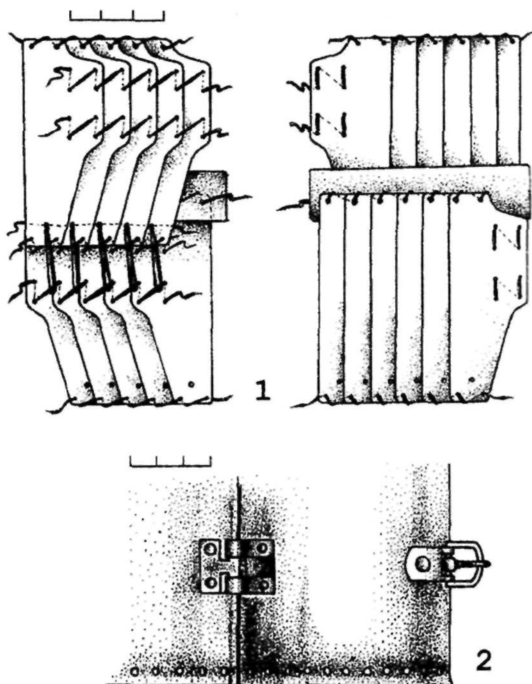
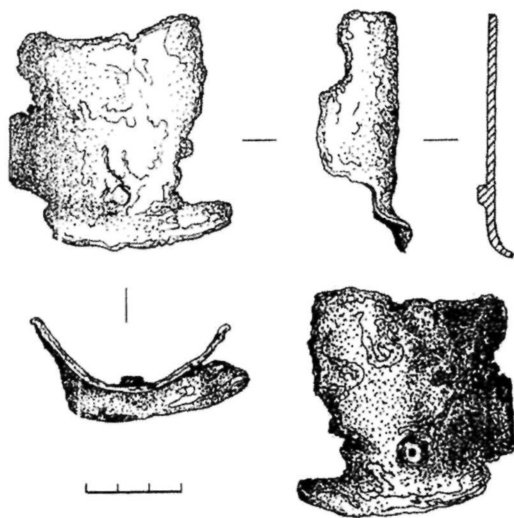

Рисунок 102 — Схема вязания пластин в ламеллярном доспехе (1) и реконструкция нижней части наруча из мастерской 1 (2)

Рисунок 103 — Гомель. Окольный город. Обломок железного наруча (раскопки 2003 г.)

Кроме наручей трубчатого типа, в мастерской 1 могли изготавливаться и наручи шинные Здесь имеются длинные (25-30 см) и узкие (0.8-1,0 см) железные, слабо выгнутые пластины. К сожалению, они зафиксированы только при полевой расчистке остатков мастерской. Из-за крайне плохой сохранности уцелели лишь маловыразительные их обломки. Предположительно, эти пластины могли входить в состав защитной конструкции, которая набиралась посредством пришивания пластин к основе через парные отверстия. Подобная защита частей тела воина известна еще в скифских поножах V в. до н. э. Близкую аналогию гомельским находкам можно усматривать в изображении аварского воина VIII в. на кувшине из Венгрии [248, табл. XVI, рисунок 1]. Возвращаясь к гомельским пластинам, следует отметить, что малая ширина характеризуемых изделий свидетельствует скорее в пользу их пришивания «внахлест». Такой способ конструкции наручей и поножей заметно повышал качество защиты рук и ног ратника. Таким образом, Гомель не только знал современные для того периода средства защиты ратника, но и выступал одним из центров их производства.

Снаряжение конного воина и боевого коня. К предметам, характеризующим боевую экипировку конного ратника, относятся шпоры, стремена, удила, псалии. Находки предметов такого рода встречены на всех категориях памятников X-XIII вв. изучаемого региона. Остановимся на некоторых из них.

Шпоры — показатель феодально-организованного рыцарства. Находки шпор на том или ином памятнике — надежное свидетельство пребывания дружинного контингента. Семь шпор происходят из Вищина. Они относятся к общерусским типам [29, с. 121-124, рисунок 65-66]. Обломок шпоры с пирамидальным шипом и инкрустацией цветным металлом найден в Мохове (рисунок 82: 2). Аналогичная шпора найдена на Гомельском детинце. Шпоры с пирамидальным шипом бытуют на землях Руси в XII-XIII вв. [201, табл. 147: 5]. В Гомеле найдено еще несколько шпор. Среди них есть экземпляры, снабженные зубчатым колесиком. В Гомеле обнаружены обломки псалиев и, по-видимому, стремян. В Вищине открыто 4 стремени и 2 их обломка. Они относятся к типам V, VII, VIIA, VIII, X по классификации А.Н.Кирпичникова, предназначались для тяжеловооруженных конных ратников и наиболее характерны для второй половины XII — середины XIII вв. [29, с. 124-126, рисунок 67, 68].

Предметы воинского быта. В Гомельском Поднепровье часто встречаются предметы, которые связаны с воинской культурой (железные тордированные гривны и браслеты, некоторые виды пряжек и др.). На страницах монографии упоминались тордированная гривна из Речицы, обломки гривен и тордированных браслетов из Мохова. Они датируются X-XI вв., но нижняя хронологическая граница может быть более ранней.

Воинская пряжка открыта в кургане 2 Мохова. Она бронзовая лировидная, имеет ограниченный круг аналогий (рисунок 74: 5). Редкой конструктивной особенностью является дополнительная рамка, на которой крепится язычок. В изучаемом регионе близкая по форме пряжка выявлена В.З.Завитневичем в могильнике Пожарки возле Брагина (ур. Горки у Пашковки) [8, рисунок 26: 26]. Подобная пряжка открыта П.И. Смоличевым в 1925 г. в Шестовице (кремация воина в кургане 145) [219, с. 188-189. Табл. XXXVII: 10]. Данные изделия входят в круг древностей X — начала XI вв., характеризующих дружинную культуру. Конструктивно близкие пряжки обнаружены в хорошо датированных воинских комплексах прусского могильника Ирзекапинис (погребение 106) и древнерусской Шестовицы (курган 42). Прусское захоронение датируется первой половиной X в., шестовицкое — второй половиной X — рубежом X-XI вв. [319, с. 111-116, рисунок 2: 2, 3; 219, с. 138-141, табл. XI: 6]. Обломанная пряжка рассматриваемой разновидности помещена А.П. Моцей в таблицу поясных принадлежностей грунтовых могил древнерусского Жовнина на Переяславщине [154, рисунок 19]. Пряжка из Шестовицы стилистически ближе к моховской, поэтому последнюю следует предварительно датировать второй половиной X в.

В кургане 17 Мохова найдена бронзовая лировидная пряжка, имеющая овальную рамку с «лилиевидным» окончанием (рисунок 74: 3) [166, рисунок 2: 10]. Аналогичные пряжки происходят из поселения на р. Менке, Новгорода Великого (слой первой четверти XI — 70-90-х гг. XII вв.), из кургана 3 у д. Черкасово Оршанского р-на Витебской обл., из кургана 2 (4) группы V Заславля [320, с. 248, рисунок 2]. Иногда в курганах с сожжением и ранних с трупоположением встречаются бронзовые бляшки и прочие детали воинских поясов. Выше уже упоминались две бронзовые прямоугольные бляшки из могильника Веточка V, зооморфные бляшки из Гадиловичей I. Их дата укладывается в рамки второй половины X — начала XI вв. В Моховском кургане 64 в кремации расчищены 4 бронзовые поясные накладки и держатель пояса. Накладки одинаковые и, вероятно, изготовлены в одной литейной форме. Они имеют крестообразный растительно-геометрический орнамент. Каждая с тыльной стороны снабжена шпеньками. Держатель имеет прямоугольную форму (2,5х2,3 см) с вырезом и также снабжен шпеньками. Эти остатки имеют полные аналогии в материалах дружинной культуры Северной и Восточной Европы, в частности, в Бирке. С элементами костюма, которые относятся к дружинной культуре IX-XI вв., связано несколько находок, сделанных в последние десятилетия. Из опубликованных следует упомянуть бронзовые предметы из раскопок автора селищ и грунтового могильника возле д. Нисимковичи. К X — началу XI вв. относится литая пуговица (Нисимковичи II), имеющая параллели в дружинных погребениях Среднего Поднепровья, наконечник пояса с изображением цветка-крина (Нисимковичи III), а также накладка (Нисимковичи I), близкая накладкам сумки из погребения 25 Киевского некрополя X в. [239, табл. 7: 4; 99, с. 178, мал. 1:6; 117, рисунок 3: 4; 102, с. 169, 173, рисунок 5: 11]. С военно-феодальным бытом можно связать известную по описанию находку деревянного ведра, украшенного серебряными накладками. Оно открыто В.З. Завитневичем в ингумации могильника Микуличи (ур. Горки у Микуличского двора) [20, с. 26].

Таким образом, археологическими исследованиями второй половины 1980-х — начала 1990-х гг. в Гомельском Поднепровье открыт один из самых представительных в Беларуси

набор предметов вооружения древнерусской поры. Бесспорные свидетельства местного оружейного производства указывают на то, что в конце XII — начале XIII вв. Гомель являлся заметным на Руси центром по ремонту и сборке мечей, сабель, боевых ножей и иных предметов вооружения. Примечательно, что в городе одновременно (предположительно на княжеском подворье) и детинце работали, как минимум, три мастерские, одна из которых имела собственно оружейную направленность (сборочно-слесарную), вторая — ювелирно-литейную (часть ее продукции составляли детали вооружения), третья — производила кольчатое полотно. В мастерской 1 открыт представительный набор слесарных инструментов, 14 перекрестий (в т.ч. 6 заготовок) и 4 навершия (в т.ч. 2 заготовки) мечей и сабель, наконечник ножен сабли, остатки ножен меча, фрагментированная оковка ножен боевого ножа и др. Материалы мастерской указывают на глубину ее специализации: оружейник получал материал и заготовки для своего производства извне, то есть от кузнеца и мастеров иных профессий.

В Гомеле в условиях закрытого археологического комплекса впервые обнаружены почти все известные науке разновидности перекрестий и наверший мечей и сабель, распространенных на Руси в XII-XIII вв. Репрезентативный материал убедительно свидетельствует, что в городе изготавливалось и собиралось клинковое вооружение всех типов, распространенных в тогдашней Европе, но в своем ассортименте определяющих специфику региона Руси, приближенного к Великой Степи. Набор находок из мастерской 1 (половина перекрестий из которой предназначена для сабель, вторая — для мечей) отражает реалии характера вооруженности восточнославянского ратника южных земель Руси конца XII — начала XIII вв., противостоявшего как экипированным «по-европейски» соседям, так и вынужденного отражать натиск «азиатской» кочевнической стихии (рисунок 104).

Рисунок 104 — Тяжеловооруженные восточнославянские ратники XII-XIII вв. (реконструкция Ю.М. Лупиненко)

Находки из Гомеля способствуют созданию новых классификаций и уточненных датировок перекрестий и наверший древнерусского клинка. Это касается как мечей и сабель, так и такого мало замечаемого вида вооружения, как боевые ножи. Хорошо датированные гомельские находки такого рода изделий (и ножен для них) позволяют поднять верхнюю хронологическую границу распространения боевых ножей на Руси (по крайней мере, для Черниговской земли) до начала XIII в., что вполне согласуется с датировкой аналогичных предметов в Восточной Прибалтике (Эстония). Не менее примечательна гомельская находка литого наконечника ножен меча. Она ставит под сомнение распространенный вывод об исключительно восточноприбалтийском происхождении древнерусских литых наконечников ножен мечей с высокими штангами и растительным (плетеным) орнаментом. Гомель, безусловно, являлся одним из центров производства подобных изделий. Первые образцы такой фурнитуры могли быть созданы в Восточной Прибалтике. Но после гомельской находки все найденные на Руси предметы данного круга уже не могут без оговорок причисляться к прибалтийскому импорту.

Древнейший прообраз гомельского ламеллярного доспеха начала XIII в. следует искать на средневековом Востоке и в византийских землях. Вместе с тем, нет никаких сомнений и в том, что в Гомеле не занимались простым копированием современных зарубежных образцов защитного вооружения. Мастер Федор следовал международной оружейной моде-традиции, которая в начале XIII в. охватывала огромные евразийские просторы в целом и земли Руси в частности. Но свой вклад в ее становление внесли и восточнославянские оружейники, которые в силу геополитического положения земель Руси были обязаны разрабатывать образцы вооружения, эффективно противостоящие натиску кочевнического Востока и давлению Запада. Гомельский материал показывает, что мастер Федор был одним из новаторов оружейного дела. Достаточно

отметить, что применение трубчатых наручей в рыцарском вооружении Западной Европы отмечается с начала XIV в. В Гомельской мастерской начало производства наручей явно предшествует «первой волне» монгольского вторжения на Русь (конец 1230-х — начало 1240-х гг.).

Памятники Гомельского Поднепровья XII-XIII вв. дают новый материал для изучения восточнославянской кольчуги. Археология определенно свидетельствует о том, что производственный потенциал городов позволял в необходимых объемах обеспечивать вооружённые силы доспехами, в том числе и кольчатыми. Обнаружение в Гомеле следов доспешного производства — яркое тому подтверждение. Мастера-бронники не только копировали иноземные образцы, но на основе местных традиций моделировали оригинальные варианты покроя кольчатых доспехов, в наибольшей степени соответствовавшие требованиям военной обстановки своего времени. Выявленные в Гомеле крупные плоские в сечении кольца — находка редкая. Временем их появления считается рубеж XII-XIII вв. Таким образом, перед нами выступает очевидный факт новинки военного дела. Ратники Гомельского Поднепровья использовали большую часть комплекса боевых средств, воинского снаряжения, предметов быта, характерных для Руси в целом. Археологический материал демонстрирует почти полный набор предметов вооружения, экипировки всадника и боевого коня, воинской амуниции.

РАЗДЕЛ 11 ПАМЯТНИКИ ДУХОВНОЙ ИСТОРИИ, ПИСЬМЕННОСТИ, ЭПИГРАФИКИ И СФРАГИСТИКИ

Духовная культура средневекового человека относится к разряду малоизученных феноменов. Но ограниченность источников, относящихся к язычеству и ранним этапам распространения христианства на Руси, сложность их интерпретации не стали непреодолимым препятствием для ученых. Духовно-конфессиональная история Восточной Славии давно сделалась объектом исследований историков, культурологов и археологов. Библиография проблемы насчитывает тысячи наименований.

Советская наука накопила корпус археологических источников, связанных с памятниками языческой и христианской культуры, который в настоящее время является предметом переосмысления. Следует отметить работы В.П. Даркевича, Д.Н. Козака, А.П. Моци, Н.Г. Недошивиной, Т.В. Николаевой, Н.М. Никольского, Р.С. Орлова, В.Г. Пуцко, О.М. Рапова, П.А. Раппопорта, И.П. Русановой, Б.А. Рыбакова, В.В. Седова, Б.А. Тимощука, А.В. Чернецова, В.Л. Янина, польского историка Х. Ловмяньского и др., которые в значительной мере опираются на археологию. Часть исследований стала хрестоматийной. Сложные вопросы христианизации древнерусских земель (на примере Новгородской) недавно по-новому рассмотрены А.Е. Мусиным Оригинальность его работы вытекает из сочетания богословского и историко-археологического подходов. Интерес ученого направлен на рассмотрение погребальных памятников, в частности, на распространение обряда ингумации и появление в могилах предметов личного христианского благочестия [321]. Важность привлечения археологических источников для исследования проблем духовно-конфессиональной истории восточнославянских земель была четко обозначена В.В. Седовым [322, с. 122]. Белорусские археологи активно исследуют вопросы, связанные с духовной жизнью средневековья. К этой проблеме обращались П.Ф. Лысенко, Э.М. Загорульский, Г.В. Штыхов, Я.Г. Зверуго, О.Н. Левко, Я.Г. Риер, Т.С. Бубенько и др. Специальные исследования принадлежат Л.В. Дучиц, А.А. Башкову и др.

Духовная культура Гомельского Поднепровья изучена фрагментарно. Ограниченность письменных сообщений (особенно для периода до конца X-XI вв.) приходится преодолевать за счет привлечения сложно интерпретируемых археологических источников. В настоящее время есть возможность оперировать широким кругом таких памятников. К ним относятся места расположения святилищ и церквей, погребения, культовые предметы и пр. Почти исключительно на археологическом материале можно представить реалии языческой культуры, оставленной населением региона второй половины I — начала II тыс. н. э.

На определенном этапе развития представлений о язычестве восточных славян бытовало мнение о том, что они (согласно летописи) вершили культы не в храмах, а «под овином, под рощением или у воды» [12, с. 262]. Это положение недостаточно: в летописях есть упоминания и о капищах, т.е. святилищах. В ряде районов лесной полосы Восточной Европы выявлена специфическая группа средневековых памятников, которая представлена небольшими округлыми в плане городищами и отнесена к разряду культовых. Одним из первых внимание на них обратил А.Н. Лявданский. Городища-святилища известны в Смоленском Поднепровье, на Псковщине, в Припятском Полесье, Верхнем и Среднем Поднестровье, иных регионах, где датируются второй половиной (концом) I — началом II тыс. н. э. (или в более узких хронологических рамках) и чаще всего связываются со славянской средой. Результативные работы по их обследованию, раскопкам и интерпретации провели в разные годы А.Н. Лявданский и В.В. Седов в Смоленском Поднепровье, Б.А. Тимощук и И.П. Русанова в бассейнах Днестра и Прута [323, 324, с. 57-64; 12, с. 261-262; 325, с. 82-93; 326]. Значительное внимание городищам-святилищам уделил Б.А. Рыбаков [327, с. 148-151, 223-231]. Происхождению культовых сооружений Восточной и Центральной Европы раннесредневекового периода посвящена так и не завершенная при жизни автора монография И.П. Русановой [328]. Язычество и культовые места дохристианского времени в Беларуси исследует Э.М. Зайковский [329, с. 120-140; 330, с. 80—84]. М.Г. Гусаков показал, что малые городища-святилища Восточной Европы могли быть не только храмами, но и площадками для счета времени [331, с. 132-149].

Языческие культовые места в Гомельском Поднепровье неплохо обследованы. Несколько памятников подвергнуто раскопкам. В начале 1990-х гг. автор обратил внимание на необходимость исследования остатков круглых культовых городищ, которые, как выяснилось, представлены достаточно широко (тогда мною было учтено свыше десяти памятников) и имеют

значительное сходство с известными святилищами иных регионов [81, с. 63-66]. С середины 1990-х гг. средневековые святилища Поднепровья исследуются Н.И. Бруевичем, который провел раскопки городищ Городок (Столбун), Каменка, Озераны [332, с. 301; 333, с. 233-234; 334, с. 77-88].

Круглые городища-святилища. Топография городищ-святилищ зависит от рельефа местности. Они иногда размещаются на островах среди болот и пойм (как, например, на Смоленщине). Далее будем именовать их «болотными». Вторая категория — святилища, которые расположены на возвышенных участках речных террас. Таковые далее именуются «террасными». Большая часть внешних, визуально определяемых характеристик «болотных» и «террасных» памятников стандартна. К основным устойчивым признакам городищ-святилищ (заметным даже без проведения раскопок), можно отнеси следующие.

1. Городища-святилища обычно имеют ровные круглые или чуть вытянутые округлые в плане площадки. Без учета валов и рвов внутренний диаметр святилищ не превышает 30-40 м.

2. Необходимой чертой святилищ является наличие 1-2 поясов валов и рвов, не имеющих фортификационного значения. Хорошо сохранившиеся памятники имеют кольцевой вал или валы. Подковообразная форма площадок части городищ объясняется их позднейшим обрушением в стороны водотоков.

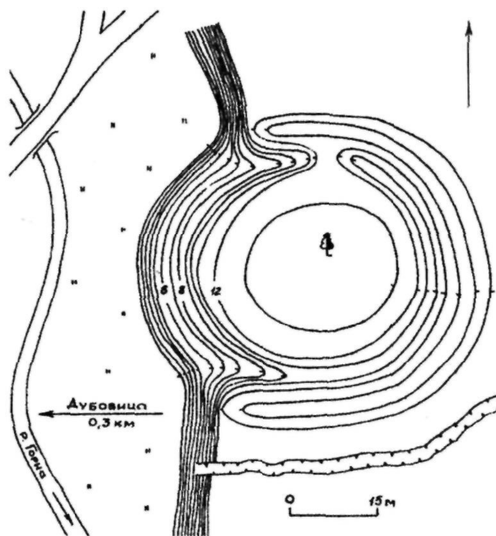

Рисунок 105 — Дубовица, городище-святилище. План. Съемка В. И. Шадыро с дополнениями автора

3. Площадки городищ-святилищ лишены выраженного слоя. Нередко под современным дерново-почвенным слоем археологи фиксируют россыпи небольших валунов и угля.

4. Святилища соседствуют с крупными селищами или занимают узловое положение в «гнездах» открытых поселений. Селища относятся ко второй половине I — началу II тыс. н. э. Как правило, возле святилищ ранее располагались древнерусские курганы. Когда они сохранялись, их число достигало многих десятков насыпей.

5. Места расположения святилищ связаны с топонимами, гидронимами или легендами, имеющими сакральную окраску.

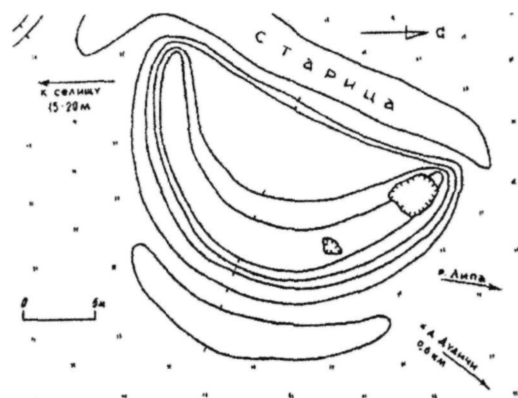

Рисунок 106 — Дудичи, городище-святилище. План. Съемка А. И. Дробушевского

Руководствуясь указанными выше признаками круглых городищ-святилищ, можно определить группу таких памятников в регионе. Набором данных критериев обладают: Золотомино, изученное С.Е. Рассадиным в 1983 г., обследованные разными учеными, включая автора, в 1970-90-х гг. городища-святилища Дубовица, Чемерня, Городок, Дудичи, Радуга, Хальч (рисунок 105-108). Исследования Н.И. Бруевича второй половины 1990-х — начала 2000-х гг. позволили дополнить перечень городищами Каменка и Озераны в Рогачевском р-не. Площадка городища Городок полностью вскрыта в 1998-2003 гг. [334, с. 77-88]. С большой степенью вероятности в рассматриваемую группу памятников следует включать разрушенные, уничтоженные и известные в основном по описаниям конца XIX — начала XX вв. городища Новоселки, Азделино (Старая Белица), Уть, Глыбоцкое.

Наиболее изученными памятниками выступают городища-святилища Золотомино (Кормянский р-н) и Городок (Ветковский р-н). С.Е. Рассадин датирует Золотомино третьей четвертью I тыс. н. э. и определяет его как убежище [85, с. 75-79]. Впрочем, раскопки дали достаточный материал и для иного функционального определения этого памятника. В Золотомино под дерном залегает горизонт мощностью 0,2 м, мало отличающийся по цвету и консистенции от

материка. Ближе к краям площадки его толщина возрастает за счет насыпи вала. Здесь прослеживаются зольно-угольные прослойки, выявляется большое количество валунов (часть из них обожжена). Преимущественно у краев площадки найдено несколько лепных черепков, а также каменный пест. В слое обнаружено несколько обломков посуды бронзового века и кремни, которые, вероятно, связаны с ранней стоянкой. Следов жилых, хозяйственных и производственных сооружений на площадке нет. Расчищено около десятка небольших ям, имеющих в поперечнике 0,4-0,6 м при глубине 0,1-0,3 м, которые содержали лепные черепки. На их фоне выделяется крупная яма, расположенная в центре площадки. Ее диаметр 1-1,25 м, глубина 1,15 м. В нижней части гумусированного заполнения найдена раздавленная лепная корчага, характерная для колочинской культуры и фрагменты еще двух аналогичных сосудов (рисунок 108). Интересно отметить, что и в центре Хальчанского святилища при зачистке стенки блиндажа зафиксирован фрагмент ямы диаметром до 0,8 м и глубиной 1,1 м. В яме встречены черепки колочинских сосудов. Исследования Золотомино показывают, что городища-святилища были основаны в третьей четверти I тыс. н. э. Окружающие их валы и рвы использовались в культовых целях. Они не имели оборонного значения. Отсутствие культурного слоя на площадке - подтверждение тому, что такие памятники не являлись местами поселений. Открытая в центре площадки Золотомино яма может рассматриваться в качестве жертвенной. Характер ее заполнения позволяет предполагать, что культ предполагал некие действия с предметами и веществами органического происхождения (жертвенной пищей и пр.). Часть ям, расположенных вокруг центральной, могла быть связана с вкопанными здесь идолами и даже (учитывая выводы М.Г. Гусакова по иным святилищам) служить ориентирами для астрономических наблюдений Россыпи валунов и золистые прослойки можно связать со сползшими с вала ритуальными площадками, где поддерживался «священный» огонь (такие площадки, в частности, отмечены на святилищах Буковины). При наших обследованиях россыпи валунов фиксировались на святилищах Хальч, Чемерня, Городок, Радуга.

Н.И. Бруевич вскрыл площадку святилища Городок (Колбовка, Столбун). Памятник лишен культурного слоя. Со временем функционирования святилища, вероятно, связаны 3 безинвентарные грунтовые кремации и 22 столбовые ямы, ритмично обозначающие центр и окружность площадки городища. Прорезка показала, что периметральный вал сооружался, по крайней мере, в три этапа и на позднем - земляная насыпь была дополнена какими-то деревянными конструкциями. В валу встречались кальцинированные кости, которые могли быть связаны с культовыми действиями. Радиоуглеродные датировки указывают, по мнению Н.И. Бруевича, на финал функционирования городища в конце XII - начале XIV вв. Начало его строительства остается для автора раскопок неизвестным, хотя он осторожно склоняется к мысли, что городище могло функционировать в середине I тыс. н. э. [332, с. 301; 334, с. 80]. Замечу, что использование радиоуглеродного метода датирования для средневековых (тем более, относительно «молодых») памятников - занятие рискованное. Необходимая для целей исследования точность таких датировок может вызывать сомнения. Так, в 1997-98 гг. Н.И. Бруевич вскрыл в могильнике Чемерня (Ветковский р-н) 4 кургана с ингумациями на горизонте и подсыпке. Они сопровождаются радимичским инвентарем, характерным для XI в. При костяках выявлен «типовой» набор бус, семилучевые височные кольца, петлистая подвеска, бубенчики и др. Керамика красноречиво указывает на XI в. Но исследователь (со ссылкой на радиоуглеродный анализ) относит курганы Чемерни ко второй половине XII в. [335, с. 273-274]. Говоря о начале функционирования Городка, не разделяю скепсис автора раскопок [334, с. 80], который не обнаружил материалов, указывающих на дату возникновения памятника. Городок по

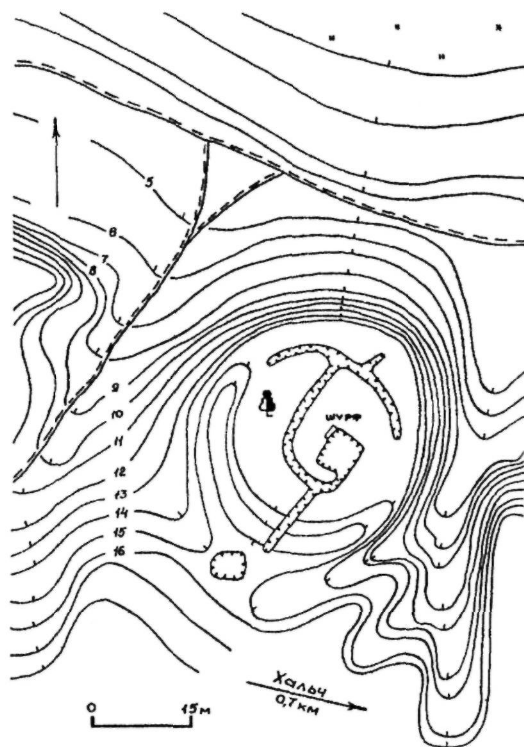

Рисунок 107 - Хальч, городище - святилищі План. Съемка автора, 1992 г.

морфологическим признакам не отличается от Золотомино, поэтому датировка его функционирования третьей четвертью I тыс. н. э., как и использование его в древнерусское время, сомнений не вызывает. Прорезка вала святилища Каменка показала сложную историю памятника. Вал насыпался с соблюдением определенных ритуальных действий [333, с. 234]. Перед его устройством поверхность обжигалась, после такое же действие проводилось на вновь возведенной поверхности. С внутренней стороны вала отмечаются признаки деревянной конструкции. Автор раскопок относит время возведения святилища к раннему средневековью (приведенное им определение по углю — VI-VII вв.). Он предполагает, что городище использовалось в качестве сакрального объекта и в древнерусское время [333, с. 234].

Городища-святилища неизменно демонстрируют приуроченность к максимальным высотным отметкам в микрорегионах локализации, а также к источникам родниковой воды. Кроме традиционных народных названий (Городок, Городец) почти все они имеют и индивидуальные — Красная Гора (Хальч), Чертова (или Каменная) Гора (Чемерня) и др., а с местами их расположения связаны предания с выраженной сакральной окраской. Так, изрезанная оврагами и родниками местность у Красной Горы в Хальче считается обиталищем русалок, чертей и волшебных коней. Согласно легендам (услышанным автором от местных жителей в конце 1970-х гг.), на Чертовой Горе в Чемерне жил великан, метавший отсюда на десяток верст каменные молоты. На Городке (Столбун, Колбовка) в старину находился монастырь (по иному преданию — здесь при церковных книгах и богослужении заключался мир между русскими и турками), на городище Азделино — скрывался старообрядческий скит.

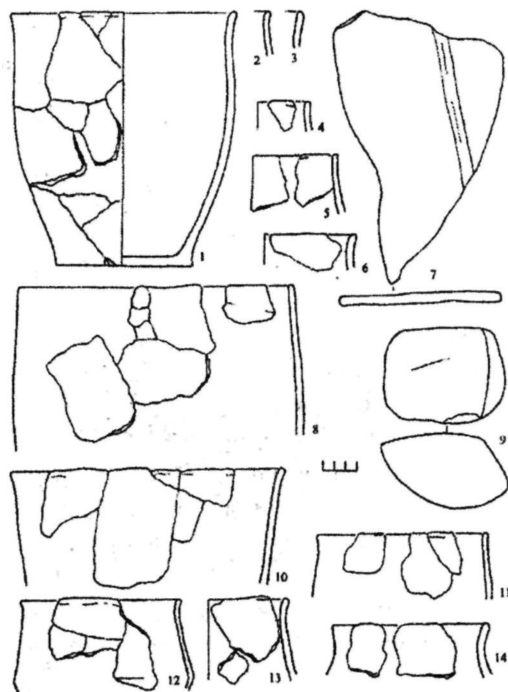

Рисунок 108 — Золотомино, городище-святилище. Лепная керамика (1-6, 8, 1-14) и каменные изделия (7, 9). Раскопки С.Е. Рассадина, 1983 г.

Существование святилищ типа Золотомино в третьей четверти I тыс. н. э. представляется научным фактом. Однако, подобные памятники на территории Восточной Европы продолжали функционировать и позднее. Не является ли Гомельское Поднепровье исключением? Видимо, нет. Согласно И.П. Русановой, городища-святилища получили широкое распространение как у восточных, так и у западных славян в основном с VIII—IX по XII — середину XIII вв. [336]. В.В. Седов, основываясь преимущественно на материалах Смоленщины, допускал, что основной период бытования восточнославянских малых городищ-святилищ может охватывать всю вторую половину I тыс. н. э. [12, с. 262].

Любопытная находка, которая в определенной степени и с известным допущением может указывать на период использования святилищ, происходит с площадки давно уничтоженного городища Глыбоцкое. В 1883 г. здесь найден завернутый в кожу монетно-вещевой клад. Он был колоссальным, насчитывал около «двух ведер монет». Поступившие в музеи монеты (79 экз.) оказались дирхамами 892/3-911/12 гг. Вместе с ними было ожерелье из крупных бус и «серебряных трубочек», а также бронзовая кольцевидная фибула [21, с. 18; 240, с. 92-93]. Происхождение сокровища навсегда останется загадкой. Возможно, его сокрытие было связано с событиями, последовавшими за смертью в 912 г. великого князя Олега Вещего. Радимичи, вероятно, временно выходят из даннического подчинения Киеву. В таком случае окрестности Глыбоцкого (стоявшего на тогдашнем русско-радимичском пограничье) на пути из Киева и Чернигова «в радимичи» [148, с. 202-213] превращаются в зону «повышенной напряженности». Здесь неизбежно имели место локальные вооруженные столкновения и наблюдалась активность разбойников. Крупное состояние в такой обстановке местные жители могли отдать «на хранение» богам. С другой стороны, клад мог иметь и характер жертвы, принесенной по поводу смены князей на великокняжеском столе. Интересно, что на святилище Радогоща также выявлен клад металлических браслетов, вероятно, имевший характер жертвы.

При обследовании окружения святилищ в Хальче, Чемерне, Городке, предполагаемом святилище в Глыбоцком констатировано: 1) наличие непосредственно у их площадок обширных (размерами до нескольких га) открытых поселений с лепной раннесредневековой и древнерусской керамикой IX-XII вв.; 2) тяготение к городищам-святилищам крупнейших в регионе могильников конца X-XII вв., насчитывавших ранее сотни курганов.

Устойчивая топографическая и стоящая за ней типологически-функциональная связь «городища-святилища — крупные селища — крупные могильники» свидетельствует, что рассматриваемые культовые места выступают составной частью поселенческих единиц второй половины I — начала II тыс. н. э., за которыми скрываются центры общинно-племенной структуры населения Гомельского Поднепровья. Последняя была окончательно разрушена наступлением христианизации и феодализации лишь в XII в., может быть, в начале XIII в. Неизменное тяготение кладбищ X-XII вв. к святилищам является свидетельством использования этих культовых мест не только в раннесредневековое время, но и в древнерусское. Что касается проблемы происхождения традиции сооружения круглых городищ-святилищ на изучаемой территории, то она остается открытой. Более ранние культовые сооружения подобного рода в Гомельском Поднепровье неизвестны. Их прототипы можно найти в гальштатских древностях Центральной и Западной Европы (святилища Чаковице около Праги, Трефенсбух в Верхнем Подунавье, Хайденхайм и др.). И.П. Русанова была убеждена в том, что малые городища-святилища являются атрибутом именно раннеславянской культуры [328, с. 18-20, 98, рисунок 8-10].

К отдельной категории памятников следует отнести *культовые площадки* (которые также именуются святилищами), открытые на рубеже 1960-1970-х гг. Г.Ф. Соловьевой и А.В. Кузой у д. Ходосовичи Рогачевского р-на. В предложенном данной работой наименовании памятника Ходосовичские «культовые площадки» оговорки нет: раскопками открыто 2 сооружения подобного рода, хотя реконструкции подвергся только один. Они представляли собой небольшие круглые объекты со столбовыми ямами, окольцованные канавками и окруженные серповидными ямами. В их заполнении много угля, раннекруговой и лепной керамики второй половины I тыс. н. э. Наряду с Перынью под Новгородом, Киевским, Шумским, Псковским святилищами Ходосовичи вошли в «золотой» фонд выдающихся открытий подобного рода. Ходосовичи демонстрируют отдельную категорию сакральных объектов X — начала XI вв. [79, с. 146-153].

Памятник определен авторами раскопок в качестве «межродового капища одного из племен радимичского союза» [79, с. 153]. Следует, однако, заметить, что в Ходосовичских курганах, изученных Г.Ф. Соловьевой и И.И. Артеменко и расположенных в непосредственном соседстве со святилищем, предметов радимичской этнографии не обнаружено. Нет их и на селищах. Отнесение Ходосовичей к культуре радимичей не лишено определенных оснований, но базируется пока лишь на предположении о безусловной принадлежности земле радимичей почти всего левого берега Днепра в белорусском течении. Исследователи склонны сближать Ходосовичи, в первую очередь, с широко известным славянским святилищем Перынь под Новгородом Великим [79]. Представляется, что по основным морфологическим признакам Ходосовичские сооружения ближе стоят к святилищу Пскова (X в.) [337, с. 100-108].

Думается, что культовые площадки типа Ходосовичей имели в свое время широкое распространение. Правомерен вопрос, почему Ходосовичское святилище до сих пор остается явлением уникальным? Объяснение может быть таким — исключительная сложность поиска культовых площадок, которые не имеют выраженных наземных ориентиров.

По мнению ряда исследователей, распространение христианства на Руси было связано с политическими, экономическими и культурными запросами феодализируюшейся верхушки и его ближайшего окружения [338, с. 7-35; 339, с. 49]. Быстрые темпы христианизации в городах во многом объяснялись и благосклонным отношением к новой вере части горожан. Первые христиане на Руси появились в IX в. Согласно А.Е. Мусину, известно не менее пяти косвенных свидетельств письменных источников о начале христианизации Руси еще в IX — первой половине X в., а в период 945-988 гг. ПВЛ «представляет нам достаточно репрезентативный ряд прямых доказательств (не менее семи) присутствия в Русской земле христианства и существования здесь христианской общины» [321, с. 59-64]. О крещении части русов (оставляю в стороне дискуссионный вопрос, кем были эти русы по «национальности», и отмечаю только их активнейшее участие в истории Восточной Славии), в частности, говорится в известном послании византийского патриарха Фотия (866 г.). В дружине князя Игоря при подписании русско-византийского договора 944 г. кроме язычников присутствовали и христиане. Факт принятия Ольгой греческой веры, наряду с указанными выше и иными историческими свидетельствами.

также недвусмысленно указывает, что какая-то часть населения Руси исповедовала христианство задолго до ее крещения Владимиром.

Однако в археологическом материале (при всей неоднозначности его трактовки и недостатках исследовательских процедур) мы не видим в Гомельском Поднепровье заметного вне--ения новой религии еще в IX — середине X вв. О первых успехах христианства в среде местного населения можно судить лишь по материалам памятников, датируемых не ранее конца X — первой половины XI вв. Процессы ранней христианизации были связаны, в первую очередь, с верхними слоями тогдашнего общества, сосредоточенными в стольном Киеве, иных городских центрах, крупных поселениях с разноэтничным и многоконфессиональным населением. Эти процессы мало затрагивали «глухие» районы, к которым следует отнести и Гомельское Поднепровье. Полагаю, что рядовое население этого региона начало активно приобщаться к ценностям новой веры не ранее начала государственного крещения земель Руси в конце X в. Ни письменные, ни археологические материалы не дают оснований для утверждений о более раннем появлении здесь христиан. Будущие полевые исследования археологов могут принести свидетельства о первоначальных христианах Гомельского Поднепровья «довладимирова» периода. Связанные с этим находки следует ожидать, в первую очередь, в городах. Именно здесь на первых этапах становления государственности временно пребывали князья и находилось их международное феодализированное окружение.

Темпы распространения христианства в широких слоях восточнославянского общества особенно в «окраинных» районах) до конца X-XI вв. не следует преувеличивать. Именно организационное оформление Русской церкви в конце X — первой половине XI вв., всеобъемлюще поддержанное государством (десятиной, дарениями и законодательно), и было тем решающим действом, которое положило начало приобщению к христианству населения Гомельского Поднепровья и иных земель, территориально отдаленных от ранних политико-религиозных центров. Активное идейное воздействие церкви на местных жителей в XI—XII вв. (миссионерская работа, создание городских и сельских приходов, ускоренная христианизация населения крупных городов и др.) привело к относительно быстрому разрушению язычества как религиозного и общественного института. Государство, к тому времени обустроенное мощным военно-бюрократическим аппаратом, присваивает верховную собственность на землю (поначалу в лице великого князя) и, тем самым, подрывает хозяйственные основы существования язычества. Однако, осколки старого, изначально «своего» мировоззрения, еще долго сохраняются в сознании людей, народных песнях, обрядах, преданиях. Они способствуют появлению такого явления как «двоеверие». Последнее представляет собой сочетание христианских и языческих воззрений.

Письменные источники дают достаточно сведений для оценки этого исторического явления. Так, в XII в. епископ Матвей Краковский сообщал католическому иерарху Бернарду Клервосскому о верованиях восточных славян: «Народ же тот русский... веры правило православной и религии истинной установления не блюдет... Христа лишь по имени признают, а по сути в глубине души отрицают» [339, с. 134]. Быть может, епископ был слишком категоричен в своих суждениях. Но оценки Матвея перекликаются с археологическим материалом.

Исследования И.П. Русановой и Б.А. Тимощука в Прикарпатье показали: языческие святилища в укрытых лесами и скалами урочищах, активно действуют даже в XII-XIII вв. На это время приходится «всплеск» активности язычников, последний раз выступавших хорошо сплоченной силой. Это был ответ непосредственных тружеников (в первую очередь, крестьян) на введение феодальных налогов со стороны державы. Островки «чистого» язычества, вступившего в противостояние с новой верой и государством, сохранялись и в других уголках Руси, в т.ч. и Гомельском Поднепровье. Хорошо известны события на Руси, когда народные восстания XI-XII вв. были организованы или духовно поддержаны волхвами. Конечно, жречество не могло бы столь упорно и успешно управлять народными настроениями, если бы еще не сохраняло (пусть и пошатнувшиеся) хозяйственные основы своей деятельности. Эти основы во многом произрастали на местах древних святилищ с прилегающими землями. Именно за них и развернулась борьба между волхвами и властью.

Важным источником для изучения духовной культуры Гомельского Поднепровья выступают материалы погребений. Возможности их исследования блестяще показаны Б.А. Рыбаковым, П.Ф. Лысенко, В.В. Богомольниковым и др. Наша задача — кратко изложить (а в данном разделе работы -только коснуться) основные итоги ранних исследований с акцентом на наиболее интересные и спорные стороны проблемы с привлечением нового материала. Погребальные памятники дают объемную информацию о духовных представлениях наших предков и о

направлениях их развития. Однако сами памятники в разных регионах Руси могли иметь свои особенности. А.П. Моця заметил: «Помня о взаимосвязи формирования и изменения обряда погребения с идеологическими представлениями, и вместе с тем и с развитием явлений базового уровня, мы должны допускать асинхронность в развитии этой обрядности в отдельных микрорегионах в конкретные хронологические периоды в связи с выявленными современной наукой некоторыми отклонениями в историческом развитии населения различных южнорусских территорий, как и всего восточнославянского мира» [154, с. 41]. Указанная областная «асинхронность» была связана в X—XII вв. с сохранением на местах устойчивых традиций, близостью или удаленностью районов от крупных центров феодализации, следовательно — и с разными темпами усвоения населением новых представлений. Это касается и Гомельского Поднепровья, где феодализация и христианизация несколько отставали от «столичных» районов. Первоначальная христианизация региона может прослеживаться археологически по ряду параметров. Следует полагать, что материальная древность, набор древностей и среда, из которой они происходят, сохраненные в археологическом памятнике, являются отражением действительной идеологии общества (в период совершения того или иного захоронения или, как полагают некоторые ученые, с некоторым запаздыванием). В Гомельском Поднепровье исследовано огромное количество погребений, преимущественно сельского населения (в основном X-XII вв. Они хранят бесценные свидетельства о ходе изменения религиозных воззрений населения. На примере развития погребального обряда крестьянских могильников можно проследить проявления распространения христианства. На протяжении конца X-XII вв. постепенно изживаются (хотя и не полностью) языческие черты обустройства могил и околомогильного пространства. Сожжение сменяется положением, появляются ямные погребения, постепенно население отказывается от курганов, при покойных появляются предметы христианского благочестия, сопровождающий умерших набор вещей скудеет и пр. [9; 10; 8; 13].

Накопление новых данных в последние десятилетия позволило привлечь к исследованию вопросов христианизации Гомельского Поднепровья, в частности, остатки культовых памятников языческой поры. Рассматривая малые круглые городища-святилища, есть основания делать вывод о том, что в XII в. вместе с отмиранием курганного обряда, населением были оставлены святилища в левобережной части Гомельского Поднепровья (более поздние овеществленные проявления старой веры, сокрытые в материале святилищ, вполне возможны, но на сегодняшний день таковых нет).

Принятие правителями Киевской Руси христианской веры как государственной (988/89 г.) дало толчок широкому распространению православия. Но в Гомельском Поднепровье переход к новым воззрениям (в первую очередь, в среде сельского населения), судя по материалам погребений, был продолжительным. Отчетливые «очаговые» проявления языческих традиций прослеживаются даже в могилах XII—XIII вв.

Большинство исследователей полагает, что подкурганный обряд погребения в восточнославянских землях является по своей сути языческим как по происхождению, так и долгое время — по содержанию. Против такого толкования выступил А.В. Мусин, который намерен доказать, что идея кургана над останками не противоречит христианским догматам [321, с. 33-55]. Точка зрения А.В. Мусина заслуживает внимания, но ее убедительность должна выдержать испытание временем. По поводу курганов я присоединюсь к первой точке зрения с оговоркой, что и под курганами могут оказываться погребения как язычников, так и людей, испытавших влияние христианства, двоеверцев и самих христиан. Но языческая суть традиции возведения курганов представляется бесспорной.

В основном ареале радимичей, согласно В.В. Богомольникову, подкурганный обряд захоронения в сельских могильниках сохраняется до первой трети XII в. включительно [13]. Но в окраинных («глухих», сильно залесенных, изолированных от крупнейших городских центров районах Нижнего Посожья на радимичско-дреговичском пограничье обычай насыпания курганов имеет место по крайней мере до конца XII в. (не исключено, что последние курганы были возведены даже в начале XIII в.). Пример тому — крестьянский могильник Абакумы в устье Сожа, содержащий преимущественно ингумации в ямах. В достаточно поздних курганах, которые могут быть отнесены к XII — началу XIII вв., встречаются специфические захоронения возможно, представляющие могилы волхвов или колдунов. Так, в Шарпиловке нами открыто необычное захоронение. По центру кургана в могильной яме находилось женское трупоположение с остатками гроба, обернутого в бересту. Костяк ориентирован на запад, но тело положено не на спине, а в скорченном положении. По поводу трупоположений в скорченном

положении интересные соображения высказал А.П. Моця. Он отметил их распространение по всей Руси, указав при этом на их исключительную редкость. Проанализировав этнографический и прочий материал, исследователь пришел к выводу, что такие захоронения представляют могилы колдунов [340, с. 101-105].

Раскопки городов Гомельского Поднепровья последних десятилетий дали немало источников для исследования проблемы христианизации горожан. В слоях XI—XII вв. отмечается появление символов новой веры — нательных крестов и крестов-складней, металлических нагрудных иконок и «змеевиков». Открыт типичный для монументального строительства XI—XIII вв. материал — плинфа. Он указывает на наличие каменного храмового зодчества в Гомеле и на производство плинфы в Мохове. Примечательно, что в Гомеле плинфа встречается преимущественно в тех местах, где поздними документами показаны Никольская и Пречистенская (Рождества Богородицы) церкви (первые упоминания о них соответственно XV и XVI вв.). В слоях XII—XIII вв. открыты остатки церковной утвари.

Православие привнесло новые религиозные и морально-философские ценности, передовую культуру и письменность. «Генеральная» линия его распространения на радимичские и пограничные радимичско-дреговичские земли шла из Киева и второго крупного центра древнерусского христианства — Чернигова. Впрочем, как полагает А.А. Башков ранние волны новой веры могли приходить на белорусские земли и с Запада и Северо-Запада, в т.ч. и из Скандинавии [341]. Археология говорит о том, что крещение местных жителей и приобщение их к христианству не было скоротечным. История не сохранила прямых известий о первых шагах церкви в Гомельском Поднепровье. В этом вопросе много неясностей.

С введением на Руси христианства в качестве государственной веры задачей духовенства было построение церковной организации на местах. Время учреждения Черниговской епархии не установлено. Дата 992 г. опирается на поздние памятники — Никоновскую летопись, «Житие Св. Леонтия Ростовского» и сведения В.Н.Татищева. Ряд исследователей полагает, что организационное оформление епархии могло иметь место ближе к середине XI в. [342, с. 10-11]. Спорным остается вопрос об основании Туровской епархии, которая распространяла духовное влияние и на часть земель Гомельского Поднепровья. Он исследован П.Ф. Лысенко, который полагает, что время создания Туровского епископата в 1005 г. (основанное на сведениях позднего Киево-Печерского патерика XVII в. И. Тризны) не соответствует реальной истории. Истинной датой поставлення православного епископа в Туров П.Ф. Лысенко считает 992 г. [343, с. 121-127].

Окрестности Гомеля и Чечерска вошли в Черниговскую епархию, что вытекает из географической близости земель Нижнего и Среднего Посожья к Чернигову и свидетельств поздних письменных источников. Сложнее ответить, какой епархии принадлежали земли правобережья Днепра с окрестностями Рогачева и Речицы. Они могли относиться как к Черниговской, так и Туровской епархиям. Первые успехи христианизации ознаменовались массовым каменным церковным строительством в центрах епархий. При черниговском князе Мстиславе Владимировиче (правил в 1026-1036 гг.), которому принадлежала (правда, недолго) большая часть Гомельского Поднепровья, в столице княжества возводится величественный Спасо-Преображенский собор. Он становится главным храмом епархии, самым большим собором на Руси после Софии киевской.

Для изучения церковной истории Гомельского Поднепровья примечательна фигура черниговского князя Святослава Ярославича (1026-1076 гг.). Он выступил родоначальником черниговской ветви князей Рюриковичей. Он правил в Чернигове в 1054-1073 гг. Впоследствии Святослав стал великим киевским князем (1073-1076 гг.). Опираясь на уставы Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, он с епископами черниговскими закладывает правовые основы церковной организации епархии. Границы ее соответствуют обширным пределам княжества, включающими не только земли нынешних Черниговщины и восточной Гомельщины, но и орловские, курские, брянские и пр. Святослав выступает зачинателем невиданного ранее строительства каменных храмов на местах, завершает возведение Спасо-Преображенского собора в Чернигове, закладывает в своей столице Елецкий монастырь, куда приглашает известного монаха-изгнанника Антония.

Интересны свидетельства, которые могут быть основанием для некоторых предположений по поводу ранней истории Гомеля. В крещении Святослава Ярославича нарекли Николаем, надо полагать, во имя покровительствовавшего этому князю Св. Николая Мирликийского. Его христианское имя записано в Любечском синодике. Среди древнерусских князей XI в.

крестильное имя Николая носил, пожалуй, только Святослав. Следует вспомнить, что на Руси (как и во всем христианском мире) был распространен обычай давать вновь возведенному храму патрональное (крестильное) имя его основателя. Древнейшая гомельская церковь, являвшаяся «на памяти истории» (высказывание знатока гомельской истории Л.А.Виноградова) соборной и известная по документам конца XV — начала XIX вв., называлась Никольской (Николаевской) [187, с. 139-141]. Источники показывают расположение храма на средневековом замчище, т.е. бывшем детинце города. Более точное его местонахождение неизвестно. Мы предположили, что она была построена примерно на месте существующей по сей день башни дворца Румянцевых-Паскевичей, возведенного в конце XVIII — первой половине XIX вв. Архитектор В.Ф. Морозов также поместил собор на замчище, но в иной его части [191, с. 50]. Вполне возможно, что он прав. Очевидно, окончательное решение вопроса — за будущими раскопками, которые могут привести к археологическому открытию остатков этого интересного исторического памятника. Согласно письменным источникам, строения Никольской церкви существовали до начала XIX в. и были разобраны в связи с возведением дворца Румянцевых. Известные нам документы показывают, что собор был деревянным. Но был ли он таковым изначально? В ходе раскопок 1980-х — 2000-х гг. в районе предполагаемого расположения собора встречались обломки плинфы и керамических плиток от полов здания. Исходя из общеисторических соображений, следует предполагать, что начало Никольскому соборному храму могло быть положено еще во второй половине XI в. при князе Святославе Ярославиче (в крещении — Николае). Возможно, первоначальный храм был возведен в дереве. Найденная нами плинфа датируется не ранее середины XII в. В 1097-1123 гг. в Чернигове княжил Давид Святославич, сын Святослава Ярославича. По историческим и археологическим свидетельствам время его жизни — это период бурного хозяйственного и территориально-демографического роста Гомия Размер найденной в Гомеле плинфы и стратиграфические условия ее залегания позволяют предполагать, что именно при Давиде в Гомии мог появиться первый каменный храм, который сохранил имя прежней деревянной церкви, возведенной при его отце Святославе-Николае.

Плинфа обнаружена и при раскопках в северной части Гомия, на его окологрАдье — там, где сейчас находится усадьба Петропавловского собора, возведенного в первой половине XIX в. Письменные источники (ранние восходят к XVI в.) упоминают здесь церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Она показана на плане Гомеля 1799 г. [187, с. 141-142]. Возможно, этой деревянной церкви также предшествовал храм, возведенный в XII в. Учитывая иные находки в Гомеле (обломки колоколов, культовые вещи и др.), складывается представление о том. что город имеет достаточно раннюю, хотя и малопознанную до сих пор церковную историю Полагаю, что уже в XII в. в Гомии сложилась развитая церковная организация. Храмы, как и по всей Руси, выступали средоточием духовно-культурной жизни города. Христианские воззрения постепенно усваивались горожанами, и решительный перелом в борьбе с язычеством в основном был достигнут. Вместе с христианством в Гомельское Поднепровье пришла грамотность и письменность.

Гомель был крупным духовно-культурным центром изучаемой земли в XII-XIII вв. Следовательно, в нем можно предполагать существование не только христианских приходских храмов, но и монастырей. В начале 1990-х гг. осмотр остатков летописного города и его окрестностей совместно с автором провел знаток в области археоспелеологии В.Я.Руденок, который изучает подземные культовые сооружения Чернигова. Местоположение исторической части Гомеля эпохи Руси близка к местоположению Чернигова того же периода. Оба города расположены на высоких, сложенных из прочных суглинков, коренных берегах рек, т.е. в местах. подходящих для создания рукотворных подземных сооружений. Наши исследования позволяют ставить вопрос о существовании на окраинах исторического центра Гомеля т.н. «пещерных» монастырей. Ввиду отсутствия ранних источников, мы обратились к опросам старожилов. Собранные свидетельства позволяют предполагать существование многих рукотворных подземных сооружений, большинство которых отмечается в береговом склоне правой террасы Сожа на северной и южной окраинах исторической части. Пещеры находятся на окраинах застройки посада и окольного города XII-XIII вв. Такое размещение характерно для культовых подземных сооружений Киева, Чернигова и других средневековых городов Руси. В 1989 г. нами проведены спелео-археологические исследования в Гомеле. Изучено небольшое подземное помещение, расположенное на склоне мыса, образованного коренной террасой правого берега Сожа и оврагом Боярский спуск. Пещерка вырублена в плотном суглинке. Она представляет собой помещение прямоугольной формы длиной 2 м, шириной 0,95 м и высотой 2,1 м. Стены гладкие.

вертикальные, потолок — плоский. Ориентировано помещение по оси север-юг. Вход расположен с восточной стороны. Высота входного проема 2 м, ширина 0,9 м. В южной стене помещения на высоте 1,1 м устроена ниша высотой 0,6 м и глубиной 0,5 м. Под нишей вырублен уступ. Аналогичные ниши зафиксированы в кельях подземных монастырей Киева, Чернигова и др., где они предназначались для установки икон. Размеры и форма помещения, стенная ниша указывают на то, что это — монашеская келья. Однако датирующий материал не выявлен [344, с. 55-56].

Важный для изучения первых этапов распространения христианства материал дают погребальные памятники. Городские кладбища древнерусского периода не изучены. Основные свидетельства по интересующему вопросу представляют памятники сельского населения. Погребальный обряд рассматривается в отдельном разделе настоящей работы. Остановимся на некоторых находках, сопровождавших захоронения, а также встреченных в культурных слоях городов и селищ.

Амулеты-обереги. В славянском средневековье широко бытовали анимистические, языческие по сути, представления об окружающих человека духах, которым либо необходимо приносить жертвы, либо нужно искать защиту от них. Защитить могли обереги, т.е. амулеты. А.П. Моця придерживается мнения о том, что оберегами являются многие вещи, оказавшиеся в средневековой могиле [154, с. 95], с чем можно согласиться. Теоретически, каждый предмет, попавший в погребение язычника или «двоеверца», уже выполнял определенную функцию оберега. К таковым (в отличие от захороненного христианина, сопровождаемого в отдельных случаях скромными бытовыми предметами и вещами личного христианского благочестия) могли относиться различные предметы обихода и орудия труда (посуда, ножи, пряслица и пр.), оружие, украшения. Обереги, постоянно встречающиеся как на поселениях, так и в погребениях X-XIII вв., связаны, в первую очередь, с языческими верованиями и их пережитками. А.П. Моця, опираясь на южнорусский курганный материал X-XII вв., справедливо полагает, что исследование амулетов из восточнославянских захоронений может дать свидетельства о сочетании языческих и христианских верований рассматриваемого периода [154, с. 95]. Недавно появилось мнение о связи части «языческих» оберегов и с собственно христианской традицией [321, с. 26]. Изучение амулетов из древнерусских погребений должно выступать самостоятельной исследовательской задачей, которая на страницах данной работы только обозначается и направлена только на изучаемый регион.

В курганах X-XII вв. Гомельского Поднепровья встречено большое количество оберегов. Одним из первых их характеристику по радимичским материалам предложил Б.А. Рыбаков [9; 94]. Амулеты из курганов дреговичей изучали А.В. Успенская и П.Ф. Лысенко [10; 8]. Древнерусские обереги Восточной Европы исследовались Н.П. Журжалиной [345, с. 122-140], А.В. Успенской [346, с. 88-132], В.В. Седовым [347, с. 151-157]. Амулеты Северной Руси изучаются Е. А. Рябининым [348; 349, с. 55-63]. Амулеты Южной Руси, как отмечалось, привлекли внимание А.П. Моци, который выделил в захоронениях древнерусского периода 12 групп предметов подобного круга [154, с. 95-100]. С учетом находок, накопленных к началу 1980-х гг., классификацию амулетов курганов радимичей разработал В.В. Богомольников [13, с. 48-88].

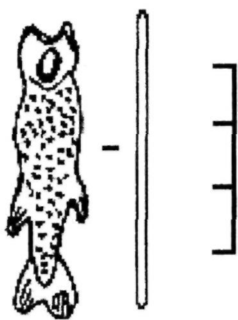

Рисунок 109 — Гомель, посад. Бронзовый амулет

В 1999 г. на южном посаде Гомеля в объекте XI—XII вв., открыт пластинчатый бронзовый оберег в форме рыбки. Он литой (рисунок 109). «Рыбка» не являлась отдельными амулетом, а входила в изделие, включавшее держатель с цепочками, на который крепились уменьшенные изображения ножей, коньков, ключей и пр. Амулеты-рыбки встречаются редко. В наборе многосоставного оберега такая подвеска известна из радимичского кургана у д. Смяличи на Брянщине [13, рисунок 17: 1]. Можно отметить подвеску-рыбку из кургана 5 у с. Хрепле Новгородской обл., а также находку из слоя Витебска (правда, последнее изделие выполнено из кости; стратиграфически оно датировано первой половиной XII в.) [350, рисунок 100: 8]. Зооморфные обереги в древнерусских памятниках в основном связаны с землями, где славяне столкнулись с балтами и финно-уграми. Обычно они встречаются в погребениях XI-XIII вв. [348, с. 54-61; 349, с. 55-63]. На гомельском окологрalgбье и южном посаде выявлены обломки поливных керамических яиц-писанок XI—XII вв. Писанки известны по всей Руси. В Новгороде Великом они датируются X — концом XII вв. [199, рисунок 7]. Обереги подобного рода выступали символами

плодородия и возрождения [351, с. 119-143]. До наших дней дошли амулеты, выполненные из твердых материалов (камень, металлы, кость, глина и пр.). Достаточно известной разновидностью амулетов X-XIII вв. выступают сверленые клыки, зубы домашних и диких животных. Обереги такого рода известны у многих народов, характерны они для славян, балтов, финно-угров. Назначение таких предметов — отпугивать врагов видимых и невидимых [327, с. 547]. Э.М. Загорульский в Вищине выявил подвеску в виде бронзового топорика [29, рисунок 8: 7]. В ходе наших раскопок 1995 г. в северо-восточной части окологр噢дья Гомеля в заполнении подклета крупного сооружения XIII в. также открыт оберег в виде малого бронзового топорика. украшенного прочерченными линиями. Амулеты-топорики являлись символами Перуна. У славян-язычников его образ отождествлялся с летающими по небу огненными топорами [352. с. 91-101]. Подобные предметы XI—XIII вв. встречаются по всей Руси, а также в Северной Европе. Широкое их распространение в Дании и Швеции не позволяет считать их атрибутом только восточнославянской культуры. Н.А. Макаров связывает амулеты-топорики с интернациональной культурой дружинной среды [353, с. 41-56].

Духовная культура восточнославянского города была особым явлением. Она напрямую связана с культурой села и в то же время отличается от нее. Особенностью города была многослойность культуры, соответствовавшая уровню постоянно возрастающих имущественного и общественного разделения общества. Особый интерес в связи с изучением поверий горожан XII - начала XIII вв. представляют комплексы окольного города и посада Гомеля, в которых обнаружены шлифованные каменные тесла и топоры эпохи бронзы. Единичная находка подобного рода могла бы и не привлечь внимания, но таковых отмечено три, и они не представляются случайными. Два раза каменные тесла находились в составе «закрытых» комплексов. Надо отметить, что на раскопанной части окольного города и южного посада Гомеля признаки поселений и могильников бронзового века отсутствуют. Скорее, владельцы средневековых мастерских (оружейной и ювелирно-литейной) хранили каменные орудия труда, подобранные на местах поселений или могильников отдаленной эпохи. Вещи подобного рода рассматривались средневековыми горожанами в качестве оберегов. Интересно, что в закрытых комплексах древние каменные изделия обычно связаны с мастерскими по горячей или холодной обработке металлов. И это обстоятельство также едва ли является случайным. Рассмотрим находки данного круга. Каменное тесло открыто на полу оружейно-слесарной мастерской на гомельском околоградье, погибшей в начале XIII в. Второе шлифованное тесло происходит из ювелирно-литейной мастерской на том же окологрáдье и относится к тому же времени. В обоих случаях тесла находились в одних стратиграфических условиях с большим количеством предметов XII—XIII вв. Обломок сверленого топора происходит из заполнения углубленного в материк объекта XI-XII вв., изученного в 1999 г. на южном посаде Гомеля. В языческой мифологии индоевропейцев ремесла по обработке металлов традиционно связываются с колдовскими действиями. В частности, по данным северной «Эдды», кузнец Регин был еще и колдуном. Изучая древнерусское язычество, Б.А. Рыбаков пришел к выводу, что «все виды работ с металлом в древности были связаны с множеством обрядов, поверий и представлений, перераставших в мифы- [327, с. 541]. Определенную часть находок в средневековых восточнославянских могилах и слоях поселений древних каменных орудий и стрел следует относить к быту волхвов. Выявленные в Гомеле каменные тесла и топор относятся к разряду тех ярких пережитков язычества. которые можно зафиксировать методами археологии. Их культовое назначение представляется весьма вероятным. Как обереги рассматривает Т.С. Бубенько находки каменных топоров в жилищах XIII в. Витебска [350, с. 113, рисунок 100: 19-21]. Интересно отметить, что условия нахождения, дата гомельских и витебских тесел-топоров совпадают. Не подтверждает ли это обстоятельство версию о возможном «всплеске» язычества в это время? Впрочем, каменные орудия белорусы хранили в домах или подкладывали под срубы даже в XVII в. В XIX-XX вв. топоры, стрелы и прочие орудия отдаленных эпох рассматривались белорусами в качестве «перуновых» [354, с. 7-11].

Средневековому горожанину и крестьянину важно было обезопасить не только себя и членов своей семьи (для чего и служили многочисленные костяные, металлические и прочие обереги, входившие в состав личного убора), но и свое жилище. По материалам этнографии. охране дома от невидимых вредоносных сил придавалось немалое значение даже в XIX — начале XX вв. Например, крестьяне вешали у двери подкову, рядом с входом (под лавкой) — клали топор. Какие обереги использовали для охраны жилища средневековые горожане в Гомельском Поднепровье — известно мало. В этой связи любопытна находка в Гомеле испорченных

дверных замков, закопанных под столбовыми ямами в жилище оружейника Федора начала XIII в (окольный град, раскопки 1986 г.). По этнографическим данным, замки и ключи были нужными в магических обрядах для нейтрализации враждебных человеку сил, для ограждения от колдовства, болезни и смерти [355, с. 261-264]. Изучая радимичские курганы, Б.А. Рыбаков пришел к выводу, что XI-XII вв. прошли в Посожье еще под знаком язычества, а христианизация проявилась частично в районах, где ускоренными темпами шла феодализация [9, с. 126]. Сейчас это заключение можно распространить не только на сельское, но и, отчасти, городское население Гомельского Поднепровья XI—XIII вв.

Предметы личного христианского благочестия. Предметы личного христианского благочестия выступают важным источником по исследованию культурных изменений-«деформаций», которые имели место в период распространения новой веры. Интерес к предметам христианского культа индивидуального использования, найденным в регионе, возник еще в XIX в. [21]. Культовые предметы конца X-XIV вв., обнаруженные на территории Беларуси, в последние годы изучаются А.А. Башковым. Исследователь обобщил и классифицировал собрание вещей такого рода, ставших достоянием науки до 2000 г. включительно, в т.ч. находки из Гомельского Поднепровья [356, с. 1-16]. В этой связи следует дать общую характеристику предметам личного христианского благочестия, более полно ввести в оборот вещи, полученные в ходе наших исследований, а также остановиться на наиболее интересных находках других исследователей.

Складни — особый тип предметов христианского благочестия, который с момента своего распространения в Гомельском Поднепровье (находок, датированных ранее середины XI в., нет), вероятно, являлся спутником духовенства и паломников. Энколпионы не относятся к числу распространенных находок. Наиболее ранние их образцы вели происхождение из Византии и стран, где утвердилось греко-византийское христианство. К числу таковых может относиться створка бронзового складня, обнаруженная В.В. Богомольниковым при раскопках могильника Денисковичи под Жлобином. Она находилась в составе бусинно-лунничного ожерелья в женском погребении XI в. Согласно заключению А.А. Башкова, денисковичская находка по размерам и внешним особенностям соответствует известным складням «сирийского» типа из Болгарии, где они датируются серединой X-XI вв. Аналогичный крест найден под Киевом у с. Ржищев [357, с. 147-148, рисунок 1: 2]. Такого рода находка в обычном сельском могильнике может свидетельствовать о пребывании семей священников в глубинных языческих (еще христианизируемых) районах, где проповедники исполняли свои миссионерские функции уже в XI в.[1]

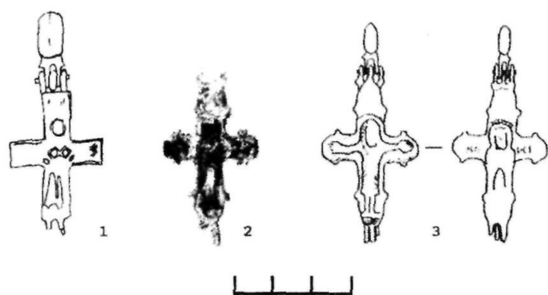

Рисунок 110 — Бронзовые складни: 1- Гомель, окольный город; 2 — Гомель, посад; 3 — Новоселки

В 1986 г. на окологрnative Гомеля найдена створка бронзового энколпиона с остатками гравированного изображения, сохранившего следы платировки белым металлом. Крест имеет прямые, несколько расширяющиеся окончания (рисунок 110: 1). Аналогичный по особенностям изображения и размерам, но целый крест-складень был открыт В.В. Богомольниковым в мужском погребении радимичского кургана могильника Курганье (Жлобинский р-н) [46, с. 358]. Общая дата Курганья — XI — первая треть XII вв.

Вероятно, курганский крест (как и описанный выше денисковичский) принадлежал миссионеру. Еще один бронзовый складень найден нами при обследовании древнерусского селища у д. Новоселки Ветковского р-на (1980 г.). Он литой с изображением распятого Христа на одной стороне и — Богоматери-Оранты на оборотной. Изображение рельефное. Оно плохо различимое, «стертое». Скорее всего, мы имеем дело с повторной отливкой предмета по старому образцу (рисунок ПО: 3). Створка такого складня, в деталях сходного по размерам и технике изображения, выявлена в 1989 г. на посаде Гомеля во вторичном (мусорном) заполнении подклета второй половины XI — начала XII вв., которое отложилось в XII в. Створка повреждена, но на ней просматривается рельефное изображение Богоматери-Оранты со следами надписи. Рельеф такой же нечеткий, что может

[1] А.А. Башков ошибочно отнес памятник, расположенный в Жлобинском р-не Гомельской обл., к территории Могилевской обл.

свидетельствовать о повторной отливке изделия в глиняной форме (рисунок 110: 2). Складывается впечатление, что два складня — новоселковский и гомельский — отлиты по одному образцу (если не в одной форме, вероятно, киевского происхождения). Два энколпиона выявлено А.Н. Рыкуновым в Рогачеве и на селище Рогачев (ур. Комарин) [52, с. 108]. Такие кресты получили название энколпионов «киевского» типа, поскольку их массовое производство с XII в. было налажено в Киеве и других центрах Южной Руси. Идентичный гомельскому и новоселковскому энколпион, датированный XII в., происходит, в частности, из Среднего Поднепровья [358, с. 90-91, рисунок 3: 3]. Близкие по стилю энколпионы были распространены по всей Руси [359, с. 35; 360, табл. 12 : 8; 361, с. 113-124].

Интерес представляет находка оплавленного бронзового складня из сгоревшей постройки 13 (раскопки 1987 г.) Гомельского околоградья. Мы интерпретировали данное сооружение как ювелирно-литейную мастерскую. Не является ли находка «неудачной» отливкой креста (учитывая выявленные здесь ювелирно-литейные приспособления), т.е. свидетельством местного производства изделий подобного рода? Или мы имеем дело с культовым предметом, пострадавшим от сильного огня? Или местный литейщик использовал старый крест в качестве лома цветного металла? Вопросы открыты. Но есть и веский аргумент в пользу местного производства. В мастерской присутствовал наконечник ножен меча с признаками литейного брака.

Нательный крест выступает важнейшим символом личного христианского благочестия. Не затрагивая тему, все ли кресты являются христианскими или же часть из них принадлежала язычникам, которые в образе креста воспроизводили солнечную стихию, замечу следующее. Почти все находки крестов (и крестовидных подвесок в составе ожерелий) в Гомельском Поднепровье датируются концом X-XIII вв. Более ранних памятников такого рода в распоряжении науки нет и даже если они будут открыты, то едва ли изменят общую картину. Хронология ранних находок крестиков (конец X-XI вв.) убедительно совпадает со временем начала массовой христианизации Руси. Сам факт нахождения таковых в языческих по своей сути могилах может стать темой отдельного исследования. Большое количество крестиков (крестовидных подвесок), преимущественно металлических, обнаруживается в курганах. Они систематизированы В.В. Богомольниковым и другими исследователями [13, с. 75-76, рисунок 11: 14-21; 52, с. 108]. Остановлюсь на тех находках, которые не вошли в ранние сводки, либо заслуживают отдельного рассмотрения. А.В. Ильютик отмечает, что на Яновском городище в Быховском р-не Могилевской обл. найден бронзовый крест-тельник с т.н. «грубым» изображением распятого Христа. А.В. Ильютик сообщает, что находки крестов такого типа встречены в курганах у д. Шапчицы (8 экз.) на Гомельщине и у д. Колодезская Могилевской обл. (4 экз., сделанных в одной форме), при раскопках средневекового Новогрудка (1 экз.). Аналогии таким крестам, по наблюдениям автора раскопок, широко известны. Они найдены в Новгороде Великом, в с. Городище Новгородской губ., Гочеве на р. Псел, Старой Рязани и др. Помимо Руси, кресты данного типа выявлены в среднедунайских землях, а также в Финляндии и Скандинавии [362, с. 12-13]. Крестик с «грубым» изображением Христа найден нами в женской ингумации кургана 97 в Мохове (рисунок 111). При раскопках Э.М. Загорульского Вищина найдено 8 тельников XII — начала XIII вв. Они отличаются разнообразием оформления окончаний [29, с. 95-96].

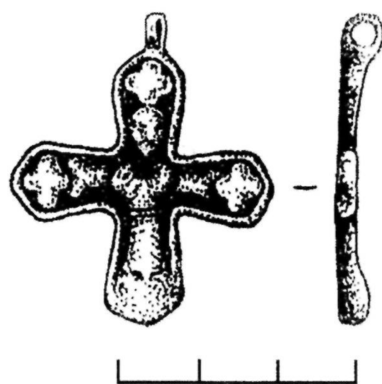

Рисунок 111 — Мохов, курган 97, погребение 1. Бронзовый тельник

На южном посаде Гомеля (в том же комплексе, где найден складень) выявлен литой тельник с «шариками» на окончаниях и в средокрестии. Аналогии известны по всей Руси [363, табл. XII: 32; 364, с. 117-118, рисунок 218: 7]. В Волковыске подобный крестик найден в слое XII в. [365, с. 41, рисунок 13: 16]. На Гомельском детинце в слое XII — первой половины XIII вв. обнаружен «корсунчик» из розово-пестрого камня. Почти такой же крестик из серо-зеленоватого мрамора найден в 2001 г. в слое XI—XIII в. на южном посаде Гомеля. Два «корсунчика» открыты в Вищине [29, рисунок 9: 10-11]. Крестик такой разновидности происходит из Чечерска [46, с. 644-655]. Во рву Гомельского детинца в раскопках 1988 г. с керамикой второй половины X-XI вв. выявлен необычный крестик. В своей основе он, видимо, каменный, но его окончания оправлены свинцом или оловом. В предварительной публикации он был определен как тельник [82, с. 166, рисунок 3: 3], но этот крест, виду его формы, скорее являлся частью какого-то

церковного украшения. А.А. Башков полагает, что ранние тельники (конец X-XI вв.) пришли на Беларусь с севера и это явление связано с проникновением сюда христианизированного населения, в т.ч. скандинавского происхождения [356, с. 9].

В Речицком краеведческом музее хранится круглая иконка-медальон, случайно найденная или в городе, или в окрестностях. На ней изображен Св. Феодор. Г.В. Штыхов датирует образок XII в. [43, рисунок на с. 129]. И.М.Чернявским на детинце Чечерска открыта бронзовая иконка-змеевик. Ее диаметр 4,2 см. С одной ее стороны — изображение Богородицы-Знамение, на оборотной — клубок змей [366, с. 363]. Сходные змеевики открыты в Заславле, Волковыске и Бресте.

Итак, в XII в. в городах Гомельского Поднепровья и, отчасти в сельской местности на юго-востоке современной Беларуси, проживало немало христиан и двоеверцев. Предметы христианского благочестия являются показателем восприятия населением главных церковных положений. Среда первых христианских общин в изучаемом регионе требовала большого количества культовых предметов для личного использования (крестиков и пр.). Вероятно, в местных мастерских могло быть налажено производство предметов подобного рода.

Церковная утварь. На окольном городе Гомеля (1986 г.) найдена часть лампадки (хороса). Она представлена литым бронзовым фигурно изогнутым стержнем. Его окончание оформлено в виде морды дракона с открытой пастью (рисунок 112). Аналогичная часть более полно сохранившейся лампадки обнаружена при раскопках Воскресенской церкви XII в. в Переяславе-Хмельницком (Украина). Похожий фрагмент церковного подсвечника открыт в Митрополичьем саду Киево-Печерского монастыря [367, рисунок 2; 3].

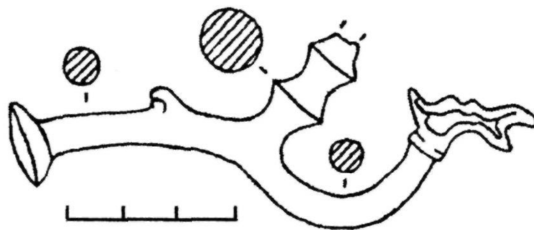

Рисунок 112 — Гомель, окольный город. Часть бронзового хороса

В ювелирно-литейной мастерской окольного города Гомеля XII — начала XIII вв. (раскопки 1987 г., постройка 13) выявлен бронзовый цепедержатель церковной лампадки. Аналоги отмечаются по всей Руси. Такие цепедержатели известны на Райковецком городище [368, табл. XVI, 7; XXI, 4], в Гродно [369, с. 120, рисунок 65: 1], на городищах Родень и Воинь в Среднем Поднепровье (в слоях XII в.) [370, табл. IV, 1-3; 371, с. 94, табл. XVI: 15, 16], Бородинском городище на Смоленщине [105, рисунок 62], Слободском городище в земли вятичей, в Ярополче Залесском (первая половина XIII в.) [360, с. 122-123, рисунок 35] и др. В Ярополче целая лампадка с таким цепедержателем найдена в засыпи кладбища погибших во время монгольского нашествия. При раскопках той же мастерской в Гомеле найден обломок колокола.

На Гомельском детинце (1988 г.) в слое XII—XIII вв. выявлен развал бронзового изделия. Ю.М. Лупиненко определил его как остатки водолея — редкого предмета церковной утвари. Фрагменты изделия оплавлены и смяты, ибо покоились в слое пожарища. Размер остатков — до 9 см в поперечнике, общая масса — более 2 кг. Несмотря на плохую сохранность остатков, их принадлежность водолею — произведению западноевропейских мастеров, достаточно широко распространенному в XII-XIV вв., — сомнений не вызывает. Гомельский водолей, видимо, представлял собой изображение конного рыцаря. Местами изготовления водолеев, обнаруженных на Руси, считаются Северная Германия или Венгрия. Остатки водолея из Гомеля обнаруживают ближайшее сходство с водолеем середины XII в. из с. Бюндгешдпуста (Венгрия) [372, с. 91-93].

Памятники эпиграфики и сфрагистики составляют одну из самых интересных групп находок. Они стали известными благодаря археологическим исследованиям Вищина, Гомеля и случайным сборам (Рогачев, Золотуха Калинковичского р-на) последних десятилетий. Собрание сфрагистических материалов представлено небольшим, но выразительным набором вислых свинцовых печатей княжеского типа. Находки подобного рода однозначно свидетельствуют об активном участии высшей государственной власти в жизни изучаемого региона, а также о развитии института феодальной собственности на землю.

В Вищине обнаружены две печати. Они отнесены Э.М. Загорульским смоленскому князю Мстиславу Ростиславичу Храброму [29, с. 144, рисунок 5-6].

Весьма интересные находки происходят из летописного Рогачева. По сведениям сотрудника Рогачевского районного музея А.Н. Рыкунова в историческом центре города при случайных

обстоятельствах были обнаружены две вислые свинцовые печати древнерусского облика (княжеского типа с изображениями святых). Они заслуживают специального исследования. Одна из печатей этого собрания изучена и опубликована В.Л. Яниным и П.Г. Гайдуковым. На лицевой стороне — погрудное изображение Св. Константина с крестом, на оборотной — архангела со сферой в левой руке [373, с. 146, табл. 101, № 238а]. В 1979 г. возле д. Золотуха Калинковичского р-на (бассейн р. Ведрич) была случайно найдена печать диаметром 21-23 мм. На лицевой стороне — изображение Св. Георгия с копьем и со щитом. По обе стороны фигуры — надпись: «АГЮ ГЕОР». На оборотной стороне — знак-трезубец прямоугольных очертаний. По всем признакам (изображение святого в полный рост, надпись столбцом, размеры) золотухинскую печать следует отнести к XII в. В.А. Литвинов предполагает, что носителем рассматриваемого памятника сфрагистики следует считать Юрия (Георгия) Ярославича, который в 1 158 г. занял туровский стол [374, с. 98-99]. Возможна и иная атрибуция. Свое заключение по поводу данной находки высказал и А.А. Молчанов. Учитывая, что трезубцы прямоугольных очертаний. близкие изображенному на золотухинской печати, являются родовыми знаками черниговских и новгород-северских князей, «издателя» печати следует искать в пределах Чернигово-Северской земли. Известен всего один князь, правивший в Чернигове и Новгород-Северске во второй половине XII в., который носил крестильное имя Георгия. Это — главное действующее лицо жемчужины древнерусской литературы «Слова о полку Игореве» — князь Игорь Святославич. В 1198-1203 г., уже после своего неудачного похода на половцев, он княжил в Чернигове. А.А. Молчанов сделал предположение о принадлежности печати Игорю Святославичу [150, с. 39-40].

В 1990 г. Н.В. Бычков обнаружил первую гомельскую буллу. Печать диаметром 23 мм по одной стороне несет изображение святого-воина (поврежденное трещиной от внутреннего канала под шнур), держащего в правой руке копье. а в левой — щит. По обеим сторонам от лика просматриваются неразборчивые следы букв. На оборотной стороне помещается трехстрочная сокращенная греческая надпись, прочтенная А.А. Молчановым: «Господи, помоги рабу своему Феодору» (рисунок 1 13). Размер и фактура, типологические и палеографические особенности буллы ставят ее в один ряд с подобными памятниками древнерусской сфрагистики, принадлежащими к разряду княжеских печатей с греческими строчными надписями и патрональными изображениями святых. Моливдовулы данного типа бытовали на Руси с середины XI до начала XII в. [375, с. 13-14]. Исходя из содержания сфрагистической легенды, печать следует отнести князю Мстиславу Владимировичу Великому, сыну Владимира Мономаха. Мстислав княжил в Новгороде Великом (1088-1094), в Ростове (1094-1096), вторично в Новгороде Великом (1096-1117), в Белгороде (1117-1125) и Киеве (1125-1132). Христианское имя его было Феодор, как известно из приписок к «Мстиславову евангелию» и списка князей, помещенному в «Хождении игумена Даниила».

Рисунок 113 — Гомель, случайная находка в водах Сожа. Свинцовая печать князя Мстислава Владимировича, конец XI — начало XII вв.

В 1995 г. на окологрnative Гомеля в постройке второй половины XII — начала XIII вв. обнаружена печать, которая принадлежала воспетому в «Слове о полку Игореве» князю Святославу Всеволодовичу. Согласно летописи, в 1157 г. Святослав стал новгород-северским князем, в 1164-1176 гг. — занимал черниговский стол, а в 1180-1194 гг. — был на великом княжении в Киеве. Булла отличается хорошей сохранностью и представляет собой круглое изделие диаметром 25-26 мм. На лицевой стороне изображен в круге Архангел Михаил в полный рост с мерилом в правой руке и зерцалом — в левой. На фоне по сторонам — колончатая надпись: АРХ АГ. На оборотной стороне — поясное изображение Св. Кирилла в точечном круговом ободке. По сторонам — колончатая надпись: КЮРНЛА

Рисунок 114 — Гомель, окольный город. Свинцовая печать князя Святослава Всеволодовича. вторая половина XII в.

АГНО (рисунок 114). Моливдовул относится к разряду распространенных в XII в. княжеских печатей с двухсторонними изображениями святых. Аналогии имеются в Новгороде Великом (2 экз.) и Киеве (1 экз.) [375, с. 203-204, № 188: 1, 2; 210, с. 405-407, рисунок 174б]. В.Л. Янин показал, что они принадлежат Святославу Всеволодовичу (в крещении — Михаилу Кирилловичу) [375, с. 105-106].

Ярким свидетельством распространения грамотности и письменности являются орудия, назначенные для письма по церам, бересте и другим материалам — стили-писала. Большая часть находок такого рода происходит из Гомеля (детинец, окольный град, посады). В засыпи рва № 2 детинца в 1988 г. обнаружен обломанный железный стиль, который по схеме А.Ф. Медведева датируется второй половиной XI — первой половиной XIII вв. [376, с. 76] (рисунок 115: 1). Целый железный стиль выявлен в 1989 г. в мусорном заполнении древнерусского углубленного объекта 46 на южном посаде Гомеля. По аналогиям он датируется первой половиной XII — началом XIV вв. (рисунок 115: 3) [376, с. 78, табл. 2]. Обломанный железный стиль своеобразной формы выявлен при раскопках окологрядья (раскоп I, 1986 г.) (рисунок 115: 2). Обломок бронзового стиля с лопаточкой подтреугольных очертаний поднят у подножия детинца в устье бывшего ручья Гомеюк. Два стиля XII — середины XIII вв. выявлены в Вищине [29, с. 144, рисунок 71]. Железный стиль происходит из Рогачева [46, с. 529].

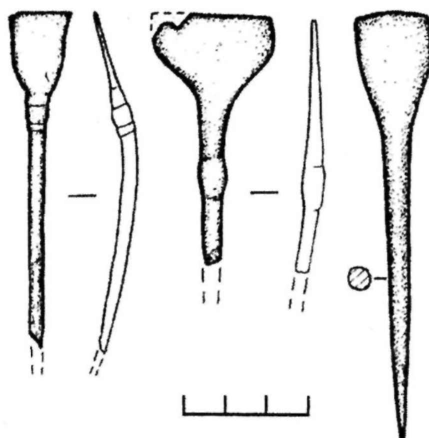

Рисунок 115 - Гомель. Железные писала XI-XIV вв.: 1 — детинец, 2 — окольный город, 3 — посад

Великолепным подтверждением грамотности части населения Гомельского Поднепровья в XII — начале XIII вв. выступает шиферное пряслице из Вищина. На нем есть следы написания начальных букв азбуки. На втором вищинском пряслице, кроме неразборчивых знаков, вырезана кириллическая буква «Д». Э.М. Загорульский констатирует: «Такие находки как нельзя лучше свидетельствуют о широком распространении грамотности в Древней Руси, о проникновении ее и в сельскую местность» [29, с. 144].

Рисунок 116 — Гомель, окольный город. Орнамент на деревянной чаше. Реконструкция Ю.М. Лупиненко

Во время раскопок на окольном городе Гомеля (1986-87 гг.) сгоревшего около 1239 г. двуXIIодклетного сооружения начала XIII в., включавшего остатки жилища и оружейной мастерской, среди огромного количества бытовых предметов, орудий труда, деталей вооружения и производственных заготовок в нижнем заполнении подклета 2 выявлены мелкие хрупкие обломки сгоревшего деревянного сосуда. Они залегали на полу жилого подклета. Крайне плохая сохранность изделия не вызвала должного внимания к находке и ее остатки были отложены для последующего исследования. Повторное изучение фрагментов сосуда выявило ряд его особенностей и позволило выполнить графическую реконструкцию [377, с. 73-75]. Обломки принадлежат низкому открытому сосуду-мисе на узком поддоне диаметром 10 см. Диаметр горловины приблизительно составлял 18-20 см. Изделие выточено на станке, по форме, размерам и моделировке венчика напоминает токарные мисы Новгорода Великого типа III по классификации Б.А. Колчина, бытовавшие в середине XI — начале XIV вв. [199, с. 175, рисунок 10]. Наружная поверхность мисы покрыта глубоким врезным растительно-геометрическим орнаментом с мотивами цветка и плетенки. Узор нанесен уверенной рукой мастера специальным инструментом. Можно воспроизвести общую композиционную схему орнамента (рисунок 116). На внутренней поверхности поддона мисы вдоль края его ободка обнаружены плохо читаемые остатки круговой кириллической надписи: [ГОСПОД]Н ПОМОЗН РАБУ [СВОЕМУ ФЕО]ДОРЪВН. Аналогичные надписи широко представлены в древнерусских эпиграфических памятниках. В качестве

примера можно привести граффито на стене Кирилловской церкви в Киеве (XII в.): «Господи, помози рабоу своемоу Феодорови, аминь, дякови» [210, с. 395, рисунок 170]. В Новгороде Великом начертания имен не раз встречены на деревянных сосудах, включая точеные чаши. Эти надписи определены как принадлежащие владельцам (а не изготовителям) этих бытовых предметов [206, с. 103]. Есть основания полагать, что и гомельская надпись является «автографом» оружейника Федора, которому и принадлежал дом-мастерская, уничтоженный пожаром начала XIII в.

В Гомеле найден обломок железного серпа, на лезвии которого выбита буква «N» (рисунок 117). При раскопках оборонительных сооружений детинца выявлена бронзовая, вероятно, книжная застежка с двумя медальонами.

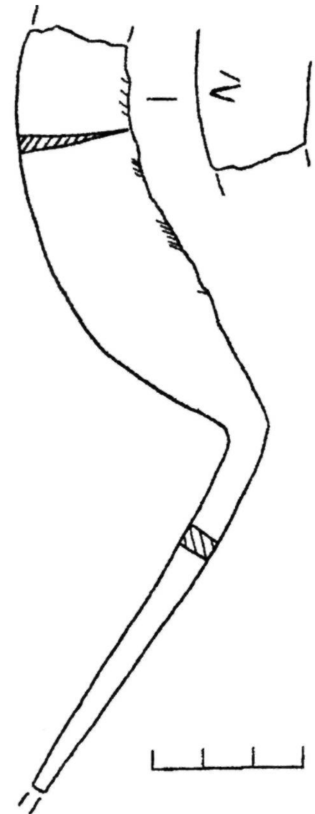

Рисунок 117 — Гомель, окольный город. Железный серп с клеймом

Вновь открытые памятники эпиграфики и сфрагистики являются важными историко-археологическими источниками. Они существенно пополняют базу данных о политической, хозяйственной и культурной жизни Гомельского Поднепровья в XI-XIII вв.

Итак, можно прийти к ряду выводов.

1. Ввиду почти полного отсутствия письменных источников история духовной культуры Гомельского Поднепровья изучаемого периода должна рассматриваться на базе источников археологических, значительно пополненной раскопками последних десятилетий. К ним можно отнести остатки культовых мест, признаки существования храмов, специфику погребального обряда, особенности инвентаря могил, амулеты, предметы христианского благочестия, остатки церковной утвари и пр.

2. Одной из ярких категорий памятников языческой культуры являются малые округлые городища-святилища. Они возникают в третьей четверти I тыс. н. э. и прекращают активное функционирование около XII в. Конструкция и прочие особенности городищ-святилищ показывают типологическое единство с аналогичными памятниками восточных славян иных регионов. Святилища соседствуют с крупными селищами или занимают узловое положение в «гнездах» открытых поселений. Селища относятся ко второй половине I — началу II тыс. н. э. Возле святилищ ранее располагались древнерусские курганы. В тех случаях, когда курганы сохранялись, их число достигало многих десятков и сотен насыпей. Места расположения святилищ связаны с топонимами, гидронимами и легендами, имеющими сакральную окраску. Наиболее изученными в регионе святилищами являются Золотомино и Городок. Топографическая и типологически-функциональная связь «городища-святилища — крупные селища — крупные могильники» свидетельствует, что культовые места выступали составной частью поселенческих единиц второй половины I — начала II тыс. н. э., за которыми скрываются центры общинно-племенной структуры населения. Последняя была окончательно разрушена христианизацией и феодализацией лишь в XII в., может быть, в начале XIII в. Неизменное тяготение кладбищ X-XII вв. к святилищам является неоспоримым свидетельством использования этих культовых мест не только в раннесредневековое время, но и в древнерусскую пору.

3. Отдельной категорией памятников язычества выступают культовые площадки. Они исследованы в Ходосовичах под Рогачевом. Площадки представляли собой небольшие круглые в плане объекты со столбовыми ямами, окольцованные канавками и ямами. Они функционировали в X — начале XI вв. Ходосовичи, наряду с Перынью под Новгородом, Киевским, Шумским. Псковским и недавно открытым Туровским святилищами, вошли в «золотой» фонд выдающихся открытий памятников культуры восточных славян.

4. Первые успехи в христианизации Гомельского Поднепровья проявились не ранее конца X — первой половины XI вв. Рядовое население начало активно приобщаться к ценностям христианства после крещения Руси. Источники не дают оснований для утверждений о более раннем появлении здесь христиан. Организационное оформление церкви в конце X — первой половине XI вв., поддержанное государством, явилось решающим фактором в деле приобщения

к христианству населения Гомельского Поднепровья. Духовное воздействие церкви на местных жителей в XI—XII вв. привело к относительно быстрому разрушению язычества как устойчивого религиозного и общественного института. Государство, став собственником земли, ликвидировало экономические основы существования язычества. Вместе с тем, остатки языческого мировоззрения еще долго сохраняются в сознании людей. Они способствуют появлению такого характерного для Руси явления как «двоеверие», предполагавшего сочетание языческих и христианских воззрений. На протяжении конца X-XII вв. постепенно изживаются языческие черты обустройства могил. Сожжение сменяется положением, появляются ямные погребения. Постепенно население отказывается от курганов, сопровождающий умерших набор вещей скудеет и пр. В основном ареале расселения радимичей подкурганный обряд захоронения в сельских могильниках сохраняется до первой трети XII в. Но в окраинных районах Нижнего Посожья обычай насыпания курганов имеет место по крайней мере до конца XII в. или даже начала XIII в. Более того, в некоторых достаточно поздних курганах, которые могут быть отнесены к XII — началу XIII вв., встречаются специфические захоронения, возможно, представляющие могилы волхвов (Шарпиловка). Христианизация региона шла из городов. Масштабные раскопки в Гомеле показывают, что он был крупным политическим и духовно-культурным центром изучаемой земли в XII-XIII вв.

5. На памятниках X-XIII вв. часто встречаются обереги, связанные с языческими верованиями и их пережитками. Они изготовлены из цветного металла (амулеты в виде рыбки, топориков, символов солнца и луны), глины (писанки), кости (клыки), камня (топоры и тесла бронзового века) и др. В Гомеле исполнение языческих обрядов, связанных с оберегами, продолжалось даже в XII-XIII вв.

6. Важным источником по исследованию культурных и общественных изменений, которые имели место в Гомельском Поднепровье в период распространения новой веры, являются предметы христианского благочестия (энколпионы, нагрудные иконки, кресты-тельники). Находки энколпионов в сельской местности дают основания усматривать здесь места службы, проживания и захоронения первых христианских миссионеров. Распространение символов новой веры является показателем восприятия населением (по крайней мере, его части) главнейших церковных догматов. Растущие христианские общины требовали большого числа предметов личного благочестия. Едва ли все они завозились из стольного Киева, иных церковных центров и зарубежных стран. Вполне вероятно, что в мастерских на землях Гомельского Поднепровья могло быть налажено производство предметов подобного рода. Сосуществование языческих оберегов и предметов христианского благочестия говорит о том, что в XI—XIII вв. в городах и селах уживались язычники, христиане и двоеверцы.

7. Находки церковной утвари объективно указывают на существование в городах и замках Гомельского Поднепровья христианских храмов. В Збарове найдены обломки блюда, предназначенного для литургии, в Гомеле — детали хороса, обломок колокола, церковный водолей и др.

8. Важнейшую категорию археологических материалов составляют сфрагистические и эпиграфические памятники. Сфрагистическая коллекция представлена выразительным набором княжеских печатей конца XI — начала XIII вв. (Вищин, Рогачев, д. Золотуха Калинковичского р-на, Гомель). Они свидетельствуют об активном участии высшей государственной власти в жизни региона, а также о развитии института феодальной собственности на землю. Ярким свидетельством распространения грамотности и письменности являются орудия, предназначенные для письма — стили (писала). Они обнаружены в Гомеле, Вищине, Рогачеве. В Гомеле в постройке начала XIII в. выявлены остатки сгоревшей чаши с вырезанной на дне благопожелательной надписью, найден обломок серпа с выбитой буквой. В недатированных отложениях детинца обнаружено пряслице с «рунообразными» знаками. Подтверждением грамотности части сельского (видимо, из окружения феодалов) населения Гомельского Поднепровья в XII —

начале XIII вв. выступают шиферные пряслица из Вищина.

РАЗДЕЛ 12 СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОМЕЛЬСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ В V — СЕРЕДИНЕ XIII ВВ. (ИТОГОВЫЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ)

Изучаемая в монографии история населения Гомельского Поднепровья разделена на четыре периода: раннеславянский (V-VII вв.), восточнославянский (конец VII—IX вв.), княжений дреговичей и радимичей в рамках зависимости от Киевской Руси (конец IX-X вв.), древнерусский (конец X — середина XIII вв.). Рассмотрение социально-экономических, этнокультурных. политических аспектов истории Гомельского Поднепровья в V—XIII вв. необходимо вести преимущественно на основании археологических материалов.

В V-VII вв. славяне-склавины и родственные им анты впервые выходят на простор истории. В V в. они начинают походы на Византию. Конец VII в. в целом совпадает с окончанием Великого переселения народов (во всяком случае, связанного с переселениями славян). Древности склавинов соотносятся с пражской культурой, памятники которой распространены от Восточной Германии на западе до юго-восточной Беларуси и Северной Украины на востоке [77; 378; 12; 87; 70, с. 317-337]. География распространения пражских памятников и их генетическая связь с восточнославянскими древностями (культуры Лука Райковецкая) в области Белорусского Полесья [77; 8, с. 95-103; 70, с. 337-348] позволяют считать полесскую их часть прадреговичскими. Памятники культуры антов письменных документов — это древности пеньковской культуры, распространенные от Днепровского Левобережья на востоке до Поднестровья и Подунавья на юго-западе. Прямого отношения к рассматриваемой теме они, на первый взгляд, не имеют. Но пеньковская культура по основным проявлениям стоит близко к колочинской, распространенной в Верхнем Поднепровье и соседних регионах. Близость колочинской и пеньковской культур V-VII вв. определяется общим источником их происхождения. Предки пеньковцев и колочинцев вышли из среды носителей культуры киевской [74; 379, с. 170-176: 71, с. 39-50].

Поиск истоков ранних радимичей необходимо вести как в ареале пражской, так и колочинской культур. Логично рассматривать колочинцев как субстратное население, поглощенное новым расселением с запада (т.е. пражских и наследующих им в культурном отношении группировок). В этом плане разделяю точку зрения В.Д. Барана, И.О. Гавритухина, Е.А. Горюнова, О.Н. Левко, Н.В. Лопатина, А.М. Обломского, Л.Д. Поболя, А.А. Приймака, О.М. Приходнюка, Э.А. Сымоновича, Р.В. Терпиловского, О.А. Щегловой и других исследователей о раннеславянской атрибуции Колочина. Но генетическая преемственность колочинских и более поздних славянских древностей к востоку от Днепра (в т.ч. и в Гомельском Поднепровье) остается неустановленной [72; 74, с. 348-359; 379, с. 170-176; 97, с. 147]. Славянская принадлежность пражцев-склавинов и пеньковцев-антов документирована письменными источниками. По-видимому. и колочинское население составляло раннеславянскую группировку, носители которой не были упомянуты византийцами.

В начале XIX в. Е.Ф. Карский, не располагая археологическими источниками, предположил, что дреговичи мигрировали на Балканы из Прикарпатско-Припятской прародины [380, с. 88]. Его догадка подтверждается открытиями современных исследователей, сделанными на новой источниковедческой базе, синтезировавшей данные исторические, археологические и лингвистические. Есть основания полагать, что полесские дреговичи действительно участвовали в походах на Византию и в заселении Балкано-Дунайского региона.

Согласно археологии, Полесье является «колыбелью» пражской культуры. Именно здесь имеются славянские памятники второй половины IV — первой половины V вв. н. э. К концу римского времени пражцы продвигаются на Верхний Днестр, в гуннский период — осваивают верховья Западного Буга и Среднее Поднестровье. Массовое проникновение носителей пражской культуры в зону балканских провинций Византии начинается в середине VI в. и связано со славяно-византийскими войнами [381, с. 72-90]. Согласно византийцам, систематический переход антов и склавинов через Дунай отмечается в начале VI в., а с 60-х гг. VI в. (после захвата аварами Паннонии) начинается их военно-колонизационное продвижение. Процесс завершается к середине VII в., когда большая часть Балкан оказывается славянизированной [382, с. 33-60]. По-видимому, и колочинское население Посожья (т.е. часть прарадимичей) принимало участие в миграциях на запад и юго-запад в период славяно-византийских войн VI—VII вв. Такого мнения, в частности, придерживается О.М. Приходнюк [383, с. 265-281]. Балканские дреговичи известны

византийцам под именем «драгувиты». Разделившись на две группы, одни из них обитали у Фессалоник в Македонии, вторые — во Фракии. Македонские драгувиты в VII в. не один раз нападали на Фессалоники. Они штурмовали эту крепость около 676 г. и в 685 г. Во главе с князьями, драгувиты умело организовывали осады мощных греческих фортификаций, используя стенобитные орудия. В 678 г. драгувиты, враждебные Империи (в ходе аваро-византийской войны), помогали обеспечивать аварскую армию продовольствием [384, с. 48, 53].

Балканские североиты — соседи радимичей по Поднепровскому региону, возможно, стояли в VII в. во главе крупного славянского объединения — славинии «семи племен», владевшего землями в области Нижнего Дуная. Родственные (согласно ПВЛ) северянам-северитам радимичи не названы в византийских сочинениях, но история происхождения их «племенного» украшения — семилучевого височного кольца — также указывает на Подунавье как район, из которого вышла какая-то их часть (возможно, хорошо организованная элита — носительница престижных украшений, созданных в провинциально-римских мастерских). Византийцы не интересовались наименованиями мелких группировок славян (каковыми, вероятно, были прарадимичи; более того, если верить летописи, свое «имя» они получили после переселения в Посожье), проникавших на северные рубежи Империи. Именно среди «семи племен» нижнего Дуная могла находиться та часть предков радимичей, которая ушла, а затем вернулась в Верхнее Поднепровье. «Исход» части славянских дунайских группировок из Византии можно связать с событиями конца VII в. Империя начинает решительную борьбу с объединениями пришельцев — славиниями. Натиск на славян начинается в 670-х гг. [385, с. 134-136]. Сокрушительный удар был нанесен им на Струме в 678 г. императором Константином IV. В 680-х гг. драгувиты и, видимо, иные славинии становятся данниками Византии. Крупный разгром славян отмечен источниками и под 688 г. [382, с. 89]. После наступления византийцев на славян драгувиты на время исчезают со страниц письменных документов. Очевидно, это было связано с оттоком части славянского населения за пределы Империи. «Подвижная» часть славянства устремляется на север в поисках своих «исторических родин», из которых вышли их предки. Балканские драгувиты возвращаются в Полесский регион. Часть драгувитов, ставших землепашцами, остается в Византии в качестве подданных. Македонская группа драгувитов в VIII в. представлена поселенцами у Солуни по свидетельствам 758 и 786 гг., фракийская — на р. Драговице. Фракийские драгувиты после утраты перспектив собственного развития образовали имперский административный (архонтия) и церковный (отдельная епархия, отмечена под 879 г.) округ Драгувития [384, с. 48, 53; 386, с. 87-87].

Возвратимся к более ранней истории балканских славян. Потрепанный поражениями первой половины VII в. Аварский каганат (основан в первой половине 560-х гг. в Паннонии), стремится восстановить власть над балканскими славиниями в левобережье Дуная, в Мисии и Добрудже. Часть придунайских славян, не сумевших выбрать военно-политического союзника, оказывается зажатой между двумя сильнейшими врагами — аварами и Империей. В 670-х гг. к северу от устья Дуная (вероятно, в низовьях Сирета и Прута, правобережье нижнего Днестра) появляются орды протоболгар-кутригуров во главе с ханом Аспарухом. Они теснят аваров, захватывают славинию «Семи родов», обращают в бегство византийскую армию. Покорив низовья Дуная, северитов и прочих славян, болгары делают их своими данниками и переселяют, что важно отметить, и к северу от Дуная [387, с. 89-90]. Г.Г. Литаврин отмечает возникновение союза придунайских славян и болгар, поскольку Аспарух доверил славянам охрану двух участков границы (с Аварией и Византией). Славянская аристократия признала власть Аспаруха, будучи заинтересованной в безопасности своих территорий [385, с. 142]. Славяно-болгарский союз в последней трети VII в. способен противостоять и аварам, и Империи. В исторической перспективе он оказывается основой создания Первого Болгарского царства. В рамках союза славяне (при поддержке болгар) могли начать массовое вторжение в Припятское Полесье и Поднепровье. Славянским миграциям из Подунавья посвящена статья Д.А. Мачинского [388, с. 38-50].

Археологический материал указывает на тесный культурный контакт протоболгар и славян-антов в Днепровском лесостепном левобережье. В VII в. для древностей пеньковской (антской) культуры характерны малые пальчатые фибулы, пряжки с коробчатой петлей, звездовидные серьги, которые имеют прямые прототипы в Подунавье.

Связи прарадимичей с Нижним Подунавьем диагностирует находка пальчатой фибулы, сделанная в Гомельском Посожье (Однополье Ветковского р-на). О ней уже говорилось. «Нарезной» орнаментацией она заметно отличается как от днепровских, так и «поствосточногерманских»

фибул. Полная аналогия ей имеется в Диногеции (область Добруджа в Румынии). Последняя выявлена вместе с монетами 574 и 590 гг. [97, рисунок 64]. Фибулы из Однополья и Диногеции морфологически совпадают по всем деталям (от размеров до элементов орнаментации). Они производят впечатление снятых из одной литейной формы и даже сломаны в одной и той же части спинки. Незначительные различия в характере орнаментации их поверхности объясняются тем, что гравировка, как известно, наносилась мастером на готовое изделие (или доводилась по поверхности более грубого изображения) уже после извлечения из формы.

Около последней трети VII в. военные катаклизмы охватывают Подунавье и прочие провинции Империи. В это же время заканчивают существование поселения Мазурского Поозерья. завершают свою историю дьяковская культура в Поочье и именьковская на Средней Волге, горят пражское городище Зимно на Волыни и колочинское — Никодимово на Могилевщине, арабы ведут завоевания на территории от Средней Азии до Западного Средиземноморья и пр. [97. с. 147], около 680 г. погибает славянское городище Мекленбург в Восточной Германии [389. с. 50]. Примеры такого рода можно продолжать.

В конце VII в. прекращают существование и пеньковская, и колочинская культуры. Этнокультурная ситуация меняется в результате военных действий, в которых местное население терпит поражение. Его остатки смешиваются с пришельцами, «которые были близки ему по уровню общественного строя, не отличаясь резко и многими чертами культуры, в том числе, по-видимому, языком» [97, с. 146-147]. Культуры антов-пеньковцев и колочинцев рухнули под ударами двигавшихся с запада и юго-запада славянских и, возможно, славяно-болгарских дружин. При этом пришлые славяне были носителями культурных традиций круга поздней Праги и Луки Райковецкой [97, с. 144-148].

В социальном отношении население Гомельского Поднепровья раннеславянского периода не отличалось от иных обществ, находившихся в состоянии перехода от первобытности к ранней государственности. Письменный материал (упомянутые выше сообщения византийцев) определенно показывает наличие у славян воинства, аристократии и вождей. Упоминание о богатстве славян — хлебе — говорит о рядовых земледельцах. Археологический материал Гомельского Поднепровья и соседних территорий (где проживало близкое в этнокультурном плане население) не только подтверждает, но и дополняет данные письменных источников. Основным сословием местного общества были свободные люди, обитавшие на малодворных селищах. Рядовой инвентарь поселений и могильников свидетельствует об однородности населения в имущественном и социальном плане. Иную картину представляют исследования редких, но показательных своим материалом городищ. Они свидетельствуют о развитии в раннеславянском обществе социальной дифференциации. Находки предметов вооружения и воинского быта в Колочине, Никодимово, Зимно, Хотомеле и др. указывают на наличие института дружины, т.е. на формирование сословия профессионального воинства и вождей-военачальников. В слоях пожарищ городищ встречено немало престижных предметов. Особенно много их в Никодимово и Зимно. Находки определенно говорят о наличии «племенной» аристократии. В третьей четверти I тыс. н. э. по всему Гомельскому Поднепровью функционируют языческие святилища. Присутствие таких памятников предполагает наличие института жречества. Таким образом, раннеславянское общество Гомельского Поднепровья предстает социально дифференцированным с заметной тенденцией к разобщению по имущественному признаку.

Третья четверть I тыс. н. э. — время активного участия предков дреговичей и радимичей в Великом переселении народов, завершившимся славянизацией Балкан, началом распада славянства, образованием первых славянских государств (держава Само в Моравии, протодревнерусское образование «антов-русов» в Киевском Поднепровье и др.). Называть на страницах научных исследований славянские объединения V-VII вв. и, тем более, позднейшего времени «племенами» можно только в том смысле, если отдается дань историографической традиции. С «настоящими» племенами первобытной эпохи славяне расстались раньше.

В конце VII — начале VIII вв. происходит изменение этнокультурной ситуации в Верхнем и Среднем Поднепровье, в соседних регионах, связанное с перемещением носителей пражской культуры и их потомков. Формирование прарадимичеи шло в процессе метисации колочинских и пришлых пражских (склавинских) группировок, просачивавшихся на Днепровское Левобережье и приносивших сюда свои культурные традиции (пальчатые фибулы, квадратные полуземлянки с печами-каменками в углу и др.). Часть истоков восточнославянской культуры населения Гомельского Поднепровья следует искать в Припятском Полесье, Подолии, Волыни, Прикарпатье — там, где получила распространение культура пражского типа. Значительная часть

предков радимичей — население пришлое. Границы поиска первоначального ареала расселения части прарадимичей можно сузить.

Сюжет недатированных страниц Несторовой летописи указывает на происхождение радимичей и вятичей «от ляхов», отмечает близкое родство радимичей и вятичей, поскольку их предводители — Радим и Вятко были братьями. Впрочем, в более ранний период («по мнозех же времянехъ») все славяне расселились («сели») в Нижнем Подунавье и Панонии («где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска»), откуда они распространились по территории Европы [2, с. 11, 14, 59]. Проблема «ляшского» происхождения радимичей и вятичей активно обсуждается. Обзор ранней историографии по данному вопросу был дан Г.Ф. Соловьевой [28, с. 353-356], более поздние взгляды и оценки проблемы изложены, в частности, в монографиях В.В. Седова и В.В. Богомольникова [12, с. 156; 13, с. 109-110]. Опираясь на историографические наблюдения этих авторов, следует заметить, что средневековые польские хронисты (Я. Длугош, М. Стрыйковский) понимали сообщение летописи как бесспорное свидетельство польского происхождения радимичей. Вместе с тем, Е.Ф. Карский в начале XX в. показал, что некоторые особенности белорусского языка, сближающие его с польским, не имеют ничего общего с проблемой происхождения радимичей [380, с. 71-72]. И все-таки, как разъяснять утверждения летописца о том, что все славяне вышли из Подунавья, а радимичи и вятичи, к тому же еще, — «от ляхов»? Думается, в ПВЛ нет противоречия: поначалу часть предков радимичей обитала в Подунавье (кстати, при этом данный регион в летописи не назван прародиной славян; более того, славяне сюда пришли и «сели»). И только позднее прарадимичи оказались или в самих польских землях, или по соседству с ними. Что касается трактовки выражения «от ляхов», то она может быть разной: прарадимичи и правятичи действительно пришли из Польши или же со стороны географического запада. Второе понимание смысла сообщения представляется предпочтительным. Достаточно отметить, что выраженных «ляшских» черт в культуре радимичей и вятичей конца I — начала II тыс. н.э. (как и в культуре «подстилающих» памятников более раннего периода), которые могли бы выделить их на фоне восточных славян, в распоряжении науки нет.

Свидетельство Нестора о происхождении радимичей «от ляхов» можно отнести к разряду мифических. Но в таком случае наука должна «расписаться» в неспособности аналитической оценки средневековых историко-литературных памятников. Серьезных оснований для игнорирования летописи нет. Есть необходимость более углубленного изучения источников, в первую очередь, археологических. Недостаток таковых ослаблял аргументацию ученых, отстаивавших те или иные взгляды на проблему происхождения радимичей. Г.Ф. Соловьева и В.В. Седов отмечали, что изначальную территорию радимичей следует искать в Поднестровье. За неимением археологических данных из Посожья, которые могли бы сопоставляться с поднестровскими, исследователи обратились к гидронимике. Оказалось, что в Верхнем Поднестровье имеется около двух десятков речных названий, соответствующих гидронимам Посожья [28, с. 352-356; 41, с. 142-143]. Поэтому В.В. Седов констатировал: «этот участок (т.е. Верхнее Поднестровье — О.М.), по-видимому и был прежним местом обитания тех славян, которые, поселившись на Соже, стали называться радимичами» [12, с. 157]. Новые археологические данные не противоречат этому предположению.

Ближайшими родственниками радимичей, как отмечает ПВЛ, были не только вятичи, но и северяне. Последние заняли районы Среднеднепровского Левобережья, причем районы преимущественно с лесостепными ландшафтами, благоприятными для пашенного земледелия. Вятичи и радимичи осели в лесных районах, где бедные пески и супеси создают чересполосицу с заболоченными, т.е. зачастую вовсе непригодными для продуктивного земледелия почвами. Днепровские северяне («севера», «север» летописей) являются в значительной мере потомками балканских северитов. Как отмечалось, севериты около двух столетий проживали в лесостепной зоне в окрестностях устья Дуная [382, с. 34-98; 385, с. 132-188]. После переселения в области Среднеднепровского Левобережья они стремились занять ландшафты, близкие к привычным, лесостепным. Часть предков радимичей и вятичей одно время обитала в лесных районах Поднестровья (или где-то рядом), а потому на вновь обретенных землях эти люди выбирали места, напоминающие в физико-географическом отношении местность их прежнего пребывания.

Обратимся к раннесредневековым древностям бассейнов Прута и Днестра — регионов, максимально приближенных в географическом отношении к «ляшским» землям. Здесь известны сотни раннеславянских памятников с пражской и пеньковской керамикой V-VII вв. [378, рисунок 20]. Основные черты культуры населения бассейнов Прута и Днестра раннесредневекового периода отразились в характере домостроительства (полуземлянки с каменками в углу)

и керамическом комплексе. В V-VII вв. господствующим типом лепного сосуда является вытянутый неорнаментированный горшок с максимальным расширением в верхней части высоты и с коротким венчиком. Керамика ранней фазы Луки Райковецкой характеризуется следующими чертами: посуда лепная, иногда неорнаментированная, часто — с вдавлениями по обрезу венчика, максимальное расширение сосуда приходится обычно на верхнюю часть тулова. Такая керамика в Среднем Поднепровье получила наименование сахновской, на Днепровском Левобережье — волынцевской. В сахновско-волынцевском регионе на ряде памятников распространяется и круговая посуда, которая имеет прямые прототипы и аналогии на поселениях Подунавья [383, с. 265-281]. Это обстоятельство говорит о тесных этнокультурных контактах поднепровских славян с населением северных византийских провинций.

Недавно и в Гомельском Посожье выявлены памятники с керамикой круга Лука-Райковецкая-Волынцево-Сахновка. Гибель городищ Колочин, Никодимово, Хотомель, Зимно и других — явления одного историко-культурного порядка. Они связаны со славянскими миграциями и вторжениями кочевников в конце VII — начале VIII вв. При этом новых пришельцев в Гомельском Поднепровье в конце VII—VIII вв. было мало. В Посожье носителями культуры Лука Райковецкая-Сахновка-Волынцево были освоены городища, основанные еще в раннем железном веке и которые впоследствии выросли в древнерусские города. Селищ, которые могли бы отражать сельскохозяйственную округу этих городищ в VIII—IX вв., почти нет. Кто же мог обеспечить экономическую базу для существования таких укрепленных центров? Остается предположить, что население городищ активно занималось сельским хозяйством. Так, в Гомеле найден наральник редкого типа, идентичный наральнику волынцевско-роменского поселения Лебедка в Поочье.

В Гомельском Поднепровье хронологическое соотношение древностей типа Колочина и Луки Райковецкой-Сахновки-Волынцево не изучено. Однако едва ли оно существенно отличалось от соседних регионов Днепровского Левобережья, где смена культур происходила в конце VII — начале VIII вв. Вывод В.В. Седова о том, что «бесспорно» славянские древности появились в Посожье лишь в IX в. [12, с. 157], нуждается в корректировке. Малочисленные, но организованные в военно-политическом отношении славяне новой волны расселения, поддержанные болгарами (наличие типично степных трехлопастных наконечников стрел в слоях пожариш и в отложениях оборонительных сооружений ряда раннесредневековых городищ Полесья и Верхнего Поднепровья), сумели сокрушить систему старых центров знати автохтонного населения, тем самым, предопределить главный вектор последующих этнокультурных и политических процессов в Поднепровском регионе.

Пришельцы (во многом — возвратившиеся на родину предков) организовали собственные «княжения» (по терминологии летописи). Это были достаточно развитые формы военно-территориальных объединений, во главе которых стояли князья. Византийцы, как уже отмечалось, называли такую форму организации власти у славян «славиниями». Славинии стали зародышами будущих государств [390, с. 193-203]. Западноевропейские хронисты применяли в VIII—IX вв. для обозначения таких славянских образований, различавшихся образом жизни и внутренней организацией, термин «nationes» («народности», «народы») [175, с. 33]. Летописец отметил наличие княжений у полян, древлян, кривичей-полочан и пр. В этом перечне мы встречаем и дреговичей [2, с. 13], что свидетельствует о достаточно высоком уровне их социально-политической и военной организации. Поскольку сообщение о дреговичском княжении помещено в недатированной части ПВЛ, П.Ф. Лысенко полагает, что его следует отнести ко времени до середины IX в. [8, с. 9]. Отсутствие прямого известия о наличии княжения у радимичей компенсируется сведениями летописных статей 885 г. (освобождение от хазарской дани и начало выплаты киевской) и 907 г. (участие радимичей в походе армии на Константинополь), говорящих об их самостоятельной военно-политической организованности. В итоге похода 907 г. Царьград выплатил дань Киеву и прочим славянским городам, «где седяху велиции князья под Ольгом суще» [2, с. 24]. Участие радимичей в военной акции Олега Вещего косвенно указывает на наличие у них собственного «великого» князя, ставшего на киевскую службу. Археологические данные убеждают в том, что заметного отставания культуры радимичей от соседей в VIII—X вв. не было. В этой связи сомнения о наличии у радимичей собственного княжения стоит решительно отбросить.

Возникнув в эпоху территориально-этнических потрясений после завершения вторжений на Балканы, восточноевропейские княжения просуществовали достаточно долго, поэтапно входя в состав Киевской державы. Часть из них активно сопротивлялась внешней раннефеодальной

власти. Немало ярких примеров тому отмечено в летописях. Первый этап вхождения радимичей в состав Киевской Руси может быть отнесен ко времени Олега Вещего. Освобождая жителей Посожья от хазарской зависимости, он превращает их в своих данников и союзников. Но после его смерти радимичи выходят из подчинения, не участвуют в походах Игоря на Византию, не упоминаются в качестве поданных Руси в сочинении К. Багрянородного «Об управлении империей». Поэтому объяснимым выглядит поход на радимичей великого князя Владимира Святославича 984 г. Радимичское княжение было ликвидировано после битвы на р. Песчане. Летописный анекдот начала XII в. о том, что радимичи (песчанцы) боятся («бегают») волчьего хвоста (т.е. помнят поражение, нанесенное им воеводой Волчьим Хвостом) говорит о важности этой победы для Киева. Дреговичское автономное княжение существовало еще в середине X в. Об этом косвенно свидетельствует сообщение К. Багрянородного о даннической (но не более) зависимости дреговичей от Киева. Княжение дреговичей окончательно превратилось в крупную административно-политическую единицу Руси (княжество) к концу X в. Продолжительный процесс ликвидации местных княжений демонстрирует история и других славян, например, вятичей. Показательно обособленное от Киева правление у них вождя Ходоты, с которым Владимир Мономах воевал еще в конце XI в. [5, стб. 248].

В решении круга проблем, связанных с истоками «летописных» радимичей, значение имеет вопрос о происхождении их этноопределяющего (для культуры населения Посожья эпохи Киевской Руси) женского украшения — семилучевого височного кольца. Возникновение этого элемента народного костюма заслуживает специального рассмотрения. Дата бытования «классических» радимичских колец, встреченных исключительно в ингумациях, определяется в рамках конца X — первой половины XII вв. [13, с. 89-93]. Ранние, единичные, их прототипы (семи- и пятилучевые кольца зерненые или с имитацией зерни) в Восточной Европе распространены в IX-X вв., причем они «разбросаны» на огромной территории — от центральных районов Белорусского Полесья на западе до Подонья на востоке, от верховьев Днепра на севере до районов Среднеднепровского Левобережья на юге (Хотомель, Гнездово, Новотроицкое, Гочево, Горналь, Воробьевка, Трубчевск, Полтава, Титчиха, Супруты, Кубаево, 2-й Пекуновский могильник и др.) [152, с. 171-178; 153, с. 110-127; 391, с. 38-41]. Большинство находок такого рода сосредоточено в ареале распространения роменских и боршевских древностей, напрямую связанных с культурами ранних северян, радимичей и вятичей. Колечко, аналогичное Хотомельскому, найдено и в Гомеле (сборы Н.В. Бычкова) (рисунок 41: 1).

Предположение Н.П. Кондакова и других первых исследователей вопроса о связи происхождения лучевых колец с древнерусскими колтами [392, с. 198] вызывают сугубо историографический интерес: колты появились значительно позднее лучевых колец. Не выдержала испытание временем и «арабская» гипотеза о происхождении славянских лучевых колец, которую выдвинул В.И. Сизов и которой одно время придерживался Б.А. Рыбаков [393, с. 177-188; 9]. Прообразы восточнославянских лучевых колец IX-X вв. следует искать в ареале западных и южных славян, где в VI-IX вв. были распространены круглопроволочные кольца с отростками в виде зерненых гроздей. Данную точку зрения обосновали Г.Ф. Соловьева, Е.А. Шинаков, А.В. Григорьев и др. По наблюдениям Г.Ф. Соловьевой, такие кольца найдены в бывших Чехословакии и Югославии вместе со славянской керамикой VI—IX вв. [152, с. 177]. Общим прототипом для самых ранних восточнославянских (Новотроицкое), великоморавских (Блучин) и болгарских (Мишевско) лучевых колец, согласно А.В. Григорьеву, могли послужить серьги VII—VIII вв. Они выполнены в виде колец с зернеными лучами с внешней и внутренней сторон. Такие изделия были распространены в регионах раннеславянского расселения, охваченных культурным и политическим влиянием Византии (Далмация и районы Нижнего Дуная) [391, с. 39]. Именно на Среднем, Нижнем Дунае и в примыкающих регионах сосредоточено значительное количество памятников с керамикой пражского и пеньковского типа, а также с типично славянскими полуземлянками [394, р. 175-188; 395, с. 9-27; 41, с. 101-113, рисунок 20, 21]. Думается, что данное обстоятельство имеет прямое отношение к проблеме происхождения радимичей и их соседей — северян и вятичей. Ориентируясь на сообщения летописи, можно полагать, что часть предков носителей прототипов лучевых «племенных» украшений первоначально обитала в Дунайском регионе. Как уже отмечалось, по данным письменных документов византийского происхождения в VI—VII вв. здесь проживали дреговичи (драгувиты), севера-северяне (севериты), кривичи (кривитеины и смолены).

Согласно недатированной части ПВЛ, еще задолго до создания Киевской Руси радимичи, наряду с вятичами, полянами и северянами, в данническом отношении были подчинены Хазарскому

каганату [2, с. 20]. Хазария располагалась на землях Северного Кавказа, Подонья, Приазовья части Поволжья. Наложение хазарской дани на радимичей могло иметь место в период максимального расцвета каганата и значительного ослабления военно-экономического потенциала восточнославянского общества, т.е. около начала VIII в. [396, с. 196-231]. Радимичи, как и некоторые прочие славянские группировки, не смогли противостоять экспансии. Хазария была одной из самых сильных держав Востока. Славянство же понесло огромные людские и материальные потери в ходе продолжительных славяно-византийских войн, славяно-аварских и иных столкновений, которые имели место, в первую очередь, в Балкано-Карпатском регионе во второй половине VII в. Этим обстоятельством может объясняться редкая заселенность Гомельского Поднепровья в VIII—IX вв., отмеченная археологией. Одной из причин хазарской агрессии в земли восточных славян было стремление овладеть важнейшими торговыми путями Восточной Европы — Волжским и Днепровским, по которым можно было вывозить главное богатство земли славян и их соседей — пушнину. Поначалу хазары включили в состав своей державы волжских буртасов и булгар (овладев Волжским путем), затем — наложили дань на полян, вятичей, северян, радимичей. Для хазар, по мнению А.П. Новосельцева, «особенно важна была земля радимичей, через которую можно было выйти на Днепр, отрезав северных славян от южных» [396, с. 203].

Княжения дреговичей и радимичей базировались на исторически сложившейся структуре укрепленных центров, которые, в первую очередь, были резиденциями князей и их вооруженного окружения. На общеславянском материале этот исторический момент был отмечен П.Н. Третьяковым [397, с. 64-68]. В социальном плане общество Гомельского Поднепровья восточнославянского периода продолжало тенденцию, заложенную в раннеславянский период. Прямое указание летописи на наличие у славян своих княжений (в том числе и у дреговичей определенно говорит о продолжении процесса становления ранней государственности. Институт князя, как главы конкретного территориально-этнического образования, в рассматриваемую эпоху уже играет совершенно обозначенную роль.

Период княжений дреговичей и радимичей в рамках зависимости от Киевской Руси (конец IX-X вв.) — время консолидации Древнерусской державы, которая «собирает» вокруг Киева славянские и иные народности. Поначалу отношения великокняжеской власти с местными княжениями ограничиваются даннической зависимостью последних и выполнением ими обязанностей союзников в случае войны. Последнее обстоятельство, касающееся радимичей, отмечено их участием в походе Олега на Константинополь в 907 г. Главная направленность внутренней политики киевских князей — полное сокрушение местного сепаратизма. Реализация этой программы наталкивалась на проблемы военно-политического и идейного порядка. Поэтому военная составляющая консолидационного движения завершилась практикой раздачи местных столов сыновьям великого князя, что знаменовало собой становление централизованной административной системы раннефеодального государства. Идеологически эти явления были закреплены крещением Руси в 988/89 гг.

Создание Древнерусского государства (а в этом процессе и радимичи, и дреговичи принимали непосредственное участие) происходило в условиях противостояния кочевым и полукочевым народам, военно-дипломатической борьбы за торговые приоритеты с Византией, отражения натиска «не-русских» (т.е. не бывших на местной службе) скандинавов.

Рассмотрим древнерусский период (конец X — середина XIII вв.). истории Гомельского Поднепровья. Политическая история Киевской Руси, Черниговского и Туровского княжеств, в состав которых входил изучаемый регион, изучена обстоятельно [398; 359; 8; 50]. На страницах этой работы остается коснуться вопросов частного, но достаточно важного для изучения Гомельского Поднепровья значения, а также тех проблем, которые обозначены новыми открытиями.

В конце X в. Киев ликвидирует автономию радимичей и включает их в состав своей державы. Первоначально они управляются непосредственно из столицы через институты посадников (наместников), ибо никаких намеков на существование здесь княжеской власти нет Местная же династия, скорее всего, была устранена. В земле дреговичей складывается иная ситуация. Здесь ликвидируется местная династия и в 988 г. великий князь Владимир Святославич садит на Туровский стол сына Святополка. С 1026 г. исторические судьбы тесно связывают Посожье с Чернигово-Северской землей. Именно тогда происходит формальный раздел государства между сыновьями Владимира Святославича. Согласно Городецкому договору Левобережная Русь (земли к востоку от Днепра) отходит Мстиславу, а Правобережная — Ярославу

Мстислав, уступая брату, соглашается с его старейшинством [2, с. 100]. Земли радимичей по левому берегу Днепра оказалась во владениях Мстислава, а дреговичские земли по правому берегу Днепра — Ярослава. Политическое разобщение Руси было неглубоким: после смерти Мстислава в 1036 г. Ярослав восстанавливает верховную власть над всей страной. XI — первая половина XII вв. в Гомельском Поднепровье, как показывают материалы раскопок, — это время процветания сельских и бурного роста городских поселений. В Посожье на роль экономического и политического лидера выдвигается Гомель. Начинается активное наступление христианства на язычество. В городах строятся храмы, создается сильная церковная организация. Христианизация городов, ставших центрами феодализации и новой духовности, проходила ускоренно. А в сельской местности еще в XII в. сооружаются курганы с погребениями по языческому обряду и действуют святилища.

К середине XI в. Черниговская земля окончательно оформляется в княжество. В 1054 г. после смерти Ярослава Мудрого она переходит к его сыну Святославу, потомки которого сохраняют власть в чернигово-северском регионе до начала монгольской агрессии. Радимичские земли Гомельского Поднепровья с Гомием и Чичерском закрепляются во владениях черниговских князей. Параллельно политическому распаду Киевской Руси идет формирование чернигово-туровской границы, которая прошла по правому берегу Днепра, частично захватывая территории дреговичей. Рубеж, вероятно, соответствовал сильно заболоченному водоразделу Днепра и Припяти. Последний в целом совпадает с естественно-географическими границами Гомельского Поднепровья и Припятского Полесья. В пользу этого предположения может служить и случайно найденная на водоразделе у д. Золотуха Калинковичского р-на печать, атрибутированная А.А.Молчановым герою «Слова о полку Игореве» князю Игорю Святославичу. На правом берегу Днепра Чернигову принадлежала Речица. Первое упоминание о Речице, как о городе Черниговского княжества, датировано 1213 г. [399]. В 1214 г. ее, как город черниговский, упоминает Первая Новгородская летопись. Тогда Речица была взята «на щит» новгородским князем Мстиславом [167, с. 130]. Возможно, поднимаясь с юга, туровско-черниговский рубеж приближался к устью Березины. Здесь в Горвале имеются два древнерусских городища, которые расположены всего в нескольких километрах друг от друга. Они не исследовались, но по внешним признакам могут являться остатками замков. Их «тесное» расположение может указывать на зону противостояния Туровского и Черниговского княжеств.

К югу и юго-западу от Лоева простирались северные пределы Киевской земли. Здесь располагался Брягин (Брагин). Первое летописное упоминание о нем датировано 1147 г., когда Брягин (принадлежал великому князю Изяславу Мстиславичу) разоряли черниговские Ольговичи и Давыдовичи: «... по том же времени како уже рекы сташа пославше Ольгович и Давидовича дружину свою с половцы воеваша Брягин...». В 1187 г. великий князь Рюрик Ростиславич подарил Брягин своей невестке Верхуславе [3, стб. 311].

С территориально-политической принадлежностью Рогачева ситуация непонятная. Город впервые упомянут в летописи под 1142 г. в числе туровских городов, которые великий князь Всеволод Ольгович передал своим черниговским братьям [3, стб. 312]. По мнению П.Ф. Лысенко, «единство судеб с другими городами Туровской земли, а также местоположение на территории расселения дреговичей дает основание говорить о его принадлежности к Туровской земле» [42, с. 121]. Складывается впечатление, что киевские князья использовали город, расположенный на пограничье Черниговского, Туровского и Смоленского княжеств, в качестве «разменной карты» в зависимости от военно-политической ситуации. По усмотрению великих князей Рогачев мог передаваться как Турову, так и Чернигову. Такая «игра» для Киева была инструментом давления на Смоленск и «придержания» управляемых в династическом отношении Туровом и Черниговом.

В первой половине XII в. устанавливаются северные рубежи Черниговского княжества, которые в целом совпадают с современной границей Гомельской и Могилевской областей. Идет раздел «киевского наследия» в земле радимичей, северную часть которой подчиняет Смоленск (Могилевское Посожье с Кричевом-Кречютом, Пропошеском-Прупоем и частью Поднепровья). Смоленская принадлежность Вищина под Рогачевом на Днепре документирована Э.М. Загорульским. Ученый отождествляет его с упомянутой в Новгородской Первой летописи смоленской Воищиной (1258 г.): «Придоша литва с полочаны къ Смоленьску и взяша Воищину на щит» [6, с. 82, 310]. Расположенный (почти «зеркально») на противоположном берегу Днепра Збаровский замок, отнесен автором раскопок Г.Ф.Соловьевой к владениям Чернигова [170, с. 113].

Вопросы, связанные с территориально-административным делением земель Гомельского Поднепровья, вызывает локализация летописного Лучина. Село Лучин располагается в 6 км южнее исторического центра Рогачева на правом берегу Днепра. Здесь имеются два городища XII-XIII вв. По всем признакам — это остатки замков. Повышенный интерес к Лучину вызван тем, что одноименный пункт упомянут в грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича 1136 г. Названный в ней Лучин платил в пользу Смоленска «мыто» (проездную пошлину). «корчмити» (сборы от постоялых заведений), а смоленскому епископу — «три гривны урока. 2 лисицы и осетр» [169, с. 143]. Согласно Ипатьевской летописи, в 1173 г. по дороге из Новгорода и Смоленска в Киев в Лучине у Рюрика Ростиславича родился сын Ростислав-Михаил. Летопись сообщает также о постройке по столь значимому событию в Лучине Михайловской церкви и дарении младенцу Лучина. «Рюрикове же, идущю из Новагорода и Смоленьска, а и бысть на Лучин верьбное неделе въ пяток, слнцю всходящу, родился оу него сын и нарекоша и в стм крщньи дедне имя Михаило, а княже Ростиславъ (...) и дасть ему оць его Лучин город — в немже родися и поставиша на том месте црквь стго Михаила, где ся родил» [3, стб. 567]. Вопрос заключается в том, о каком Лучине идет речь.

В.В. Седов не сомневался, что днепровский Лучин есть именно тот пункт, который в XII в. принадлежал Смоленску [400, с. 143-149, рисунок 1]. Однако выдающийся знаток исторической географии Руси Н.П. Барсов размещал Лучин на Лучанском озере близ волока из Двины в Полу. Это мнение поддержал в свое время П.В. Голубовский, позднее — А.Н. Насонов [401]. Л.В. Алексеев также не согласился с В.В. Седовым и настоял на иной локализации Лучина. Он размышлял: «Основано на недоразумении растягивание Смоленской земли в сторон) днепровского Лучина... Днепровский Лучин с его городищем и курганами не может относиться к Смоленску, так как между ним и Смоленской землей лежит Рогачев, который по летописям принадлежал Черниговской земле. Лучин был на Лучанском озере, на севере Смоленской земли, чему не противоречит и летопись» [134, с. 52-53]. Изучая варианты летописи [3, с. стб. 567]. Л.В. Алексеев отметил, что Рюрик ехал не из Новгорода и Смоленска, а из Новгорода в Смоленск, следовательно, летописный Лучин располагался гораздо севернее днепровского Лучина [134, с. 166]. А.А. Метельский не сомневается в том, что еще «рано снимать вопрос о днепровском варианте локализации Лучина» и настаивает на том, что летописный Лучин размещался именно на Днепре к югу от Рогачева. По его мнению, «размещение Лучина ниже Рогачева позволяло смоленским князьям контролировать торговый путь по Друти и собирать дань даже с тех купцов, которые не шли непосредственно через Смоленскую землю» [402, с. 144-145]. Ссылаясь на Е.Р. Романова, Б.А. Рыбаков в свое время назвал Лучин «колонией» смоленских кривичей [9, с. 147]. Но последнее определение спорное, поскольку опирается всего на одно погребение.

Рассматривая письменные источники и, исходя из общеисторических соображений, всетаки представляется правильной локализация летописного Лучина на севере Смоленщины (мнение Н.П. Барсова, П.В. Голубовского, А.Н. Насонова, Л.В. Алексеева). Решающее значение в решении этого спора должен сыграть археологический материал. С археологической точки зрения (форма и слишком малый размер городищенских площадок, отсутствие признаков окологрaдий, наличие небольшого селища) Лучинские городища на Днепре следует относить к категории феодальных замков. Оснований для утверждений о наличии здесь города нет.

Некоторые исследователи полагают, что в Гомельском Поднепровье мог размещаться и город, принадлежавший в XII в. Полоцкому княжеству. Таковым они считают Стрешин под Жлобином [52, с. 40]. С исторической точки зрения такое мнение спорное. В Стрешине есть древнерусское городище, изучавшееся в 1966 г. Э.М. Загорульским. Ипатьевской летописью под 1127/8 и 1159 гг. упомянут населенный пункт Полоцкого княжества Стрежев. Отождествление полоцкого Стрежева с современным днепровским Стрешином весьма сомнительно. Первый момент — более чем заметная удаленность рассматриваемого Стрешина от исторически известных границ Полоцка [46, с. 592]. Первое упоминание о Стрежеве связано с военным походом коалиции южнорусских князей против Полоцка: «... А Всеволоду Олговичу повеле ити с своею братею во Стрежев к Борисову» [3, стб. 292]. Второе упоминание свидетельствует, что Стрежев находился во владении сына минского князя Глеба Изяславича — Всеволода [3, стб. 496]. Невероятно, чтобы это сообщение относилось к днепровскому Стрешину. Знатоки исторической географии А.Н. Насонов и Л.В. Алексеев помещали Стрежев вблизи Полоцка [401. с. 152-153, вклейка; 403, с. 227]. Недалеко от Орши в Дубровенском р-не находится д. Стражево, в которой локализовано городище. В 1994 г. О.Н. Левко обнаружила здесь слой и остатки крепостных сооружений начала XII в. [404, с. 172-180]. Примечательно, что Стражево

находится на старом смоленско-полоцком пограничье и потому (учитывая и название населенного пункта) именно его памятники могут скорее претендовать на «роль» летописного Стрежева, нежели памятники современного Стрешина в Гомельской обл.

XII век — период расцвета Гомельского Поднепровья. Гомий по-прежнему выступает крупнейшим политико-административным, военным и культурным центром региона. О его значении, в частности, свидетельствуют находки в Гомеле печатей великих киевских князей сына Владимира Мономаха Мстислава Великого и Святослава Всеволодовича из династии черниговских Ольговичей. Вероятным временем попадания в Гомий документа, скрепленного печатью Святослава Всеволодовича, является черниговский период его княжения. Летописное сообщение 1164 г., связанное с Гомием, прямо касается деятельности этого князя. Тогда, по смерти князя Святослава Ольговича черниговского, стол в Чернигове перешел по правам наследования к его племяннику Святославу Всеволодовичу. Однако сын усопшего — Олег Святославич — опередил законного правителя и первым «въехал» в Чернигов. Святослав Всеволодович все же успел взять под контроль главнейшие черниговские волости, включая Гомель: «посла сын свои в Гомий, а посадники посла по городом» [3, стб. 502]. Вскоре Святослав уладил междоусобицу с Олегом, отдав ему Новгород-Северский и переехав в Чернигов. Летописная статья 1164 г. дала основания А.К. Зайцеву предполагать появление в Гомий удельного стола 188, с. 104]. Святослав Всеволодович, беря в 1164 г. в свои руки правление в Черниговской земле, издал необходимые по этому случаю государственные документы. Одна из его грамот сказалась в Гомии.

В 1142 г. смоленский князь Ростислав Мстиславич нападает на владения Ольговичей и разоряет их волость возле Гомия. Едва ли его поход преследовал цель перекройки старой смоленско-черниговской границы, обозначившейся по Сожу между Чичерском и Пропошеском. Главная задача Ростислава была разовой: создать угрозу Чернигову с севера и отвлечь внимание коалиции Ольговичей и Давидовичей от киево-переяславльского направления, где шла ожесточенная борьба за обладание великокняжеским столом. Ограбив гомийские села и, не овладев Гомием, смоляне убрались восвояси. И если смоленская граница на время и продвинулась от окрестностей Пропошеска до Гомия, как полагает А.А. Метельский [402, с. 140-160], то такое перемещение было крайне непродолжительным. Принадлежность Гомия Чернигову в середине — второй половине XII в. бесспорна.

Вступая в XIII в., Древняя Русь оказалась разобщенной на десяток крупных земель. Каждое княжество имело внутреннюю систему второстепенных уделов, правители которых нередко демонстрировали возрастающие властные амбиции. Правители крупных земель вели ожесточенную военно-политическую борьбу за первенство и обладание ведущими столами некогда единой Руси, в первую очередь, престижным киевским.

Чернигово-Северская земля, в состав которой в первой половине XIII в. входила большая часть Гомельского Поднепровья, была крупнейшим княжеством Восточной Европы с огромным экономическим потенциалом. На ее территории находилось порядка 400 городищ (в т.ч. около 70-ти городов), в некоторых местностях одно поселение приходилось на 5 кв. км площади, а территория стольного Чернигова достигала 450 га. Несмотря на разветвленную систему уделов и волостей, Ольговичи демонстрировали военно-политическое единство в условиях надвигающейся внешней опасности [405, с. 36-37]. После поражения Руси от монголов в битве на р. Калке (1223 г.) черниговскую династию возглавил Михаил Всеволодович, который вел почти беспрерывную борьбу за киевский и галичский столы. Зимой 1237/38 гг. войско Батыя разорило северо-восточную часть Чернигово-Северских земель. Археология выявляет на многих поселениях пожарища и гибель людей. В землях вятичей и северян разгрому подверглись Вщиж, Серенск, Спас-Городок, Козельск, Корачев и др. Осенью 1239 г. монголы ворвались в центральные районы Чернигово-Северщины и обложили Чернигов. В сентябре он был взят, разграблен и сожжен, население — перебито. Летописные свидетельства гибели крупнейшего восточноевропейского города полностью подтверждаются археологическим материалом. После падения столицы монголы принялись за разграбление прилегавших к нему сел и «младших» городов. Следы погромов археологически повсеместно выявлены к северу и северо-востоку от Чернигова. Они выразительны в Оргоще, Листвене, Блистовите, Новгороде-Северском, Любече и др. [405, с. 39].

Чернигово-северские земли на юго-востоке Беларуси не сумели избежать этих трагических событий. Гомий был взят штурмом и разрушен захватчиками, в Нижнем Посожье прекратилась жизнь большинства сел, процветавших в начале XIII в. Обращает внимание факт массовой

гибели в середине XIII в. феодальных замков. Горят городища Вищина, Збарова, прекращают существование Лучинские городища и крепость Беседь. Эти события были напрямую или опосредованно связаны с походами монголов. Сопоставление письменных и археологических свидетельств позволяет сделать вывод о том, что степняки целенаправленно и почти полностью разорили Чернигово-Северскую землю, вплоть до ее окраинных «лесных» районов. Уцелели единичные города и села. К таким можно отнести Речицу. Обстоятельные раскопки ее окольного города не только не выявили следов крупных пожаров и погромов в отложениях XIII в., но и показали преемственное развитие планировки и застройки на протяжении XII-XIV вв. Усадьбы речичан за три столетия не изменили своих размеров и очертаний. По всей видимости, монголы во время первых походов на земли Черниговского княжества не всегда решались на перенесение боевых действий за Днепр.

Историки нередко задают вопрос о том, почему радимичи не сумели создать собственное раннефеодальное княжество? Почему к XII в. их территория оказалась разрезанной на части между Смоленском и Черниговом? Обычно данная ситуация объясняется слабым уровнем развития феодальных отношений в радимичском регионе X-XII вв. Но это далеко не так. Раннефеодальные образования чаще всего формировались не по «моноэтничному» признаку, а по военно-экономическим возможностям зарождающейся государственности в плане освоения определенных территорий. В общем и целом (но с оговорками) можно предполагать, что Киевская земля охватила только Полянские земли, а Туровская — дреговичские (хотя в последнем случае не совсем ясна этническая принадлежность западных районов Припятского Полесья). Черниговская земля явно «полиэтнична» — в основе своей северянская, она включила в себя почти всех вятичей и половину радимичей. Новгородская земля в основе своей словенская, но ей принадлежит полдесятка финно-угорских народностей. Полоцкая земля включила не более половины, скорее треть, кривичей, а также значительную часть латгалов. Смоленску досталась немалая часть кривичей, вятичей и радимичей. Таким образом, раннефеодальные княжества не столько сохраняют, сколько разрушают более ранние реалии. С прежними «племенными» границами князья не считаются. Вернее сказать: со старыми границами «не считаются» закономерности становления государства.

«Феномен» радимичей, не сумевших создать собственную государственность, надуманный. Аналогичную ситуацию мы видим с вятичами. Они разделены между Черниговом и Смоленском, а поздно выделившееся Рязанское княжество контролирует только часть вятичских земель. Не существовало единого кривичского княжения, поскольку кривичи рано обзавелись тремя отдельными центрами региональной консолидации — Полоцком, Смоленском и Псковом.

Исследователи говорят о слабом уровне развития феодальных отношений (значит, и экономических) в радимичском регионе. Так ли это? В X-XII вв. радимичи демонстрируют богатейшую культуру, отраженную в городском и курганном материалах. Чечерск и Гомель уже в X в. предстают поселениями, имеющими городские черты. К XII в. Гомель занимает территорию не менее 50 га. Его культурный слой содержит большое количество предметов, связанных с развитым ремесленным производством и феодальным бытом. Здесь ведется монументальное строительство. Из Гомеля и Рогачева происходят княжеские печати, что говорит о наличии органов государственной власти. Находки в курганах украшений, принадлежностей костюма, бытовых предметов и пр. указывают на общерусский уровень развития сельского ремесла, торговли и духовной жизни. Города и феодальные отношения в Посожье складываются примерно в то время и теми темпами, как и в соседних регионах. Иное дело — процесс вхождения земель Гомельского Поднепровья в состав Киеворусского государства.

Можно попытаться найти несколько объективных причин отсутствия собственного княжества радимичей в составе Руси (наличие более раннего княжения, как отмечалось, бесспорно). Первая причина коренится в ограниченном демографическом потенциале, а следовательно — и в его уязвимости. Местного населения явно было недостаточно, чтобы противостоять мощной экспансии Киева в конце IX в., когда князь Олег Вещий «перевел» радимичей из хазарской в киевскую зависимость. Достаточно посмотреть на карту региона VIII—IX вв. и многое станет понятным. Владимир Святославич в конце X в. совершил поход, направленный на ликвидацию радимичского сепаратизма и не встретил того сопротивления, которое могло бы решительно противостоять агрессии Киева. Силы были более чем неравны. Археологические данные косвенно свидетельствуют, что радимичская аристократия в конце X в. перешла на киевскую службу. Это явление может объясняться все той же недостаточностью демографического и военно-экономического потенциалов (не в плане «отставания», а в плане «объема») радимичских

земель в момент окончательного присоединения к Киевской Руси. Иная причина отсутствия отдельной» государственности у радимичей лежит в плоскости геополитического фактора. Сож — основная артерия земли радимичей — своеобразный дубль верхнеднепровского отрезка пути «из варяг в греки», т.е. пути по Днепру. Он обеспечивал торгово-экономические связи между Киевом и Смоленском-Гнездово уже в IX в., вовлекая в этот процесс местное население еще на заре государственности. Об этом говорят клады восточного серебра. Киевская раннефеодальная держава в к. IX-X вв. предпринимает немалые усилия для взятия Посожья под полный контроль (походы 884 и 985 гг.). География расположения крупнейших военизированных поселений, созданных усилиями государства и поддержанных интересами интернационального воинства-купечества (Гнездово, Шестовица, Левенка, Мериновка, Мохов и др.), охватывает территорию радимичей со всех сторон. Из этих пунктов наносились удары по территории радимичей и осуществлялся за ней военно-полицейский контроль. С севера уже в конце IX в. (как показывают исследования в Мохове) продвигались группы людей кривичско-балтского происхождения (и прочие «северные»), состоявшие на великокняжеской службе или искавшие ее. Можно предположить, что многие из них шли из Гнездово, может быть, из Полотчины. Северные элементы культуры Мохова отражают как один из векторов геополитики Киева, так и стремление знати Гнездово-Смоленска (будущих смоленских феодалов) овладеть торговыми операциями на рубежах радимичей, дреговичей, полян и северян. Наверное, уже в конце X-XI в. смоленское боярство получало первые земельные пожалования от киевских правителей не только на кривичских, но и радимичских землях (тем более, в ее северных районах), а также на радимичско-дреговичском пограничье. В дальнейшей истории (начало XII в.) это послужило одним из оснований для включения части радимичских земель в Смоленское княжество (ибо местное боярство политически и экономически тяготело к Смоленску, а не к Киеву и Чернигову; т.е. патронами бывших дружинников были князья смоленские). В южных регионах земли радимичей землевладельцы одаривались киевскими и черниговскими правителями, поэтому окрестности Гомеля и Чечерска позднее закрепились за Черниговом.

Социальная структура древнерусского общества — зеркало реалий феодального государства. Экономика Руси базировалась на сельском хозяйстве, а основным населением страны было крестьянство, которое находилось в той или иной степени феодальной зависимости от государства и феодалов. Селища и могильники Гомельского Поднепровья выступают ведущими категориями археологических памятников, отражающими резкое преобладание в составе его населения земледельцев, скотоводов и промысловиков. На селищах постоянно встречаются орудия труда, связанные с земледелием. Вместе с тем, в сельской местности временно или постоянно пребывали и представители феодального сословия. Престижные вещи дружинно-феодального быта, представленные украшениями, деталями костюма, предметами вооружения и прочим встречены в Гомеле (ур. Ильинский Спуск), Нисимковичах II-III и др. Показательны клады дорогих украшений — шейных серебряных гривен из Козьего Рога (рисунки 120, 121). Феодалами на селе были оседавшие на землю дружинники и представители княжеской, боярской, церковной администрации, следившие за работой крестьянских хозяйств. На примере хорошо изученных селений коренных районов Черниговской земли на это обстоятельство обратил внимание В.П. Коваленко [406, с. 91-93].

В городах Гомельского Поднепровья социальный срез населения более пестрый, нежели сельского. Основную его массу составляли посадские жители — непосредственные производители (ремесленники, промысловики, аграрии). Они проживали на усадьбах площадью 240-360 кв. м (Гомель, Речица). На каждом дворовладении, обстоятельно исследованном раскопками, открыты мастерские или следы их деятельности, ремесленный и промысловый инструментарий. Часть горожан была занята в торговле (находки монет, частей весов, привозных товаров). Пребывание воинов-дружинников в городах великолепно документируют находки в Гомеле (остатки оружейной мастерской по сборке и ремонту доспехов, клинкового вооружения и пр.), в военизированных многофункциональных поселениях, воинских заставах — в Мохове, могильниках возле Лоева, Речицы, Рогачева. Пребывание в городах феодалов подтверждается находками престижных импортных вещей и предметов роскоши. Яркое подтверждение наличия в городах княжеской администрации и княжеских владений — предметы со знаками Рюриковичей (рисунки 118-119). Материалы Гомеля указывают на существование в городах крупных усадеб, вероятно, княжеских.

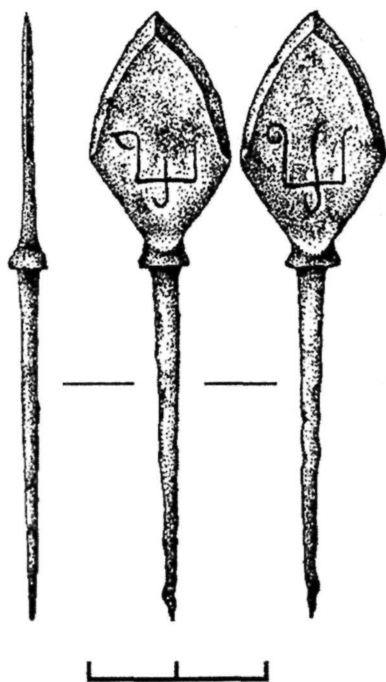

Рисунок 118 — Гомель, окольный город. Железный наконечник стрелы со знаками Рюриковичей

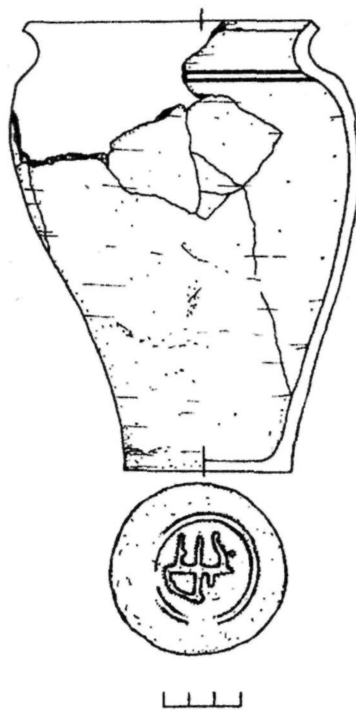

Рисунок 119 — Гомель, посад. Круговой сосуд с тамгообразным клеймом

Присутствие в городах чиновников княжеской администрации подтверждается находками печатей и др. Плинфа и церковная утварь свидетельствует о пребывании в городах представителей духовенства. Социальную дифференциацию общества конца XI — середины XIII вв. показывают материалы замков Вищин и Збаров, основным населением которых были представители военно-феодального сословия и их слуги.

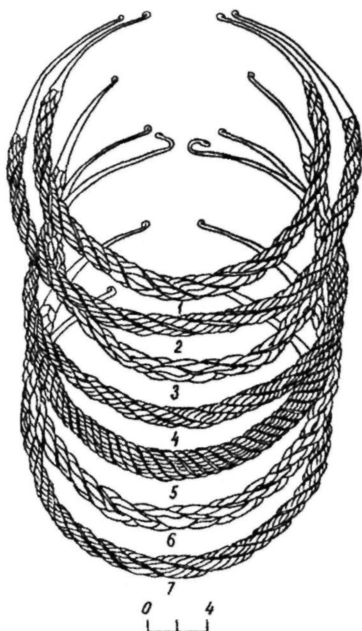

Рисунок 120 — Козий Рог, клад. Шейные гривны XI-XIII вв.

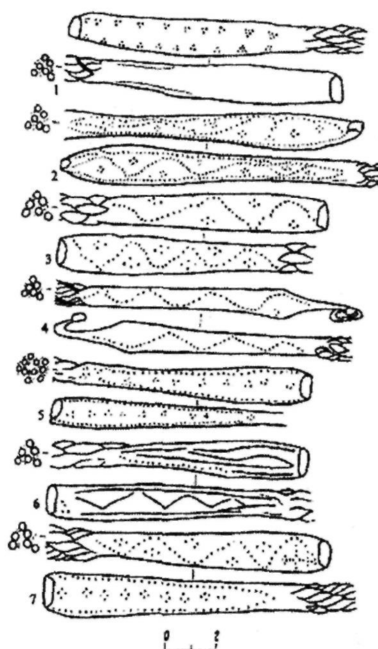

Рисунок 121 — Козий Рог, клад. Наконечники шейных гривен XI-XIII вв.

Этнокультурная ситуация в регионе древнерусского времени была сложной. По летописным и прочим источникам известно, что в Древней Руси наряду с коренным населением пребывали представители пришлых групп людей. Это было связано со многими факторами. В связи

с формированием временных и постоянных воинских дружин, строительством крепостей и оборонительных линий, верховная власть организует переселения значительных людских ресурсов известна практика Владимира Святославича «нарубать мужей» от кривичей, вятичей и прочих). С формированием наемных и постоянных воинских отрядов в собственно славянские области Руси попадают выходцы из других регионов (скандинавы, балты, тюрки и др.). Военные столкновения приводят к захватам пленных, добытых как в Руси, так и за ее пределами (в последнем случае достаточно упомянуть о «ляшских полонах» Ярослава Мудрого и его брата Мстислава начала XI в.). Постоянное давление кочевников Великой Степи (на фоне растущего феодального нажима) толкает массы людей к участию в колонизационном движении на лесной Север, а представители союзных или плененных кочевников пополняют население древнерусских городов и деревень. В рамках относительно единого государства (со временем — более или менее устойчивого экономического и культурного пространства) происходили и иные переселения, вызванные разными причинами. Среди последних следует не забывать о миграциях, связанных с ростом феодального (государственного, условного и вотчинного) землевладения. Это, з первую очередь, переселения крестьян в поисках «свободы» (т. е. на не охваченные феодализацией земли), их бегство в города, принудительный «вывод» непосредственных производителей самими феодалами и др. Как известно, на Руси в XI-XIII вв. шло постоянное перемещение князей по столам. Переезды князей затрагивали и их окружение: боярство, дружинников и зависимых людей-слуг. Единичные находки радимичских украшений вне Посожья (в Среднем Поднепровье, Прибалтике и др.) или словенского ромбощиткового кольца в Чаплине (Гомельское Поднепровье) [12, с. 151-157] могут быть не случайностью, а отражением именно этих исторических явлений.

Гомельское Поднепровье, как и многие другие «периферийные» древнерусские регионы, обойдено вниманием летописцев. Судить об этнокультурной ситуации можно при обращении к археологическим данным, которые (хотя и неоднозначно) несут определенную этническую информацию. Для рассмотрения вопроса пригодны материалы преимущественно погребальных памятников (особенности обрядов захоронения и вещевого инвентаря). Впрочем, и отдельные находки предметов в отложениях поселений, которые предположительно имеют «этнический» адрес» (инородный по отношению к местным жителям), могут и должны учитываться при реконструкции этнокультурой ситуации. Конечно, не во всех случаях «инородные» украшения или принадлежности костюма удостоверяют присутствие представителей «неместных» групп населения. Часть находок может выступать свидетельствами торгово-экономических отношений между различными регионами. Но, если таковые обстоятельства не противоречат иным фактам общеисторической ситуации (например, наличие в исследуемой области проявлений «чужой» погребальной обрядности), то их также необходимо с известной осторожностью учитывать при реконструкции этнокультурной ситуации. Котлами, в которые «сливались» потоки людей разного происхождения, были города. Князья и боярство были заинтересованы в росте их населения, пополнении ремесленниками и промысловиками. Такая политика соответствовала интересам и части низов (в первую очередь, из среды крестьянства), стремившихся избавиться от возрастающего в сельской местности феодального давления. К сожалению, городские некрополи в Гомельском Поднепровье не изучены. Приходится оперировать отдельными материалами, извлеченными из городских напластований.

Заслуживает внимания вопрос (в том числе этнического порядка) о связях сельских и городских жителей Посожья со средневековым населением Восточной Балтии, Северной России и Скандинавии. Об этом могут свидетельствовать некоторые находки. К ним, в частности, относятся две подковообразные фибулы, общим элементом которых выступает специфически оформленный язычок. Он имитирует голову мужчины или крупного кошачьего хищника (?) с длинной бородой. Находки такого рода сделаны в курганном могильнике Нисимковичи (раскопки В.В. Богомольникова) и на южном посаде Гомеля (раскопки А.И. Штеменко). Нисимковичская фибула бронзовая (рисунок 122). Она обнаружена в мужской ингумации. В плане обрядности захоронение выглядит «рядовым» и не отличается от прочих, имеющих признаки радимичской

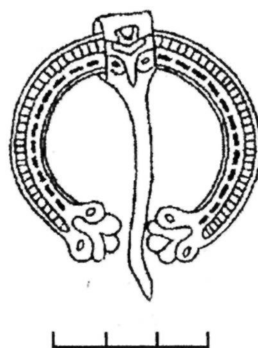

Рисунок 122 — Нисимковичи, курганный могильник. Бронзовая фибула (раскопки ВВ. Богомольникова)

традиции. Дужка изделия из Нисимковичей орнаментирована насечками и вдавленнями, а ее головки выполнены в антропо- или зооморфном стиле (в них можно увидеть львов, драконов и др.). Судя по общей датировке могильника, фибула может относиться к концу X — началу XII вв. [117, с. 16, рисунок 4: 2]. Гомельская фибула найдена в постройке XI в. Окончания дуги загнуты спирально, ее сечение — ромбическое. Дужка гомельского изделия не орнаментирована. основа — железная.

Такие застежки выглядят редкими не только для Гомельского Поднепровья, но и для восточнославянских древностей в целом. Зооморфно-антропоморфные фибулы древнерусской эпохи характерны для скандинавской и балтской традиции. В X в. они проникают к финнам и славянам Северной Руси. В Карелии и славянских курганах Смоленщины близкие по стилистике изделия датируются XI — началом XII вв. Аналоги нисимковичской находке имеются на древнерусских селищах у с. Дорогинка в Среднем Поднепровье (похожая фибула обнаружена в постройке XI в.) и у д. Чечевизня Курской обл. [407, с. 105-106, рисунок 44: 1; 408, с. 100, рисунок 9]. Бронзовая подковообразная фибула, оформленная язычком в виде головы с длинной бородой, но имеющая крученую дужку, открыта на городище Земляной Струг на Рязанщине Изделие находилось в слое славяно-финского поселения IX—XI вв. [409, с. 205-206, рисунок 21: 2]. Нисимковичская и гомельская фибулы могут свидетельствовать о присутствии в Гомельском Поднепровье выходцев из Восточной Балтии или славяно-финских регионов Руси.

На южном посаде Гомеля (раскопки 1990 г.) в сооружении XII — начала XIII вв. найден перстень из оловянисто-свинцового сплава, стилизованный под змею. По мнению В.В.Седова. украшения «змеиного стиля» в славянских древностях имеют балтские корни [12, с. 156].

О «разноплеменном» составе городского населения говорит и находка обломанного височного кольца на южном посаде Гомеля. Оно обнаружено в постройке середины XII в. [193, с 85, рисунок 6: 8]. Кольцо изготовлено из серебра, имело семь отростков. Очертания последних сближают его не столько с лучевыми кольцами, сколько с лопастными. Отростки орнаментированы треугольниками и пояском вертикальной нарезки. Оба признака — формы отростков и характер орнаментации — исключают радимичскую атрибуцию этого украшения, поскольку в Посожье таковые отсутствуют. По классификации Е.А. Шинакова, ближайшей аналогией рассматриваемому кольцу (по сочетанию указанных двух признаков) могут служить кольца варианта 45а (могильник Усолье-Купанское близ Переяславля-Залесского в бассейне Клязьмы) и вариантов 37, 38 (но только по признаку орнаментации — Гочевский в Днепровском Левобережье и Крюково-Кужновский в Верхнем Поочье могильники) [153, рисунок 2, с. 110-127]. Ориентируясь на географию памятников, можно предположить, что кольца, близкие гомельскому, могли бытовать в вятичской и северянской среде. Факты указывают на контакты городского населения Нижнего Посожья с жителями Среднеднепровского Левобережья и Поочья в XI—XII вв.

На южном посаде Гомеля в отложениях X-XI вв. в 1989 г. найден плетеный браслет из белого металла [121, с. 166, рисунок 6: 2]. Аналогичные изделия встречаются в курганах восточной части расселения радимичей, но характерны они. в первую очередь, для курганов XI-XII вв. верховьев Волги, Оки, Днепра и Десны — районов расселения вятичей, кривичей, славяно-финнов. Большинство браслетов такого рода происходит из бассейна Нерли возле Ростова [204, с. 226-228, табл. 5, рисунок 29: 7].

«Чужеродные» по отношению к контексту местной культуры предметы в городах Гомельского Поднепровья объективно отражают государственно-политические и культурно-демографические реалии своего времени. Радимичские, вятичские и северянские земли, согласно летописям, входили в состав Черниговского княжества. Перемещения групп населения здесь носили объяснимый характер. Но существовали и контакты с землями Восточной и Северной Балтии. Сельские могильники отражают в основном культуру народную. Погребальная обрядность аборигенного населения Гомельского Поднепровья, представленная подкурганными сожжениями и трупоположениями однообразна по обе стороны Днепра. Большинство деталей обряда захоронений указывает на этническую близость дреговичей и радимичей и единство их религиозных представлений. Принципиальной разницы между дреговичскими и радимичскими захоронениями X-XII вв., как и в этапах смены форм помещения умершего в могилу не наблюдается. В обрядности рассматриваемых групп населения не отмечается значительных отличий и от обрядности иных восточнославянских группировок — кривичей, вятичей, северян, древлян и пр. Но археология не исключает поиск присутствия на юго-востоке Беларуси следов пребывания иных этнических групп как в городской, так и в крестьянской среде.

К инородным для сельских могильников региона элементам, свидетельствующим о притоке выходцев извне, может относиться необычное положение умершего в могиле. Ингумации курганов Гомельского Поднепровья имеют характерную для славян ориентировку головой на запад с отклонениями на северо-запад или юго-запад. В сельских могильниках восточных славян иная ориентировка встречается в порядке исключения. Сложным остается вопрос об этнической атрибуции покойных, положенных головой на восток. Данная ориентировка отмечена по всей территории расселения радимичей в курганах конца X-XII вв. В.В. Богомольников подсчитал, что такой элемент обрядности есть в 57-ми могильниках. Большинство похороненных по такому обряду — мужчины [13, с. 36]. П.Ф. Лысенко констатировал, что у дреговичей количество захоронений с восточной ориентировкой невелико [8, с. 46]. В.В. Седов относил погребения с восточной ориентировкой в ареале расселения восточных славян к проявлению влияния балтского субстрата. Такого же представления (при рассмотрении радимичских древностей) придерживался и В.В. Богомольников [12, с. 151-157; 13, с. 36]. Против такого мнения решительно выступали Г.Ф. Соловьева и Ф.Д. Гуревич. Показывая широкое распространение данного ритуала у восточных и западных славян (в т.ч. и вне обитания балтского аборигенного населения), они считали его проявлением местной славянской традиции [410, с. 98-104; 411, с. 17-21]. Обе гипотезы вызывают вопросы.

Первые исследователи не имели в распоряжении материалы радимичского региона VIII-IX и большей части X вв. Новые раскопки показали, что в последней четверти I тыс. н. э. в Гомельском Поднепровье распространены славянские культурные традиции Лука Райковецкая-Сахновка-Волынцево и роменская, «перетекающие» в древнерусскую. Кто в данной этнокультурной ситуации мог быть носителем балтских традиций? Считать жителей Гомельского Поднепровья последней четверти I тыс. н. э. балтами или славяно-балтами на современном этапе накопления знаний нет никаких оснований. Балтские (или предположительно балтские) элементы культуры радимичей и дреговичей конца X-XII вв. могут объясняться отнюдь не субстратными проявлениями. Если эти элементы в действительности имеют балтское происхождение, то вполне могут быть привнесенными в славянскую среду в процессе становления государственности. Присутствие в могильниках славянского населения Гомельского Поднепровья конца X — начала XII вв. элементов балтской (или предположительно балтской) обрядности ориентировка части умерших на восток) и инвентаря, сходного с балтским (гривны с заходящими концами и розеткообразным оформлением головок, звездообразные пряжки и др.) скорее объясняется притоком сюда отдельных групп населения из латгало-литовских регионов. Их появление на юго-востоке Беларуси может быть следствием «переселенческой» политики великих киевских князей конца X-XI вв. Вывод «полона» в древнерусской истории, как известно, был скорее правилом, чем исключением. Достаточно вспомнить неоднократные упоминания летописей о походах киевских князей на ятвягов, литву и пруссов в XI — начале XII вв. [412, с. 10-16]. Агрессия имела место и в отношении латгалов. Об этом говорит, в частности, существование в глубине латгальских земель русских крепостей Герсике и Кукейнос.

Зарождение феодального землевладения требовало рабочих рук. Экономически принудить к труду в пользу государства (и феодала) было проще бесправных людей (коими были плененные «инородцы»), а не местных относительно свободных общинников. Интересно, что сколь-нибудь заметные балтские элементы в культуре рядовых жителей Гомельского Поднепровья появляются только после включения земель радимичей и дреговичей в состав Киеворусского государства.

С присутствием в селах единичных выходцев из северных районов можно связать меридионально ориентированные погребения. В.В. Богомольников отмечал 8 таких захоронений на 6-ти памятниках земли радимичей, причем в Гомельском Поднепровье они есть только в 2-х курганах у д. Ботвиновка Чечерского р-на [13, с. 37]. Положения тел покойных на север или юг — финская традиция. Она распространена в Северной Руси в зоне финского и финно-славянского населения. В иных древнерусских регионах такие погребения единичны [12, с. 172-174, карта 28]. Обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Погребения финской традиции приурочены в основном к окраинам радимичской территории. В изучаемом регионе погребение с северной ориентировкой отмечено и в могильнике Гориводы под Речицей, то есть на «дреговичской» стороне Днепра [12, карта 28]. Инвентарь погребений с меридиональной ориентировкой не коррелируется с типичными для радимичей и дреговичей украшениями (только во Влазовичах на Брянщине при женском погребении были язычковые подвески, характерные для радимичского убора) [13, с. 37]. Правда, и типично финских предметов при них нет. Последнее

обстоятельство может подтверждать единичность случаев попадания финнов в сельскую среду Поднепровья.

С культурой Европейского Севера связаны единичные погребения, совершенные в сидячей позе. По происхождению обряд скандинавский. В XII-XIV вв. он получает распространение у славяно-финского населения Северной Руси. Русь была тесно связана с Северной Балтией в этнокультурном и экономическом отношениях. На радимичской территории сидячие погребения (подсчеты В.В. Седова и В.В. Богомольникова), обнаружены всего в пяти пунктах, в т.ч. в Гомельском Поднепровье — в Старограде [13, с. 37]. Почти все они приурочены к окраинам радимичской территории. Это обстоятельство может подтверждать факт чужеродности такой традиции.

Специфичная этнокультурная ситуация наблюдается на Моховском военизированном поселении и предполагаемых воинских заставах. Анализ проблемы выполнен выше. Здесь же можно ограничиться обобщением. Моховский комплекс находится на радимичско-дреговичском пограничье. Здесь размещалось поселение, заполненное выходцами из разных земель Руси и из-за ее пределов. Обряд погребения и вещевой инвентарь указывает на пребывание кривичей, балтов, финно-угров, возможно, скандинавов и пр. Некоторые особенности погребального обряда могильников, которые связаны с воинскими заставами (Колпень, Синск-Сенское, Микуличи, Холмечь и др.) также говорят о присутствии инородных по отношению к местным жителям компонентов. Обычно на этих памятниках отсутствуют этноопределяющие украшения радимичского и дреговичского типа.

Изучение памятников Гомельского Поднепровья X—XIII вв. дает свидетельства присутствия на землях радимичей и дреговичей групп населения, которые можно считать пришельцами Рядовая сельская среда, судя по погребальной обрядности, консервативная. Инородные элементы более всего представлены выходцами из балтских (латгало-литовских регионов), причем их количество в радимичской земле достаточно представительно. По материалам сельских могильников можно проследить и пребывание в Гомельском Поднепровье пришельцев из финских областей. Расселение балтов в крестьянской среде радимичей можно объяснить переселенческой (через пленение и др.) политикой великих киевских князей, финнов — теми же причинами или естественными миграциями небольших групп населения в условиях единой государственности.

В Нисимковичском грунтовом могильнике выявлено женское погребение XII-XIII вв. с проволочными височными кольцами, загнутыми в обратном направлении. Иных находок подобного рода в Гомельском Поднепровье нет [158, с. 139-146]. Прямые аналогии таким кольцам имеются в Галицко-Волынской земле и ближайших к ней регионах. И.П. Русанова отметила, что распространение таких украшений не соответствует ни одной этнографической группировке славян и охватывает частично земли хорватов, волынян и дреговичей. Она склонялась к мысли о том, что кольца этой разновидности были атрибутом убора зажиточных горожанок и центр их производства находился в Галицко-Волынском княжестве, откуда мода на них распространялась в сопредельные земли [413, с. 110]. Этнокультурные импульсы из Галицко-Волынской земли в XII-XIII вв. достигали и Гомельского Поднепровья.

Раскопки городов также свидетельствуют о присутствии в Гомельском Поднепровье выходцев из иных регионов. Находка железной тордированной гривны в Речице говорит о наличии скандинавского вектора этнокультурных контактов. Сокрывший гривну, мог быть шведом. норвежцем или датчанином. Он мог иметь и иное происхождение, но наверняка относился к интернациональной дружине викингов. В любом случае, воин, гривна которого оказалась в Речице, — носитель скандинавских культурных традиций.

Таким образом, в результате исследования поставленной выше проблемы можно сделать следующие выводы.

Гомельское Поднепровье в V—XIII вв. представляло органичную составляющую раннеславянского и восточнославянского мира. Его население сыграло свою историческую роль в становлении государственности на землях Беларуси. Изучение накопленных источников позволило по-новому осветить основные проявления региональной истории, связанной с аспектами социально-экономическими, этнокультурными и политическими.

При всей дискуссионности этнической атрибуции населения Гомельского Поднепровья V-VII вв. большая часть историко-археологических фактов указывает на славянскую принадлежность носителей колочинской культуры. Новые материалы показывают широкое распространение пражских (склавинских) групп населения. Открытие в регионе древностей круг:

Лука Райковецкая-Сахновка-Волынцево дает дополнительные свидетельства об этнокультурной ситуации в Верхнем Поднепровье и говорит о том, что в VIII-IX вв. основной этнической группой в регионе были восточные славяне. Данные археологии подтверждают и корректируют историографическую версию о приходе славян из Подунавья. Правильнее говорить о возвращении части славянства на историческую родину. Уход на Балканы имел место в V-VI вв., а исход — в конце VII в.

Уровень развития материальной, духовной культуры и социальная структура верхнеднепровских славян V-IX вв. соответствовали общеславянскому. В плане изучения язычества важным является открытие городищ-святилищ, которые имеют прямое типо-функциональное сходство с подобными памятниками славян от Новгорода Великого на севере до Прикарпатья на юго-западе. Сопоставление городища Колочин с аналогичными памятниками соседних регионов, иных материалов показывает, что местное раннеславянское общество не было единым в социальном и имущественном отношении. Оно состояло из рядовых общинников, воинства, жречества и вождей. Радимичи и дреговичи уже на заре своей истории создавали собственные политические образования, имевшие некоторые черты государственных (славинии, княжения).

Включение Гомельского Поднепровья в состав Руси и ее прямых наследников — Черниговского и Туровского княжеств — имело положительное значение. Раннегородские формы поселений становятся «настоящими» феодальными городами, центрами ремесла, торговли, духовной жизни и военно-политической власти. С уверенностью городами можно считать Гомель, Чечерск, Рогачев, Речицу, возможно, Стрешин. Города показывают наличие высокоразвитого ремесла, сложной историко-топографической структуры (детинец, окольный город, посады, пригородные села-слободы). Раскопки Гомеля и Речицы открыли следы усадебной застройки, показали членение усадеб по социально-имущественной принадлежности их владельцев. Находки указывают на высокий уровень развития церковной организации, духовной жизни, грамотности населения. Получены принципиально новые данные о характере массовой застройки и военно-оборонительном зодчестве.

Основным сектором средневековой экономики был аграрный, господствующим по численности сословием феодального общества — крестьянство. В Гомельском Поднепровье открыты и обследованы сотни памятников сельской культуры. Раскопки дали материал для характеристики экономического положения села, его социальной структуры. Интересно выявление поселения ремесленно-промыслового типа Нисимковичи II, кузнечная продукция которого соответствовала стандартам того времени. Не вызывает сомнений факт пребывания представителей военно-феодального сословия в селах. Наблюдения историко-демографического характера указывают на то, что древнерусская эпоха в Гомельском Поднепровье прошла под знаком постоянного роста населения при наличии тенденции к уменьшению размеров рядовых селищ и роста городов.

Раскопки феодальных замков демонстрируют богатую культуру Руси княжеско-боярского уровня, указывают на пути и темпы становления феодального землевладения в Гомельском Поднепровье. Исследования Мохова привели к открытию ранее неизвестной в Юго-Восточной Беларуси категории памятников, которая обычно именуется «открытыми торгово-ремесленными поселениями». Моховские курганы, наряду с ранними исследованиями иных памятников, указывают, что процесс становления государственности был долгим и противоречивым. Он сопровождался острыми социальными и межэтническими противостояниями. Для разрешения текущих вопросов киевские князья создавали на стратегических участках державы военные лагеря, призванные покорять и контролировать местное население. Одним из таких пунктов на ответственном участке пути «из варяг в греки» был Мохов. Населенный разноплеменным воинством, он активно функционировал в X — первой половине XI вв. Именно здесь (в отличие от памятников рядового населения) заметно проявляются чужеродные этнические элементы. Кроме военно-полицейской Мохов исполнял функции торгово-ремесленную, аграрную, административно-политическую.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новые археологические материалы вместе с современным подходом к накопленному блоку источников позволяют представить основные моменты социально-экономического и этнокультурного развития Гомельского Поднепровья в раннем и развитом средневековье. Формируется представление о том, что изучаемый регион органично входил в зону раннеславянского расселения. Колочинская культура должна рассматриваться в контексте славянской истории. И даже если ее носители могут интерпретироваться в качестве балтов или балто-славян, факт присутствия раннеславянских группировок на землях юго-востока Беларуси уже в V-VII вв. бесспорный. В последние годы здесь открыты памятники пражской культуры. Ее древности отождествляются с культурой славян, названных византийцами славянами (склавинами) в VI в.

Гомельское Поднепровье развивалось без отрыва от основных очагов раннего (конец VIII—IX вв.) государственного строительства на Руси, рожденных историей в Среднем (Киево-Черниговский) и Верхнем (Гнездово-Смоленский) Поднепровье, Белорусском Подвинье (Полоцко-Витебский), в Северной Руси (Ладожский и Великоновгородский), в Северо-Восточной Руси (Ярославский и Ростовский) и пр. Радимичско-дреговичские земли, изначально связанные с днепровским путем «из варяг в греки», стали объектом поэтапной феодализации, исходившей как с севера (Гнездово-Смоленский очаг), так и с юга (Киево-Черниговский очаг). Во второй половине X — начале XI вв. Гомельское Поднепровье по темпам развития феодальных отношений мало отличается от соседних регионов. Для этого периода археология конкретно показывает присутствие феодалов в глубинных лесных районах Посожья. Воины-дружинники оставляют свои следы на сельских поселениях и могильниках. В процессе государственного освоения земель радимичей и дреговичей ключевое значение имели военизированные многофункциональные поселения (ВМФП), организованные великокняжеской властью (Гнездово-Смоленск, Шестовица-Чернигов, Киев, Левенка-Мериновка-Стародуб) с целью окончательного подчинения местных «племен». В исследуемом регионе таким поселением выступает Моховское.

Карта распространения феодальных замков конца XI — первой половины XIII вв. показывает. что почти все они расположены по берегам Днепра с их повышенной концентрацией на пограничье земель-княжеств (Вищин, Збаров, возможно, Лучин на смоленско-черниговском или смоленско-черниговско-туровском пограничье). На остальной территории замки редки Картография замков выдает их принадлежность государственной (или домениальной) княжеской власти. Важнейшей функцией была военно-оборонительная, в ряде случаев — и таможенная. Замок был многофункциональным поселением. Он являлся экономическим центром «тянувшей» к нему небольшой сельской округи. Но экономическая функция замка, в отличие от города, явно была не на первом месте. Нет сомнения в том, что замки на определенных условиях (в качестве платы за военную службу и пр.) передавались князьями под управление бояр и оседавших на землю дружинников. По-видимому, местное боярство экономически и политически находилось в большой зависимости от государства и поэтому не имело возможности устраивать свои усадьбы только в относительно безопасных и богатых внутренних районах рассматриваемого региона.

Гомельское Поднепровье отличается высокой степенью поселенческой освоенности и постоянно возрастающей в IX — первой половине XIII вв. плотностью населения. Особенно выразительно эта картина прослеживается в Нижнем Посожье. Пик темпов внутренней колонизации приходится на конец X — начало XI вв. На протяжении IX — середины XIII вв. населенные пункты концентрируются в речных долинах, не выходят на водоразделы. Наименее заселены районы с преобладанием бедных почв. Базовыми элементами древнерусской системы расселения в регионе выступают селища с могильниками, поселенческими единицами более высоких рангов — общинные и «племенные» центры (до конца XI — начала XII вв.). Во главе иерархии населенных пунктов Нижнего Посожья находится Гомель. Поселенческие единицы разных уровней отличаются размерами, внутренней структурой и набором выполняемых функций. Система расселения «племенного» периода продолжает сохраняться на киеворусском этапе, ее первые деструктивные изменения приходятся на XII в., что было связано с христианизацией и феодализацией местного населения, завершением «огосударствливания» бывших «племенных» территорий радимичей и дреговичей, активным формированием феодальных светских и церковных вотчин. Города Гомельского Поднепровья демонстрируют те же пути развития, что и города иных восточнославянских земель. Гомий и Чичерск вырастают из «племенных» центров

радимичей. Рогачев и, возможно Стрешин, возникают во второй половине или конце XI в. В основе этих городов — небольшие феодальные усадьбы. Речица могла быть основана княжеской властью в качестве города в середине XII в. на месте ранних поселений, конкретная связь с которыми пока не прослежена. Расцвет всех изученных городов Гомельского Поднепровья приходится на вторую половину XII — начало XIII вв.

Гомий относится к числу самых ранних городов региона. Анализ его остатков и карты окружающих памятников приводит к следующим выводам. Сложение древнерусского города и оформление «тянувшей» к нему округи-волости — единый, синхронный в основных проявлениях процесс. Начало формирования прото-Гомия как центра крупной поселенческой территориальной структуры восходит к VI—VII вв. Во второй половине I тыс. н. э. прото-Гомий выполняет функции «града» — административно-политического центра обширной округи. Становление его в качестве раннефеодального города не было одноактным процессом и заняло продолжительный период.

Открытие в Гомеле оружейной мастерской начала XIII в. позволяет пересмотреть традиционные представления об уровне развития древнерусского оружейного дела и роли в этом процессе «малых» городов. Находка мастерской демонстрирует высокий уровень специализации не только ремесла в целом, но и оружейного в частности. Гомельские материалы красноречиво показывают: восточнославянские воины начала XIII в. были вооружены и защищены по последнему слову тогдашней военной техники евразийского масштаба. Новые материалы раскрывают «синкретичный» характер местного оружия (соответственно, и навыков его применения), выросший из синтеза местной славянской, западной (европейской), восточной (кочевнической) традиций, что было закономерно обусловлено геополитическим положением Гомельского Поднепровья в контексте военно-политической истории центральных районов Евразийского региона. Потребность в оружии на Руси удовлетворялась на внутреннем рынке. Напрашивается вывод (едва ли Гомель был в этом плане чем-то особенным), что производство оружия сосредотачивалось не только в крупнейших, «стольных» центрах, но и в относительно небольших городах Древней Руси. Становится очевидным, что экономика «малых» городов (в нашем случае — Черниговского княжества), реализовывавшая в XII — начале XIII вв. потребности вновь возникающих уделов, настолько окрепла в предмонгольское время, что и здесь получают развитие даже самые сложные направления оружейного ремесла. Гомий демонстрирует ярчайший пример «экономического» отрыва периферии от метрополии (т.е. от Чернигова), связанный с углублением процесса феодальной раздробленности. Открытия в Гомеле говорят: «малый» древнерусский город чутко реагировал на военные изобретения своего времени, быстро воспринимал оружейные новинки не только древнерусского, но и международного масштаба, а в ряде случаев и сам являлся очагом создания новых образцов военной техники.

Гомельское Поднепровье подверглось катастрофическому разорению в середине XIII в., связанному с походами монголов и, возможно в какой-то степени, литовцев. Материалы раскопок Гомия впервые показали тотальный разгром средневекового города, осуществленный монголами около 1239 г. Изучение динамики развития сельского расселения Нижнего Посожья демонстрирует серьезные деструктивные изменения поселенческой структуры и численности населения в середине XIII в. Впрочем, некоторые регионы Гомельского Поднепровья могли оказаться не затронутыми напрямую военными действиями. Так, исследования широкой площадью Речицкого окольного города не выявляют следов разгрома и не говорят даже о временном замирании здесь городской жизни. Расцвет этого города продолжается и во второй половине XIII—XIV вв. Таким образом, при общих закономерностях развития, исторические судьбы городов изучаемого региона и «тянувших» к ним округ имели свои особенности.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

(справочное)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 Физическая карта Белорусской ССР. - Минск: Народная асвета, 1975. - 1 л.

2 Повесть временных лет / под ред. В. П. Андриановой-Перетц. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - Ч. I. - 406 с.

3 Полное собрание русских летописей / М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. - Т. II. - 938 стб.

4 Багрянородный, К. Сочинения «о фемах» и «о народах» / К. Багрянородный. - СПб., 1899.

5 Полное собрание русских летописей / под ред. Е. Ф. Карского. Воспроизвед. текста изд. 1926-1928 гг. - М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. - Т. I. - 578 с.

6 Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - 640 с.

7 История на България. В два тома,- София: Наука и изкуство, 1954. - Т. I. - 560 с.

8 Лысенко, П. Ф. Дреговичи / П. Ф. Лысенко; под ред. В. В. Седова. - Минск: Навука тэхніка, 1991. - 244 с.

9 Рыбакоў, Б. А. Радзімічы / Б. А. Рыбакоў // Працы сэкцыі археолегіі. - Менск, 1932. - Т. III. - С. 81-153.

10 Успенская, А. В. Курганы Южной Белоруссии X-XIII вв. / А. В. Успенская // Тр. ГИМ. - М.: Госкультпросветиздат, 1953. - Вып. 22. - С. 97-124.

11 Соловьева, Г. Ф. Погребальные обряды / Г. Ф. Соловьева // Древности железного века в междуречье Десны и Днепра / САИ. - М.: Наука, 1962. - Вып. Д—12. - С. 50-73.

12 Седов, В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. Археология СССР / В. В. Седов // М.: Наука, 1982. - 328 с.

13 Богомольников, В. В. Радимичи (по материалам курганов X-XII вв.) / В. В. Богомольников; под ред. О. А. Макушникова. - Гомель: Изд-во ГГУ им. Ф. Скорины, 2004. - 226 с.

14 Антонович, В. Б. Погребальный тип могил радимичей / В. Б. Антонович // Археологические известия и заметки. - Киев, 1893. - С. 316-318.

15 Антонович, В. Б. О раскопках в бывшей земле радимичей / В.Б. Антонович // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. - Киев, 1894. - Кн. VIII. - С. 14-15.

16 Фурсов, М. В. Дневник курганных раскопок, произведенных по поручению начальника Могилевской губ. А. С. Дембовецкого в течение лета 1892 г. в уездах Рогачевском, Быховском, Климовичском, Чериковском, Мстиславском / М. В. Фурсов, С. Ю. Чоловский. - Могилев, 1892. - 92 с.

17 Романов, Е. Р. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 году / Е. Р. Романов // Древности. Тр. Московского Археологического общества. - М., 1889.-Т. 13.-Вып. 1. - С. 127-153

18 Романов, Е. Р. Старина доисторическая Северо-Западного края / Е. Р. Романов // Виленский календарь на 1908 г. - Вильна, 1908 - С. 65-110.

19 Романов, Е. Р. Археологические разведки в Могилевской губернии / Е. Р. Романов Записки Северо-западного отдела Императорского Русского археологического общества. - Вильна, 1912. - Кн. 3. - С. 33-63.

20 Завитневич, В. 3. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье / В. 3. Завитневич // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. - Киев, 1892. - Кн. VI. - С. 11-74.

21 Романов, Е. Р. Археологический очерк Гомельского уезда / Е. Р. Романов // Записки Северо-западного отдела Императорского Русского археологического общества. - Вильна, 1910. - Кн. 1. - 33 с. (отд. оттиск)

22 Спицын, А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным А. А. Спицын // Журнал Министерства народного просвещения. - 1899. - Август. - Т. 8 - С. 301-340.

23 Ляўданскі, А. Н. Кароткае паведамленне аб досьледах культур эпохі жалеза у БССР у 1930-31 гг. / А. Н. Ляўданскі // Працы сэкцыі археолегіі. - Менск, 1932. - Т. III. - С. 230-235.

24 Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII— XIII вв. / Б. А. Рыбаков. - М.: Наука, 1982. - 592 с.

25 Рыбаков, Б. А. Нестор о славянских обычаях / Б. А. Рыбаков // МИА. - М.: Наука, 1970. - № 176. - С. 40-44.

26 Соловьева, Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII-XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне) / Г. Ф. Соловьева // СА. - 1956. - № XXV. - С. 138-170.

27 Соловьева, Г. Ф. О восточной границе дреговичей / Г. Ф. Соловьева // КСИА. - 1967. - Вып. 110. - С. 10-13.

28 Соловьева, Г. Ф. К вопросу о приходе радимичей на Русь / Г. Ф. Соловьева // Славяне и Русь; под. ред. Б. А. Рыбакова. - М.: Наука, 1968. - С. 353-356.

29 Загорульский, Э. М. Вищинский замок XII-XIII вв. / Э. М. Загорульский. - Минск: БГУ, 2004. - 159 с.

30 Загорульский, Э. М. Раскопки в Рогачеве / Э. М. Загорульский // АО 1973 года; под ред. Б. А. Рыбакова. - М.: Наука, 1974. - С. 371-372.

31 Плавинский, А. Н. Курганный могильник у д. Колосы / А. Н. Плавинский // Древности Литвы и Белоруссии; редкол.: Л. Д. Поболь [и др.]. - Вильнюс: Мокслас, 1988. - С. 110-114.

32 Багамольнікаў, У. У. Пахавальны абрад радзімічаў / У. У. Багамольнікаў // Весці АН БССР. Сер. грамадск. навук. - 1977. - № 1. - С. 88-96.

33 Багамольнікаў, У. У. Радзіміцкія скроневыя кольцы / У. У. Багамольнікаў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. - 1977. - № 4. - С. 17-20.

34 Багамольнікаў, У. У. Асноўныя вынікі вывучэння радзіміцкіх курганоў / У. У. Багамольнікаў // Весці АН БССР. Сер. грамадск. навук. - 1979. - № 3. - С. 66-72.

35 Ткачев, М. А. Работы в Белорусском Посожье / М. А. Ткачев. - АО 1975 года. М.: Наука, 1976.-С. 427-428.

36 Метельский, А. А. Города Белорусского Посожья в X-XIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 06 / А. А. Метельский; ИИ АН Беларуси. - Минск, 1992. - 26 с.

37 Козаков, А. Л. Формування посадів міст Чернігово-Сіверської землі: автореф. дис. ... канд. історичн. наук: 07. 00. 06 / А. Л. Козаков; ІА НАН Україні. - Київ, 1992. - 20 с.

38 Недошивина, Н. Г. К вопросу о связях радимичей и вятичей / Н. Г. Недошивина // Тр. ГИМ. - М.: Советская Россия, 1960. - Вып. 37. - С. 141-148.

39 Милонов, Н. П. Новые данные о вятичах и радимичах / Н. П. Милонов, В. П. Фролов // Учен. записки Рязанского педагог. ин-та. - 1965. - Т. 36. - С. 130-135.

40 Седов, В. В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси / В. В. Седов // СА. - 1961. - № 2. - С. 103-121.

41 Седов, В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья / В. В. Седов // МИА. - М.: Наука, 1970.-№ 163.-200 с.

42 Лысенко, П. Ф. Радимичи / П. Ф.Лысенко, В. Р.Тарасенко // Очерки по археологии Белоруссии: в 2 ч. / редкол.: Г. В. Штыхов [и др.]. - Минск: Наука и техника, 1972. - Ч. II. - С. 36-42.

43 Штыхов, Г. В. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма / Г. В. Штыхов; под ред. Ф. В. Борисевича. - Минск: Полымя, 1971. - Вып. 2. - 276 с.

44 Поболь, Л. Д. Археологические памятники Белоруссии: Железный век / Л. Д. Поболь; под ред. М. А. Ткачева. - Минск: Наука и техника, 1983. - 456 с.

45 Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / АН БССР. Ін-т мастацтвазнаўства і фальклору. Белар. савецк. энцыкл.; пад рэд. С. В. Марцалева (гал. рэд.) [і інш.]. - Мінск: БелСЭ імя П. Броўкі, 1985. - 384 с.

46 Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя / Беларуская энцыкл. імя П. Броўкі; рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. - Мінск: БелЭн, 1993. - 702 с.

47 Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. В. Біч [і інш.]. - Мінск : БелЭн., 1993-2003.

48 Археалогія Беларусі: у 4 т. / рэдкал.: А. А. Егарэйчанка [і інш.]. - Мінск: Беларуская навука, 1999. - Т.2. - 502 с

49 Археалогія Беларусі: у 4 т. / пад. рэд. П. Ф. Лысенкі. - Мінск: Беларуская навука, 2000. - Т.3. - 554 с.

50 Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. - Мінск: Экаперспектыва, 2000-2005. - Т. 1: Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. - 2000. - 351 с.

51 Мяцельскі, А. Землі Пасожжа ў XI-XIII стст. / А. Мяцельскі // Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. - Мінск: Экаперспектыва, 2000. - Т. 1. — С. 201-210.

52 Кошман, В. І. Паселішчы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра ў X—XIII стст. / В. І. Кошман. - Мінск: Беларус. навука, 2008. - 281 с.

53 Соловьева, Г. Ф. О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья / Г. Ф.Соловьева // СА. - 1971. - №2. - С. 124-132.

54 Седов, В. В. К происхождению белорусов / В. В. Седов // СЭ. - 1967. - № 2. - С. 112-129.

55 Седов, В. В. Еще раз о происхождении белорусов / В. В. Седов // СЭ. - 1969. - № 1. - С. 105-120.

56 Третьяков, П. Н. Восточные славяне и балтийский субстрат / П. Н. Третьяков - СЭ. - 1967. - № 4. - С. 110-118.

57 Жучкевич, В. А. К вопросу о балтском субстрате в этногенезе белорусов / В. А. Жучкевич // СЭ. - 1968. - № 1. - С. 107-113.

58 Гринблат, М. Я. К происхождению белорусской народности / М. Я. Гринблат // СЭ. - 1968. - № 5. - С. 79-92.

59 Пьянков, А. П. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси / А. П. Пьянков. - Минск: Изд-во БГУ, 1980. - 208 с.

60 Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье / ИИМК РАН; редкол.: В. М. Горюнова [и др.]. - СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. - 288 с.

61 Левко, О. Н. Новейшая историография и место памятников Белорусского Поднепровья и Подвинья в проблеме ранних славян Восточной Европы / О. Н. Левко // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья / МАБ. Научн. изд. / ИИ НАН Беларуси. - Минск, 2003. - Вып. 8. - С. 280-291.

62 Лявданский, А. Н., Коваленя, А. Д. Материалы по обследованию р. Сож в 1936 г.: Дневник // Архив ИИ НАН Беларуси. - Д. 457.

63 Поболь, Л. Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры) / Л. Д. Поболь; под ред. Ю. В. Кухаренко. - Минск: Наука и техника, 1971. - 232 с.

64 Поболь, Л. Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры - с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э.) / Л. Д. Поболь. - Минск: Наука и техника, 1974. - 424 с.

65 Поболь, Л. Д. Древности Белоруссии в музеях Польши / Л. Д. Поболь. - Минск: Наука и техника, 1979. - 208 с.

66 Соловьева, Г. Ф. Славянские курганы близ села Демьянки / Г. Ф. Соловьева // СА. - 1967. - № 1 - С. 187-198.

67 Сымонович, Э. А. Городище Колочин I на Гомельщине / Э. А. Сымонович // Славяне накануне образования Киевской Руси / МИА. - М.: Наука, 1963. - Вып. 108. - С. 95-137.

68 Третьяков, П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге / П. Н. Третьяков. - М.; Л.: Наука, 1966. - 308 с.

69 Третьяков, П. Н. По следам древних славянских племен / П. Н. Третьяков; под ред. Б. А. Рыбакова. - Л.: Наука, 1982. - 144 с.

70 Вяргей, В. С. Помнікі тыпу Прагі - Карчак і Лукі - Райкавецкай / В. С. Вяргей // Археалогія Беларусі: у 4 т. / пад рэд. В. І. Шадыры [і інш.]. - Мінск: Бел. навука, 1999. - Т. 2. - С. 317-348.

71 Гавритухин, И. О. Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья (тезисы к концепции славянского этногенеза) / И. О. Гавритухин, Н. В. Лопатин, А. М. Обломский // Славянский мир Полесья в древности и средневековье: мат-лы Междунар. ист.-археол. конф., Гомель, 19-20 октября 2004 г. / Гомельский облисполком и др.; редкол.: О. А. Макушников [и др.]. - Гомель, 2004. - С. 39-50.

72 Горюнов, Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья / Е. А. Горюнов; под ред. А. Н. Кирпичникова. - Л.: Наука, 1981. - 134 с.

73 Горюнов, Е. А. Могильники колочинской культуры / Е. А. Горюнов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. - СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. - С. 10-17.

74 Макушнікаў, А. А. Калочынская культура / А. А. Макушнікаў // Археалогія Беларусі: у 4 т.; пад рэд. В. І. Шадыры [і інш.]. - Мінск: Беларуская навука, 1999. - Т. 2. - С 348-359.

75 Перхавко, В. Б. Раннесредневековые древности междуречья Днепра и Немана V—VIII вв.: автореф. дис. ... канд. история, наук: 07. 00. 06 / В. Б. Перхавко; ИА АН СССР. - М., 1978. - 22 с.

76 Русанова, И. П. Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом / И. П. Русанова // САИ. - М.: Наука, 1973. - Вып. Е 1-25. - 100 с.

77 Русанова, И. П. Славянские древности VI—VII вв. (культура пражского типа) / И. П. Русанова; под ред. А. К. Амброза. - М: Наука, 1976. - 216 с.

78 Макушников, О. А. Нижнее Посожье во второй половине I тыс. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 06 / О. А. Макушников; Ин-т археологии АН УССР. - Киев, 1987. - 20 с.

79 Куза, А. В. Языческое святилище в земле радимичей / А. В. Куза, Г. Ф. Соловьева. - СА. - 1972. - № 1. - с. 146-153.

80 Макушнікаў, А. А. Паходжанне Гомеля (па матэрыялах археалагічных даследавнняў) / А. А. Макушнікаў // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. - 1989. - № 6. - С. 64-72.

81 Макушников, О. А. О некоторых культовых памятниках земли радимичей / О. А. Макушников // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Мат-ли історико-археологічн. семінару, присвяченого 150-річчю від дня народження Д. Я. Самоквасова, Новгород-Сіверський, 14-16 вересня 1993 р. / редкол.: П. П. Толочко (відп. ред.) [та ін.]. - Чернігів: Сіверянська думка, 1993. - С 63-66.

82 Макушников, О. А. Стратиграфия раскопа 1988 г. на Гомельском детинце и некоторые вопросы истории летописного Гомеля / О. А. Макушников // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ АН Беларусі. - Мінск, 1994. - Вып. 3. - С. 161-189.

83 Макушников, О. А. Поселение второй половины I тыс. н. э. близ д. Носовичи в Нижнем Посожье / О. А. Макушников // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ АН Беларусі. - Мінск, 1994. - Вып. 5. - С. 227-237.

84 Дробушевский, А. И. Охранные исследования на поселении у д. Проскурни (Проскурни-II) в Гомельском Поднепровье / А. И. Дробушевский // МАБ. Навук. выд. Археалогія эпохі сярэднявякоўя. Да 75-годдзя з дня нараджэння П. Ф. Лысенкі. - Мінск, 2006. - Вып. 12. - С. 18-32.

85 Расадзін, С. Я. Гарадзішча-сховішча Залатаміно ў Беларускім Пасожжы / С. Я. Расадзін // Весці АН БССР. Сер. грамадск. навук. - 1985. - № 2. - С. 75-79.

86 Терпиловский, Р. В. Ранние славяне Подесенья III—V вв. н. э. / Р. В. Терпиловский. - Киев: Наукова думка, 1984. - 123 с.

87 Баран, В. Д. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселений у с. Рашков) / В. Д. Баран. - Киев: Наукова думка, 1988. - 160 с.

88 Рябцевич, В. Н. Раскопки могильника у д. Колосы / В. Н. Рябцевич // АО 1982 года; под ред. Б. А. Рыбакова. - М.: Наука, 1984. - С. 369.

89 Богомольников, В. В. Работы в Жлобинском районе / В. В.Богомольников // АО 1974 г. / под ред. Б. А. Рыбакова. - М.: Наука, 1975. - С. 382.

90 Макушников, О. А. Раннесредневековая керамика городища Колочин I на Гомельщине / О. А. Макушников // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья: МАБ. Навук. выд. / ИГ НАН Беларусі. - Мінск, 2003. - Вып. 8. - С. 217-233.

91 Макушнікаў, А. А. Кераміка паўднёвай часткі Дняпроўска-Сожскага міжрэчча V-VII (VIII) стст. н. э. / А. А. Макушнікаў // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. - 1985. - № 6. - С. 91-98.

92 Рябинин, Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973-1975 гг.) / Е. А. Рябинин // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / отв. ред. В. В. Седов. - Л.: Наука, 1985. - С. 27-75.

93 Ляпушкин, И. И. Городище Новотроицкое: о культуре восточных славян в период сложения Киевского государства / И.И.Ляпушкин // МИА; отв. ред. М. И. Артамонов. - М.: Изд-во АН СССР, 1958. - № 74 - 236 с.

94 Рыбаков, Б. А. Ремесло Древней Руси / Б. А. Рыбаков. - М.: Госиздат, 1948. - 792 с.

95 Дробушевский, А. И. Уваровичское рало / А. И. Дробушевский // ГАЗ. Навук. выд. // ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 1996. - Вып. 10. - С. 5-7.

96 Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. / отв. ред. В. Д. Баран. - Киев: Наукова думка, 1985. - 184 с.

97 Гавритухин, И. О. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Ин-т археологии РАН и др. / И. О. Гавритухин, А. М. Обломский; под ред. Г. Е. Афанасьева. - М.. 1996. - 298 с.

98 Сымонович, Э. А. Поселение эпохи Киевской Руси в с. Чаплин в Южной Белоруссии Э. А. Сымонович // СА. - 1961. - № 2. - С. 200-209.

99 Макушнікаў, А. А. Могільнік Нісімкавічы I каля Чачэрска (Археалагічны каментарый да летапісных звестак пра пахавальныя абрады радзімічаў) / А. А. Макушнікаў // З глыбі вякоў Наш край: гістарычна-культуралаг. зб. / навук. рэд. А. К. Краўцэвіч. - Мінск: Навука і тэхніка. 1996. - Вып. 1. - С. 168-187.

100 Макушнікаў, А. А. Бытавая кераміка Чачэрска (па матэрыялах раскопак 1981-1982 гг.) А. А. Макушнікаў, Н. І. Здановіч // Весці АН БССР. Сер. грамадск. навук. - 1985. - № 1. - С. 67-73.

101 Макушников, О. А. Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XIII в. / О. А. Макушников // Проблемы археологии Южной Руси: мат-лы ист.-археол. семинара «Чернигов и его округа в IX-XШ вв.», Чернигов, 26-28 сентября 1988 г. / АН УССР, Ин-т археологии и др.; редкол.: П. П. Толочко (отв. ред.) [и др.]. - Киев: Наукова думка, 1990. - С. 56-62.

102 Макушников, О. А. Восточнославянский горизонт селища Нисимковичи II в Посожье О. А. Макушников // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі, 2002. - Вып. 17. - С. 165-174.

103 Шиманьски, В. Сосуществование различных традиций славянского домостроительства VII—VIII вв. на примере поселения в Вышогруде Плоцкого воеводства / В. Шиманьски / Гр. V Междунар. конгр. археологов-славистов, Киев, 18-25 сент. 1985 г. / Междунар. уния слават. археологии и др.; редкол.: Б. А. Рыбаков (гл. ред.) [и др.]. - Киев: Наукова думка, 1988. - Т. 2. - С. 169-173.

104 Рыер, Я. Р. Вясковае паселішча ў г. Чавусы / Я. Р. Рыер // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ АН Беларусі. - Мінск, 1994. - Вып. 3. - С. 202-223.

105 Седов, В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII-XV вв.) / В. В. Седов // МИА. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - Вып. 92. - 158 с.

106 Котляревский, А. К. О погребальных обычаях языческих славян / А. К. Котляревский. - М., 1868. - 288 с.

107 Невская, Л. Г. Балто-славянское причитание: Реконструкция семантической структуры / Л. Г. Невская // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. - М.: Наука, 1990. - С. 135-146.

108 Седакова, О. А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) / О. А. Седакова // Исследования в области балто-славянской культуры: Погребальный обряд. - М.: Наука, 1990. - С. 54-63.

109 Седов, В. В. Погребальный обряд славян в начале средневековья / В. В. Седов // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. - М.: Наука. 1990. - С. 170-182.

110 Краснов, Ю. А. Рало из Бреста / Ю. А. Краснов // КСИА. - Вып. 190. - 1987. - С. 19-25.

111 Турин, М. Ф. Древнее железо Белорусского Поднепровья (I тысячелетие н. э.) М. Ф. Турин. - Минск: Наука и техника, 1982. - 126 с.

112 Вознесенская, Г. А. Технология кузнечного производства на древнерусском поселении Автуничи / Г. А. Вознесенская // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі: Мат-ли Міжнародн. наук. конф., присвяченої 900-літтю з'їзду князів Київської Русі у Любечі / Укр. Нац. комітет Міжнародн. уніі слов'янської археологіі та ін. - Чернігів: Сіверянська думка, 1997. - С. 77-83.

113 Килиевич, С. Р. Новое о ювелирном ремесле Киева X в. / С. Р. Килиевич, Р. С. Орлов // Археологические исследования Киева 1978-1983 гг.; под ред. П. П. Толочко. - Киев: Наукова думка, 1985. - С. 61-76.

114 Александровіч, Н. У радзіміцкім кургане / Н. Александровіч, У. Багамольнікаў. А. Макушнікаў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. - 1986. - № 2. - С. 16-17.

115 Плетнева, С. А. О домашних оберегах в Саркеле - Белой Веже / С. А. Плетнева / РА. - 1994. - № 1 - С. 166-172.

116 Даркевич, В. П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси / В. П. Даркевич // СА. - 1960. - № 4. - С. 56-67.

117 Богомольников, В. В. Археологические памятники Гомельщины: (по материалам раскопок близ д. Нисимковичи) / В. В. Богомольников, О. А. Макушников. - Минск: Полымя, 1988. - 20 с.

118 Риер, Я. Г. Характер размещения сельского населения в Могилевском Поднепровье в X-XIII вв. / Я. Г. Риер // СА. - 1982. - № 4. - С. 107-118.

119 Риер, Я. Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века (по археологическим данным) / Я. Г. Риер. - Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2000. - 264 с.

120 Рыер, Я. Г. Развіцце сярэдневяковай вескі на тэрыторыі Беларусі і ў суседніх землях / Я. Г. Рыер // Вучэбны дапам. - Магілеў: Магілеўскі педінстытут імя А. А. Куляшова, 1990. - 72 с.

121 Макушников, О. А. Исследования 1989 г. на южной окраине летописного Гомия / О. А. Макушников // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ АН Беларусі. - Мінск, 1996. - Вып. 8. - С. 163-188.

122 Макушников, О. А. Особенности системы расселения IX - середины XIII вв. на юге радимичского Посожья / О. А. Макушников // Гісторыя Беларусі: жалезны век і сярэднявечча. Да 70-годдзя з дня нараджэння Г. В. Штыхава / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 1993. - С. 46-49.

123 Макушников, О. А. О системе расселения IX - середины XIII вв. в южных районах земли радимичей / О. А. Макушников // Деснинские древности. Сб. мат-лов межгосударств. научн. конф, посвящен. памяти Ф. М. Заверняева; под ред. Е. И. Прокофьева. - Брянск: Брянск. обл. типогр., 2002. - Вып. II. - С. 105-109.

124 Куза, А. В. Древнерусские поселения / А. В. Куза, Б. А. Рыбаков // Древняя Русь. Город, замок, село / под ред. Б. А. Колчина. - М.: Наука, 1985. - С. 39-135.

125 Битов, М. В. О классификации поселений / М. В. Битов. - СЭ. - 1953. - № 3. - С. 27-37.

126 Веремейчик, О. М. Топографія і площа селищ IX - першої половини XIII ст. межиріччя нижньої течії Десни і Дніпра / О. М. Веремейчик // Археологічні старожитності Подесення: мат-ли історико-археологічного семінару, присвяченого 70-риччю від народження Г. О. Кузнецова, Чернігів-Славутич, 22-23 вересня 1995 р. / ИА АН Украіни; редкол.: О. П. Моця (відп. ред.) [та ін.]. - Чернігів: Сіверянська думка, 1995. - С 25-30.

127 Синицын, В. М. Введение в палеоклиматологию / В. М. Синицын. - М.: Высш. школа, 1967. - 176 с.

128 Борисенков, Е. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы / Е. М. Борисенков, В. М. Пасецкий. - М.: Мысль, 1988. - 522 с.

129 Никольская, Т. Н. Земля вятичей: к истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. / Т. Н. Никольская; под ред. В. В. Седова. - М.: Наука, 1981. - 296 с.

130 Шинаков, Е. А. Стародуб и его округа в конце X-XII вв. / Е. А. Шинаков, Н. Е. Ющенко // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я.Самоквасова: мат-ли історико-археологічн. семінару, присвяч. 150-річчю від дня народж. Д. Я. Самоквасова / Ін-т археології АН Украіни та ін.; редкол.: П. П. Толочка (відп. ред.) [та ін.]. - Чернігів: Сіверянська думка, 1993. - С 57-61.

131 Риер, Я. Г. Феодальное поселение X-XVI вв. у г. Чаусы в Могилевском Поднепровье / Я. Г. Риер. - Вопросы истории. Межвед. сб. История СССР и БССР. Древний мир и средние века // редкол.: В. М. Фомин (гл. ред.) [и др.]. - Минск: Изд-во БГУ, 1981. - Вып. 8. - С. 13-19.

132 Успенская, А. В. Поселения Древней Руси / А. В. Успенская, М. В. Фехнер // Тр. ГИМ. - М.: Гос. изд-во культпросвет лит-ры, 1956. - Вып. 32. - С. 7-18.

133 Алексеев, Л. В. Полоцкая земля: Очерк истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв. / Л. В. Алексеев. - М.: Наука, 1966. - 295 с.

134 Алексеев, Л. В. Смоленская земля в IX-XIII вв.: Очерк истории Смоленщины и Восточной Белоруссии / Л. В. Алексеев; под ред. Я. Н. Щапова. - М.: Наука, 1980. - 261 с.

135 Тимощук, Б. А. Восточнославянская община VI-X вв. н. э. / Б. А. Тимощук. - М.: Наука, 1990. - 184 с.

136 Юшко, А. А. Московская земля IX-XIV веков / А. А. Юшко; под ред. Т. Н. Никольской. - М.: Наука, 1991. - 200 с.

137 Шекун, А. В. Селища IX-XIV вв. в междуречье низовий Днепра и Десны / А. В. Шекун, Е. М. Веремейчик // Чернигов и его округа в IX—XIII вв.; редкол.: П. П. Толочко (отв. ред.) [и др.]. - Киев: Наукова думка, 1988. - С. 93-110.

138 Веремейчик, О. М. Сільські поселення IX - першої половини XIII ст.. в межиріччі ніжньої течії Десни і Дніпра: автореф. дис… канд.історичн. наук: 07.00.06 / О. М. Веремейчик; ІА АН Украіни. - Київ, 1994. - 17 с.

139 Томашевський, А. П. Природно-господарьский аспект заселения бассейну р. Тетерiє у середньовiчнi часи / А. П. Томашевський // Археологiя. - 1992. - № 3. - С. 46-59.

140 Томашевський, А. П. Населення Схiдної Волинi V—XIII ст. н. е. (система заселення. екологiя, господарство): автореф. дис. ...канд. iсторичн. наук: 07.00.06 / А. П. Томашевський: IA АН Украйнi. - Киïв, 1993. - 18 с.

141 Приймак, В. В. Про територiальну структуру давннього руських пам'яток мiжрiччя середньой Ворскли XII - середини XIII ст. / В. В. Приймак // Проблеми вивчення середньовiчного села на Полiссi. - Чернiгiв, 1992. - С. 66-68.

142 Шинаков, Е. А. О характере размещения населения на пограничье степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху (по материалам Левобережья Днепра) / Е. А. Шинаков // ГАЗ. Навук. выд. / IГ АН Беларусi. - Мiнск, 1996. - Вып. 8. - С. 236-256.

143 Шинаков, Е. А. Русско-радимичское пограничье середины X - середины XII вв.: природно-географический аспект / Е. А. Шинаков, В. Н. Гурьянов // ГАЗ. Навук. выд. / IГ АН Беларусi. - Мiнск, 1994. - Вып. 3. - С. 248-273.

144 Кошман, В. I. Сельскiя паселiшчы мiжрэчча Бярэзiны i Дняпра ў X—XIII стст. аўтарэф. дыс. ... канд. гiст. навук: 07. 00. 06 / В. I. Кошман; IГ НАН Беларусi. - Мiнск, 2003. - 20 с.

145 Сытый, Ю. Н. К изучению сельских поселений Задесенья / Ю. Н. Сытый // Проблемы археологии Сумщины. Тез. докл. обл. научно-практич. конф. Апрель 1989 г. / Управление культуры Сумского облисполкома. - Сумы, 1990. - С. 93-94.

146 Приймак, В. В. Археологiчнi данi про включення територiї межирiччя середньої Десни и середньої Ворскли до Киïвської держави / В. В. Приймак // Слов'яни i Русь у науковiй спадщинi Д. Я. Самоквасова. - Чернiгiв, 1993. - С 96-98.

147 Свердлов, М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси М. Б. Свердлов; под ред. И. П. Шаскольского. -Л.: Наука, 1983. -238 с.

148 Макушнiкаў, А. А. Бiтва 984 г. на рацэ Пяшчане i летапiсны шлях «ў радзiмiчы» А. А. Макушнiкаў // ГАЗ. Навук. выд. / IГ НАН Беларусi. - Мiнск, 1995. - № 6 - С. 202-213.

149 Макушников, О. А. О локализации летописной реки Песчаны и путь «в радимичи» О. А. Макушников // Слов'яно-руськi старожитностi Пiвнiчного Лiвобережжя: мат-ли iсторико-археологiчн. семiнару, присвяч. 60-рiччю вiд дня народж. О. В. Шекуна / Iн-т археологii НАН Украiни та iн.; редкол.: О. П. Моця (вiдп. ред.) [та iн.]. - Чернiгiв: Сiверянська думка, 1995. - С. 52-56.

150 Макушников, О. А. В поисках древнего Гомия / О. А. Макушников. - Гомель: Бел. Агентство научно-технич. и деловой информации, 1994. - 65 с.

151 Тимофеев, Е. И. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X-XIII вв. / Е. И. Тимофеев / СА. - 1961. - № 3. - С. 56-73.

152 Соловьева, Г. Ф. Семилучевые височные кольца / Г. Ф. Соловьева // Древняя Русь и славяне; отв. ред. Т. В. Николаева. - М.: Наука, 1978. - с. 171-178.

153 Шинаков, Е. А. Классификация и культурная атрибуция семилучевых височных колец / Е. А. Шинаков // СА. - 1980. - № 3. - С. 110-127.

154 Моця, О. П. Населення Пiвденно-руськiх земель IX—XIII ст. (за матерiалами некрополiв) / О. П. Моця; пiд ред. М. П. Кучерi. - Киïв: IA АН Украïни, 1993. - 160 с.

155 Шинаков, Е. А. К вопросу о радимичско-северянском пограничье / Е. А. Шинаков Первая Гомельская обл. науч. конф. по историч. краеведению: тез. докл., Гомель, февраль 1989 г. - Гомель, 1989. - С. 84-86.

156 Седова, М. В. Ювелирные изделия Новгорода Великого (X-XV вв.) / М. В. Седова. под ред. Б. А. Колчина. - М.: Наука, 1981. - 194 с.

157 Левко, О. Н. Средневековая Орша и ее округа (Историко-археологический очерк) О. Н. Левко. - Орша, 1993. - 51 с.

158 Макушников, О. А. Средневековое поселение и могильник Нисимковичи I в Посожье О. А. Макушников // ГАЗ. Навук. выд. / IГ НАН Беларусi. - Мiнск, 1999. - Вып. 14. - С. 139-146.

159 Дучыц, Л. У. Касцюм жыхароў Беларусi X-XIII стст. (паводле археалагiчных звестак) Л. У. Дучыц; пад рэд. Г. В. Штыхава. - Мiнск: Навука i тэхнiка, 1995. - 80 с.

160 Русанова, И. П. Курганы полян X-XII вв. / И. П. Русанова // САИ. - М.: Наука, 1966. - Вып. Е 1-24. - 48 с.

161 Шекун, О. В. Давньоруськi курганнi могильники в окрузi Любеча / О. В. Шекун. - Любецький з'їзд князiв 1097 року в iсторичнiй долi Киïвської Русi: мат-ли Мiжнародн. наук

конф., присвяченої 900-літтю з'їзду князів Київської Русі у Любечі / Укр. Нац. комітет Міжнародн. уніі слов'янської археології та ін. - Чернігів: Сіверянська думка, 1997. - С 164-169.

162 Мяцельскі, А. Тапаграфія скарбаў куфіцкіх дырхемаў IX - пачатка XI ст. на Пасожжы / А. Мяцельскі // Беларусь у сістэме трансеўрапейскіх сувязяў у I тысячагоддзі н. э.: тэз. дакладаў і паведамленняў Міжнар. канф., Мінск. 12-15 сакавіка 1996 г. / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 1996. - С. 60-63.

163 Лошенков, М. И. Городища бассейна Брагинки / М. И. Лошенков // Древнерусское государство и славяне: мат-лы симпозиума, посвящ. 1500-летию Киева / ИИ АН БССР; редкол.: Л. Д. Поболь [и др.]. - Минск, 1983. - С. 10-12.

164 Сведения 1873 г. о городищах и курганах // Известия Императорской археологической комиссии. - СПб., 1903. - Вып. 5. - 127 с.

165 Ткачоў, М. А. Замкі і людзі / М. А. Ткачоў; пад рэд. Г. В. Штыхава. - Мінск: Навука і тэхніка, 1991. - 182 с.

166 Макушников, О. Между Гнездово и Киевом: Моховский археологический комплекс X-XI вв. на юго-востоке Беларуси / О. А. Макушников // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 2006. - Вып. 22. - С. 130-138.

167 Штыхов, Г. В. Поднепровские и Посожские города Восточной Белоруссии / Г. В. Штыхов // Очерки по археологии Белоруссии: в 2 ч. - Минск: Наука и техника, 1972. - Ч.2. - С. 125-133.

168 Лысенко, П. Ф. Города Туровской земли / П. Ф. Лысенко; под ред. В. В. Седова. - Минск: Наука и техника, 1974. - 199 с.

169 Древнерусские княжеские уставы X-XIV вв. / под ред. Л. В. Черепнина // М.: Наука, 1976. - 240 с.

170 Соловьова, Г. Ф. Замок рогачівських князів / Г. Ф. Соловьева // Слов'яно-руські старожитності. - Київ: Наук. думка, 1969. - С. 111-113.

171 Аулих, В. В. Зимнівське городище / В. В. Аулих. - Київ: Наукова думка, 1972. - 124 с.

172 Кухаренко, Ю. В. Средневековые памятники Полесья / Ю. В. Кухаренко // САИ. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - Вып. Е 1-57. - 39 с.

173 Седин, А. Никодимовское городище раннего средневековья в Восточной Беларуси / А. Седин // VI Міжнар. кангр. славянскай археалогіі: тэз. дакладаў і паведамленняў Беларус. дэлегацыі, Ноўгарад, 26-31 жніўня 1996 г. - Мінск, 1996. - С. 67-68.

174 Толочко, П. П. Древнерусский феодальный город / П. П. Толочко; под ред. С. А. Высоцкого. - Киев: Наукова думка, 1989. - 256 с.

175 Королюк, В. Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья (Политическая и этническая история) / В. Д. Королюк; отв. ред. Е. П. Наумов. - М.: Наука, 1985. - 240 с.

176 Куза, А. В. Неукрепленные поселения / А. В. Куза, Б. А. Рыбаков // Древняя Русь. Город, замок, село / под ред. Б. А. Колчина. - М.: Наука, 1985. - С. 96-104.

177 Ваганова, А. Н. Материальная культура древнерусских феодальных замков / А. Н. Ваганова // Древнерусское государство и славяне: мат-лы симпоз., посвящ. 1500-летию Киева / Ин-т истории АН БССР, редколл.: Л. Д. Поболь [и др.]. - Минск: Наука и техника, 1983. - С. 85-86.

178 Ваганова, А. Н. Древнерусский феодальный замок XI—XIII вв.: автореф. дис. ... канд. историч. наук: 07. 00. 06 / А. Н. Ваганова; Ин-т истории АН Литовской ССР. - Вильнюс, 1985. - 22 с.

179 Моця, О. П. Місце Київської Русі в середньовічному европейскому світі / О. П. Моця // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX-XI ст.: мат-ли Міжнарод. польового археологічного семінару, Чернігів-Шествиця, 20-23 липня 2006 р. / Ін-т археології НАН України та ін.; редкол.: П. П. Толочко (гол. ред.) [та ін.]. - Чергнігів: Сіверянська думка, 2006. - С. 126-134.

180 Штыхов, Г. В. Киев и древние города Белоруссии / Г. В. Штыхов // Древнерусское государство и славяне: мат - лы симпоз., посвящен. 1500-летию Киева / ИИ АН БССР; под ред. Л. Д. Поболя [и др.]. - Минск: Наука и техника, 1983. - С. 54-57.

181 Загарульскі, Э. М. Заходняя Русь: IX—XIII стст.: вучэб. дапам. / Э. М. Загарульскі; БГУ. - Мінск: Універсітэцкае, 1998. - 240 с.

182 Макушнікаў, А. «Аўтографы» князеў Рурыкавічаў у археалагічных знаходках з Гомеля / А. Макушнікаў // Гомельшчына: старонкі мінулага; рэдкал : У. М. Канавалаў [і інш]. - Гомель, 1994. - Вып. 1. - С. 3-8.

183 Макушнікаў, А. Гісторыка-тапаграфічны агляд Гомельскага замка і месца XVI-XVIII ст. / А. Макушнікаў // Гомельшчына: старонкі мінулага / У. М. Канавалаў [і інш]. - Гомель, 1996. - Вып. 2. - С. 10-18.

184 Макушников, О. А. Первые итоги полевых работ Гомельского областного археологического центра / О. А. Макушников // Гомельщина: археология, история, памятники. Секция археологии и нумизматики: тез. Второй Гомельской обл. научн. конф. по историч. краеведению, Гомель, 1991 г. - Гомель, 1991. - С. 44-48.

185 Макушников, О. А. О социально-экономическом статусе Гамия XI—XIII вв. О. А. Макушников // Прыдняпроўе: паведамленні навук. абласной краязнаўч. канф., Магілеў. 28 кастрычніка 1992 г.; рэдкал.: С. І. Бяспанскі (адк. рэд.) [і інш.]. - Магілеў, 1993. - С. 32-34.

186 Макушников, О. А. Памятники эпиграфики и сфрагистики из летописного Гомия О. А. Макушников // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 2000. - Вып. 15. - С. 73-75.

187 Макушников, О. А. Гомель с древнейших времен до конца XVIII века. Историко-краеведческий очерк / О. А. Макушников. - Гомель: РУП «Центр научно-технической и деловой информации», 2002. - 244 с.

188 Зайцев, А. К. Черниговское княжество / А. К. Зайцев // Древнерусские княжеств; X-X1II вв. / редкол.: Л. Г. Бескровный [и др.]. - М.: Наука, 1975. - С. 57-117.

189 Егоров, Ю. А. Градостроительство Белоруссии / Ю. А. Егоров. - М.: Гос. изд-во по строительству и архитектуре, 1954. - 283 с.

190 Ткачев, М. А. Замки Белоруссии / М. А. Ткачев. - Минск: Полымя, 1987. - 222 с.

191 Морозов, В. Ф. Гомель классический. Эпоха. Меценаты. Архитектура / В. Ф. Морозов. - Минск: Четыре четверти, 1997. - 336 с.

192 Ющенко, И. X. Археологические раскопки в парке им. Луначарского И. X. Ющенко Полесcская правда. - 1926. - 7 сентября.

193 Штеменко, А. И. Некоторые итоги археологического исследования Кагального посада древнерусского Гомия / А. И. Штеменко // Краеведч. записки (к 80-летию Гомельск. обл. краеведч. музея) / Гомельск. обл. краеведч. музей; отв. ред. А. И. Дробушевский. - Гомель. 2000. - С. 78-94.

194 Виноградов, Л. Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142-1900 / Л. Виноградов. - М.. 1900. - 48 с.

195 Жудро, Ф. А. Географическо-статистический очерк / Ф. А. Жудро, И. А. Сербов. Д. И. Довгялло // Записки Северо-западного отдела Императорского Русского географического общества. - Вильна, 1911. - Кн. 2. - С. 293.

196 Медведев, А. Ф. Оружие Новгорода Великого / А. Ф. Медведев // МИА. - М.: Изд-во АН СССР, 1959. - № 65. - С. 119-147.

197 Медведев, А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв. А. Ф. Медведев // САИ. - М.: Наука, 1966. - Вып. Е 1-36. - 118 с.

198 Щапова, Ю. Л. Стекло Киевской Руси / Ю. Л. Щапова; под ред. А. В. Арциховского. - М.: Изд-во МГУ, 1972. - 215 с.

199 Колчин, Б. А. Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. - М.: Наука, 1982. - С. 156-177.

200 Лесман, Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) / Ю. М. Лесман // Археологическое исследование Новгородской земли: межвуз. сб. // Ленингр. гос. ун-т; редкол.: Г. С. Лебедев (отв. ред.) [и др.].-Л., 1984. - С. 118-153.

201 Кирпичников, А. Н. Вооружение / А. Н. Кирпичников, А. Ф. Медведев // Древняя Русь. Город, замок, село; под ред. Б. А. Рыбакова. - М.: Наука, 1985 - С. 298-363.

202 Колчин, Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого / Б. А. Колчин МИА. - М.: Изд-во АН СССР, 1959 . - Вып. 65. - 120 с.

203 Национальный исторический архив Беларуси. - Фонд 694. - Опись 7.

204 Левашова, В. П. Браслеты / В. П. Левашова // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. / Тр. ГИМ; под ред. Б. А. Рыбакова. - М.: Советская Россия, 1967. - Вып. 43. - С. 207-252.

205 Готун, І. А. Реконструкції ремісничих та господарських будівель давньоруського поселенняя Автуничі /І. А. Готун // Археологія. - 1993. - №4 - С 59-71.

206 Колчин, Б. А. Археологии Новгорода 50 лет / Б. А. Колчин, В. Л. Янин // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода; под ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. - М.: Наука, 982. - С. 3-137.

207 Археология Украинской ССР: в 3 т. / под ред. И. И. Артеменко. - Киев: Наукова думка, 1986. - Т. 3. - 576 с.

208 Казаков, А. Л. К вопросу об усадебной застройке Черниговского предградья XI—XIII вв. / А. Л. Казаков // Проблемы археологии Южной Руси: мат-лы ист-археологич. семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.», Чернигов, 26-28 сентября 1988 г. / Ин-т археологии АН УССР и др.; редкол. П. П. Толочко [и др.]. - Киев: Наукова думка, 1990. - С. 25-27.

209 Конецкий, В. Я. О «каменных кругах» Юго-Западного Приильменья / В. Я. Конецкий // Новое в археологии Северо-Запада СССР; редкол.: В. М. Массон [и др.]. - Л.: Наука, 1985. - С. 37-44.

210 Новое в археологии Киева / Редкол.: П. П. Толочко [и др.]. - Киев: Наукова думка, 1981. - 455 с.

211 Даўгяла, З. І. Новыя раскопкі каля Гомеля / З. І. Даўгяла // ГАЗ. - Менск, 1927. - Вып. 1. - С. 363-364.

212 Макушнікаў, А. А. Палеалітычная прылада з Гомеля / А. А. Макушнікаў, А. Г. Калечыц // МАБ. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 2001. - Вып. 3. - С. 242.

213 Макушников, О. А. Мохов - крупнейший археологический комплекс X-XI вв. на юго-востоке Беларуси / О. А. Макушников // Славянский мир Полесья в древности и средневековье: мат-лы Междунар. историко-археологич. конф., Гомель, 19-20 октября 2004 г. / Гочельск. обл. исполн. ком-т и др.; редкол.: О. А. Макушников (гл. ред.) [и др.]. - Гомель, 2004. - С. 131-134.

214 Ткачоў, М. А. Лоеўскі замак / М. А. Ткачоў // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыкл. - Мінск, 1993. - С. 373.

215 Моця, А. П. Срубные гробницы Южной Руси / А. П. Моця // Проблемы археологии Южной Руси: мат-лы научн. семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.», Чернигов, 26-28 сент. 1988 г. - Киев: Наукова думка, 1990. - С. 99-107.

216 Щавелев, А. Камерные ингумации Гочева: Юго-восточная реплика варяго-русского погребального обряда / А. Щавелев, С. Щавелев // Дружинні старожитності Центрально-Східної Европи: Мат-ли Міжнародн. польового археологічн. семінару, Чернігів-Шестовиця, 17-20 липня 2003 р. / Ин-т археології НАН України; редкол.: П. П. Толочко (гол. ред.) [та ін.]. - Чернігів: Сіверянська думка, 2003. - С 194-199.

217 Нидерле, Л. Славянские древности / Л. Нидерле. - М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. - 450 с.

218 Лесман, Ю. М. О сидячих погребениях в древнерусских могильниках Ю. М. Лесман // КСИА. - 1981. - Вып. 164. - С. 52-58.

219 Бліфельд, Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці / Д. І. Бліфельд; под. ред. В. И. Довженка. - Київ: Наукова думка, 1977. - 236 с.

220 Кучера, М. П. Поселения Среднего Поднепровья / М. П. Кучера // Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта); редкол.: В. Д. Баран (отв. ред.) [и др.]. - Киев: Наукова думка, 1984. - С. 6-27.

221 Штыхаў, Г. В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г. В. Штыхаў; пад рэд. М. А. Ткачова. - Мінск: Навука і тэхніка, 1992. - 191 с.

222 Енуков, В. В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам) / В. В. Енуков; под ред. А. Д. Пряхина. - М., 1990. - 262 с.

223 Гавритухин, И. О. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю / И. О. Гавритухин // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 1997. - Вып. 12. - С. 43-58.

224 Ениосова, Н. В. Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнездове / Н. В. Ениосова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Мат-лы научн. семинара за 2000 год. - Псков, 2001. - С. 207-219.

225 Latvijas PSR archeolojia. - Riga, 1974. - 376 ipp.

226 Зверуго, Я. Г. Верхнее Понеманье в IX—XIII вв. / Я. Г. Зверуго; под ред. П. Ф. Лысенко. - Мінск: Навука і тэхніка, 1989. - 207 с.

227 Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли (IX-XIII вв.) / Г. В. Штыхов; под ред. В. П. Даркевича. - Минск: Наука и техника, 1978. - 160 с.

228 Горюнова, В. М. Поселок ремесленников на Ловати / В. М. Горюнова // Проблемы археологии. - Л, 1978. - Вып. 2. - С. 140-148.

229 Носов, Е. Н. Новгородское (Рюриково) Городище / Е. Н. Носов; редкол.: А. Н. Кирпичников (отв. ред.) [и др.]. - Л.: Наука, 1990. - 214 с.

230 Мугуревич, Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X-XIII вв. / Э. С. Мугуревич. - Рига: Зинатне, 1965 - 144 с.

231 Шмидт, Е. Особенности этнокультурного развития племен Смоленского Поднепровья и смежных территорий в VIII—X веках н. э. / Е. Шмидт // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусь - Мінск, 2006. - Вып. 22. - С. 113-120.

232 Седов, В. В. Латышские племена / В. В. Седов // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. - М: Наука, 1987. - С. 354-380.

233 Авдусин, Д. А. Скандинавские погребения в Гнездове / Д. А. Авдусин // Вестник МГУ. Сер. история. - 1974. - № 1. - С. 74-86.

234 Дучыц, Л. У. Курганны могільнік каля в. Укля Браслаўскага раена / Л. В. Дучыц ГАЗ. Навук. выд. / ІГ АН Беларусі. - Мінск, 1996. - Вып. 8. - С. 111-120.

235 Алексеева, Т. И. Этногенез восточных славян: По данным антропологии / Т. И. Алексеева. - М.: Изд-во МГУ, 1973. - 330 с.

236 Дучыц, Л. В. Аб адной катэгорыі курганных знаходак / Л. В. Дучыц // ГАЗ. Навук выд. / ІГ АН Беларусі. - Мінск, 1994. - Вып. 4. - С. 49-57.

237 Івакін, Г. Нові поховання X-XI ст. Верхнього Києва (з розкопок архітектурно-археологічної експедіциї 1997-1999 рр.) / Г. Івакін, В. Козюба / Дружинні старожитності Центрально-Східної Европи VIII—XI ст.: мат-ли Міжнародн. польового археолгічн. семінару, Чернігів-Шестовиця, 17-20 липня 2003 р. / Ін-т археології НАН України та ін.; редкол.: П. П. Толочко (головн. ред.) [та ін.]. - Чернігів: Сіверянська думка, 2003. - С. 38-50.

238 Боровский, Я. Е. Археологические исследования Верхнего Киева в 1978-1982 гг. Я. Е. Боровский, М. А. Сагайдак // Археологические исследования Киева 1978-1983 гг. / Ин-т ахеологии АН УССР; под ред. П. П. Толочко. - Киев: Наукова думка. 1985. - С. 38-60.

239 Каргер, М. К. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города: в 2 т. / М. К. Каргер. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. - Т. 1 - 579 с.

240 Корзухина, Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. / Г. Ф. Корзухина. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. - 159 с.

241 Krasnodebski, D. Mediaval Borderland Inhabitants / D. Krasnodebski // Pipeline of Archaeological Treasures. - Poznan, 2000. - 117 s.

242 Zak, J. Kulturelemente aus dem Mitteldonaugebiet in der materiellen Kultur der Oder-und Weichselslawen in der Zeit vom VI. Jh. bis zum Jahrhundertwende X/XI / J. Zak // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов, Киев, 18-25 сент. 1985 г.: в 4 т.; редкол.: Б. А. Рыбаков (гл. ред. [и др.]. -Киев: Наукова думка, 1988. - Т. 4. - С. 66-81.

243 Рябцевич, В. Н. Монеты из Моховского некрополя / В. Н. Рябцевич // XIII Всероссийская нумизматическая конф., Москва, 14-15 апреля 2005 г. - М., 2005. - С. 93-94.

244 Равдина, Т. В. Погребения с древнерусскими серебрениками / Т. В. Равдина // СА. - 1979. - № 3. - С. 91-102.

245 Равдина, Т. В. Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог Т. В. Равдина; под ред. М. В. Седовой. - М.: Наука, 1988. - 152 с.

246 Рябцевич, В. Н. Нумизматика Беларуси / В. Н. Рябцевич. - Минск: Полымя, 1995. - 687 с.

247 Заяц, Ю. А. Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц; под ред. Г.В. Штыхова. - Мінск: Навука і тэхніка, 1995. - 207 с .

248 Шинаков, Е. А. От пращи до скрамасакса: На пути к державе Рюриковичей Е. А. Шинаков. - Брянск: Изд-во Брянского гос. университета, 1995. - 274 с.

249 Шинаков, Е. А. Этапы развития и особенности государственности в Подесенье в древнерусскую эпоху / Е. А. Шинаков // Деснинские древности: сб. мат-лов Межгосударств. научн. конф., посвящ. памяти Ф. М. Заверняева; ред. Е. И. Прокофьев. - Брянск: Брян. обл. типогр., 2002. - Вып. II. - С. 16-22.

250 Ткачоў, М. Лоеўскі замак / М. Ткачоў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. - Т. 4. - Мінск, 1997. - С. 390.

251 Грыцкевіч, А. Лоеў / А. Грыцкевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. - Мінск. 1997. - Т. 4. - С. 389-390.

252 Булкин, В. А. Археологические памятники Древней Руси IX-XI веков / В. А. Булкин, И. С. Дубов, Г. С. Лебедев; под ред. А. Н. Кирпичникова. - Л.: Изд-во Ленингр. ун - та, 1978. - 150 с.

253 Булкин, В. А. Гнездово и Бирка (К проблеме становления города) / В. А. Булкин, Г. С. Лебедев // Культура средневековой Руси / под ред. А. Н. Кирпичникова. - Л.: Наука, 1974. - С. 11-17.

254 Петрухин, В. Я. К предыстории древнерусского города / В. Я. Петрухин, Т. А. Пушкина // История СССР. - 1979. - № 4 - С. 100-112.

255 Коваленко, В. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998-2002 гг. / В. Коваленко, О. Моця, Ю. Сытый // Мат-ли Міжнародн. польового археолгічн. семінару, Чернігів-Шестовиця, 17-20 липня 2003 р. / Ін-т археології НАН України та ін.; редкол.: П. П. Толочко (головн. ред.) [та ін.]. - Чернігів: Сіверянська думка, 2003 - С. 51-83.

256 Іоў, А. В. Гандлева-эканамічныя сувязі насельніцтва Заходняга Палесся ў IX - пач. XI стст. / А. В. Іоў, В. С Вяргей // ГАЗ. Навук. выд. Памяці М. Ткачова: ў 2-х частках / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 1993. - Ч. І. - С. 117-134.

257 Дубов, И. В. К проблеме «переноса» городов в Древней Руси / И. В. Дубов // Генезис и развитие феодализма в России: проблемы историографии. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. - С. 70-72.

258 Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. - Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. - 358 с.

259 Асташова, Н. И. К вопросу о древнем Смоленске / Н. И. Асташова, В. Я. Петрухин // Культура и история средневековой Руси: тез. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР А. В. Арциховского, Москва, 24-26 декабря 1987 г. / Ин-т археологии АН СССР. - М, 1987. - С. 6-8.

260 Леонтьев, А. В. Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII—XI вв.): автореф.дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / А. В.Леонтьев; ИА АН СССР. - М., 1975. - 22 с.

261 Коваленко, В. П. Летописный Листвен (к вопросу о локализации) / В. П. Коваленко, А. В. Шекун // СА. - 1984. - № 4. - С. 71-73.

262 Стурлусон, С. Круг Земной / С. Стурлусон. - М.: Наука, 1980. - 688 с.

263 Эймундова сага // Филист Г. М. История «преступлений» Святополка Окаянного. - Мінск: Беларусь, 1990. - С. 130-148.

264 Черепнин, Л. В. Русь: спорные вопросы феодальной земельной собственности в IX-XIV вв. / Л. В. Черепнин // Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). - М.: Наука, 1972. - С. 126-251.

265 Коробушкина, Т. Н. Земледелие на территории Белоруссии в X—XIII вв. / Т. Н. Коробушкина; под ред. Э. М. Загорульского. - Минск: Наука и техника, 1979. - 120 с.

266 Рабинович, М. О земледелии в русском феодальном городе / М. Г. Рабинович // Древняя Русь и славяне / отв. ред. Т. В. Николаева. - М.: Наука, 1978. - С. 129-132.

267 Краснов, Ю. А. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы) / Ю. А. Краснов // СА. - 1978. - № 4. - С. 98-114.

268 Краснов, Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы / Ю. А. Краснов; под ред. А. В Чернецова. - М.: Наука, 1987. - 240 с.

269 Сабурова, М. А. О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси / М. А. Сабурова // КСИА. - М., 1975. - Вып. 144. - С. 18-22.

270 Щеглова, В. В. Роль охоты в снабжении мясом населения на территории Беларуси в X-XIV вв. / В. В. Щеглова // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі: Новыя матэрыялы і даследаванні; пад рэд. В. М. Ляўко. - Мінск: Навука і тэхніка, 1993. - С. 74-82.

271 Колчин, Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) / Б. А. Колчин // МИА. - М.: Изд-во АН СССР, 1953. - Вып. 32. - 260 с.

272 Гурин, М. Ф. Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX—XIII вв. / М. Ф. Гурин. - Минск: Наука и техника, 1987. - 150 с.

273 Гурын, М. Ф. Металаграфічнае вывучэнне кавальскіх вырабаў з Мазыра і Рэчыцы / М. Ф. Гурын // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 1996. - Вып. 8. - С. 99-110.

274 Соловьева, Г. Ф. Славянские курганы близ села Новый Кривск / Г. Ф. Соловьева. - КСИА. - 1971. - Вып. 125. - С. 65-68.

275 Соловьева, Г. Ф. Славянские курганы близ г. Рогачева Гомельской обл. / Г. Ф. Соловьева // КСИА. - 1972. - Вып. 129. - С. 50-53.

276 Соловьева, Г. Ф. Славянские курганы у с. Ботвиновка Гомельской области / Г. Ф. Соловьева // КСИА. - Вып. 171. - 1982. - С. 75-80.

277 Литвинов, В. А. Клады древнерусских шейных гривен из Белоруссии / В. А. Литвинов, О. А. Макушников, А. И. Дробушевский / СА. - 1987. - № 1. - С. 263-266.

278 Шекун, О. В. Давньоруське поселення Ліскове / О. В. Шекун, О. М. Веремейчик; під ред. В. П. Коваленка. - Чернігів: Деснянська правда, 1999. - 184 с.

279 Скрыпчанка, Т. С. Свiслацкiя шкляныя бранзалеты XII-XIV вв. / Т. С. Скрыпчанка Весці АН БССР. Сер. гуманіт. навук. - 1980. - № 3. - С. 66-71.

280 Скрипченко, Т. С. Обмен и местное производство на территории Белоруссии в XI-XIV вв. (по материалам стеклянных браслетов): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 Т. С. Скрипченко; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. - М., 1982. - 12 с.

281 Олейников, О. М. Стеклоделательные мастерские в древности (К вопросу о существовании древнерусского стеклоделия) / О. М. Олейников // Новгород и Новгородская земля. История и археология: мат-лы научн. конф., Новгород, 28-30 января 1997 г. - Новгород, 1997. - Вып. 11. - С. 281-291.

282 Олейников, О. М. К вопросу о производстве стеклянных браслетов в Древней Руси О. М. Олейников // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии, Новгород, 26-31 августа 1996г. - М.:Эдиториал УПСС, 1998. - Т. 4. - С. 314-320.

283 Щапова, Ю. Л. Экологическая среда и экономика в связи с производством стекла в древности и средневековье / Ю. Л. Щапова // Человек и окружающая среда в древности и средневековье: мат-лы совещания, Москва, 25-26 января 1983 г. - М.: Наука, 1985. - С. 137-143.

284 Заяц, Ю. А. Керамическая посуда Заславля IX-XVHI вв. / Ю. А. Заяц // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі: Новыя матэрыялы і даследаванні / пад. рэд. В. М. Ляўко. - Мінск: Навука і тэхніка, 1993. - С. 107-118.

285 Малевская, М. В. Некоторые исторические связи Новогрудка в X в. (по материалам керамики) / М. В. Малевская // КСИА. - 1972. - Вып. 129. - С. 14-20.

286 Булкин, В. А. Среднее Поднепровье и Неманско-Днепровский путь IX-XI вв. В. А. Булкин, В. Н. Зоценко // Проблемы археологии Южной Руси: мат-лы ист-археологич. семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.», Чернигов, 26-28 сентября 1988 г. / АН УССР. Ин-т археологии и др.; редкол.: П. П. Толочко (отв. ред.) [и др.]. - Киев: Наукова думка, 1990. - С. 117-123.

287 Зоценко, В. Н. Одна из транспортных магистралей X-XIII вв. между Киевом и Новгородом / В. Н. Зоценко // Чернигов и его округа в IX—XIII вв.: тез. ист-археологич. семинара. Чернигов, 15-18 мая 1990 г. / Ин-т археологии АН УССР и др.; под ред. П. П. Толочко (отв. ред.) [и др.]. - Чернигов, 1990. - С. 104-106.

288 Сергеева, 3. М. О распространении находок из волынского шифера в памятниках X-XIII вв. Беларуси / З. М. Сергеева // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрасаваных археолагаў: тэз. дакладаў Міжнародн. канф., Мінск, 27-30 кастрычніка 1993 г. / IГ АН Беларусі. - Мінск. 1993. - С. 121-123.

289 Аль-Бируни, Абу-Рейхан-Мухаммед ибн-Ахмед. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия) / Аль-Бируни, Абу-Рейхан-Мухаммед ибн-Ахмед; под. ред. Г. Г. Леммлейна. - Л.: Изд-во АНСССР, 1963. - 518 с.

290 Фехнер, М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни / М. В. Фехнер // Тр. ГИМ. - М: Советская Россия, 1959. - Вып. 33. - С. 149-224.

291 Бубенько, Т. С. Торговые и культурные связи Витебска (по материалам Нижнего Замка) / Т. С. Бубенько // ГАЗ. Навук. выд. / IГ АН Беларусі. - Мінск, 1996. - Вып. 8. - С. 40-56.

292 Львова, 3. А. Стеклянные бусы Старой Ладоги / З. А. Львова // Археологич. сб. Гос. Эрмитажа / Гос. Эрмитаж. - Л., 1968. - Вып. 10. - С. 64-94.

293 Рыбина, Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли / Е. А. Рыбина; под ред. В. Л. Янина. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. - 167 с.

294 Даркевич, В. П. Новые находки романских бронзовых чаш / В. П. Даркевич // Древние славяне и их соседи. - МИА СССР / под ред. Б. А. Рыбакова. - М.: Наука, 1970. - № 176. - С. 150-153.

295 Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие. - Вып. 1. Мечи и сабли IX—XIII вв. А. Н. Кирпичников. - М.-Л.: Наука, 1966. - 160 с.

296 Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие. - Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры. булавы, кистени IX—XIII вв. / А. Н. Кирпичников. - М.: Наука, 1966. - 181 с.

297 Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие. - Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв. /А. Н. Кирпичников. - М.: Наука, 1971. - 92 с.

298 Кирпичников, А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. / Л. Н. Кирпичников. - Л.: Наука, 1973. - 140 с.

299 Макушников, О. А. Древнерусская оружейная мастерская из Гомия / О. А. Макушников // Старожитності Південної Русі: мат-ли III іст-археолог. семінару «Чернігів і його округа в IX—XIII ст.», Чернігів, 15-18 травня 1990 р. / Ін-т археологіі АН України та ін.; редкол.: Л. П. Толочко (відп. ред.) [та ін.]. -Чернігів: Сіверянська думка, 1993. - С. 121-130.

300 Макушников, О. Две случайные находки предметов круга дружинной культуры X-XI вв. из Гомельского Посожья / О. Макушников, Ю. Лупиненко // Дружинні старожитності Центрально-Східноі Європи: мат-ли Міжнародн. польового археологічн. семінару, Чернігів-Шестовиця, 17-20 липня 2003 р. / Ін-т археології НАН України та ін.; редкол.: П. П. Толочко (головн. ред.) [та ін.]. - Чернігів: Сіверянська думка, 2003. - С. 107-113.

301 Макушников, О. Ламеллярный доспех восточнославянского ратника начала XIII в. по материалам раскопок в Гомеле) / О. Макушников, Ю. Лупиненко // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі . - Мінск, 2003. - Вып. 18. - С. 213-225.

302 Макушников, О. Новые данные о характере и производстве клинкового вооружения зосточнославянского ратника конца XII - первой половины XIII в. (по материалам раскопок в Гомеле) / О. Макушников, Ю. Лупиненко // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 2004. - Вып. 19. - С. 204-217.

303 Лупиненко, Ю. М. Кольчатый доспех восточнославянского ратника конца XII - начала XIII вв. (по материалам раскопок в Гомеле) / Ю. М. Лупиненко, О. А. Макушников // Археалогія эпохі сярэдневякоўя (да 75-годдзя з дня нараджэння П. Ф. Лысенкі) / МАБ. Навук. выд. ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 2006. - Вып. 12. - С. 162-173.

304 Лупиненко, Ю. М. Чешуйчатый доспех восточнославянского ратника XII-XIII вв. (по материалам раскопок в Гомеле) / Ю. М. Лупиненко, О. А. Макушников // Археалогія эпохі сяоэдневечча. Да 80-годдзя з дня нараджэння Г.В.Штыхава / МАБ. Навук. выд.- Мінск, 2008. - Вып. 15. - С. 140-154.

305 Лупиненко, Ю. Пластинчатый доспех восточных славян в VII-X вв./ Ю. Лупиненко // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX-XI ст.: Мат-ли. Міжнародн. польового ареол. семінару, Чернігів - Шестовиця, 20-23 липня 2006 р. / Ін-т археології НАН України та ін.; редкол.: П. П. Толочко (головн. ред.) [та ін.]. - Чернігів, 2006. - С. 115-122.

306 Горелик, М. В. Ранний монгольский доспех (IX - первая половина XIV в.) / М. В. Горелик // Археология, этнография и антропология Монголии / М. В. Горелик. - Новосибирск: Наука, 1987. - С. 163-208.

307 Плавінскі, М. А. Клінковая зброя X-XIII стст. на тэрыторыі Беларусі / М. А. Плавінскі. - Мінск: ІГ НАН Беларусі, 2006. - 112 с.

308 Кулаков, В.И. Древности пруссов VI—XIII вв. / В. И. Кулаков // САИ. - М.: Наука, 1990. - Вып. Г 1-9. - 168 с.

309 Штыхов, Г. В. Древний Полоцк (IX-XIII вв.) / Г. В. Штыхов; под ред. А. Г. Митрофанова. - Минск : Наука и техника, 1975. - 136 с.

310 Ласкавый, Г. В. К истории оружия Белорусского Подвинья в VI—XIII вв. Статья первая / Г. В. Ласкавый // Полоцкий летописец. - № 1(2). - Полоцк, 1993. - С. 19-38.

311 Колчин, Б. А. Михайловский раскоп / Б. А. Колчин, А. С. Хорошев // Археологическое изучение Новгорода; под общ. ред. Б. А. Колчина. - М.: Наука. - С. 135-173.

312 Монгайт, А. Л. Старая Рязань / А. Л. Монгайт. - М.: Изд-во АН СССР, 1955. - 228 с.

313 Янин, В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период / В. Л. Янин. - М.: Изд-во МГУ, 1956. - 208 с.

314 Рабцэвіч, В. Н. Манеты арабскага халіфату на тэрыторыі Беларусі / В. Н. Рабцэвіч, А. А. Стуканаў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. - № 4. - 1973. - С. 35-39.

315 Лысенко, П. Ф. Берестье / П. Ф. Лысенко. - Минск: Наука и техника, 1985. - 399 с.

316 Плавінскі, М. А. Засцерагальнае ўзбраенне IX-XIII ст. на тэрыторыі Беларусі / М. А. Плавінскі // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 2001. - Вып. 16.-С. 138-150.

317 Гуревич, Ф. Д. Древний Новогрудок: Посад - окольный город / Ф. Д. Гуревич; под ред. А. Н. Кирпичникова. -Л.: Наука, 1981. - 160 с.

318 Худяков, Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья / Ю. С. Худяков; отв. ред. Е. В. Медведев. - Новосибирск: Наука. 1991.- 190 с.

319 Кулаков, В. И. Ирзекапинис и Шестовицы / В. И. Кулаков // Проблемы археологии Южной Руси: Мат-лы ист.-археологич. семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.», Чернигов, 26-28 сентября 1988 г. / Ин- т археологии АН УССР и др.; редкол. П. П. Толочко (отв. ред. [и др.]. - Киев: Наукова думка, 1990. - С. 111-116.

320 Кенько, П. М. Элементы поясного набора X-XII вв. с селища на р. Менка П. М. Кенько // МАБ. Навук. выд.: Археалогія эпохі сярэдневечча. Да 80-годдзя з дня нараджэння Г. В. Штыхава / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 2008. - Вып. 15. - С. 248-253.

321 Мусин, А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX-XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности / А. Е. Мусин; под ред. А. Н. Кирпичникова. - СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2002. - 272 с.

322 Седов, В. В. Первый Международный симпозиум по славянскому язычеству В. В. Седов // КСИА. - 1981. - Вып. 164. - С. 122-125.

323 Лявданский, А. Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии / А. Н. Лявданский // Научн. изв. Смоленского гос. ун-та. - Смоленск, 1926. - Вып. 3. - С. 187-190.

324 Седов, В. В. Языческие святилища смоленских кривичей / В. В. Седов // КСИА. - 1962. - Вып. 87. - С. 57-64.

325 Тимощук, Б. О. Слов'яни Північної Буковини VI-IX стст. / Б. О. Тимощук. - Київ Наукова думка, 1976. - 176 с.

326 Тимощук, Б. А. Славянские святилища на Среднем Днестре и в бассейне Прута Б. А. Тимощук, И. П. Русанова // СА. - 1988. - № 4 - С. 161-173.

327 Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. - М.: Наука, 1987. - 784 с.

328 Русанова, И. П. Истоки славянского язычества: Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н. э. - I тыс. н. э. / И. П. Русанова. - Черновцы : Прут, 2002. - 172 с.

329 Зайкоўскі, Э. М. Раскопкі каля Радагошчы / Э. М. Зайкоўскі // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 1995. - Вып. 7. - С. 120-140.

330 Зайкоўскі, Э. Язычніцтва на землях Беларусі ў сярэднявеччы / Э. М. Зайкоўскі // ГАЗ Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 1997. - Вып. 12. - С. 80-84.

331 Гусаков, М. Г. Днепровские городища-святилища лесной полосы (Опыт археоастрономии) / М. Г. Гусаков // Практика и теория археологических исследований. Тр. отдела охранных раскопок. - М.: ИА РАН, 2001. - С. 132-149.

332 Бруевич, Н. Исследование на городище Городок-I Ветковского района Гомельской области / Н. Бруевич // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 2004. - Вып. 19. - С. 301.

333 Бруевич, Н. Полевые исследования в Рогачевском районе / Н. Бруевич // ГАЗ. Навук выд. / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 2005. - Вып. 20. - С. 233-234.

334 Бруевич, Н. И. Малое городище в Посожье - Городок-I / Н. И. Бруевич // МАБ. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 2006. - Вып. 12. - С. 77-88.

335 Бруевич, Н. И. Некоторые аспекты курганной обрядности XII—XIII вв. в Посожье Н. И. Бруевич // МАБ. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 2003. - Вып. 6. - С. 22-25.

336 Русанова, И. П. Культовые места и языческие святилища славян VI-XIII вв. И. П. Русанова // РА. - 1992. - № 4. - С. 50-67.

337 Лабутина, И. К. Языческое святилище Пскова / И. К. Лабутина // История и культура древнерусского города; редкол.: Г. А. Федоров-Давыдов [и др.]. - М.: Изд-во МГУ, 1989. - С. 100-108.

338 Кузьмин, А. Г. Принятие христианства на Руси / А. Г. Кузьмин // Вопр. научн. атеизма. - 1980. - Вып. 25. - С. 7-35.

339 Моця, А. П. Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв. (по данным погребальных памятников) / А. П. Моця; отв. ред. М. П. Кучера. - Киев: Наукова думка, 1987. - 188 с.

340 Моця, А. П. Скорченные захоронения древнерусских некрополей / А. П. Моця Древности Среднего Поднепровья: Сб. научн. тр. / Ин-т археологии АН УССР; отв. ред. И. И. Артеменко. - Киев: Наукова думка, 1981. - С. 101-105.

341 Башков, А. А. Предметы христианского культа индивидуального использования конца X-XIV вв. на территории Беларуси (классификация, топография, хронология): автореф. дис. ...канд. историч. наук.: 07. 00. 06 / А. Башков; Ин-т истории НАН Беларуси. - Минск, 2000. - 20 с.

342 Коваленко, В. П. Чернігівська єпархія в X—XIII ст. / В. П. Коваленко // 1000 років Чернігівській єпархії: тези доповідей церковно-історичной конф. / Чернігівське єпархіальне управління та ін.; редкол.: В. П. Коваленко (відп. ред.) [та ін.]. - Чернігів: Сіверянська думка, 1992. - С. 7-12.

343 Лысенко, П. Ф. К вопросу об учреждении Туровской епархии / П. Ф. Лысенко // Славянский мир Полесья в древности и средневековье: мат-лы Междунар. историко-археологич. конф., Гомель, 19-20 октября 2004 г. / Гомельский облисполком и др.; под общ. ред. О. А. Макушникова. - Гомель, 2004. - С. 121-127.

344 Руденок, В. Я. Первые спелео-археологические исследования в Гомеле / В. Я. Руденок, О. А. Макушников // Гомельщина: археология, история, памятники. Секция археологии и нумизматики.: тез. Второй Гомельской обл. научн. конф. по истории. краеведению. - Гомель, 1991. - С. 55-56.

345 Журжалина, Н. П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка / Н. П. Журжалина // СА. - 1961. - №2. - С. 122-140.

346 Успенская, А. В. Нагрудные и поясные привески / А. В. Успенская // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв.: Тр. ГИМ. - М.: Советская Россия, 1967. - Вып. 43. - С. 88-132.

347 Седов, В. В. Амулеты-коньки из древнерусских курганов / В. В. Седов // Славяне и Русь; под ред. Б. А. Рыбакова. - М.: Наука, 1968. - С. 151-157.

348 Рябинин, Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. / Е.А. Рябинин // САИ / отв. ред. А. Н. Кирпичников. - Л.: Наука, 1981. - Вып. Е 1-60. - 123 с.

349 Рябинин, Е. А. Языческие привески-амулеты Древней Руси / Е. А. Рябинин // Древности славян и Руси / отв. ред. Б. А. Тимощук. - М.: Наука, 1988. - С. 55-63.

350 Бубенько, Т. С. Средневековый Витебск. Посад - Нижний замок (X - первая половина XIV в.) / Т. С. Бубенько. - Витебск: Изд-во УО ВГУ им. П. М. Машерова, 2004. - 276 с.

351 Клингер, В. Яйцо в народном суеверии / В. Клингер // Сб. в честь Ю. А. Кулаковского. - Киев, 1911. - С. 119-143.

352 Даркевич, В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве / В. П. Даркевич // СА. - 1961. - №4. - С. 91-101,

353 Макаров, Н. А. Древнерусские амулеты - топорики / Н. А. Макаров // РА. - 1992. - № 2. - С. 41-56.

354 Крывальцэвіч, М. М. Культ каменных сякер на Беларусі / М. М. Крывальцэвіч // Старонкі гісторыі Беларусі. - Мінск: Навука і тэхніка, 1992. - С. 7-12.

355 Макаров, Н. А. Магические обряды при сокрытии клада на Руси / Н. А. Макаров // СА. - 1981. - № 4. - С. 261-264.

356 Башков, А.А. Предметы христианского культа индивидуального использования конца X-XIV вв. на территории Беларуси (классификация, топография, хронология): автореф. дис. ... канд. историч. наук.: 07. 00. 06 / А. А. Башков; Ин-т истории НАН Беларуси. - Минск, 2000. - 20 с.

357 Башков, А. «Сирийские» энколпионы на территории Беларуси / А. Башков // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 2004. - Вып. 19. - С. 147-148.

358 Пекарська, Л. В. Давньоруські енколпіони в збірці музею історії м. Киева / Л. В. Пекарська, В. Г. Пуцко // Археологія. - 1989. - № 3. - С. 84-94.

359 Толочко, П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII веков / П. П. Толочко. - Киев: Наукова думка, 1980. - 224 с.

360 Седова, М. В. Ярополч Залесский / М. В. Седова; под ред. А. В. Кузы. - М.: Наука, 1978. - 159 с.

361 Зоценко, В. Н. Об одном типе древнерусских энколпионов / В. Н. Зоценко // Древности Среднего Поднепровья: сб. научн. тр. / Ин-т археологии АН УССР; отв. ред. И. И. Артеменко. - Киев: Наукова думка, 1981. - С. 113-124.

362 Ильютик, А. В. Находка из Яновского городища / А. В. Ильютик // Могилевщина / сост. и отв. ред. В. А. Юшкевич. - Могилев, 1991. - С. 12-13.

363 Спицын, А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского / А. А. Спицын // Материалы по археологии России. - СПб., 1896. - № 20. - 124 с.

364 Спицын, А. А. Владимирские курганы / А. А. Спицын // Известия Археологич. комиссии. - СПб., 1905. - Вып. 15. - С. 84-172.

365 Зверуго, Я. Г. Древний Волковыск (X-XIV вв.) / Я. Г. Зверуго. - Минск: Наука и техника, 1975.- 144 с.

366 Чернявский, И. М. Архитектурно-археологические исследования в Гомельской и Гродненской обл. / И. М. Чернявский // АО 1981 года; под ред. Б. А. Рыбакова. - М.: Наука. 1982. - С. 363.

367 Харламов, В. О. Нові дослідження Воскресенської церкви в Переяславі-Хмельницькому / В. О. Харламов, Г. В. Трофименко // Археологія. - 1992. - № 3. - С. 133-138.

368 Гончаров, В. К. Райковецкое городище / В. К. Гончаров. - Киев: Изд-во АН УССР. 1950. - 219 с.

369 Воронин, Н. Н. Древнее Гродно: По материалам археологических раскопок 1932-1949 гг. - МИА СССР. - № 41 / Н. Н. Воронин. - М.: Изд-во АН СССР, 1954. - 240 с.

370 Мезенцева, Г. Г. Давньоруське місто Родень: Княжа Гора / Г. Г. Мезенцева. - Київ Наукова думка, 1968. - 183 с.

371 Довженок, В. Й. Древньоруське місто Воїнь / В. Й. Довженок, В. К. Гончаров. Р. О. Юра; під ред. Д. І. Бліфельда. - Київ: Наукова думка, 1966. - 148 с.

372 Лупиненко, Ю. Находка водолея XII-XIII вв. в летописном Гомеле (предварительное сообщение) / Ю. Лупиненко // Середньовічні старожитності Пивденної Русі-України: мат-ли IV Міжнародн. студ. науков. археологічн. конф., Чернигів, 15-17 квітня 2005 р. / Ін-т археології АН України та ін.; редкол.; видп. ред. В. О. Дятлов. - Чернігів, 2005. - С 91—93.

373 Янин, В. Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Печати, зарегистрированные Е 1970-1996 гг. / В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков. - М.: Интрада, 1998. - Т. III. - 451 с.

374 Литвинов, В. А. Печать со знаком Рюриковичей из Гомельщины / В. А. Литвинов Первая Гомельская областная научная конференция по историческому краеведению, Гомель. февраль 1989 г. / ГГУ им. Ф. Скорины и др.; отв. за выпуск: Г. С. Евдокименко [и др.]. - Гомель, 1989. - С. 98-99.

375 Янин, В. Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Печати X - начала XIII вв. В. Л. Янин. - М.: Наука, 1970. - Т. 1. - 165 с.

376 Медведев, А. Ф. Древнерусские писала X-XV вв. / А. Ф. Медведев // СА. - 1960. - № 2. - С. 63-88.

377 Макушников, О. А. Памятники эпиграфики и сфрагистики из летописного Гомия О. А. Макушников // ГАЗ. Навук. выд. / IГ НАН Беларусь - Мінск, 2000. - Вып. 15. - С. 73-75.

378 Седов, В. В. Происхождение и ранняя история славян / В. В. Седов. // под ред. Б. А. Рыбакова. - М.: Наука, 1979. - 160 с.

379 Терпиловский, Р. В. Славяне Поднепровья в I-V веках н. э. / Р. В. Терпиловский Славянский мир Полесья в древности и средневековье: мат-лы Международн. ист.-археологич. конф., Гомель, 19-20 октября 2004 г. / Гомельский облисполком и др.; редкол.: О. А. Макушников (гл. ред.) [и др.]. - Гомель: УО ГГУ им. Ф. Скорины, 2004. - С. 170-176.

380 Карский, Е. Ф. Белорусы. Введение в изучение языка и народной словесности / Е. Ф. Карский. - Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1903. - 466 с.

381 Гавритухин, И. О. Начало Великого славянского расселения на юг и запад И. О. Гавритухин // Археологічні студії. - Київ-Чернівці: Прут, 2000. - С. 72-90.

382 Иванова, О. В. Славяне и Византия / О. В. Иванова, Г. Г. Литаврин // Раннефеодальные государства на Балканах VII—XII вв. / под ред. Г. Г. Литаврина. - М.: Наука, 1985. - С. 34-98.

383 Приходнюк, О. М. Керамическая посуда Пастырского городища и некоторые проблемы становления славянского гончарства / О. М. Приходнюк // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье ИИМК РАН; редкол.: В. М. Горюнова [и др.]. - СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. - С. 265-281.

384 История Болгарии / под ред. П. Н. Третьякова - М.: Изд-во АН СССР, 1954. - Т. I - 575 с.

385 Литаврин, Г. Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII - начало XI в.) / Г. Г. Литаврин // Раннефеодальные государства на Балканах VII-XII вв. / под ред. Г. Г. Литаврина. - М.: Наука, 1985. - С. 132-188.

386 Наследова, Р. А. Македонские славяне конца IX - начала X в. по данным Иоанна Камениаты / Р. А. Наследова // Византийский временник. - 1956. - Т. XI. - С. 86-87.

387 Българска военна история: в 3 т. Подбрани извори и документи / под ред. на Д. Ангелов. - София: Воєнно издателство, 1977. - Т. 1. - 636 с. (на болг.яз.)

388 Мачинский, Д. А. Миграция славян в I тысячелетии н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) / Д. А. Мачинский. - Формирование раннефеодальных славянских народностей / под ред. В. Д. Королюка. - М.: Наука, 1981. - С. 31-50.

389 Донат, П. Актуальные проблемы археологии ранних славян между Эльбой и Одером / П. Донат // Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов, Киев, 18-25 сент. 1985 г. / Междунар. уния славян. археологии и др.; редкол.: Б. А. Рыбаков (гл. ред.) [и др.]. - Киев: Наук. думка, 1988. - Т. 4.-С. 50-55.

390 Литаврин, Г. Г. Славинии VII—IX вв. - социально-политические организации славян / Г. Г. Литаврин // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология / редкол.: Л. А. Гиндин (отв. ред.) [и др.]. - М.: Наука, 1984. - С. 193-203.

391 Григорьев, А. В. Еще раз о ранних типах лучевых височных колец А. В. Григорьев // Археологічні старожитності Подесення: Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 70-річчю від дня народження Г. О. Кузнецова / Генеральна дирекція Чернобильської АЕС та ін.; редкол.: О. П. Моця (відп. редактор) [та ін.]. - Чернігів, 1995. - С 38-41.

392 Кондаков, Н. П. Русские клады. Исследования древностей великокняжеского периода / Н. П. Кондаков. - СПб. : Типогр. Главн. управл. уделов, 1896. - Т. 1. - 214 с.

393 Сизов, В. И. О происхождении и характере курганных височных колец преимущественно так называемого московского типа / В. И. Сизов // Археологические известия и заметки. - 1895. - № 6. - С. 177-188.

394 Comsa, M. La pénétration des slaves dans le territoire de la Roumanie entre le VI et IX siècle à la lumière des recherches archéologiques // Slavia antique. - 1960. - VII. - P. 175-188.

395 Въжарова, Ж. Селища и некрополи (края на VI-XI в.) / Ж. Въжарова // Археология. - 1974. - № 3. - С. 9-27.

396 Новосельцев, А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / А. П. Новосельцев. - М.: Наука, 1990. - 264 с.

397 Третьяков, П. Н. Древлянские «грады» / П. Н. Третьяков // Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. - М.: Изд-во АН СССР, 1952. - С. 64-68.

398 Древнерусские княжества X-XIII вв. / редкол.: Л. Г. Бескровный [и др.]. - М.: Наука, 1975. - 304 с.

399 ПСРЛ / СПб., 1843. - Т. 2: Густынская летопись. - С. 233-377.

400 Седов, В. В. Городища Смоленской земли / В. В. Седов // Древняя Русь и славяне / отв. ред. Т. В. Николаева. - М.: Наука, 1978. - С. 143-149.

401 Насонов, А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства / А. Н. Насонов. - М.: Изд-во АН СССР, 1951. - 262 с.

402 Мяцельскі, А. А. Смаленска-чарнігаўскае памежжа XII стагоддзя ў міжрэччы Дзясны і Дняпра / А. А. Мяцельскі // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ АН Беларусі. - Мінск, 1994. - Вып. 4. - С. 140-160.

403 Алексеев, Л. В. Полоцкая земля / Л. В. Алексеев // Древнерусские княжества X-XIII вв. / редкол.: Л. Г. Бескровный [и др.]. - М.: Наука, 1975. - С. 202-239.

404 Ляўко, В. М. Смаленска-полацкае памежжа ў Верхнім Падняпроўі (па археалагічных і пісьмовых крыніцах) / В. М. Ляўко // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 1997. - №12.-С. 172-180.

405 Коваленко, В. П. Чернігово-Сіверська земля в середині XIII ст. / В. П. Коваленко // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба: мат-ли церковно-історичної конф., Чернігів, 1-3 жовтня 1996 р. / Чернігівське єпархіальне управління та ін.; редкол.: В. П. Коваленко (відп. ред.) [та ін.]. - Чернігів: Сіверянська думка, 1996. - С. 36-41.

406 Коваленко, В. П. Соціальний склад сільського населення Чернігівської землі X—XIII ст. / В. П. Коваленко // Тези доповідей міжвузівської науково-практичної конф. Ч. 3. Секція соціально-політичних та гуманітарних наук / ЧДПІ ім. Т.Г.Шевченка. - Чернігів, 1992. - С 91-93.

407 Південноруське село IX—XIII ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури): Навч.-метод. посібник / редкол.: О. П. Моця (керівник) [та ин.] . - Київ : ІЗМН, 1997. - 180 с

408 Веретюшкин, Р. С. Разведки в Курчатовском районе Курской области / Р. С. Веретюшкин // АО 2002 года / под ред. В. В. Седова. - М.: Наука, 2003. - С. 99-100.

409 Челяпов, В. П. Раскопки городища Земляной Струг в окрестностях города Касимова / В. П. Челяпов, Д. А. Иванов // АО 2002 года; отв. ред. В. В. Седов. - М.: Наука, 2003. - С. 205-206.

410 Соловьева, Г. Ф. К вопросу о восточной ориентировке в славянских курганах XI-XIII вв. / Г. Ф. Соловьева // СА. - 1963. - № 2. - С. 95-106.

411 Гуревич, Ф. Д. О восточной ориентировке славянских погребений / Ф. Д. Гуревич / КСИА. - 1971. - Вып. 125. - С. 17-22.

412 Пашуто, В. Т. Образование Литовского государства / В. Т. Пашуто; под ред. Л. В. Черепнина. - М.: Изд-во АН СССР, 1959. - 532 с.

413 Русанова, И. Галицко-волынские височные кольца / И. Русанова // Час, помнікі. людзі, Памяці рэпрасаваных археолагаў: тэз. дакладаў Міжнароднай канф., Мінск, 27-30 кастрычніка 1993 г. / ІГ АН Беларусі. - Мінск., 1993. - С. 109-110.

414 Соловьева, Г. Ф. Археологические раскопки близ Рогачева Гомельской области Г. Ф. Соловьева // АО 1969 года; под ред. Б. А. Рыбакова. - М.: Наука, 1970. - С. 304-305.

415 Соловьева, Г. Ф. Раскопки курганов в Белоруссии Г. Ф. Соловьева // АО 1965 года. под. ред. Б. А. Рыбакова. - М.: Наука, 1966. - С. 152-154.

416 Соловьева, Г. Ф. Отчет о работе Радимичского отряда Приднепровской экспедиция Института археологии АН СССР за 1963 г. // Архив ИИ НАН Беларуси. - Д. 226.

417 Мельниковская, О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке О. Н. Мельниковская. - М.: Наука, 1967 - 196 с.

418. Палікарповіч, К. М. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Ніжняга Сожа / К. М. Палікарповіч // Запіскі адцзела гуманітарных навук. Працы катэдры археолегіі. - Менск, 1928. - Кн. 5. - Т. I. - С. 125-252.

419 Марков, А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических) А. К. Марков. - СПб.: Тип. АН, 1910. - 148 с.

420 Дубінскі, С. А. Досьледы культур жалезнага пэрыяду на Віцебшчыне, Магілеўшчыне і Меншчыне / С. А. Дубінскі // Запіскі аддзела гуманітарных навук. Працы катэдры археолегіі. - Менск, 1928. - Кн. 5. - Т. 1. - С. 275-284.

421 Лоначевский, А. Археологические находки в Гомельском уезде Могилевской губернии / А. Лоначевский // Киевская старина. - Киев 1885. - Март. - Т. XI. - С. 573-577.

422 Дубицкая, Н. Археологические исследования в бассейне Нижней Березины / Н. Дубіцкая // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. - Мінск, 2004. - Вып. 21. - С. 28.

423 Соловьева, Г. Ф. Радимичские курганы / Г. Ф. Соловьева // АО 1966 года; под. ред. Б. А. Рыбакова. - ML: Наука, 1967 - С. 242-243.

424 Лашанкоў, М. І. Курганны могільнік дрыгавічоў каля вескі Ліскі Рэчыцкага раена М. І. Лашанкоў // ГАЗ. Навук. выд. / ІГ АН Беларусі. - Мінск, 1996. - Вып. 9. - С. 42-48.

425 Рябцевич, В. Н. Монетные клады Рогачевщины / В. Н. Рябцевич // Старажытнасці Рагачоўшчыны: Мат-лы навукова-практ. канф. - Мінск, Рагачоў, 2000. - С. 79-82.

426 Фурсов, М. В. Курганные раскопки в пяти уездах Могилевской губ. в 1892 г. М. В. Фурсов, С. А. Чоловский // Тр. IX Археологического съезда. - М., 1895. - Т. I. - С. 236-245.

427 Плавинский, А. Н. Раскопки курганов у д. Юдичи / А. Н. Плавинский // Древнерусское государство и славяне: Мат-лы симпоз., посвящ. 1500-летию Киева / Ин-т истории АН БССР; редкол.: Л. Д. Поболь [и др.]. - Минск: Наука и техника, 1983. - С. 34-36.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

(справочное)

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
БГУ — Белорусский государственный университет
ГАЗ — Гістарычна-археалагічны зборнік
ГГУ им. Ф. Скорины — Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины
ІА АН України — Інститут археології АН України
ИА РАН — Институт археологии Российской АН
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской АН
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР, Москва
МАБ — Матэрыялы па археалогіі Беларусі
МГУ им. А.А.Кулешова — Могилевский госпедуниверситет имени А.А.Кулешова
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПВЛ — Повесть Временных Лет
РА — Российская археология
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников СССР
СЭ — Советская этнография, Москва
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея

ПРИЛОЖЕНИЕ В
(обязательное)

ТАБЛИЦА В1 — Корреляция предметов вооружения, воинского снаряжения и быта с этноопределяющими украшениями в могильниках X-XII вв. Юго-Восточной Беларуси и сопредельных территорий, относимых исследователями к радимичам и дреговичам

Могильник	**Категория (кол-во экз.)**	**Этноопределяющие предметы**	**Источник**
1	**2**	**3**	**4**
1. Влазовичи, Брянская обл.	Боевой нож(1)	Семилучевые височные кольца радимичского типа (4)	[13, с. 87, 142]
2. Веточка V, Рогачевский р-н, Гомельская обл.	Бронзовые прямоугольные поясные бляшки (2)	Семилучевое височное кольцо	[415, с. 153-154;
3. Гадиловичи I, Рогачевский р-н, Гомельская обл.	Бронзовые зооморфные поясные бляшки (2)	Отсутствуют	[416, Л. 24, рисунок 37]
4. Городиловка, Новогрудский р-н, Гродненская обл.	Топоры (2)	Зерненые бусы дреговичского типа (2)	[8, с. 186]
5. Демьянки, Добрушский р-н, Гомельская обл.	Втулка копья (?)	Семилучевые височные кольца (4)	[66, с. 187-198]
6. Заславль, Минская обл.	Топоры универсальные и боевые (27), копья (не менее 15-ти), сулицы (2), элементы воинских поясных наборов (в 2-х комплексах)	Кривичские браслетообразные височные кольца, один топор — в курганной группе с дреговичскими зернеными бусами	[247, с. 61-63]
7. Казазаевка (ур. Дивий Луг). Гомельская обл.	Топор (1)	Отсутствуют	[20, с. 42]
8. Колпень, Лоевский р-н, Гомельская обл.	Топор (1), копья (2)	Отсутствуют	[20, с. 16-17]
9. Корма Пайка, Смоленская обл.	Топор (1), остатки доспехов (1)	Отсутствуют	[13. с. 87,144]
10. Кострицкая Слобода, Кировский р-н, Могилевская обл.	Топор (1)	Крупнозерненые бусы и кольца с крупнозернеными бусами дреговичского типа	[8, с. 230]
11. Малейки, ур. Горки Под Котловицами, Брагинский р-н, Гомельская обл.	Топор (1)	Отсутствуют	[20, с. 19-20]

Окончание таблицы В1

1	2	3	4
12. Минулими, ур. Горки у Микуличского двора, Брагинский р-н	Топоры (4), боевой нож (1), костяные детали лука, деревянное ведро с серебряными накладками	Отсутствуют	[20, с. 26]
13. Мохов, Лоевский р-н, Гомельская обл.	Топоры (4), копья (2), пряжка воинского типа (1), обломки железных тордированных гривен и браслетов	Кривичские браслетообразные височные кольца (11 в 3-х комплексах)	[20, с. 16; 213, с. 131-134]
14. Нисимковичи I, Чечерский р-н, Гомельская обл.	Бронзовая поясная накладка (1)	Отсутствуют	[99, с. 168-187]
15. Новая Новицкая, Брянская обл.	Топор (1)	Семилучевые височные кольца (2)	[13, с. 87, 146]
16. Рыловщина, в черте г. Минска	Топор (1)	Зерненая бусина дреговичского типа	[8, с. 58, 81]
17. Сенское (Синск), Лоевский р-н, Гомельская обл.	I Топор (1)	Отсутствует	[20, с. 17-18]
18. Смяличи, Брянская обл.	Боевой нож(1)	Семилучевое височное кольцо (1), крупнозерненая бусина (1)	[13, с. 87, 148]
19. Строкайлы, Могилевская обл.	Топор (1)	Семилучевое височное кольцо (1)	[9, с. 86]
20. Устье, Бобруйский уезд, Могилевская губ.	Топор (1)	Отсутствуют	[8, с. 86]
21. Холмечь, Речицкий р-н, Гомельская обл.	Топоры (2), чаши из черепахи (3). Чаша из черепа человека (1)	Отсутствуют	[20, с. 28-32,68]
22. Ясенец, Ганцевичский р-н, Брестская обл.	Топор (1)	Отсутствуют	[8, с. 154]
23. Ясень, Осиповичский р-н, Могилевская обл.	Топор (1)	Отсутствуют	[8, с. 243]

Примечания: а) могильники курганные; могильник Нисимковичи 1 бескурганный; б) в таблице не рассматриваются предметы вооружения и воинского быта могильников Кветуни, Мериновки и Левенки на Брянщине, которые иногда приписываются радимичам

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

(обязательное)

КАТАЛОГ ПАМЯТНИКОВ V-XIII вв. ГОМЕЛЬСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Наименования населенных пунктов, их привязка к районам, сельским, поселковым и городским советам приведены в соответствии со справочником Е.Н. Рапановича «Слоўнік назваў населеных пунктаў Гомельскай вобласці» (Мінск: Навука і тэхніка, 1986). После названия населенных пунктов в скобках помещено правописание наименования населенного пункта или урочища из раннего источника. Источники информации помещены в конце описания. Предпочтение отдается первоисточникам или исследованиям с расширенным цитированием. Если памятник обследовался неоднократно, то приводятся ссылки на основных исследователей. Ссылки на повторные упоминания о памятнике в позднейших картах, сводах, публикациях материалов и пр., если они не являются дополняющими и корректирующими, опускаются. Карты памятников по районам см. на рисунках 123-134.

Список сокращений

арш. - аршин; бер. - берег; бронз. - бронзовый; БВ - бронзовый век; бывш. - бывший; В - восток; вер. - верста; вол. - волость; втор. - второй; выс. - высота; глин. - глиняный; ГГУ им. Ф. Скорины - Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины; ГОАЦ - Гомельский областной археологический центр; г. - город; гор. - городище; г.п. - городской поселок. г/с - городской совет; д. - деревня; диам. - диаметр; ДР - Древняя Русь; жел. - железный; ЖВ - железный век; ж-д. - железнодорожный; 3 - запад; кам. - каменный; КВ - каменный век; кер. - керамика; колл. - коллекция; к. - конец; кост. - костяной; круг. - круговой; культ. - культурный; кург. - курган; лев. - левый; лепн. - лепной; металлич. - металлический; мог. - могильник; нас. - насыпь; нас. п. - населенный пункт; нач. - начало; обл. - обломок; о. - обследование; оз. - озеро; окр. - окраина; пер. - период; перв. - первый; пл. - площадь; пол. - половина. пос. - поселение; п. - поселок; пер. - период; прав. - правый; п/с .- поселковый совет; р. - река; ран. - ранний; раннекруг. - раннекруговой; РЖВ - ранний железный век; Р - раскопки; руч. - ручей; РКМ - Речицкий краеведческий музей; р.п. - рабочий поселок; саж. - сажень; кладб. - кладбище; свед. - сведения; св. - свыше; С - север; сел. - селище; сер. - середина; ул. - улица; совр. - современный; с/с. - сельский совет; тер. - терраса; трет. - третий; ур. - урочище; фольв. - фольварк; хут. - хутор; ц. - центр; четв. - четверть; шир. - ширина; шиф. - шифер; Ю - юг

Брагинский р-н

1-2. **Асаревичи,** д, ц. с/с. 1) В к. 1920-х отмечен кург. [43. С. 92. № 1]. 2) В ур. Камень сел. «раннемилоградской культуры», трет. четв. I тыс. н. э. и ДР. О.: О.Н. Мельниковская, Л.Д Поболь [417. С. 190. № 7; 44. С. 228. № 7]. 3-5. **Брагин,** г.п. 3) Детинец летописного г. на выступе всхолмления в пойме прав. бер. Брагинки при впадении руч. Площадка подчетырехугольная (90х70 м), защищена валом высотой до 5 м. Выявлены материалы XI-XVIII вв. С ВЮВ к детинцу примыкал посад. Следы посада X-XVIII вв. есть и на противоположном бер руч. О.: П.Ф. Лысенко (1966). Р.: М.А. Ткачев (1977, 40 кв. м) [8. С. 17]. 4) На ЮЗ окр. г. п. є нач. 1930-х был 1 кург. [43. С. 92, № 3]. 5) На ЮЗ окр. г.п. остатки пос., в т. ч. с материалами трет. четв. I тыс. н. э. О.: И.Х. Ющенко (1930) [44. С. 228. № 12]. 6. **Бурки,** д., Остроглядский с/с. У д. 1 кург. О.: И.Х. Ющенко (нач. 1930-х) [43. С. 92]. 7. **Верхние Жары,** д., ц. с/с. На прав. бер. Днепра сел. трет. четв. I тыс. н. э. О.: И.Х. Ющенко (1929) [44. С. 299. № 16]. 8. **Волоховщина,** д., Сперижиский с/с. В нач. 1930-х у д. были кург. [43. С. 92. № 6]. 9. **Галки,** д., Асаревичский с/с. Сел. РЖВ и ДР расположено в 0,5 км к В от д. в ур. Стонча в правобережье Днепра. Пл. ок. 1,5 га. О.: И.Х. Ющенко (1929), В.Е. Соболь (1975) [45. С. 95. № 239]. 10-11. **Гдень** д., ц. с/с. 10) Гор. в ур. Городок на СЗ окр. д., на останце прав. бер. Брагинки. Площадка круглая диам. 45 м. РЖВ и ДР. О.; И.Х. Ющенко (1929), О.Н. Мельниковская и Л.Д. Поболь (1956.. В.Е. Соболь (1976) [163. С. 10-12; 45. С. 96. № 242]. 11) При гор. сел. РЖВ и ДР. О.: И.Х. Ющенко (1920-е), В.Е. Соболь (1975) [45. С. 96. № 242]. 12-13. **Глуховичи,** д., ц. с/с. 12) По свед. 1873 в 1 вер. от д. 2 кург. [8. С. 161. № 2]. 13) По свед. 1873 2 кург. у кладб. [8. С. 161.

№ 3]. 14. **Городище,** д., Малейковский с/с. Гор. в 0,1 км к Ю от д., на всхолмлении прав. бер. Брагинки. Кер. ДР и более поздняя. Известно с 1873. О.: И.Х.Ющенко (1930), В.Е.Соболь 1975) [45. С. 95,96. № 240]. 15. **Грушное**, д., Савичский с/с. В к. 1920-х на прав. бер. Брагинки по дороге в Сувиду имелся кург. [43. С. 92. № 11]. 16. **Дублин,** д., Сперижский с/с. У д. было 118 кург. [43. С. 93. № 12]. 17. **Елча,** д., Новоелченский с/с. (Иолча, Старая Иолча). В 1873 у д. было 5 кург. По данным к. 1920-х 5 поврежденных кург. на прав. бер. Брагинки [43. С. 94. № 37; 8. С. 161. № 5]. 18. **Жалибор,** д., Круковский с/с. (Жалтбор). На бер. р. Несвечь 2 кург. О.: И.Х. Ющенко (к. 1920-х) [43. С, 93. № 13]. 19-20. **Калыбань,** д., ц. с/с. 19) **В** 2 км ЮЗ д. на прав. бер. Брагинки в ур. Замостье 6 кург. О.: И.Х. Ющенко (1929), В.Е.Соболь (1975) [45. С. 97-98. № 259б]. 20) В ур. Талабаева Горка сел. ДР. О.: И.Х. Ющенко (к. 1920-х) [43. С. 93. № 15]. 21-22. **Малейки,** д., ц. с/с. 21) Между д. и д. Городище в ур. Курганье на лев. бер. Брагинки в к. XIX в. отмечен распаханный мог. (св. 30 кург.). Р.: В.З. Завитневич (1890, 6 кург.). В одном кург. кремация. Прослежены вертикально вкопанные столбы [20. С. 18-20]. 22) В 1 вер. к ЮВ от ур. Курганье в ур. Горки Под Котловицами на поле распаханный мог. Р.: В.З. Завитневич (1890, 1 кург.). [20. С. 18-20]. 23. **Маритон,** д., Остроглядский с/с. По свед. 1873 группа кург. при дороге из Маритона в Звеняцкое [8. С. 163. № 7]. 24. **Микуличи,** д., ц. с/с. К 3 от д. в ур. Горки Возле Микуличского Двора в лесу было 52 кург. и рядом на поле еще 8. Р.: В.З. Завитневич (1890, 13 кург.). В 10-ти кург. ямные ингумации, многие ямы похожи на склепы. Стенки ям обмазаны известью или обшиты берестой. Найдены жел. топоры, удила, весы, весовая гирька, остатки ведер и т. д. В 3-х кург. ингумации на горизонте. К. X — перв. пол. XI вв. К сер. 1970-х сохранялось 29 кург. О.: В.Е.Соболь (1975), Г.М.Залашко (1977) [20. С. 26-28; 45. С. 100-101. № 284]. 25. **Нижние Жары,** д., Верхнежарский с/с. В ур. Кочубеевка на прав. бер. старицы Днепра сел. РЖВ и ДР. О.: И.Х.Ющенко (к. 1920-х) [43. С. 93-94. № 27]. 26. **Новая Елча,** д., ц. с/с (Новая Иолча). В ур. Голубовка И.Х.Ющенко в к. 1920-х отметил 1 кург. [43. С. 94. № 29]. 27-28. **Пожарки,** д., Брагинский п/с. 27) Вдоль дороги Брагин — Хойники, среди полей в к. XIX в. находился распаханный мог. (ур. Горки Возле Пашковки). Состоял из 2-х групп (в 100 и 25 кург.). Р.: В.З.Завитневич (1890, большая группа — 7 кург.; малая группа — 3 кург.). В большой группе кург. с кремацией. В двух кург. прослежены остатки вертикальных столбов. В малой группе в одном кург. на горизонте выявлен костяк головой на запад. Во втором кургане остатки гроба на горизонте, третий оказался «пустым». X-XI вв. К 1970-м сохранялся 51 кург. в 2 км к 3 от д. О.: В.Е. Соболь, Г.М. Залашко (1977) [20. С. 20-26; 45. С. 102. № 290]. 28) Вдоль дороги Брагин —

Хойники, среди полей в к. XIX в. находился частично распаханный мог. из трех групп кург.: в 36, 14 и 87 нас. Р.: В.З. Завитневич (1890: первая группа — 8 кург., вторая — 5 кург., третья — 13 кург.). В первой группе 2 кург. оказались «пустыми», в 5-ти — трупоположения на горизонте в гробах, в 1-м — трупоположение в яме в гробу. Гробы сбиты гвоздями, обернуты в бересту и частично обожжены. Во второй группе в 2-х кург. покойники лежали в ямах, в остальных — на горизонте. В третьей группе погребения на горизонте и в ямах. XI-XII вв. [20. С. 20-26]. 29. **Просмычи,** д., Савичский с/с. Сел. I тыс. н. э. и «эпохи феодализма» на прав. бер. Брагинки в ур. Гряда. О.: И.Х. Ющенко (1930) [44. С. 231. № 50]. 30. **Пучин,** д., Слободский с/с. Возле д. в 1973 обнаружена кер. втор. пол. I тыс. н. э. [44. С. 231. № 52]. 31-33. **Сперижье,** д., ц. с/с. В 1930 И.Х. Ющенко открыл 3 памятника. 31) На бер. Брагинки у кладб. стоянка КВ и сел. I тыс. н. э. [44. С. 232. № 58]. 32) На бер. Брагинки в ур. Смешливый Рог сел. I тыс. н. э. и ДР [44. С. 232. № 59]. 33) У д. был кург. [43. С. 94. № 35]. 34-35. **Старая Гребля — Новая Гребля,** д., Чемерисский с/с. 34) На лев. бер. Брагинки в ур. Огороды стоянка КВ, сел. I тыс. н. э., ДР [44. С. 232. № 60]. 35) Был мог. из 20 нас. [43. С. 94. № 36]. 36-37. **Старая Елча,** д., Новоелченский с/с (Старая Иолча). 36) На прав. бер. Брагинки в ур. Церковище стоянка КВ, сел. 1 тыс. н. э. и «эпохи феодализма». 37) По данным к. 1920-х 5 поврежденных кург. на прав. бер. Брагинки возле оз. Мачулище. О.: И.Х. Ющенко (1929) [43. С. 94. № 37; 8. С. 161. № 5]. 38. **Таклинов,** д., Угловский с/с. Стоянка КВ и сел. I тыс. н. э. на прав. бер. Брагинки в ур. Долгое. О.: И.Х. Ющенко (1930) [44. С. 232. № 64]. 39. **Чемерисы,** д., ц. с/с. Слева от дороги на Асаревичи, у фермы, среди торфяника пос. КВ, ЖВ и втор. пол. I тыс. н. э. О.: В.Ф. Исаенко, И.М. Тихоненков (1965) [44. С. 233. № 69]. 40. **Чернев,** д., Пирковский с/с. Сел. в 1,5 км ЮЗ д. на прав. бер. Брагинки, на дюне. КВ., БВ., ЖВ. Выявлена кер. «раннефеодального» времени. О.: Л.Д. Поболь (1964), В.Е. Соболь (1975) [45. С. 105. № 314]. 41-42. **Чикаловичи,** д., Калыбаньский с/с. 41) В 6 км ЮЗ Чикаловичей в ур. Городок гор. «болотного типа» с материалами РЖВ и ДР. Имеет 3 укрепленные площадки общим размером 260x150 м. О.: И.Х. Ющенко (к. 1920-х), О.Н. Мельников-

ская и Л.Д. Поболь (1960-е) [64. С. 149. № 82]. 42) В ур. Остров Сиверский И.Х. Ющенко в к 1920-х собрал кер. РЖВ и I тыс. н. э. [44. 1983. С. 233. № 74].

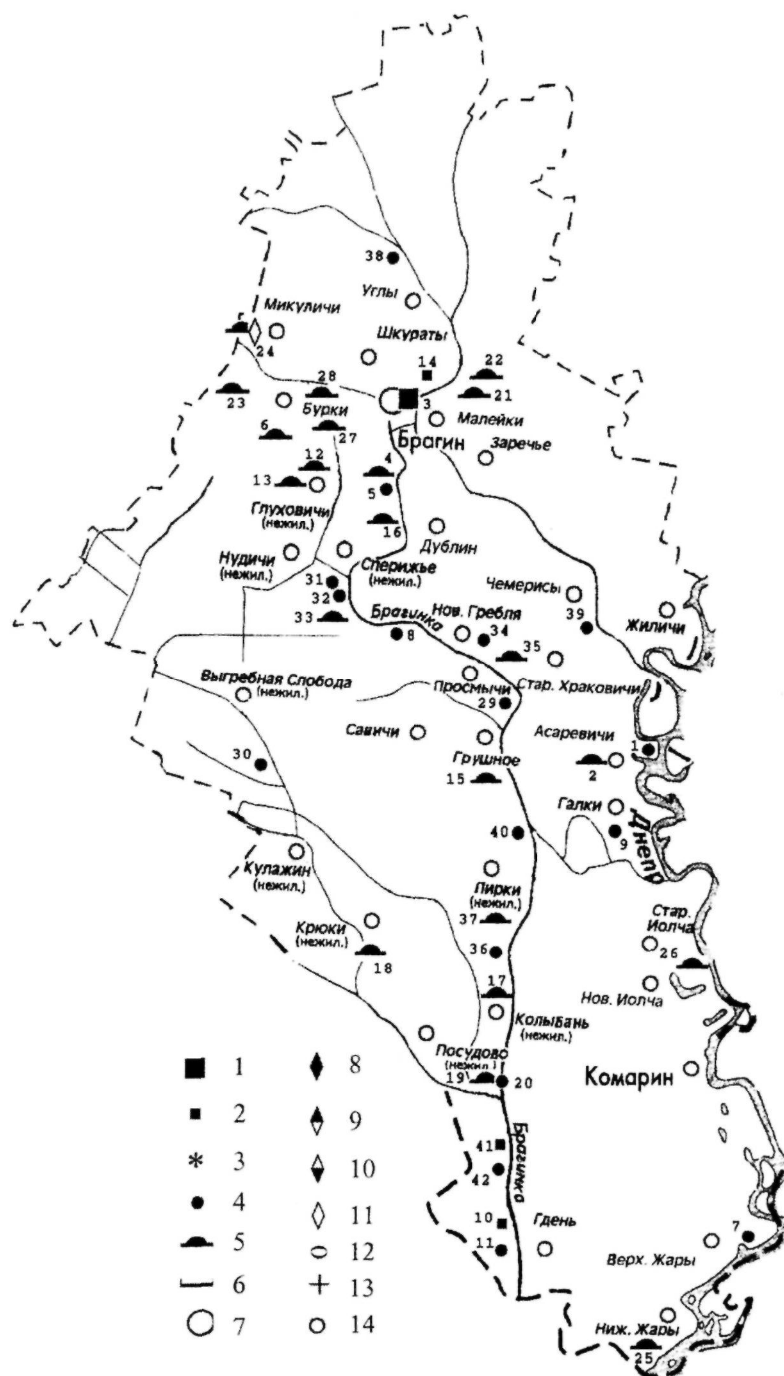

Рисунок 123 — Брагинский р-н. Карта памятников V-XIII вв.
Нумерация соответствует нумерации «Каталога».
Условные обозначения: 1 — город; 2 — городище; 3 — святилище; 4 — селище; 5 — курганы; 6 — грунтовой могильник; 7 — современный город; 8 — вещевой клад; 9 — монетно-вещевой клад; 10- монетный клад. 11 — монета; 12 — поклонный камень; 13 — случайная находка; 14 — современная деревня

Буда-Кошелевский р-н

1-2. **Андреевка,** д., Широковский с/с. 1) В ур. Остров отмечено ок. 200 кург. Мог. расположен на приустьевом участке залесенного лев. бер. Липы. О.: К.М.Поликарпович (1926), А.И. Дробушевский, О.А.Макушников (1982) и др. [418. С. 172; 45. С. 108. № 328]. 2) На С окраине останца Остров в ур. Бутромис одиночные кург. О.: К.М.Поликарпович (1926). 2 кург. в 1936 отметили у Андреевских хут. А.Н.Лявданский и А.Д.Коваленя [418. С. 172; 62. Л. 118]. 3. **Бацунь,** д., Кривский с/с. В к. XIX в. в ур. Клешенка было 42 кург. [21. С. 29]. 4-5. **Блюдница,** д., Коммунаровский с/с. 4) В 0,3 км к С от д. обследована плоская полуовальная в плане насыпь выс. до 1,5 м над поймой и диам. ок. 20-24 м. Находится на лев. бер. р. Журбица. О.: Я.Г.Зверуго (1976), О.А.Макушников (1993) [45. С. 109. № 332б]. 5) В 1873 в 1 вер. от д. было 50 кург. Сейчас в ЮВ части кладб. насчитывается 11 разрушенных кург. О.: Я.Г.Зверуго (1976), О.А.Макушников (1993) [164. С. 38; 21. С. 29; 45. С. 109. № 332а]. 6. **Броды,** д., Дуравичский с/с. В 0,35 км СВ д. на кладб. по дороге к автотрассе 18 кург. 7. **Бронница,** д., Липиничский с/с. У бывш. фольв. в 1873 в лесу отмечено 10 кург. В 1976 в 2 км на В от д. Я.Г.Зверуго обследовал 4 кург. [164. С. 54; 45. С. 109. № 333]. 8. **Буда,** д., Липиничский с/с. В к. XIX в. по дороге в Шиловцы отмечалось 6 кург. [21.С. 25]. 9. **Буда-Кошелевский р-н** (бывш. Уваровичский р-н). В 35 вер. выше от устья по течению Узы в 1924 найден дирхам 905/906 гг. [314. С. 35. № 17]. 10. **Буда-Люшевская**, д., ц. с/с. 3 кург. отмечены в 1873. О.: Я.Г.Зверуго (1976). 2 кург. находятся в 0,3 км к В от д. [164. С. 54; 45. С. 109. № 335]. 11. **Викторин,** бывш. д. В 1873 у д. в поле было 5 кург. [164. С. 54]. 12. **Галеевка,** бывш. п., Рогинский с/с. В к. XIX в. были кург. [21. С. 30]. 13. **Галенки,** бывш. п., Морзовичский с/с (хут. Галинки). Кург. [21. С. 29]. 14. **Глазовка,** д., ц. с/с (Чеботовичи). 10 кург. в поле было в 1873. Е.Р.Романов уточнял, что 26 кург. находятся в ур. Подбудище. Уничтожены [164. С. 38; 21. С. 29]. 15. **Губичский Кордон,** п., Губичский с/с (Кордон). 100 кург. располагалось на лев. бер. Днепра. Р.: Е.Р.Романов (1904, 16 кург.). Трупоположения. Инвентарь дреговичского типа. Уничтожены [19. С. 25-28]. 16. **Дубровка,** д., Липиничский с/с (Люшевка, Люшево). Кург. известны с к. XIX в. О.: Я.Г.Зверуго (1976). Мог. из 60 нас. располагается в 0,5 км ССЗ д. на кладб. и рядом с ним [45. С. 110. № 342]. 17-18. **Дуравичи.** д., ц. с/с (Дуровичи). 17) Кург. известны с 1873. 24 кург. в 2,5 км на В от д. на кладб. п. Бурлак. Большинство разрушено О.: Я.Г.Зверуго (1975-76), О.А.Макушников (1993) [164. С. 54; 45. С. ПО. № 343а]. 18) Кург. известны с 1873. В 1976 обследовал Я.Г.Зверуго. Остатки мог. в 1,1 км ССЗ д., в 1,5 км ЗЮЗ от п. Герой на лев. бер. р. Липы. К 1992 сохранялось 18 разрушенных нас. О.: Я.Г.Зверуго (1976) [164. С. 54; 45. С. ПО. № 343б]. 19-20. **Еленец,** д., Недойский с/с. 19) В к. XIX в. в 2 вер. к З от д., в 1 вер. от р. Кулины и в 3 вер. от Днепра в лесу было 8 кург. Р.: Е.Романов (1888, 1 кург.) Ингумация [17. С. 131-132]. 20) Мог. из 21 кург. в 0,5 вер. от описанного выше мог. на всхолмлении в левобережье Днепра, в лесу. О.: Е.Р.Романов (1888) [17. С. 131-132]. 21. **Забабье,** д., Потаповский с/с. В 1873 у д. было 4 кург. Располагались в В части д. на огородах, на бер. руч. Уничтожены. О.: О.А.Макушников (1993) [164. С. 54]. 22-23. **Заболотье,** д., ц. с/с. 22) Мог. из 32 кург. находится в 2,8 км ЗСЗ д. О.: Я.Г.Зверуго (1975-76), О.А.Макушников (1993) [164. С. 54; 45. С. 110. № 348]. 23) По свед. местных жителей (1992) в ур. Дедня имеются кург. 24. **Ивановка,** д., Недойский с/с. По свед. к. XIX в. у д. были кург. Распаханы [21. С. 30]. 25. **Ивольск,** д., ц. с/с. По свед. 1873 при церкви было 20 кург. и 80 — на поле. Е.Р. Романов в к. XIX в. отметил 82 кург. [164. С. 38; 21. С. 29]. 26. **Калинине,** д., ц. с/с (бывш. Семеновка). Отмечались кург. [21. С. 29]. 27-29. **Козий Рог,** бывш. п., Потаповский с/с. 27) Возле п. выявлены 2 клада (возможно, части одного клада) плетеных шейных гривен. Клад № 1 найден состоял из нескольких гривен, известна одна. Клад № 2 выявлен в 1980 при распашке поля. Известно 7 гривен. Клады датируются к. XI — нач. XIII вв. 28) На окраине п. был мог. (ок. 5 нас). Уничтожены [277. С. 263-266]. 29) На поле у бывш. п. селище ДР. О.: О.А.Макушников (2008). 30-31. **Красный Курган,** п., Чеботовичский с/с 30) Мог. из 18 кург. в 1,5 км СЗ п. О.: Я.Г.Зверуго (1976) [45. С. 116. № 404а]. 31) Мог. из 50 кург. в 1 км СЗ от п. О.: А.А.Хацкевич (1982) [45. С. 116. № 404б]. 32. **Кривск,** д., ц. с/с В к. XIX в. на р. Ивольке были кург. [21. 1910. С. 29]. 33. **Любавин,** д., Буда-Люшевский с/с (Любавня). Отмечалось 48 кург. [164. С. 54]. 34-36. **Морозовичи,** д., ц. с/с. 34) В 6 км от д. на прав. бер. Узы на пашне сел. ЖВ и трет. четв. I тыс. н. э. О.: Л.Д.Поболь (1964) [44. С. 234. № 86]. 35) Сел. эпохи «раннего феодализма» в 5 км З д. по направлению к п. Зеленый Луг. О.: Л.Д.Поболь (1964) [44. С. 234. № 87]. 36) В к. XIX в. в д. было 30 кург. [21. С. 29]. 37. **Неговка,** д., Липиничский с/с. В к. XIX в. было 15 кург. [164. С. 54]. 38. **Николаевка,** д., ц. с/с В 1873 отмечены: 4 кург. при д. в поле на высоком месте, 4 -

на кладб., 1 — в ур. Выдрица [164. С. 53]. 39. **Новая Гусевица,** д., Гусевицкий с/с. В 1873 было 50 кург. в 2 вер. от д. на высоком месте в поле. [164. С. 38]. Уничтожены. 40. **Октябрь,** д., центр с/с (бывш. Поповка). На Ю окр. д., слева от дороги Гомель-Могилев, возле здания клуба и на кладб. 9 нарушенных кург. О.: Я.Г.Зверуго (1976), О.А.Макушников (1993) [164. С. 56; 45. С. 108. № 327]. 41. **Потаповка,** д., ц. с/с. В 1873 отмечалось 20 кург. на кладб., 9 — в поле, 7 — на огородах. К 1993 сохранилось 38 курганов на кладб. Испорчены новыми захоронениями. О.: Я.Г.Зверуго (1976), О.А.Макушников (1993) [164. С. 54; 45. С. 114. № 373]. 42. **Присенщина,** д., Широковский с/с. Сел. ДР по дороге в Дудичи, в 0,5 км С д. Занимает участок тер. прав. бер. Липы на пл. ок. 1 га. О: А.И.Дробушевский (нач. 1980-х). 43. **Радеево,** д., Уваровичский п/с (есть привязка к Дуравичам). Кург. известны по свед. 1873 (141 кург.). Мог. находится в 3 км СВ Радеево, в 3,2 км ЮВ Дуравичей, в 1,1 км ЮВ Дубовицы в лесополосе. 53 кург. Большая часть нарушена кладоискателями. О.: Я.Г. Зверуго (1976), О.А.Макушников (1993) [164. С. 38. 45. С. 110. № 343в]. По свед. 1873 141 кург. находился в лесу близ Дуравичей. Вероятно, речь идет об указанном выше памятнике [164. С. 54]. 44. **Руденец,** д., Калининский с/с. На лев. бер Узы в ур. На Курганах **в** к. XIX в. было 15 кург. Р.: Е.Р.Романов, конец XIX в. Ингумации на горизонте [21. С. 29]. 45. **Рудня-Кошелевская,** д., Кошелевский с/с. В XIX в. отмечалось 10 кург. в поле и 5 — на бер. р. Липы. Памятник располагался на С окраине д. [164. С. 54]. Уничтожен. 46. **Сеновец, п.,** Чеботовичский с/с. По свед. 1873 было 80 кург. В к. XIX в., как отметил Е.Р.Романов, по дороге из Чеботовичей в Ивольск было ок. 120 кург. [164. С. 38; 21 С. 25]. 47-48. **Синичино,** д., Ивольский с/с. 47) В 1873 на р. Ивольке имелось 9 кург. [164 С. 38; 21. С. 38].) 48) Сел. ДР расположено на 3 окраине д., на краю левобережной тер. р. Ивольки. Пл. не менее 1 га. О.: А.И.Дробушевский (нач. 1980-х). 49. **Слобода Люшевская,** д., Буда-Люшевский с/с. По данным 1873 в д. 38 кург. К нач. 1990-х на кладб. сохранялось 24 кург. О: Я.Г.Зверуго (1976), О.А.Макушников (1993) [164. С. 54; 45. С. 115. № 383].

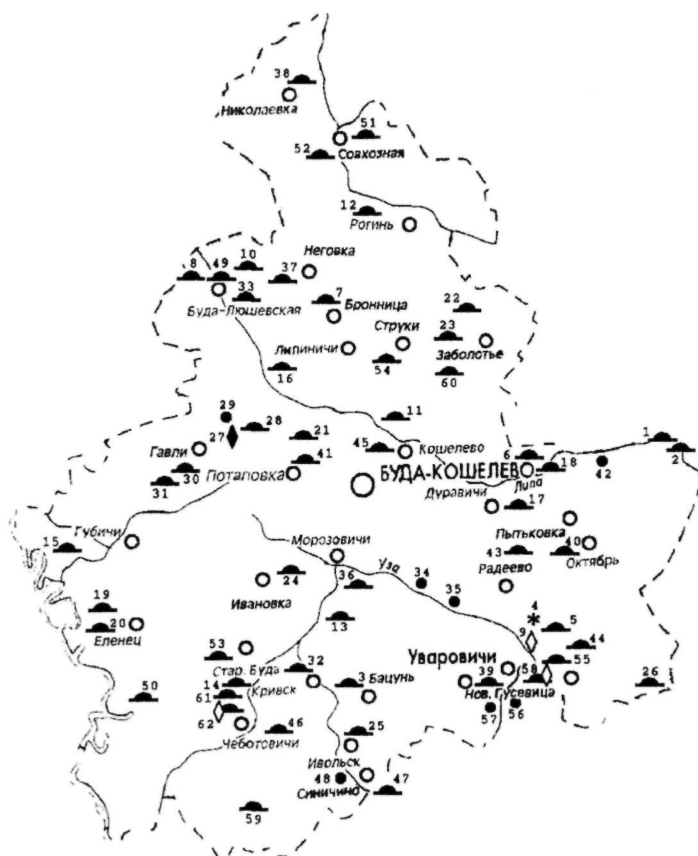

Рисунок 124 — Буда-Кошелевский р-н.
Карта памятников V-XIII вв. Нумерация соответствует нумерации «Каталога»
Условные обозначения см. на рисунке 123

50. **Смычок,** д., Чеботовичский с/с (Беревеновка). В нач. XX в. кург. отмечены возле гор. Городок [21. С. 26]. 51-52. **Совхозная,** д., Николаевский с/с (бывш. Церковье). В 1873 у д. было два мог. 62 кург. находилось в ур. Гальная Лужа в лесу. 10 кург. располагались в 3 вер. от ур. Гальная Лужа в поле [164. С. 53]. 53. **Старая Буда,** д., Недойский с/с. В ур. Хрейки в к. XIX в. отмечалось от 12 до 23 кург. В 1982 А.А.Хацкевич осмотрел 22 нас. на кладб. в 1 км З д. [164. С. 38; 21. С. 38; 45. С. 115. № 387]. 54. **Струки,** д., Липиничский с/с. В к. XIX в. 20 кург. располагалось у д. в поле [164. С. 54]. 55. **Тихиничи,** д., Калининский с/с. На бер. р. Журбицы имелось 3 кург. Р.: Е.Романов (рубеж XIX-XX вв.). [21. С. 29]. 56-58. **Уваровичи,** т.п., ц. п/с. 56) В 0,2 км к Ю от р. Узы, в 0,5 км от фермы на поле обнаружены кальцинир. кости и кер. перв. пол. — трет. четв. I тыс. н. э. О.: Л.Д.Поболь (1962) [44. С. 234. № 93]. 57) В 2,5 км ЮЮЗ от г.п., в 3 км ЮВ д. Новая Гусевица, на склоне правобережной тер. Узы сел. ЖВ и XII-XIII вв. Пл. 100x60 м. О.: О.А.Макушников (1981, 1993). 58) В 0,5 км к Ю от г.п. в к. XIX в. было ок. 150 кург. Находили костяки, металлические подвески и др. Уничтожены [164. С. 38; 21. С. 29; 45. С. 115-116. № 393б]. 59. **Холхла**, д., Бервеновский с/с (Хохла). У д. были кург. [21. С. 26]. 60. **Хорошевка,** д., Заболотский с/с. По свед. 1873 были кург.: 10 — в лесу и 4 на огородах. По сообщениям местных жителей (1993) 1 кург. сохранился на СЗ окр. д. [164. С. 54]. 61-62. **Чеботовичи,** д., ц. с/с. 61) По дороге на Будище ок. 25 кург. [Романов. 1910. С. 25]. 62) По данным Е.Р.Романова, у болота Солоное Будище имелось 37 кург. Р.: В.Б.Антонович (1893, 14 кург.). Во всех нас. по костяку [164. С. 38; 21. С. 25].

Ветковский р-н

1-3. Беседь, д., Бартоломеевский с/с. 1) 3 кург. расположены в 3 км ЮЗ д., в 1,2 км к В от санатория «Беседь» в лесу. 2) Гор. в 0,3-0,4 км ЗЮЗ д. на мысу останца тер. лев. бер. Беседи. Площадка округлая 72x66 м, выс. над поймой 4 м. С напольной стороны — остатки вала выс. ок. 1,5 м. О.: А.И.Дробушевский (1983). В шурфах 1992 О.А.Макушников выявил фрагмент лепн. сосуда, кер. к. XI-XIII вв. и др. 3) Сел. в 1 км З от д., на мысу тер. прав. бер. Беседи. Пл. 140x30-40 м. В шурфе О.А.Макушникова 1992 лепн. кер. I тыс. н. э. и круг. к. X-XI вв. 4. **Борьба,** д., Сивенский с/с (бывш. — д. Романове, слобода Романова). У д. в к. XIX в. было 28 кург. [164. С. 37]. 5. **Быковец,** д., Хизовский с/с. В к. XIX в. по дороге в Гуту было 7 кург. (ур. Еловец). О.: С.Н.Васильева (1975), О.А.Макушников (1992). Кург. в 0,4 км ЮЗ д. на Ю окраине кладб., на участке 2-3-метровой тер. прав. бер. р. Быковка. Большая часть нарушена ямами [21.С. 27; 45. С. 120. № 419]. 6-10. **Великие Немки,** д., ц. с/с (Большие Немки). В 1992 отрядом ГОАЦ обследован ряд памятников. 6) Сел. в 0,9 км СВ д., на пологом участке 5-7-метровой тер. лев. бер. Беседи, на 3-х мысах. На площ. 350x30-45 м зафиксирован слой с раннекруг. и круг. кер. IX-XII вв. 7) Сел. в 0,2 км ЮВ д. на пологом склоне 5-7-метровой тер. прав. бер. Беседи. Пл. 200x45-50 м. Материал КВ, лепн. кер. I тыс. н. э, раннекруг. и круг. посуда X-XII вв. 8) Мог. в 0,9 км СВ от д., на СВ окр. сел., на участке 5-7-метровой тер. лев. бер. Беседи. До 20-ти кург., разрушенных раздуванием. 9) В 1873 на полях располагался мог. из 230-240 нас. В к. XIX в. сохранялись 133 кург. в 2-х группах. К к. 1990-х уцелело 22 кург. разной сохранности в 0,2 км ССВ п. Чемерня. Р.: Н.И.Бруевич (1997-98, 4 нас). Ингумации с радимичским инвентарем [164. С. 56; 21. С. 27; 45. С. 131. №487; 335. С. 22-25]. 10) В 1873 у д. было 34 кург. В 1980 остатки мог. осмотрены О.А.Макушниковым. 5 кург. (в т. ч. 3 разрушенных) сохранялись на ССВ окраине д. [164. С. 56]. 11-12. **Ветка,** г. 11) Местонахождение раннекруг. кер. IX-X вв. на месте стоянки неолита-бронзы, в 0,8 км СЗ г. на мысу тер. лев. бер. Сожа. О.: О.А.Макушников (1991). Уничтожено. 12). Сел. XII-XVII вв. на месте пос. КВ, БВ, ЖВ. на мысу тер. (выс. до 6-7 м над поймой) лев. бер. Сожа в 2,5 км ЗСЗ от г., в ур. Селище. Пл. ок. 850-900x120-130 м. В 1991-92 уничтожено карьером на пл. ок. 8 га. О.: К.М.Поликарпович (1920-е), Е.Г. Калечиц (1975-82), О.А.Макушников (1980-81, 1991-92) и др. [44. С. 235, 237. № 101, 128, 129]. 13-14. **Воробьевка,** д., Бартоломеевский с/с. В к. XIX в. в лесу было 10 кург. В 1992 зафиксировано 8 нас. в 2 км ЮЗ д. на останце тер. лев. бер. Беседи (ур. Остров) [21. С. 27]. 14). Сел. с лепн. и круг. кер. к. X-XII вв. расположено в ур. Остров к С от мог. Пл. ок. 160x25 м. Открыто в 1992. 15. **Глуховка,** д., Светиловичский с/с. Было 6 кург. Распаханы [21. С. 27]. 16. **Глыбовка,** д., Новогромыкский с/с. По данным к. XIX в. 10 кург. было на крестьянской земле, еще 10 у оз. Студенки. В 1976 С.Н.Васильева осмотрела 7 нас. в 2 км к С от д. [21. С. 27; 45. С. 121. № 424]. 17. **Гончаровка,** бывш. д. В к. XIX в. у д. было 5 кург. [21. С. 27]. 18-19. **Городок,** п., Столбун-

ский с/с (Столбун, Колбовка). 18) В к. XIX в. отмечено, что гор. находится при фольв. Боярщина (Городец). О.: С.Н. Васильева (1976), С.Е.Рассадин (1981). Р.: Н.И.Бруевич (1998-2003, 895 кв. м). Гор. в 1 км ЮЗ п. на 5-6-метровой тер. лев. бер. р. Столбунки. Площадка округлая 26 (З-В) х 30 (С-Ю) м. Окружена валом и рвом. Выявлены остатки внутривальных деревянных конструкций [164. С. 56-57; 21. С. 12; 45. С. 121. № 421; 332. С. 301]. 19) В 1,5 км на З от п., в 0,25 км ЗЮЗ от гор. сел. с лепн. кер. I тыс. н. э. и раннекруг. IX-X вв. Занимает склон тер. лев. бер. Столбунки. Пл. ок. 230x40 м. 20-21. **Даринполье,** д., Великонемковский с/с (Дарьинполь). 20 У д. было 2 кург. [21. С. 26]. 21) На прав. бер. Беседи пос. КВ и I тыс. н. э. [44. С. 235. № 102] 22-26. **Железники,** д., Светиловичский с/с. 22) Мысовое гор. на ЮВ окр. д., на участке правобережной тер. Беседи (выс. над водой 6 м). С напольной стороны — остатки вала и рва. Первоначальная форма площадки близка кругу диам. 37 м (с валом — 45 м). О.: С.Н.Васильева (1975), О.А.Макушников (1980, 1991). Слой мощностью до 0,7 м с кер. РЖВ, раннекруг. и круг. IX-XI вв. [164. С. 56; 21. С. 12; 45. С. 122. №430а]. 23) Сел. с лепн. кер. I тыс. н. э., раннекруг. и круг. IX-XI вв., материалами XVI-XVIII вв. к С и СЗ от гор. в зоне застройки на площадке тер. прав. бер. Беседи. Пл. 250x50-70 м. О.: О.А.Макушников (1980, 1991). 24) Сел. занимает ЮВ окр. д. в зоне застройки, к ЮЮВ от гор. на площадке правобережной (4-5 м над водой) тер. Беседи. Пл. ок. 180x50 м. Собрана лепн. кер. I тыс. н. э., раннекруг. и круг. посуда IX-XI вв. и др. О. О.А.Макушников (1991). 25-26) В к. XIX в. На противоположных сторонах д. имелось 2 мог. в 35 и 24 кург. К 1990-м сохранилось 4 кург. в 0,2 км ЮЗ д. О.: С.Н.Васильева (1975). О.А.Макушников (1992) и др. [164. С. 57; 21.С. 27; 45. С. 122. № 430б]. 27. **Казацкие Болсуны,** д., Великонемковский с/с. В к. XIX в. у д. были 2 группы из 32 нас. Распаханы [164. С. 56; 21 С. 26]. 28-29. **Колбовка,** д., Столбунский с/с. 28) Сел. в 1,1 км ССЗ д. на тер. прав. бер. Столбунки. Пл. 150x40 м. Собрана лепн. кер. I тыс. н. э., раннекруг. и круг. посуда IX-XI вв. Открыто в 1992. 29) В к. XIX в. мог. из 41 кург. располагался в четверти вер. от д., по дороге на Стародуб. В 1873 раскопан кург. с ингумацией. Мог. не существует [164. С. 57; 21. С. 27]. 30-31. **Малые Немки,** д., ц. с/с. 30) В к. XIX в. возле д. в ур. Березовое Болото, Крупец, Сваты было 6 кург. с ингумацией. О.: С.Н.Васильева (1975). К 1992 сохранилось 2 кург. в 0,35-0,40 км ЮЗ п. Память [21. С. 27]. 31) Сел. в 1,5-1,6 км ЮЮЗ д., на мысу 5-7-метровой тер. лев. бер. Беседи Площадка ограничена оврагами. Размеры 120x80 м. С напольной стороны прослеживаются два всхолмления, похожие на валы. Встречены лепн. кер. втор. пол. I тыс. н. э. (?), раннекруг. и круг. посуда IX-XII вв. О.: Е.Г.Калечиц (1970), А.И.Дробушевский (1987) и др. 32. **Неглюбка,** д, ц. с/с. У селения были кург. [43. С. 97. № 93]. 33-34. **Некрасове,** д., Светиловичский с/с (бывш. Хлусы). 33) В к. XIX в. у д. было 30 кург. Сохранился кург. в 0,15 км СЗ д. на правобережной тер. Беседи. О.: С.Н.Васильева (1975), О.А.Макушников (1992) [164. С. 57; 21. С. 27; 45. С. 124. № 444]. 34) Сел. с лепн. и круг. кер. на СЗ окр. д. в зоне застройки, на тер. прав, бер. Беседи. О.: О.А.Макушников (1992). 35. Новиловка, д., ц. с/с. Было 10 кург. Распаханы [21. С. 26]. 36-38. **Новоселки,** д., Шерстинский с/с. 36) В к. XIX — нач. XX вв. по направлению к Юрковичам имелось городище-святилище. Оно было круглое, диам. 10 саж. О.: А.Н.Лявданский. А.Д.Каваленя (1936). Отмечена полуовальная площадка (15x20 м), следы двух валов и рвов. Уничтожено [21. С. 13; 62. С. 13]. 37) Пос. в ур. Селище на СВ окр. д. на площадке тер. прав. бер. Сожа. Пл. 500x30-50 м. Найдены лепн. кер. 1 тыс. н. э., раннекруг. и круг. X-XIII вв., более поздняя посуда и др. О.: О.А.Макушников (1977, 1980), А.И.Дробушевский (1984) и др. 38) По свед. 1873 в четв. вер. от села мог. из 81 кург. В 1888 Е.Р.Романов отметил до 200 кург. Р.: В.Б. Антонович (1893). Ингумации с набором радимичского типа. Мог. распахан [164. С. 57; 17. С. 136; 21. С. 25]. 39-41. **Новые Громыки,** д., ц. с/с. 39) В к. XIX в. в лесу имелось 20 кург. По сообщению В.А.Литвинова ок. 15 кург. располагалось в к. 1970-х на С окр. д. у кладб. [21.С. 27]. 40).Остатки мог. из 3 кург. в 2 км ЮЗ д., на лев. бер. Беседи. О.: С.Н.Васильева (1975), О.А. Макушников (1992) и др. [45. С. 124. № 442б]. 41) В 0,7 км к З от д. на лев. бер. Беседи при раскопках мезолитической стоянки в 1975-1981 Е.Г.Калечиц выявила остатки жилища V-VII вв. и кер. ДР. [44. С. 235. № 113]. 42-45. **Однополье**, д., Приснянский с/с. 42) На останце 5-7-метровой тер. прав. бер. р. Сож, в ур. Старое Однополье комплекс пос. и мог. на пл. не менее 700x300м. В 1980-х большая часть снесена карьерами. КВ, БВ, ЖВ, остатки кремаций, кер. трет. четв. I тыс. н. э., круг. посуда, жел. и бронз. изделия, шиф. пряслица и пр. О.: К.М.Поликарпович (1926), Е.Г.Калечиц (1974-75), А.И.Дробушевский (1984) и др. 43) Пос. КВ. XIII-XVII вв. в 0,15 км к С от д. (ур. Сельцо) в правобережье Сожа. Занимает участок останца (300x50-200 м). О.: К.М. Поликарпович (1926), Е.Г.Калечиц (1974-75) и др. [418. С. 182. №42]. 44) В 200 м к В от кладб. на площадке возвышенности в пойме прав. бер. Сожа (400x100 м).

остатки пос. КВ, БВ, I тыс. н. э., XII-XV вв. 45) Возле д. были кург. [43. С. 97. № 97]. Распаханы. 46. **Осово**, п., Бартоломеевский с/с (Осовок). В к. XIX в. у д. выявлено 2 кург. с костяками на горизонте [21. С. 27]. 47. **Перелевка,** д., Малонемковский с /с. В 3 км ЮЗ д. на площадке тер. лев. бер. Беседи (ур. Синий Вир) остатки мог. По свед. к. XIX в. он состоял из 2 кург., при обследованиях втор. пол. XX в. отмечена 1 нас. О.: С.Н.Васильева (1975) и др. [164. С. 57; 21. С. 27; 45. С. 124. № 446]. 48-53. **Петрополье**, д. 48) Пос. в нижнем течении лев. бер. Покоти, в ур. Неготень. КВ, БВ, ЖВ, трет. четв. I тыс. н. э., ДР. О.: К.М.Поликарпович (1925), В.Ф.Исаенко (1960) [418. С. 173. № 35; 44. С. 236. № 115]. В 1992 г. отряд ГОАЦ осмотрел остатки 4-х сел. 49) Пос. в 0,6 км З д., в 0,3 км ВЮВ устья р. Покоть. Занимает участок левобережной тер. На пл. 240х30-40 м собраны лепн. кер., круг. к. X-XI вв. и др.; 50) Пос. в 0,3 км С д. на мысу левобережной тер. р. Беседь. Пл. 120х30-65 м. КВ, XI-XIII вв.; 51) Пос. в 1,2 км СВ д., на мысу тер. лев. бер. Покоти. Пл. 80х20-40 м. КВ и круг. кер. 52) Пос. в 2,5 км ВСВ д. на мысу левобережной тер. Покоти. Пл. 50х30 м. КВ и ДР. 53) На Ю от ур. Неготень при впадении в Сож оз. Крисо в лесу Крупцы в нач. XX в. были одиночные кург. [418. С. 175]. 54. **Победа,** п., Великонемковский с/с. В 1992 отряд ГОАЦ осмотрел остатки пос. в 0,2 км С п. на площадке высокой поймы прав. бер. Беседи. Пл. 150х40-60 м. КВ, I тыс. н. э., XII-XIII вв. 55-57. **Присно,** д., ц. с/с. 55) В правобережье Сожа (ур. Бочечки) на развеваемом поле остатки разновременных пос. О.: Е.Г.Калечиц (1971, 1974, 1975). КВ, БВ, ЖВ, ДР и пр. 56) Кург. отмечены в нач. XX в. Е.Р.Романовым, в 1936 А.Н.Лявданским и А.Д.Коваленей [62. Л. 137]. 57) За валом гор. РЖВ (ур. Хомкин Рог) остатки пос. БВ, ЖВ и трет. четв. I тыс. н. э. О: А.Н.Лявданский, А.Д.Коваленя (1936) [64. С. 193]. 58-60. Пролетарский, п., Речковский с/с. (Ухово, Смедин, Речки). 58) Мог. из 34 кург. (данные 1992) в 3.0-3,1 км ЗСЗ МТФ. Располагается на возвышенной площадке поймы лев. бер. Сожа (ур. Смедин). Часть кург. разрушена. О.: К.М.Поликарпович (1920-е). Р.: И.И.Артеменко (1965, 1 кург.); Н.И.Бруевич (1997-98). Выявлены захоронения по обряду ингумации [21. С. 26; 418. С. 194. № 61; 45. С. 125. № 449 д; 335. С. 22-25]. 59) Пос. в 1,5 км ЮЮВ МТФ, на мысу тер. лев. бер. Сожа. Пл. 200х30-80 м. КВ, БВ, XII-XIII вв. О.: ГОАЦ (1992). 60) Пос. в 3 км к З от п., в 70 м на З от кург. мог. Пл. ок. 340х100 м. КВ, БВ, ЖВ, к. X-XIII вв., XVI-XVII вв. О: К.М.Поликарпович (1926), Е.Г.Калечиц (1976) и др. [418. С. 192. № 60]. 61-66. Радуга, д., ц. с/с. 61) Мог. из 27 кург. в 4 км ВСВ д. в ур. Шубин на тер. лев. бер. Сожа. О: О.А.Макушников (1991); 62) В к. XIX в. на прав. бер. Беседи, в 1 вер. от р. было 2 группы кург. — из 48 и 16 нас. Р.: Е.Р.Романов (1888, 3 кург.) Ингумации. Инвентарь радимичского типа [17. С. 136-138]. 63) По свед. 1873 между Радугой и д. Новоселки на прав. бер. Сожа, в 1 вер. от его русла, в поле на высоком месте было 58 кург. Распаханы. О.: А.Н.Лявданскай, А.Д.Коваленя (1936) [164. С. 57; 62. С. 145]. 64) Городище-святилище в 1 км ЮВ от д. на мысу 12-15-метровой тер. прав. бер. Сожа. Внутренняя площадка круглая, размером 33х32 м. С напольной стороны остатки вала и рва. Слой отсутствует. О.: А.Н.Лявданский, А.Д.Коваленя (1936), С.Н.Васильева (1976), С.Е.Рассадин (1980) и др. [21. С. 13; 62. С. 140; 45. С. 126. № 456а]. 65) Сел. примыкает к городищу-святилищу. Занимает участок поля на пл. ок. 150х30-40 м. БВ, трет. четв. I тыс. н. э., к. X-XII вв. Обследовали в 1992 сотрудники ГОАЦ. 66) Сел. к. X-XIII вв. в 0,1 км ЮВ д. на площадке 10-12-метровой тер. прав. бер. Сожа, между двумя оврагами, на пл. 300х50 м. Распахано. О.: О.А.Макушников (1978-80). 67. **Речки,** д., ц. с/с. В к. XIX в. было ок. 20 кург. [21. С. 26]. 68. **Рудня-Шлягино,** д., Речковский с/с. (Рудня Шлягинская, Шлягинская Рудня). Пос. в ур. Гора Чучуровка. КВ, ЖВ, трет. четв. I тыс. н. э., ДР. Р.: Е. Г. Красковская (1954) [418. С. 199-205. № 68; 44. С. 237. № 132]. 69-70. **Светиловичи,** д., ц. с/с. 69) Пос. на ЮВ окр. д. на мысу тер. прав. бер. Беседи. Выс. 6-8 м над водой. Повреждено карьером. Пл. ок. 50х50 м. Лепн. кер., круг. посуда к. X-XI вв. и др. О.: О.А.Макушников (1991); 70) Были кург. Уничтожены [21. С. 27]. 71-73. **Старое Село**, д., Хальчанский с/с. 71) К СВ и В отд. стоянка КВ, сел. трет. четв. I тыс. н. э. О.: К.М.Поликарпович (1925) [44. С. 238. № 143]. 72). Напротив центр. части д., на бер. оз. Чечель сел. с лепн. и круг. кер. О.: А.Н. Лявданский и А.Д.Коваленя (1936) [62. С. 153-154]. 73) В к. XIX в. у церкви было 27 кург. [21. С. 28]. Уничтожены. 74-76. **Старые Громыки,** д., Хизовский с/с. 74) Сел. к. X-XIII вв. на Ю и ЮЗ окр. д., на участках тер. прав. бер. Беседи. О.: О.А.Макушников (1980, 1992); 75) Мог. из 72 нас. в ур. Курганье. Занимает участок 3-5-метровой тер. прав. бер. р. Беседь. Известен с к. XIX в. О.: С.Н.Васильева (1975), О.А.Макушников (1980,1992) [21. С. 27; 45. С. 128, № 474а]. 76) Одиночный кург. в 1,5 км С д., на краю площадки тер. прав. бер. Беседи. О.: О.А.Макушников (1992). 77. **Столбун**, д., ц. с/с. В к. XIX в. на огородах было 5 кург. и еще 5 — на поле, в 0,5 вер. от д. Распаханы [164. С. 57; 21. С. 27]. 78. **Тарасовка,** д., Калининский с/с. Сел. ДР в 1,2 км ЮЗ

д. на тер. прав. бер. р. Спонки. Пл. ок. 100x20 м, выс. над поймой до 4 м. О.: ГОАЦ (1992). 79-80. **Ухово**, д., Речковский с/с. 79) По свед. местных жителей, в 1980-х на огородах сохранялось 3 кург. 80) Пос. в 0,5 км ЮЗ д. на возвышенности в пойме лев. бер. Сожа (ур. Цыганский Бугор). Пл. ок. 220x80 м. КВ, ДР. О.: К.М.Поликарпович (1926), Е.Г.Калечиц (1976-78) и др. [45. С. 129]. 81-88. **Хальч,** д., ц. с/с .81). Городище-святилище в 0,65 км ЗСЗ д. на мысу коренной тер. прав. бер. Сожа (ур. Красная Гора). Округлая площадка имеет диам. 30-33 м, ограничена оврагами и обрывом к старице. С напольной стороны вал и ров. Повреждено окопами и блиндажами. Слой отсутствует. О.: О.А.Макушников (1991) [21. С. 13] 82) Пос. на площадке низкой (выс. над поймой 4-6 м) тер. прав. бер. Сожа, вытянутой от окр. д. в сторону Радуги. Занимает уступ у подошвы коренной тер. Пл. ок. 800x20-50 м. КВ, I тыс. н. э. Собрана раннекруг., круг. посуда X-XI вв. и др. О.: О.А.Макушников (1991) 83). Остатки гор. на ЗСЗ окраине д., на мысу коренной тер. прав. бер. Сожа, повреждены строительством XIX в. Оборонительные сооружения не сохранились. Площадка полуовальная, длиной 100-110 м при шир. до 80-90 м. В шурфах 1991 слой мощностью 1,3-1,6 м. Кер. РЖВ, раннекруг. и круг. IX-XI вв., кер. и изразцы XV-XVIII вв. О.: В.А.Литвинов, С.Е.Рассадин (1981), О.А.Макушников (1991) [45. С. 129. № 480]. 84) В к. XIX в. зафиксирован 71 кург. в д. и в ур. Зибень. Сохранились остатки 5-ти насыпей на мысу коренной тер. прав. бер. Сожа, в 0,6 км ЗСЗ д. О.: О.А.Макушников (1981, 1991) 85) Сел. к. X-XIII вв. в 0,5 км ЮЮВ от д., на площадке и склоне приустьевого мыса оврага Селецкий Ров. Пл. ок. 450x80-100 м. О.: О.А.Макушников (1981,1991); 86) В к. XIX в. зафиксировано 4 кург. «в Коничеве у Селецкого Рва» [21. С. 28]. 87-88) В к. XIX в. в ур. Плескачевка отмечен «писаный» камень с изображениями. Рядом с камнем находился одиночный кург. Не существуют [21. С. 28]. 89-90. **Хизы,** д., ц. с/с (Старые Громыки). 89) Сел. IX-X вв. с лепн. кер. роменского типа и раннекруг. в 1 км ВСВ д. (ур. Подгромыки). Занимает склон 3-5-метровой тер. прав. бер. Беседи. Пл. не менее 60x20 м. О.: О.А.Макушников (1992); 90) В к. XIX в. в ур. Дед (Дедное) было 30 кург. О.: С.Н.Васильева (1975) [21. С. 27; 45. С. 131. № 485]. 91-94. **Чемерня.** п., Светиловичский с/с (Большие Немки, Великие Немки). 91) Городище-святилище в 0,3 км на С от п. в ур. Каменная (Чертова) Гора. Располагается на возвышенном участке 12-15-метровой тер. прав. бер. Беседи. Площадка округлая 20x24 м. Слой отсутствует. 2 вала и рва. О.: С.Н.Васильева (1975) и др. [164. С. 55; 21. С. 11; 45. С. 131. № 487]. 92) Сел. в 0,3 км к Ю от п. в устье р. Чемернянки на площадке правобережного прируслового вала размерами 40x60 м (выс. 2,5-3,0 м над поймой). Обработанный кремень, лепн. кер., круг. посуда XII-XIII вв. О: О.А.Макушников (1991). 93) Сел. в 0,5 км к С от п., в 0,1 км к С от городища-святилища. Занимает площадку коренной тер. прав. бер. Беседи на пл. 600x30-40 м. Выявлено ГОАЦ в 1992. Обработанный кремень, лепн. кер. I тыс. н. э., раннекруг. и круг. посуда X-XII вв. и др. 94) Пос. в 0.35 км СВ п. на мысу тер. лев. бер. Беседи. КВ, киевская культура, ДР. О.. К.М.Поликарпович (1920-е), Е.Г.Калечиц (1975-82) и др. В 1992 г. краеведами рядом с пос. поднята часть рубленого дирхама. 95-97. **Чистые** Лужи, п., Калининский с/с (Чистая Лужа. Ветка, «Хатки»). 95) Грунт. мог. в 1,5 км З п. в ур. Хатки на мысу 5-7 метровой надпойменной тер. лев. бер. Сожа. В к. XIX в. находили целые лепн. сосуды. В 1978-80 О.А.Макушниковым выявлено грунт. погр. с остатками кремации, перекрытыми сосудом колочинской культуры. 96) Сел. на одной площадке с описанным мог. Слой содержит лепн. кер., кости животных и др. О.: О.А.Макушников (1978-80). Относится к колочинской культуре. Оба памятника срезаны Сожем 97) В к. XIX в. в лесу князя Паскевича имелись кург. Разрыты М.М.Филоновым, найдена «урна» [21. С. 14]. 98. **Шейка,** д., Новогромыкский с/с. Кург. Распаханы [43. С. 98. № 115]. 99-104. **Шерстин,** д., ц. с/с. 99) Пос. в 0,4 км СЗ МТФ на ЮВ оконечности останца 5-7-метровой надпойменной тер. прав. бер. Сожа, в ур. Борок. Пл. ок. 280x80 м. КВ, БВ, киевская культура, XII-XIII вв. О.: К.М.Поликарпович (1926), Е.Г. Калечиц, Н.В.Бычков (1976), О.А.Макушников. А.И.Дробушевский (1979-81) и др. 100) Сел. в 0,4-0,6 км ЗСЗ МТФ, на площадке 10-12-метровой надпойменной тер. прав. бер. Сожа (в устье руч. Ржавец). Пл. ок. 160-200x50 м. Колочинская культура, XII-XIII вв. О.: К.М. Поликарпович (1920-е), А.Н.Лявданский, А.Д. Коваленя (1936), О.А.Макушников (1980, 1992) [418. С. 190; 62. С. 137] 101) Пос. в 0,6-0,7 км ССВ МТФ, в ур. Нивейково, на склоне останца надпойменной тер. прав. берега Сожа. Пл. ок. 110-120x80 м. КВ, лепн. кер. роменского типа, раннекруг. и круг. IX-XIII вв. и др. О.: К.М. Поликарпович (1926). Н.В.Бычков (1987) и др. [418. С. 190]. 102) В 1926 К.М.Поликарпович осмотрел 26 кург. в ур. Раскресы (возле ур. Нивейково) [418. С. 190]. 103) Сел. в ур. Борок возле Кривого Брода, на окраине останца тер. прав. бер. Сожа. На пл. ок. 150x100 м собрана кер. колочинской культуры. О.: А.И.Дробушевский (1987) 104). Пос. на ЮВ окраине д. в устье руч.

Шерстинка по направлению к Юрковичам. Памятник расположен по двум бер. руч. при его впадении в Сож. На лев. бер. он занимает площадку (вые. 3-5 м над поймой) размером ок. 150x140 м. Собрана лепн. кер. I тыс. н. э., раннекруг. и круг. посуда IX-XIII вв. На прав. бер. Шерстинки памятник располагается на пл. ок. 500x100-120 м. Занимает участок частично снесенной карьером площадки 5-7-метровой тер. прав. бер. Сожа. КВ, киевская и колочинская культуры, к. X-XV вв. О.: К.М.Поликарпович (1926), А.И.Дробушевский, О.А.Макушников (1980-е) и др. Р.: О.А.Макушников (1992, 34 кв. м). 105. **Яново,** д., Столбунский с/с. Сел. I тыс. н. э. и к. X-XI вв. на В окраине д., на участке 4-метровой надпойменной тер. прав. бер. р. Столбунки. Пл. ок. 140x30 м. О.: О.А.Макушников (1992).

Рисунок 125 — Ветковский р-н.
Карта памятников V-XIII вв. Нумерация соответствует нумерации «Каталога».
Условные обозначения см. на рисунке 123

Гомельский р-н

1-2. **Азделино**, д., ц. с/с. 1) (есть привязка к Старой Белице). Предполагаемое городище-святилище срыто карьерами во вт. пол. XX в. По описанию Е.Р.Романова: «городок» в 2-х вер. от Старой Белицы на острове Кобылина Болота, на прав. бер. р. Беличанки в.ур. Подъюнное. Круглый диам. 20 саж., со впадиной наверху в виде «чашки». Окружен болотом [164. С. 32; 21. С. 15; 43. С. 98, 101. №№ 1 19, 151]. 2) По свед. 1873 по направлению к Тереничам в 3 вер. от

Азделина до 120 кург. По данным Е.Р.Романова 1910 в мог. св. 200 нас. Ингумации на горизонте. Распаханы [164. С. 38; 21.С. 29]. 3. **Бобовичи,** д., ц. с/с. Сел. XII-XIII вв. на месте ранних пос. в 0,5-0,7 км СЗ д. на краю надпойменной тер. прав. бер. Узы. Разрушено. О.: О.А.Макушников (1981). 4. **Будилка,** п., Прибытковский с/с. Сел. XI-XIII вв. на месте ранню. пос. Находится на двух дюнах в пойме прав. бер. Ути (выс. над поймой 1,5-3 м), на Ю окраине п. О.: О.А.Макушников (1991). 5. **Васильеве,** д., Долголесский с/с. Сел. I тыс. н. э. на месте ранних пос. в 200 м ЮЗ д. О.: А.А. Вержбовский (нач. 1960-х) [44. С. 240. № 169]. 6. **Водопой.** п., Черетянский с/с. Сел. трет. четв. I тыс. н.э и ДР на 3 окр. п., на склоне надпойменной тер прав. бер. р. Терюхи. Пл. ок. 1 га. Разрушается. О.: А.Г.Пильник (1991). 7. **Болотова,** бывш. д. в черте совр. Гомеля (Волотово). У СЗ обрыва тер. прав. бер. Сожа, в 2 км С д. сел. I тыс. н. э. на месте стоянки КВ. О.: К.М.Поликарпович (1924) [44. С. 240. № 170]. 8-9. **Гадичев,** д., Марковичский с/с. 8) Сел. V-VII вв. и к. X-XI вв. в 2,6 км к 3 от д. в ур. Керамик. Находится на склоне правобережной тер. руч. Лубянка (Поддобрянка). Пл. 160x60 м. Разрушено дачами. О.: О.А. Макушников (1981). 9) Сел. (ур. Дубок) в 0,8-1,3 км ЮЮВ д. на лев. бер. безымянного руч. (прав. притока руч. Струпов) на склоне тер. Пл. ок. 160x100 м. Кер. лепн. I тыс. н. э. и круг. к X-XI вв. Распахивается. О.: А.Г.Пильник (1991). 10-13. **Глыбоцкое,** д., ц. с/с. (Глубоцкое). 10) В 1883 в ур. Струпово найден клад, из состава которого в музеи поступило 79 экз. саманидских дирхамов 892/3-911/12. Вместе с ними было ожерелье из крупных бус и «серебряных трубочек», бронз. фибула. Е.Р.Романов отмечал, что клад найден на гор. [411. С. 26. № 144; 240. С. 92-93]. 11) Предполагаемое городище-святилище (срыто). По описанию Е.Р.Романова: городок близ села на бер. руч. и болота Струпов. Круглый, диам. 10 саж. [164. С. 35; 21. С. 18]. 12) Уничтоженный мог. располагался по двум бер. р. Струпов в 2 вер. от села. К 1873 он еще насчитывал до 30 кург. (в 1910 — 5 кург.). В 1850-х управляющим местного фольв. разрыто 6 кург. В каждом открыто по скелету. Находки: металлические украшения, ручка сабли (?), миска и пр. [164. С. 35; 21. С. 32]. 13) Пос. в 2,0-2,1 км С д. по дороге в д. Черетянка. Занимает участок склона правобережной тер. руч. Струпов. Пл. ок. 450x220 м. Кер. лепн. I тыс. н. э., раннекруг. IX-X вв., круг. X-XIII вв. О.: О.А.Макушников (1981), А.Г.Пильник (1991). 14-18. **Гомель,** г. 14) В исторической части г., на правобережной коренной тер. Сожа — остатки ранних стоянок. гор. РЖВ, раннего средневековья, ДР, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой. Упоминания в летописях под 1142, 1158 и 1164. Пл. распространения древнерусского слоя не менее 50 га. Площадки гор. (замчища), окольного града (места) и прилегающих посадов (предместий) в значительной степени снивелированы строительными работами XIX-XX вв. Р.: И.Х.Ющенко (1926), М.А.Ткачев (1975), О.А.Макушников (1986-2008). Вскрыто св. 6000 кв. м. Получен огромный вещевой и иной материал, отражающий основные этапы истории г., формирования его социально-топографической структуры, строительства оборонительных сооружений, занятий и верований населения и пр. [35. С. 427-428; 101. С. 56-62]. 15) Сел. с лепн. кер. I тыс. н. э., раннекруг. и круг.X-XIII вв. посудой располагалось на надпойменной площадке 3 бер. Любенского оз. Снивелировано набережной на рубеже 1970-х-1980-х. О.: О.А.Макушников (1981). 16) На пойменном всхолмлении прав. бер. Сожа к В от усадьбы обл. больницы, в ур. Лысая Гора располагалось пос. БВ и XII-XIII вв. Срыто. О.: М.А.Ткачев и Е.Г.Калечиц (1975). О.А.Макушников (1977). 17) В 1822 при строительстве моста через Сож был найден клад из 82-х саманидских монет 896/897-941/942 [419. С. 25. № 140). 18) В ур. Щекотово (возле Ю окр. Новобелицкого р-на) в к. XIX в. были кург. [Свед. местного населения]. 19-20. **Гомельский уезд.** (бывш.) 19) В 1888 случайно найден саманидский дирхам 910/911. 20) В 1897 найден клад, из состава которого известна сасанидская драхма Хосрова II 591-628 [Устные сообщения В.Н.Рябцевича]. 21. **Грабовка,** д., ц. с/с. Сел. в 0,8-0,9 км Ю д. Занимает мысовую площадку прав. бер. р. Терюха. Нарушена карьером. Пл. не менее 2 га. Кер. зарубинецкой культуры, круг. к. X-XI вв. О.: А.Г.Пильник (1991). 22. **Давыдовка,** д., ц. с/с (памятник относят и к д. Осовцы). Кург. на бер. р. Веселовка (Мильча). При раскопках М.М.Филонова в к. XIX в. найден «прокаленный песок» [21. С. 29]. 23. **Диколовка,** д., Терюхский с/с. У д. было 5 кург. [21. С. 31]. 24. **Зеленые Луки,** д., Старобелицкий с/с. У д. было 3 кург. [21. С. 30]. 25. **Ильич,** п., Улуковский с/с («Кленки»). Пос. к. X-XIII вв. располагалось на месте стоянок КВ, БВ, на поле в 1 км Ю ж-д. пункта Кленки (Ильич) на приустьевом мысу прав. бер. руч. Пл. 100x50 м. Уничтожено дачами в 1980-х. О.: О.А.Макушников (1980) [45. С. 137. № 522в]. 26-27. **Калинине,** д., Поколюбичский с/с (Ховхла, «ур. Хоухлица, ур. Ховхлица»; памятник привязывают и к Старому Селу). 26) На бер. р. Ховхлицы, прав. притока Сожа, располагался мог. В 1873 насчитывалось до 25 кург. Распахан. Р.: Е.Р.Романов (1890, 8 кург.), И.Х.Ющенко (1927, 3 кург.). Ингумации [164. С. 36:

21. 1910. С. 28; 420. С. 279; 62. С. 154]. 27) В 300 м ЮВ д. (ур. Чурилово) в пойме правобережья Сожа на дюне находились пос. и грунт. мог. с кремацией. КВ, БВ, ЖВ, колочинская культура. Срыто карьером. О.: Е.Г.Калечиц (1975) и др. 28-29. **Калиновка,** д., Телешовский с/с. 28) Сел. V-VII, к. X-XV вв. располагалось на месте ранних памятников в 0,3 км СВ д., на правобережной тер. Узы. Срыто карьерами. Прослежены остатки углубленного в материк жилища. О.: О.А.Макушников (1981). 29) В ур. Сиянск («Осиянск», памятник привязывают и к д. Телеши) располагался мог. Находился в 0,5 км ВСВ д. на правобережной тер. Узы у описанного выше сел. По свед. 1873 здесь было 85 кург. В 1977 В.В.Богомольников зафиксировал 25 кург. и раскопал 7. Ингумации на горизонте к. X — XI вв. Обнаружены бронз. бусы и др. В 1983 мог. уничтожен совхозом [164. С. 37; 21. С. 30; 45. С. 137. № 525]. 30. **Костюковка,** р. п. (памятник привязывают и к д. Лопатино). По свед. 1873 в 1,5 вер. от Костюковки по направлению к д. Лопатино было 10 кург. [164. С. 36]. 31-33. **Красный Маяк,** п., Улуковский с/с 31) В 1910 Е.Р.Романов отметил, что в ур. Глубокий Алес между Плесами и Романовичами имеются кург. Сохраняется разрушенный грабителями кург. Мог. располагался на правобережной тер. Ипути в 0,4 км ЮЗ п. О.: О.А.Макушников (1978-80) [21. С. 28]. 32) Рядом с кург. признаки сел. XII-XIII вв. Уничтожено карьером. О.: О.А.Макушников (1978-80) 33) В 0,3-0,4 км ЮЮВ п. на мысу тер. прав. бер. Ипути пос. БВ, колочинской культуры, к. X-XI вв. и позднего средневековья. Разрушено карьером и дачами. О.: О.А.Макушников (1978-80). 34-35. **Любны** (бывш. село, с 1930-х в черте Гомеля). 34) По свед. 1873 было 56 кург. По данным Е.Р.Романова, к 1880-м из группы в 60 кург. оставалось только 16. Мог. располагался в 1 вер. от д. Р.: Е.Р.Романов (1888, 2 кург.), И.Х.Ющенко (1926, 3 кург.). Ингумации, кремация. Памятник не существует [164. С. 36; 17. С. 132-134; 211. С. 364]. 35) До конца 1880-х на огородах села сохранялись кург. (примерно в 1,5 вер. от описанного выше мог.). О.: Е.Р.Романов (1879,1888) [17. С. 132-134]. 36. **Лядцы,** п., Терюхский с/с. Пос. в 0,5 км СВ п., в 0,5 км 3 ж-д. станции Кравцовка на прав. бер. р. Немыльня. БВ, к. X-XI вв. О.: А.Г.Пильник (1991). 37-38. **Макеевка,** п. (нас. п. не существует). 37) На прав. бер. Узы у леса пос. КВ. РЖВ и I тыс. н. э. О.: К.М.Поликарпович (1925), Л.Д.Поболь (1969) [64. С. 183. № 272]. 38) Рядом с Макеевкой было ок. 50 кург. Р.: М.М.Филонов (к. XIX в.). Ингумации на горизонте. К 3 от шоссе Гомель — Речица у дома лесника на прав. бер. р. Узы было 29 поврежденных кург. О.: О.А.Макушников (1981). Макеевский мог. может отождествляться и с иным памятником (см. Сосновка) [21. С. 30]. 39. **Маковье,** д., Черетянский с/с. По данным 1873 в 1 вер. от д. по направлению к д. Гордуны имелось 8 кург. К 1910 сохранялся кург. в ур. Дубки [164. С. 35; 21. С. 31]. 40. **Марковичи,** д., ц. с/с. Пос. в центр. части д. СВ моста на прав. бер. руч. Быковка. Застроено и распахано. Лепн. кер. I тыс. н. э., кер. к. X-XIII вв., XVl-XVlII вв. В XII-XIII вв. пл. ок. 7 га. О.: А.Г.Пильник (1991). 41. **Новые Дятловичи,** д., Дятловичский с/с (Дятловичи). Рядом с д. имелся кург. мог. Р.: Турбин (1870-е) [21. С. 29]. 42-43. **Новые Терешковичи,** д., Терешковичский с/с. 42) В 1,5-2,0 км от д., слева от дороги на Осовино есть ур. Курганье. По свед. местных жителей ранее здесь были кург. 43) В обрезе лев. бер. Сожа (ул. Центральная) найден наконечник копья XII-XIII вв. 44-45. **Песочная Буда,** д., Грабовский с/с. 44) У д. был кург. «Грошевой». Он находился на кладб. Давно уничтожен [21. С. 31]. 45) Пос. в 1,3 км ЮЗ д., в 0,5-0,7 км СЗ Хуторянки, на склоне тер. руч. Песошенька. О.: О.А.Макушников (1990). Лепн. кер. I тыс. н. э., круг. к. X-XI вв. Уничтожено карьерами. 46-47. **Поддобрянка**, д., Марковичский с/с. 46) В нач. XX в. при д. отмечалось до 100 кург. [21. С. 31] 47) Сел. в 1,4 км СВ д, в 1,3 км ЮВ моста через руч. Струпов. Занимает лев. склон тер. на пл. не менее 3,2 га. Лепн. кер. трет. четв. I тыс. н. э., круг. к. X-XII вв. О.: А.Г.Пильник (1991). 48. **Поколюбичи,** д., ц. с/с. На бер. оз. Мертвица в правобережье Сожа пос. КВ и I тыс. н. э. О.: К.М.Поликарпович (1924-25) [44. С. 243. № 206]. 49. **Прибор,** д., **ц.** с/с. В ур. Белые Могилы в 1890 М.М.Филонов разрыл несколько кург. с ингумацией на горизонте. Остатки 10 разрушенных нас. имеются в 1,5 км ЗСЗ д., в лесу [21. С. 32]. 50. **Прибытки,** д., **ц.** с/с. По дороге в д. Носовичи в 1910 отмечалось 8, в ур. У Горе — 2 кург. Прочие кург. разрыты неким Бетулинским. Ингумации. Мог. не существует [21. С. 30]. 51. **Прибытковская Рудня,** д., Прибытковский с/с. С напольной стороны уничтоженного в 1970-80-х гор. РЖВ на пл. ок.0,5 га сел. с лепн. кер. и круг. древнерусской. Памятник расположен в 1 км 3 д. Находится на участке левобережной тер. Ути. О.: О.А.Макушников (1983). Рядом с пос. в р.Уть в 1980-х найден топор X-XII вв. [21. С. 17; 300. С. 107-113]. 52. **Прокоповка,** д., Черетянский с/с. Сел. на лев. бер. Терюхи в 1 км ЮВ кладб. Пл. ок. 0,6 га. О.: А.Г.Пильник (1991). 53. **Рандовка,** д., Приборский с/с. Возле ж-д. будки в ур. Новый Млын на р. Узе было ок. 100 кург. Р.: М.М.Филонов (1890-е). Ингумации на горизонте, бусы, часть удил, нож и др. [21. С. 30]. 54-56. **Романовичи, д.,**

Улуковский с/с. 54) В ур. Боровая (Боровица, «Пахомьев монастырь») остатки мог. из 20-ти (по состоянию на начало 1980-х) нас, нарушенных раскопками и окопами. Находятся на площадке левобережной тер. р. Сож среди дач. 10 кург. с ингумацией на горизонте разрыты в 1890 М.М.Филоновым. Найдены проволочные кольца, стекл. бусы, бронз. «ажурная бусина муфточкой» и др. О.: О.А.Макушников(1979, 1988, 1991) [21. С. 28] 55) Сел. к. X-XIII вв. в 4,5-5,0 км С д., на ЮВ берегу старицы в левобережье Сожа. Пл. ок. 1,5 га. О.: О.А.Макушников (1991) 56) В 0,5 км к В от д., в пойме прав. бер. Ипути (ур. Селище) на дюне сел. XII-XIII вв. на месте ранних стоянок. О.: О.А.Макушников (1977-80). 57-58. **Рудня Маримонова,** д., ц. с/с. 57) Пос. на лев. бер. Днепра с кер. ЖВ и ДР. О.: Л.Д.Поболь (1957) [64. С. 133. № 14]. 58) В 1,5 км Ю от гор. РЖВ (ур. Городок), на лев. бер. Днепра выявлена разрушенная ингумация с обломками круг. сосуда и шиф. крестиком. О.: Л.Д.Поболь (1957) [64. С. 133. № 14]. 59. **Семеновка,** д.. Терюхский с/с. В ур. Бабейка 5 кург. [21. С. 32]. 60-61. **Скиток,** д., Терешковичский с/с. 60) По данным Е.Р.Романова, кург. были по дороге в Ченки. К 2008 в лесу между дачами и кладб. на низкой левобережной тер. Сожа сохранялось ок. 10 поврежденных кург. [21. С. 29; свед. местных жителей]. 61) К С от д. у руч., впадающего в Сож, пос. КВ, I тыс. н. э. Застроено дачами О.: К.М.Поликарпович (1926) [44. С. 243. № 217]. 62. **Сосновка,** д., Давыдовский с/с. В 1 км ЮЗ д. в лесу у истоков р. Случь-Мильча остатки мог. из 23 нас. Нарушены кладоискателями и старыми раскопками. Р.: Н.И.Бруевич (1997-98, 4 кург.). Ингумации [335. С. 22-25]. 63. **Старая Белица,** д., ц. с/с. На прав. бер. р. Беличанка между Старой Белицей и д. Роги в к. XIX в. отмечен мог. из 400 нас. В 1873 обнаружены костяки, бусы и жел. предметы [21. С. 29]. Уничтожен. 64-67. Студеная Гута, д., Терюхский с/с. 64) На бер. оз. Старый Сож в ур. Баюры и Демидово в к. XIX в. было 60 кург. Р.: М.М.Филонов (1890), Е.Р.Романов (1897, 5 кург.), Г.Ф.Соловьева (1962, 2 кург.). Ингумации на горизонте и кремации. Ивентарь радимичский. X-XI вв. [421. С. 577; 21. С. 31]. 65) Близ д. на бер. оз. Асарейки группа кург. О.: К.М.Поликарпович (1926) [418 С. 233-234]. 66) Одиночный кург. в 1,5 км ЮЗ д. на площадке тер. оз. Старик (лев. бер. Сожа) О.: А.Г. Пильник (1991) 67) Мог. в 1,5 км ЮЗ д., в 0,5-0,7 км ЮВ устья р. Студенка. 10 кург. в пределах детского лагеря «Салют». О.: О.А.Макушников (1991). 68. **Телеши,** д., ц. с/с. По данным Е.Р.Романова 10 кург. находились у Осинового Лога [164. С. 37; 21. С. 30]. 69-70. **Телешовская Рудня**, д., Телешовский с/с (Рудня Телешовская). 69) Сел. ДР на поле в 0,5 км ЮЗ д.. на мысу тер. прав. бер р. Иволька. Пл. ок. 1 га. О.: А.И.Дробушевский (1984) 70) По данным Е.Р.Романова, 10 кург. в ур. Жерванок [164. С. 37; 21. С. 29-30]. Уничтожены. 71-73. **Терюха.** д., ц. с/с (Терюх). 71) Мог. в 2,5-2,6 км ЮЗ д. в левобережье Сожа на бер. оз. Казара (Казарское. Казарино), в лесу (ур. Прудок). Имеются группы в 20 и 27 разрушенных нас. О.: О.А.Макушников (1991). По данным А.Лоначевского до 1883 раскопки (св. 20 нас.) проводил М.М. Филонов. По свед. Е.Р.Романова, мог. из 30 нас. полностью разрыт М.М.Филоновым в 1892. Инвентарь радимичского типа [421. С. 573-576; 21. С. 31]. 72) Сел. к. X-XIII вв. в 2,6 км ЮЗ д. на площадке левобережной тер. Сожа на В бер. оз. Казара. Пл. ок. 1 га. О.: О.А.Макушников (1991). 73) Одиночный кург. располагался в 3 км ЮЗ д. на лев. бер. Сожа. выше устья оз. Казара. Срезан р. [21. С. 3 1]. 74. **Улуковье**, д., ц. с/с. На лев. бер. Ипути пос. КВ и I тыс. н. э. О.: К.М. Поликарпович (1924-25) [44. С. 244. № 224]. 75. **Урицкое,** д., ц. с/с (Крупец Волковицкий). В 1873 в 2 вер. от д. по направлению к ур. Млынки было 16 кург. По данным Е.Р.Романова, у р. Узы было 30 кург в 2-х группах (ур. За Мостком и Под Млынком). Давно разрыты и распаханы [164. С. 37; 21. С. 30]. 76. **Цыкуны,** д., Бобовичский с/с. На бер. Случи по дороге в д. Осиновку в нач. XX в. отмечены кург. [21. С. 29]. 77. **Ченки,** п., Севруковский с/с (Старая Ченка). К Ю от д. в 1925 К.М.Поликарпович обследовал сел. I тыс. н. э. на месте ранней стоянки [44. С. 244. № 220]. 78. **Черетянка,** д., Прокоповский с/с. Возле д. были кург. Раскапывались в 1865 [21. С. 31]. 79-81. **Шарпиловка**, д., ц. с/с. 79) Мог. из 28 нас. на двух гривах в пойме прав. бер. р. Сож в ур. Высоцкое , в 2 км СВ д. 1 кург. разрыт в 1970-х местным учителем. Р.: О.А.Макушников (2001-03, 9 нас). Ингумации в ямах и сожжение к. X-XII вв. Инвентарь: бронз. украшения, стекл. бусы, глин. посуда и др. [21. С. 29]. 80) Пос. КВ, БВ и колочинской культуры на месте мог. Р.: О.А.Макушников (2002-03) 81) Сел. XII-XIII вв. в 1 км Ю мог., в устье руч. Святчик. Занимает мысовую площадку правобережной тер. р. Сож, срезанную рекой. Р.: О.А.Макушников (2003, 36 кв. м). 81) В 1926 к С от д. у оз. Боровое (правобержье Сожа) К.М.Поликарпович обнаружил кер., вероятно, колочинской культуры [418. С. 230-231; 44. С. 245. № 233]. 82. Якубовка, бывш. д. (с 1957 в черте Гомеля). У д. в к. XIX в. отмечено 2-3 кург. [421. С. 577; 164. С. 36; 21. С. 29].

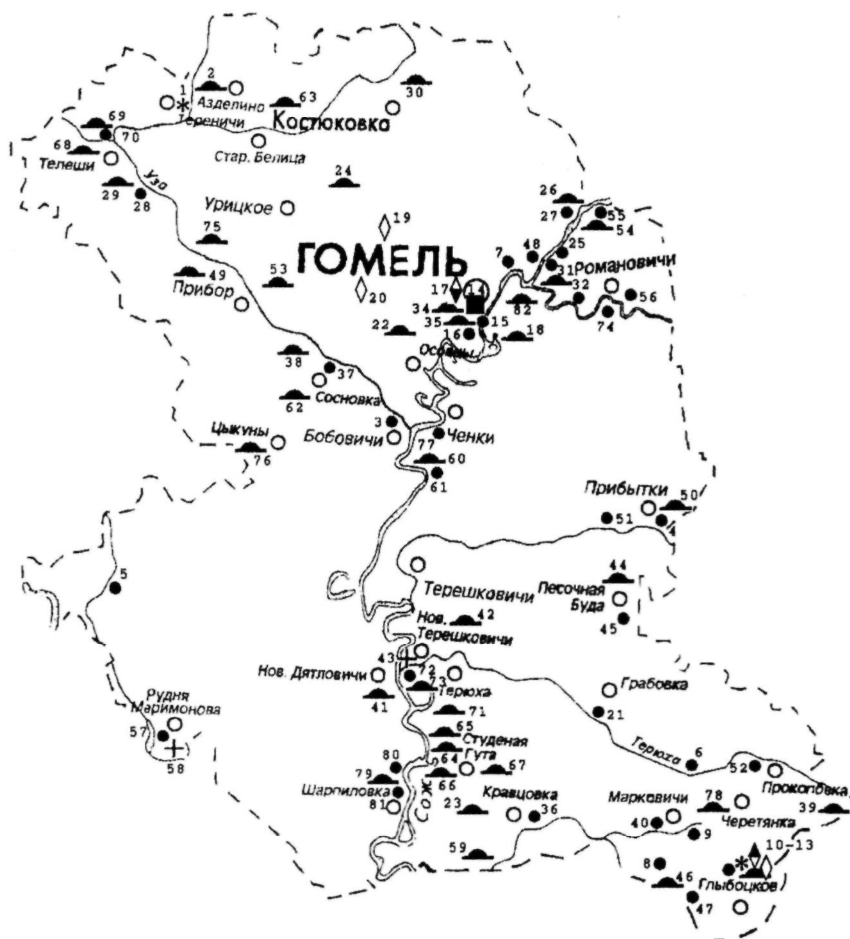

Рисунок 126 — Гомельский р-н.
Карта памятников V-XIII вв. Нумерация соответствует нумерации «Каталога».
Условные обозначения см. на рисунке 123

Добрушский р-н

1. Березки, д., Круговский с/с. Пос. в 2 км ЮЮВ кирпичного завода, на площадке гривы в пойме р. Очеса. Размеры возвышенности 180x60-70 м. Разрушено каналом. Неолит, XII-XV вв. О.: О.А.Макушников (1991). 2. **Борщевка,** д., ц. с/с. По данным 1873 3 кург. возле леса, 13 — при селе. В 1871-72 5 кург. разрыто под постройки, нашли человеческие кости и «кувшин». 2 кург. было на границе Дубровского и Борщевского полей [164. С. 34]. 3. **Васильевка,** д., ц. с/с. В к. XIX в. 2 кург. было по дороге в Кузьминичи [21. С. 31]. 4. **Вылево,** д., Демьянковский с/с. Сел. в ур. Стречево в 1 км ЮВ д. на останце в пойме прав. бер. Ипути. Размер останца 200x100 м. Неолит, трет. четв. I тыс. н. э. О.: Е.Г.Калечиц (1978) [44. С. 245**]**. 5-7. **Гордуны,** д., Утьский с/с. 5) С к. XIX в. известно гор. в ур. Городок. Расположено в 0,5-0,6 км ВСВ д., на мысу правобережной тер. р. Уть. Площадка подтреугольная, возвышается на 6-7 м над поймой. С напольной стороны вал и распаханный ров. Внутренний размер площадки (замеры 1991) ок. 73x75x87x58 м. В шурфах слой 0,5 м с кер. РЖВ, раннекруг. и круг. посудой IX-XI вв. О.: О.Н.Левко (1976), О.А.Макушников (1980-81) [21. С. 17; 45. С. 152. № 627]. 6) Пос. в 0,5-0,7 км ВСВ д., у гор. на 4-х распаханных площадках правобережной тер. Ути (100x60; 230x80-120; 80x80; 200x150 м) собрана лепн., вероятно, VIII-IX вв. кер., раннекруг. и круг. посуда IX-XI вв. О.: О.А.Макушников (1980). 7) Сел. в 1,5 км СВ д. на мысу 1,5-метровой тер. прав. бер. Ути. Распахано. Пл. 60x20 м. Обработанный кремень, кер. перв. пол. I тыс. н. э., XI-XIП вв. О.: (ГОАЦ, 1991). 8-11. **Демьянки,** д., ц. с/с. 8-9) Мог. из 159 кург. в 2 км на В от д., на залесенном

участке тер., образованной р. Ипуть и Речица. Часть кург. насыпана на месте грунт. мог. с кремацией сер. — трет. четв. I тыс. н. э. Р.: М.М.Филонов (к. XIX в., несколько кург.), Г.Ф.Соловьева (1962-63, 31 кург.). Ингумации на горизонте и в ямах к. X-XII вв., сожжения X в. Инвентарь радимичский. Под тремя нас. грунт. кремации сер. -трет. четв. I тыс. н. э. [21. С. 22. 66. С. 187-198]. 10) Пос. на месте стоянки КВ в 2,5-3,0 км ВСВ д. в ур. Селище на Ю оконечности останцированного участка тер. прав. бер. протоки Речицы. Нарушено каналом, испорчен: плантажем. В средневековье занимало ок. 250x50-80 м. Кер. XII-XVIII вв. (в небольшом количестве — раннекруговая IX-X вв.), куски глин. обмазки, жел. ножи, дужка навесного замка. глин. грузила и др. О.: Е.Р.Романов (нач. XX в.), Е.Г. Калечиц (1975), О.А.Макушников (1990-91). 11) Пос. КВ, БВ в 1,5 км ВЮВ д., в 0,5 км ЮВ бывш. п. Низок. Занимает развеянный ветром участок останца 3-5-метровой тер. прав. бер. Ипути. Пл. ок. 160x70 м. Прослежены пятна построек с кер. XII-XV вв., жел. кресалом, ножами, крючками, пряжкой, обломком жернова. шиф. пряслицем, фрагментами стекл. браслетов и др. О.: Е.Г.Калечиц (1975-76). О.А.Макушников (1978, 1982, 1991). 12) Пос. на В окраине бывш. п. Низок на мысу гривы. поднятой над правобережной поймой р. Ипуть на 2-3 м, частично срезанной руслом Ипути. Обработанный кремень, лепн. кер. трет. четв. I тыс. н. э., круг. посуда XII-XIII вв., стекл. бусы. жел. нож и др. О.: О.А.Макушников (1991). 13-18. **Добруш**, г. 13) Пос. в 4 км СВ Добруша, в 0,35 км выше устья мелиорированного руч. Занимает мыс 3-4-метровой тер. лев. бер. Ипути Пл. 210x30-80 м. Материал КВ, раннекруг. IX-X вв. и круг. кер. к. X-XIII вв. О.: О.А.Макушников (1991) 19-20). 14) Мог. из 50 (сохранилось 44) кург. в 3 км к С от Добруша, в лесу в ур. Боровое Болото. Занимает площадку 2-3 метровой тер. лев. бер. Ипути. Многие кург. пробиты ямами. В к. XIX в. М.М.Филонов разрыл 6 кург. с трупоположениями. Инвентарь радимичского типа. О.: О.Н.Левко (1976), О.А.Макушников (1991). [21. С. 28] 15) Мог. из 24 кург. в 1,2 км СЗ Добруша в ур. Ракитня. Часть разрушена. В к. XIX в. М.М.Филонов разрыл неизвестное количество нас. с ингумациями. О: О.Н.Левко (1976), О.А.Макушников (1990-91) [21. С. 28; 45. С. 148, № 595б]. 16) В к. XIX в. на кладб. были кург.: 30 по свед. 1873, 52 по данным Е.Р.Романова 1910 [164. С. 37; 21. С. 27]. 17) Сел. XII-XIII вв. на месте неолит. стоянки, расположено в 1,4 км СВ Добруша, в пойме прав. бер. р. Ипуть. Занимает гряду 400x10-80 м. XII-XIII вв. 18) Мог. в 4 км к З от Добруша, в 4 км ЮВ д. Залядье, в ур. Березки. Ок. 100 нас. В к. XIX в. М.М.Филонов разрыл несколько кург. с ингумацией. О.: О.А.Макушников (1978 и 1991). [21. С. 28]. 19. Дубровка, д., ц. с/с. По данным к. XIX в. при д. 4 кург. [21. С. 31]. 20. **Екатериновск** (Катеринск), бывш. фольв. В к. XIX в. были кург. [21. С. 31]. 21-22. **Жгунь,** д, ц. с/с. 21) Пос. в центральной части д., на площадке и склоне тер. лев. бер. руч. Серебрянка.Пл. ок. 220-230x80 м. В подъемном материале лепн. кер., близкая роменской, раннекруг. IX-X вв. и круг. посуда к. X-XI вв. О.; ГОАЦ (1991) 22) В к. XIX в. у д. было св. 100 кург. [421. С. 577; 21. С. 30]. 23. **Жиржа,** бывш. д. По данным 1873 при д. 57 кург. [164. С. 34]. 24. **Запрудовка,** д., Носовичский с/с. Сел. на С окраине д. в ур. Подол. Занимает площадку тер. лев. бер. р. Уть, распахивается. XII-XIII вв. О.: О.А.Макушников (1983). 25-26. **Иваки,** д., ц. с/с. 25) В к. XIX в. у д. было 52-54 кург. К нач. 1990-х сохранялась 21 нас. О.: О.Н.Левко (1976), О.А.Макушников (1981) [164. С. 34; 21. С. 30; 45. С. 155, № 642]. 26) Сел. в 100 м ССЗ д. Занимает склон тер. прав. бер. р. Воротня, распахивается. На пл. 180-200x60-90 м собрана лепн. кер., раннекруг. IX-X вв. и круг. к. X-XIII вв. О.: О.А.Макушников (1981). 27. **Ларищево**, д., Рассветовский с/с. В к. XIX в. было 3 кург. [164. С. 36]. 28. **Лукьяновка**, д., Дубровский с/с (Лениндар). В к. XIX в. при д. отмечались кург. Мог. находится в Усохском лесу. О.: О.Н.Левко (1976) [21. С. 30; 45. С. 158. № 667]. 29. **Левонтево**, д., Демьянковский с/с (Леонтьево). В к. XIX в. были кург. [21. С. 28]. 30-31. **Нивки,** д., Тереховский п/с. 30) Во вт. пол. XIX в. в ур. Мостище, на выс. бер. р. Терюха в поле было 4 кург. Распаханы в 1860-х [164. С. 34: 21. С. 31]. 31) Пос. в 3,1 км ЮЗ д., на выступе надпойменной тер. прав. бер. р. Терюха. Пл. не менее 0,5 га. БВ, XII-XIII вв. О.: А.Г.Пильник (1991). 32. **Новый Крупец**, д., Крупецкий с/с (Крупец). Гор. в д. на бер. руч. Крупка. Площадка круглая, 120 м в диам. Остатки двух валов. РЖВ и ДР. О.: О.Н.Левко (1976) [164. С 34; 21. С. 16; 45. С. 156. № 656]. 33-34. **Носовичи**, д., ц. с/с. 33) В к. XIX в. у д. отмечались кург. К нач. 1980-х сохранялось 10 нас. у кладб. О.: О.А.Макушников (1983) 23). 34). Сел. в 2 км к З от д. на участке правобережной тер. р. Уть. Пл. ок. 100-125x40-50 м. Р.: О.А. Макушников (1982, 244 кв. м). БВ, киевская, колочинская, роменская культуры, X-XI вв. [83. С. 227-237]. 35. **Петровск.** бывш. имение (совр. д. Иговка Крупецкого с/с). По данным к. XIX в. мог. тянулся от имения в ЮВ направлении на 1,5 вер., занимал возвышенность, идущую вдоль болота (1860). В 1888 от распашки уцелело 18 кург. в 2-х группах. Р.: Е.Р.Романов (1888, 4 кург.). Ингумации [17.

Жлобинский р-н

1. **Белица,** д., Лукский с/с. 12 кург. [52. С. 180]. 2. **Бычки,** бывш. д., бывш. Старорудняиская вол. В к. XIX в. было 46 кург. [164. С. 54]. 3. **Великие Роги,** д., Солонский с/с. У д. было 10 кург. [Свед. местных жителей]. 4-6. **Верхняя Олба**, д., ц. с/с. 4) В 1873 при д. на бер. оз. Будьково было 25 кург. В 1983 Н.Н.Дубицкая обследовала 8 кург. в 0,5 км В д. в ур. Курганье. [164. С. 55; 45. С. 173. № 77]. 5) По данным 1873 между Верхней и Нижней Олбами на берегу оз. Ольбище имелось 14 кург. [164. С. 55] 6) Сел. ЖВ и Х-XIII вв. на правобережной тер. Днепра. Пл. 120x40 м [52. С. 153]. 7-8. **Вишенка,** бывш. фольв., бывш. Старорудняиская вол. 7) В к. XIX в. в фольв. имелось 5 кург. [164. С. 54]. 8). В 1970-х в 0,5-0,7 км ЮЗ д. Долина располагался мог. из 2 групп, в 14 и 21 кург. О.: В.В.Богомольников (1971, 76) [164. С. 54; 45. С. 174-175. № 758а,б]. 9. **Возрождение,** д., Папоротнянский с/с (Эрстермай). Мог. из 30 нас. в 0,8 км СВ д. В 1960 разрушено 5 кург. О.: Г.В.Штыхов (1960), В.В.Богомольников (1970-е) [43. С. 109-110, № 248; 45. С. 171, № 758]. 10. **Горбачевка,** д., Красноборежский с/с (Горбачевская Слободка). В к. XIX в. у д. было много кург. К 1970-м на В окраине Горбачевки сохранялось ок. 10 кург. О.: В.В.Богомольников (1977), Н.Н.Дубицкая (1978) [164. С. 52; 45. С. 174. № 777]. 11. **Денисковичи,** д., Майский с/. 31 кург. в 0,3 км СЗ д. Р.: В.В.Богомольников (1975, 4 кург.). Ингумации. [46. С. 222]. 12. **Жлобин,** г. Сел. ЖВ и Х-XIII вв. на дюне в пойме лев. бер. Днепра. Пл. 80x70 м [52. С. 153]. 13-14. **Затон,** д., Октябрьский с/с. 13) Сел. XI-XIII вв. на правобережной тер. Днепра. Пл. 200x30 м [52. С. 153]. 14) Сел. ЖВ и Х-XIII вв. на правобережной тер. Днепра. Пл. 80x40 м [52. С. 153]. 15. **Зломное,** д., Стрешинский с/с. 160 кург. [52. С. 180]. 16. **Казимирово,** д., Малевичский с/с. Сел. ЖВ и Х-XIII вв. на мысу правобержной тер. прав. бер. р. Добысна. Пл. 500x200 м [52. С. 153]. 17. **Касаковка,** д., Папоротнянский с/с. 100 кург. [52. С. 180]. 18. **Кирово,** ц. с/с (бывш. Святое). В к. XIX в. было 2 кург. [Свед. местных жителей]. 19. **Китин,** д., Щедринский с/с. По данным 1924 г. 3 кург. группы (17 насыпей) в 6 км от д. по дороге в Коротковичи [64. С. 171. № 231]. 20. **Колос**, п., Пиревичский с/с. (имеется привязка к д. Забабье). 6 поврежденных кург. в ж.-д. лесополосе. Р.: В.В.Богомольников (1974, 1 кург.). В нас. лепн. сосуд колочинской культуры. В основании кургана — зольно-угольный горизонт и кольцевая оградка из обугленных колышков. В кострище — обломки лепн. сосуда и кальцинир. кости [164. С. 54; 89. С. 382]. 21. **Красная Горка,** д., Луковский с/с. Сел. ЖВ и Х-XIII вв. на В бер. оз. Плесо в правобережной пойме Днепра. Пл. 300x100 м [52. С. 154]. 22. **Краснобережская Слобода,** д., Краснобережский с/с. Сел. XI-XVII вв. на лев. бер. р. Добысны. Пл. 250x80 м [52. С. 154]. 23-28. **Курганье,** д.. Краснобережский с/с (в ранних известиях памятники отнесены к д. Малевичи). 23-24) В к. XIX в. у Малевичей насчитывалось до 120 кург. В нач. 1970-х на лев. бер. Добысны отмечено 90 кург. в 2-х мог. на расстоянии 1 км друг от друга. Р.: В.В.Богомольников (1972-76, 28 кург. (из 55) в первом мог. и 7 (из 35) во втором). В первом мог. ингумации на горизонте и кремация. Инвентарь радимичского типа. Во втором мог. ингумации на горизонте и в яме. Инвентарь дреговичский [45. С. 177. № 807; 13]. 25) В 1 км к 3 от д. мог. из 3 кург. О.: В.В.Богомольников (1972) [45. С. 177. № 807]. 26) Сел. ЖВ и Х-XIII вв. на левобережной тер. р. Добысна. Пл. 200x50 м [52. С. 153] 27) Сел. ЖВ и Х-XIII вв. на склоне левобережной тер. р. Добысна. Пл. 100x20 м [52. С. 153] 28) В Нумизматическом кабинете Белгосуниверситета хранится саманидский дирхам-подвеска, чеканенный при Нух ибн Насре в 943-954 [Сообщение В.Н.Рябцевича]. 29. **Лесань,** д., Солонский с/с. Мог. в 2 км к 3 от д. в лесу. 27 поврежденных нас. О.: Н.Н.Дубицкая (1978) [45. С. 178. № 812]. 30-31. **Малые Роги,** д., Солонский с/с. 30) В ур. Подлужье пос. КВ и сел. I тыс. н. э. О.: Г.Ходаренко (1924) [44. С. 252. № 340]. 31) На прав. бер. р. Добысны пос. КВ и вт. пол. I тыс. н. э. О.: В.Ф.Исаенко и И.М. Тихоненков (1965) [44. С. 252. № 342]. 32. **Мормаль,** д., Доброгощанский с/с. В к. XIX в. в 1,5 вер. от д. было 16 кург. [164. С. 55]. 33. **Нивы,** д., Солонский с/с. Сел. ЖВ, Х-XIII вв. на мысу прав. бер. Добысны. Пл. 400x150 м [52. С. 153]. 34. **Нижняя Олба**, д., Верхнеолбянский с/с. Сел. ЖВ и XI-XIII вв. на правобережной тер. Днепра. Пл. 200x50 м [52. С. 153]. 35. **Новая Каменка,** д., Стрешинский п/с (Зломное, Косаковка). В к. XIX в. в ур. Каменка было 160 кург. Остатки мог. из 32-х нас. находятся в д. Р.: Е.Р.Романов (1905, 8 кург.). Ингумации с радимичским инвентарем [164. С. 55; 19. С. 25-63; 45. С. 179-180. № 822]. 36. **Новые Луки,** д., Лукский с/с (Луки). В 2 км на В от д. с к. XIX в. известно 7 кург. О.: Н.Н. Дубицкая (1978) [164. С. 52; 45. С. 180. № 824]. 37-38. **Пекаличи,** д., Щедринский с/с. 37) У д. было 2 группы кург. по 27 насыпей. 38) 2 кург. размещались в ур. Каркаля [43. С. 108]. 39. **Пиревичи,** д., ц. с/с. По данным 1873 кург. были в 3-х местах по 59, 41 и 3 нас. [164. С. 54-55]. 40. **Плесовичи,** д., Кортковичский с/с. В 0,8 км к В отд. было 5 кург. О.: В.В.Богомольников (1975) [43. С. 108; 45. С. 181. № 833]. 41-44.

С. 134-136]. 36. **Тереховка,** г.п. В к. XIX в. при нас. п. было 50 кург. [21. С. 30]. 37. **Усохская Буда**, д., ц. с/с. В к. XIX в. кург. были в ур. Курганье [21. С. 31]. 38-39. **Уть,** д., ц. с/с. 38) В 1873 при селе в поле было 29 кург. [164. С. 34; 21. С. 31]. 39) С к. XIX в. известно круглое (диам. ок. 20 м) гор., вероятно, городище-святилище. О.: О.Н.Левко (1976) и др. Находится на С окр. д.. в 120 м к Ю от моста, в ур. Городок. Занимает мысовую часть 2-2,5-метровой тер. лев. бер. Ути. В 1991 сохранялось округлое возвышение размером 20х25 м, испорченное строительством [21. С. 17; 45. С. 151. № 622]. 40. **Чирвоная Буда,** д., Дубровский с/с (Красная Буда). В к. XIX в. имелся кург. в ур. На Бору [21. С. 31]. 41. **Чирвоная Гора,** п., Носовичский с/с (Красная Гора). Пос. в 0,2 км ЮЗ п. на распаханном склоне 3-7-метровой тер. прав. бер. р. Уть, у кладб., выше устья р. Пенной. Обработанный кремень, лепн. кер. перв. пол. I тыс. н. э., раннекруг. посуда IX-X вв., круг. кер. X-XIII вв., жел. шлак. Пл. ок. 200х130 м. О.: О.А.Макушников (1980).

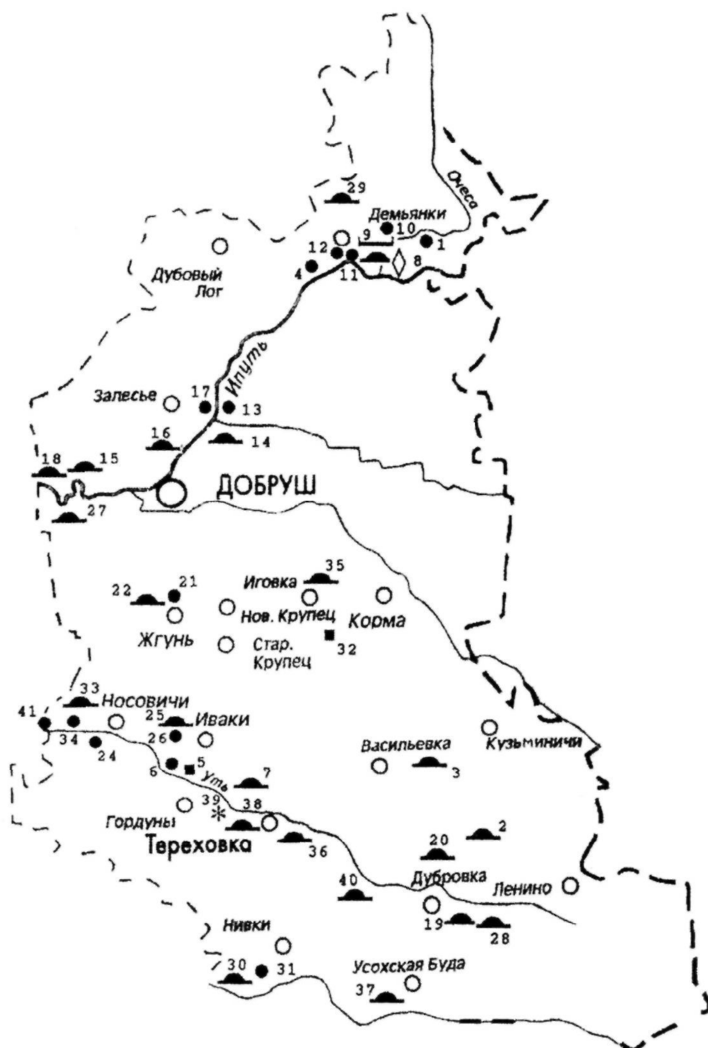

Рисунок 127 — Добрушский р-н.
Карта памятников V-XIII вв. Нумерация соответствует нумерации «Каталога».
Условные обозначения см. на рисунке 123

Проскурни, д., Октябрьский с/с. 41) Мыс. гор. РЖВ и к. XI-XIII вв. пл. 0,8 га в 2 км на С от д. Площадка подпрямоугольной формы, с напольной стороны защищена двумя валами. Неоднократно обследовалось [19. С. 48; 52. Табл. 1]. 42) В 0.4 км ЮВ д. на правобережной тер. Днепра (выс. над поймой 12-14 м) сел. Проскурни I. О.: О.Н.Мельниковская (1957), Л.Д.Поболь (1958) [64. С. 171. № 235; 44. С. 253, № 349]. Р.: А. И. Дробушевский (1994-95, 668 кв. м). Вскрыты 8 построек и очаг к V-VII, VIII-IX и XII-XIII вв. Пл. ок. 150x50 [84. С. 18-32] 43) Сел. Проскурни III ЖВ, XII-XIII вв. на дюне в пойме прав. бер. Днепра. Пл. 450x530 м. О.: А.И.Дробушевский [52. С. 154]. 44) Возле д. отмечалось много кург. К нач. XX в. сохранялось 9 нас. Р.: Е.Р.Романов (1904, 6 кург.). Ингумации с вещами радимичского и дреговичского типов [19. С. 47]. 45. **Сельное,** д., Доброгощинский с/с. Мог. из 16 поврежденных нас. в 3 км ЮЗ д. на лев. бер. р. Выдрицы при ее впадении в старицу Березины. О.: Н.Н.Дубицкая (2003) [422. С. 281]. 46-47. **Солоное,** д., ц. с/с. 46) В к. XIX в. на лев. бер. Добысны насчитывалось до 60 кург. Сохранилось 2 нас. в ур. Черетянка. Р.: Е.Р.Романов (1905, 8 кург.). Ингумации с дреговичским инвентарем [19; 45. С. 181. № 841]. 47) Сел. ЖВ, IX-XIII вв. на мысу правобережной тер. Добысны в ур. Мох. Пл. 140x80 м [52. С. 154]. 48-49. **Старая Рудня,** д., ц. с/с. 48) 40 кург. имелось в к. XIX в. в ур. Бельча [164. С. 54]. 49) По данным 1873 при селе было 97 кург. Р.: Е.Р. Романов (1888, 2 нас). Ингумация и кремация [164. С. 54; 17. С. 129-131]. 52) В ур. Будище в к. XIX в. было 6 кург. [164. С. 54]. 50-51. Степы, д., ц. с/с. Два мог. из 55 и 27 нас. [52. С. 180]. 52. **Стрешин,** г. п. 56) Гор. (75x30 м) в ур. Старый Городок на коренном прав. бер. Днепра. Р.: Э.М.Загорульский (1966, 100 кв. м). Слой мощностью до 1,6 м содержит лепн. кер. РЖВ, круг. посуду XII-XIII вв., шиф. пряслица, стекл. браслеты и др. За укреплениями гор. посад пл. ок. 2,5-3,0 га в ур. Новый Городок. ЖВ, XII-XIII вв. [43.С. 108. № 246; 64. С. 171-172, № 236; 8. С. 17; 46. С. 592; 52. С. 154]. 53. **Толстыки,** д., Новомарковичский с/с. 12 кург. в 0,1 км на С от д. О.: Н.Н.Дубицкая (1983) [45. С. 184, № 855]. 54-55. **Черная Вирня,** д., Майский с/с. 54) При кладб. в к. XIX в. было 6 кург. [164. С. 54]. 55) В к. XIX в. 18 кург. было в 1,5 вер. от д. при фольв. Мышеловка. В 1975 В.В. Богомольников обследовал 14 кург. в 2 км ЮВ д. Красная Вирня [164. С. 54; 45. С. 184. № 857]. 56. **Четверня,** д., Староруднянский с/с. 30 кург. [52. С. 180]. 57. **Шихов,** д., Верхнеолбянский с/с. Пос. КВ, трет. четв. I тыс. н. э. на бер. Днепра к Ю от руч. О.: В.Ф.Исаенко и И.М.Тихоненков (1965) [44. С. 253, № 354]. 58-60. **Эрд**, п., Щедринский с/с. 58) Мог. из 116 кург. в 0,25 км З п. [45. С. 187, № 871]. 59) Мог. из 27 кург. в 1,5-2 км СВ п. [45. С. 187, № 871]. 60) Мог. из 55 кург. в 1,5 км ЮВ п. Памятники обследовала в 1981 Н.Н.Дубицкая [45. С. 187, № 871].

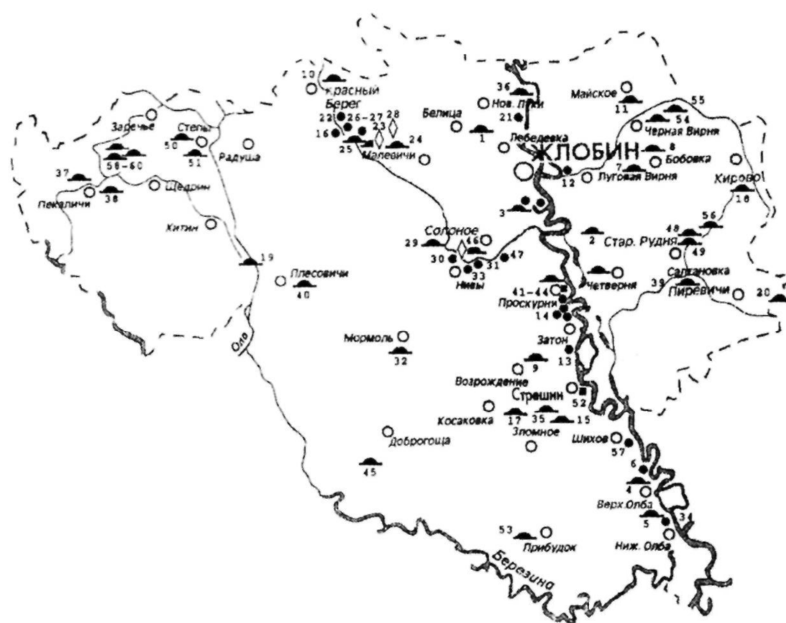

Рисунок 128 — Жлобинский р-н.
Карта памятников V-XIII вв. Нумерация соответствует нумерации «Каталога».
Условные обозначения см. на рисунке 123

Кормянский р-н

1. Александрова, д. Отмечалось 2 кург. [43. С. 110]. 2-3. **Бервены,** д. Коротьковский с/с. 2) На прав.бер. Сожа, к Ю от кладб. пос. КВ, трет. четв. I тыс. н. э. О.: К.М.Поликарпович (1927) [44. С. 261. № 453]. 3) На участке террасы, образованном лев. бер. Добричи и прав. бер. Сожа, в ур. Деремянище сел. перв. пол. и трет. четв. I тыс. н. э., ДР. О.: К.М.Поликарпович (1927) [44. С. 261-262. № 454]. 4. Березовка, д., Каменский с/с. По свед. 1873 было 14 кург. К нач. 1980-х среди поля в 1,25 км ЮЮЗ д. сохранялся 1 нарушенный кург. О.: В.И.Шадыро (1975), О.А.Макушников (1982) [164. С. 52; 45. С. 219. № 1077]. 5. **Богдановичи,** д., Коротьковский с/с. В к. XIX в. возле д. было 15 кург. [164. С. 52]. 6. **Василевка,** д., Струменский с/с. В левобережье Сожа, на бер. оз. Пралья пос. КВ, трет. четв. I тыс. н. э. О.: К.М.Поликарпорвич (1927) [44. С. 257. № 408]. 7-8. **Высокое,** д., Ворновский с/с (Верхи). 7) В правобережье Сожа, к Ю отд. по направлению к бывш. д. Лядцы пос. КВ, трет. четв. I тыс. н. э. [44. С. 258. № 412]. 8) В правобережье Сожа, в ур. Дубравно пос. КВ, I тыс. н. э. О.: К.М.Поликарпович (1927) [44. С. 258. №413]. 9-11. **Волынцы,** д., ц. с/с (Прибор). 9) Мог. в 2-2,5 км на СЗ отд., на окр. тер. лев. бер. Сожа. Ок. 40 нас. О.: К.М.Поликарпович (1927), А.Н.Лявданский, А.Д.Коваленя (1936). В.И.Шадыро (1976) и др. [62. Л. 68-69; 45. С. 220. № 1080]. 10) Пос. в 2,5 км СЗ д., на краю тер. лев. бер. Сожа (ур. Прибор). О.: К.М.Поликарпович (1926), А.Н.Лявданский и А.Д.Коваленя (1936), В.И.Шадыро (1976) и др. КВ, БВ, ЖВ, ДР [62. Л. 67; 45. С. 220. № 1080]. 11). Пос. в левобережье Сожа в 0,75 км Ю кладб. д. Студенец. КВ, ЖВ, ДР. О.: К.М.Поликарпович (1927). 12-15. **Ворновка,** д., ц. с/с. 12) Пос. в 1-1,5 км к В от д., на прав. бер. р. Горна за валами гор. РЖВ. О.: К.М.Поликарпович (1926-27), А.Н.Лявданский и А.Д. Коваленя (1936) и др. КВ, РЖВ. трет. четв. I тыс. н. э. [64. С. 205-209. № 352]. 13) Мог. известен с 1873. В 1920-х отмечено 20 нас. Располагался в 1,5 км к В от д., на прав. бер. р. Горна. О.: К.М.Поликарпович (1926-27). А.Н.Лявданский и А.Д.Коваленя (1936). На месте разрушенных нас. выявлялись кальцинир. кости, костяки, обломки сосудов и пр. Памятник не существует [164. С. 52; 62. Л. 89-112; 64. С. 205-209. № 352]. 14) В 1926-27 гг. К.М. Поликарпович обнаружил на ЮВ оконечности ур. Гренск на прав. бер. Сожа остатки разрушенной кремации. Среди кальцинир. костей отмечены фрагменты бронзы и лепн. сковороды. Рядом обл. лепн. сосудов трет. четв. I тыс. н. э. [44. С. 258-259. № 420]. 15) В 1926-27 гг. К.М. Поликарпович обнаружил остатки пос. в 0,5 км ССВ описанного выше погр. (ур. Гренск, прав. бер. Сожа). КВ, ЖВ, трет. четв. I тыс. н. э. [44. С. 259. № 421]. 16. **Вощанки,** д., Литвиновичский с/с (Вощанка). В 1873 при д. было 53 кург. [164. С. 52]. 17. **Выношевка,** д., Кормянский п/с. На картах вт. пол. XX в. между Выношевкой и д. Семеновкой в полях показано большое количество кург. 18-20. **Городок,** д., Кормянский п/с (бывш. п. Подгорный). 18) В центр. части д. на прав. бер. пересоXIIIего руч. при его устье остатки давно распаханного и застроенного гор. Ранее здесь было кладб. Площадка небольшая овальная, культ. слой отсутствует. Памятник может относиться к категории городищ-святилищ. О.: А.Н.Лявданский и А.Д.Коваленя (1936), О.А.Макушников (1992) [62. Л. 79-80] 19) В д. с к. XIX в. известен мог., который был вытянут на сотни м по площадке правобережной тер. Сожа вдоль поймы. О.: К.М.Поликарпович (1920-е), А.Н.Лявданский и А.Д.Коваленя (1936), О.А. Макушников (1992). К нач. 1990-х сохранялось 2 сильно поврежденных кург. Один из них имел диам. 20 и выс. 4,5 м. В колл. ИИ НАН Беларуси (№ 212) имеется нижняя часть раннекруг. горшка с кальцинир. Костями и углем. Она происходит из раскопанного в 1927 г. в Подгорном кург. [164. С. 52; 62. С. 82-83] 20) Сел. с лепн. и круг. кер. на тер. прав. бер. р. Сож на В окр. д. Перекрыто застройкой. О.: А.Н.Лявданский и А.Д.Коваленя (1936), О.А.Макушников (1992) [62. Л. 81]. 21-22. **Дубовица,** д., Струкачевский с/с. 21) Городище-святилище в 0,2-0,3 км отд., в 0,5 км З д. Старые Рассохи на тер. лев. бер. р. Горна. Площадка округлая 30х35 м. Имеется вал выс. 2 м, ров шир. ок. 2,5 м. О.: В.И.Шадыро (1976), О.А.Макушников (1992). 22) В к. XIX в. на выс. бер. р. Горна в поле отмечалось 6 кург. [164. С. 52]. 23-25. **Золотомино,** д., ц. с/с. 23) Городище-святилище в 0,75 км ССЗ д. на прав. бер. р. Овсовина (Овсянка). Площадка кругообразная диам. ок. 30 м. Р.: С.Е.Рассадин, 1983, 196 кв. м). Вт. пол. I тыс. н. э. [85. С. 75-79; 74. С. 351-352]. 24) В 0,1 км от гор. на прав. бер. р. Овсовина (Овсянка) сел. с кер. трет. четв. I тыс. н. э. и раннекруг. древнерусской. Р.: С.Е.Рассадин(1983, 48 кв. м) [85. С. 75-79]. 25) По опросам местного населения (1980-е) возле д. были кург. Давно распаханы. 26. **Зятковичи,** д., Литвиновичский с/с. В к. XIX в. у д. было 15 кург. При обследовании В.И.Шадыро 1976 в 0,6 км ЮЗ д. отмечено 3 кург. [164. С. 52; 45. С. 221, № 1091]. 27-29. **Казимиров,** д., Золотоминский с/с. 27) Мог. в 0,75-1 км СВ д. вдоль дороги на Почтовую Глинку. Занимает участок тер. прав. бер. Сожа. Ок. 50 кург. О.: К.М.Поликарпович (1920-е), В.И.Шадыро (1976), О.А.Макушников (1992)

[62. Л. 64-67; 45. С. 221. № 1092]. 28) Пос. КВ, ЖВ, трет. четв. I тыс. н. э., XIII-XV вв. на лев. бер. Сожа в 0,75 км от кург. О.: К.М.Поликарпович (1927) [418. С. 172-173; 44. С. 259-260. № 436]. 29) На В от устья руч. при его впадении в Сож сел. Лепн. кер., в т.ч. трет. четв. I тыс. н. э. и круг. XII-XIII вв. О.: К.М.Поликарпович (1927) [44. С. 260. № 437]. 30. **Калюды,** д., Волынецкий с/с. По свед. местных жителей нач. 1990-х., возле д. имеются кург. 31. **Кляпино,** д., Волынецкий с/с. По свед. местных жителей, в лесу было более 10 кург. Сохранилось 4 нас. в 1,5 км СЗ д. по дороге на Волынцы. О.: В.И.Шадыро (1976), О.А.Макушников (1992) [43. С. 111, № 274; 45. С. 222. № 1100]. 32. Косаль, д., Октябревский с/с (Косаляки). В 1954 найден клад дирхамов, из которого известно 45 ед. 43 поступили в Государственный исторический музей (Москва). Монеты Аббасидов (40 ед.) 749/50 — 815/816 и Тахиридов (1 ед.) 823/24. Клад иногда привязывается к д. Литвиновичи [314. С. 35-38]. 33. **Костюковка,** д., Золотоминский с/с. В 1936 А.Н.Лявданским и А.Д.Коваленей отмечен кург. [62. Л. 62-63]. 34-35. **Курганье,** д., Октябревский с/с (Быч, Октябрево). Мог. 1 из 26 кург. в 0,25 км км Ю и ЮЗ д., по прав. борту оврага. Мог. 2 из 20 кург. в лесу в 0,25 км 3 д., на лев. стороне оврага. О.: В.И.Шадыро (1976), О.А.Макушников (1992). [43. С. 111. № 265; 45. С. 222. № 1103]. 36. **Лебедевка,** д., Каменский с/с. По свед. 1873 при д. было 7 кург. Распаханы О.: В.И.Шадыро (1975) [164. С. 52; 45. С. 223. № 1105]. 37-40. **Литвиновичи,** д., ц. с/с. 37) По данным 1873 г. 26 кург. находятся по дороге в Зятковичи. К 1970-м на 3 окр. Литвиновичей сохранялось 3 нас. О.: В.И.Шадыро (1976) [164. С. 52; 45. С. 222. № 1107]. 38) В 1936 А.Н.Лявданский и А.Д.Коваленя осмотрели мог. на бер. Сожа. к С от ур. Телец. Одиночный кург. отмечен в 1984 В.А.Литвиновым и А.И.Дробушевским в 1,5 км ЮВ д. на останце тер. прав. бер. Сожа [164. С. 52; 62. Л. 78]. 39) На прав. бер. Сожа, в ур. Телец, на дюне сел. ЖВ и ДР. О.: К.М.Поликарпович (1927) [64. С. 212. №359а]. 40) В 1990-х на огородах д. найден бронз. наконечник ножен меча древнерусского времени. 41. Луначарск, д., Золотоминский с/с (бывш. Андружжа). В к. XIX в. у д. были кург. [164. С. 52]. 42. **Новая Зеньковина,** д., Кормянский п/с. К В от д. пос. КВ, ЖВ, трет. четв. I тыс. н. э. Находилось на лев. бер.р. Кормянки при ее впадении в Сож, на тер. (ур. Астровница), рядом с мостом. О.: К.М.Поликарпович (1927), А.Н. Лявданский и А.Д.Коваленя (1936). Уничтожено застройкой [62. Л. 81; 44. С. 261. № 448]. 43. **Новые Рассохи,** д., Лужковский с/с (Рассохи). По свед. 1873 при д. было 2 группы кург. из 20 и 10 нас. В 1992 О.А.Макушниковым установлено наличие в 1,3 км ЮВ д. 20 кург. Распахиваются [164. С. 52]. 44. **Покровск,** п., Каменский с/с. На ЮВ окр. п. по направлению к д. Дубролеж остатки мог. К нач. 1980-х гг. уцелело 8 нарушенных кург. О.: В.И.Шадыро (1976), О.А.Макушников (1982) [164. С. 224. № 1116]. 45. **Почтовая Глинка,** д., Золотоминский с/с (Глинка, Глинка Почтовая). В к. XIX в. у д. отмечены кург. В 1927 К.М. Поликарпович осмотрел к С от д. на обрыве тер. прав. бер. Сожа разрушенный кург. [164. С. 52]. 46-47. **Прудок**, бывш. д. 46) В левобережье Сожа, возле оз. Староселье сел. ДР [43. С. 112. № 287]. 47) В левобережье Сожа, возле оз. Староселье к В от сел. кург. О.: К.М.Поликарпович (1920-е) [43. С. 112. № 287]. 48-49. **Старoград**, д., ц. с/с (Старгород). 48) В 1873 при фольв. было 47 кург. Р.: Г.Ф.Соловьева (1966, 7 кург.). Ингумации. К 1990-м сохранилось ок. 40 нас. О.: В.И.Шадыро (1976), О.А.Макушников (1992) [164. С. 51; 423. С. 243; 45. С. 224. № 1120]. 49) Одиночный кург. на прав. бер. р. Добрицы в 0,8-1,0 км к Ю отд. Выс. 3,5-4 м, диам. 15 м. О.: В.А.Литвинов, А.И.Дробушевский (1984). 50-52. **Струмень,** д., ц. с/с. 50) Мог. из 10 нас. в 0,2-0,25 км Ю кладб. на левобережной тер. Сожа. В 100 м от них одиночный кург. О.: О.А.Макушников (1992). 51) Пос. КВ, БВ, ЖВ, средневековья в 0,5 км Ю кладб. на левобережной тер. Сожа в ур. Подселы. О.: К.М.Поликарпович (1927) и др. 52) В 1,5 км к 3 от д. в пойме лев. бер. Сожа на всхолмлении (ур. Лоша) пос. КВ. БВ, ЖВ и ДР. Р.: Е.Г. Калечиц (1976, 660 кв. м). 53-54. **Студенец,** д., Золотоминский с/с. 53) На прав. бер. Сожа, к С от д. пос. КВ, ЖВ, ДР. О.: К.М.Поликарпович (1927) [44. С. 262 № 463]. 54) На прав. бер. Сожа, на С окр. д. в к. XIX в. отмечены кург. О.А.Макушниковым в 1992 отсмотрено 5 кург. на Ю окр. д. [164. С. 52]. 55. **Хизов,** д., Староградский с/с (Хизово). В 2 км В д., на 3 окр. д. Тараховка к 1970-м сохранилось 18 кург. Р.: В.К.Черепанов (1890, 1 кург.). Ингумация в яме. О.: В.И.Шадыро (1976) [45. С. 225. № 1129]. 56. **Хлевно,** д., Золотоминский с/с. Мог. располагался на В окраине кладб., справа от дороги на Костюковку (бывш. Михеевку). В 1970 сохранялось 4 нас. О.: О.Н.Мельниковская (1956), В.И.Шадыро (1976) [45. С. 225. № 1133].

Рисунок 129 — Кормянский р-н.
Карта памятников V-XIII вв. Нумерация соответствует нумерации «Каталога».
Условные обозначения см. на рисунке 123

Лоевский р-н

1. Абакумы, д., Карповский с/с. Мог. из 26 нас. при устье Сожа, на его прав. бер., в 1 км ЗЮЗ д. О.: К.М.Поликарпович (1926). Р.: Г.Ф.Соловьева (1963, 2 кург.); О.А.Макушников (1997-2000, Г кург.) Ингумации в ямах (преобладают) и на горизонте, кремация. В женских погребениях — дреговичская зерненая бусина, проволочные перстнеобразные височные кольца, стекл. бусы, бронз. пуговицы, круг. кер. и пр. [21. С. 29; 418. С. 232, № 101; 45. № 1202]. 2. **Бывальки,** д., ц. с/с. У д. сел. ЖЕ и ДР [43. С. 112, № 301]. 3. **Карповка,** д., ц.с/с. В нач. XX в. было 2 кург. [21. С. 29]. 4. **Колпень,** д.. Козерожский с/с. К Ю от д. у оз. в 1880-х было ок. 20 кург. Местные жители собрали жел. топор, два копья и др. Р.: В.З.Завитневич (1890, 18 кург.). Ингумации на горизонте к. X-XI вв. [20. С. 16-17]. 5-9 **Лоев,** г.п. 5) Гор. в центр. части г. п. на высоком прав. бер. Днепра. М.А.Ткачевым в 1980 установлено, что гор. существовало в РЖВ, к. X-XIII вв. В XIV-XVIII вв. здесь находился замок. Гор. имело форму полукруга диам. ок. 125 м, было укреплено валом и рвом. Найдены круг. кер., обл. стекл. браслетов, шиф. пряслица и пр. О.: М.А.Ткачев (1980), А.Г.Тимофеенко (2004-05) [250. С. 390]. Скорее всего, памятники Лоева представляют древнерусский г. 6) Сел. (вероятно, часть посада) на мысу, образованном правобережными тер. Днепра и руч. Витач. Памятник находится в пределах городской застройки. Разведанная пл. — до 3 га. Подъемный материал относится к XI-XIII вв. О А.Г.Тимофеенко (2004-05). 7) Кург. мог. (свыше 70-ти насыпей) в 4 вер. СЗ Лоева в лесу, рядом с ур. Грегорово Поле. Р.: В.З.Завитневич (1890, 15 кург.). Ингумации на горизонте, XI-XII вв. В 2004 А.Г.Тимофеенко насчитала 53 кург. [20. С. 12-13]. 8) Сел. в ур. Грегорово Поле в 100 м к ЮВ от кург. пл. ок. 3,5 га. К. X-XII в. О.: В.З.Завитневич (1890), А.Г.Тимофеенко (2004) [20. С. 12]. 9) Признаки

древнерусского пос. к С от Лоевского замчища на коренной тер. прав. бер. Днепра. 10-14. **Мохов,** д. Козерожский с/с. 10) На ЮВ окраине д. крупнейший в Беларуси мог. В к. XIX в. насчитывал ок. 600 кург. Сохранилось св. 300 нас. (включая разрушенные). Находятся на склоне коренной тер. прав. бер. Днепра в ур. Курганье. Р.: В.З.Завитневич (1890, 26 кург.), О.А.Макушников (2003-2008, 27 кург.). Сожжения и трупоположения. Преобладают захоронения на горизонте, есть погребения в ямах и в насыпи. Инвентарь: круг. посуда, проволочные височные кольца, стекл. и кам. бусы, кресала, ножи и др. [20. С. 11-72;213. С. 131-134]. 11) Остатки пос. на ЮВ окр. д. в ур. Великое (Высокое) Поле, Богданова Пристань, Подгорье. КВ. БВ, позднезарубинецкая, пражская, древнерусская культуры. В X-XI вв. занимало пл. до 20 га. Р.: О.А.Макушников (2003-04, 2007, 118 кв. м). Расчищены остатки жилища пражской культуры, глинобитной производственной печи, найдены обл. плинфы, жел. шпора и пр. 12) Остатки распаханного гор. X-XI вв. на мысу коренной террасы правого берега Днепра в ур. Причелок. В шурфе на стрелке мыса выявлены остатки подушки оборонительного вала. 13) Мог. в 1 км к В от д. в правобережной пойме Днепра. 15 распаханных кург. Р.: О.А.Макушников (2005, 1 кург.). Выявлена кремация с жел. пряжкой V-VI вв. и поздняя впускная ингумация. 14) Пос. со средневековой кер. (есть материал к. X-XI вв.) на мысу коренной тер. прав. бер. Днепра в 0,5 км к СВ д. Пл. ок. 0,5 га. О.: А.Г.Тимофеенко (2004). 15. **Синск,** д., Бывальковский с/с (бывш. Сенское). В ур. Козлово Курганье в к. XIX в. было 25 кург. Р.: В.З.Завитневич (1890, 9 кург.). Кремации [20. С. 17-18]. 16-17. **Хоминка,** д., Карповский с/с (Хоминки). 16) В к. XIX в. у д. было несколько кург. [21. С. 32]. 17) По данным Е.Р.Романова «в кожаной сумке» найдено несколько сот «хазарских монет VI в.» [21. С. 32]. 18-20. **Чаплин,** д., Страдубский с/с. 18) Гор. (ур. Городок) расположено на Ю окр. д. на правобережной тер. Днепра. Площадка укреплена валом и рвом. Пл. ок. 0,6 га. Р.: Ю.В.Кухаренко и П.Н.Третьяков (1951-53, 1120 кв. м), Л.Д.Поболь (1956-57, 624 кв. м). Основной слой относится к РЖВ. В верхних отложениях городища раннекруг. и круг. кер. X-XI вв., лепн. посуда роменского типа, шиф. и глин. пряслица, кресало, шпора, бронз, бубенчик, фибула и др. [98. С. 200-209; 63. С. 9-62]. 19) Сел. РЖВ, роменского и раннедревнерусского (X-XI вв.) периодов примыкает к гор. Пл. ок. 90x300 м. Р.: Э.А.Сымонович (1955), Л.Д.Поболь (1951-56, ок. 800 кв. м). Обнаружены основания двух жилищ с печами и ямы. К средневековью относится бронз. серьга аварского типа (VII-VIII вв.), железн. шпора, наконечник стрелы, шиф. и глин. пряслица и др. [98. С. 200-209; 63. С. 9-62]. 20) Ок. 20 кург. на С окр. д. 2 нас. раскопано Ю.В.Кухаренко. Ингумации [43. С. 114, № 315].

Рисунок 130 — Лоевский р-н.
Карта памятников V—XIII вв. Нумерация соответствует нумерации «Каталога».
Условные обозначения см. на рисунке 123

Речицкий р-н

1. Абрамовка, д., Борщевский с/с. В ур. Колпино кург. В к. XIX в. рыл М.М.Филонов. Найдены бусы, металлич. «в виде муфточек» и др. [421. С. 577; 21. С. 29]. 2. **Адамовка — Степановка,** д., Заспенский с/с. В к. XIX в. в окрестностях этих дд. были остатки мог. из 4-х кург. групп в 202 нас. В.З. Завитневичем в Адамовской группе № 1 из 33 кург. раскопано 9, в Адамовской № 2 из 40 — 10, в Степановской № 1 — из 97 — 15, в Степановской № 2 — из 32 — 1. В большинстве кург. ингумации, есть кремации. X-XII вв. Мог. уничтожен [20. С. 36-41; 46. С. 25]. 3. **Барсук,** д., Малодушский с/с. По данным 1873 в 5-ти вер. от села было 90 кург. [8. С. 177]. 4. **Береговая Слобода**, д., Глыбовский с/с. В 0,1-0,2 км ССЗ кладб. в лесу ок. 40 кург. О.: Г.В.Штыхов (1976), О.А.Макушников (1992) [45. С. 320. № 1712]. 5. **Боровая,** бывш. д., Борщевский с/с. У д. кург. [43. С. 119. № 376]. 6-7. **Борхов**, д., ц. с/с. 6) В 3 км Ю д. рядом с гор. РЖВ кург. [21. С. 26]. 7) На лев. бер. Днепра пос. КВ, ЖВ и трет. четв. I тыс. н. э. О.: В.Ф.Исаенко и И.М.Тихоненков (1965) [44. С. 281. № 700]. 8. **Борщевка,** д., ц. с/с. В ур. Лопатное и Княжие Могилы было ок. 160 кург. Сохранилось 65 нас. в 1,5 км на В от д. О.: Г.В. Штыхов (1976) [21.С. 26; 45. С. 320. № 1711]. 9. **Васильков,** д., Дубровский с/с. В 1 км к В от д. 19 кург. О.: Г.В.Штыхов (1976) [45. С. 322. № 1725]. 10. **Велин,** д., Заспенский с/с. На лев. бер. Днепра в 1961 обнаружен горшок пражского типа [67. С. 126,128]. 11. **Володарск,** д., Глыбовский с/с. Мог. из 70 нас. в 2 км ЮЮВ д. в ур. Усобина. О.: Г.В.Штыхов (1976). О.А.Макушников (1992) [45. С. 321. № 1719]. 12-15. **Глыбов**, д., ц. с/с. 12) В 1992 отмечено 14 кург. в 0,3-0,4 к к Ю от д. на кладб. Р.: С.С.Ширинский (1958, 1 кург.). Ингумация в яме. Круг. посуда, бронз. украшения. О.: Г.В.Штыхов (1976), О.А.Макушников (1992) [45. С. 325. № 1740] 13) На ЮВ окр. д. гор. РЖВ И ДР. Расположено на мысу прав. бер. Днепра в ур. Городок. Р.: О.Н.Мельниковская (1955, 1961, 200 кв. м). Площадка 160x110 м, культ. слой до 0,5 м. Укреплено дугообразным валом выс. до 2 м. Основной материал относится к РЖВ [64. С. 140. № 35] 14) Рядом с гор. сел. РЖВ и ДР [64. С. 140. № 35]. 15) Остатки мог. из 3 кург. (ранее было 9) в 0,2 км к С от гор. Р.: С.С.Ширинский (1958, 2 кург.) Ингумации в ямах. Бронз. украшения, крестик с выемчатой эмалью, стекл. бусы. О.: Г.В.Штыхов (1976) [45. С. 325. № 1740]. 16-22. **Горваль**, д., Глыбовский с/с. 16) На прав. бер. Березины на месте стоянки КВ сел. ЖВ и трет. четв. I тыс. н. э. О.: В.Ф.Исаенко, И.М.Тихоненков (1965) [44. С. 281. № 715]. 17-18) По данным Л.Д.Поболя, на прав.бер. Березины в д. есть 2 гор. мысового типа. Первое расположено в 3 части д. Дл. площадки 55 м, выс. над р. до 10 м, выс. вала до 2 м. Собраны материалы РЖВ и ДР. Известно с к. XIX в. [64. С. 137. № 32]. Второе городище Л.Д.Поболь локализовал на В окр. д. в ур. Городок. Выс. площадки над р. 12-13 м. Она прямоугольная, вытянута с Ю на С, с двух сторон ограждена оврагами, с третьей — р. С напольной стороны была укреплена валом и рвом. РЖВ и ДР. Известно с к. XIX в. О.: А.Д.Коваленя (1935), О.Н.Мельниковская (1958) [64. С. 137. № 31]. По данным Г.В.Штыхова, городище треугольной формы, обнесенное валом и рвом, находится в 1,5 км к Ю от д. РЖВ и XI-XIII вв. О.: О.Н.Мельниковская (1958), Г.В.Штыхов (1976). Вероятно, в сведениях Л.Д.Поболя и Г.В.Штыхова речь идет об одном и том же памятнике [45. С. 326. № 1744; 64. С. 137. № 32]. В описаниях гор. есть путаница. По-видимому, верная информация о них опубликована В.И.Кошманом. Гор. локализованы на высоком коренном бер. р., имеют овальные площадки и с напольной стороны защищены по одному оборонительному валу каждое [52]. 19) Сел. ЖВ, XI-XIII вв. Горваль I на правобережной тер. Березины. Пл. 350x60 м [52. С. 154]. 20) Сел. ЖВ, XI-XIII вв. Горваль II на правобережной тер. Березины. Пл. 1 га [52. С. 154]. 21) Сел. ЖВ, XI-XIII вв. Горваль III на правобережной тер. Березины. [52. С. 154] 22) Мог. в 0,3 км к В от д. на прав. бер. Березины. 30 кург. О.: О.Н.Мельниковская (1958). Г.В.Штыхов (1976) [45. С. 326. № 1744]. 23. **Горивода,** д., Пересветовский с/с. Мог. располагался между Гориводой и Ребусой. Р.: В.З. Завитневич (1890, 8 нас.). В 3 кург. сожжения на горизонте, в остальных — положения на горизонте. В составе инвентаря браслетообразные височные кольца, а также стекл. бусы, бронз. бубенчики, горшки и др. [20. С. 41]. 24. **Горошков,** д.. Заспенский с/с. По дороге в Степановку в к. XIX в. был 41 кург. Р.: В.З.Завитневич (1890, 6 кург.). Ингумации [20. С. 41]. 25-26. **Дубовец**, бывш. п., Долголесский с/с («ур. Белый Берег») 25) На лев. бер Днепра, выше по течению, к С от бывш. д.. Белый Берег пос. КВ, ЖВ, трет. четв. I тыс. н. э., признаки грунт. мог. с сожжением. О.: К.М.Поликарпович (1920-е), А.Д.Коваленя (1935) [44. С. 280, № 696]. 26) По свед. дачников (2000) на окр. дачного п. на лев. бер. Днепра 15-20 кург. Не менее 5 кург. снесено в 1980-х при расширении застройки. 27. **Завужаль,** д., Артуковский с/с (Заужелье). Гор. мысового типа на прав. бер. Днепра на ЮВ окраине д. Площадка треугольная в плане (75x75 м), с напольной стороны защищена валом. Распахано. РЖВ и ДР

О.: Ю.В.Кухаренко (1951), Л.Д.Поболь (1964), О.А.Макушников (1992) и др. [64. С. 140. № 36; 45. С. 327. № 1751]. 28.**Заспа**, д., ц. с/с. Гор. мысового типа находилось в центре д., на коренном прав. бер. Днепра, рядом с крахмальным заводом. Застроено, оборонительные сооружения снесены. РЖВ и ДР. О.: Ю.В.Кухаренко (1958), О.А.Макушников (1992) [64. 1974. С. 141. № 38]. 29-32. **Казазаевка**, д., Жмуровский с/с. 29) В 2-х вер. С д. по направлению к Речице посреди поля в к. XIX в. было 12 кург. Р.: В.З. Завитневич (1890, 7 нас). Ингумации [20. С. 41-42]. 30) Примерно в трех четв. вер. от д. в ур. Дивий Луг в к. XIX в. был мог. Размерами выделялся курган «Болотова (Олотова) Могила», имевший «до 150 аршин в окружности». Р.: В.З.Завитневич (1890, 1 кург.). Ингумация [20. С. 42]. 31) На поле находился кург. мог. Уничтожен. О.: В.З.Завитневич (1890) [20. С. 42] 32) В 3 вер. ЮЗ д. в ур. Курганье За Свиридовским Шляхом отмечено 72 кург. Р.: В.З.Завитневич (1890, 15 кург.). Ингумации и кремации [20. С. 42-43]. 33-34. **Колонии,** д., Артуковский с/с. 33) Мысовое гор. РЖВ и трет. четв. I тыс. н. э. в 0,5 км к С от д. в ур. Городок. О.: Ю.В.Кухаренко (1951), О.Н.Мельниковская (1955). Р.: Э.А.Сымонович (1955-1960, 1332 кв. м). Размеры площадки 42x36 м, слой 0,25-1,50 м. Два вала защищают площадку с напольной стороны. Внутренний вал сооружен в жел. веке и подсыпан в трет. четв. I тыс. н. э. По краям площадки ямы и сгоревшая деревянная постройка трет. четв. I тыс. н. Среди находок раннесредневекового пер. большое количество раздавленных сосудов, 4 жел. серпа, коса, пешня, наконечники стрелы и копья, ножи, шилья и пр. [67. С. 97-137]. 34) Раннесредневековое сел. и грунт. мог. с сожжением к З от городища. Пл. пос. 500x120-130 м. Р.: Э.А.Сымонович (1958-1960). Исследовано два углубленных жилища V-VII и VIII-IX вв. [67. С. 97-137]. 35. **Крапивня,** д., Комсомольский с/с. В 2 км СВ д. на прав. бер. Березины мог. из 25 кург. О.: Г.В.Штыхов (1976) [45. С. 328. № 1762]. 36. **Красный Мост,** д., Заспенский с/с (Брагибор). Мысовое гор. на Ю окр. д. в ур. Городок при руч., прорезающем коренную правобережную тер. Днепра. Площадка (2.5 га) застроена, оборонительные сооружения разрушены. РЖВ и ДР. О.: Л.Д.Поболь (1957) [64. С. 142-143. № 45]. 37. **Крынки,** д., Лисковский с/с. В 2 км В д. в ур. Лавское 20 кург. О.: М.И.Лошенков (1981) [45. С. 328. № 1763]. 38-43. **Леваши,** д., Заспенский с/с. 38) Пос. КВ, ЖВ. трет. четв. I тыс. н. э. в ур. Казаков Сад. На его территории кург. (см. ниже). О.: А.Д.Коваленя (1935) [44. С. 285. № 746]. 39) К С от Левашей в сторону фольв. Бригидово в ур. Казаков Сад в к. XIX в. на высоком прав. бер. Днепра был мог. из 150 кург. Р.: В.З.Завитневич (1890. 13 нас). Ингумации и кремации. X-XI вв. [21. С. 32-35, 70]. 40) К С от Левашей в сторону Бригидово в к. XIX в. были кург. О.: В.З.Завитневич (1890) [21. С. 32]. 41) На окраине фольв. Бригидово в сторону Левашей на поле в к. XIX в. находился мог., в котором сохранялось до 25 кург. Р.: В.З.Завитневич (1890, 3 кург.). Ингумации. На В окр. совр. д.. Луначарск (бывш. Бригидово), на коренном правом бер. Днепра сохранились остатки мог. (примерно 50 нас). О.: Л.Д.Поболь (1964), Г.В.Штыхов (1976), О.А.Макушников (1992) [21. С. 32, 35; 45. С. 329. № 1768]. 42) Мысовое гор. на коренном бер. Днепра в центре д. Остатки валов со стороны Днепра и со стороны оврага. Застроено. РЖВ и ДР. В 1935 А.Д.Коваленя заложил несколько траншей на площадке. В колл. ИИ НАН Беларуси сохранилось много пакетов с этикеткой «Леваши. Ур. Городок. 26.VIII. 1935», в которых сотни крупных фрагментов кер. к. XI-XIII вв., единичные черепки РЖВ, обл. византийских амфор, шиф. пряслица, обл. стекл.браслетов и стекл. бусы, обл. костяного гребня, серия жел. серпов, ножей и пр. Материал характерен для феодальных замков и городов XII-XIII вв. О.: Ю.В.Кухаренко (1951), Л.Д.Поболь (1964) и др. [64. С. 143. № 46]. 43) К гор. Городок примыкает сел. Содержит кер., аналогичную городищенской [64. С. 143. № 46]. 44-46. **Луначарск,** д., Заспенский с/с (бывш. Бригидов). 44) Вблизи кирпичного завода на мысу прав. бер. Днепра сел. ЖВ, трет. четв. I тыс н. э., ДР. О.: Ю.В.Кухаренко (1951), Л.Д.Поболь (1957) [64. С. 143. № 48а]. 45) Мысовое гор. РЖВ и ДР на прав. бер. Днепра в ур. Городок, в 0,5 км к Ю от д. Сохранился вал и ров. О.: Ю.В.Кухаренко (1951), Л.Д.Поболь (1965) и др. [64. С. 143. № 48]. 46) Сел. ЖВ, ДР рядом с гор. [64. С. 143. № 48]. 47. Лиски, д., ц. с/с Мог. в 0,5 км С д. по дороге на Крынки. Насчитывает 26 кург. Р.: М.И.Лошенков (1981, 2 кург.). Ингумация [424. С. 142-148]. 48. **Макановичи,** д., Василевичский г/с По данным к. XIX в. возле д. в лесу 6 кург. [8. С. 179. № 193]. 49-50. **Милоград,** д., Глыбовский с/с 49) У д. кург. [43. С. 121. № 398]. 50) К С от гор. РЖВ на коренной тер. Днепра сел. ЖВ, трет. четв. I тыс. н. э. О: А.Д.Коваленя (1935). В 1951 в 220 м к С от гор. Ю.В. Кухаренко заложил траншею 20x2 м. РЖВ, трет. четв. I тыс. н. э., кальцинированные кости [44. С. 285-286. № 755, 757]. 51-52. **Озерщина**, д., ц. с/с. 51) При впадении р. Ведричь в Днепр на территории судоверфи мысовое гор. РЖВ и ДР. О.: Ю.В.Кухаренко (1951), О.Н.Мельниковская (1958) и др. [64. С. 144. № 52]. Снесено. 52) Возле д. кург. [43. С. 121. № 399].

53. **Ребуса,** д., Пересвятовский с/с. Между Ребусой и Гориводами был мог. Р.: В.З.Завитневич (1890, 8 кург.). Ингумация и кремации. [20. С. 45, 69]. 54-57. **Речица,** г. 54-55) Мысовое гор. на коренном бер. Днепра, занято парком. Площадка размером 75x45 м, с 3, В и Ю вал выс. до 2 м. С 3 и В — овраги, со стороны р. разрушено оползанием. В обрыве прослежен слой мощностью до 1,6 м с лепн. и круг. посудой. О.: Э.А.Сымонович (1957), П.Ф.Лысенко (1966), Г.В.Штыхов (1976). Остатки посада, окольного города (места) средневекового г. в зоне совр. застройки возле гор. Окольный г., обнесенный валом и рвом, охватывал детинец в виде подковы и имел пл. ок. 4 га. Р.: О.А.Макушников (1989-90, 1183 кв. м). Вскрыты отложения V-VII и XII-XVIII вв.. выявлены следы усадебно-уличной планировки, жилых и хозяйственных сооружений. Получен материал, отражающий многие стороны жизни средневекового г. [45. С. 316. № 1675; 8. С. 17] 56) На бер. Днепра возле бывш. кирпичного завода в 1935 на месте стоянки КВ обнаружена лепн. кер. I тыс. н. э. О.: А.Д.Коваленя (1935) [44. С. 287, 768]. 57) По данным сер. XIX в. по дороге из Речицы в Бобруйск на холме в долине Днепра стояло кам. четырехликое изображение языческого бога («четырехголовая баба») [44. С. 287. № 769]. 58. **Степановка,** д., Заспенский с/с. 2 кург. с ингумацией исследовал в 1892 В.З.Завитневич [20]. 59. **Теребеевка,** д., Артуковский с/с. (Малая Теребеевка). На р. Волкошанке гор. X-XII вв. Р.: И.Х.Ющенко (1930) [43. С. 93. № 23]. 60-61. **Холмечь,** д., Артуковский с/с. 60) В имении Дубовица в направлении Ю окр. д. Завужаль (устар. — Заужелье) на высоком бер. Днепра в к. XIX в. был мог. из 113 нас. («Дубовицкая группа»). Р.: В.З.Завитневич (1890, 13 кург.) Ингумация и кремация. X-XI вв. [20. С. 28- 32, 68). 61]. На Ю окр. села Завужаль в сторону Дубовицы в к. XIX в. было ок. 70 кург. («Заужельская группа»). Р.: В.З.Завитневич (1890, 16 нас). Ингумации [20. С. 28-32,70]. 62 **Якимовка,** д., Борховский с/с. 25 кург. в ур. Чанцы, Язовки [21. С. 26]. 63. **Яновка,** д., Свиридовичский с/с. В ур. Пасека распаханный мог., в котором в к. XIX в. насчитывалось 16 кург. Р.: В.З.Завитневич (1890, 13 нас.). Ингумации и кремация. [20. С. 34-35].

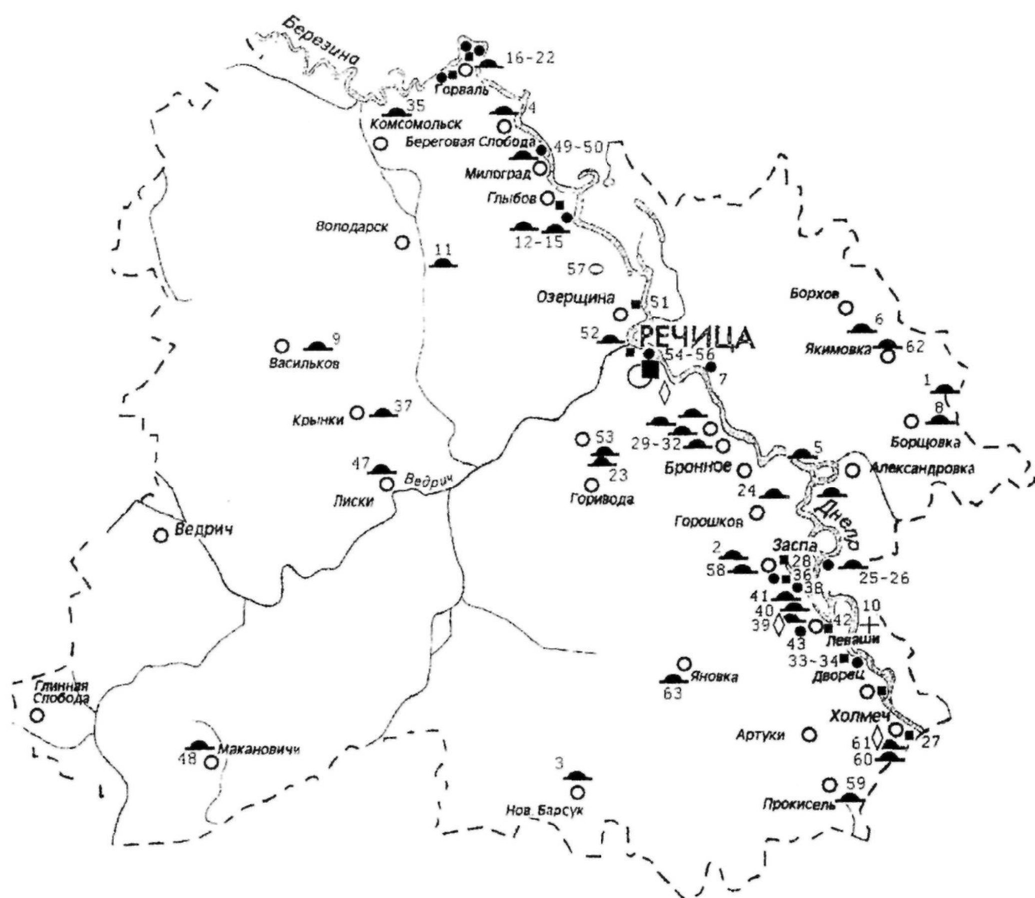

Рисунок 131 — Речицкий р-н.
Карта памятников V-XIII вв. Нумерация соответствует нумерации «Каталога».
Условные обозначения см. на рисунке 123

Рогачевский р-н

1. Антуши, д., Поболовский с/с. В к. XIX в. у д. было 30 кург. В 1976 А.Г.Митрофанов насчитал 6 кург. [164. С. 52; 45. С. 291. № 1532]. 2. **Борхов,** д., Звонецкий с/с. На ЮЗ от д. в поле 10 кург. О.: Л.Д.Поболь (1962) [43. С. 122]. 3. **Буда**, д., Городецкий с/с. У д. были кург. [164. С. 122]. 4-5. **Великие Стрелки,** д.. Городецкий с/с (Большие Стрелки). В к. XIX в. отмечен кург. в ур. Чернистый Мост [164. С. 53]. 6-7. **Веселое,** бывш. фольв., бывш. Довская вол. (Довск, Новый Довск). В к. XIX в. при фольв. было 83 кург., в ур. Млынки — 100. В 1962 Л.Д.Поболь, в 1976 А.Г.Митрофанов обследовали 27-29 кург. на ЮЗ окр. д. Новый Довск. [164. С. 51; 45. С. 296. № 1565]. 8-13. **Веточка,** д., Городецкий с/с. 8) Мог. Веточка I. В к. XIX в. в четв. вер. в поле было 44 кург. На прав. бер. р. Ржавки у д. в нач. 1960-х Г.Ф.Соловьева отметила 15 кург., в 500-600 м к В и 3 от них — еще по 3. Р.: Г.Ф.Соловьева (1963, 4 кург.) Ингумации с дреговичским инвентарем. В 1983 в 150 м к Ю от д. насчитано 32 кург. Р.: А.Н. Плавинский и В.Н.Рябцевич (1983, 3 кург.). Ингумации [164. С. 53; 45. С. 292. № 1540]. 9-10) Мог. Веточка II, III. По свед. 1873 г. в полуверсте от ур. Борок в лесу на высоком месте 69 кург. По дороге из Веточки в Городец в нач. 1960-х. сохранялась группа Веточка II. Р.: Г.Ф.Соловьевой (1963, 5 кург.). Ингумации с дреговичским инвентарем. В 1983 мог. насчитывал 47 нас. Р.: В.Н.Рябцевич, А.Н.Плавинский (1983, 7 кург.). Ингумации с радимичским инвентарем. Группа Веточка III расположена по той же дороге, в лесу. Р.: Г.Ф.Соловьева (1963, 6 кург.). Ингумации с дреговичским инвентарем. [164. С. 53; 45. С. 292. № 1540]. 11-13) Мог. Веточка IV-VI. Рядом с д. в полях 3 кург. группы, которые ранее могли составлять единый мог. Группа Веточка IV расположена к В от Веточки V и к 3 от Веточки VI. 18 кург. Р.: Г.Ф.Соловьева (1963, 65, 14 нас). Кремации и ингумации с радимичским инвентарем. Веточка V представлена 3-мя кург. Полностью исследована в 1965 Г.Ф. Соловьевой. Кремация и ингумации с радимичским инвентарем. В группе Веточка VI сохранялся 1 кург. Исследован Г.Ф.Соловьевой в 1965. Ингумация [415. С. 153-154]. 14. **Вишенька,** д. Мог. на прав. бер. р. Друть, в 0,2 км на ЮВ от д. В 1960-х насчитывал 20 кург. Р.: Г.Ф.Соловьева (1966, 4 кург.) Ингумации с инвентарем дреговичского типа [46. С. 138]. 15-18. **Вишин,** д., Кистеневский с/с. 15) Мысовое гор. в 1 км С д. на Ю окр. д. Кистени, на коренном бер. Днепра. Площадка полуовальной формы (ок. 0,63 га), обнесена с напольной стороны тремя валами. Р.: Э.М.Загорульский (1976-85, около двух третей площади). Датируется к. XI-XIII вв. Получен большой вещественно-документальный материал, который обстоятельно характеризует жизнь феодального замка ДР [164. С. 51; 30]. 16) За валами гор. на поле сел. с кер. ЖВ и XI-XIII вв. Пл. ок. 500x100 м. О.: А.Н.Лявданский (нач. 1930-х), Л.Д.Поболь (1962. 1967) и др. [64. С. 172. № 238; 52. С. 151]. 17) Сел. XI-XIII вв. на прав. бер. Днепра. Пл. ок. 350x80 м [52. 151]. 18) Над обрывом протоки Днепра (ур. Уев) располагался мог. В 1930-х сохранялись остатки 9 кург. Р.: М.В.Фурсов, С.Ю.Чоловский (1892, 6 кург.). Сожжения и трупоположения [16]. 19. **Волосовичи,** д., Журавичский с/с. Мог. в 1,5 км С д. в лесу вдоль дороги на д. Канава. 54 кург. О.: А.Г.Митрофанов (1976) [45. С. 292, № 1539]. 20-25. **Гадиловичи,** д., ц. с/с. По свед. 1873 у села в 5-ти мог. было ок. 200 кург. 20) Мог. в ур. Якимово размещался в поле (90 нас.) к Ю от д. по дор. в Городец. Р.: А.Н.Лявданский (1930, 12 кург.); Г.Ф.Соловьева и С.С.Ширинский (1960-е, все кург.). Трупоположения к. X-XI вв. [164. С. 53; 43. С. 123. № 416; 275. С. 50]. 21) По данным 1873 в 1,5 вер. от села в лесу имелось 3 кург. [164. С. 53]. 22) По данным 1873 в 3 вер. от села при оз. Усва 60 кург. В 1930 обследованием А.Н.Лявданского и С.А.Дубинского к СЗ от д. в лесу возле старицы Днепра отмечено 120 кург. В сер. 1960-х Г.Ф. Соловьева обозначила здесь ок. 200 кург. Р.: Г.Ф.Соловьева (1964-65, 22 нас). Кремация, ингумации. По данным А.Н. Плавинского, мог. расположен в 1,5 км СЗ д. и к нач. 1980-х. насчитывал 124 нас Р.: А.Н.Плавинский, В.Н.Рябцевич (1981, 6 кург.). Ингумации с радимичским инвентарем [164. С. 53; 45. С. 295. № 1553]. 23) По данным 1873. в 5 вер. от села в поле (ур. Довец) находился 41 кург. [164. С. 53]. 24) По данным 1873 в 2 вер. от села у почтовой дороги в поле было 2 кург. [164. С. 53]. 25) Рядом с кург. мог., расположенным к СЗ от д., у старицы Днепра сел. XI-XII вв. О.: Г.Ф.Соловьева (1964-65) [275. С. 50]. 26. **Городец,** д., ц. с/с По данным 1873 было 3 кург. [164. С. 53]. 27. **Днепровск,** п., Кистеневский с/с Сел. ЖВ и X-XIII вв. Пл. 100x50 м О.: Л.Д.Поболь (1962) [43. С. 123. № 419; 52. С. 151]. 28. **Журавичи,** д., ц. с/с (Старые Журавичи). В 1 к Ю от д. 10 кург. О.: А.Г.Митрофанов (1976) [45. С. 307. № 1643]. 29-31. **Задрутье,** д., Лучинский с/с 29) В 1893 близ д. на бер. Днепра найден клад, гривен-слитков киевского типа. Сокрыт в XIII в. [425. С. 79]. 30) В Ю части д. в ур. Городок расположено гор. РЖВ. К 3 от гор. пос. БВ, ЖВ и X-XIII вв. [64. С. 173. № 242; 52. С. 151]. 31) КС от гор., на прав. бер. Днепра, в поле в 1930-х сохранялся 41 кург. Р.: А.Н.Лявданский,

С.А.Дубинский (1930, 6 нас). Ингумации с инвентарем дреговичского типа [45. С. 298. № 1575]. 32. **Залозье,** д., Кистеневский с/с. На прав. бер. Днепра пос. длиной до 1 км, шир. до 0.1 км. КВ, I тыс. н. э. О.: К.М.Поликарпович (1927), Л.Д.Поболь (1962). Р.: В.Ф.Копытин (1972) [44. С. 288. № 792]. 33-34. **Заполье,** д., ц. с/с. В ур. Заболотье в к. XIX в. было 20 кург., в ур. Родиме — 17 [164. С. 52-53]. 35-38. **Збаров,** д., ц. с/с (Зборов). 35) Мысовое гор. в 0,75 км к В от д. на коренном лев. бер. Днепра. С С, ЮЗ и частично с Ю сохранились вал и ров. Размеры площадки ок. 70x60 м. Нижний горизонт относится к РЖВ, верхний — к XII-XIII в. Р.: Г.Ф.Соловьева (1967-68, 473 кв. м); А.И.Дробушевский (1998, 60 кв. м) [170. С. 11-113; 64. С. 174; 46. С. 271]. 36) Рядом с гор. сел. ЖВ и XI-XIII вв. Пл. 400x100 м [43. С. 123-124. № 425; 52 С. 151] 37) В 2,5-3 км ЮВ д., в 1 км от санатория «Приднепровский», в лесу 5 кург. О.: А.Г.Митрофанов (1976). В 1968 в разрушенном кург. найдены кам. бусы, бусина зерненая металлическая дреговичского типа, 2 дирхама, дирхам с ушком и др. [45. С. 299. 3 1581; 425. С. 79]. 38) Сел. I тыс. н. э. между Збаровом и Гадиловичами, в 3 км ЮВ Збаровского гор., на лев. бер. Днепра. Распахивается. Пл. ок. 4 га. О.: Л.Д.Поболь (1967) [44. С. 289. № 795]. 39. **Ильич,** п., Звонецкий с/с. В левобережье Днепра, на бер. оз. Становое, на всхолмлении в 1928 выявлено сел. ЖВ и XII-XIII вв. [Колл. ИИ НАН Беларуси. № 1536. 1928. VII. 28]. 40-42. **Каменка,** д.. Курганский с/с. 40) Городище-святилище в 1,2-1,3 к к С от д., на краю надпойменной (2-2,5 м) тер. лев. бер. р. Ржавка. Площадка округлая диам. ок. 25 м. С напольной стороны ограничено валом. Р.: Н.И.Бруевич (2004). Культ. слой отсутствует. Судя по радиоуглеродным датам, гор. было сооружено в VI-VII вв. на месте ран. пос. [333. С. 233-234]. 41) Мог. в 1,4 км СВ д. (памятник также привязывают к Каменке Рысковской или Перекопу). В к. XIX в. насчитывалось 145 кург. Р.: А.Н.Лявданский (1930, 3 кург.). Ингумации. В 2004 Н.И.Бруевичем констатировано наличие 29 кург. [164. С. 53; 43. С. 125. № 441; 46. С. 298; 333. С. 233-234]. 42) Мог. в 0,2-0.5 км на Ю и ЮВ от д. (памятник привязывают и к Каменке Рысковской). В к. XIX в. насчитывал 120 нас. Р.: А.Н.Лявданский (1930, 3 кург.). Ингумации. [164. С. 53; 46. С. 298]. 43. **Канава,** д.. Журавичский с/с. На В окраине д. к сер. 1970-х было 38 кург. О.: А.Г.Митрофанов (1976) [164, С. 53.; 45. С. 301. № 1594]. 44-45. **Кистени,** д., ц. с/с. 44) Рядом с гор. (прав. бер. Днепра) на огородах находили глин. урны с пережженными костями. Вероятно, здесь расположен грунт. мог. трет. четв. I тыс. н. э. [21. С. 20]. 45) Сел. ЖВ, XI-XIII вв. на прав. бер. Днепра. Пл. 300x90 м [52. С. 151]. 46. **Колодцы**, д., Запольский с/с. Уд. 20 кург. [43. С. 124]. 47-50. **Колосы,** д., Запольский с/с. 47-48) В к. XIX в. у д. было 165 кург. К 1980-м в 0,5-1 км СЗ дер. на правом бер. Друти по дороге в д. Костешов было 85 нас. Р.: М.В. Фурсов, С.Ю.Чоловский (1892, 3 кург.). А.Д.Коваленя (1929, 1 кург.). Ингумации. Р.: А.Н.Плавинский, В.Н.Рябцевич (1982, 14 кург.). Ингумации с инвентарем дреговичского типа. Под кург. 2 открыто грунт. трупосожжение V-VII вв.[426. С. 236-345; 8. С. 148; 46. С. 294]. 49) Примерно в 1 км к С от д. в ур. Курганье, на прав. бер. р. Друть, рядом с кург. пос. КВ, перв. пол. и трет. четв. I тыс. н. э. О.: А.Д.Коваленя (1928). О.Н.Мельниковская (1957) [44. С. 290. № 800]. 50) Сел. ЖВ и XI-X1II вв. на мысу тер. прав. бер р. Друть. Пл. 130x60 м [52. С. 151]. 51. **Курганье,** д., ц. с/с. В к. XIX в. у д. был мог. из 32 кург. О.: А.Н.Лявданский (1930). В 1976 А.Г.Митрофанов констатировал наличие 26 кург. в 0,5-0.6 км к В от д. [164. С. 51; 45. С. 303. № 1606]. 52. **Лейчицы,** д., Тихиничский с/с. В 2 км отд., в 1924 отмечались кург. [43. С. 125. № 435]. 53-61. **Лучин,** д., центр с/с. 53) По данным к. XIX в. при д. имелось 120 к. Р.: Е.Р.Романов (1905, 6 кург.). Ингумации. Оставшиеся 5 кург. сохранялись в 1970-х. О.: А.Д.Коваленя (1928), А.Г.Митрофанов (1976) [164. С. 52; 19. С. 9-11; 45. С 303. № 1608]. 54-55) В д. имеются остатки двух мысовых гор. Оба сооружены в РЖВ и функционировали в XII-XIII вв. Гор. Лучин I расположено на коренном бер. Днепра, на С окр. д., в ур. Попова Гора. В сер. 1970-х площадка имела размер ок. 120x50 м. Она укреплена подковообразным валом. Выявлена кер. РЖВ и круг. XII-XIII вв., обл. стекл. браслетов, жел. наконечники стрел и др. Гор. Лучин II имеет пл. ок. 0,6 га, защищено двумя валами. О.: Е.Р.Романов (1890-е). А.Д.Коваленя (1928), П.Ф.Лысенко, Л.Д.Поболь (1960-е) и др. [164. С. 52; 43. С 124-125; 8. С 17; 46. С. 378]. 56) В к. XIX в. выявлен клад, в состав которого входили серебряные гривны. браслеты, височные кольца и пр. [19. С.9]. 57) Сел. ЖВ и XI-XIII вв. с 3 стороны гор. Лучин 1 Пл. примерно 1,5 га [46. С. 378]. 58) Пос. КВ, БВ, трет. четв. I тыс. н. э., X-XIII вв. в левобережье Днепра, в ур. Борок Семиновский. Пл. ок. 1,5 га. Р.: И.И.Артеменко (1957-58, 103 кв. м). И.Н.Езепенко (1999) [44. С. 290. № 804; 52. С. 151, 155]. 59) Сел. на месте ран. стоянок в левобережье Днепра, в ур. Узвалье. Р.: И.И.Артеменко (1956-57, 310 кв. м), И.Н. Езепенко (199-1. 200 кв. м) [52. С. 151]. 60) Сел. ЖВ, X-XIII вв. на месте ран. стоянок в левобережье Днепра, в ур. Дедков Борок. Пл. ок. 1,5 га [52. С. 151]. 61) Сел. ЖВ, XI-XIII вв. на месте ран. стоянок в

левобережье Днепра, в ур. Борок. Пл. 1,5 га [52. С. 151]. 62. **Мадора**, д., Кистеневский с/с. По свед. 1873 между Мадорой и Кистенями было 164 кург. В 1930-х по дороге в Кистени было 56 кург. Р.: А.Н.Лявданский, С.А.Дубинский (1930, 1 кург.). Кремация. Р.: Г.Ф.Соловьева (1967, 6 кург.). Ингумации. К 1970-м мог., расположенный в 0,5-1 км СВ д., насчитывал примерно 25 кург. Р.: А.Н.Плавинский, В.Н.Рябцевич (1977-79, 7 кург.). Ингумации [164. С. 51; 43. С. 124-125; 46. С. 388]. 63. **Надейковичи,** д., Дворецкий с/с. Пос. КВ, БВ, XI-XIII вв. на мысу левобережной тер. Добысны. Пл. 250x120 м [52. С. 152]. 64. **Новый Кривск,** д., Курганский с/с. Мог. в 1,5 км на В от д. В 1960-х насчитывал 70 нас. Р.: Г.Ф.Соловьева (1966, 22 нас). Кремации и ингумации [46. С. 466]. 65-68. **Озераны,** д., ц. с/с. 65) Мог. в 1,5 км на Ю от д. В 1976. А.Г.Митрофанов обследовал 39 кург. [45. С. 290. № 1527]. 66) Городище-святилище на С окр. д. на прав. бер. Друти, в ур. Катина Гора. Площадка округлой формы диам. 15 м. С напольной стороны — два вала и рва [333. С. 234]. 67) Пос. Озераны II КВ, БВ, XI-XIII вв. (пл. 200x150 м) на правобережной тер. Друти у городища-святилища. О.: Н.И.Бруевич (2004) [333. С. 234; 52. С. 150]. 68) Сел. Озераны III ЖВ, XI-XIII вв. (пл. 120 x70 м) на прав. бер. Друти [52. С. 151]. 69. **Остров**, д. Поболовский с/с. Сел. XII-XVI вв. (пл. 150x100 м) на склоне прав. бер. р. Добысны [52. С. 151]. 70. **Перекоп,** д., Курганский с/с. В 0,5 км от д. на лев. бер. р. Ржавка сел. ЖВ и ДР. Пл. 2 га. О: Л.Д.Поболь (1962) [43. С. 125. № 441]. 71. **Поболово**, д., центр с/с. По дороге в д. Красный Берег в 1924 было 70 кург. В 0,4 км Ю д. Репки поле, на лев. бер. Добысны, к сер. 1970-х сохранялось 62 кург. О.: П.Ф.Лысенко (1967), А.Г. Митрофанов (1976) [43. С. 125. № 442; 45. С. 306. № 1633]. 72. **Поделы,** д., Столпянский с/с. 42 кург. [52. С. 179]. 73-78. **Рогачев,** г. Впервые упоминается в летописи под 1142. 73) Мысовое гор. при впадении Друти в Днепр в ур. Замковая Гора. Площадка треугольной формы возвышается над поймой на 11-12 м, защищена с напольной стороны дугообразным валом и рвом. Ее размер 125x90 м. Р.: П.Ф.Лысенко (1967, 112 кв. м), Э.М.Загорульский (1973. 75-76. 1280 кв. м). Гор. имеет отложения БВ, РЖВ. Основные материалы датируются средневековьем. Согласно А.Н.Вагановой, восточнославянское пос. возникло в к. I — нач. II тыс. н. э. К древнерусскому пер. относятся жел. ножи, серпы, резцы, ножницы, топоры, зубила, замки, ключи, кресала, писало, наконечники стрел, шпоры, удила, стекл. бусы, браслеты и др. [45. С. 287. № 1509; 46. С. 529]. Пос. БВ, ЖВ, посад г. XI-XVIII вв. расположены в 50-150 м к С от гор. О.: Л.Д.Поболь (1967), А.Н.Рыкунов (1970-е — 1990-е)[45. С. 287. № 1509: 46. С. 529; 52. С. 150]. 74) Пос. Комарин КВ, БВ, XI-XIII вв. пл. 0,8 га на В бер. оз. Комарин на склоне тер. [52. С. 150]. 75) Мог. из 15 кург. на бер. оз. Комарин в левобережье Днепра [52. С. 150]. 76) Сел. Прорва II XI-XIII вв. в пойме левого берега Днепра на всхолмлении, на месте пос. КВ. БВ. Пл. ок. 0,24 га. Р.: И..Н.Езепенко (1994-96, 98, 341 кв. м) [52. С. 21, 150]. 77) Сел. Прорва IV X-XIl1 вв. в пойме левого бер. Днепра на всхолмлении, на месте пос. КВ, БВ. Пл. ок. 2 га. Р.: И.Н.Езепенко (1996, 99, 172 кв. м) [52. С. 21, 150] 78) При случайных обстоятельствах в г. найден дирхам IX в. [425. С. 79-82]. 79. **Рысково,** д., Курганский с/с. В 1873 г. в 2 вер. от д. было 2 кург. [164. С. 53]. 80. **Свержень,** д., Довский с/с. В нач. XX в. у д. были кург. [43. С. 126. № 447]. 81. **Серебрянка,** д., Довский с/с (Федорово). Мог. из 15 нас. в 1 км ЮЗ д. в лесу. В к. XIX в. один кург. раскопал А.В.Прахов. Трупоположение [45. С. 306. № 1636]. 82. **Староселье,** д.. Болотнянский с/с. 11 кург. [43. С. 126. № 449]. 83. **Хатовня,** д., Журавичский с/с (Пахарь). В 1873 кург. были в ур. Зимница. В 1976 А.Г.Митрофанов отметил ок. 30 нас. [164. С. 51; 45. С. 305. № 1624]. 84-87. **Хмеленец,** д., Довский с/с. Памятники часто привязываются к соседней д. Юдичи. 84) В 1873 у д. отмечено 58 кург. В 1962 и 1967 Л.Д.Поболем в 1 км ЮЗ д. осмотрены 2 группы кург. по 10 насыпей в каждой. Возможно, информация дублируется привязкой памятника к д. Юдичи (см. ниже) [164. С. 51; 43. С. 126. № 452]. 85) Гор. в излучине бер. безымянного руч. Площадка круглая диам. 35 м, окружена валом и рвом. О.: А.Н.Лявданский (1930), Л.Д.Поболь (1962, 1967) [43. С. 126. № 452]. 86) Сел. с лепн. и круг. кер. рядом с гор. О.: А.Н.Лявданский, И.А.Сербов (1930), Л.Д.Поболь (1962, 1967). В колл. ИИ НАН Беларуси (№ 699) хранятся материалы обследований 1930, которые представлены лепн. кер. трет. четв. I тыс., раннекруг. IX-X вв., круг. посудой XI-XIII вв. и др. Пл. ок. 250x150 м [43. С. 126. № 452]. 87) Остатки мог. (ок. 10 нас.) сохранялись на площадке сел. В 1930 несколько кург. с ингумациями исследовано А.Н.Лявданским и И.А.Сербовым. 88-93. **Ходосовичи,** д., ц. с/с. 88-89) Остатки сел.-I и святилища в 3,5 км на 3 от д., на левобережье Днепра при устье руч. Р.: Г.Ф.Соловьева, А.В. Куза (1969-70). Слой пос. содержит материалы КВ, БВ, колочинской культуры, единичные обломки лепн. кер. роменского типа, раннекруг. и круг. кер. IX-XI вв. Открыты 2 углубленных жилища с кер. роменского типа. По мнению авторов раскопок, на последнем этапе существования сел. (X-XI вв.) здесь располагалось святили-

ще, представленное двумя комплесами из кольцевидных канавок и ям. Со святилищем связано углубленное жил. X в. [79. С. 146-153]. 90). Сел.- II в 3,5 км на З от д., на левобережье Днепра. на Ю оконечности оз. Доброе (Святое) Р.: Г.Ф.Соловьева (1969). Слой содержит преимущественно круг. кер. к. X — начала XIII вв., встречается лепн. кер. роменского типа. В 1970-80 площадка попорчена карьером. Рядом с пос. мог.- II. 91). Мог.- I (ранее насчитывал более 100 нас, к сер. 1970-х было ок. 55 в 3,5 км к З от д., на левобережье Днепра, на бер. оз. Доброе (Святое). Расположен в лесу, на окр. надп. тер. С С примыкает к святилищу и сел.- I. Р.: И.И.Артеменко (к. 1950-х — н. 1960-х, несколько кург.), Г.Ф.Соловьева, С.С.Ширинский (1969, 6 кург.). Эпоха бронзы и XI-XII вв. Средневековые погр. — ингумации [414. С.304-305; 45. С. 309. № 1658]. 92) Мог.- II в 3,5 км к З от д., на бер. оз. Доброе (Святое), в лесу. Расположен примерно в 0,5 км ЮВ мог.- II, в ур. Мошка Вторая. К сер. 1970-х сохранялось 12 кург. Р.: И.И.Артеменко (к. 1950-х — н. 1960-х, несколько кург.), Г.Ф.Соловьева, С.С.Ширинский (1969, 7 кург.). Эпоха бронзы и XI-XII вв. В средневековых кург. ингумации на горизонте и в ямах. [45. С. 309. № 1658]. 93) Мог.- III в 3 км к З от д. по лесной дороге к оз. Доброе (Святое). К сер. 1970-х сохранялись 32 кургана. Р.: И.И.Артеменко (к. 1950-х — н. 1960-х, несколько кург.), Г.Ф.Соловьева, С.С.Ширинский (1969, 5 кург.). Эпоха бронзы и VIII-XII вв. В 1990-х многие кург. разграблены кладоискателями [45. С. 309. № 1658]. 94. **Хомичи,** д., Запольский с/с. Сел. ЖВ и XI-XIII вв. на правобережной тер. р. Друть. Пл. 180x80 м [52. С. 152]. 95-96. **Шапчицы,** д., Звонецкий с/с. 95) В к. XIX в. отмечено 8 кург. О.: Л.Д.Поболь (1962). 96) Возле д. был найден клад дирхамов [314. С. 38. № 22]. 97. **Щибрин,** д., Старосельский с/с. На прав. бер. Днепра пос. БВ, ЖВ, трет. четв. I тыс. н. э., X-XI вв. Находится в 0,5-1 км Ю д. Пл. 0,5x0,1 км [44. С. 292. № 822]. 98-101. **Юдичи,** д, Довский с/с. 98) Мог. Из 169 кург. в 0,5 км Ю д. О.: Е.Р.Романов (1890), А.Н.Лявданский (1930). Р.: Г.Ф.Соловьева (1968, 10 нас), А.Н.Плавинский и В.Н.Рябцевич (1979-80, 15 нас.). Ингумации с инвентарем радимичского типа [427. С. 34-36; 45. С. 310-311. № 1669; 46. С. 669]. 99-100) Мог. в 0,5 км на ЮВ от д. в лесу. Ок. 40 нас. Ингумации. Кург. насыпаны на месте сел. с лепн. кер. колочинского типа и раннекруг. О.: А.Н.Плавинский и В.Н.Рябцевич (1980) [164. С. 51; 45. С. 310-311. № 1669; 46. С. 669]. 101) Сел. в 0,5 км ЮВ д., на мысу бер. водохранилища. Пл. 0,25 га. О.: А.Н.Плавинский и В.Н.Рябцевич (1980). Выявлена кер. ЖВ и XI-XIII вв. [46. С. 669; 52. С. 152]. 102) Мысовое гор. (ок. 0,2 га) содержит материалы ЖВ и XI-XIII вв. Известно с к. XIX в. О.: В.Н.Рябцевич и А.Н.Плавинский (1980-е).

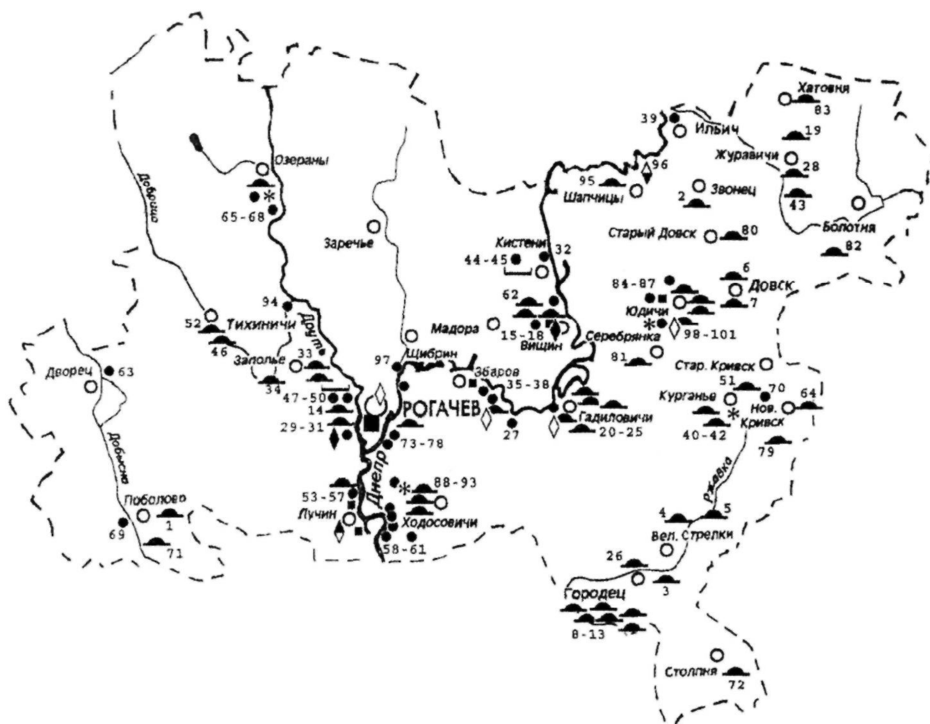

Рисунок 132 — Рогачевский р-н.
Карта памятников V-XIII вв. Нумерация соответствует нумерации «Каталога».
Условные обозначения см. на рисунке 123

Светлогорский р-н

1. **Великий** Бор, д., Полесский с/с. В 1,5 км на Ю от д. отмечено 2 кург. О.: Н.Н.Дубицкая (1981) [45. С. 337. № № 1824]. 2. **Верхлесье,** д., Козловский с/с. В 1 км на С от д. в ур. Курганье 46 кург., большая часть которых повреждена. О.: Е.Г.Калечиц (1976), Н.Н.Дубицкая (2003) [45. С. 337. № 1825]. 3. **Давыдовка**, д., ц. с/с. Кург. Уничтожены [52. С. 178]. 4. **Залье**, д. Давыдовский с/с. 26 кург. в 1,2 км на ЮЗ от д., в лесу. О.: Н.Н.Дубицкая (1981) [45. С. 338. № 1833]. 5. Заречье, д., Полесский с/с. Известно 3 кург. [52. С. 178]. 6. **Затон,** д., Боровиковский с/с. Сел. ЖВ и XI-XIII вв. на дюне в пойме прав. бер. Березины. Пл. 80х60 м [52. С. 152]. 7-9. **Здудичи,** д., Чирковичский с/с. 7) В 1 км на С от дер. одиночный кург. О.: В.П.Ксензов (1976) [45. С. 338. № 1836]. 8) Сел. X-XIII вв. на прав. бер. Березины. Пл. 70х50 м [52. С. 152]. 9) Сел. X-XIII вв. на первой надпойменной тер. прав. бер. Березины. Пл. 135х65 м [52. С. 152]. 10. **Ковтичи Вторые,** д., Красновский с/с. На СЗ окр. д. в ур. Курганье мог. из 228 нас. О.: Е.Г.Калечиц (1976) [45. С. 339, № 1845]. 11. **Красновка**, д., ц. с/с. Одиночный кург. в 1,5 км на ЮЗ от д. О.: Н.Н. Дубицкая (1983) [45. С. 340. № 1846]. 12. **Липники,** д., Козловский с/с. В 0,3 км к С от д. 10 кург. О.: Н.Н.Дубицкая (1981) [45. С. 340. № 1848]. 13. **Михайловка,** д., Козловский с/с. Сел. IX-XIII вв. на прав. бер. Березины. Пл. 50х30 м [52. С. 152]. 14. **Новая Белица,** д., Козловский с/с. Сел. XI-XIII вв. на прав. бер. Березины. Пл. 160х80 м [Кошман. 52. С. 152]. 15. **Прудок,** д., Козловский с/с. Пос. разных эпох, в т. ч. трет. четв. I тыс. н. э. и XI-XIII вв. в 2 км на В от д. у старицы прав. бер. Березины. Пл. 1,2 га. О.: В.П.Ксензов (1976), Р.: Н.Н.Дубицкая (1982, 1987, 302 кв. м) [45. С. 342. № 1867; 52. 2008. С. 152]. 16. **Селищи,** д., Боровиковский с/с. 67 кург. на СЗ от д. О.: Е.Г.Калечиц (1976) [43. С. 126. № 462: 45. С. 343. № 1873]. 17. **Скалка,** д., Козловский с/с. Пос. БВ, ЖВ и X-XVII вв. на прав. бер. Березины. Пл. 200х90 м [52. С. 152]. 18.

Рисунок 133 — Светлогорский р-н.
Карта памятников V-XIII вв. Нумерация соответствует нумерации «Каталога».
Условные обозначения см. на рисунке 123

Славань, д., Асташковичский с/с. Мог. из 22 нас. в 2 км на З от д. О.: Н.Н.Дубицкая (1981) [52. С. 343, № 1876]. 19-20. **Хутор,** д., Боровиковский с/с. Два кург. мог. О.: Н.Н.Дубицкая (2003) [422. 2004. С. 281]. 21-22. **Чернин,** д., Николаевский с/с. У д. два мог., в каждом по 2 кург. [52. С. 152]. 23. **Якимова Слобода,** д., Боровиковский с/с. Сел. ЖВ и XI-XII вв. на прав. бер. Березины. Пл. 150х80 м. XI-XIII вв. [52. С. 1 52].

Чечерский р-н

1. Бабичи, д., Нисимковичский с/с. По дороге в д. Покоть 8 кург. О.: М.А.Ткачев (1976) [21. С. 26; 45. С. 360. № 1990]. 2. **Бартоломеевская Рудня,** д., Сидоровичский с/с. В к. XIX — нач. XX вв. был
км на Ю от д. О.: М.А.Ткачев (1976) [45. С. 360. № 1996]. 4) 28 кург. в 1,5 км СЗ д. О.: М.А.Ткачев (1976) [45. С. 360. № 1996]. 5-8. **Бердыж,** д., Ленинский с/с. 5) Мог. на поле в 100-150 м к З от д. Р.: А.Н.Лявданский, С.А.Дубинский, К.М.Поликарпович (1928, 2 кург.). Э.М.Загорульский (1961). Ингумации. В 1976 сохранялось ок. 50 кург. [45. С. 360. № 1992]. 6-7) Мог. из нескольких кург. к Ю от д., за оврагом (известен также как «Подлужье»). Р.: С.А.Дубинский, И.Х.Ющенко (1927, 4 кург.) Сожжения. Вероятная дата — трет. четв. I тыс. н. э. Насыпан на месте пос. ЖВ и ран. средневековья [64. С. 298. № 892]. 8) В 0,5 км к С от д. на дюне (ур. Коковня) грунт. мог. с кремацией и, возможно, сел. О.: К.М.Поликарпович (1927) и др. Собрана лепн. раннесредневековая и круг. кер. ДР [44. С. 297. № 889]. 9. **Болсуны,** д., Полесский с/с. Е.Р.Романов отмечал 32 кург. в двух группах [164. С. 56; 21. С. 26]. 10. **Ботвиновка,** д., Меркуловичский с/с («Ботвиново»). 18 кург. в поле. Р.: Г.Ф.Соловьева (1967, весь мог.). Ингумации с радимичским инвентарем [276. 1982. С. 75-80]. 11. **Будище,** д., Сидоровичский с/с. У д. на р. Колпита кург. [43. С. 127. № 480]. 12. **Волосовичи,** д., Сидоровичский с/с. 43 кург. в 0,7 км к З от д. О.: М.А.Ткачев (1976) [164. С. 56; 21. С. 26; 45. С. 360. № 1998]. 13. **Гаек,** п., Нисимковичский с/с. Сел. перв. пол. I тыс. н. э., XI-XIII вв. в 0,4-0,5 км ЮВ п. на сниженной площадке тер. прав. бер. Покоти. Распахивается. О.: О.А.Макушников (1982) [158. С. 139]. Несколько десятков кург. в лесополосе по дороге Гаек — Нисмковичи (см. Нисимковичи) [21. С. 26; 158. С. 139]. 14-15. **Городовка,** д., Залесский с/с. 14) При впадении Покоти в Сож было ок. 20 кург. К 1976 в 0,5 км к Ю от д. сохранялось 13 нас. О.: К.М.Поликарпович (1926). М.А.Ткачев (1976) 15) Одиночный кург. «Аленина могила» в 2 км к Ю от д. О.: М.А.Ткачев (1976) [418. С. 168; 45. С. 360, № 1999]. 16. **Дубовица,** д., Холочский с/с. В 0,5 км к В от д., в 1,5 км к Ю от Шепотовичей на левобережной тер. Липы сел. с лепн. кер. сахновско-волынцевского и роменского типов, раннекруг. и круг. IX-XIII вв. Пл. ок. 2 га. О.: А.И.Дробушевский (1983) [Сообщение А.И.Дробушевского]. 17-18. **Дудичи,** д., Холочский с/с. 17) Разрушенное городище-святилище в 0,6 км к Ю от д. в пойме прав. бер. Липы на останце тер. выс. до 2,5 м над поймой. Часть памятника уничтожена карьером, сохранившаяся — имеет сегментовидную форму размером 16х8 м. К площадке примыкают два дугообразных в плане вала. На площадке слабовыраженный слой с единичными фрагментами лепн. кер. О.: А.И.Дробушевский (1982) [Сообщение А.И.Дробушевского]. 18) Рядом с гор. на правобережной тер. Липы остатки сел. сер. -трет. четв. I тыс. н. э. О.: А.И.Дробушевский (1982) [Сообщение А.И.Дробушевского]. 19. **Дудичская Рудня,** д., Холочский с/с. На В окр. д. было 164 кург. К нач. 1980-х сохранялось 2 разрушенных кург. [164. С. 56]. 20. **Загорье,** д., Беляевский с/с. На лев. бер. Сожа в ур. Мельникова Грива многослойное пос., в т. ч. с лепн. кер. вт. пол. I тыс. н. э. [44. С. 298. № 897]. 21-27. **Залесье,** д., ц. с/с. 21) Напротив д. на В. бер. оз. Уступ, на гриве в пойме Сожа многослойное пос., в т. ч. со «славянскими черепками». О.: К.М.Поликарпович (1926) [418. С. 196]. 22-23) Л.Д.Поболь, изучив коллекции 1920-30-х из собрания ИИ НАН Беларуси, отметил наличие двух многослойных пос., в т. ч. с материалами вт. пол. I тыс. н. э. [44. С. 298-299, № 902-903]. 24-25) Гор. на лев. бер. Сожа в 0,5 км Ю д. в ур. Городок (Городец) Площадка имеет форму треугольника. Размеры ок. 55х40 м. В 1928 гор. шурфовал (вскрыто 12 кв. м) К.М.Поликарпович. КВ, БВ, РЖВ, трет. четв. I тыс. н. э., ДР. В 1936 к С от гор. А.Н.Лявданский и А.Д.Коваленя открыли многослойное пос., которое содержит и материалы вт. пол. I тыс. н.э. [418. С. 148-152; 62. Л. 114-116]. 26-27) В к. XIX в. на двух бер. Сожа возле д. имелись кург., которые исследовались В.Б.Антоновичем. Ингумации с радимичским инвентарем [21. С. 28]. 28. **Заручье,** д., Полесский с/с Возле д. было 56 кург. Сохранилось 12 нас. к

СВ от д. О.: М.А.Ткачев (1976) [43. С. 128. № 485; 45. С. 361. № 2009]. 29-30. **Ивановка,** д., Ленинский с/с. 29) На прав. бер. Сожа сел. трет. четв. I тыс. н. э. О.: Е.Г.Красковская (1954) [44. С. 299. № 904]. 30) У д. было 7 кург. Р.: А.Н.Лявданский, С.А.Дубинский (1928, 3 кург.). Сожжение и трупоположение. Есть привязка памятника к Себровичам [164. С. 56; 420. С. 280]. 31. **Иполитовка,** д. Чечерский с/с. На прав. бер. Чечеры был 131 кург. Р.: В.И.Сизов (1890, 1924, 2 кург.) [164. С. 51; 43.С. 128. № 486]. 32. **Ключевой,** п., Нисимковичский с/с. Одиночный кург. в 0,5 км к В от п. на лев. бер. Покоти. О.: О.А.Макушников (1984). 33. **Кукличи,** д., Залесский с/с. В нач. XX в. на бер. р. Тянной было 10 кург. [21. С. 26]. 34. **Михайловский,** п., Ленинский с/с. Сел. киевской культуры и ДР в 0,6-0,7 км к Ю от п. на прав. бер. Сожа. О.: А.И.Дробушевский (1982) [Сообщение А.И.Дробушевского]. 35. **Мотневичи,** д., Ровковичский с/с. В нач. XX в. были кург. [43. С. 128. № 489]. 36-43. **Нисимковичи,** д., ц. с/с. 36-37) Многослойное пос. Нисимковичи I в 0,35 км к ЮВ от д. на лев. бер. Покоти. К средневековью относится сел. колочинской культуры (пл. 140х50 м), грунт. мог. с кремацией X в. и ингумацией XII-XIII вв. Р.: О.А.Макушников (1982-83, 298 кв. м) [99. С. 168-187; 158. С. 139-146]. 38) Многослойное пос. Нисимковичи II в 0,25-0,35 км к ЮВ от д. на останцированном участке тер. прав. бер. Покоти. Средневековый слой содержит материалы и объекты трет. четв. I тыс. н. э., роменской культуры, древнерусские X в. Пл. ок. 3 га. Р.: О.А.Макушников (1982, 1984-85, 1208 кв. м). Исследовано два жилища сер.-трет. четв. I тыс. н. э., остатки металлургического горна X в. и др. В к. X — н. XI вв. площадка поселения перекрыта кург. мог. [102. С. 165-174]. 39) Многослойное пос. Нисимковичи III в 0.7-0,8 км к Ю от д., в ур. Белая Круча на левобережной тер. Покоти. Пл. ок. 110х50 м. К средневековью относятся остатки полуземлянки и хозяйственных объектов трет. четв. I тыс. н. э. и X — нач. XI вв. Р.: О.А.Макушников (1985, 94 кв. м) [117. С. 13]. 40) Признаки сел. Нисимковичи IV на огородах в ЮВ части д. В нач. 1980-х при случайных обстоятельствах выявлена кер. XI-XIII вв. и обл. бронз. двускатнопластинчатой шейной гривны к. X — нач. XII вв. [158. С. 139]. 41) В 0,4-0,5 км ЮВ д. в ур. Курган на тер. лев. бер. Покоти гор. РЖВ. С.Е.Рассадиным в 1982 обнаружено бронз. семилапчатое височное кольцо. 42-43) Близ д. 2 мог. В к. XIX в. насчитывалось 225 кург. Мог.- I к. X — нач. XII вв. с трупоположениями на горизонте и подсыпке в 0,20-0,35 км ЮВ д. по двум бер. Покоти. К нач. 1980-х сохранялось 53 нас. в левобережной и 23 — в правобережной группах. Р.: Е.Р.Романов (1880-е, 7 нас), В.В.Богомольников (1981, 17 кург.), В.В.Богомольников и О.А.Макушников (1984-85, 4 кург.). Инвентарь радимичский. Мог. — II насчитывает несколько десятков кург. в лесополосе по дороге Гаек — Нисимковичи. Много кург. разрушено. О.: О.А.Макушников (1982) [21. С. 26; 117. 1988]. 44. **Нисимковичская Рудня,** д., Нисимковичский с/с. На бер. Покоти было до 10 кург. [21. С. 26]. 45-46. **Оношки,** бывш. д. 45) На лев. бер. Сожа было 2 кург. Уничтожены [21. С. 28]. 46) В 1.5 км к ССВ от Городовки в ур. Оношки (Выгон) у В бер. оз. Дратунь на левобережной тер. Сожа многослойное пос., в т. ч. с кер. ДР. Пл. ок. 100х30-50 м. О.: И.И.Артеменко (1965), В.А.Литвинов, А.И.Дробушевский (1984). 47. **Осиновка,** д., Сидоровичский с/с. Е.Р. Романов отмечал 32 кург. в двух группах на р. Сусловке. В 1976 М.А.Ткачев обследовал две кург. группы в ур. Сутоки. Расположены в 1,4 км к В от д. 13 и 5 нас. [164. С. 56; 21. С. 26; 45. С. 359. № 1988]. 48. **Отар,** д.. Чечерский с/с. По дороге к Турищевичам были кург. [43. С. 128. № 494]. 49-50. **Покоть,** д., Залесский с/с 48) По свед. 1873 в 1 вер. от д. на прав. бер. Покоти имелось распаханное гор., возле которого было 13 кург. [164. С. 55-56; 21. С. 26]. 49) В 1923/24 в д. обнаружен клад монет, из состава которого известны дирхамы 777/778 и 797/798 [Сообщение В.Н.Рябцевича]. 51-52. Полесье, д., ц. с/с 51) В нач. XX в. в лесу по направлению к д. Будище было 50 кург. [21. С. 26]. 52) Предполагаемое городище-святилище в 1,5 км к В от д. Осиновка на лев. бер. Покоти. Площадка полукруглая. Выс. над водой 6,5 м, окружена валом и рвом. Есть привязка памятника к Осиновке. О.: М.А.Ткачев (1976) [45. С. 359. № 1988а]. 53. **Ровковичи,** д., ц. с/с. В 1 км к С от д. 30 кург. О.: Е.Р.Романов (нач. XX в.), М.А.Ткачев (1976) [45. С. 363. № 2001]. 54-55. **Сидоровичи,** д., ц. с/с 54) Предполагаемое городище-святилище «Курган» в 3 км от д. на прав. бер. Покоти. Площадка овальная размером 30х25 м, охвачена подковообразным валом. О.: М.А.Ткачев (1976), В.В.Богомольников (1981) [164. С. 56; 45. С. 364. № 2023а]. 55) Е.Р.Романов отмечал ок. 70 кург. в ур. Черепоножи [164. С. 56; 21. С. 26]. 56. **Сапрыки,** д., Чечерский с/с (памятники также привязываются к д. Глубочица). Мог. расположен в лесу между Сапрыками и Глубочицей. В 1924 С.Х.Боборыкин насчитал 104 нас., раскопал 2 кург. с ингумацией [43. С. 129. № 505]. 57-58. **Себровичи,** д., Ленинский с/с 57) На Ю окр. д. на мысу правобережной тер. Сожа при устье р. Деменка многослойное пос. К ДР относится круг. кер. и обл. бронз. браслета. Пл. бол. 1 га. Испорчено карьером. О.:

К.М.Поликарпович (1926), А.И.Дробушевский (1982). Р.: А.Н.Лявданский, С.А.Дубинский (1928) [420. С. 277, 280]. 58) К С от «бобрового заповедника» на окр. дубового леса на всхолмлении 2 кург. О.: А.Н.Лявданский, А.Д.Коваленя (1936) [62. 1936. Л. 118]. 59. **Турищевичи,** д., Чечерский с/с. В 1873 на Ю окр. д. на кладб. был 81 кург. Р.: В.Б.Антонович (1890, 17 нас). [164. С. 57; 62. Л. 113; 43. С. 129. № 506]. 60-61. **Чечерск**, г. 60) В историческом центре г. остатки летописного Чичерска, впервые упомянутого под 1159. Гор. «Замковая Гора» на мысу высокого плато, образованного прав. бер. Сожа и р. Чечеры. Имеет кругообразную форму. Пл. ок. 0,5 га. С напольной стороны прослеживается вал и ров. Р.: А.Н.Лявданский, С.А.Дубинский (1928), М.А.Ткачев (1975, 220 кв. м), В.В.Богомольников (1981, 108 кв. м), И.М.Чернявский (1981-82, ок. 110 кв. м). В основании культ. слоя залегают материалы эпохи бронзы и РЖВ. Укрепления сооружены не позднее X в. Кер. сахновско-волынцевского и роменского типов, ДР и более поздняя. Выявлены жел. сошники, коса-горбуша, серп, шиф. пряслица, фрагменты стекл. браслетов, стекл. бусы, кам. крестик, медный образок, жел. наконечники стрел, арбалетные болты и др. Окольный город развивался к Ю от детинца на пл. бол. 2 га. В шурфах М.А.Ткачева (1975) слой с кер. XI-XVIII вв., обломками стекл. браслетов, шиф. пряслицами. По данным М.А.Ткачева укрепления окольного города существовали уже в XI в. [420. С. 280; 167. С. 127-133; 35. С. 427; 46. С. 644-645] 61) В ур. Вир были кург. Р.: В.Б.Антонович (к. XIX в.). С.Х.Боборыкин (1924). Исследовано 7 кург. Трупоположения с радимичским инвентарем [43. С. 130. № 507]. 62-63. **Шепотовичи,** д., Ленинский с/с. 62) По данным 1873 при д. имелось 4 кург. [164. С. 56] С. 56). 63) Сел. XII-XIII вв. к В от д. на дюне (ур. Груд) в пойме прав. бер. Сожа. О.: А.И.Дробушевский (1983). 64. **Шоховка**, бывш. п., Ленинский с/с. (слился с п. Вознесенский). В нач. XX в. был кург. [21. С. 26].

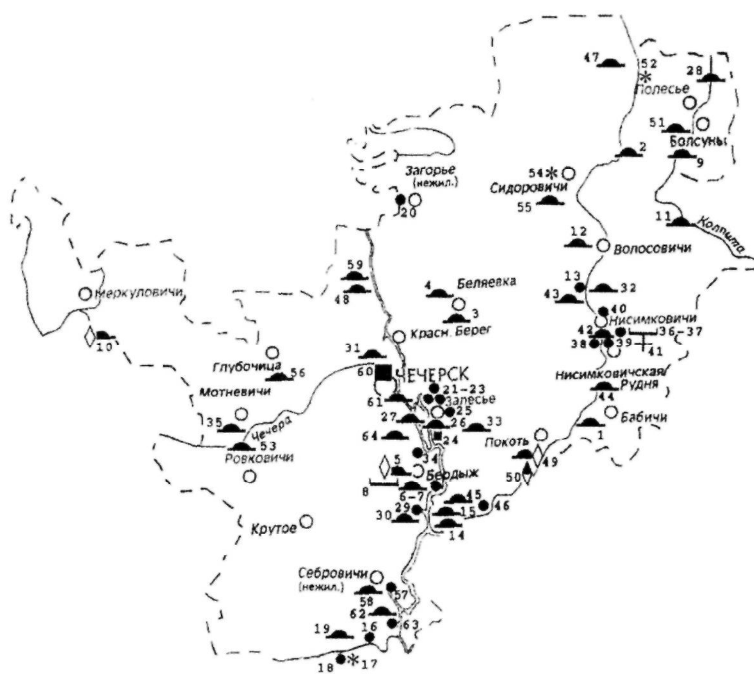

Рисунок 134 — Чечерский р-н.
Карта памятников V-XIII вв. Нумерация соответствует нумерации «Каталога».
Условные обозначения см. на рисунке 123

Научное издание

МАКУШНИКОВ Олег Анатольевич

ГОМЕЛЬСКОЕ ПОДНЕПРОВЬЕ В V — СЕРЕДИНЕ XIII ВВ.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ

Монография

В авторской редакции

Лицензия № 02330/0549481 от 14.05.09.
Подписано в печать 27.10.09. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 25,34.
Уч.-изд. л. 22,07. Тираж 100 экз. Заказ 363.

Отпечатано с оригинала-макета на ризографе
учреждения образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»
Лицензия № 02330/0150450 от 03.02.09
246019. г. Гомель, ул. Советская, 104